АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

А.С. ГрибоѢдовъ

ТОМЪ

I

37.18.7.6-7

Академическая Библіотека Русскихъ Писателей
Выпускъ 7-й.

Полное собраніе сочиненій
А. С. Грибоѣдова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина.

Изданіе
Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
1911.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1911 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Печатано въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ и въ Государственной Типографіи.
Автотипіи и всѣ клише исполнены у Р. Голике и А. Вильборга.
Бумага—Т-ва Красносельской Писчебумажной фабрики насл. К. П. Печаткина.
Шрифтъ—Словолитни Г. Бертгольда.
Переплетныя работы Государственной Типографіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Отъ редакціи . . . . . .

А. С. Грибоѣдовъ. (Біографическій очеркъ) . I—CXLVII

— Глава I. Въ семьѣ (стр. I).—Гл. II. Въ школѣ (стр. VIII). Гл. III. Военная служба (стр. XVII).—Гл. IV. Въ Петербургѣ (стр. XXI).—Гл. V. На Востокѣ (стр. XXX).—Гл. VI. На родинѣ (стр. XLV).—Гл. VII. Путешествіе чрезъ Кіевъ и Крымъ на Кавказъ (стр. LVIII).—Гл. VIII. Подъ слѣдствіемъ (стр. LXIII).—Гл. IX. Дипломатическая служба (стр. LXXIII).—Гл. X. Женитьба. Смерть (стр. LXXXVI).—Гл. XI. Черты характера, духовные интересы и общественные взгляды (стр. CII).—Гл. XII. Литературная дѣятельность (стр. CXXVII).

I. Стихотворенія А. С. Грибоѣдова.

	Текстъ	Прим.
1. Отъ Аполлона	3	275
2. Лубочный театръ	3	276
3. Эпитафіи доктору Кастальди	5	278
4. Давидъ	5	278
5. *** „Крылами порхая, стрѣлами звеня!“	6	279
6. Романсъ	6	279
7. Отрывокъ изъ Гёте	9	279
8. Телешовой	13	280
9. Хищники на Чегемѣ	15	281
10. Освобожденный.	17	282
11. А. О. [Кн. А. И. Одоевскому]	18	283
12. *** „Тамъ, гдѣ вьется Алазань“	18	284
13. Прости, отечество!	19	284
14. Кальянчи	20	285
15. Домовой	22	286

Стихотворенія, приписываемыя А. С. Грибоѣдову.

1. Эпиграмма	23	286
2. [Стихотвореніе—письмо М. Н. Загоскину]	23	286
3. Экспромптъ	23	287

	стр. Текстъ	Прим.
4. Востокъ.	23	287
5. Душа.	25	288
6. Элегія	26	288

II. Драматическія сочиненія.

1. Молодые супруги	29	289
2. Студентъ	65	290
3. Отрывокъ изъ комедіи „Своя семья, или Замужняя невѣста“	153	293
4. Притворная Невѣрность	167	295
5. Проба интермедіи	206	297
6. Юность вѣщаго.	212	297
7. Кто братъ, кто сестра, или обманъ за обманомъ. . . .	213	298
8. [Діалогъ половецкихъ мужей]	254	300
9. Радамистъ и Зенобія	256	300
10. 1812 годъ.	262	301
11. Грузинская ночь	266	302

III. Примѣчанія.

1. Къ стихотвореніямъ	273
2. Къ драматическимъ сочиненіямъ.	289

— Проф. С. К. Буличъ. А. С. Грибоѣдовъ—музыкантъ	305

Портреты, рисунки, факсимиле.

А. С. Грибоѣдовъ. Съ акварели акад. В. И. Мошкова (?). Собственность В. К. Станишева. (Воспроизводится впервые)	I
А. С. Грибоѣдовъ. Съ гравюры .Н Уткина (20 октября 1829 года)	1
Памятникъ А. С. Грибоѣдову (работы академика В. А. Беклемишева) въ Императорской Россійской Миссіи въ Тегеранѣ.	XCVII
Внутренній дворъ Армянской церкви въ Тегеранѣ, съ братской могилой погибшихъ 30 января 1829 г. .	CV

	стр.
Факсимиле автографа стихотворенія „Крылами порхая“.	7
Факсимиле автографа романса „Ахъ! точно-ль“ . .	8
Факсимиле автографа стихотворенія „Прости, отечество!“ (къ стр. 19)	17
Факсимиле первыхъ двухъ страницъ перваго изданія комедіи „Молодые супруги“ (1815)	29—30
Факсимиле первыхъ двухъ страницъ рукописи комедіи „Студентъ“ (автографъ П. А. Катенина) . .	65
Факсимиле первыхъ двухъ страницъ перваго изданія комедіи „Своя семья, или Замужняя невѣста“ (1818).	153—154
Факсимиле первыхъ двухъ страницъ перваго изданія комедіи „Притворная невѣрность“ (1818) . .	165—166
Факсимиле первыхъ двухъ страницъ рукописи „Пробы интермедіи“ (къ стр. 206).	209
Факсимиле первыхъ двухъ страницъ рукописи оперы—водевиля „Кто братъ, кто сестра“ (къ стр. 213) .	217
Вальсъ А. С. Грибоѣдова E-moll (первая и вторая редакціи).	313
Вальсъ А. С. Грибоѣдова As-dur	325

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Основныя задачи, цѣли и общій планъ „Академической Библіотеки русскихъ писателей“ изложены въ предисловіяхъ къ изданіямъ сочиненій Кольцова и Лермонтова, составляющихъ первые выпуски „Библіотеки“.

Изданіе сочиненій А. С. Грибоѣдова выполняется по тому же общему плану. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно стоитъ въ близкомъ отношеніи къ двухтомному собранію произведеній поэта, вышедшему въ свѣтъ подъ редакціей члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ, профессора И. А. Шляпкина (С.-Петербургъ, 1889, изданіе И. П. Варгунина). За 22 года, истекшихъ съ того времени, накопилось не мало матеріаловъ по Грибоѣдову, дающихъ возможность значительно обогатить новое собраніе его сочиненій. Но многое, обнародованное въ изданіи 1889 года, сохраняетъ свое значеніе и донынѣ.

Редакторъ изданія 1889 года И. А. Шляпкинъ принялъ участіе и въ настоящемъ собраніи сочиненій Грибоѣдова. Онъ сообщилъ всѣ рукописные матеріалы, собранные имъ до 1889 г. и позже (нѣкоторые изъ нихъ не были использованы въ печати), равно какъ принадлежащіе ему списки „Горя отъ ума“ и собраніе книгъ и статей и библіографическихъ записей по Грибоѣдову; онъ принималъ участіе въ обсужденіи плана новаго изданія и въ просмотрѣ корректуръ; ему же принадлежатъ нѣкоторыя примѣчанія къ грибоѣдовскимъ текстамъ (они отмѣчены его иниціалами: [**И. Ш.**]).

Вся остальная работа: собираніе автографовъ и списковъ, установленіе текстовъ и варіантовъ, датированіе отдѣльныхъ произведеній, большинство примѣчаній, вводныя статьи, выборъ иллюстрацій и проч.,—принадлежитъ нижеподписавшемуся.

Планъ для новаго изданія принятъ слѣдующій. Въ первый томъ входятъ всѣ поэтическія произведенія Грибоѣдова—кромѣ „Горя отъ ума“, съ необходимыми комментаріями, и біографія поэта. Здѣсь же помѣщено написанное для настоящаго изданія изслѣдованіе проф. С. К. Булича: „А. С. Грибоѣдовъ—музыкантъ“. Во второмъ томѣ печатается „Горе отъ ума“ въ двухъ редакціяхъ: позднѣйшей и ранней (такъ называемый Музейный автографъ), текстуальныя, литературныя и реальныя примѣчанія къ пьесѣ и обзоръ литературы о Грибоѣдовѣ. Третій томъ обнимаетъ прозаическія сочиненія Грибоѣдова и его переписку, а также—избранныя хронологическія даты къ біографіи и алфавитные указатели.

Для выходящаго нынѣ въ свѣтъ перваго тома удалось воспользоваться автографами стихотвореній: „Крылами порхая“, „Романсъ“ (хранятся въ Музеѣ А. А. Бахрушина въ Москвѣ) и „Прости, отечество!“ (въ Императорской Публичной Библіотекѣ), а также списками пьесъ „Кто братъ, кто сестра“ и „Проба интермедіи“, болѣе авторитетными, чѣмъ извѣстные прежде (въ Центральной Библіотекѣ Императорскихъ Театровъ). Рукопись комедіи „Студентъ“, исчезнувшая было изъ научнаго оборота, вновь разыскана для нашего изданія и по изслѣдованіи оказалась автографомъ П. А. Катенина.

Глубокой признательностью редакція обязана лицамъ, оказавшимъ ей свое содѣйствіе: А. А. Бахрушину, С. С. Бехтѣеву (†), С. К. Буличу, А. Г. Бухштабу, И. А. Бычкову, П. Л. Вакселю, Е. Г. Вейденбауму, С. А. Венгерову, А. Н. Веселовскому, Ѳ. А. Витбергу, Э. А. Вольтеру, гр. И. И. Воронцову-Дашкову, М. О. Гершензону, П. Я. Дашкову (†), П. А. Ефремову (†), В. В. Каллашу, Б. М. Колюбакину, И. А. Кубасову, Н. О. Лернеру, А. І. Лященко, Н. М. Лисовскому, Б. Л. Модзалевскому, С. А. Поклевскому-Козеллъ, В. Е. Рудакову, Л. З. Мсеріанцъ, В. И. Саитову, П. Н. Сакулину, И. О. Сержпутовскому, В. И. Срезневскому, А. И. Станкевичу, П. Н. Столпянскому, кн. А. И. Сумбатову, В. А. Теляковскому, Н. Н. Трубицыну, В. А. Францеву, А. А. Чебышеву, кн. Д. И. Шаховскому, П. П. Шенку, П. Е. Щеголеву, П. И. Щукину, В. И. Яковлеву.

Н. Пиксановъ.

А. С. Грибоѣдовъ за два года до смерти.

(Съ акварели акад. Е. И. Мошкова (?). Собственность В. К. Станишева).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ СПБ.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Біографическій очеркъ.

I. Въ семьѣ.

„Отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ“, писалъ однажды Грибоѣдовъ, и, дѣйствительно, связи поэта съ Москвой были кровныя и прочныя. Когда онъ, послѣ долгихъ отлучекъ, появлялся въ Москвѣ, его тотчасъ окружалъ „мильонъ знакомыхъ“ и родныхъ; отдаваясь историческому чтенію, онъ въ спискахъ дѣятелей московской старины встрѣчалъ имена своихъ предковъ; наконецъ, съ Москвой неразрывно связано его величайшее произведеніе.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ объединилъ собою два рода, носившихъ одну и ту же фамилію. Корни этихъ родовъ уходятъ въ глубь XVII, даже XVI вѣка. Въ 1614 году царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ Михаилу Ефимовичу Грибоѣдову нѣсколько деревень въ Вяземскомъ уѣздѣ, и въ грамотѣ было сказано, что великій государь пожаловалъ Грибоѣдова „за ево многія службы“ въ „нужное и во прискорбное время“ „противо враговъ нашихъ Польскихъ и Литовскихъ людей, которые до конца хотели раззорить государство Московское и вѣру христіанскую попрать,—а онъ Михайло, будучи во Московской службе, противу техъ злодеевъ нашихъ стоялъ крепко и мужественно, и много, дородство и храбрость и кровопролитіе и службу показалъ, голодъ и наготу и во всемъ оскуденіе и нужу всякую осадную терпелъ многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился“. Подъ 1650 годомъ упоминается Иванъ Грибоѣдовъ, ѣхавшій во главѣ поѣзда царицы въ походѣ царя Алексѣя Михайловича въ Кашинъ, а въ 1669 году Ѳедоръ Акимовичъ Грибоѣдовъ

былъ щедро награжденъ „тишайшимъ царемъ“ за составленіе „Исторіи о царяхъ и великихъ князьяхъ земли русской“, написанной для царскихъ дѣтей и въ свое время очень извѣстной среди старыхъ русскихъ книжниковъ. При Петрѣ Великомъ служилъ Тимофей Ивановичъ Грибоѣдовъ воеводой въ Дорогобужѣ, потомъ комендантомъ въ Вязьмѣ. Многихъ Грибоѣдовыхъ встрѣчаемъ въ XVIII вѣкѣ въ спискахъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Изъ нихъ особенно памятенъ Алексѣй Ѳедоровичъ, родной братъ матери поэта. Кромѣ Настасьи Ѳедоровны у него было еще три сестры: Анна—замужемъ за графомъ Разумовскимъ (министромъ народнаго просвѣщенія), Александра—за Тиньковымъ (командиромъ Литовскаго полка) и Елизавета- за Акинѳіевымъ. Самъ Алексѣй Ѳедоровичъ былъ женатъ дважды: на княжнѣ А. С. Одоевской и на А. С. Нарышкиной. Отъ перваго брака имѣлъ дочь Елизавету, въ замужествѣ за княземъ И. Ѳ. Паскевичемъ, отъ второго—Софью, въ замужествѣ за С. А. Римскимъ-Корсаковымъ. Это былъ большой московскій баринъ, славившійся своимъ гостепріимствомъ. О немъ пишетъ К. Н. Батюшковъ Гнѣдичу въ февралѣ 1810 года: „сегодня ужасный маскерадъ у г-на Грибоѣдова, вся Москва будетъ“. Позднѣе Алексѣй Ѳедоровичъ живалъ и въ Петербургѣ,—все такъ же широко, какъ и въ Первопрестольной, устраивая балы и благородные спектакли. Въ многолюдномъ кругу родни Алексѣй Ѳедоровичъ, очевидно, пользовался большимъ вліяніемъ; по крайней мѣрѣ, Настасья Ѳедоровна постоянно обращалась къ нему за совѣтами. Въ бумагахъ поэта сохранилась цѣнная характеристика Алексѣя Ѳедоровича: „Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ, характеръ моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ правахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэлировались, но всякій пылалъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты или иначе; по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости обѣщаніями, которыхъ не могъ исполнить, покровительствомъ, не основаннымъ ни на какой истинѣ; но зато какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы—спутники до перваго затменія! Объяснимся круглѣе: у всякаго была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ. Кажется, нынче этого нѣтъ, а можетъ быть и есть; но дядя мой принадлежитъ къ той эпохѣ.

Онъ какъ левъ дрался съ Турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ передникъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: я, братъ!"

Въ какихъ отношеніяхъ бывали дядя и племянникъ, и какъ бывали навязчивы попеченія Алексѣя Ѳедоровича, разсказываетъ Бѣгичевъ: „Какъ только Грибоѣдовъ замѣчалъ, что дядя въѣхалъ къ нимъ на дворъ, разумѣется, затѣмъ, чтобъ вести его на поклоненіе къ какому-нибудь князь-Петръ Ильичу, онъ раздѣвался и ложился въ постель. Поѣдемъ, приставалъ Алексѣй Ѳедоровичъ.— „Не могу, дядюшка, то болитъ, другое болитъ, ночь не спалъ",—хитрилъ молодой человѣкъ". Образъ дяди навсегда сохранился въ памяти Александра Сергѣевича. Въ комедіи „Студентъ" (1817) Грибоѣдовъ вкладываетъ въ уста Саблину такія слова: „нѣтъ ничего хорошаго ни на одномъ балѣ: я ихъ терпѣть не могу еще съ десяти лѣтъ, какъ дядюшка заставлялъ меня насильно прыгать со всѣми уродами".

Итакъ, „сродство" Грибоѣдова было очень обширно и вліятельно въ общественныхъ кругахъ. Въ Москвѣ были даже мѣстности, связанныя съ фамильнымъ именемъ Грибоѣдовыхъ: переулки Грибоѣдовъ и Грибоѣдовскій.

Объ отцѣ поэта, Сергѣѣ Ивановичѣ, мы знаемъ очень мало. Его формулярный списокъ кратокъ. Родившись въ 1760 г. въ семьѣ небогатаго помѣщика Владимірской губерніи, онъ пятнадцатилѣтнимъ юношей вступилъ вахмистромъ въ Кинбурскій драгунскій полкъ. Черезъ десять лѣтъ, въ чинѣ капитана, не побывавъ ни въ одномъ сраженіи, онъ уже просился въ отставку „по имѣющимся у него разнымъ болѣзнямъ" и получилъ ее въ сентябрѣ 1785 года, съ награжденіемъ чиномъ секундъ-маіора; въ этомъ чинѣ онъ и умеръ. Образованіе его, повидимому, было очень скромно; въ формулярѣ сказано только: „грамотѣ читать и писать по-россійски умѣетъ". Въ 1791 или 1793 году онъ женился на Настасьѣ Ѳедоровнѣ Грибоѣдовой. Отъ этого брака они имѣли двоихъ дѣтей: Марію и Александра, который былъ двумя годами моложе сестры. Точно неизвѣстно, въ какомъ году поэтъ родился, но общепринятая дата— 4 января 1795. Настасья Ѳедоровна была моложе мужа на восемь лѣтъ, но это не помѣшало ей взять верхъ въ семейной жизни. Самъ Александръ Сергѣевичъ ни словомъ не упоминаетъ объ отцѣ въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, хотя помнить его могъ хорошо, такъ какъ былъ уже зрѣлымъ юношей ко времени смерти Сергѣя

Ивановича (умеръ около 1815 года). Очевидно, личность отца не оставила яркаго впечатлѣнія въ памяти сына.

Гораздо больше данныхъ имѣемъ о матери поэта. Она родилась въ 1768 году, въ московской богатой и многолюдной семьѣ; ея образованіе и вообще культурный уровень были, повидимому, значительно выше, чѣмъ у мужа. Она была нехороша собой, въ то время какъ остальныя сестры блистали красотой; къ тому же была весьма близорука. Это была знатная русская барыня, умная и любящая, но нетерпимая, страстно-рѣзкая въ своихъ приговорахъ и деспотически властная даже въ любви. Ея отношенія къ сыну очень напоминаютъ мать Тургенева; рѣзкостью она походила на героиню „Войны и Мира“ Ахросимову; и старуха Хлёстова изъ „Горя отъ ума“ очень близкая ей родня. Современники свидѣтельствуютъ, что мать поэта была „нѣкогда очень извѣстна въ Москвѣ по своему уму и рѣзкости тона“. Л. Н. Майковъ, со словъ короткаго знакомаго Грибоѣдова, приписываетъ Настасьѣ Ѳедоровнѣ руководство первоначальнымъ домашнимъ образованіемъ сына и называетъ ее„ женщиной очень просвѣщенной“. Но это былъ умъ своеобразнаго, домостроевскаго склада. Когда такой умъ соединяется еще съ пылкимъ и властнымъ характеромъ, каковъ былъ характеръ матери Грибоѣдова,—это становится тяжелымъ для окружающихъ, и, прежде всего, для дѣтей.

Настасья Ѳедоровна очень любила сына. До насъ дошло ея письмо къ Ѳ. В. Булгарину отъ 13 іюня 1828 г.; такъ могла писать только любящая мать, движимая благодарностью за услуги и вниманіе, оказанныя сыну. „Не имѣя чести быть съ вами знакома, писала она,—но по праву дружбы моего сына съ вами, отношусь къ вамъ точно какъ къ своему, почитая его друзей, какъ близкихъ моему сердцу; а какъ вы сами отецъ семейства, то это чувство для васъ и не чуждо, оттого-то и говорю такимъ языкомъ“; „я, какъ усердная мать, по всему сему сношенію, обожаю васъ, смѣю сказать, какъ бы моего сына. Не оставляйте его, ради Бога, вашимъ вниманіемъ, вашими совѣтами. Вы, нашъ неоцѣненный другъ, знаете его достоинства, правоту его чувствъ и доброту, знаете, на что и къ чему онъ способенъ; зная же и его нѣжность и безъинтересную [т. е. безкорыстную] личность, на васъ-то и надѣюсь, вы-то и возбудите въ немъ дѣятельность, частую ведя съ нимъ переписку“... Все письмо пересыпано благодарностями Булгарину и просьбами не забывать сына (Грибоѣдовъ тогда вновь уѣзжалъ на Кавказъ) и не оставлять его

безъ помощи. Письмо писано въ преклонномъ возрастѣ, шестидесяти лѣтъ, когда самому Грибоѣдову было уже 33 года. Самъ Грибоѣдовъ платилъ матери такою же любовью и уваженіемъ.

Но, несмотря на чувство взаимной любви, отношенія между матерью и сыномъ сложились въ тяжелую форму. Характерно, что въ одномъ письмѣ, гдѣ говорится о любви къ Александру Сергѣевичу его матери, и гдѣ онъ заявляетъ готовность всецѣло „жить для семейства", Грибоѣдовъ тотчасъ же съ грустью ссылается на текстъ: „нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ", и жалуется своему другу, что въ Москвѣ родные (разумѣется, прежде всего, мать) не понимаютъ его лучшихъ стремленій и „больше ничего видѣть не хотятъ" въ немъ, кромѣ будущаго статскаго совѣтника. Мы не имѣемъ ближайшихъ свѣдѣній, какъ складывались воспитательныя воздѣйствія матери на Грибоѣдова-отрока. Надо полагать, что въ дѣтствѣ, когда еще онъ могъ беззаботно, вмѣстѣ съ любимой сестрой, какъ Чацкій съ Софьею, „являться и исчезать тутъ и тамъ, играть и шумѣть по стульямъ и столамъ", — давленіе матери чувствовалось не такъ сильно; оно стало ощущаться все больше съ тѣхъ поръ, какъ Грибоѣдовъ, поступивъ въ университетъ, началъ быстро развиваться духовно. Въ письмахъ самого Грибоѣдова, разныхъ періодовъ его жизни, не мало—всегда, впрочемъ, сдержанныхъ—сѣтованій на тяжелый характеръ матери. За три года до смерти Грибоѣдовъ горько жалуется другу Бѣгичеву на „зависимость отъ семейства". Десятью годами раньше, въ 1816 г., онъ пишетъ тому же Бѣгичеву: „неужели все заводчика корчишь? Передъ кѣмъ, скажи, пожалуй? у тебя нѣтъ матери, которой ты обязанъ казаться основательнымъ; будь такимъ, каковъ есть". Въ этихъ горькихъ словахъ чувствуется, что поэту не разъ приходилось ломать себя въ угоду матери, чтобы казаться не такимъ, „каковъ есть". „Основательность", конечно, понималась Настасьей Ѳедоровной въ особенномъ смыслѣ. „Матушка никогда не понимала глубокаго, сосредоточеннаго характера Александра, а всегда желала для него только блеска и внѣшности", свидѣтельствуетъ сестра и чуткій другъ поэта, Марья Сергѣевна. Въ 1818 году въ письмѣ все къ тому же неизмѣнному наперснику, Бѣгичеву, Грибоѣдовъ разсказываетъ одну изъ тяжелыхъ сценъ, которыя приходилось ему переживать не однажды. Въ Петербургѣ, пишетъ онъ, „судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой я хочу, чтобы на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси у Жандра, какъ

однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, оттого что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными". Такъ жестоко были оцѣнены Настасьею Ѳедоровною поэтическіе опыты сына. Его политическіе взгляды оцѣнивались не менѣе рѣзко. Вотъ что разсказываетъ С. Н. Бѣгичевъ: „на третій день [послѣ свиданія Бѣгичева въ Москвѣ съ Грибоѣдовымъ въ 1826 г., когда тотъ съ курьеромъ проѣзжалъ въ Петербургъ, арестованный по дѣлу декабристовъ] я отправился къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ, и та съ обыкновенной своей запальчивостью, съ первыхъ же словъ, начала ругать сына на чемъ свѣтъ стоитъ: и карбонарій-то онъ, и вольнодумецъ, и проч." Какъ живо напоминаетъ эта сцена вопли Фамусова! Насколько тяжела бывала Настасья Ѳедоровна, видно изъ письма Грибоѣдова къ И. Ѳ. Паскевичу, отъ 3 декабря 1828 г. За два мѣсяца до смерти Грибоѣдовъ получилъ отъ матери письмо, огорчившее его до глубины души: „кому отъ чужихъ, а мнѣ отъ своихъ; представьте себѣ, что я вмѣсто поздравленій [по случаю женитьбы] получилъ отъ матушки самое язвительное письмо. Только, пожалуйста, неоцѣненный благодѣтель, держите это про себя, и не довѣряйте даже никому въ вашемъ семействѣ. Мнѣ нужно было Вамъ это сказать, сердцу легче".

Образъ сестры поэта, Маріи Сергѣевны, очень привлекателенъ. Они очень любили другъ друга: „я врагъ крикливаго пола,—пишетъ Александръ Сергѣевичъ Бѣгичеву,—но двѣ женщины не выходятъ у меня изъ головы: твоя жена и моя сестра; я не разлучаю ихъ ни въ воспоминаніяхъ, ни въ молитвахъ". Сохранилось трогательное письмо Маріи Сергѣевны къ брату, полное нѣжной любви. Въ то время, какъ мать побуждала его ѣхать на Кавказъ къ Паскевичу, вотъ что писала сестра: „Сердце мое обливается кровью при мысли о твоемъ отъѣздѣ. Зачѣмъ должны мы жить всегда вдали другъ отъ друга? Когда же наступитъ счастливое время и мы опять сблизимся?" „Для насъ было бы величайшимъ счастьемъ—видѣть между нами нашего обожаемаго брата. Льщусь этой надеждой, она поддерживаетъ мое существованіе". Современникъ оставилъ намъ краткое извѣстіе о встрѣчѣ Маріи Сергѣевны съ супругою поэта, Ниною Александровной, въ 1854 г. „Въ Москвѣ она впервые встрѣтилась съ родною сестрой Грибоѣдова, Маріей Сергѣевной Дурново, знакомой ей дотолѣ лишь по письмамъ. Онѣ сошлись какъ родныя сестры, конечно, горько поплакали при воспоминаніи о дорогомъ имъ покой-

никѣ, и съ тѣхъ поръ между ними шла самая сердечная и искренняя переписка". Съ любовью къ брату Марія Сергѣевна соединяла чуткое пониманіе его характера и высокихъ дарованій. Въ комнату сестры Грибоѣдовъ любилъ приходить, чтобы тамъ писать отдѣльныя сцены своей комедіи. Марія Сергѣевна дѣлила съ братомъ также и артистическія занятія; она, по свидѣтельству кн. В. Ѳ. Одоевскаго, „превосходно играла и на фортепьянахъ и, въ особенности, на арфѣ и даже выступала въ публичныхъ благотворительныхъ концертахъ".

Учиться Грибоѣдовъ началъ очень рано. Вѣроятно, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ у него ужъ была гувернантка-француженка, какая нибудь „мадамъ Розье". Какъ у Евгенія Онѣгина, ее смѣнили гувернеры: сначала Петрозиліусъ, потомъ Іонъ.

Іоганнъ-Бернгардъ Петрозиліусъ, или, на русскій манеръ, Иванъ Даниловичъ, выходецъ изъ-за границы (родился около Брунсвика), былъ большой книжникъ, впослѣдствіи—библіотекарь Московскаго Университета и составитель извѣстныхъ каталоговъ этой библіотеки. Какъ и Б. И. Іонъ, онъ пережилъ своего воспитанника, но едва ли сохранилъ съ нимъ духовныя связи. Ко времени вступленія въ домъ Грибоѣдовыхъ Петрозиліусу было уже за сорокъ лѣтъ, и ему трудно было поладить съ живымъ, порывистымъ мальчикомъ. Можетъ быть, именно Петрозиліуса имѣлъ въ виду Грибоѣдовъ, когда влагалъ въ уста Чацкаго ироническую тираду:

> Нашъ менторъ, помните, колпакъ его, халатъ,
> Перстъ указательный, всѣ признаки ученья
> Какъ наши робкіе тревожили умы!

Повидимому, первый гувернеръ не оставилъ прочнаго впечатлѣнія; по крайней мѣрѣ, въ перепискѣ Грибоѣдова мы не находимъ о немъ упоминаній. Зато съ Іономъ Александръ Сергѣевичъ навсегда сохранилъ добрыя отношенія. Іоганнъ-Готлибъ Іонъ, или попросту Богданъ Ивановичъ, является типомъ того славнаго нѣмца-педагога, который такъ хорошо извѣстенъ и милъ намъ подъ другими именами: Карла Ивановича въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ", Лемма въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ". Юность Іонъ провелъ въ Германіи, гдѣ получилъ среднее и высшее образованіе—въ Геттингенѣ. Когда въ Москву изъ Геттингена выѣхали многіе профессора, которыхъ Іонъ слушалъ на родинѣ, за ними потянулся и онъ. Въ Москвѣ юноша (ему было тогда двадцать лѣтъ) поступилъ въ 1810 году, въ университетъ студентомъ, чтобы продолжать свои занятія юриспру-

денціей, и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ на себя обязанности гувернера въ домѣ Грибоѣдовыхъ. Онъ былъ очень образованнымъ человѣкомъ и, помимо своей спеціальности, былъ хорошо знакомъ съ классическими литературами, которыми усердно занимался съ Грибоѣдовымъ. Въ 1812 г., когда занятія въ Московскомъ Университетѣ были прерваны, и Грибоѣдовъ, вступивъ корнетомъ въ полкъ графа Салтыкова, отправился въ Казань, Іонъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и тамъ въ университетѣ выдержалъ экзамены и защитилъ латинскую диссертацію на степень доктора правъ. Онъ былъ первымъ, получившимъ въ Россіи такой дипломъ, и на экзаменахъ обнаружилъ большія познанія.

II. Въ школѣ.

Въ 1802 или 1803 г. Александръ Сергѣевичъ уже поступилъ въ Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ. Это было замѣчательное учебное учрежденіе, прославленное какъ въ исторіи русской педагогіи, такъ и въ исторіи русской литературы. Пансіонъ къ началу XIX в. былъ уже прочно организованной школой, съ обширной программой, прекраснымъ подборомъ преподавателей, съ опытнымъ и любящимъ дѣло директоромъ и съ большимъ тяготѣніемъ въ сторону литературныхъ и художественныхъ интересовъ. Преподаваніе было построено такъ, что воспитанники Пансіона, въ старшихъ классахъ, начинали уже слушать нѣкоторыя лекціи въ университетѣ. Въ составѣ преподавателей было много профессоровъ и лицъ съ учеными степенями; нѣкоторые изъ нихъ составили себѣ крупное имя въ педагогической литературѣ, какъ, напр., Кошанскій, впослѣдствіи профессоръ Царскосельскаго лицея и учитель Пушкина. Во главѣ заведенія стоялъ профессоръ А. А. Прокоповичъ-Антонскій, педагогъ по призванію, до старости сохранившій идеалистическія традиціи Новиковскаго кружка. Составъ воспитанниковъ былъ также чрезвычайно удачный: въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. чрезъ Пансіонъ прошли Жуковскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Грибоѣдовъ, позднѣе Лермонтовъ, вереница поэтовъ, ученыхъ, государственныхъ дѣятелей. Изъ біографіи Жуковскаго всѣмъ извѣстно, какое вліяніе на развитіе его художественнаго таланта имѣлъ литературный кружокъ, существовавшій въ Пансіонѣ: „Собраніе воспитанниковъ Университетскаго

Пансіона". Воспитанники издавали свои собственные журналы и сборники, что сильно поднимало въ ихъ средѣ литературные интересы. Кромѣ того, въ пансіонѣ издавна существовалъ хорошо оборудованный театръ. Словомъ, въ началѣ вѣка Благородный Пансіонъ былъ лучшимъ, единственнымъ въ своемъ родѣ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи. Поступивъ въ Пансіонъ, Грибоѣдовъ быстро выдвинулся тамъ, благодаря своимъ дарованіямъ и хорошей домашней подготовкѣ. 22 декабря 1803 г. на актѣ въ Пансіонѣ Александръ Сергѣевичъ уже получилъ „одинъ призъ" въ „меньшемъ возрастѣ".

Въ пансіонѣ Грибоѣдовъ пробылъ около трехъ лѣтъ. 30 января 1806 года онъ уже поступилъ въ Московскій Университетъ. Александру Сергѣевичу было тогда одиннадцать лѣтъ. Для нашего времени такой юный возрастъ студента невозможенъ; но сто лѣтъ тому назадъ возрастный цензъ для студентовъ не былъ установленъ, и было немало случаевъ очень ранняго поступленія въ Университетъ. Особенно это было доступно для воспитанниковъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, которые, какъ мы знаемъ, могли посѣщать Университетъ, еще числясь въ Пансіонѣ. Все же и для того времени одиннадцатилѣтній студентъ былъ рѣдкимъ исключеніемъ. Объяснить это можно только блестящими дарованіями Грибоѣдова и его прекрасной предварительной подготовкой. Склонность къ литературѣ сказалась рано, и Грибоѣдовъ при поступленіи выбралъ „словесное отдѣленіе" тогдашняго философскаго факультета. Черезъ два съ половиною года, 3 іюня 1808 г., Александръ Сергѣевичъ уже былъ произведенъ въ кандидаты словесныхъ наукъ, съ правами на чинъ 12 класса, и въ аттестатѣ были отмѣчены прекрасные успѣхи молодого студента. Такого аттестата тогда было достаточно, чтобы считать образованіе законченнымъ и искать успѣховъ на государственной службѣ. Но Грибоѣдовъ остался въ университетѣ и продолжалъ свое образованіе, теперь уже по юридическому факультету. Прошло еще два года, и 15 іюня 1810 г. онъ получилъ степень кандидата правъ. Грибоѣдовъ „учился страстно", какъ засвидѣтельствовалъ одинъ современникъ. Онъ снова остался въ университетѣ и пробылъ въ немъ вплоть до закрытія въ 1812 году, изучая еще математику и естественныя науки. Въ 1812 году онъ былъ уже „готовъ къ испытанію для поступленія въ чинъ доктора". Порывъ патріотизма увлекъ поэта на военную службу, и поприще науки уже навсегда было оставлено. Итакъ,

Грибоѣдовъ проучился въ Университетѣ шесть съ половиною лѣтъ, получилъ два диплома, прошелъ науки трехъ факультетовъ и только случайно не получилъ высшей ученой степени. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что онъ владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ языками. Въ александровское время, когда всѣ „учились понемногу, чему нибудь и какъ нибудь", Грибоѣдовъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей. Университетъ навсегда оставилъ неизгладимые слѣды въ душѣ поэта. Слѣдуетъ, поэтому, поближе познакомиться съ этой эпохой въ жизни Александра Сергѣевича.

Онъ вступилъ въ университетъ вскорѣ послѣ реформы этого учрежденія. Новый уставъ 1804 года давалъ университету стройную и разумную организацію и усиленныя матеріальныя средства. Попечителемъ университета былъ назначенъ М. Н. Муравьевъ, воспитатель Императора Александра Павловича, весьма образованный человѣкъ, гуманистъ по воззрѣніямъ и характеру, знатокъ классиковъ и поборникъ просвѣщенія. Въ 1804 г. въ Университетѣ сразу появилось пятнадцать новыхъ профессоровъ, изъ нихъ одиннадцать иностранцевъ, среди которыхъ было нѣсколько съ европейской извѣстностью, напр., экономистъ Христіанъ Шлецеръ-сынъ, эллинистъ Маттеи, философъ и филологъ Буле. Молодые русскіе ученые, вернувшіеся изъ-за границы, также выдвинули вскорѣ изъ своей среды нѣсколько даровитыхъ преподавателей, каковы напр., Кошанскій, Качановскій, Левъ Цвѣтаевъ, Мерзляковъ. Притокъ новыхъ научныхъ силъ былъ такъ обиленъ, что тотчасъ же оказалось возможнымъ подѣлиться ими и съ обществомъ. Въ университетѣ открылись публичные курсы, и это было важнымъ событіемъ общественной жизни. Правда, многіе иностранцы-профессора не говорили по-русски, и лекціи читались по-нѣмецки или по-французски, или по-латыни. Но студентовъ, какъ Грибоѣдовъ, владѣвшихъ языками, это только сближало съ ними. Слѣдуетъ добавить, что вновь прибывшіе нѣмцы привезли съ собою въ Москву не только европейскія академическія традиціи, но и искреннее желаніе служить Россіи и изучать ее. Такъ, профессоръ Рихтеръ написалъ монументальный трудъ: „Исторія медицины въ Россіи"; профессоръ римскаго права Баузе страстно собиралъ русскія древности: рукописи, старопечатныя книги, монеты, и составилъ коллекцію, единственную въ своемъ родѣ; о русскихъ древностяхъ онъ съ увлеченіемъ говорилъ даже на лекціяхъ, забывая свое римское право. Россію въ разныхъ отноше-

ніяхъ изучали также Маттеи, Шлецеръ-сынъ, Геймъ, Буле и другіе нѣмцы-профессора.

Разумѣется, не всѣ науки одинаково интересовали Александра Сергѣевича. Повидимому, менѣе другихъ были близки ему науки математическія и естественныя. Больше всего онъ изучалъ словесность, исторію, философію, также политическую экономію и право. По этимъ излюбленнымъ дисциплинамъ Грибоѣдовъ могъ слушать выдающихся профессоровъ. П. А. Сохацкій, профессоръ эстетики (1796—1809), до 1805 г. занималъ каѳедру древней словесности. По свидѣтельству его біографа, Ѳ. И. Буслаева, „объясняя съ каѳедры образцовыя произведенія древности, Сохацкій умѣлъ открывать подлинныя красоты въ цѣломъ и частяхъ, силу въ выраженіяхъ, простоту и ясность въ мысляхъ и чувствахъ, и такимъ образомъ одинъ изъ первыхъ оживилъ въ Московскомъ Университетѣ преподаваніе древнихъ языковъ“. Поклонникомъ классической простоты и ясности Сохацкій остался и въ преподаваніи эстетики, когда этотъ предметъ впервые былъ введенъ (въ 1805 г.) въ программу словеснаго отдѣленія. Тогда въ русской поэзіи уже сказывалось новое, романтическое направленіе. Оно встрѣтило въ лицѣ Сохацкаго противника. Нарождавшійся романтизмъ онъ окрестилъ именемъ „темнаго манера“ и протестовалъ противъ того, что предметомъ поэтическихъ произведеній „избираютъ все мрачное, таинственное и темное“.

Преемникомъ Сохацкаго былъ профессоръ „россійской поэзіи и краснорѣчія“ А. Ѳ. Мерзляковъ. Другъ Жуковскаго, И. И. Дмитріева и другихъ извѣстныхъ писателей того времени, дѣятельнѣйшій членъ Общества Любителей Россійской Словесности, даровитый стихотворецъ и литературный критикъ, перешедшій отъ мелочныхъ стилистическихъ придирокъ къ сколько-нибудь серьозной теоретико-сравнительной оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній, Мерзляковъ былъ одной изъ самыхъ крупныхъ фигуръ въ университетской средѣ. Онъ былъ классикъ и по научной подготовкѣ, и по литературнымъ работамъ, и по теоретическимъ воззрѣніямъ, и сдѣлалъ много переводовъ изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ. Уже въ этихъ переводахъ замѣтно вліяніе ложно-классической теоріи. Въ лекціяхъ по теоріи поэзіи оно сказывалось еще замѣтнѣе. Романтизмъ нашелъ и въ Мерзляковѣ, какъ и въ его „незабвенномъ наставникѣ“ Сохацкомъ, горячаго противника. Однажды въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности онъ прочелъ, въ присутствіи самого

Жуковскаго, „письмо изъ Сибири“, гдѣ открыто нападалъ на баллады нашего романтика. Но, все-же, это былъ даровитый, чуткій къ поэзіи человѣкъ. Путы ложноклассицизма не помѣшали ему любить народную поэзію и написать нѣсколько пѣсенокъ, заслужившихъ одобреніе самого Бѣлинскаго. За чуткость Мерзлякова говоритъ одинъ знаменательный фактъ, сообщаемый его біографомъ: „чувство Мерзлякова при чтеніи произведеній Пушкина выражалось только слезами. Читая „Кавказскаго Плѣнника“, онъ, говорятъ, плакалъ. Онъ чувствовалъ, что это прекрасно, но не могъ отдать себѣ отчета въ этой красотѣ и безмолвствовалъ“. Впослѣдствіи Грибоѣдовъ проявлялъ большую любовь къ народной поэзіи, и въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго вліянія Мерзлякова. Другая черта Мерзлякова—пристрастіе къ библейскимъ мотивамъ. Самъ Мерзляковъ написалъ цѣлый рядъ одъ и переложеній на мотивы изъ Библіи, въ чемъ, по выраженію его біографа, „является достойнымъ отголоскомъ своихъ наставниковъ и образцовъ въ этомъ родѣ, Ломоносова и Державина.“ Соотвѣтственно тому, и языкъ этихъ произведеній Мерзлякова изобиловалъ тяжелыми славянизмами. Подобно Мерзлякову, и Грибоѣдовъ былъ большимъ поклонникомъ библейской поэзіи, самъ писалъ стихотворныя переложенія псалмовъ и пропагандировалъ то же пристрастіе среди литературныхъ друзей.

По русской исторіи за времена студенчества Грибоѣдова читалъ лекціи извѣстный Каченовскій. Въ то же время онъ помѣщалъ статьи по русской исторіи въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Европы“; эти статьи, очень цѣнимыя біографомъ Каченовскаго, С. М. Соловьевымъ, вѣроятно, не ускользнули отъ вниманія университетскихъ слушателей автора. Итакъ, помимо заразительной страсти къ русскимъ древностямъ профессора Баузе и его случайныхъ разсказовъ, интересъ Грибоѣдова къ русской исторіи могъ питаться еще и систематическими чтеніями Каченовскаго.

Изъ профессоровъ юридическаго факультета (по тогдашнему, „этико-политическаго отдѣленія“) особенно выдавался Шлецеръ-сынъ, профессоръ политической экономіи и дипломатики, авторъ извѣстнаго въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ сочиненія „Начальныя основанія государственнаго хозяйства“ (долго оставалось руководствомъ при преподаваніи даже въ германскихъ университетахъ). Кромѣ лекцій по политической экономіи, онъ читалъ еще „Начала всеобщей политики“ и статистику. Лекціи юристовъ, несомнѣнно,

очень пригодились потомъ Грибоѣдову въ его дипломатической дѣятельности.

Особое мѣсто въ жизни Грибоѣдова-студента занялъ профессоръ Буле. Помимо общихъ университетскихъ курсовъ, Грибоѣдовъ, по свидѣтельству Ѳ. В. Булгарина, „у него бралъ частные уроки въ философическихъ и политическихъ наукахъ, на дому, и руководствовался его совѣтами по всѣмъ отраслямъ познаній“. Для Грибоѣдова Буле былъ не только профессоромъ, но и воспитателемъ. Когда Буле явился въ Москву (въ 1804 г.), это былъ уже пожилой человѣкъ, имѣвшій за собою почтенную извѣстность въ ученомъ европейскомъ мірѣ, какъ знатокъ классической древности, ученый издатель Аристотеля, авторъ многихъ трудовъ по логикѣ, метафизикѣ, исторіи древней и новой философіи. Живой, энергическій темпераментъ помогъ Буле быстро освоиться съ новою средой, и мы уже вскорѣ видимъ его ближайшимъ сотрудникомъ попечителя М. Н. Муравьева. Отмѣтимъ тѣ его труды, которые свидѣтельствуютъ о широтѣ интересовъ и объ искренней готовности служить просвѣщенію русскаго общества. Въ 1806 г. онъ пишетъ разсужденіе: „О лучшемъ способѣ, какъ писать можно исторію тѣхъ народовъ, кои, по общему мнѣнію, прежде девятаго вѣка населяли или переходили Россійскія, особенно южныя земли“; потомъ—разсужденіе „о древнѣйшей Россійской лѣтописи, о картинахъ Каппоніановыхъ, хранящихся въ Ватиканской Библіотекѣ, и другихъ соборахъ святыхъ (менологахъ) Православной Греко-Россійской Церкви, писанныхъ съ превосходнѣйшимъ искусствомъ“. Въ университетѣ Буле читаетъ на французскомъ языкѣ „Исторію изящныхъ искусствъ въ Россіи“; въ 1810 г. печатаетъ разсужденіе „о древнѣйшихъ географическихъ картахъ, донынѣ извѣстныхъ, на коихъ изображены области Россійской Имперіи“. Въ области русской исторіи Буле задумалъ даже обширное изслѣдованіе: „Опытъ критической литературы русской исторіи“, выходя изъ того соображенія, что „для успѣховъ русской исторіи нужно прежде всего точно и полно обозначить всѣ существующіе источники и памятники ея, присоединивъ къ подобнымъ указаніямъ критическую оцѣнку“. Заручившись содѣйствіемъ Муравьева, Буле началъ издавать въ Москвѣ два журнала. „Журналъ изящныхъ Искусствъ“ имѣлъ задачею „распространять художественныя знанія и содѣйствовать сколько ни есть возвышенію вкуса въ обширнѣйшей Россіи“. „Московскія Ученыя Вѣдомости“ давали библіографію новыхъ сочиненій отечественныхъ и иностранныхъ писателей, съ указаніями, „что въ сихъ сочиненіяхъ лучшее и сколько

чрезъ оныя дѣйствительно способствовано было къ усовершенствованію наукъ и искусствъ, изящнаго вкуса, метода ученія и воспитанія".

О близкихъ личныхъ отношеніяхъ Александра Сергѣевича къ Буле свидѣтельствуетъ подарокъ, сдѣланный профессоромъ своему ученику: въ 1826 г. Грибоѣдовъ вспоминаетъ о книгѣ Degerando, которую подарилъ ему Буле въ 1811 году. Современникъ Грибоѣдова, Ксеноф. Полевой, свидѣтельствуетъ, что Грибоѣдовъ былъ сильно привязанъ къ своему наставнику и всегда вспоминалъ о немъ съ благодарностью. Подъ прямымъ воздѣйствіемъ этого гуманиста развивались философскія, эстетическія и литературныя воззрѣнія Грибоѣдова. Еще будучи въ Геттингенѣ, Буле читалъ исторію литературы новѣйшихъ народовъ и спеціальный курсъ исторіи англійской поэзіи. Грибоѣдовъ, частнымъ образомъ, слушалъ у него эстетику на нѣмецкомъ языкѣ. Несомнѣнно, что славный наставникъ, самъ воспитанный у источниковъ европейскаго просвѣщенія и литературы, могъ сообщить своему ученику многое, что было рѣшительно недоступно большинству сверстниковъ послѣдняго.

Подводя итоги университетскимъ занятіямъ Грибоѣдова, мы должны признать, что имѣемъ въ его лицѣ рѣдкій въ лѣтописяхъ литературы примѣръ всесторонняго и углубленнаго образованія. Университетъ наложилъ неизгладимую печать на всѣ духовные интересы Грибоѣдова. Когда Грибоѣдовъ-корнетъ пишетъ точную, цифровую статью объ организаціи кавалерійскихъ резервовъ, — въ этомъ чувствуется университетская подготовка къ статистикѣ; когда Грибоѣдовъ-секретарь посольства изучаетъ въ Персіи восточную филологію и литературу, — это облегчается хорошими познаніями, почерпнутыми въ collegia philologica Московскаго университета; университетскія занятія русской исторіей и географіей отразились въ интересахъ и разысканіяхъ Грибоѣдова при посѣщеніи Кіева и Крыма, и т. д.

Не менѣе существенно было воздѣйствіе на Грибоѣдова-юношу другихъ впечатлѣній — театральныхъ. Въ университетской средѣ дѣйствовали два постоянныхъ театра: Благороднаго Пансіона и университетскій. При университетѣ театръ возникъ еще въ XVIII вѣкѣ. Девятнадцатому вѣку онъ передалъ кромѣ богатаго гардероба и всякихъ сценическихъ принадлежностей прочную традицію театральныхъ затѣй, а также и опытныхъ сценическихъ руководителей, какъ профессора Сандуновъ и Страховъ.

О пансіонскомъ театрѣ десятыхъ годовъ у П. Араповa мы читаемъ: „воспитанники Университетскаго Благороднаго Пансіона, подъ руководствомъ братьевъ Сандуновыхъ, давали прекрасные спектакли на своемъ театрѣ; женскія роли исполняли мужчины. Н. Н. Сандуновъ сочинилъ для нихъ нарочно игривую, нравственную комедію безъ женскихъ лицъ: „Друзья нынѣшняго вѣка“; она имѣла большой успѣхъ и повторялась часто“. Тотъ же Сандуновъ издалъ „Собраніе пьесъ для театра Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона“. Дѣятельнымъ руководителемъ студенческихъ спектаклей являлся также профессоръ Страховъ. „Онъ любилъ и поощрялъ благопристойныя и полезныя увеселенія: военныя экзерциціи, музыку, театральныя представленія“, „никогда не отказывалъ бывать на репетиціяхъ университетскаго театра и не оставлялъ своими совѣтами, ибо правила сценическаго искусства зналъ превосходно“.

Въ концѣ восемнадцатаго и въ первые годы XIX вѣка въ Москвѣ весьма удачно дѣйствовалъ частный публичный театръ Медокса. Большой успѣхъ его въ публикѣ побудилъ правительство взять театральныя зрѣлища въ свои руки, и съ 1-го апрѣля 1806 г. театръ Медокса сдѣлался Императорскимъ. Однако, этимъ далеко не исчерпывались театральныя затѣи въ Москвѣ. Обиліе крѣпостныхъ давало возможность московскимъ барамъ устраивать свои собственные домашніе балеты, оркестры, театры. Современники свидѣтельствуютъ о громадномъ количествѣ домашнихъ театровъ въ Москвѣ конца XVIII и начала XIX в. П. Араповъ пишетъ: „въ 1796 г. въ Москвѣ существовало до двадцати домовыхъ театровъ, при коихъ были оркестры музыки, оперныя и даже балетныя труппы“; „у графа Шереметева былъ свой театръ не только въ городѣ, но и въ двухъ подмосковныхъ имѣніяхъ: въ Кусковѣ и Останкинѣ устроены были сцены съ изящнымъ вкусомъ“. „Въ позднѣйшее время, въ восьмисотыхъ годахъ были домашніе театры у Степана Степановича Апраксина, гдѣ играли часто и благородные любители; у Николая Алексѣевича Дурасова была своя труппа, и славилась труппа Петра Алексѣевича Позднякова; распоряжался ею долго Сандуновъ“. Были также и другіе частные театры въ Москвѣ.

Въ литературной жизни творца великой комедіи было какое-то своеобразное предопредѣленіе вращаться въ средѣ интересовъ сцены и драмы. Въ 1815—1818 г.г., въ періодъ небывалаго оживленія русскаго театра, Грибоѣдовъ, какъ мы узнаемъ потомъ, былъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ драматургами и артистами въ Не-

тербургѣ. Здѣсь, въ Москвѣ, въ ранней юности, когда такъ чутко воспринимаются „всѣ впечатлѣнья бытія“, Грибоѣдовъ былъ окруженъ атмосферой театральныхъ увлеченій. Обиліе театральныхъ затѣй въ университетѣ и въ обществѣ, несомнѣнно, оказало сильное вліяніе на будущаго драматурга. Грибоѣдовъ, по происхожденію и связямъ, принадлежалъ къ аристократическимъ кругамъ Московскаго общества, гдѣ особенно широко устраивались театральныя развлеченія. И онъ не только усердно посѣщалъ московскіе театры, но и самъ участвовалъ въ спектакляхъ въ качествѣ исполнителя. Передаютъ, что особенно онъ любилъ исполнять роль Альцеста въ мольеровскомъ „Мизантропѣ“ и отличался, какъ декламаторъ. Вотъ какъ отзывается объ этомъ А. А. Бестужевъ: „Грибоѣдовъ былъ отличный чтецъ; безъ фарсовъ, безъ поддѣлокъ онъ умѣлъ дать разнообразіе каждому лицу и оттѣнять каждое счастливое выраженіе“. Впослѣдствіи, созрѣвшая мысль великаго комика сумѣла по достоинству оцѣнить тѣ уродливости, которыя сопутствовали театральнымъ затѣямъ Москвы. Въ „Горѣ отъ ума“ Грибоѣдовъ сурово заклеймилъ того, извѣстнаго всей Москвѣ, театрала,

который для затѣй
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей.

Мѣтко осмѣялъ Грибоѣдовъ въ комедіи и тѣхъ театральныхъ энтузіастовъ, которые, вмѣстѣ съ Репетиловымъ, „лѣпили водевильчики“ и готовы были объявить, что только

водевиль есть вещь, а прочее все гиль!

Но въ дни юности, „когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло,“ Грибоѣдовъ, вѣроятно, непосредственно отдавался театральнымъ впечатлѣніямъ, жадно впитывая воздѣйствія сцены и драмы и получая возбужденія къ самостоятельному творчеству. С. Н. Бѣгичевъ свидѣтельствуетъ, что Грибоѣдовъ на пятнадцатомъ году жизни, т. е. въ 1810 г., „написалъ въ стихахъ пародію-трагедію „Дмитрія Донского“, подъ названіемъ „Дмитрій Дрянской“, по случаю ссоры русскихъ профессоровъ съ нѣмецкими за залу аудиторіи, въ которой и русскіе и нѣмецкіе профессоры хотѣли имѣть каѳедру.— Начинается такъ же, какъ и въ трагедіи, совѣтомъ русскихъ, которые хотятъ изгнать изъ университета нѣмцевъ, потомъ такъ же кстати, какъ въ трагедіи явилась въ станъ княжна Ксенія, пришла въ университетъ Аксинья и т. п. Всѣ приготовились къ бою, но русскіе одержали побѣду. Профессоръ Дмитрій Дрянской, издавав-

шій журналъ, вышелъ впередъ, началъ читать первый номеръ своего журнала, и нѣмцы всѣ заснули". Тетрадка съ этой драматической шуткой, къ сожалѣнію, погибла, и мы о ней не знаемъ ничего, кромѣ пересказа Бѣгичева. Другой современникъ сообщаетъ, что Грибоѣдовъ „однажды въ началѣ 1812 года, прочелъ Іону и г. N отрывокъ изъ комедіи, имъ задуманной". Мы и здѣсь не знаемъ подробностей, но знаменательно, что первые литературные опыты Грибоѣдова оказались въ драматическомъ родѣ. Тотъ же свидѣтель добавляетъ: „нерѣдко читалъ онъ своимъ товарищамъ стихи своего сочиненія, большею частью сатиры и эпиграммы".—И это характерно для автора „Горя отъ ума".

III. Военная служба.

Въ эту содержательную и такъ хорошо налаженную юношескую жизнь внезапно ворвались новыя, сильныя и яркія впечатлѣнія. Къ мирному завоеванію докторскаго диплома Грибоѣдовъ готовился въ то время, когда вокругъ назрѣвали великія военныя и политическія событія. Вторженіе въ предѣлы Россіи Наполеона вызвало сильное національное движеніе. Грибоѣдова захватило всеобщее одушевленіе, и онъ вступилъ въ ряды войскъ. Позднѣе, въ прошеніи объ увольненіи отъ военной службы, Грибоѣдовъ сообщалъ объ этомъ моментѣ: „я былъ готовъ къ испытанію для поступленія въ чинъ доктора, какъ получено было извѣстіе о вторженіи непріятеля въ предѣлы отечества нашего и вскорѣ затѣмъ послѣдовало Высочайшее Вашего Императорскаго Величества воззваніе къ дворянству ополчиться для защиты отечества. Я рѣшился тогда оставить всѣ занятія мои и поступить въ военную службу". Грибоѣдовъ зачислился (26 іюля 1812 г.) корнетомъ въ Московскій гусарскій полкъ, который формировался тогда графомъ П. И. Салтыковымъ. Съ какими чувствами и намѣреніями поэтъ „ополчался для защиты отечества", намъ нетрудно догадаться: это были тѣ же благородныя возбужденія, какія переживали братья Ростовы въ „Войнѣ и Мирѣ". Но восторженному патріотизму Грибоѣдова, его готовности pro patria mori не пришлось осуществиться въ боевомъ дѣлѣ. Полкъ графа Салтыкова получилъ приказъ передвинуться изъ Москвы въ Казань, совсѣмъ въ сторону отъ театра войны. Всю осень и весь декабрь 1812 г. Мо-

сковскій гусарскій полкъ простоялъ въ Казанской губерніи. Въ декабрѣ командиръ полка, гр. Салтыковъ, умеръ въ Казани, и полкъ, сформированный на его средства, оказался въ неопредѣленномъ положеніи. Въ это время пополнялся составъ другого полка, Иркутскаго драгунскаго, потерпѣвшаго въ сраженіяхъ большой уронъ. Было дано распоряженіе присоединить кадры Московскаго полка къ Иркутскому и послѣднему дать наименованіе Иркутскаго гусарскаго полка. Большинство офицеровъ Московскаго полка перешло въ Иркутскій; въ ихъ числѣ былъ и Грибоѣдовъ. На комплектованіе соединеннаго полка ушло довольно много времени; только въ маѣ 1813 г. въ Кобринъ, гдѣ стоялъ Иркутскій полкъ, прибыли триста человѣкъ изъ Московскаго полка. Для юнаго корнета дѣла въ полку пока не было, онъ „по болѣзни“ взялъ отпускъ и въ 1813 году нѣкоторое время жилъ во Владимірѣ. Между тѣмъ, полкъ Грибоѣдова былъ зачисленъ въ кавалерійскіе резервы, подъ командой генерала-отъ-кавалеріи А. С. Кологривова. Генералу было поручено весьма важное и трудное дѣло: собираніе и обученіе новыхъ кадровъ кавалеріи для дѣйствующей арміи. Но эта дѣятельность, по самому существу своему, держала кавалерійскіе резервы въ сторонѣ отъ боевыхъ столкновеній, и Грибоѣдову опять, силою обстоятельствъ, не удалось принять боевого крещенія. Зато въ комплектованіи резервовъ онъ принялъ, не смотря на свою молодость, очень дѣятельное участіе. Въ самомъ Иркутскомъ гусарскомъ полку Грибоѣдовъ пробылъ не долго, всего четыре мѣсяца, и остался очень недоволенъ своими однополчанами. Благодаря связямъ по Москвѣ, онъ попалъ въ адъютанты къ самому Кологривову и въ этой должности могъ вращаться въ центрѣ организаціонныхъ работъ. Насколько внимательно изучилъ онъ дѣло и какъ горячо къ нему относился, показываетъ его статья: „О кавалерійскихъ резервахъ“, написанная въ 1814 г. и напечатанная въ ноябрьскомъ номерѣ „Вѣстника Европы“ за тотъ же годъ. Въ этой юношеской статьѣ, написанной горячо и порывисто, Грибоѣдовъ указываетъ на важное значеніе для успѣховъ арміи правильной организаціи резервовъ, разсказываетъ, съ какими трудностями пришлось считаться генералу Кологривову, передаетъ въ точныхъ цифрахъ и примѣрахъ развитіе кавалерійскихъ резервовъ за послѣдніе годы, съ гордостью отмѣчаетъ, гдѣ и какіе эскадроны, изъ числа скомплектованныхъ Кологривовымъ, отличались въ бояхъ, и наконецъ излагаетъ, опять въ цифрахъ, удачные „экономическіе расчеты“ въ дѣлѣ заготовленія провіанта и фуража

для резервовъ, благодаря чему для „государственной экономіи“ сберегліись огромныя суммы. Въ этихъ разсужденіяхъ чувствуется не только университетская подготовка къ экономическимъ и статистическимъ изученіямъ, но и практическая сноровка разбираться въ сложныхъ предпріятіяхъ, дающая предугадывать будущаго государственнаго дѣятеля. Не менѣе чувствуется и патріотическое настроеніе автора, дорожащаго интересами государства и успѣхами русскаго оружія. Генералъ Кологривовъ оцѣнилъ Грибоѣдова и въ оффиціальной бумагѣ писалъ о немъ: „находясь при мнѣ въ должности адъютанта, исполнялъ какъ сію должность, такъ и прочія дѣлаемыя ему порученія съ особеннымъ усердіемъ, ревностью и дѣятельностью, за что и представленъ отъ меня вмѣстѣ съ прочими чиновниками, оказавшими отличіе при формированіи кавалерійскихъ резервовъ, къ Всемилостивѣйшему награжденію“.

Но молодость брала свое. Жажда веселья и удаль, сдерживаемая строгимъ режимомъ семьи, воспитателей и университетскихъ занятій, теперь могла найти утоленіе въ разгульной гусарской средѣ. Какъ забавлялась военная молодежь того времени въ столицахъ, мы знаемъ по художественному разсказу Л. Н. Толстого о проказахъ Долохова, Анатолія Курагина и Пьера Безухаго. Въ глухой провинціи, куда были заброшены резервы Кологривова, скудость культурной обстановки и скука еще болѣе обостряли „гусарскія шалости“. Грибоѣдовъ участвовалъ въ нихъ на ряду съ другими, и до насъ дошло нѣсколько анекдотовъ о его выходкахъ. Разсказываютъ, напримѣръ, что онъ въѣхалъ на лошади на второй этажъ—на балъ, куда его не пригласили. Литературнымъ памятникомъ такихъ настроеній осталось „Письмо изъ Бреста Литовска“ къ издателю „Вѣстника Европы“, напечатанное въ августовскомъ номерѣ журнала за тотъ же 1814 годъ,—первое изъ печатныхъ произведеній Грибоѣдова. Въ „письмѣ“ Грибоѣдовъ описываетъ, въ прозѣ и въ стихахъ, праздникъ, данный офицерами въ честь генерала Кологривова 22 іюня, въ окрестностяхъ Бреста. Съ наивнымъ юношескимъ увлеченіемъ авторъ разсказываетъ о всѣхъ подробностяхъ праздника: объ украшеніяхъ палатокъ, о фейерверкѣ, обѣдѣ, ужинѣ, танцахъ и т. д. Вотъ двѣ—три характерныхъ фразы: „Признаться, моя логика велитъ лучше пить вино, чѣмъ описывать, какъ пьютъ, и кажется, что она, хоть гусарская, но справедливая... Моя одна забота, чтобы праздники чаще давались. Нашъ стоитъ 10.000 рублей, кромѣ фейерверка. Кончая мою реляцію, желаю вамъ такъ же веселиться, какъ я веселился 22 іюня“.

Но и среди этого беззаботнаго щебетанья звучитъ серьезная нота. „Не думайте, однако жъ, что забвеніе всего овладѣло шумнымъ обществомъ: открылась подписка въ пользу госпиталя и бѣдныхъ всякаго званія. На сей предметъ собрано 6.500 рублей... Посылаю вамъ 1.000 рублей для бѣдныхъ, которыхъ такъ много послѣ пожара Москвы. Въ отдаленности отъ любезнаго отечественнаго края намъ неизвѣстно, какія частныя лица наиболѣе терпятъ отъ бѣдности. Полагаемся на васъ".

Помѣшавъ Грибоѣдову участвовать въ бояхъ и побывать съ войсками въ Европѣ и Парижѣ, какъ это удалось, напр., К. Н. Батюшкову, К. Ѳ. Рылѣеву и многимъ другимъ выдающимся русскимъ людямъ, служба въ кавалерійскихъ резервахъ, такимъ образомъ, лишила поэта очень сильныхъ и важныхъ впечатлѣній. Зато она надѣлила Александра Сергѣевича другомъ, съ которымъ онъ потомъ дѣлилъ радость и горе во всю остальную жизнь. Въ числѣ адъютантовъ Кологривова служили два брата, Степанъ Никитичъ и Дмитрій Никитичъ Бѣгичевы. Дмитрій Никитичъ былъ впослѣдствіи губернаторомъ въ Воронежѣ и тамъ покровительствовалъ Кольцову; его перу принадлежитъ романъ „Семейство Холмскихъ" и еще нѣсколько произведеній, рисующихъ бытъ русскаго дворянства. Онъ навсегда остался въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Грибоѣдовымъ. Но глубокая дружба соединила поэта не съ нимъ, а съ его братомъ, Степаномъ Никитичемъ. О томъ, какое вліяніе на Грибоѣдова Бѣгичевъ получилъ съ первыхъ дней знакомства, поэтъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Степану Никитичу отъ 18 сентября 1818 г.: „Ты, мой другъ, поселилъ въ меня, или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру, я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился". И въ эти годы и потомъ, въ Петербургѣ, Бѣгичевъ былъ для Грибоѣдова старшимъ братомъ (онъ былъ на десять лѣтъ старше Александра Сергѣевича).

По преданію, въ военной же службѣ Грибоѣдовъ познакомился съ кн. А. А. Шаховскимъ, извѣстнымъ драматургомъ александровскаго времени и театральнымъ дѣятелемъ. По его предложенію Грибоѣдовъ взялся за переводъ французской комедіи „Le secret du ménage".

Несмотря на свое увлеченіе комплектованіемъ резервовъ, Грибоѣдовъ имѣлъ много досуга. Нѣкоторая доля его уходила на литературныя работы, упомянутыя выше, другая, несомнѣнно, поглоща-

лась чтеніемъ. Чуткій и наблюдательный, Грибоѣдовъ присматривался, конечно, также къ народной жизни въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, читалъ польскихъ поэтовъ, прислушивался къ національной музыкѣ и любовался видами Буга и старыхъ замковъ. Бывалъ онъ и въ Варшавѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ впечатлѣній отразились потомъ въ пьесѣ „Кто братъ, кто сестра“.

Между тѣмъ, военныя событія шли своимъ чередомъ и приближались къ исходу. Грандіозная эпопея Двѣнадцатаго Года завершала свое развитіе; Наполеонъ былъ побѣжденъ и низложенъ, императоръ Александръ съ русскими войсками прошелъ по Европѣ и былъ въ Парижѣ. Наконецъ, послѣдніе русскіе воины вернулись изъ-за границы. Теперь работа мысли и совѣсти лучшихъ русскихъ людей должна была обратиться отъ внѣшней политики къ внутреннему строительству. Для Грибоѣдова военная служба становилась уже безцѣльной, и онъ искалъ новаго поприща для приложенія своихъ богатыхъ силъ.

IV. Въ Петербургѣ.

Поэтъ могъ возвратиться обратно въ Москву. Родственныя и свѣтскія связи легко помогли бы ему тамъ „награжденья брать и весело пожить“. Но возвратъ въ Москву обозначалъ бы вторичное подчиненіе произволу матери и давленію узкаго свѣтскаго круга. Послѣ трехъ лѣтъ привольной жизни это было бы слишкомъ тяжело для Грибоѣдова, всегда дорожившаго независимостью. Отъ Москвы онъ взялъ все лучшее, что она могла ему дать. Между тѣмъ въ Петербургѣ теперь складывалась новая жизнь. Съ 1815 г., съ возвращеніемъ русскихъ войскъ изъ заграничныхъ походовъ, въ сѣверной столицѣ начинаетъ развиваться новое общественное движеніе. Отечественная война всколыхнула общество и поставила передъ нимъ рядъ важныхъ государственныхъ вопросовъ. Напряженный патріотизмъ искалъ себѣ новой пищи—уже не въ бранныхъ подвигахъ, а въ мирной культурной работѣ. Веденіе долгой войны вскрыло многіе недостатки военной организаціи, въ свою очередь связанные съ непорядками государственными. Сближеніе съ солдатами въ долгихъ походахъ открыло офицерамъ многія достоинства народнаго характера и вызывало живую симпатію къ народу. Участіе народа въ національной самообороны требовало неизбѣжнаго вывода, что народъ, освободившій родину отъ внѣш-

няго врага, самъ достоинъ освобожденія отъ крѣпостного права. За-границей русскіе офицеры подолгу живали въ Германіи и Франціи, бывали въ Англіи. Тамъ они видѣли, какъ богата европейская культура—научная, художественная и матеріальная, какъ много способствуютъ ея развитію европейскія государственныя учрежденія. Сравненіе съ Россіей напрашивалось само собой, и оно во многомъ было не въ пользу родины. Въ результатѣ этихъ воздѣйствій въ передовомъ русскомъ обществѣ начинается пересмотръ русскихъ порядковъ и обсужденіе плановъ государственныхъ реформъ, что поддерживалось дѣятельностью самого императора Александра Павловича, даровавшаго въ 1815 г. конституцію Польшѣ. Вскорѣ изъ неопредѣленнаго общественнаго броженія возникли кружки, потомъ перешедшіе въ таинныя общества—будущія декабристскія организаціи; въ началѣ 1816 г. уже образовался „Союзъ Спасенія". Съ другой стороны громкія побѣды, взятіе Парижа, первенствующее положеніе въ Европѣ русскаго монарха, все это придавало особый блескъ и напряженіе свѣтской жизни Петербурга. Это не замедлило отозваться на публичныхъ увеселеніяхъ—на театрѣ. До войны московская театральная жизнь была богаче петербургской; теперь театральная гегемонія перешла къ Петербургу. Начался расцвѣтъ сцены и драмы, охарактеризованный такъ изящно Пушкинымъ въ „Онѣгинѣ". Выдвинулся цѣлый рядъ богато одаренныхъ артистовъ, какъ Яковлевъ, Семенова, Каратыгины. Традиціонный классическій репертуаръ обогатился произведеніями Озерова, сумѣвшаго скрасить условности и дефекты старой манеры струей сентиментализма. А потомъ на сцену ворвался „шумный рой" пьесъ новаго жанра, принадлежавшихъ перу кн. Шаховского, Хмельницкаго, Загоскина—веселая комедія, комическая опера и водевиль.

Повышенная жизнерадостность и возбужденіе, какія переживались тогда въ столичномъ обществѣ, особенно—военномъ, послѣ войны отзывались также и нѣкоторыми уродливостями—кутежами, скандалами. Никогда прежде не было столько дуэлей, какъ теперь.

20 декабря 1815 года Александръ Сергѣевичъ подалъ прошеніе объ увольненіи изъ военной службы „для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ", 25 марта 1816 г. получилъ отставку, а 9 іюня 1817 г. былъ принятъ на службу въ Государственную Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ еще въ 1815 г. и до принятія въ Коллегію, какъ и послѣ того, пользовался широкимъ досугомъ. И со свойственною ему стремительностью и страстностью, Грибоѣдовъ отдался столичной жизни. Въ общественныхъ кружкахъ,

захваченныхъ политическими интересами, онъ могъ встрѣчаться со многими старыми московскими знакомыми и товарищами по Благородному пансіону и университету. Таковъ, напр., былъ Чаадаевъ, который тогда „свободою горѣлъ“. Ему Грибоѣдовъ первый указалъ на юношу Пушкина, какъ на многообѣщающаго поэта (съ Пушкинымъ Грибоѣдовъ числился одновременно въ Коллегіи; тамъ же служилъ и В. К. Кюхельбекеръ). Другъ Грибоѣдова, С. Н. Бѣгичевъ, скоро былъ вовлеченъ въ тайныя организаціи и въ 1817 г. былъ принятъ въ „Союзъ Благоденствія“. Новый знакомый и вскорѣ близкій пріятель Александра Сергѣевича, П. А. Катенинъ, былъ тоже нѣкоторое время предсѣдателемъ одной фракціи военнаго тайнаго общества. Самъ Грибоѣдовъ въ началѣ 1816 года былъ принятъ въ масонскую ложу „Соединенныхъ Друзей“ — наряду съ Чаадаевымъ и Пестелемъ, а 13 января 1817 подписалъ, въ качествѣ одного изъ учредителей, актъ ложи Du Bien. Возможно также, что онъ посѣщалъ кружокъ „Зеленой Лампы“, интересовавшійся политическими вопросами, съ предсѣдателемъ котораго, Никитой Всеволожскимъ, тоже служившимъ въ Коллегіи, поэтъ былъ на дружеской ногѣ. Такимъ образомъ, общественное возбужденіе того времени не прошло мимо автора „Горя отъ ума“.

Еще болѣе захватила его литературная и театральная жизнь. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ Александръ Сергѣевичъ познакомился съ издателемъ „Сына Отечества“, Н. И. Гречемъ, драматургомъ Н. И. Хмельницкимъ, литераторомъ-дилеттантомъ А. А. Жандромъ, поэтомъ и критикомъ-эрудитомъ П. А. Катенинымъ и другими дѣятелями литературы. Среди дѣятелей сцены также завязались близкія знакомства, напр., съ Сосницкимъ, Семеновыми, Валберховыми и многими другими. Въ „Сынѣ Отечества“ у Греча Грибоѣдовъ сталъ помѣщать свои новыя произведенія; въ ноябрѣ 1815 г. здѣсь была напечатана эпиграмма „Отъ Аполлона“; въ 1816 г. статья: „О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады Ленора“,—колкая антикритика на Н. И. Гнѣдича, разбранившаго Катенина; въ 1817 г.—пять сценъ изъ комедіи „Своя Семья“.

Грибоѣдовъ быстро вовлекся въ литературные споры. Къ его пріѣзду въ Петербургъ наиболѣе враждовали между собою два лагеря: шишковисты и карамзинисты. Первые собирались въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова“, вторые—въ „Арзамасѣ“. Шишковисты тяготѣли къ „церковно-славянскомъ стихіи“ въ литературномъ языкѣ, къ библейской поэзіи, частью—къ классицизму; въ политикѣ они

заявляли себя консерваторами и націоналистами. Карамзинисты стояли за реформу литературнаго слога съ приближеніемъ къ разговорному языку общества, въ поэзіи были романтиками, въ политикѣ склонялись къ либерализму. Помимо этихъ двухъ обществъ было еще нѣсколько кружковъ, гдѣ также дебатировались вопросы литературныхъ направленій, классицизма, сентиментализма, романтизма. Грибоѣдовъ не примкнулъ ни къ „Бесѣдѣ“, ни къ „Арзамасу“. Пристрастіе къ библейской поэзіи и архаизмамъ въ языкѣ сближали его съ „Бесѣдой“, тѣмъ болѣе, что и его близкій знакомый, кн. А. А. Шаховской, былъ партизаномъ шишковистовъ. Но политическая нетерпимость и культурная отсталость шишковистовъ должна была его отталкивать отъ нихъ. Однако, не сошелся онъ и съ арзамасцами. У Грибоѣдова вскорѣ образовался свой особый кружокъ. Объ этомъ кружкѣ С. Н. Бѣгичевъ разсказываетъ: „Всегдашнее наше и почти неразлучное общество составляли Грибоѣдовъ, Жандръ, Катенинъ, Чепяговъ и др. Всѣ они, кромѣ меня, были въ душѣ поэты, много читали, знали хорошо европейскую литературу и отдавали преимущество романтикамъ. Въ дружескихъ бесѣдахъ часто сообщали они другъ другу планы будущихъ своихъ сочиненій, но мало писали“. Еще при первомъ знакомствѣ съ Бѣгичевымъ, т. е. около 1813 г., „вкусъ и мнѣніе Грибоѣдова о литературѣ были уже сформированы; это извѣстно мнѣ на мой собственный счетъ. Изъ иностранной литературы я зналъ только французскую, и въ твореніяхъ Корнеля, Расина и Мольера я видѣлъ верхъ совершенства. Но Грибоѣдовъ, отдавая полную справедливость ихъ талантамъ, повторялъ мнѣ: „Да зачѣмъ они вклепли свои дарованія въ узенькую рамочку трехъ единствъ? И не дали воли своему воображенію расходиться по широкому полю?“ Онъ первый познакомилъ меня съ „Фаустомъ“ Гёте, и тогда уже зналъ почти наизустъ Шиллера, Гёте и Шекспира“. Независимость отъ кружковыхъ мнѣній и критицизмъ Грибоѣдова очень ярко отразились въ одномъ его произведеніи, написанномъ совмѣстно съ П. А. Катенинымъ. Въ 1817 г. они сочинили комедію въ трехъ дѣйствіяхъ „Студентъ“. Художественныя достоинства пьесы невелики, но она любопытна по сатирическимъ выпадамъ противъ тогдашнихъ литературныхъ авторитетовъ. Главный герой комедіи, студентъ Беневольскій, представляетъ типъ литературнаго педанта съ мелкимъ тщеславіемъ и ограниченными взглядами. Онъ сыплетъ цитатами и декламируетъ собственные стихи, и это даетъ авторамъ возможность пародировать произведенія сентименталистовъ и роман-

тиковъ, Батюшкова, Жуковскаго, В. Л. Пушкина, Карамзина, Александра Пушкина. Изъ-за этихъ пародій, повидимому, пьеса не попала ни на сцену, ни въ печать. Зато другія пьесы Грибоѣдова были счастливѣе. Мы знаемъ, какъ близко стоялъ Грибоѣдовъ къ театру въ студенческіе годы. На военной службѣ онъ познакомился съ кн. Шаховскимъ, энтузіастомъ театральнаго дѣла, и въ Петербургѣ неизбѣжно долженъ былъ сблизиться съ дѣятелями сцены и драмы. Объ этомъ неизмѣнный другъ Грибоѣдова, Бѣгичевъ, разсказываетъ: „Всѣ мы любили очень театръ, часто его посѣщали и оканчивали нашъ вечеръ, т. е. до 2-хъ и 3-хъ часовъ утра, у кн. Шаховскаго, бывшаго тогда директоромъ театра. Хозяинъ былъ очень любезенъ, всегда веселъ, и разговоръ его о всѣхъ предметахъ былъ занимателенъ и разнообразенъ, но болѣе любилъ онъ говорить о литературѣ. Въ домѣ его встрѣчались разнообразныя и разнохарактерныя лица. Тутъ можно было увидѣть и литератора, и артиста, и даровитаго актера, и хорошенькую актрису, и шалуна офицера, а иногда и ученаго академика". Театръ драматическій принадлежалъ тогда къ числу любимѣйшихъ общественныхъ развлеченій Петербурга; вокругъ него образовался многолюдный кругъ театраловъ, писавшихъ пьесы, проходившихъ роли съ актерами или просто ежедневно бывавшихъ въ зрительной залѣ. Здѣсь можно было постоянно встрѣтить Н. И. Гнѣдича, П. А. Катенина, Н. И. Хмельницкаго, М. Н. Загоскина, Н. В. Всеволожскаго, А. А. Жандра и многихъ другихъ. Среди нихъ были и такіе, о которыхъ Грибоѣдовъ, устами Репетилова, сказалъ:

Я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду—часа не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ.

Тогда было въ модѣ писать пьесы „на случай", къ бенефису знакомаго актера или актрисы или въ ознаменованіе какого-нибудь оффиціальнаго торжества. Такія пьесы или спѣшно переводились, или передѣлывались съ французскаго, или наскоро сочинялись по установившимся образцамъ. Особенно въ модѣ были тогда водевили —новинка драматургіи. Среди тогдашнихъ драматурговъ особеннымъ мастерствомъ и неутомимостью отличался кн. Шаховской,

написавшій до ста пьесъ: комедій, комическихъ оперъ, водевилей, „волшебныхъ представленій“, „историческихъ былей“ и т. д. Грибоѣдовъ вовлекся въ этотъ потокъ новой драматургіи. Привезенная имъ изъ Бѣлоруссіи пьеса „Молодые Супруги“ была поставлена впервые 29 сентября 1815 г., и разыграли ее выдающіеся артисты: Екатерина Семенова, Сосницкій и Брянскій; пьеса потомъ нерѣдко ставилась и на казенномъ театрѣ и въ „благородныхъ спектакляхъ“; тогда же она была издана отдѣльно. Въ ноябрѣ 1817 г. въ „Сынѣ Отечества“ были напечатаны пять сценъ, сочиненныхъ Грибоѣдовымъ для пьесы „Своя Семья“, написанной вскладчину Шаховскимъ, Хмельницкимъ и Грибоѣдовымъ. 11 февраля 1818 г. впервые представлена одноактная пьеса „Притворная Невѣрность“, передѣланная изъ трехактной французской комедіи Барта. Около того же времени разрѣшена цензурой „Проба Интермедіи“, поставленная позднѣе въ бенефисъ Брянскаго. Всѣ эти пьесы не представляли ничего особеннаго, но Грибоѣдовъ очень ревниво слѣдилъ за ихъ успѣхами, и когда М. Н. Загоскинъ, два года спустя послѣ появленія „Молодыхъ Супруговъ“, отозвался въ журналѣ, по поводу новой постановки, слегка иронически о нѣкоторыхъ неудачныхъ стихахъ въ пьесѣ, авторъ сильно обидѣлся и отомстилъ критику памфлетомъ въ стихахъ: „Лубочный Театръ“.

Молодость, веселый характеръ, близость къ театральнымъ кулисамъ, знакомство съ „шалунами-офицерами“, досугъ — склоняли Грибоѣдова къ беззаботному прожиганію жизни. „Въ Петербургѣ, разсказываетъ Бѣгичевъ, по молодости лѣтъ Грибоѣдовъ велъ веселую и разгульную жизнь. Съ его неистощимою веселостью и остротой, вездѣ, когда онъ попадалъ въ кругъ молодыхъ людей, былъ онъ ихъ душой... Веселая и беззаботная была тогда жизнь наша! Я, при старости моей, до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ времени!“ Въ этомъ кругѣ зарождалось и разрѣшалось много любовныхъ затѣй и приключеній, придававшихъ новый блескъ и вкусъ жизни. Но не всегда и не все благополучно сходило съ рукъ, и среди шумнаго веселья могли, неожиданно, раздаваться стоны. Такъ случилось однажды съ Грибоѣдовымъ. Среди его театральныхъ знакомыхъ была извѣстная танцовщица Е. И. Истомина, воспѣтая Пушкинымъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Истомина жила вмѣстѣ съ офицеромъ Кавалергардскаго полка В. А. Шереметевымъ. Грибоѣдовъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ обоими. Такъ, напр., 9 ноября 1816 г. онъ сообщалъ изъ Петербурга въ

Москву Бѣгичеву: „Въ воскресенье я съ Истоминой и съ Шереметевымъ ѣду въ Шустерклубъ; кабы ты былъ здѣсь, и ты бы съ нами дурачился.“ За Истоминой ухаживалъ также, но безуспѣшно, камеръ-юнкеръ графъ А. П. Завадовскій. Въ началѣ ноября 1817 года Истомина поссорилась съ Шереметевымъ и переселилась отъ него къ своей подругѣ Азаровой. Этой ссорой захотѣлъ воспользоваться графъ Завадовскій. Грибоѣдовъ, жившій тогда вмѣстѣ съ нимъ, однажды послѣ спектакля привезъ Истомину въ квартиру Завадовскаго. Это возмутило Шереметева, и онъ вызвалъ на дуэль Завадовскаго, а его пріятель, корнетъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, А. И. Якубовичъ, извѣстный впослѣдствіи декабристъ, вызвалъ Грибоѣдова, какъ участника интриги. Partie carrée была назначена на 12 ноября. Въ этотъ день, на Волковомъ полѣ, въ 2 часа пополудни, состоялась дуэль Завадовскаго и Шереметева. Первымъ стрѣлялъ Шереметевъ; пуля задѣла слегка сюртукъ Завадовскаго. Противникъ, убѣдившись, что Шереметевъ имѣлъ серьезное намѣреніе убить его, собрался самъ сдѣлать то же. Секунданты, среди коихъ былъ Богданъ Ивановичъ Іонъ и извѣстный бреттеръ Каверинъ, пріятель Пушкина и Грибоѣдова, склоняли Завадовскаго пощадить жизнь Шереметева. Но самъ Шереметевъ требовалъ выполненія правилъ дуэли, грозя потомъ опять стрѣляться съ обидчикомъ. Графъ Завадовскій выстрѣлилъ и ранилъ Шереметева въ животъ. Рана была смертельная и Шереметевъ умеръ на другой день. Дуэль между Грибоѣдовымъ и Якубовичемъ не могла состояться: надо было отвезти въ городъ раненаго Шереметева, а потомъ Якубовичъ, уже раньше предназначенный къ отставкѣ, былъ арестованъ какъ зачинщикъ дуэли. Началось слѣдствіе, къ которому привлекались Грибоѣдовъ, Завадовскій, Якубовичъ, Истомина. По преданію, отецъ убитаго Шереметева ходатайствовалъ предъ Государемъ о прощеніи участниковъ дуэли; Грибоѣдовъ остался безнаказаннымъ, графа Завадовскаго, говорятъ, выслали на нѣкоторое время за-границу, а Якубовичъ былъ сосланъ на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ Грибоѣдовымъ, и намъ еще предстоитъ разсказать объ ихъ дуэли. Видные участники поединка, его несчастный исходъ и обстоятельства ему предшествовавшія вызвали много разговоровъ въ обществѣ. Якубовичъ вездѣ поносилъ Грибоѣдова, и общее впечатлѣніе было не въ пользу поэта. А. А. Бестужевъ, извѣстный писатель-декабристъ, впослѣдствіи близкій пріятель Грибоѣдова, долго намѣренно избѣгалъ знакомства съ поэтомъ: „Я былъ

предубѣжденъ противъ Александра Сергѣевича, пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ.—Разсказы объ извѣстной дуэли, въ которой онъ былъ секундантомъ, мнѣ переданы были его противниками въ черномъ видѣ.“ Да и самъ поэтъ въ этомъ трагическомъ событіи услышалъ призывъ къ пересмотру своего поведенія и къ углубленію жизнепониманія. „Я былъ въ отсутствіи, сообщаетъ Бѣгичевъ, и Грибоѣдовъ писалъ ко мнѣ въ Москву [письмо, къ сожалѣнію, не сохранилось], что на него нашла ужасная тоска, онъ видитъ безпрестанно передъ глазами умирающаго Шереметева, и пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось ему невыносимо.“ Къ этому же моменту относятся многозначительныя слова Пушкина въ „Путешествіи въ Арзерумъ“: „жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться однажды навсегда съ своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздною разсѣянностью; уѣхалъ въ Грузію.“

Обстоятельства слагались такъ, что къ отъѣзду нашлись и другія причины—внѣшнія. Отецъ Грибоѣдова, Сергѣй Ивановичъ, умеръ около 1815 года, и управленіе родовыми имѣніями сосредоточилось всецѣло въ рукахъ Настасьи Ѳедоровны. Широкая жизнь большимъ домомъ въ Москвѣ и, вѣроятно, значительныя посылки сыну вынуждали Настасью Ѳедоровну увеличивать поборы съ крестьянъ. Эти поборы и жестокость управляющаго костромскимъ имѣніемъ довели, наконецъ, крестьянъ до бунта, который былъ подавленъ только военной силой. Это еще болѣе подорвало благосостояніе семьи Грибоѣдовыхъ. Въ перепискѣ съ сыномъ Настасья Ѳедоровна настаивала на томъ, чтобы сынъ дѣлалъ карьеру, предупреждая, что прямотой и честностью не выслужишься, и что самъ Богъ любитъ, чтобы передъ нимъ мы безпрестанно кувыркъ да кувыркъ. Александръ Сергѣевичъ вынуждался, такимъ образомъ, подумать о службѣ болѣе солидной и доходной, чѣмъ причисленіе къ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ это время, т. е. къ началу 1818 года, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ обсуждался вопросъ о правильномъ и постоянномъ представительствѣ Россіи при персидскомъ дворѣ, чего прежде не было. По представленію главнокомандующаго на Кавказѣ, знаменитаго генерала А. П. Ермолова, русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при дворѣ шаха персидскаго былъ назначенъ, въ февралѣ 1818 г., С. И. Мазаровичъ. Онъ былъ въ Персіи въ 1815 г., въ посольствѣ Ермолова, и ознакомился съ восточной политикой.

Теперь искали для него секретаря и другихъ чиновниковъ, въ составъ новой русской дипломатической миссіи. Въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ не было тогда человѣка болѣе образованнаго и даровитаго, чѣмъ Грибоѣдовъ; естественно, что выборъ палъ на него. О переговорахъ своихъ по поводу назначенія въ Персію Грибоѣдовъ самъ подробно разсказываетъ въ письмѣ отъ 15 апрѣля къ Бѣгичеву, который тогда былъ въ Москвѣ: „Представь себѣ, что меня непремѣнно хотятъ послать—куда бы ты думалъ?—Въ Персію, и чтобъ жилъ тамъ. Какъ я ни отнѣкиваюсь, ничто не помогаетъ; однако я третьяго дня по приглашенію нашего Министра былъ у него и объявилъ, что не рѣшусь иначе (и то не навѣрно), какъ если мнѣ дадутъ два чина тотчасъ при назначеніи меня въ Тегеранъ. Онъ поморщился, а я представлялъ ему съ всевозможнымъ французскимъ краснорѣчіемъ, что жестоко бы было мнѣ цвѣтущія лѣта свои провести между дикообразными азіятцами, въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь вправѣ ожидать, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми, съ пріятными женщинами, которымъ я самъ могу быть пріятенъ (не смѣйся: я молодъ, музыкантъ, влюбчивъ и охотно говорю вздоръ, чего же имъ еще надобно?), словомъ,—невозможно мнѣ собою пожертвовать безъ хотя нѣсколько соразмѣрнаго возмездія.

— Вы въ уединеніи усовершенствуете ваши дарованія.

— „Нисколько, В. С., музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; ихъ нѣтъ въ Персіи“...

Мы еще съ нимъ кое о чемъ поговорили; всего забавнѣе, что я ему твердилъ о томъ, какъ сроду не имѣлъ ни малѣйшихъ видовъ честолюбія, а между тѣмъ за два чина предлагалъ себя въ полное его распоряженіе. При лицѣ Шаха всего только будутъ два чиновника: Мазаровичъ, любезное созданіе, уменъ и веселъ, а другой: я, либо NN.—Обѣщаютъ тьму выгодъ, поощреній, знаковъ отличія по прибытіи на мѣсто, да вѣдь дипломаты на посулѣ, какъ на стулѣ.—Кажется, однако, что не согласятся на мои требованія. Какъ хотятъ, а я рѣшился быть Коллежскимъ Ассесоромъ или ничѣмъ. Степанъ, милый мой, ты хоть штабъ-ротмистръ кавалергардскій, а умный малой, какъ ты объ этомъ судишь?“

Грибоѣдову представлялась и другая возможность: отправиться въ русскую миссію въ С. А. Соединенные Штаты. Современникъ и знакомый Грибоѣдова, А. С. Стурдза, разсказываетъ, что на его глазахъ Грибоѣдовъ колебался въ выборѣ и, наконецъ, самъ избралъ Персію,

предрѣшая тѣмъ свою судьбу. Двухъ чиновъ сразу Грибоѣдовъ все-таки не получилъ. 14 іюля министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ К. В. Нессельроде докладывалъ императору Александру Павловичу о пожалованіи Грибоѣдова въ титулярные совѣтники, а черезъ два дня Ермолову уже послано было отношеніе о томъ, что повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персіи назначается Мазаровичъ, секретаремъ при немъ—переводчикъ Коллегіи Грибоѣдовъ и канцеляристомъ-служителемъ—актуаріусъ Амбургеръ. Отправленіе на Востокъ новой миссіи, однако, затянулось до конца августа. Грибоѣдовъ не терялъ времени и въ эти немногіе мѣсяцы спѣшно занимался персидскимъ и арабскимъ языками у профессора Деманжа; при своихъ блестящихъ способностяхъ онъ въ короткое время успѣлъ сдѣлать большіе успѣхи. Сверхъ того, онъ собиралъ и перечитывалъ научную литературу по Востоку. Передъ Грибоѣдовымъ раскрывался новый, невѣдомый дотолѣ, міръ, и можно съ увѣренностью сказать, что жажда новыхъ поэтическихъ впечатлѣній, въ значительной мѣрѣ, склоняла Грибоѣдова предпочесть Персію Соединеннымъ Штатамъ. „Оріентальные“ мотивы были тогда модными въ литературѣ.

За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ въ Петербургъ пріѣхалъ С. Н. Бѣгичевъ и на прощанье подарилъ поэту походную чернильницу. Въ самомъ концѣ августа Грибоѣдовъ оставилъ Петербургъ—на цѣлыхъ шесть лѣтъ.

V. На Востокѣ.

Грибоѣдовъ покидалъ столицу съ тяжелымъ чувствомъ. Позади оставались близкіе друзья, удачно начатая литературная дѣятельность, любимый театръ, общественные интересы, вся культурная обстановка. Впереди все было темно. И въ душѣ поэта зарождалась смутная тревога и мрачныя предчувствія, которымъ, увы!—суждено было сбыться. Остановившись въ Новгородѣ, на перепутьи между Петербургомъ и Москвою, Александръ Сергѣевичъ спѣшилъ подѣлиться своими настроеніями съ другомъ: „На этотъ разъ ты обманулся въ моемъ сердцѣ, любезный, истинный другъ мой, Степанъ, грусть моя не проходитъ, не уменьшается. Вотъ я и въ Новгородѣ, а мысли все въ Петербургѣ. Тамъ я многія имѣлъ огорченія, но иногда былъ и счастливъ; теперь, какъ оттуда удаляюсь, кажется, что тамъ все хорошо было, всего жаль. Представь себѣ, что я сдѣлался преужасно слезливъ, ничто веселое и въ умъ не входитъ, похоже-ли это

на меня?—Нынче мои именины: благовѣрный князь, по имени котораго я названъ, здѣсь прославился; ты помнишь, что онъ на возвратномъ пути изъ Азіи скончался, можетъ и сонменнаго ему секретаря посольства та-же участь ожидаетъ, только врядъ-ли я попаду въ святые! — Прощай, мой другъ; сейчасъ опять въ дорогу, и отъ этого одного безпрестаннаго противувольнаго движенія въ коляскѣ есть отчего съ ума сойти!—Увидишь кого изъ друзей моихъ, изъ знакомыхъ, напомнинай имъ обо мнѣ;—въ тебѣ самомъ слишкомъ увѣренъ, что никогда не забудешь вѣрнаго тебѣ друга".

Въ Москву Грибоѣдовъ пріѣхалъ 3-го сентября. Со времени службы въ Бѣлоруссіи, т. е. лѣтъ пять, Грибоѣдовъ не бывалъ въ родномъ городѣ. За это время онъ исколесилъ Россію—отъ Казани до Варшавы и отъ Бреста до Петербурга, много видѣлъ людей и пережилъ острый душевный переломъ. Москва встрѣтила радушно своего питомца, но не понравилась ему. Александръ Сергѣевичъ духовно выросъ и теперь на многое смотрѣлъ иными глазами, чѣмъ въ юности. Только десять дней пробылъ поэтъ въ Москвѣ, но жадно наблюдалъ „отечество, сродство и домъ свой". Потомъ, выѣхавъ изъ города и разобравшись въ пути въ своихъ впечатлѣніяхъ, поэтъ писалъ изъ Воронежа Бѣгичеву: „Въ Москвѣ все не по мнѣ. Праздность, роскошь, несопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи, ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному, а притомъ „нѣсть пророкъ безъ чести токмо въ отечествіи своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ". Отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ, становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ миссію и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ. Въ Петербургѣ я по крайней мѣрѣ имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, не знаю на столько-ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стою, но, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобъ на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое".

Тяжелѣе всего было то, что у родной матери Александръ Сергѣевичъ не нашелъ чуткаго пониманія и признанія своихъ лучшихъ стремленій. Несмотря на краткость пребыванія сына въ Москвѣ—наканунѣ долгой разлуки, Настасья Ѳеодоровна не удержалась отъ тяжелыхъ упрековъ. „Однажды, за ужиномъ матушка съ презрѣніемъ

говорила объ моихъ стихотворныхъ занятіяхъ и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, оттого, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными". Впрочемъ, это не поколебало сыновней любви: „я это ей отъ души прощаю, но впредь себѣ также не прощу, если позволю себѣ чѣмъ-нибудь ее огорчить". „Плачевная прощальная сцена" съ матерью и сестрой Марьей Сергѣевной сильно взволновали Александра Сергѣевича. „Мать и сестра такъ ко мнѣ привязаны, что я былъ бы извергомъ, если бы не платилъ имъ такою же любовію; онѣ точно не представляютъ себѣ иного утѣшенія, какъ то, чтобъ жить вмѣстѣ со мною. Нѣтъ! Я не буду эгоистомъ, — до сихъ поръ я былъ только сыномъ и братомъ по названію, возвратясь изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства, переведу ихъ съ собою въ Петербургъ". Провожая сына, Настасья Ѳеодоровна просила Амбургера, который ѣхалъ на Востокъ вмѣстѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ, постараться предотвратить дуэль съ Якубовичемъ.

Около 12 сентября Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Москвы. Ему предстоялъ длинный и трудный путь—больше чѣмъ на мѣсяцъ, по дурнымъ дорогамъ на перекладныхъ. Съ дороги онъ писалъ Бѣгичеву, что „въ Тулѣ пробылъ цѣлый день за недостаткомъ въ лошадяхъ и тѣмъ только разогналъ скуку, что нашелъ въ трактирѣ на стѣнахъ тьму глупыхъ стиховъ и прозы, цѣлое годовое изданіе покойника „Музеума". Вообще вездѣ на станціяхъ остановки". Въ Воронежѣ опять пришлось пробыть два дня, такъ какъ „ближе не берутся починить нашихъ бричекъ". Въ дорогѣ Грибоѣдовъ читалъ „Дѣянія Петра Великаго" Голикова, сердился на Петра за пристрастіе къ нѣмцамъ и забавлялся тѣмъ, что увѣрялъ добродушнаго Амбургера, своего спутника, что „быть нѣмцемъ очень глупая роль на семъ свѣтѣ; и онъ уже подписывается Амбургевъ, а не *ръ* и вмѣстѣ со мною нѣмцевъ ругаетъ напоналъ, а мнѣ это съ руки".

Только 21-го октября добрались наши путники до Тифлиса. Свой переѣздъ отъ Москвы до Тифлиса Грибоѣдовъ кратко описалъ потомъ въ письмѣ къ издателю „Сына Отечества" изъ Тифлиса отъ 21 января 1819 г.: „вотъ уже полгода, какъ я разстался съ Петербургомъ; въ нѣсколько дней отъ сѣвера перенесся къ полуденнымъ краямъ, прилежащимъ къ Кавказу (не мысленно, а по почтѣ: одно другого побезпокойнѣе!); вдоль по гремучему Тереку вступилъ въ скопище громадъ, на которыя, по словамъ Ломоносова, Россія локтемъ возлегла, но теперь его подвинула уже гораздо

далѣе. Округъ меня неплодныя скалы, надъ головою царь-птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя, впереди свѣтились снѣжные верхи горъ, куда я вскорѣ потомъ взобрался и нашелъ сугробы, стужу, всѣ признаки глубокой зимы; но на разстояніи нѣсколькихъ верстъ суровость ея миновалась: крутой спускъ съ Кошаура ведетъ прямо къ весеннимъ берегамъ Арагвы; оттуда одинъ шагъ до Тифлиса". Вѣсти, что Грибоѣдовъ ѣдетъ, пришли въ Тифлисъ раньше Александра Сергѣевича и прежде другихъ встревожили Якубовича. Какъ мы знаемъ, онъ былъ сосланъ на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій недалеко отъ Тифлиса. Якубовичъ уѣхалъ изъ Петербурга крайне раздраженный противъ Государя за это наказаніе и противъ Грибоѣдова. Еще за двѣ недѣли до пріѣзда Грибоѣдова въ Тифлисъ Якубовичъ уже сталъ хлопотать объ устройствѣ дуэли и посвятилъ въ свои планы Н. Н. Муравьева, виднаго военнаго дѣятеля въ Тифлисѣ, впослѣдствіи намѣстника Кавказа. Въ день пріѣзда Грибоѣдова Якубовичъ съ нимъ встрѣтился, переговорилъ и получилъ согласіе на дуэль. На другой день вечеромъ Грибоѣдовъ, Якубовичъ и Амбургеръ, секундантъ Грибоѣдова, пришли къ Муравьеву, чтобы условиться о дуэли. Амбургеръ старался склонить Муравьева, приглашеннаго секундантомъ къ Якубовичу, къ примиренію противниковъ, ссылаясь на мольбы матери Грибоѣдова. Но совмѣстныя старанія обоихъ секундантовъ не привели къ желаннымъ результатамъ; наоборотъ, противники горячо заспорили и упрекали взаимно другъ друга. Возобновленные на слѣдующій день переговоры о примиреніи снова не привели ни къ чему. Тогда Муравьевъ, взявшій на себя устроить дуэль такъ, чтобы о ней не узнало начальство, поѣхалъ за городъ выбирать мѣсто для поединка. За селеніемъ Куки, у татарской могилы съ памятникомъ, въ оврагѣ, онъ нашелъ укромное мѣсто. Утромъ 23 ноября, Грибоѣдовъ, Якубовичъ, Муравьевъ, Амбургеръ и медикъ Миллеръ собрались въ назначенномъ мѣстѣ, и дуэль состоялась на весьма тяжелыхъ условіяхъ: шесть шаговъ между барьерами, съ однимъ шагомъ назадъ для каждаго. Сохранился подробный разсказъ въ дневникѣ Муравьева объ этомъ замѣчательномъ поединкѣ: „Мы назначили барьеры, зарядили пистолеты и, поставивъ ратоборцевъ, удалились на нѣсколько шаговъ. Они были безъ сюртуковъ. Якубовичъ тотчасъ подвинулся къ своему барьеру смѣлымъ шагомъ и дожидался выстрѣла Грибоѣдова. Грибоѣдовъ подвинулся на два шага; они простояли одну минуту въ семъ положеніи. Наконецъ, Якубовичъ, вышедши изъ терпѣнія, выстрѣлилъ. Онъ мѣтилъ

въ ногу, потому что не хотѣлъ убить Грибоѣдова; но пуля попала ему въ лѣвую кисть руки. Грибоѣдовъ приподнялъ окровавленную руку свою, показалъ ее намъ и навелъ пистолетъ на Якубовича. Онъ имѣлъ все право подвинуться къ барьеру; но, примѣтя, что Якубовичъ мѣтилъ ему въ ногу, онъ не захотѣлъ воспользоваться предстоящимъ ему преимуществомъ: онъ не подвинулся и выстрѣлилъ. Пуля пролетѣла у Якубовича подъ самымъ затылкомъ и ударилась въ землю; она такъ близко пролетѣла, что Якубовичъ полагалъ себя раненымъ: онъ схватился за затылокъ, посмотрѣлъ свою руку, однако крови не было. Грибоѣдовъ послѣ сказалъ намъ, что онъ цѣлился Якубовичу въ голову и хотѣлъ убить его, но что это не было первое его намѣреніе, когда онъ на мѣсто сталъ. Когда все кончилось, мы подбѣжали къ раненному, который сказалъ: „O sort injuste“! Онъ не жаловался и не показывалъ вида, что онъ страдаетъ. Миллеръ перевязалъ слегка рану и уѣхалъ. Раненаго положили въ бричку, и все отправилось ко мнѣ. Тотъ день Грибоѣдовъ провелъ у меня; рана его не опасна была, и Миллеръ далъ намъ надежду, что онъ въ короткое время выздоровѣетъ. Дабы скрыть поединокъ, мы условились сказать, что мы были на охотѣ, что Грибоѣдовъ съ лошади свалился и что лошадь наступила ему ногой на руку. Якубовичъ теперь бываетъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, и, по обращенію ихъ другъ съ другомъ, никто бы не подумалъ, что они стрѣлялись. Я думаю, что еще никогда не было подобнаго поединка: совершенное хладнокровіе во всѣхъ четырехъ насъ, ни одного непріятнаго слова между Якубовичемъ и Грибоѣдовымъ; напротивъ того, до самой той минуты, какъ стали къ барьеру, они разговаривали между собою и послѣ того, когда секунданты ихъ побѣжали за лѣкаремъ, Грибоѣдовъ лежалъ на рукахъ у Якубовича“. Совсѣмъ утаить дуэль не удалось; по городу пошли слухи, скоро принявшіе легендарный характеръ; уже разсказывали, что пуля ударила Грибоѣдова въ ладонь и вылетѣла въ локоть. Начальникъ Якубовича, полковникъ Наумовъ, призывалъ его и допрашивалъ, но не добился толку и приказалъ выѣхать изъ города въ Караагачъ, къ мѣсту стоянки Нижегородскаго полка. Грибоѣдову же опять все сошло благополучно съ рукъ.

Непосредственный начальникъ Грибоѣдова, Мазаровичъ, уже былъ въ это время въ Тифлисѣ. Но отсутствовалъ главнокомандующій Кавказскимъ корпусомъ, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, въ вѣдѣніи котораго была русская дипломатическая миссія въ Персіи. Онъ пріѣхалъ изъ Дагестана, изъ экспедиціи противъ горцевъ, только въ

концѣ ноября. Послѣ этого члены дипломатической миссіи прожили въ Тифлисѣ еще довольно долго, до конца января 1819 года, очевидно, подготовляясь къ новому и трудному дѣлу. За это время Грибоѣдовъ имѣлъ возможность постоянно встрѣчаться и часто бесѣдовать съ знаменитымъ „проконсуломъ Кавказа“, героемъ отечественной войны, Ермоловымъ. Обаятельная личность Грибоѣдова, его острый умъ и глубокія познанія, равно какъ открытое благородное поведеніе привлекли къ нему симпатіи знаменитаго генерала, и Ермоловъ скоро принялъ поэта въ свой ближайшій кружокъ. Съ своей стороны, Александръ Сергѣевичъ питалъ къ Ермолову глубокое уваженіе и любовь. Бесѣды съ этимъ рѣдкимъ по уму, характеру и дарованіямъ человѣкомъ и внимательное изученіе его дѣятельности на Кавказѣ были для Грибоѣдова чрезвычайно полезны и поучительны. Ермоловъ много видѣлъ, много думалъ и много зналъ. Его критическій, проницательный умъ многое оцѣнивалъ совсѣмъ иначе, чѣмъ другіе. Такъ, напримѣръ, самъ будучи однимъ изъ героевъ Отечественной войны, Ермоловъ видѣлъ многіе недостатки русской жизни, обнаруженные этой войной, какъ и въ ея веденіи много промаховъ и ошибокъ. Онъ скептически относился къ поверхностному либерализму русскаго общества въ 1815—18 г.г. и не вѣрилъ въ осуществленіе конституціонныхъ плановъ императора Александра I. Въ государственномъ строѣ Россіи онъ многое оцѣнивалъ отрицательно. Въ частности, онъ не терпѣлъ нѣмцевъ на государственной службѣ, и въ этомъ совершенно совпадалъ съ Грибоѣдовымъ. Вообще, онъ считался свободомыслящимъ, и въ кружкахъ, ожидавшихъ реформъ, на него смотрѣли съ надеждою, какъ и на М. М. Сперанскаго и графа Мордвинова. Поэты Рылѣевъ и Кюхельбекеръ, будущіе декабристы, посвящали ему стихотворенія; первый призывалъ Ермолова (въ 1821 г.) встать во главѣ греческаго возстанія, а второй величалъ его „врагомъ трепещущихъ льстецовъ“. Въ концѣ 1825 года, въ моментъ междуцарствія, въ Петербургѣ ходили даже легенды, что Ермоловъ со своимъ корпусомъ идетъ къ столицѣ, а въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ тщательно собирались справки, не было-ли въ войскахъ Кавказскаго корпуса тайныхъ организацій. Ихъ, однако, не оказалось, и самъ Ермоловъ былъ чуждъ крайнихъ увлеченій. Но его „острая, язвительная рѣчь“ сильно дѣйствовала на собесѣдниковъ и пріобрѣтала ему многихъ поклонниковъ. Въ ихъ числѣ оказался и Грибоѣдовъ, какъ только онъ познакомился съ проконсуломъ Кавказа. Самое цѣнное, что вынесъ Грибоѣдовъ

изъ пребыванія въ Тифлисѣ въ концѣ 1818 и началѣ 1819 г.г., были, конечно, бесѣды съ Ермоловымъ. Уѣзжая въ Персію, Грибоѣдовъ былъ полонъ впечатлѣній отъ этихъ бесѣдъ и обаятельной личности Ермолова. Поэтъ завелъ тогда дневникъ въ формѣ писемъ къ неизмѣнному другу-наперснику С. Н. Бѣгичеву. И вотъ, на второмъ переходѣ отъ Тифлиса, поэтъ записываетъ въ дневникъ о Ермоловѣ: „Что это за славный человѣкъ! Мало того, что уменъ, нынче всѣ умны, но совершенно по-русски, на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на одинъ мелочи, замѣть это. Притомъ тьма краснорѣчія, и не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчасъ положить на бумагу. Любитъ много говорить; однако, позволяетъ говорить и другимъ; иногда (кто безъ грѣха?) много толкуетъ о вещахъ, которыя мало понимаетъ, однако и тогда, если не убѣдится, все-таки заставляетъ себя слушать. Эти случаи мнѣ очень памятны, потому что я съ нимъ часто спорилъ, разумѣется, о томъ, въ чемъ я твердо былъ увѣренъ, иначе бы такъ не было; однако ни разу не переспорилъ; можетъ-быть исправилъ. Я его видѣлъ каждый день, по нѣскольку часовъ проводилъ съ нимъ вмѣстѣ, и въ удобное время, чтобы его нѣсколько узнать". Нѣсколько дней спустя Грибоѣдовъ опять записываетъ: „Ермоловъ еще такъ живо представляется передъ моими глазами". И потомъ еще много разъ возвращается къ нему же. Ермоловъ также привязался къ Грибоѣдову. Поэтъ съ радостью сообщаетъ Бѣгичеву: „представь себѣ, что и Алексѣй Петровичъ, прощавшись со мною, объявилъ, что я повѣса, однако, прибавилъ, что со всѣмъ тѣмъ прекрасный человѣкъ... Кажется, что онъ меня полюбилъ". За время жизни въ Тифлисѣ Грибоѣдовъ такъ привязался къ Ермолову и такъ втянулся въ кругъ мѣстныхъ интересовъ, что началъ съ ревнивымъ вниманіемъ слѣдить за тѣмъ, что пишутъ въ русскихъ журналахъ о Кавказѣ. Въ декабрѣ 1818 г. въ „Русскомъ Инвалидѣ" былъ сообщенъ слухъ изъ Константинополя, будто-бы въ Грузіи произошло возмущеніе подъ предводительствомъ одного татарскаго князя. Грибоѣдовъ немедленно послалъ въ „Сынъ Отечества" письмо—статью (напечатана въ № 10 за 1819 г.), гдѣ живо описываетъ мирную жизнь въ Грузіи, остроумно опровергаетъ неосновательный слухъ и восхваляетъ административную дѣятельность Ермолова.

Путевые дневники, веденные Александромъ Сергѣевичемъ въ 1819 г., раскрываютъ передъ нами картину путешествія миссіи

отъ Тифлиса до Тегерана и оттуда въ Тавризъ. Поэтому мы не будемъ подробно пересказывать этихъ передвиженій. Отмѣтимъ только, что Грибоѣдовъ жадно всматривался въ очертанія новаго міра, раскрывавшагося передъ нимъ. Его увлекали картины природы въ Закавказьи и Сѣверной Персіи; съ особеннымъ любопытствомъ археолога онъ осматривалъ памятники древней архитектуры и припоминалъ при этомъ свидѣтельства античныхъ историковъ; не менѣе были для него интересны особенности восточнаго быта и государственныхъ порядковъ и обычаевъ въ Персіи. Эти послѣднія впечатлѣнія были неутѣшительны. Грибоѣдова поражала невѣроятная лесть и лживость въ оффиціальныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, совершенная некультурность населенія, безправіе и неправосудіе. Вотъ одинъ отрывокъ изъ дневника Грибоѣдова, отъ 10—13 февраля 1819 г. „Въ дѣлахъ государственныхъ здѣсь, кажется, не любятъ сокровенности кабинетовъ: они производятся въ присутствіи многочисленныхъ слушателей. Я, въ простотѣ моего сердца, сперва подумалъ, что, стало быть, рѣдко во зло употребляется обширная власть, которой облечены здѣшніе высшіе чиновники, но въ томъ, въ чемъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ объяснялся съ сардаремъ, наприм., о переманкѣ и поселеніи у себя нашихъ бродячихъ татаръ, о притѣсненіи нашихъ купцовъ, высокостепенный былъ кругомъ неправъ, притомъ изложилъ, составленную имъ самимъ, такую теорію налоговъ, которая, не думаю, чтобы самая сносная для шахскихъ подданныхъ, ввѣренныхъ его управленію. И все это говорилось при многолюдномъ сборищѣ, чье разстроенное достояніе ясно доказываетъ, что польза сардаря не есть польза общая.—Рабы, мой любезный! И по дѣломъ имъ! Смѣютъ-ли они осуждать верховнаго ихъ обладателя? Кто ихъ боится? У нихъ и историки панегиристы. И эта лѣствица слѣпаго рабства и слѣпой власти здѣсь безпрерывно восходитъ до бега, хана, бегleръ-бега и каймакама и такимъ образомъ выше и выше... Всего нѣсколько сутокъ, какъ я переступилъ границу и еще не въ настоящей Персіи, а имѣлъ случай видѣть уже не одинъ самовольный поступокъ“.

Эти безотрадныя впечатлѣнія все усиливались по мѣрѣ приближенія къ столицѣ Персіи, Тегерану, и потомъ, когда наладились постоянныя дипломатическія сношенія съ персидской администраціей. Лесть, лживость, вѣроломство и жестокость персидскихъ чиновниковъ угнетали и возмущали Грибоѣдова и возбуждали въ немъ презрѣніе и готовность ко всякимъ столкновеніямъ. 3 февраля русская

миссія прибыла въ Эривань, тогда еще, какъ и Нахичевань, принадлежавшую Персіи. Здѣсь миссія оставалась нѣсколько дней и бывала на пріемѣ у сардаря (правителя края), Гуссейнъ-хана, давшаго Грибоѣдову матеріалъ для вышеприведенной характеристики. Въ половинѣ февраля путешественники уже были въ Тавризѣ, первомъ крупномъ центрѣ Персіи, резиденціи наслѣдника престола Аббаса-Мирзы. Посольство было здѣсь принято торжественно, съ большими почестями. Ко времени его прибытія пріѣхалъ самъ шахъ-зида, наслѣдникъ престола Аббасъ-Мирза и далъ ему церемоніальную аудіенцію. Здѣсь Грибоѣдовъ познакомился съ путешественникомъ сэромъ Робертомъ Портеромъ и съ представителями англійской дипломатической миссіи, съ которыми ему потомъ приходилось постоянно сноситься. Русская миссія въ Персіи, какъ и англійская, должна была, собственно, пребывать въ Тавризѣ, при наслѣдникѣ престола, руководившемъ внѣшней политикой. Но прежде чѣмъ здѣсь основаться, миссіи слѣдовало представиться самому шаху въ Тегеранѣ. 21 февраля миссія выѣхала изъ Тавриза; совершивъ длинный двухнедѣльный путь черезъ Міане, Зинганъ и Казвинъ, она прибыла, наконецъ, около 8-го марта, въ Тегеранъ. Здѣсь миссіи былъ оказанъ еще болѣе пышный пріемъ самимъ Фетъ-Али-шахомъ. Въ персидской столицѣ пришлось прожить около трехъ мѣсяцевъ. Затѣмъ шахъ и дипломатическій корпусъ отправились въ лѣтнюю резиденцію, въ живописную Султанейскую долину, около Казвина. Такъ начались сношенія съ повелителемъ Персіи первой русской миссіи. Фетъ-Али-шахъ самъ мало занимался государственными дѣлами, особенно международными, предоставляя ихъ болѣе дѣятельному и просвѣщенному Аббасу-мирзѣ. Въ августѣ миссія возвратилась въ Тавризъ, и для нея началась будничная, дѣловая жизнь. Обязательной работы было, впрочемъ, немного, и Грибоѣдовъ называлъ свою службу „дѣловымъ бездѣльемъ“. Его энергическая натура не могла удовлетвориться канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ и скоро нашла себѣ работу. Какъ мы знаемъ, Грибоѣдовъ еще въ Петербургѣ, какъ только состоялось его назначеніе въ Персію, началъ заниматься персидскимъ и арабскимъ языками и восточной исторіей. Въ Персію онъ привезъ съ собою много книгъ по востоковѣдѣнію и другимъ предметамъ и теперь, на досугѣ, могъ возобновить свои занятія. О нихъ Бѣгичевъ сообщаетъ: „трехлѣтнее (если не ошибаюсь) пребываніе его въ Персіи и уединенная жизнь въ Тавризѣ сдѣлали Грибоѣдову большую пользу. Сильная воля его укрѣпилась, всегдащ-

нее любознаніе его не имѣло преграды и разсѣянія. Онъ много читалъ по всѣмъ предметамъ наукъ и много учился".

Но и живая жизнь привлекала Грибоѣдова. Въ число полномочій русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, по Гюлистанскому трактату 1813 г., входили заботы о возвращеніи въ русскіе предѣлы изъ Персіи русскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ въ прежнія войны или бѣжавшихъ изъ русскихъ войскъ. Шахъ и его военачальники очень дорожили такими солдатами, такъ какъ они составляли лучшую часть персидскаго войска, вообще плохо устроеннаго. С. И. Мазаровичъ, повидимому, склоненъ былъ къ уступкамъ въ этомъ щекотливомъ вопросѣ. Но Грибоѣдовъ посмотрѣлъ на возвращеніе плѣнныхъ и дезертировъ какъ на патріотическій долгъ русской миссіи и энергично вмѣшался въ дѣло. Вскорѣ по возвращеніи изъ Тегерана въ Тавризъ, Грибоѣдовъ, какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ Бѣгичеву, „встрѣтясь съ двумя или тремя сарбазами [русскими солдатами, поступившими въ персидское регулярное войско] на улицѣ, началъ говорить имъ, что они поступили подло, измѣнивъ присягѣ и отечеству и проч., вѣроятно, очень убѣдительно, потому что солдаты были тронуты этимъ и спросили его: ручается ли онъ, что они не будутъ наказаны, если возвратятся въ Грузію? Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что ручаться за это не можетъ, но постарается объ этомъ; впрочемъ, если они и потерпятъ за преступленіе, то лучше одинъ разъ потерпѣть, но очистить свою совѣсть. На другой же день у его квартиры явилось 70 сарбазовъ, которые и отправились съ нимъ." Отправленіе, однако, совершилось не сразу и съ большимъ трудомъ. Наслѣдникъ престола и его чиновники чинили всевозможныя препятствія уводу плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ, подкупали ихъ, арестовывали, писали подметныя письма и т. д. (Грибоѣдовъ разсказываетъ объ этомъ подробно въ своемъ дневникѣ отъ 30 августа 1819 г.). Но Грибоѣдовъ рѣшилъ „голову положить за несчастныхъ соотечественниковъ" и добился своего: въ началѣ сентября онъ тронулся изъ Тавриза въ Тифлисъ во главѣ небольшого отряда плѣнныхъ и бѣглецовъ. Персы съ озлобленіемъ провожали ихъ, швыряли изъ-за угла камнями, такъ что трехъ человѣкъ зашибли. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ для будущаго. Ермоловъ былъ заранѣе извѣщенъ о движеніи къ Тифлису отряда Грибоѣдова и сдѣлалъ распоряженіе о благосклонномъ пріемѣ и денежномъ вспомоществованіи возвращающимся солдатамъ. Самъ онъ въ это время былъ въ Чечнѣ, и Александръ Сергѣевичъ, доведя свой отрядъ до Тифлиса, отправился самъ далѣе, къ

главнокомандующему, за инструкціями. Генералъ принялъ секретаря миссіи благосклонно, одобрилъ его дѣйствія, въ оффиціальной бумагѣ на имя Мазаровича воздалъ ему „справедливою похвалу“, а въ министерство представилъ его къ наградѣ. Въ Петербургѣ, однако, взглянули на дѣло иначе, и Грибоѣдовъ „получилъ замѣчаніе отъ министерства, что дипломатическому чиновнику такъ не слѣдовало поступать“. Дѣйствительно, рѣшительное и рѣзкое поведеніе Грибоѣдова посѣяло вражду между нимъ и персидскимъ правительствомъ. Вернувшись отъ Ермолова въ Тифлисъ, Александръ Сергѣевичъ провелъ въ городѣ святки, отдыхая и заводя новыя знакомства служебныя и общественныя. 10 января 1820 г. онъ пустился въ обратный путь. Въ этотъ разъ ему удалось осмотрѣть знаменитый монастырь Эчміадзинъ (недалеко отъ Эривани) и познакомиться тамъ съ армянскимъ патріархомъ. Съ эчміадзинскимъ духовенствомъ Грибоѣдовъ потомъ поддерживалъ дружескія отношенія. Въ началѣ февраля „секретарь бродячей миссіи“ былъ уже опять въ Тавризѣ.

Не смотря на свое недовольство Персіей, Грибоѣдовъ быстро вошелъ въ мѣстные интересы. Продолжая заниматься изученіемъ восточной исторіи и филологіи, поэтъ слѣдилъ и за текущими событіями и требовалъ отъ новыхъ своихъ тифлисскихъ знакомыхъ сообщеній о политическихъ новостяхъ на Кавказѣ. Въ Тавризѣ тогда образовалась довольно большая европейская колонія. Кромѣ русской миссіи, здѣсь была миссія англійская, было нѣсколько итальянцевъ, нѣсколько французовъ. Было также нѣсколько молодыхъ и красивыхъ дамъ; Грибоѣдовъ весело проводилъ время въ ихъ обществѣ, одно время даже сильно увлекся „рѣзвой, милой“ француженкой de la Fosse. Онъ „домъ свой вверхъ дномъ поставилъ, расширилъ, надстроилъ, пристроилъ“, и самъ восторгался, что его домикъ—заглядѣнье; нерѣдко устраивалъ у себя карточные вечера и самъ счастливо игралъ. Среди его новыхъ знакомыхъ были интересные и оригинальные люди. Такова, напримѣръ m-me La Marinière, француженка, служившая при дворѣ Элизы Баччіоки, сестры Наполеона, знакомая m-me Сталь (и игравшая съ нею на любительскихъ сценахъ), побывавшая почти во всѣхъ столицахъ Европы, попавшая потомъ въ Тифлисъ съ мужемъ-докторомъ и, наконецъ, очутившаяся въ Тавризѣ, въ качествѣ воспитательницы дѣтей Аббасъ-Мирзы. Она писала свой дневникъ на итальянскомъ языкѣ и занималась натуральной исторіей. Разноплеменная колонія развлекала и интересовала наблюдательнаго Грибоѣдова, особенно англичане, съ которыми у него установились

очень дружескія отношенія. Но ни научныя занятія, ни дипломатическія сношенія, ни развлеченія не могли вполнѣ удовлетворить Александра Сергѣевича. Ему недоставало самаго близкаго и нужнаго: литературной и артистической среды. Литературные друзья писали ему рѣдко, журналы доходили съ большимъ запозданіемъ или совсѣмъ не доходили; не съ кѣмъ было посовѣтоваться о своихъ литературныхъ планахъ. Жажда литературнаго общенія была, между тѣмъ, очень велика. Поэтъ охотно читалъ свои стихи даже новымъ, только что встрѣтившимся знакомымъ, напр., кн. Д. О. Бебутову, съ которымъ подъѣзжалъ къ Тифлису послѣ свиданія съ Ермоловымъ въ Чечнѣ. Но кругомъ не было и тѣни тѣхъ литературныхъ, театральныхъ и общественныхъ возбужденій, какими Грибоѣдовъ былъ окруженъ въ Петербургѣ. Поэтъ грустилъ, приходилъ въ уныніе, забрасывалъ на время свои поэтическіе опыты, потомъ упрекалъ себя въ малодушіи и снова принимался за работу. Въ письмѣ отъ 17 ноября 1820 г. изъ Тавриза къ неизвѣстному Грибоѣдовъ разсказываетъ знаменательный сонъ. Онъ видѣлъ друга, который увлекъ поэта въ уединенную комнату; „тутъ вы долго ко мнѣ приставали съ вопросами, написалъ-ли я что-нибудь для васъ? Вынудили у меня признаніе, что я давно отшатнулся, отклонился отъ всякаго письма, охоты нѣтъ, ума нѣтъ—вы досадовали.—Дайте мнѣ обѣщаніе, что напишите.—„Что-же вамъ угодно?“—Сами знаете.—„Когда-же должно быть готово?“—Черезъ годъ непремѣнно.—„Обязываюсь“.—Черезъ годъ, клятву дайте... И я далъ ее съ трепетомъ. Въ эту минуту малорослый человѣкъ, въ близкомъ отъ насъ разстояніи, но котораго я, давно слѣпой, не довидѣлъ, внятно произнесъ эти слова: „лѣнь губитъ всякій талантъ...“ А вы, обернясь къ человѣку: „посмотрите, кто здѣсь?..“ Онъ поднялъ голову, ахнулъ, съ визгомъ бросился ко мнѣ на шею... дружески меня душитъ.—Катенинъ!.. Я пробудился. Хотѣлось опять позабыться тѣмъ-же пріятнымъ сномъ. Не могъ. Всталъ, вышелъ освѣжиться. Чудное небо! Нигдѣ звѣзды не свѣтятъ такъ ярко, какъ въ этой скучной Персіи! Муэдзинъ съ высоты минарета звонкимъ голосомъ возвѣщалъ ранній часъ молитвы (—7 по полуночи), ему вторили со всѣхъ мечетей, наконецъ, вѣтеръ подулъ сильнѣе, ночная стужа развѣяла мое безпамятство, затеплилъ свѣчку въ моей храминѣ, сажусь писать и живо помню мое обѣщаніе; во снѣ дано, на яву исполнится“.

Почти несомнѣнно, что въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о величайшемъ изъ художественныхъ замысловъ поэта — о „Горѣ отъ ума“.

Въ „дипломатическомъ монастырѣ“ въ Тавризѣ Грибоѣдовъ не разъ передумывалъ свою прошлую жизнь, перебиралъ въ памяти прежнія бытовыя и психологическія наблюденія и передъ его духовнымъ взоромъ нерѣдко проносились картины московской жизни. Въ уединеніи творческая мысль поэта разгоралась, образы выявлялись ярче и требовали закрѣпленія въ стихахъ.

Въ концѣ 1821 г. между Персіей и Турціей возгорѣлась война. Грибоѣдовъ былъ посланъ Мазаровичемъ къ Ермолову съ докладомъ о положеніи дѣлъ въ Персіи. Вскорѣ, впрочемъ, и самъ Мазаровичъ былъ вытребованъ въ Тифлисъ съ этой же цѣлью. Такимъ образомъ, на время русская миссія прекратила свою дѣятельность въ Персіи. Александръ Сергѣевичъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы избавиться отъ „почетной ссылки“. Еще въ 1820 г., на оборотѣ того письма, гдѣ Грибоѣдовъ разсказывалъ свой вѣщій сонъ, онъ набросалъ проектъ прошенія объ отставкѣ. „Познанія мои,—пишетъ онъ въ этомъ наброскѣ, — заключаются въ знаніи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ. Для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще мало имѣть нѣсколько выраженій для одной и той же мысли, говоритъ Ривароль; чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему отечеству. Но именно для того, чтобы пріобрѣсти познанія, прошу объ увольненіи меня отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, въ которой вмѣсто того, чтобы чему-нибудь выучиться, еще забываешь то, что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину вмѣсто того, чтобы выставить причиной нездоровье или разстройство домашнихъ дѣлъ—обыкновенныя уловки, которымъ никто не вѣритъ“.

Однако, и нездоровье подоспѣло во-время. На пути изъ Тавриза въ Тифлисъ Грибоѣдовъ сломалъ себѣ руку и рѣшилъ использовать это печальное обстоятельство въ интересахъ перемѣны службы. Любившій его Ермоловъ, съ его согласія, послалъ тогда гр. Нессельроде слѣдующее ходатайство (12 января 1822): „Секретарь миссіи нашей при тегеранскомъ дворѣ, титулярный совѣтникъ Грибоѣдовъ, на пути изъ Тавриза сюда, имѣлъ несчастіе переломить, въ двухъ мѣстахъ, руку и, не нашедши нужныхъ въ дорогѣ пособій, долженъ былъ, по необходимости, обратиться къ первому, который могъ дать ему помощь, и оттого произошло, что, по прибытіи въ Тифлисъ, надлежало ему худо справленную руку переломить въ другой разъ. До сего времени почти не владѣя оною, не можетъ онъ

обойтись безъ искуснаго врачеванія и, сихъ средствъ будучи совершенно лишеннымъ въ Персіи, никакъ не можетъ онъ туда отправиться. „Съ сожалѣніемъ долженъ я удалить его отъ занимаемаго имъ мѣста, но, зная, отличныя способности молодаго сего человѣка и желая воспользоваться пріобрѣтенными имъ въ знаніи персидскаго языка успѣхами, я просить ваше сіятельство покорнѣйше честь имѣю опредѣлить его при мнѣ секретаремъ по иностранной части, ибо по оной не состоитъ при мнѣ ни одного чиновника и безъ таковаго, въ продолженіе столько времени, не безъ труда я обходился. Во-первыхъ, пользованіе находящимися здѣсь минеральными водами возвратитъ ему здоровье и онъ, при наклонности его къ изученію восточныхъ языковъ, начавъ уже заниматься арабскимъ языкомъ, какъ основаніемъ всѣхъ прочихъ, имѣетъ здѣсь все средство усовершенствовать свои познанія; во-вторыхъ, и что почитаю я главнѣйшимъ предметомъ, со временемъ ваше сіятельство можете препоручить ему заведеніе школы восточныхъ языковъ, на что не щадите вы ни попеченія, ни издержекъ, но, по необходимости, должны заимствоваться свѣдѣніями иноземцевъ, и что безпрекословно полезнѣе ввѣрять природнымъ. Не смѣю я испрашивать большаго жалованья Грибоѣдову, какъ 200 червонцевъ, и хотя лишается онъ двухъ третей того, что получалъ доселѣ, но къ сему побужденъ я сравненіемъ съ прочими, при мнѣ служащими, чиновниками".

Ходатайство Ермолова было удовлетворено, и Грибоѣдовъ сдѣлался дипломатическимъ секретаремъ при Ермоловѣ. Незадолго передъ тѣмъ онъ получилъ чинъ коллежскаго асессора, чего долго добивался для него Ермоловъ. Съ ноября 1821 г. по февраль 1823 включительно Грибоѣдовъ провелъ въ Тифлисѣ, разъѣзжая, впрочемъ, довольно часто по Кавказу вмѣстѣ съ Ермоловымъ. Культурная обстановка здѣсь была несравненно богаче, чѣмъ въ Тавризѣ. Вокругъ Ермолова группировалось нѣсколько выдающихся дѣятелей, каковы, напр., Вельяминовъ, Раевскій, Муравьевъ. Александръ Сергѣевичъ, имѣвшій даръ нравиться, быстро завоевалъ симпатіи этого круга. Съ Муравьевымъ Грибоѣдовъ теперь сблизился еще болѣе, чѣмъ въ 1818 г.; они занимались восточными языками, и Муравьевъ поражался познаніями, памятью и умомъ Грибоѣдова. Но ближе всѣхъ къ Грибоѣдову всталъ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. Они познакомились еще въ Петербургѣ, въ 1817 г., когда одновременно поступили на службу въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ и встрѣчались въ литературныхъ кругахъ столицы. Потомъ судьба развела ихъ въ

разныя стороны. Грибоѣдовъ уѣхалъ на Востокъ, а Кюхельбекеръ въ 1820 г. отправился съ А. Л. Нарышкинымъ странствовать по Европѣ. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ читалъ лекціи о славянской литературѣ, навлекъ на себя неудовольствіе русскаго правительства и вынужденъ былъ вернуться въ Россію. Здѣсь, по рекомендаціи петербургскихъ друзей и по личному желанію Ермолова (несомнѣнно, поддержанному Грибоѣдовымъ), Вильгельмъ Карловичъ получилъ мѣсто въ Тифлисѣ, куда и прибылъ въ декабрѣ 1821 г. Предполагалось даже, что Кюхельбекеръ займетъ мѣсто секретаря русскаго посольства въ Персіи, вмѣсто Грибоѣдова. Но вспыльчивый поэтъ поссорился съ однимъ чиновникомъ и долженъ былъ покинуть Кавказъ. Онъ пробылъ здѣсь недолго, всего полгода, до мая 1822 г., но за это время тѣсно сблизился съ Грибоѣдовымъ. Впослѣдствіи, въ годы изгнанія, Кюхельбекеръ часто вспоминалъ въ своихъ дневникахъ Александра Сергѣевича, и изъ этихъ припоминаній видно, какое глубокое вліяніе имѣлъ на него Грибоѣдовъ и въ нравственномъ, и въ литературномъ отношеніи. Грибоѣдовъ привлекъ вниманіе Кюхельбекера къ художественнымъ достоинствамъ Библіи, онъ познакомилъ друга съ миѳологіей и легендами Востока (и Кюхельбекеръ потомъ не разъ бралъ восточные сюжеты для своихъ произведеній), внушилъ ему пристрастіе къ славянизмамъ въ литературномъ языкѣ, словомъ, овладѣлъ его творческимъ сознаніемъ. Зато и Кюхельбекеръ, прекрасный человѣкъ и широко образованный литераторъ, былъ дорогъ и полезенъ Грибоѣдову. Ему поэтъ могъ свободно повѣрять свои замыслы, не рискуя встрѣтить равнодушіе и непониманіе. И Кюхельбекеръ сохранилъ для насъ драгоцѣнный фактъ, что Грибоѣдовъ въ Тифлисѣ трудился надъ созданіемъ „Горя отъ ума“: „Грибоѣдовъ писалъ „Горе отъ ума“ почти при мнѣ, по крайней мѣрѣ, мнѣ первому читалъ каждое отдѣльное явленіе непосредственно послѣ того, какъ оно было написано“.

Но Кюхельбекеръ скоро уѣхалъ опять въ Россію. Проводивъ его, Грибоѣдовъ снова остался одинокимъ въ своихъ литературныхъ исканіяхъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ разлуки онъ писалъ Вильгельму Карловичу: „Ей-Богу, тебѣ здѣсь хорошо было для себя. А для меня?.. Теперь въ поэтическихъ моихъ занятіяхъ довѣряюсь одинѣмъ стѣнамъ. Имъ кое-что читаю изрѣдка свое или чужое, а людямъ—ничего; некому“. Его настроеніе, которое становилось томительнымъ и грустнымъ еще въ Персіи, теперь дѣлается все мрачнѣе. Частыя служебныя поѣздки по Кавказу, отсутствіе театра,

интимныхъ друзей, литературнаго общенія,—все это тяготило поэта. „Налегла на меня необъяснимая мрачность“,—жаловался онъ въ письмѣ Кюхельбекеру. А сестрѣ его, Ю. К. Глинкѣ, онъ писалъ (по-французски) около того же времени: „Кто бы сказалъ полгода тому назадъ, что я кончу тѣмъ, что буду завидовать даже его злополучной звѣздѣ! Ахъ! если чье либо несчастіе можетъ облегчить другого несчастнаго, то передайте ему, что если онъ зналъ меня здѣсь прежде беззаботнымъ, веселымъ и даже шаловливымъ, то теперь я въ тягость самому себѣ, одинокъ среди населенія, къ которому совершенно равнодушенъ; еще нѣсколько дней, и я покидаю этотъ городъ, оставляя здѣсь скуку и отвращеніе, которыя меня преслѣдуютъ здѣсь и которыя, быть можетъ, я найду и въ другомъ мѣстѣ“.

Благодаря неизмѣнному сочувствію и содѣйствію Ермолова, Грибоѣдовъ получилъ отпускъ въ Москву и Петербургъ на четыре мѣсяца—„по дипломатическимъ дѣламъ“. Въ концѣ марта 1823 года онъ уже былъ въ родной семьѣ, въ Москвѣ.

VI. На родинѣ.

Въ Москвѣ, подъ Новинскимъ, попрежнему жили мать и сестра Александра Сергѣевича. Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ тоже оказался въ Москвѣ. Онъ сохранилъ воспоминанія о первыхъ шагахъ Грибоѣдова по пріѣздѣ. „Послѣ пятилѣтней разлуки, съ душевной радостью увидѣлись мы опять съ нимъ въ Москвѣ. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ въ мартѣ 1823 года. Изъ комедіи его „Горе отъ ума“ написаны были только два дѣйствія. Онъ прочелъ мнѣ ихъ, на первый актъ я сдѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія, онъ спорилъ, и даже показалось мнѣ, что принялъ это нехорошо. На другой день пріѣхалъ я къ нему рано и засталъ его только что вставшимъ съ постели: онъ неодѣтый сидѣлъ противъ растопленной печи и бросалъ въ нее свой первый актъ листъ по листу. Я закричалъ: „Послушай, что ты дѣлаешь?!!“—„Я обдумалъ“,—отвѣчалъ онъ,—ты вчера говорилъ мнѣ правду, но не безпокойся: все уже готово въ головѣ моей!“ И черезъ недѣлю первый актъ былъ вновь написанъ.

„Въ апрѣлѣ я женился. Онъ былъ у меня шаферомъ и въ церкви стоялъ возлѣ меня. Передъ началомъ службы священнику вздумалось сказать намъ рѣчь, Грибоѣдовъ, съ обыкновенной своей тогдашней веселостью, перетолковывалъ мнѣ на ухо эту проповѣдь, и я насилу

могъ удерживаться отъ смѣха. Потомъ онъ замолчалъ, но когда держалъ вѣнецъ надо мной, я замѣтилъ, что руки его трясутся и, оглянувшись, увидѣлъ его блѣднымъ и со слезами на глазахъ. По окончаніи службы, на вопросъ мой: „Что съ тобой сдѣлалось?“—„Глупость“, отвѣчалъ онъ,—„мнѣ вообразилось, что тебя отпѣваютъ и хоронятъ“. „Я выѣхалъ изъ Москвы въ концѣ мая, но передъ отъѣздомъ моимъ, недѣли за три, я очень рѣдко видѣлъ его. Онъ пустился въ большой московскій свѣтъ, бывалъ на всѣхъ балахъ, на всѣхъ праздникахъ, пикникахъ и собраніяхъ, по дачамъ и проч. и проч.“ „На замѣчаніе мое о перемѣнѣ его образа жизни, Грибоѣдовъ всегда отвѣчалъ: „Не бойся! время мое не пропадетъ“. Мать его, жившій безвыѣздно всегда въ Москвѣ и имѣвши дочь невѣсту, вывозила ее въ свѣтъ и имѣла огромное знакомство. Но онъ прежде никуда почти не ѣздилъ“.

Поэтъ торопился освѣжить свои наблюденія надъ обществомъ, за которымъ потомъ навсегда закрѣпилось названіе „Грибоѣдовской Москвы“. Легко себѣ представить, сколько родныхъ и знакомыхъ окружило Грибоѣдова-персидскаго, какъ его уже именовали въ Москвѣ. Изъ этой толпы слѣдуетъ выдѣлить нѣсколько новыхъ знакомыхъ, вскорѣ тѣсно сблизившихся съ поэтомъ: кн. В. Ѳ. Одоевскаго, кн. П. А. Вяземскаго, А. Н. Верстовскаго.

Въ началѣ іюня Александръ Сергѣевичъ уѣхалъ въ деревню къ Бѣгичеву и лѣто 1823 г. провелъ уединенно въ творческой работѣ. Степанъ Никитичъ объ этомъ времени разсказываетъ: „Вслѣдъ за мной пріѣхали ко мнѣ въ деревню братъ мой съ семействомъ и Грибоѣдовъ. Послѣдніе акты „Горя отъ ума“ написаны въ моемъ саду, въ бесѣдкѣ. Вставалъ онъ въ это время почти съ солнцемъ, являлся къ намъ къ обѣду и рѣдко оставался съ нами долго послѣ обѣда, но почти всегда скоро уходилъ и приходилъ къ чаю, проводилъ съ нами вечеръ и читалъ написанныя имъ сцены. Мы всегда съ нетерпѣніемъ ожидали этого времени. Не имѣю довольно словъ объяснить, до чего пріятны были для меня частыя (а особливо по вечерамъ) бесѣды наши вдвоемъ. Сколько свѣдѣній онъ имѣлъ по всѣмъ предметамъ!!! Какъ увлекателенъ и одушевленъ онъ былъ, когда открывалъ мнѣ, такъ сказать, на распашку свои мечты и таины будущихъ своихъ твореній, или когда разбиралъ творенія геніальныхъ поэтовъ! Много онъ разсказывалъ мнѣ о дворѣ персидскомъ, нравахъ и обычаяхъ персіянъ, ихъ религіозныхъ сценическихъ представленіяхъ на площадяхъ и проч., а также объ Алексѣѣ

Петровичѣ Ермоловѣ и объ экспедиціяхъ, въ которыхъ онъ съ нимъ бывалъ. И какъ онъ былъ любезенъ и остеръ, когда бывалъ въ веселомъ расположеніи!“

Въ сентябрѣ Грибоѣдовъ возвратился въ Москву вмѣстѣ съ семействомъ Бѣгичева и жилъ у него въ домѣ до слѣдующаго лѣта. Въ Москвѣ онъ продолжалъ работать надъ текстомъ „Горя отъ ума“ и для „этюдовъ съ натуры“ ѣздилъ на обѣды и балы, а затѣмъ уединялся въ своемъ кабинетѣ по цѣлымъ днямъ; по вечерамъ, въ одиночествѣ, онъ отдавался импровизаціямъ на роялѣ. Нѣкоторое время содержаніе „Горя отъ ума“ было извѣстно очень немногимъ: сестрѣ Маріи Сергѣевнѣ, Бѣгичевымъ, кн. Вяземскому. Разсказываютъ, что графъ Віельгорскій, перебирая однажды ноты на роялѣ Маріи Сергѣевны, нашелъ тамъ нѣсколько листовъ съ текстомъ комедіи. Скоро вѣсть о замѣчательномъ художественномъ произведеніи распространилась въ обществѣ. Грибоѣдовъ долженъ былъ читать пьесу публично, его приглашали на расхватъ, и скоро такія чтенія стали отнимать у него много времени, такъ что мѣшали другимъ его литературнымъ работамъ. Для открытія московскаго театра осенью 1823 г. Грибоѣдовъ собирался написать двухактный прологъ въ стихахъ: „Юность Вѣщаго“, но такъ и не успѣлъ закончить пьесу къ открытію, и до насъ дошли отъ нея только отрывки. Зато другой замыселъ удалось выполнить. По предложенію директора Императорскаго театра, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, Грибоѣдовъ и кн. Вяземскій взялись приготовить что-нибудь для бенефиса М. Д. Львовой-Синецкой. Пригласивъ еще въ сотрудники композитора А. Н. Верстовскаго, они рѣшили написать оперу-водевиль, взявъ обычный сюжетъ приключеній съ переодѣваніями на большой дорогѣ и перенеся дѣйствіе въ знакомую обоимъ поэтамъ польскую обстановку. Грибоѣдовъ написалъ весь текстъ пьесы и нѣсколько куплетовъ, Вяземскій —остальные куплеты, а Верстовскій—музыку къ нимъ. Пьеса была поставлена въ январѣ 1824 г. и большого успѣха не имѣла. Кн. Вяземскій приписывалъ неудачу интригамъ своихъ и Грибоѣдова литературныхъ недоброжелателей, А. И. Писарева и М. Н. Загоскина. Къ числу этихъ недоброжелателей надо прибавить еще журналиста М. А. Дмитріева, вскорѣ выступившаго съ критикой „Горя отъ ума“. Грибоѣдовъ неизбѣжно вовлекся въ литературные споры, отзвукомъ чего явилась эпиграмма на Писарева и Дмитріева.

Успѣхи „Горя отъ ума“ въ обществѣ, встрѣчи съ друзьями и родными, новые литературные планы—все это куда-то далеко ото-

двинули Кавказъ и Персію. Между тѣмъ, четырехмѣсячный отпускъ давно истекъ. Грибоѣдову пришлось вновь просить отсрочки, теперь подъ предлогомъ лѣченія за-границей водами. Въ маѣ 1824 г. онъ получилъ новый отпускъ, а въ началѣ іюня былъ уже въ Петербургѣ.

Въ сѣверной столицѣ Грибоѣдовъ не былъ съ 1818 г., т. е. въ теченіе шести лѣтъ. За это время произошло много перемѣнъ и въ петербургской жизни и въ душѣ поэта, и онъ иными глазами смотрѣлъ на міръ. Уѣхавъ на Востокъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ помнили, главнымъ образомъ, что онъ привлекался къ дѣлу о дуэли изъ-за танцорки, Грибоѣдовъ возвращался дипломатическимъ чиновникомъ при знаменитомъ проконсулѣ Кавказа, знатокомъ Востока и замѣтнымъ дѣятелемъ. Его прибытіе уже отмѣчалось въ газетахъ. Теперь онъ бывалъ въ высокихъ правительственныхъ кругахъ. Въ письмахъ къ Бѣгичеву изъ Петербурга Александръ Сергѣевичъ въ числѣ своихъ знакомыхъ называетъ министра внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланского, министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова, члена Государственнаго Совѣта, знаменитаго гр. Н. С. Мордвинова; про генералъ-губернатора гр. Милорадовича онъ сообщаетъ: „надняхъ онъ меня угощалъ обѣдомъ въ Екатерингофѣ“. 9 іюня Грибоѣдовъ былъ у И. Ѳ. Паскевича; тамъ онъ встрѣтился съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Въ мірѣ литературномъ и артистическомъ знакомыхъ и друзей оказалось еще больше—старыхъ и новыхъ. Слава „Горя отъ ума“ опередила автора; пока онъ жилъ въ Москвѣ, оттуда въ Петербургъ писались восторженныя письма о славной комедіи, и петербургскіе литераторы и театралы съ нетерпѣніемъ ждали поэта. И когда онъ, наконецъ, пріѣхалъ, его встрѣтили какъ тріумфатора. „Здѣсь я ужъ восемь дней гуляю,—пишетъ Грибоѣдовъ Степану Никитичу,—коли дома, то вѣрно одинъ другого смѣняютъ въ моей комнатѣ, когда же со двора выхожу, то повсюду разсыпаюсь, досугъ и воля. Всѣ просятъ у меня манускрипта и надоѣдаютъ. Шаховской, Жандръ и Гречъ пристаютъ, чтобы я у нихъ жилъ, и Паскевичъ въ лагерь тащитъ, однако расчетвериться невозможно... Никита, братъ Александра Всеволожскаго, Александръ, братъ Володи Одоевскаго, журналистъ Булгаринъ, Мухановы и сотни другихъ лицъ—все у меня передъ глазами.—Прощай, голова вихремъ идетъ“. Всѣ жаждали услышать въ чтеніи „Горе отъ ума“, и авторъ часто—и мастерски—читалъ пьесу у друзей. „Читалъ я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому,

Гречу и Булгарину, Колосовой, Каратыгину, дай счесть: 8 чтеній. Нѣтъ, обчелся, двѣнадцать; третьяго дня обѣдъ былъ у Столыпина, и опять чтеніе, и еще слово далъ на три въ разныхъ закоулкахъ. Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ. Шаховской рѣшительно признаетъ себя побѣжденнымъ (на этотъ разъ). Замѣ-ніемъ Віельгорскаго я тоже воспользовался. Но, наконецъ, мнѣ такъ надоѣло все одно и то же, что во многихъ мѣстахъ импровизирую, да; это нѣсколько разъ случалося, потомъ я самъ себя ловилъ, но другіе не домекались".

Съ Булгаринымъ поэтъ только что познакомился. Вскорѣ они сблизились, и Булгаринъ, окруживъ Грибоѣдова заботливостью и практическими услугами, сдѣлался однимъ изъ близкихъ пріятелей поэта. По просьбѣ Булгарина, Грибоѣдовъ разрѣшилъ нарисовать свой портретъ. Вскорѣ, въ своемъ новомъ изданіи: „Литературные Листки" Булгаринъ вывелъ Грибоѣдова въ фельетонѣ подъ именемъ Талантина, литератора, не только даровитаго, но и глубокообразованнаго и требующаго отъ писателей обширныхъ познаній. Этотъ фельетонъ едва не повлекъ за собою разрыва между пріятелями: Грибоѣдовъ находилъ, что Булгаринъ слишкомъ польстилъ ему. Но недоразумѣніе было исчерпано, и Грибоѣдовъ отдалъ предпріимчивому журналисту отрывки „Горя отъ ума" въ его альманахъ „Русская Талія". У него же въ „Сѣверномъ Архивѣ" Грибоѣдовъ помѣстилъ примѣчанія къ „Необыкновеннымъ похожденіямъ" по Востоку крестьянина Д. И. Цикулина. Булгарину же и Гречу Грибоѣдовъ поручилъ изданіе (не состоявшееся) своей статьи: „Частные случаи петербургскаго наводненія", гдѣ живо описаны картины ужаснаго бѣдствія 7 ноября; Александръ Сергѣевичъ былъ ихъ очевидцемъ. Среди другихъ новыхъ литературныхъ знакомыхъ слѣдуетъ отмѣтить издателей самаго популярнаго тогда альманаха „Полярная Звѣзда", А. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева. Имъ Грибоѣдовъ отдалъ для „Полярной Звѣзды" на 1825 г. свой переводъ пролога изъ „Фауста" Гёте. У стараго знакомаго, Н. И. Греча, въ „Сынѣ Отечества" Александръ Сергѣевичъ напечаталъ стихотвореніе, посвященное валеріи Телешовой. Такъ вновь входилъ Грибоѣдовъ въ кругъ литературныхъ отношеній, о которыхъ скучалъ на Востокѣ. Быстро возстановились также и театральныя и закулисныя связи. Грибоѣдовъ увлекся талантомъ актрисы Колосовой и трагика В. А. Каратыгина. Для нихъ онъ задумалъ было перевести вмѣстѣ съ Жандромъ „Ромео и Юлію" Шекспира, но оставилъ эту мысль за недосугомъ и еще

потому, что Жандръ, не зная англійскаго языка, переводилъ бы съ французскаго, что Грибоѣдовъ считалъ недопустимымъ. Поэтъ постоянно посѣщалъ театральные спектакли драматическіе, оперные, балетные, нѣмецкіе. Въ балетѣ онъ увлекся молодою танцовщицею, Ек. А. Телешевой. Увлеченіе, впрочемъ, не было глубокимъ; о немъ самъ Александръ Сергѣевичъ писалъ Бѣличеву: „Въ три-четыре вечера Телешова меня съ ума свела и тѣмъ легче, что въ первый разъ и сама свыклась съ тѣмъ чувствомъ, отъ котораго я въ грѣшной моей жизни чернѣе угля выгорѣлъ. И что для меня заманчиво было, что соперникомъ у меня—Милорадовичъ... Между тѣмъ Телешова до такой степени въ три недѣли нашей симпатіи успѣла... въ танцахъ, что здѣсь не могли ей надивиться; всякій спрашивалъ ее, отъ чего такая прелестная перемѣна, такое совершенство? А я одоль стоя торжествовалъ.“ Дальше поэтъ упоминаетъ о своемъ стихотвореніи, посвященномъ Телешевой, и продолжаетъ:„ Представь себѣ, съ тѣхъ поръ я остылъ, рѣже вижусь, чтобъ не разочароваться. Или то меня съ ногъ сбило, что теперь все такъ открыто, завѣса отдернута, самъ цѣлому городу пропечаталъ мою тайну, и съ тѣхъ поръ радость мнѣ не въ радость.—Разсмѣйся“. Александръ Сергѣевичъ тогда былъ настроенъ мрачно, испытывалъ приступы тоски и часто уединялся. Онъ нѣсколько разъ порывался уѣхать за-границу. Увлеченіе Телешовой его, конечно, не остановило бы; но было одно важное обстоятельство, удержавшее Грибоѣдова въ Петербургѣ. Здѣсь многолѣтняя постройка монументальнаго зданія „Горя отъ ума“ была закончена; если потомъ авторъ и вносилъ поправки и измѣненія въ текстъ, они бывали несущественны. Послѣдній сильный порывъ вдохновенія посѣтилъ поэта на переѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ. Самъ Грибоѣдовъ разсказываетъ объ этомъ въ письмѣ къ Степану Никитичу такъ: „Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься: онъ такъ несовершененъ, такъ нечистъ, представь себѣ, что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или, лучше сказать, рнѳмъ перемѣнилъ, теперь гладко, какъ стекло. Кромѣ того, на дорогѣ пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между сценою Чацкаго, когда онъ увидѣлъ свою негодяйку, со свѣчею надъ лѣстницей, и передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, въ самый день моего пріѣзда“. Теперь, когда кругъ поэтическихъ образовъ былъ замкнутъ, и пьеса получила восторженное признаніе лучшихъ знатоковъ, надо было подумать о

проведеніи ея въ печать и на сцену. Въ первые же дни по пріѣздѣ Александръ Сергѣевичъ сталъ хлопотать объ этомъ. Онъ надѣялся, что знакомство съ министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и другія связи легко помогутъ ему получить цензурное разрѣшеніе, но ошибся. Цензура тогда славилась суровостью, а пьеса была полна отголосковъ общественнаго движенія. Чтобы увидѣть свое твореніе на сценѣ и въ печати, Грибоѣдовъ готовъ былъ идти на уступки, на передѣлки и смягченія текста. Объ этомъ самонстяніи поэтъ писалъ Бѣгичеву: „не могу въ эту минуту оторваться отъ побрякушекъ авторскаго самолюбія. Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ пополовѣли, сержусь и возстанавливаю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ... будетъ же, добьюсь до чего нибудь; терпѣніе есть азбука всѣхъ прочихъ наукъ; посмотримъ, что Богъ дастъ“. Придирки цензуры доводили Александра Сергѣевича до крайняго раздраженія. Однажды, вернувшись (въ октябрѣ 1824 г.) изъ Третьяго Отдѣленія, онъ писалъ Н. И. Гречу: „Я что пріѣхалъ отъ Фока, то съ помощью негодованія своего и Одоевскаго изорвалъ въ клочки не только эту статью, но даже всякій писанный листокъ моей руки, который подъ рукою случился“. Вскорѣ пришлось оставить надежду увидѣть въ печати всю пьесу цѣликомъ. Только благодаря усиленнымъ хлопотамъ и исключительному искусству Булгарина ладить съ канцеляріями удалось провести въ альманахъ „Русская Талія“ четыре явленія (7—10) перваго дѣйствія и весь третій актъ. На сцену же провести пьесу совершенно не удалось. Ученики Театральной школы попытались было поставить „Горе отъ ума“ у себя, въ школѣ, но и этотъ спектакль былъ запрещенъ. Участникъ затѣи, П. А. Каратыгинъ разсказываетъ объ этомъ: „Мы съ Григорьевымъ предложили Александру Сергѣевичу разыграть „Горе отъ ума“ на нашемъ школьномъ театрѣ, и онъ былъ въ восхищеніи отъ нашего предложенія... Большого труда намъ стоило упросить добраго инспектора Бока— дозволить и воспитанницамъ принять участіе въ этомъ спектаклѣ... Наконецъ, онъ согласился, и мы живо принялись за дѣло; въ нѣсколько дней росписали роли, въ недѣлю ихъ выучили, и дѣло пошло на ладъ. Самъ Грибоѣдовъ пріѣзжалъ къ намъ на репетиціи и очень усердно училъ насъ... Надо было видѣть, съ какимъ простодушнымъ удовольствіемъ онъ потиралъ себѣ руки, видя свое „Горе отъ ума“ на нашемъ ребяческомъ театрѣ... Хотя, конечно,

мы откалывали его безсмертную комедію съ горемъ пополамъ, но онъ былъ очень доволенъ нами, а мы были въ восторгѣ, что могли угодить ему. На одну изъ репетицій онъ привелъ съ собою А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера—и тѣ также насъ похвалили... Наконецъ, комедія была уже совсѣмъ приготовлена, на слѣдующій день назначенъ былъ спектакль... но, увы! всѣ наши хлопоты и надежды лопнули, какъ мыльный пузырь! Наканунѣ самаго представленія, во время послѣдней репетиціи, является къ намъ инспекторъ Бокъ, и объявляетъ намъ грозный фирманъ графа Милорадовича (который имѣлъ тогда главное начальство надъ императорскими театрами и которому кто-то донесъ объ нашихъ затѣяхъ), чтобы мы не смѣли такъ либеральничать и что пьесу, не одобренную цензурой, нельзя позволить играть въ театральномъ училищѣ...

„Мы съ Григорьевымъ отправились тотчасъ же къ Грибоѣдову съ этимъ роковымъ извѣстіемъ, что, конечно, его сильно огорчило“.

Зато, когда появились отрывки „Горя отъ ума“ въ альманахѣ, это было сигналомъ къ новому шуму—теперь уже въ журналахъ. Какъ въ прошломъ году въ Москвѣ, такъ теперь въ Петербургѣ, „Горе отъ ума“ оказалось центральнымъ событіемъ литературнаго сезона. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить одно характерное обстоятельство. Въ альманахѣ напечатано было всего около трети пьесы; не было даже пересказано общее содержаніе ея. Между тѣмъ журнальные критики разсуждали такъ, какъ будто пьеса напечатана и извѣстна читателямъ сполна. Секретъ заключался въ томъ, что списки комедіи съ поразительной быстротой распространились всюду. Въ Петербургѣ военные и штатскіе писаря зарабатывали значительныя деньги, изо дня въ день копируя „Горе отъ ума“. Любители собирались кружками и подъ диктовку переписывали драгоцѣнный текстъ сразу въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Ни одна книга не печаталась тогда въ такомъ количествѣ экземпляровъ, сколько разошлось списковъ „Горя отъ ума“. Они цѣнились тѣмъ дороже, что печатный фрагментъ въ „Таліи“ былъ сильно сокращенъ и изуродованъ цензурою. Такимъ образомъ, журналисты могли обсуждать (но не цитировать!) комедію въ цѣломъ, не рискуя вызвать недоумѣніе читателя. Мнѣнія, какъ водятся, раздѣлились. Нашлись горячіе противники комедіи,—ихъ выставила Москва. „Грибоѣдовская Москва“, изображенная въ третьемъ актѣ пьесы, глухо волновалась еще въ 1823 году, когда самъ авторъ читалъ рукопись въ московскихъ кружкахъ. Уже тогда яркія

бытовыя картины „Горя отъ ума“ признавались пасквилемъ на Москву, обидой русскому дворянству и т. д. Теперь Москва хотѣла защищаться печатно. Старый московскій журналъ „Вѣстникъ Европы“ устами москвича-старожила, М. А. Дмитріева, заявилъ, что „Горе отъ ума“ плохая комедія и съ художественной и съ идейной стороны. Языкъ пьесы такой, что его „не признаетъ ни одна грамматика, кромѣ, можетъ быть, лезгинской“. Сцены не связаны между собою, ихъ можно переставить, выбросить, вставить,—„что хотите, комедія не перемѣнится“. При томъ еще комедія не самостоятельна: это сколокъ съ „Мизантропа“ Мольера или съ „Абдеритовъ“ Виланда. Что же касается содержанія, то оно ничтожно. Главный герой, Чацкій, „говоритъ все, что ни придетъ въ голову; естественно, что такой человѣкъ наскучитъ во всякомъ обществѣ, и, чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ онъ наскучитъ скорѣе“. Онъ обличаетъ свѣтскія приличія, бритые подбородки, короткіе фраки, онъ мелоченъ и карикатуренъ. Въ этихъ характерныхъ сужденіяхъ чувствуется то самое раздраженіе, которое обрушилось на Чацкаго въ фамусовскомъ домѣ. Дмитріева поддерживалъ его соратникъ по „Вѣстнику Европы“, А. И. Писаревъ (какъ мы знаемъ, оба они были задѣты въ эпиграммѣ Грибоѣдова). Москва культурная, нефамусовская, отнеслась къ пьесѣ иначе. Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ Н. А. Полевой заявилъ, что еще ни въ одной русской комедіи не было такихъ острыхъ мыслей и живыхъ картинъ общества, какъ въ пьесѣ Грибоѣдова. Въ томъ же журналѣ кн. В. Ѳ. Одоевскій горячо отстаивалъ комедію отъ мелочныхъ придирокъ Дмитріева и въ Чацкомъ видѣлъ „силу характера, презрѣніе предразсудковъ, благородство, возвышенность мыслей, обширность взгляда“. Въ такой оцѣнкѣ „Горя отъ ума“ Одоевскаго поддерживали петербургскіе журналисты О. М. Сомовъ и Н. И. Гречъ (въ „Сынѣ Отечества“). Въ 1824 году, въ Петербургѣ, гдѣ замѣтно обострялось общественное движеніе, взгляды и чувства Чацкаго и весь общественный смыслъ комедіи могли быть поняты лучше всего. И, дѣйствительно, наиболѣе чуткую оцѣнку „Горе отъ ума“ нашло въ статьѣ поэта-декабриста, А. А. Бестужева, въ „Полярной Звѣздѣ“: „Рукописная комедія г. Грибоѣдова: Горе отъ ума феноменъ, какого не видали мы отъ временъ Недоросля. Толпа характеровъ, обрисованныхъ смѣло и рѣзко; живая картина московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, умъ и остроуміе въ рѣчахъ, невиданная доселѣ бѣглость и природа разговорнаго русскаго языка въ стихахъ, все это завлекаетъ, пора-

жаетъ, приковываетъ вниманіе. Человѣкъ съ сердцемъ не прочтетъ ее, не смѣявшись, не тронувшись до слезъ. Люди привычные даже забавляться по французской систематикѣ или оскорбленные зеркальностью сценъ, говорятъ, что въ ней нѣтъ завязи, что авторъ не по правиламъ нравится, но пусть они говорятъ, что имъ угодно: предразсудки разсѣются, и будущее оцѣнитъ достойно сію комедію и поставитъ ее въ число первыхъ твореній народныхъ".

Но какъ относился къ этой „словесной войнѣ" самъ виновникъ ея? Менѣе всѣхъ другихъ его волновала журнальная полемика. Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ, больно задѣтый нападками Дмитріева, написалъ антикритику и хотѣлъ ее напечатать. Грибоѣдовъ рѣшительно воспротивился этому. „Ты съ жаромъ вступился за меня, любезный мой Вовенаргъ, пишетъ онъ другу.—Благодарю тебя и за намѣреніе и за исполненіе. Я твою тетрадку читалъ многимъ пріятелямъ, всѣ ею были очень довольны, а я вдвое: потому что теперь, коли отказался ее печатать, такъ конечно не оттого, чтобы въ ней чего-нибудь не доставало", но потому, что это вовлекло бы Бѣгичева въ мелкую, недостойную полемику. „Итакъ, плюнь на марателя Дмитріева, въ одномъ только случаѣ возьмись за перо въ мою защиту, если я буду въ отдаленіи или умру прежде тебя, и кто нибудь, мой ненавистникъ, вздумаетъ чернить мою душу и поступки". Въ письмѣ къ кн. В. Ѳ. Одоевскому уже изъ Кіева, поощряя его къ литературнымъ трудамъ, которые „всякой жизни придаютъ высокое значеніе", Грибоѣдовъ оговаривается: „только я не разумѣю здѣсь полемическихъ памфлетовъ, критикъ и антикритикъ. Виноватъ, хотя ты за меня подвизаешься, а мнѣ за тебя досадно. Охота же такъ ревностно препираться о нѣсколькихъ стихахъ, о ихъ гладкости, жесткости, плоскости; между тѣмъ тебѣ отвѣчать будутъ и самого вынудятъ за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тѣхъ, которые отъ души желаютъ, чтобы отечество наше оставалось въ вѣчномъ младенчествѣ!!!" Однажды только поэтъ нарушилъ молчаніе и выступилъ на самозащиту,—но не въ печати, а въ частномъ письмѣ. Старый пріятель, теперь заброшенный въ костромскую глушь, П. А. Катенинъ, мнѣніями котораго Грибоѣдовъ очень дорожилъ, получилъ въ подарокъ отъ автора списокъ „Горя отъ ума" и прислалъ Александру Сергѣевичу письмо, какъ всегда, желчное, гдѣ строго критикуетъ пьесу. Онъ находилъ, что „главная погрѣшность въ планѣ", что „сцены связаны произвольно", что „характеры портретны" и такъ далѣе,—очень близко къ взглядамъ Дмитріева. Грибоѣ-

довъ отвѣтилъ критику письмомъ, гдѣ въ краткихъ, но яркихъ выраженіяхъ разъясняетъ планъ пьесы и внутреннюю необходимость въ развитіи дѣйствія и устанавливаетъ общій взглядъ на взаимоотношеніе индивидуальныхъ, типическихъ и общечеловѣческихъ чертъ въ драматическихъ характерахъ. Одно сужденіе Катенина вызвало особенно энергичный отпоръ. Катенинъ находилъ, что въ пьесѣ больше таланта, чѣмъ умѣнья. Съ глубокой убѣжденностью и гордымъ самосознаніемъ истиннаго художника Грибоѣдовъ отвѣтилъ: „Дарованія болѣе, нежели искусства. Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать, не знаю, стою-ли ее? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе, а въ комъ болѣе вытвержденнаго, пріобрѣтеннаго потомъ и мученіемъ искусства угождать теоретикамъ, т. е. дѣлать глупости, въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? nugae difficiles. Я, какъ живу, такъ и пишу—свободно и свободно“.

Живя среди столичной суеты, осаждаемый посѣтителями, Грибоѣдовъ часто искалъ уединенія. Несомнѣнно, это время было для него временемъ новыхъ итоговъ и новыхъ плановъ. „Горе отъ ума“ оказалось однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ произведеній, которыя являются во-время и неотразимо овладѣваютъ вниманіемъ всѣхъ. Не только рядовые читатели, но и лучшіе представители таланта и мысли восторженно привѣтствовали комедію Грибоѣдова. Въ эти дни и мѣсяцы Грибоѣдовъ могъ испытывать высочайшее наслажденіе, которое только доступно художнику: преклоненіе передъ его творческой индивидуальностью и подчиненіе его обаянію. Легко можно было бы при этомъ впасть въ иллюзіи и преувеличенія. Но Грибоѣдовъ удержался на уровнѣ, достойномъ его генія. Несомнѣнно, въ тѣ шумные дни онъ много размышлялъ и о своемъ значеніи въ судьбахъ русской литературы, и вообще о значеніи и задачахъ художника среди людской толпы. Поразительны сила, съ которою поэтъ противостоялъ соблазнамъ популярности, и строгость самооцѣнки. Сообщая Бѣгичеву о своихъ хлопотахъ по проведенію „Горя отъ ума“ на сцену, Александръ Сергѣевичъ добавляетъ: „Ты, безцѣнный другъ мой, насквозь знаешь своего Александра;

подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе несообразной съ ненасытностью души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ перемѣнѣ мѣста и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему нибудь высшему? Какъ притомъ, съ какой стати сказать людямъ, что грошовыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить? Ахъ! прилична ли спѣсь тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ рукоплесканій!!" Поэтъ нашелъ, однако, способъ объясниться съ читателями. На шумные восторги, споры, похвалы и порицанія, возникшіе вокругъ „Горя отъ ума", онъ отозвался переводомъ „Пролога на театрѣ" изъ „Фауста" Гёте. Выборъ былъ весьма знаменателенъ. Закончивъ свое величайшее произведеніе, плодъ многолѣтнихъ трудовъ и творческаго напряженія, вложивъ въ него „всѣ лучшія мечты, всѣ смѣлыя стремленья" своего генія и теперь представивъ его на судъ современниковъ и потомства, великій русскій поэтъ долженъ былъ переживать чувства и мысли, родственныя тѣмъ, какія съ такою могучею силой выражены въ „Посвященіи" и „Прологѣ" гетевскаго „Фауста". Какъ и великому германскому поэту, Грибоѣдову приходилось считаться съ тѣми же требованіями и ожиданіями, какія въ „Прологѣ на театрѣ" излагаютъ директоръ и комикъ: „чтобъ большинство людей осталося довольно", „побольше дѣйствія, сплетеній и развитій", „побольше пестроты, побольше новизны", „дурачеству оставить дверцу" и т. д. Какъ гетевскому поэту, и русскому великому драматургу приходилось считаться со вкусами и уровнемъ пониманія ограниченной толпы, о которой директоръ говоритъ поэту (въ передачѣ Грибоѣдова):

О гордые искатели молвы!
Опомнитесь!—кому творите вы?
Влечется къ намъ иной, чтобъ скуку поразсѣять,
И скука вмѣстѣ съ нимъ ввалилась—дремлетъ онъ;
Другой явился отягчонъ
Парами пѣнистыхъ бокаловъ;
Иной небрежный ловитъ стихъ,—
Сотрудникъ глупыхъ онъ журналовъ;
На святочныя игры ихъ
Чистѣйшее желанье окрыляетъ,
Невѣжество имъ зрѣнье затемняетъ,
И на устахъ бездушія печать;
Красавицы подъ бременемъ уборовъ
Тишкомъ желаютъ расточать

Обманъ улыбки, нѣгу взоровъ.
Что возмечтали вы на вашей высотѣ?
Смотрите имъ въ лицо!—вотъ тѣ
Окременѣвшія толпы живымъ утесомъ;
Здѣсь озираются во мракѣ подлецы,
Чтобъ слово подстеречь и погубить доносомъ;
Тамъ мыслятъ дань обрѣсть картежные ловцы;
Тотъ буйно ночь провесть въ объятіяхъ безчестныхъ;
И для кого хотите вы, слѣпцы,
Вымучивать внушенье Музъ прелестныхъ?

И такъ же, какъ гётевскій поэтъ, авторъ „Горя отъ ума“ зналъ радости и муки творчества, когда вдохновеніе „восторгъ рождаетъ вновь и вновь“, когда поэтъ въ творческомъ дѣйствіи объединяетъ „всѣ созданья жизни“ въ ихъ нестройномъ, хаотическомъ перебоѣ и потомъ является „виновникомъ ихъ спокойнаго и пышнаго теченья“,

стройно размѣряетъ ихъ движенья
И бури, вопли, крикъ страстей
Мѣняетъ вдругъ на дивные аккорды,

сливая „въ гимнъ единый красу небесъ съ землею“,—и вмѣстѣ съ тѣмъ мучась сознаніемъ, что поэтическіе образы, рожденные фантазіей, съ трудомъ и неполно воплощаются въ формахъ „скуднаго и бѣднаго нашего языка“. Что переводъ „Пролога“ не былъ случайнымъ капризомъ писателя, а наоборотъ, являлся „авторскою исповѣдью“, показываетъ то обстоятельство, что Грибоѣдовъ не столько перевелъ, сколько передѣлалъ этотъ „отрывокъ изъ Гёте“. Онъ выбросилъ реплики комика, поэта, слова комика и директора и допустилъ нѣсколько вставокъ отъ себя. Свой переводъ онъ оборвалъ на гордомъ монологѣ поэта, отвергающаго обидное предложеніе „отдать святѣйшее стяжанье, свободу, въ жертву прихотей“ директора, театральной толпы и читателей.

Слѣдуетъ замѣтить, что крайній скептицизмъ, съ какимъ Грибоѣдовъ отнесся къ своей литературной славѣ, проявлялся въ этотъ періодъ его жизни часто и многообразно. Александръ Сергѣевичъ судилъ теперь жизнь и людей строго, предъявляя къ нимъ сильно повышенныя требованія. Пріѣхавъ въ Петербургъ и побывавъ въ правящихъ кругахъ, Грибоѣдовъ пишетъ Бѣгичеву: „Павловъ, Мадатовъ и еще одно лицо всѣхъ ихъ поважнѣе гораздо чиномъ (съ Трубецкимъ получишь отгадку)—уморительные люди; я столько наглядѣлся смѣшного, и столько низостей!“... Не менѣе сурово оцѣниваетъ онъ и литературный кругъ: „Вчера я обѣдалъ со всею

сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ душишекъ. Не отчаивайся, другъ почтенный, я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ тряснномъ государствѣ. Скоро отправлюсь и надолго". Иногда Александръ Сергѣевичъ испытывалъ внезапные приступы отчаянія—не только въ окружающихъ, но и въ самомъ себѣ. Однажды онъ пишетъ все тому же Степану Никитичу: „Братъ! Ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со временемъ у тебя попщу прибѣжища, не отъ бурь, не отъ угрызающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!"

Въ такія минуты Петербургъ терялъ для поэта всякую привлекательность, и онъ думалъ о путешествіи, какъ о средствѣ развлечься. Ѣхать за-границу было уже нельзя: Александръ Сергѣевичъ слишкомъ долго пробылъ въ столицахъ, и отпускъ уже кончался. Тогда возникъ планъ возвратиться на Кавказъ черезъ Кіевъ и Крымъ.

VII. Путешествіе черезъ Кіевъ и Крымъ на Кавказъ.

Въ концѣ мая Грибоѣдовъ былъ уже въ Кіевѣ. Здѣсь онъ пробылъ довольно долго, недѣли двѣ, и если бы хотѣлъ, легко могъ бы сблизиться съ мѣстнымъ обществомъ. Но Александръ Сергѣевичъ избѣгалъ людей и предпочиталъ оставаться наединѣ съ природой и историческими воспоминаніями, которыми для него былъ полонъ древній городъ. Князю В. Ѳ. Одоевскому онъ писалъ изъ Кіева: „я въ древнемъ Кіевѣ; надышался здѣшнимъ воздухомъ и скоро ѣду далѣе. Здѣсь я пожилъ съ умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣніе; какъ они мыслятъ и что творятъ—русскіе чиновники и польскіе помѣщики—Богъ ихъ вѣдаетъ. Природа великолѣпная; съ нагорнаго берега Днѣпра на каждомъ шагу виды измѣняются; прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступаешь въ темноту Лавры или Софійскаго собора, и какъ душѣ просторно, когда потомъ выходишь на бѣлый свѣтъ: зелень, тополи и виноградники, чего нѣтъ у насъ! Хорошо, однако, что побылъ здѣсь въ началѣ іюня; говорятъ, что зимою немногимъ

лучше сѣверной Россіи. Посѣтителей у меня перебывало много, однако скромныхъ, мало мѣшали". Среди этихъ посѣтителей были замѣчательные люди. Въ Кіевѣ съ Грибоѣдовымъ встрѣчались постоянно и дружески Сергѣй и Артамонъ Муравьевы, Бестужевъ-Рюминъ, кн. Трубецкой,—все выдающіеся декабристы. Въ ихъ кружкѣ возникла даже мысль принять Грибоѣдова въ тайное общество, но была оставлена, такъ какъ поэтъ въ это время былъ очень далекъ отъ политическихъ интересовъ. Грустное настроеніе не покидало Грибоѣдова, и онъ, словно убѣгая отъ самого себя, пробовалъ развлечься въ постоянныхъ передвиженіяхъ.

Послѣ Кіева Александръ Сергѣевичъ направился въ Крымъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ исколесилъ полуостровъ вдоль и поперекъ, пѣшкомъ, верхомъ, въ лодкѣ по рѣчкамъ и заливамъ. Онъ посѣтилъ всѣ выдающіеся пункты: Ѳеодосію, Симферополь, Севастополь, Ялту, Алупку, Симензъ, Бахчисарай и т. д. Нѣсколько разъ поднимался на Чатыръ-Дагъ и другія высоты, ночевалъ въ овчарняхъ съ чабанами, босой забирался въ трудно-доступныя пещеры; жадно любовался и красотою горъ, сравнивая ихъ съ Кавказскими, и моремъ, котораго прежде не видалъ, и богатой природой долинъ. Свои крымскія впечатлѣнія онъ тщательно заносилъ въ „Путевыя записки", раскрывающія передъ нами его тогдашнія душевныя переживанія; ихъ лучше прочесть полностью, чѣмъ въ пересказѣ. Отмѣтимъ только, что изъ этихъ записокъ вырисовывается образъ не рядового туриста съ баналными восторгами передъ красотами природы, а рѣдкаго, оригинальнаго путешественника, одинаково способнаго сливаться съ жизнью природы и возсоздавать въ воображеніи историческое прошлое обозрѣваемыхъ мѣстъ. Вотъ онъ на самой вершинѣ Чатыръ-Дага; сильный туманъ, онъ „мокрехонекъ", „сыворотка, холодъ, грѣюсь, ложусь на попону, сѣдло въ головахъ". Но ночью онъ встаетъ: „луна плаваетъ надъ моремъ между двухъ мысовъ. Звѣзда изъ-за чернаго облака. Другая скатилась надо мною. Какой геній подхватилъ ее?" Много разъ еще бродилъ онъ ночью по крымскимъ уголкамъ, часто въ одиночествѣ. Однажды въ дневникѣ о такой прогулкѣ отмѣчаетъ: „одинъ и счастливъ". Въ Крыму, какъ и въ Кіевѣ, поэтъ былъ всюду желаннымъ гостемъ; слава „Горя отъ ума" уже распространилась тамъ, встрѣчались горячіе поклонники, декламировавшіе наизусть тирады изъ комедіи. Въ Крыму Грибоѣдовъ встрѣтился съ Н. В. Сушковымъ, москвичемъ и сотоварищемъ по Благородному Пансіону, и „часто услаждалъ его раз-

думною игрою на фортепіано", въ Симферополѣ видѣлся съ декабристомъ М. Ѳ. Орловымъ, тоже старымъ знакомымъ, и съ другимъ декабристомъ, Оржицкимъ. Но новыхъ знакомствъ избѣгалъ. Извѣстный путешественникъ и литераторъ А. Н. Муравьевъ, живя въ Симферополѣ въ одной гостинницѣ, въ смежныхъ комнатахъ, съ Грибоѣдовымъ, никакъ не могъ завязать съ нимъ знакомства, и только совершенная случайность ихъ сблизила: ночью, во снѣ, Муравьевъ громко вскрикнулъ, и Грибоѣдовъ бросился къ нему въ комнату. Самъ поэтъ не безъ юмора описываетъ Бѣгичеву свою жизнь въ Симферополѣ: „Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжаю сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжилось не далѣе сутокъ, потому ли что фортопіанная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили, ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣе Петербурга. Мало этого. Наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ, сочинитель Фамусова и Скалозуба, слѣдовательно, веселый человѣкъ. Тьфу, злодѣйство! да мнѣ невесело, скучно, отвратительно, несносно!... И то неправда, иногда слишкомъ ласкали мое самолюбіе, знаютъ наизусть мои рѣомы, ожидаютъ отъ меня, чего я можетъ быть не въ силахъ исполнить; такимъ образомъ я нажилъ кучу новыхъ пріятелей, а время потерялъ, и вообще утратилъ силу характера, которую начиналъ пріобрѣтать на перекладныхъ. Вѣрь мнѣ, чудесно всю жизнь свою прокататься на 4-хъ колесахъ; кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ; воображенье свѣжо, какой-то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ... Но остановки, отдыхи двухнедѣльные, двухмѣсячные для меня пагубны, задремлю, либо завьюсь чужимъ вихремъ, живу не въ себѣ, а въ тѣхъ людяхъ, которые помимутно со мною, часто же они дураки набитые". Гораздо болѣе, чѣмъ мѣстные жители, интересовали Грибоѣдова крымскія древности. Въ этомъ отношеніи его крымскіе письма и дневники заключаютъ драгоцѣнныя данныя, рисующія обширныя археологическія познанія Грибоѣдова, его любовь къ прошлому и умѣнье возсоздавать его въ домыслахъ фантазіи. Въ Крымъ онъ явился съ хорошимъ знаніемъ исторической и географической литературы о полуостровѣ; онъ постоянно припоминалъ, что говоритъ о Крымѣ Палласъ (ученый путешественникъ XVIII вѣка), Муравьевъ, авторъ „Путешествія по Тавридѣ", цитуетъ Нестора-

лѣтописца, изучаетъ и измѣряетъ развалины древнихъ построекъ, строитъ догадки археологическія и этнографическія; посѣтивъ старинное Еврейское кладбище, сожалѣетъ, что не можетъ разобрать надгробныхъ надписей, и т. д. Какъ любовно вникалъ поэтъ въ крымскія древности и какія размышленія будили онѣ въ немъ, покажетъ отрывокъ его письма къ Бѣгичеву изъ Ѳеодосіи (12 сентября). Только что пріѣхавъ сюда, Грибоѣдовъ уже спѣшилъ осмотрѣть Сольдайскія руины: „Я былъ одинъ. Александра [слугу] отправилъ по колясочной дорогѣ въ Кафу. Кто хочетъ посѣщать прахъ и камни славныхъ усопшихъ, не долженъ брать живыхъ съ собою. Это мною нѣсколько разъ испытано. Поспѣшная и громкая походка, равнодушныя лица, и пуще всего глупые, ежедневные толки спутниковъ часто не давали мнѣ забытья, и сближенія моей жизни, послѣдняго пришельца, съ судьбою давно отшедшихъ для меня было потеряно. Не такъ въ Сольдаѣ. Мирно и почтительно взошелъ я на пустырь, обнесенный стѣнами и обломками башенъ, цѣплялся по утесу, нависшему круто въ море, и бережно взобрался до самой вершины, и тамъ башня и сводъ уцѣлѣли. Съ Чатырдага видъ пространнѣе, но нѣтъ признака, чтобы тамъ люди живали, усѣлъ городъ, чтобы стекались въ него купцы и странники изо всѣхъ частей свѣта, чтобы наконецъ онъ взятъ былъ на щитъ разсвирѣпѣвшимъ непріятелемъ, и груды камней однѣ-бы свидѣтельствовали о прежней величавой его жизни. Здѣсь это все есть. И не приморскими видами я любовался; перебиралъ мысленно многое, что слыхалъ и видѣлъ“. На другой день: „Нынче обѣгалъ весь городъ, чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Кафы, и нашихъ однодневныхъ мазанокъ. Отчего однако воскресло имя Ѳеодосіи, едва извѣстное изъ описаній древнихъ географовъ и поглотило наименованіе Кафы, которая громка во столькихъ лѣтописяхъ Европейскихъ и восточныхъ. На этомъ пепелищѣ господствовали нѣкогда готическіе нравы Генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи Мунгаловъ съ примѣсью Турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами духъ разрушенія; ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города не взрытаго, не перекопаннаго.—Что жъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ русское племя, какъ имъ поступать съ бренными остатками нашего бытія“.

Но, не смотря на такое углубленное изученіе Крыма, на яркія впечатлѣнія южной природы, приступы тоски повторялись. Въ томъ

же письмѣ къ другу Александръ Сергѣевичъ продолжаетъ: „А мнѣ между тѣмъ такъ скучно! такъ грустно! думалъ помочь себѣ, взялся за перо, но пишется нехотя, вотъ и кончилъ, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мнѣ что нибудь въ отраду,—я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности.—Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ; пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ еще никогда не бывало. Одоевскому я не пишу объ этомъ: онъ меня страстно любитъ, и пуще моего будетъ несчастливъ, коли узнаетъ. Ты, мой безцѣнный Степанъ, любишь меня тоже, какъ только братъ можетъ любить брата, но ты меня старѣе, опытнѣе и умнѣе; сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди“.

Это было послѣднее изъ крымскихъ писемъ поэта. Въ концѣ сентября, черезъ Керчь и Тамань, Грибоѣдовъ проѣхалъ на Кавказъ. Въ началѣ октября мы уже застаемъ его въ отрядѣ начальника штаба Кавказскаго корпуса, генерала А. А. Вельяминова, въ крѣпости Константиногорской (около современнаго Пятигорска). Незадолго передъ тѣмъ партія кабардинскихъ и черкасскихъ всадниковъ разграбила станицу Солдатскую и увела въ плѣнъ много жителей; хищники скрылись въ ущельяхъ рѣки Чегема. Вельяминовъ выступилъ изъ Константиногорска, чтобы преслѣдовать ихъ; съ нимъ отправился и Грибоѣдовъ. Въ укрѣпленіи Каменный Мостъ на рѣкѣ Малкѣ поэтъ написалъ стихотвореніе „Хищники на Чегемѣ“, для котораго мотивомъ послужило нападеніе горцевъ на станицу. Въ половинѣ октября Грибоѣдовъ покинулъ Каменный Мостъ и вмѣстѣ съ отрядомъ Вельяминова проѣхалъ по Новой линіи укрѣпленій въ крѣпость Нальчикъ. Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ драмы,—одной изъ многихъ, разыгрывавшихся тогда при покореніи горцевъ. Знатный горскій князь Джамбулатъ, „храбрѣйшій изъ всѣхъ молодыхъ князей, первый стрѣлокъ и наѣздникъ и на все готовый, лишь бы кабардинскія дѣвушки воспѣвали его подвиги по ауламъ“, участвовалъ въ послѣднемъ вторженіи закубанцевъ въ русскіе предѣлы. Его, отца его (предсѣдателя народнаго кабардинскаго суда) и другихъ князей пригласили для переговоровъ въ Нальчикъ и здѣсь хотѣли арестовать Джамбулата. Онъ отказался повиноваться, засѣлъ съ товарищемъ и родствен-

никомъ Канаматомъ въ комнатѣ суда, отстрѣливался оттуда, но при попыткѣ бѣжать былъ убитъ на глазахъ отца и Грибоѣдова. Эта кровавая сцена, прекрасно описанная поэтомъ въ письмѣ къ Кюхельбекеру, долго у него не выходила изъ головы: „мнѣ было жаль не тѣхъ, которые такъ славно пали [Канаматъ тоже былъ убитъ], но старца отца".

27 октября отрядъ Вельяминова прибылъ въ станицу Екатериноградскую, и здѣсь Грибоѣдовъ оставался долго, около двухъ мѣсяцевъ. Въ станицѣ Александръ Сергѣевичъ встрѣтился и поселился вмѣстѣ съ Мазаровичемъ, своимъ прежнимъ начальникомъ; они оба поджидали Ермолова, въ вѣдѣніи котораго находились. На вечерахъ у начальника отряда поэтъ читалъ „Горе отъ ума". Въ скитаніяхъ по разнымъ укрѣпленіямъ Новой линіи Грибоѣдовъ сблизился съ Вельяминовымъ и былъ „этому случаю благодаренъ за прекраснѣйшее открытіе достойнаго человѣка". Въ концѣ ноября въ станицу Екатериноградскую прибылъ самъ Ермоловъ—для свиданія съ Вельяминовымъ и Мазаровичемъ, и кромѣ нихъ, неожиданно, нашелъ здѣсь и своего секретаря по дипломатической части. Грибоѣдовъ вновь испыталъ обаяніе Алексѣя Петровича, о чемъ и писалъ горячо Кюхельбекеру. Къ Ермолову онъ „пристalъ въ родѣ тѣни;" мѣсяца, проведеннаго съ нимъ въ станицѣ, казалось мало, и когда Ермоловъ въ концѣ декабря собирался двинуться въ новый походъ, въ Чечню, Грибоѣдовъ просился туда же. Ермоловъ согласился неохотно, такъ какъ Грибоѣдову давно слѣдовало ѣхать въ Тифлисъ.

Къ рождественскимъ праздникамъ отрядъ передвинулся въ станицу Червленую, на Терекѣ; въ концѣ января онъ прибылъ въ крѣпость Грозную. И здѣсь Грибоѣдовъ былъ арестованъ.

VIII. Подъ слѣдствіемъ.

Пока Грибоѣдовъ кочевалъ по Кавказу съ Вельяминовымъ и Ермоловымъ, въ Петербургѣ происходили событія чрезвычайной важности. 19 ноября въ Таганрогѣ скончался императоръ Александръ Павловичъ. Наступившее междуцарствіе разрѣшилось возстаніемъ на Сенатской площади 14 декабря. На престолъ вступилъ императоръ Николай I. Немедленно была назначена слѣдственная комиссія по дѣлу декабристовъ; начались аресты и допросы.

Извѣстіе о кончинѣ Александра I привезъ къ Ермолову въ Екатериноградъ фельдъегерь Экунинъ, около 25 ноября. Потомъ

полученъ былъ указъ о присягѣ императору Константину Павловичу, и въ тотъ же день всѣ въ станицѣ были приведены къ присягѣ. Отзвуки общественнаго движенія въ Петербургѣ, хотя и съ запозданіемъ, доходили до Грибоѣдова. 22 ноября онъ получилъ письмо отъ А. А. Бестужева (къ сожалѣнію, не дошедшее до насъ); здѣсь навѣрно сообщались политическія новости. 18 декабря пришла почта отъ А. А. Жандра (отъ 19 октября). Жандръ писалъ (письмо опять не сохранилось) о тревогахъ общественной жизни, и Грибоѣдовъ въ отвѣтномъ письмѣ восклицаетъ: „Какое у васъ движеніе въ Петербургѣ!!—А здѣсь... Подождемъ.“ Затѣмъ, прося сообщать о литературныхъ и закулисныхъ новостяхъ, прерываетъ себя: „Правда, я было позабылъ, что не тѣ времена.

Отъ ужаса вся стынетъ кровь,
Лишь плачетъ тихая любовь“.

Быть можетъ, вѣсти изъ столицы шли къ Грибоѣдову и отъ другихъ петербургскихъ друзей. Денисъ В. Давыдовъ сохранилъ воспоминаніе, что въ половинѣ декабря, въ Екатеринодарѣ, Александръ Сергѣевичъ сообщалъ шелководу А. Ф. Реброву: „ въ настоящую минуту идетъ въ Петербургѣ страшная поножовщина“. 24 декабря въ станицу Червленую прибылъ фельдъегерь Дамишъ съ извѣстіемъ объ отреченіи вел. кн. Константина и о вступленіи на престолъ Николая Павловича. За обѣдомъ у Ермолова Дамишъ разсказывалъ о событіяхъ 14 декабря. Участникъ бесѣды, Н. В. Шимановскій, передаетъ при этомъ любопытную подробность: „въ это время Грибоѣдовъ, то сжимая кулаки, то разводя руками, сказалъ съ улыбкою: Вотъ теперь въ Петербургѣ идетъ кутерьма! Чѣмъ-то кончится!“

Поэтъ не зналъ, что въ этотъ самый день о немъ уже шла рѣчь въ слѣдственной комиссіи. Впервые его имя было названо въ „комитетѣ для слѣдственныхъ изысканій о злоумышленныхъ обществахъ“ наканунѣ, 23 декабря; въ этотъ день кн. Трубецкой показалъ: „я знаю со словъ Рылѣева, что онъ принялъ Грибоѣдова, который состоитъ при генералѣ Ермоловѣ.“ Правда, на другой день самъ Рылѣевъ опровергалъ показанія Трубецкого, но въ засѣданіи Комитета 26 декабря было постановлено взять подъ арестъ, въ числѣ многихъ другихъ, и Грибоѣдова. 2-го января военный министръ послалъ Ермолову отношеніе объ арестѣ, и пока фельдъегерь Уклонскій скакалъ съ этой бумагой на Кавказъ, имя Грибоѣдова, какъ

члена тайнаго общества, было названо, 21 января 1826, въ спискѣ ки. Е. П. Оболенскаго. 22 января Уклонскій пріѣхалъ въ Грозную, и Ермоловъ долженъ былъ распорядиться объ обыскѣ и арестѣ своего любимца. Говорятъ, что, прочтя отношеніе министра, Ермоловъ предупредилъ Грибоѣдова, и тотъ могъ уничтожить нѣкоторыя изъ своихъ бумагъ. Впрочемъ, едва-ли среди нихъ было что-нибудь компрометирующее: слухи объ арестахъ въ Петербургѣ и въ южной арміи доходили на Кавказъ, и Александръ Сергѣевичъ могъ уже заранѣе „почиститься.“ Обыскъ у Грибоѣдова былъ произведенъ въ тотъ же день, въ присутствіи Уклонскаго, полковникомъ Мищенко и адъютантомъ Ермолова Талызинымъ. Всѣ найденныя бумаги были зашиты въ холстъ и опечатаны. При этомъ оказалось, что часть вещей Грибоѣдова хранится въ двухъ чемоданахъ во Владикавказѣ, у майора Огарева. Ермоловъ распорядился доставить ихъ въ Екатериноградъ и тамъ вскрыть въ присутствіи фельдъегеря. 23 января Уклонскій и Грибоѣдовъ выѣхали изъ Грозной въ Екатериноградъ. Фельдъегерь везъ съ собою секретное отношеніе Ермолова къ барону Дибичу, гдѣ Алексѣй Петровичъ съ похвалой отзывался о службѣ и поведеніи Грибоѣдова, удостовѣряя, что онъ „какъ въ нравственности своей, такъ и въ правилахъ не былъ замѣченъ развратнымъ и имѣетъ многія хорошія весьма качества“. Сохранился простодушный разсказъ одного кавказскаго офицера, Э. В. Бриммера, объ этомъ печальномъ выѣздѣ. „Мы шли съ Дейтрихомъ изъ крѣпости въ лагерь рано утромъ; слышимъ, за нами ѣдутъ; оглядываемся—на тройкѣ Грибоѣдовъ и рыжій.

— Прощайте, Александръ Сергѣевичъ!

— До свиданія, господа!

— Кто это? спрашиваетъ громко рыжій,—и помчались далѣе съ сильнымъ конвоемъ казаковъ. И точно, скоро возвратился Грибоѣдовъ чистъ, какъ голубь, и болѣе не было подозрѣній на Кавказскій корпусъ“.

30-го января въ Екатеринодаръ привезли чемоданы Грибоѣдова; ихъ осмотрѣли въ присутствіи шести должностныхъ лицъ, бумаги изъ нихъ были взяты Уклонскимъ, и въ тотъ же день опять возобновилась бѣшеная фельдъегерская скачка.

7-го или 8-го февраля, въ 4 часа пополудни, Грибоѣдовъ со своимъ спутникомъ прибыли въ Москву и остановились у Дмитрія Никитича Бѣгичева. Степанъ Никитичъ былъ вызвавъ къ брату запиской и при первомъ взглядѣ на фельдъегеря понялъ, въ чемъ дѣло.

Отобѣдали вчетверомъ. Затѣмъ простоватый Уклонскій отправился къ роднымъ, оставивъ пріятелей бесѣдовать до поздняго вечера. Б. И. Іонъ былъ въ это время въ Москвѣ, но не увидѣлся со своимъ воспитанникомъ. Грибоѣдовъ оставилъ ему записку съ просьбой предупредить мать и сестру, чтобы онѣ не пугались этого дѣла, потому что онъ самъ его не боится. Лично же къ матери Александръ Сергѣевичъ не заѣхалъ, боясь напугать ее и, быть можетъ, выслушивать ея упреки. С. Н. Бѣгичевъ потомъ разсказывалъ: „На третій день отправился я къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ, и та съ обыкновенною своею заносчивостью, съ первыхъ же словъ, начала ругать сына на чемъ свѣтъ стоитъ: и карбонарій-то онъ, и вольнодумецъ и проч., и проч.“

Ночью невольные спутники поскакали дальше. 11 февраля они добрались до Петербурга, и Грибоѣдовъ былъ посаженъ, вмѣстѣ съ многими другими привлеченными къ дѣлу, на гауптвахту Главнаго Штаба. Здѣсь Александръ Сергѣевичъ просидѣлъ около четырехъ мѣсяцевъ. Въ то время какъ подслѣдственные, сидѣвшіе въ Петропавловской крѣпости, переживали ужасы строгаго одиночнаго заключенія, арестованные въ Главномъ Штабѣ (здѣсь находились лица менѣе скомпрометированныя) пользовались льготами, которыя могли бы показаться намъ невѣроятными, если бы не достовѣрныя свидѣтельства. Въ Главномъ Штабѣ сидѣли: Д. И. Завалишинъ, графъ Мошинскій, полковникъ Сенявинъ, братья Раевскіе, князь Баратаевъ, полковникъ Любимовъ, князь Шаховской, Добринскій и еще кое-кто. Помѣщались они всѣ вмѣстѣ, въ длинномъ пріемномъ залѣ; впрочемъ, когда здѣсь стало тѣсно, прибавили еще двѣ-три комнаты. Надзоръ, какъ увидимъ, чрезвычайно слабый, былъ порученъ офицеру Жуковскому. Комната съ арестованными имѣла, должно быть, весьма оригинальный видъ. Живое впечатлѣніе отъ нея сохранилось въ воспоминаніяхъ И. П. Липранди; онъ былъ привезенъ въ Штабъ вскорѣ за Грибоѣдовымъ. „Невозможно описать впечатлѣнія той неожиданности, которою я былъ пораженъ: открывается дверь, въ передней два молодые солдата учебнаго карабинернаго полка, безъ боевой аммуниціи; изъ прихожей стеклянная дверь, чрезъ нее я вижу нѣсколько человѣкъ около стола за самоваромъ; все это во второмъ часу пополуночи меня поражало. „Вотъ, господа, еще вамъ товарищъ!“ сказалъ Жуковскій; всѣ глаза обратились на меня. Здѣсь сидѣли за чайнымъ столомъ: бригадный генералъ 18-й дивизіи, Кольмъ; извѣстный Грибоѣдовъ; адъютантъ Ермолова, Воейковъ (оба привезенные съ Кавказа), отставной подпоручикъ Генеральнаго Штаба А. А. Туч-

ковъ (старшій братъ бывшаго въ Москвѣ генералъ-губернатора) и предводитель дворянства Екатеринославской губерніи Алексѣевъ, человѣкъ около шестидесяти лѣтъ и, какъ оказалось, привезенный по ошибкѣ вмѣсто своего сына, гусара. Изъ всѣхъ ихъ я зналъ только Кольма. Поздній чай произошелъ отъ того, что Воейковъ и Грибоѣдовъ были на допросѣ въ комиссіи, находящейся въ крѣпости. Черезъ часъ мы всѣ были какъ старые знакомые. Предметъ разговора понимается: вопросамъ, разспросамъ и взаимно сообщавшимся свѣдѣніямъ не было конца. Содержались мы на свой счетъ, обѣдъ брали изъ ресторація; позволено было выходить вечеромъ съ унтеръ-офицеромъ для прогулки. Немногіе, однако же, желали пользоваться симъ; книгъ, набранныхъ Грибоѣдовымъ отъ Булгарина, было много...

Изъ бывшихъ со мною я освобожденъ былъ первый, за мной Алексѣевъ. Видѣвши, что нѣкоторые получали дозволеніе посѣщать прежнихъ соузниковъ моихъ, я испросилъ, чрезъ Яковлева, позволеніе дѣлать то же и, получивъ оное, почти ежедневно бывалъ у нихъ. Общество такихъ людей, и особенно въ тогдашнія минуты, было для меня большимъ наслажденіемъ отъ службы. Вообще частности этого замѣчательнаго періода не безъинтересны, но здѣсь вовсе неумѣстны". Интересныя частности, о которыхъ осторожный Липранди уклонялся разсказывать даже въ семидесятыхъ годахъ, заключались, между прочимъ, въ томъ, что надсмотрщикъ Жуковскій допускалъ всякія послабленія для арестованныхъ. Говорятъ, что къ этому его склоняли денежные подарки заключенныхъ. Къ разсказу Липранди Д. И. Завалишинъ добавляетъ: „Благо никто его не ревизовалъ, да никто изъ комитета къ намъ и не входилъ, потому что всѣ бумаги къ намъ изъ комитета и отъ насъ туда шли чрезъ Жуковскаго, а если кого требовали въ комитетъ, то объ этомъ извѣщали его же наканунѣ, то и дошло до того, что даже часовые превратились въ нашу прислугу. Мы обыкновенно запирались изнутри на ключъ, а часовой ставилъ ружье въ уголъ, снималъ киверъ, суму и мундиръ, надѣвалъ шинель и фуражку и отправлялся за покупками, за обѣдомъ, за книгами и пр. Наконецъ Жуковскій этимъ не ограничился. Смѣлость его росла не по днямъ, а по часамъ. Не видя никакихъ дурныхъ для себя послѣдствій отъ установившагося порядка, онъ пошелъ далѣе, но не для нашего уже облегченія, а чисто для своего удовольствія. Узнавши, что Грибоѣдовъ хорошо играетъ на фортепіано, Жуковскій, какъ любитель музыки, сталъ водить его и меня въ кондитерскую Лоредо, находившуюся на углу Адмиралтейской

площади и Невскаго проспекта. Водилъ онъ впрочемъ не въ самую кондитерскую, а въ небольшую комнатку, примыкавшую къ ней и вѣроятно принадлежавшую къ помѣщенію самого хозяина, съ которымъ Жуковскій былъ, повидимому, хорошимъ пріятелемъ, потому что, заказывая угощеніе (разумѣется на нашъ счетъ), онъ не пускалъ къ намъ никого изъ прислуги кондитерской, а что было заказано, приносилъ или самъ, или хозяинъ. Въ этой комнаткѣ стояло фортепіано; мы приходили обыкновенно часовъ въ 7 вечера и проводили тамъ часа полтора; Грибоѣдовъ игралъ, Жуковскій слушалъ его, а я читалъ газеты".

Грибоѣдовъ бывалъ даже, по вечерамъ, у своего пріятеля А. А. Жандра и у него игралъ на фортепіано; въ Штабъ онъ возвращался поздней ночью. Все разсказанное показалось бы выдумкой, если бы не подтверждалось письмами самого Грибоѣдова. Изъ-подъ ареста онъ переписывался (разумѣется, минуя контроль Слѣдственной комиссіи) съ Булгаринымъ. Это было, при содѣйствіи Жуковскаго, очень удобно: Булгаринъ ежедневно бывалъ въ типографіи Греча, на углу Невскаго и Морской, близко отъ Главнаго Штаба; сюда и пересылалъ Александръ Сергѣевичъ свои записочки. Не прошло и недѣли со времени водворенія въ Штабъ, какъ Грибоѣдовъ уже пишетъ: „Съ дозволенія инквизиціи. Друзья мои, Гречъ или Булгаринъ, кто изъ васъ въ типографіи? Пришлите мнѣ газетъ какихъ нибудь и журналовъ, и нѣтъ-ли у васъ „Чайльдъ-Гарольда"? Меня здѣсь заперли и я погибаю отъ скуки и невинности. Чуръ! Молчать. Грибоѣдовъ. Главный Штабъ 17 февраля. Das Papier in's Feuer. Ѳаддей, мой другъ, познакомься съ капитаномъ здѣшнимъ Жуковскимъ, nous sommes camarades comme cochons, можетъ быть удастся тебѣ и ко мнѣ проникнуть". Затѣмъ записки слѣдуютъ одна за другой; Грибоѣдовъ проситъ прислать стихотворенія Пушкина, Апологи И. И. Дмитріева, Путешествіе Анахарсиса Бартелеми, курсъ исторіи философіи Дежерандо, опять газетъ и журналовъ и т. д. Съ Завалишинымъ онъ началъ заниматься математикой, и къ Булгарину посылается требованіе достать Дифференціальное счисленіе Франкера. Однажды экстренно понадобилось нарядное иллюстрированное изданіе басенъ Крылова: оказывается, Жуковскій Крылова „нынче же долженъ подарить въ именины какой-то ему любезной дамочкѣ"; „vous entendez bien que je ne peux pas lui refuser un petit présent de ce genre",—добавляетъ Грибоѣдовъ. Булгаринъ страшно трусилъ за всѣ эти авантюры (онъ и самъ тогда былъ подъ подозрѣніемъ у

полиціи), но привязанность къ Грибоѣдову превозмогла, и онъ хлопоталъ, доставалъ книги, посылалъ деньги.

Между тѣмъ, слѣдствіе шло своимъ чередомъ. Первый допросъ съ Грибоѣдова былъ снятъ генераломъ Левашовымъ 11 февраля, въ день пріѣзда. На этомъ допросѣ Грибоѣдовъ рѣшительно и въ рѣзкихъ выраженіяхъ заявилъ: „Я къ тайному обществу не принадлежалъ и не подозрѣвалъ о его существованіи. По возвращеніи моемъ изъ Персіи въ Петербургъ въ 1825 г. я познакомился посредствомъ литературы съ Бестужевымъ, Рылѣевымъ и Оболенскимъ. Жилъ вмѣстѣ съ Одоевскимъ и по Грузіи былъ связанъ съ Кюхельбекеромъ. Отъ всѣхъ сихъ лицъ ничего не слыхалъ могущаго мнѣ дать малѣйшую мысль о тайномъ обществѣ. Въ разговорахъ ихъ видѣлъ часто смѣлыя сужденія насчетъ правительства, въ коихъ самъ я бралъ участіе: осуждалъ, что казалось вреднымъ, и желалъ лучшаго. Болѣе никакихъ дѣйствій моихъ не было, могущихъ на меня навлечь подозрѣніе, и почему оное на меня пало, истолковать не могу“. 15 февраля, не получая никакихъ извѣстій о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, Грибоѣдовъ написалъ письмо на имя самого государя—въ такихъ выраженіяхъ, что баронъ Дибичъ даже не сообщилъ письма Николаю Павловичу, а надписалъ самъ резолюцію: „объявить, что такимъ тономъ не пишутъ Государю и что онъ будетъ допрошенъ“. Вотъ текстъ письма: „Всемилостивѣйшій Государь! По неосновательному подозрѣнію, силою величайшей несправедливости, я былъ вырванъ отъ друзей, отъ начальника мною любимаго, изъ крѣпости Грозной на Суножѣ, чрезъ три тысячи верстъ въ самую суровую стужу притащенъ сюда на перекладныхъ, здѣсь посаженъ подъ крѣпкій караулъ, потомъ былъ позванъ къ генералу Левашеву. Онъ обошелся со мною вѣжливо, я говорилъ съ нимъ совершенно откровенно, отъ него отправленъ съ обѣщаніемъ скораго освобожденія. Между тѣмъ дни проходятъ, а я запертъ. Государь! Я не знаю за собою никакой вины. Въ проѣздъ мой изъ Кавказа сюда, я тщательно скрывалъ мое имя, чтобы слухъ о печальной моей участи не достигъ до моей матери, которая могла-бы отъ того ума лишиться. Но ежели продлится мое заточеніе, то конечно и отъ нея не укроется. Ваше Императорское Величество сами питаете благоговѣйнѣйшее чувство къ Вашей Августѣйшей родительницѣ... Благоволите даровать мнѣ свободу, которой лишиться я моимъ поведеніемъ никогда не заслуживалъ, или послать меня предъ Тайный Комитетъ лицемъ къ лицу съ моими

обвинителями, чтобы я могъ обличить ихъ во лжи и клеветѣ". И затѣмъ, въ теченіе всего слѣдствія твердо стоялъ на своемъ. На подробные вопросные пункты, предложенные ему 24 февраля, Грибоѣдовъ отвѣчалъ: „Рылѣевъ и Бестужевъ никогда мнѣ о тайныхъ политическихъ замыслахъ ничего не открывали... Я повторяю, что ничего не зная о тайныхъ обществахъ, я никакого собственнаго мнѣнія объ нихъ не могъ имѣть". Въ промежуткѣ между этими двумя показаніями слѣдственная комиссія успѣла допросить, кромѣ князей Оболенскаго и Трубецкого, еще Рылѣева, А. А. Бестужева, Бестужева-Рюмина, кн. Барятинскаго, Давыдова, кн. Волконскаго, Пестеля, Сергѣя и Артамона Муравьевыхъ. Показанія всѣхъ были весьма благопріятны Грибоѣдову: оговорившіе его Оболенскій и Трубецкой ссылались на слова Рылѣева, а самъ Рылѣевъ отрицалъ фактъ принятія имъ Грибоѣдова; другіе рѣшительно поддерживали Рылѣева или отзывались полнымъ незнакомствомъ съ поэтомъ. Только фонъ-деръ-Бриггенъ нерѣшительно и въ видѣ предположенія упомянулъ имя Грибоѣдова въ спискѣ членовъ Сѣвернаго Общества.

Прочтя 25 февраля письменныя показанія Грибоѣдова, комиссія рѣшила, что онъ „не принадлежалъ къ обществу и существованія онаго не зналъ". Быть можетъ, этому содѣйствовалъ дѣлопроизводитель комиссіи, А. Л. Ивановскій, любитель литературы, поклонникъ таланта Грибоѣдова и сотоварищъ его по одному литературному обществу. Но неожиданно на журналѣ комиссіи съ ходатайствомъ объ освобожденіи Грибоѣдова члены ея прочли резолюцію Государя: „Грибоѣдова содержать пока у дежурнаго генерала". Николай Павловичъ подозрѣвалъ Ермолова въ сочувствіи декабристамъ и опасался, что въ Кавказскомъ корпусѣ были тайныя организаціи, и Грибоѣдова легко могъ счесть однимъ изъ главарей кавказскихъ заговорщиковъ. Незадолго до пріѣзда Грибоѣдова съ фельдъегеремъ въ Петербургъ, Николай Павловичъ отпразлялъ (5 февраля) на Кавказъ полковника Бартоломея, съ секретной инструкціей—наблюдать „о духѣ войскъ и ихъ начальниковъ". Въ этой инструкціи было сказано: „беречься Грибоѣдова и отобрать о немъ свѣдѣнія". Послѣ резолюціи Государя надзоръ за Грибоѣдовымъ былъ на время усиленъ. Это сильно взволновало Александра Сергѣевича; Булгарину онъ писалъ: „Любезный другъ. Съ нами чудныя происшествія. Караулъ приставленъ строжайшій, причина неизвѣстная. Между тѣмъ я комитетомъ оправданъ начисто, какъ стекло. Ива-

новскій, благороднѣйшій человѣкъ, въ крѣпости говорилъ мнѣ самому и всякому гласно, что я немедленно буду освобожденъ. Притомъ обхожденіе со мною, какъ его, такъ и прочихъ, было совсѣмъ не то, которое имѣютъ съ подсудимыми. Казалось, все кончено. Съѣзди къ Ивановскому, онъ тебя очень любитъ и уважаетъ; онъ членъ Вольнаго Общества Любителей Словесности и много во мнѣ принималъ участія. Разскажи ему мое положеніе и навѣдайся, чего мнѣ ожидать. У меня желчь такъ скопляется, что боюсь слечь или съ курка спрыгнуть. Да не будь трусъ, напиши мнѣ, я записку твою сожгу, или передай свѣдѣнія Ж*, а тотъ перескажетъ А*, а А* найдетъ способъ мнѣ сообщить. Vale".

15 марта Грибоѣдовъ былъ снова допрошенъ, и комиссія добивалась отъ него свѣдѣній о броженіи въ Кавказскомъ корпусѣ. Но подозрѣнія были неосновательны: никакого броженія не было, и объ этомъ заявили и Грибоѣдовъ, и Якубовичъ, и другіе. Въ концѣ концовъ слѣдственная комиссія, основываясь на столь рѣшительныхъ заявленіяхъ, вновь убѣдилась въ невинности Грибоѣдова. Въ докладной запискѣ ея императору было сказано: „Коллежскій асессоръ Грибоѣдовъ не принадлежалъ къ обществу и о существованіи онаго не зналъ. Показаніе о немъ сдѣлано княземъ Евгеніемъ Оболенскимъ 1-мъ со словъ Рылѣева; Рылѣевъ же отвѣтилъ, что имѣлъ намѣреніе принять Грибоѣдова, но не видя его наклоннымъ ко вступленію въ общество, оставилъ свое намѣреніе. Всѣ прочіе его членомъ не почитаютъ". Императоръ на запискѣ положилъ такую резолюцію: „Выпустить съ очистительнымъ аттестатомъ", а рукою барона Дибича добавлено: „Высочайше повелѣно произвесть въ слѣдующій чинъ и выдать не въ зачетъ годовое жалованье". 4 іюня Грибоѣдовъ былъ освобожденъ, потомъ получилъ „очистительный аттестатъ" и прогонныя деньги (на возвратъ въ Грузію) и былъ произведенъ въ надворные совѣтники.

Грибоѣдовъ не сразу уѣхалъ на Кавказъ. Въ іюнѣ и іюлѣ онъ еще жилъ въ Петербургѣ, у Булгарина. „Въ это время, разсказываетъ Булгаринъ,—онъ жилъ со мною, на дачѣ, въ уединенномъ домикѣ на Выборгской сторонѣ, видался только съ близкими людьми, проводилъ время въ чтеніи, въ дружеской бесѣдѣ, въ прогулкахъ, и занимался музыкою... Фантазіи его и импровизаціи отзывались глубокимъ чувствомъ меланхоліи". Нетрудно представить себѣ, какія настроенія переживалъ тогда Александръ Сергѣевичъ. Радость освобожденія, тревоги только что пережитаго, состраданіе къ остав-

шимся за тюремною стѣной,—эти чувства выражены поэтомъ въ стихотвореніи „Освобожденный“ и въ другомъ, посвященномъ кн. А. И. Одоевскому. Эти мѣсяцы, несомнѣнно, были для Александра Сергѣевича временемъ новыхъ итоговъ. Подобно Пушкину, подобно многимъ другимъ чуткимъ русскимъ людямъ, Грибоѣдовъ пережилъ тяжелый духовный кризисъ въ этотъ мрачный 1826 годъ, когда казнили и развозили въ ссылку его друзей. Катастрофа 14 декабря, обнаружившая слабости и иллюзіи декабристскаго движенія и силу правительства, вызывала на пересмотръ и переоцѣнку политическихъ явленій, взглядовъ и плановъ, какъ и всей вообще русской культурной жизни. Булгаринъ вспоминаетъ, что въ эти дни у Грибоѣдова „навертывались слезы, когда онъ говорилъ о безплодной почвѣ нашей словесности. „Жизнь народа, какъ жизнь человѣка, есть дѣятельность умственная и физическая“, говорилъ Грибоѣдовъ: „словесность—мысль народа объ изящномъ. Греки, Римляне, Евреи—не погибли оттого, что оставили по себѣ словесность, а мы... мы не пишемъ, а переписываемъ! Какой результатъ нашихъ литературныхъ трудовъ по истеченіи года, столѣтія? Что мы сдѣлали, и что могли бы сдѣлать!“... Разсуждая о сихъ предметахъ, Грибоѣдовъ становился грустенъ, угрюмъ, бралъ шляпу и уходилъ одинъ гулять въ поле или въ рощу“. Этотъ мотивъ сближаетъ Грибоѣдова съ Чаадаевымъ, скептическія воззрѣнія коего складывались около того же времени. Поэта тревожило также разъединеніе интеллигенціи и народа и глубокая культурная рознь между ними; грустныя размышленія объ этомъ онъ изложилъ въ статьѣ „Загородная поѣздка“, напечатанной вскорѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“ (здѣсь описана прогулка въ Парголово 21 іюня). Къ этимъ огорченіямъ присоединялись еще тревоги за свое дарованіе. „Часто, сообщаетъ Булгаринъ,—онъ бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувствуетъ, какъ мало сдѣлалъ для словесности“. Чувство это знакомо было поэту и раньше; закончивъ „Горе отъ ума“, онъ требовалъ отъ себя новыхъ созданій, но вдохновеніе медлило, писалось плохо, и что бывало написано, не возвышалось надъ посредственностью. Это волновало. Еще въ сентябрѣ 1825 г., изъ Симферополя, Грибоѣдовъ писалъ Бѣгичеву: „Ну вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ, а результатъ нуль. Ничего не написалъ. Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? Умѣю ли писать? Право, для меня все еще загадка.—Что у меня съ избыткомъ найдется что сказать, за это ручаюсь. Отчего же я нѣмъ? Нѣмъ какъ гробъ!!“

IX. Дипломатическая служба.

Но надо было ѣхать на службу. Навѣрно въ этотъ разъ Грибоѣдовъ покидалъ Петербургъ и Россію безъ сожалѣнія. Во второй половинѣ іюля онъ уже былъ въ Москвѣ. Пріѣздъ его совпалъ съ приготовленіями къ коронаціи императора Николая Павловича; дворъ и войска уже были въ Москвѣ, и уже начались всякія увеселенія и торжества. Александръ Сергѣевичъ едва ли принималъ въ нихъ участіе. Изъ одного письма о немъ (барона Аша, отъ 29 іюля) узнаемъ, что онъ былъ сильно боленъ, „было чуть-чуть не разсыпался". Не имѣемъ свѣдѣній, какъ встрѣтила сына Настасья Ѳедоровна. Безъ рѣзкихъ упрековъ, вѣроятно, не обошлось. Но бѣда миновала, и надо было подумать о ближайшемъ будущемъ. На взглядъ Настасьи Ѳедоровны обстоятельства складывались благопріятно: на Кавказъ былъ назначенъ И. Ѳ. Паскевичъ, родственникъ Грибоѣдовыхъ и благопріятель Александра Сергѣевича. Какъ мы знаемъ, императоръ Николай недовѣрчиво относился къ Ермолову; правда, въ Кавказскомъ корпусѣ не оказалось тайныхъ организацій, но въ самомъ Ермоловѣ предполагалась скрытая оппозиція и недоброжелательство. Поэтому, ставились ему въ счетъ всѣ вольные и невольные промахи и недостатки, вродѣ того, напримѣръ, что присяга императору Николаю замедлилась въ станицѣ Червленой тремя днями (вслѣдствіе отсутствія священника), что присяжные листы были посланы съ первымъ обратнымъ фельдъегеремъ, а не съ особымъ чиновникомъ, и т. д. Вдругъ случилось событіе, которое еще болѣе раздражило Николая Павловича: персіяне нарушили миръ и напали на пограничный постъ Миракъ (16 іюня). Это было неожиданностью для русскаго правительства: только что передъ тѣмъ кн. Меньшиковъ, посланный къ шаху съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ Николая Павловича, былъ имъ отлично принятъ; Ермоловъ даже ходатайствовалъ о нѣкоторыхъ территоріальныхъ уступкахъ Персіи. Теперь, какъ разъ передъ коронаціей, возгорѣлась война, при чемъ стало извѣстно, что самъ Ермоловъ не принялъ командованія надъ дѣйствующей арміей, а послалъ кн. Мадатова. Это склонило императора, уже прибывшаго въ Москву на торжества, къ рѣзкимъ мѣрамъ: Ермолову былъ посланъ приказъ немедленно перейти въ наступленіе, а въ помощь ему командировались Паскевичъ и Денисъ Давыдовъ. Формально Паскевичъ ставился въ подчиненіе Ермолову, но Алексѣй Петровичъ предупреждался, что тотъ „поль-

зуется всею довѣренностью государя“ и будетъ сноситься съ нимъ непосредственно. Грибоѣдовъ и Паскевичъ въ это время оба были въ Москвѣ, и когда стало извѣстно о назначеніи Паскевича, Настасья Ѳедоровна потребовала отъ сына служить у Паскевича. Д. А. Смирновъ, ручаясь за достовѣрность, передаетъ разсказъ объ этомъ сестры поэта, Маріи Сергѣевны: „Матушка никогда не понимала глубокаго сосредоточеннаго характера Александра, а всегда желала для него только блеска и внѣшности. Вотъ что она разъ съ нимъ сдѣлала: братъ рѣшительно не хотѣлъ ѣхать служить къ Паскевичу. Матушка какъ-то пригласила его съ собой помолиться къ Иверской Божьей Матери. Пріѣхали, отслужили молебенъ. Вдругъ матушка упала передъ братомъ на колѣна и стала требовать, чтобы онъ согласился на то, о чемъ она будетъ просить. Растроганный, взволнованный, онъ далъ слово. Тогда она объявила ему, чтобы онъ ѣхалъ служить къ Паскевичу. Дѣлать было нечего, онъ поѣхалъ“.

Въ серединѣ августа Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Москвы. По дорогѣ онъ заѣзжалъ къ С. Н. Бѣгичеву въ имѣнье, но торопился и пробылъ только одинъ день. 28 августа, въ редутѣ Мечемьскомъ, онъ съѣхался съ Д. В. Давыдовымъ, и остальной путь они сдѣлали вмѣстѣ; 3 сентября они прибыли въ Тифлисъ. Въ это время русскіе уже одержали надъ персіянами нѣсколько побѣдъ. Паскевичъ принялъ командованіе войсками; 10 сентября онъ уже былъ подъ Елисаветполемъ, а 13-го одержалъ тамъ побѣду надъ персіянами. Ермоловъ быстро отодвигался на второй планъ, и между нимъ и Паскевичемъ отношенія все обострялись. Грибоѣдовъ же оказался между двухъ огней. Тѣ, кто знали, какъ любилъ Грибоѣдова Ермоловъ и сколько сдѣлалъ ему добра, обвиняли Александра Сергѣевича въ неблагодарности, двоедушіи и честолюбіи и требовали, чтобы онъ открыто всталъ на сторону Ермолова. Къ нимъ принадлежалъ и Д. В. Давыдовъ, любившій и уважавшій Грибоѣдова, теперь же возмущавшійся его поведеніемъ. Положеніе Александра Сергѣевича было, дѣйствительно, двусмысленное, если смотрѣть со стороны. Но онъ былъ искренъ въ своемъ поведеніи. Онъ любилъ А. П. Ермолова и сохранилъ это чувство на всю жизнь; однако, теперь видѣлъ лучше нѣкоторые недостатки и ошибки своего героя. Съ И. Ѳ. Паскевичемъ онъ давно былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и также искренно признавалъ его достоинства. Обвиненія въ честолюбіи были несправедливы. Меньше всего дорожилъ Грибоѣдовъ въ это время

карьерой; при первой возможности онъ готовъ былъ бросить Кавказъ. Вотъ отрывки изъ его письма къ Бѣгичеву изъ Тифлиса отъ 9 декабря 1826 г., свидѣтельствующіе въ его пользу: „Милый другъ! Плохое мое житье здѣсь. На войну не попалъ: потому что и А. П. [Алексѣй Петровичъ Ермоловъ] туда не попалъ. А теперь другого рода война. Два старшіе генерала ссорятся, съ подчиненныхъ перья летятъ. Съ А. П. у меня родъ прохлажденія прежней дружбы, Денисъ Васильевичъ этого не знаетъ; я не намѣренъ вообще давать это замѣчать, и ты держи про себя. Но старикъ нашъ человѣкъ прошедшаго вѣка. Не смотря на все превосходство, данное ему отъ природы, подверженъ страстямъ. Соперникъ ему глаза колетъ, а отдѣлаться отъ него онъ не можетъ и не умѣетъ. Упустилъ случай выставить себя съ выгодной стороны въ глазахъ соотечественниковъ, слишкомъ уважалъ непріятеля, который этого не стоилъ. Вообще война съ персіянами самая несчастная, медленная и безотвязная... Я принялъ твой совѣтъ; пересталъ умничать,... со всѣми видаюсь слушаю всякій вздоръ и нахожу, что это очень хорошо. Какъ нибудь дотяну до смерти, а тамъ увидимъ, больше ли толку, Тифлисскаго и Петербургскаго... Буду ли я когда нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и можетъ статься наперекоръ судьбы. Поэзія!! Люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна-ли, чтобы себя прославить? И, наконецъ, что слава? По словамъ Пушкина

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все-таки Шереметевъ у насъ затмилъ-бы Омира, скотъ, но вельможа и крезъ. Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ; но всѣхъ равнодушнѣе нашъ Сардаръ,—я думаю даже, что онъ ихъ ненавидитъ. Voyons ce qui en sera. Если ты будешь имѣть случай достать что-нибудь новое, пришли мнѣ въ рукописи. Не знаешь-ли что-нибудь о судьбѣ Андромахи? напиши мнѣ. Я въ ней также ошибся, какъ и въ А. П. Когда-нибудь, и можетъ-быть, скоро свидимся... Ты удивишься, когда узнаешь, какъ мелки люди. Вспомни нашъ

разговоръ въ Екатерининскомъ. Теперь выкинь себѣ это все изъ головы. Читай Плутарха, и будь доволенъ тѣмъ, что было въ древности. Нынѣ эти характеры болѣе не повторятся"...

Къ мрачному настроенію присоединилось еще физическое недомоганіе: съ прибытіемъ въ Тифлисъ стали часто повторяться лихорадки и первные припадки.

Пререканія между Паскевичемъ и Ермоловымъ все обострялись. Для улаженія отношеній былъ командированъ въ Тифлисъ начальникъ Главнаго штаба, баронъ И. И. Дибичъ, но и это не помогло. Тогда Ермоловъ предпочелъ самъ устраниться и написалъ Государю, что, потерявъ его довѣріе, не можетъ управлять дѣлами Кавказа. 29 марта 1827 года его мѣсто занялъ счастливый соперникъ. А 4 апрѣля Паскевичъ уже предписываетъ надворному совѣтнику Грибоѣдову принять въ свое вѣдѣніе заграничныя сношенія съ Турціей и Персіей, т. е. исполнять тѣ же обязанности, что и при Ермоловѣ. Широкое образованіе и организаторское дарованіе Грибоѣдова сказались и здѣсь. 16 апрѣля Александръ Сергѣевичъ пишетъ Булгарину изъ Тифлиса: „Пришли мнѣ, пожалуйста, статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей новѣйшей системѣ, какого-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи (а именно Тосканской области, коли есть, какъ края, наиболѣе воздѣланнаго, и благоустроеннаго), на какомъ хочешь языкѣ, и адресуй въ канцелярію главноуправляющаго на мое имя. Очень меня обяжешь. Я бы извлекъ изъ этого таблицу не столь многосложную, но по крайней мѣрѣ порядочную, которую бы разослалъ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, которые имъ надлежитъ пополнить. А то съ этимъ невѣжественнымъ чиновнымъ народомъ вѣкъ ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будутъ. При Алексѣѣ Петровичѣ у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался. Авось теперь, съ Божіею помощію, употреблю это въ пользу". Но и въ этомъ письмѣ снова и снова звучитъ знакомый мотивъ: „Не ожидай отъ меня стиховъ; Горцы, Персіяне, Турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника, поглощаютъ все мое вниманіе. Не надолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь: и не моя вина; люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается, и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему. Я рожденъ для другого поприща".

Кампанія, однако, не только не кончалась, но все болѣе и болѣе затягивалась. Въ маѣ Паскевичъ предпринялъ походъ подъ Эриванъ, и Грибоѣдовъ ему сопутствовалъ. Подробности этого похода онъ изо дня въ день заносилъ въ свои „Путевыя записки“. Снова потянулись скучные и трудные „переходы“, томительныя остановки, ночлеги среди грязи, жары въ 47° по Реомюру, безсонныя ночи за оффиціальной перепиской, служебныя непріятности, припадки болѣзни, ссоры между Паскевичемъ и другими военноначальниками, при чемъ Грибоѣдову приходилось ихъ мирить. Обо всемъ этомъ Грибоѣдовъ разсказываетъ въ грустныхъ письмахъ къ П. Н. Ахвердовой въ Тифлисъ. Сколько могъ, Грибоѣдовъ развлекался видами природы (при этомъ припоминалъ впечатлѣнія Крыма), наблюденіями бытовыми и этнографическими, изученіемъ памятниковъ старины. Такъ, въ воскресенье, 22 мая, онъ предпринимаетъ одинокую прогулку къ развалинамъ Лори; восторгается архитектурой двухъ древнихъ мостовъ чрезъ бурную рѣку, „вползаетъ черезъ малое отверстіе въ широкую, зубчатую башню, гдѣ былъ водоемъ“; „крутая и узкая стежка вьется надъ пропастью“,—онъ „духомъ взбирается вверхъ“, здѣсь внимательно изучаетъ развалины церквей и замка и размышляетъ о царствовавшей здѣсь въ VIII—XII вв. сильной династіи Тан: „храбрые, умные цари много обращались съ византійцами, отъ которыхъ заняли зодчество и другія искусства“. Съ большимъ интересомъ слѣдилъ также Александръ Сергѣевичъ за военными операціями, передвиженіями войскъ, поведеніемъ мѣстныхъ племенъ, и т. д. Походъ былъ очень тяжелъ. Въ отрядѣ Паскевича начались массовыя заболѣванія; осада Эривани, хорошо укрѣпленной, становилась невозможной, и Паскевичъ предпочелъ двинуться дальше на югъ, къ Нахичевани. 25 іюня отрядъ вступилъ въ этотъ городъ, и Грибоѣдовъ могъ на время отдохнуть отъ трудностей походной жизни. Въ Нахичевани онъ получилъ прекрасную квартиру, лучшую въ городѣ, и съ своего балкона могъ наблюдать рекогносцировки русскихъ войскъ вокругъ крѣпости Аббасъ-Абадъ (въ 10-ти верстахъ отъ Нахичевани). 5 іюля произошло сраженіе съ войсками Аббасъ-Мирзы при урочищѣ Джаванъ-Булахъ, а 7-го русскія войска заняли Аббасъ-Абадъ. Усиливающіяся заболѣванія въ отрядѣ заставили Паскевича отодвинуться отъ крѣпости въ возвышенную мѣстность Карабаба. Къ этому времени Эриванская и Нахичеванская области, кромѣ двухъ крѣпостей, были уже заняты русскими войсками. Возникли переговоры о мирѣ. Здѣсь въ отвѣтственной роли предста-

вителя русскихъ интересовъ выступилъ Грибоѣдовъ. 20 іюля онъ былъ командированъ Паскевичемъ въ мѣстечко Каразіадинъ для личныхъ переговоровъ съ Аббасъ-Мирзой. Въ теченіе нѣсколькихъ дней велись споры объ условіяхъ мира; Грибоѣдовъ настаивалъ на военной контрибуціи и уступкѣ Россіи Эриванской и Нахичеванской областей; Аббасъ-Мирза просилъ долгаго перемирія и уклонялся отъ точныхъ условій. Переговоры свои Грибоѣдовъ изложилъ въ обширномъ докладѣ Паскевичу, гдѣ въ діалогической формѣ и съ замѣчательной точностью и живостью передалъ весь ходъ совѣщаній. Александръ Сергѣевичъ проявилъ въ этомъ дѣлѣ много твердости, осторожности, наблюдательности и знанія персидской жизни. Но переговоры все же не привели ни къ чему. Паскевичъ уже собирался идти на Тавризъ, когда тяжелое положеніе отряда генерала Красовскаго, оставленнаго въ Эривани, побудило Паскевича вновь передвинуться съ войсками къ сѣверу. 20 сентября онъ взялъ крѣпость Сардаръ-Абадъ (недалеко отъ Эривани) и затѣмъ повелъ осаду самого города. Перваго октября Эривань была взята.

Послѣ паденія Эривани шахъ готовъ былъ на территоріальныя уступки, но контрибуція его устрашала. Она нужна была, однако, для Россіи на покрытіе издержекъ войны. Паскевичъ требовалъ, кромѣ ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, уплаты 15 куруровъ тумановъ, т. е. 30 милліоновъ рублей серебромъ. Чтобы заставить шаха принять это условіе, Паскевичъ рѣшилъ завладѣть Тавризомъ, крупнѣйшимъ сѣвернымъ центромъ Персіи, его арсеналомъ и литейнымъ заводомъ (единственнымъ въ странѣ) и всякими запасами. Паника, охватившая персіянъ послѣ паденія Эривани, не обѣщала сильнаго сопротивленія такому походу. Паскевичъ выслалъ впередъ сильный отрядъ князя Эристова. Въ этомъ отрядѣ находился и Александръ Сергѣевичъ. 13 октября, не встрѣтивъ сопротивленія, отрядъ вступилъ въ Тавризъ, а 19-го туда же прибылъ и Паскевичъ. Это передвиженіе русскихъ войскъ въ глубь страны принудило персіянъ идти на уступки. Аббасъ-Мирза явился для новыхъ переговоровъ, и въ мѣстечкѣ Дей-Карганъ съ 6-го ноября началась конференція объ условіяхъ перемирія. Она тянулась долго; персидскіе уполномоченные прибѣгали ко всякимъ ухищреніямъ, чтобы смягчить условія и оттянуть подписаніе трактата. Наконецъ 21 ноября конвенція перемирія (до 10 декабря) была подписана. Но шахъ былъ знаменитъ своею скупостью. Уплатить контрибуцію изъ своей казны (государственной казны въ Персіи не было) ему казалось немысли-

мымъ; онъ пытался переложить уплату на Аббасъ-Мирзу и на другихъ своихъ сыновей и все еще питалъ какія-то иллюзіи на возобновленіе войны. Вмѣсто 15 куруровъ Паскевичъ теперь соглашался принять всего десять, но настаивалъ, чтобы первые семь были внесены передъ самымъ подписаніемъ трактата. Аббасъ-Мирза, самъ шахъ и его казначейство подъ всякими предлогами откладывали доставленіе контрибуціи. Все это страшно тормазило дѣло, и Паскевичу пришлось снова поступить рѣшительно: онъ прервалъ переговоры, изъ Дей-Каргана возвратился въ Тавризъ и распорядился двинуть отрядъ по направленію къ Тегерану. Это опять подѣйствовало. Семь куруровъ контрибуціи, наконецъ, доставили, и новая конференція русскихъ и персидскихъ уполномоченныхъ во главѣ съ Паскевичемъ и Аббасъ-Мирзой, собравшись въ мѣстечкѣ Туркманчаѣ, подписала мирный договоръ 10 февраля 1828 года. 101 выстрѣлъ изъ русскихъ орудій ознаменовалъ окончаніе томительной персидской войны, доставившей, однако, Россіи большія земельныя пріобрѣтенія и политическое преобладаніе въ Персіи. Извѣщая П. Н. Ахвердову о туркманчайскомъ мирѣ, Грибоѣдовъ писалъ: „мы здѣсь всѣ въ чаду побѣды“. Болѣе чѣмъ кто либо другой могъ торжествовать именно Александръ Сергѣевичъ. Изъ всѣхъ русскихъ уполномоченныхъ, участвовавшихъ въ Дей-Карганскихъ и Туркманчайскихъ конференціяхъ, онъ былъ наиболѣе освѣдомленный, опытный и искусный дипломатъ. Самъ Паскевичъ, скупой на похвалы другимъ, призналъ важныя заслуги Грибоѣдова и писалъ о немъ въ своемъ донесеніи Государю о заключенномъ мирѣ: „я осмѣливаюсь рекомендовать его, какъ человѣка, который былъ для меня по политическимъ дѣламъ весьма полезенъ. Ему обязанъ я мыслію не приступать къ заключенію трактата прежде полученія впередъ части денегъ, и послѣдствія доказали, что безъ сего долго бы мы не достигли въ дѣлѣ семъ желаемаго успѣха“. Присутствовавшій при дипломатическихъ сношеніяхъ съ Аббасъ-Мирзой уполномоченный отъ министерства иностранныхъ дѣлъ д. с. с. Обрѣсковъ, да и самъ Паскевичъ—были новички въ восточной политикѣ, и веденіе всѣхъ сношеній по заключенію мира, имѣющаго крупное историческое значеніе, вдохновлялось Грибоѣдовымъ. Естественно, что именно его избралъ Паскевичъ для представленія Туркманчайскаго трактата императору Николаю Павловичу.

Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Туркманчая немедленно. Онъ остановился проѣздомъ ненадолго въ Москвѣ, видѣлся съ С. Н. Бѣгиче-

вымъ, вѣроятно, съ матерью, и „имѣлъ безтактность“ явиться къ опальному Ермолову. Старикъ принялъ его угрюмо, и свиданіе оставило въ Грибоѣдовѣ тяжелое чувство. Пріѣздъ Грибоѣдова въ Петербургъ 14 марта былъ большимъ общественнымъ событіемъ. Объ этомъ жителямъ столицы было возвѣщено пушечными выстрѣлами. На другой день во дворцѣ Грибоѣдову была дана высочайшая аудіенція. И. Ф. Паскевичъ получилъ званіе графа Эриванскаго и милліонъ рублей награды, Грибоѣдовъ чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны 2-ой степени съ алмазами, медаль за персидскую войну и четыре тысячи червонцевъ.

Снова Грибоѣдовъ задержался въ столицѣ—въ этотъ разъ на три мѣсяца. Съ какими чувствами въѣзжалъ онъ въ Петербургъ и чего хотѣлъ бы отъ этого посѣщенія? Столица встрѣтила поэта весьма радушно. Въ правительственныхъ и служебныхъ кругахъ на него смотрѣли какъ на будущаго государственнаго человѣка. Теперь, зайдя въ квартиру Александра Сергѣевича, можно было встрѣтить у него весьма чиновныхъ гостей, чрезвычайно любезныхъ и предупредительныхъ къ нему и толковавшихъ о назначеніяхъ, повышеніяхъ и т. д. Но Грибоѣдовъ оставался холоденъ къ своему успѣху въ этой средѣ и къ ея ближайшимъ интересамъ. „Боже мой!—жаловался онъ однажды К. А. Полевому,—чего эти господа хотятъ отъ меня? Цѣлое утро они смѣняли у меня одинъ другого. А намъ, право, не о чемъ говорить; у насъ нѣтъ ничего общаго“.

Въ литературной средѣ онъ встрѣчался вновь съ Пушкинымъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, кн. П. А. Вяземскимъ, Крыловымъ, Гречемъ, Булгаринымъ и другими. Пріятели устраивали для него званные обѣды и онъ читалъ имъ отрывки новаго произведенія: „Грузинская Ночь“. Литераторы восторгались и этими отрывками, и разсказами Грибоѣдова о Персіи, но самъ онъ былъ невеселъ. Вотъ эскизъ одного изъ обѣдовъ въ его честь, зарисованный Полевымъ: „Черезъ нѣсколько дней, мнѣ опять случилось обѣдать съ нимъ у Н. И. Греча. Входя въ комнату, я увидѣлъ Грибоѣдова за фортепіано; онъ аккомпанировалъ извѣстному Този (у котораго тогда былъ еще голосъ) и какому-то другому итальянцу. Дуэтъ кончился, и Грибоѣдовъ былъ окруженъ многими изъ своихъ знакомыхъ, которые вошли во время его игры и не хотѣли прерывать музыки привѣтствіями къ нему. Съ какою добротою, съ какою искренностью обходился онъ съ старыми знакомыми! Тутъ почувствовалъ я, какъ могъ быть плѣнителенъ этотъ человѣкъ. Нѣкоторые поздравляли его съ успѣхами

по службѣ и почестями, о чемъ ярко напоминали бриллианты, украшавшіе грудь поэта. Другіе желали знать, какъ онъ провелъ время въ Персіи. „Я тамъ состарѣлся", отвѣчалъ Грибоѣдовъ, — не только загорѣлъ, почернѣлъ, почти лишился волосъ на головѣ, но и въ душѣ не чувствую прежней молодости!" Въ словахъ его точно виденъ былъ какой-то грустный отзывъ. За столомъ Грибоѣдовъ почти не вмѣшивался въ литературныя сужденія, какія излагали двое или трое изъ собесѣдниковъ — теперь уже покойныхъ — миръ памяти ихъ! Онъ чувствовалъ себя нездоровымъ и уѣхалъ вскорѣ послѣ обѣда". Въ другіе дни Полевой наблюдалъ Грибоѣдова и веселымъ и горячо спорящимъ объ искусствѣ, въ театрахъ и большихъ собраніяхъ. Но несомнѣнно, что основной тонъ его настроенія былъ глубоко печальный. Объясняется это коренным разногласіемъ жизненской обстановки и духовныхъ стремленій поэта. Еще въ 1825 году, уѣзжая на югъ, Александръ Сергѣевичъ надѣялся, что пребываніе его на Кавказѣ не будетъ продолжительнымъ. Но арестъ и оправданіе по дѣлу декабристовъ съ награжденіемъ чиномъ и деньгами создали такое положеніе, что въ тотъ моментъ немыслимо было отказываться отъ службы; пришлось опять ѣхать назадъ. Борьба Паскевича съ Ермоловымъ и „неотвязная" война съ Персіей захватили Грибоѣдова въ сѣть тяжелыхъ служебныхъ отношеній и трудовъ. Какъ знатокъ Востока и дѣятельный дипломатъ, Грибоѣдовъ сумѣлъ сдѣлать очень много и, быть можетъ, временами даже увлекался работой и своимъ вліяніемъ на русскую восточную политику, но въ общемъ крайне тяготился своимъ положеніемъ. Въ письмахъ къ друзьямъ Грибоѣдовъ не разъ повторялъ, что при первой возможности броситъ Кавказъ. Вотъ два примѣра изъ писемъ къ П. Н. Ахвердовой. 14 іюля онъ сообщаетъ (по-французски), что на дняхъ поднимется въ горы и къ Раевскому: „оттуда отправлю прошеніе о ъ освобожденіи меня отъ всѣхъ напастей сего міра. Если мнѣ откажутъ, то, мнѣ кажется, найду достаточно рѣшимости, чтобы пріѣхать къ вамъ безъ позволенія". Но уѣхать не удалось: въ то время только что разгоралась персидская война. 3 октября, черезъ день послѣ взятія Эривани, Александръ Сергѣевичъ справляется у Прасковьи Николаевны, какое первое впечатлѣніе произвелъ Кавказъ на жену Паскевича: „я говорю первое, потому что послѣдующимъ я не буду радоваться, порѣшивъ уѣхать или совсѣмъ бросить службу, которую я ненавижу отъ всего сердца, не смотря ни на что, что бы она ни обѣщала мнѣ въ будущемъ". Черезъ четыре мѣсяца

Грибоѣдовъ скакалъ въ Петербургъ курьеромъ съ Туркманчайскимъ трактатомъ. Въ короткое свиданіе съ Бѣгичевымъ въ Москвѣ онъ сообщилъ другу: „я пріѣду на житье къ тебѣ. — Все, чѣмъ я до сихъ поръ занимался, для меня дѣла постороннія, призваніе мое кабинетная жизнь, голова моя полна, и я чувствую необходимую потребность писать". Съ такими чувствами выѣзжалъ поэтъ въ Петербургъ. Оказанный ему блестящій пріемъ не измѣнилъ его намѣреній. Булгарину онъ здѣсь говорилъ все то же, что Бѣгичеву въ Москвѣ: „Грибоѣдовъ вовсе не предугадывалъ о семъ блестящемъ назначеніи [полномочнымъ министромъ въ Персію] и намѣревался выйти въ отставку, посвятить себя совершенно наукамъ и словесности и поселиться со мною, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время возлѣ ученаго Дерпта, въ моемъ тихомъ убѣжищѣ [помѣстье Карлово]. Мы утѣшались этой мыслію, дѣлали планы, какъ будемъ провождать время, какъ будемъ ѣздить въ гости въ Москву, въ Петербургъ, въ деревню къ С. Н. Бѣгичеву, и проч." И вновь, противъ воли, Грибоѣдовъ вынужденъ былъ подчиниться силѣ обстоятельствъ. Когда онъ уѣхалъ изъ Туркманчая въ Петербургъ, дипломатическія отношенія съ Персіей остались въ совершенно неопредѣленномъ положеніи: Мазаровичъ давно подалъ въ отставку, другого повѣреннаго въ дѣлахъ не было назначено; между тѣмъ, именно теперь, по заключеніи мира и для осуществленія его условій, въ Персіи былъ необходимъ выдающійся дипломатъ. Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что отношенія Россіи съ Турціей, сосѣдкой Персіи, становились все враждебнѣе. Это началось еще во время русско-персидской войны, и Аббасъ-Мирза уже пользовался этимъ обстоятельствомъ въ спорахъ объ условіяхъ мира. Теперь назрѣвало объявленіе войны, и роль русскаго представителя въ Персіи быстро выростала въ своемъ государственномъ значеніи. Немедленно надо было сдѣлать назначеніе, и выбора не было: конечно, ѣхать долженъ былъ Грибоѣдовъ. Тщетно онъ пытался уклониться отъ назначенія, прибѣгая къ старому, уже однажды обманувшему, пріему. Бѣгичеву онъ потомъ разсказывалъ: „Старался я отдѣлаться отъ этого посольства. Министръ сначала предложилъ мнѣ ѣхать повѣреннымъ въ дѣлахъ, я отвѣчалъ ему, что тамъ нужно Россіи имѣть полномочнаго посла, чтобы не уступать шагу англійскому послу. Министръ улыбнулся и замолчалъ, полагая, что я по честолюбію желаю имѣть титулъ посла. А я подумалъ, что туча прошла мимо и назначатъ кого-нибудь чиновнѣе меня, но чрезъ нѣсколько дней министръ присылаетъ за мной

и объявляетъ, что я, по Высочайшей волѣ, назначенъ полномочнымъ посломъ. Дѣлать было нечего! отказаться отъ этого подъ какимъ-нибудь предлогомъ, послѣ всѣхъ милостей царскихъ, было-бы съ моей стороны самая черная неблагодарность. Да и самое назначеніе меня полномочнымъ посломъ въ моемъ чинѣ я долженъ считать за милость, но предчувствую, что живой изъ Персіи не возвращусь".

Помимо этихъ мотивовъ, принять назначеніе вынуждало и другое обстоятельство. Матеріальныя средства Грибоѣдова всегда были не блестящи. Служба въ Персіи и на Кавказѣ требовала большихъ расходовъ на представительство и переѣзды, и Александръ Сергѣевичъ постоянно нуждался въ деньгахъ; къ тому же онъ долженъ былъ еще помогать матери, не умѣвшей вести денежныя дѣла. Въ письмахъ Грибоѣдова постоянно читаемъ жалобы на безденежье; часто приходилось одолжаться у Бѣгичева, Булгарина, Жандра. И теперь, обдумывая вопросъ о назначеніи посланникомъ, Грибоѣдовъ не видѣлъ другихъ средствъ къ жизни; скитаться же по друзьямъ было, конечно, невозможно. Въ тѣ времена Пушкинъ уже жилъ литературнымъ трудомъ; но Грибоѣдовъ былъ непродуктивенъ, онъ никакъ не могъ сравняться съ Пушкинымъ обиліемъ вдохновеній, а „Горя отъ ума", изданіе котораго могло бы обезпечить поэта, все еще не разрѣшала къ печати цензура...

14 апрѣля была объявлена война съ Турціей, а 25-го указомъ Сенату Грибоѣдовъ назначенъ министромъ-резидентомъ въ Персіи, и при немъ первымъ секретаремъ Мальцовъ, вторымъ Аделунгъ; Амбургеръ сдѣланъ генеральнымъ консуломъ въ Тавризѣ и при немъ секретаремъ Ивановъ. 1 мая министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, подписалъ инструкцію для полномочнаго министра въ Персіи. Надо сказать, что эта инструкція была составлена самимъ Грибоѣдовымъ и только слегка переработана въ министерствѣ; въ ней Грибоѣдовъ съ замѣчательной широтой, точностью и рѣшительностью намѣчаетъ задачи русской миссіи. Различные переговоры и хлопоты въ министерствѣ по организаціи новаго дѣла требовали много времени, и Грибоѣдовъ оставался еще около двухъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ. По прежнему онъ вращался въ широкихъ и разнообразныхъ кругахъ общества. Въ служебныхъ сферахъ, послѣ назначенія министромъ-резидентомъ, на Грибоѣдова смотрѣли какъ на восходящую звѣзду, и съ нимъ уже считались и принимали въ расчетъ его вліяніе. Въ театральномъ мірѣ онъ былъ свой человѣкъ, и его постоянно сопровождалъ кто-нибудь изъ актеровъ,

въ роли какъ бы адъютанта. Грибоѣдовъ встрѣчался съ М. И. Глинкой, и въ запискахъ знаменитаго композитора сохранилась такая запись: „Провелъ около цѣлаго дня съ Грибоѣдовымъ, авторомъ комедіи „Горе отъ ума". Онъ былъ очень хорошій музыкантъ и сообщилъ мнѣ тему грузинской пѣсни, на которую вскорѣ потомъ А. С. Пушкинъ написалъ романсъ: Не пой, волшебница, при мнѣ". Съ Пушкинымъ, послѣ долгой, съ 1818 года, разлуки, Грибоѣдовъ встрѣчался довольно часто. Въ старину Пушкинъ зналъ своего тезку какъ волокиту и бреттера; теперь передъ нимъ былъ зрѣлый человѣкъ во всей мощи своего ума и богатаго опыта. К. А. Полевому, еще не видавшему Грибоѣдова, Пушкинъ сказалъ: „Это одинъ изъ самыхъ умныхъ людей въ Россіи. Любопытно послушать его". На литературныхъ вечерахъ въ Петербургѣ въ тѣ дни можно было наслаждаться рѣдкимъ зрѣлищемъ трехъ великихъ славянскихъ поэтовъ—Пушкина, Мицкевича и Грибоѣдова. Такъ, у графини Лаваль Пушкинъ читалъ „Бориса Годунова" въ присутствіи Грибоѣдова и Мицкевича. Свою комедію Грибоѣдовъ такъ и не смогъ провести въ печать и на сцену. Отчаявшись въ этомъ, онъ далъ право распоряжаться ею своему пріятелю Булгарину, а знакомымъ актерамъ обѣщалъ, что отдастъ „Горе отъ ума" въ бенефисъ тому, кто первый выхлопочетъ позволеніе играть ее на сценѣ. Это удалось, однако, уже по смерти поэта.

Къ началу іюня всѣ работы въ министерствѣ по устройству дипломатической миссіи были закончены. Война съ Турціей продолжалась, и министерство торопило Грибоѣдова съ отъѣздомъ. Съ момента назначенія посланникомъ Грибоѣдовъ былъ мраченъ и испытывалъ тяжелыя предчувствія. Въ тотъ же день, когда министръ объявилъ ему о назначеніи, онъ пришелъ, поздно вечеромъ, къ Жандру, разбудилъ его и сказалъ: „Прощай, другъ Андрей! Я назначенъ полномочнымъ министромъ въ Персію, и мы болѣе не увидимся". То же убѣжденіе въ неизбѣжности гибели онъ высказывалъ и Пушкину, и Полевому, и другимъ петербургскимъ друзьямъ; Булгарину онъ часто повторялъ: „тамъ моя могила. Чувствую, что не увижу болѣе Россіи".

6 іюня Грибоѣдовъ покинулъ—навсегда—Петербургъ. „Грустно провожали мы Грибоѣдова, разсказывалъ А. А. Жандръ.—До Царскаго Села провожали только двое: А. В. Всеволожскій и я. Вотъ въ какомъ мы были тогда настроеніи духа: у меня былъ прощальный завтракъ; накурили, надымили страшно, наконецъ толпа

схлынула, мы остались одни. День былъ пасмурный и дождливый. Мы проѣхали до Царскаго Села и ни одинъ изъ насъ не сказалъ ни слова. Въ Царскомъ Селѣ Грибоѣдовъ велѣлъ, такъ какъ дѣло было уже къ вечеру, подать бутылку бургонскаго, которое онъ очень любилъ, бутылку шампанскаго и закусить. Никто ни до чего не дотронулся. Наконецъ простились. Грибоѣдовъ сѣлъ въ коляску; мы видѣли, какъ она повернула за уголъ улицы, возвратились съ Всеволожскимъ въ Петербургъ и во всю дорогу не сказали другъ съ другомъ ни одного слова,—рѣшительно ни одного!"

Въ Москвѣ Александръ Сергѣевичъ останавливался на два дня у матери; дома онъ уже не нашелъ любимой сестры: Марья Сергѣевна вышла замужъ и жила теперь въ деревнѣ. Изъ Москвы Грибоѣдовъ проѣхалъ къ ней, въ Тульскую губернію. Это было неподалеку отъ Бѣгичева, и Грибоѣдовъ успѣлъ предварительно заѣхать къ другу. „Во все время пребыванія его у меня, разсказываетъ Степанъ Никитичъ,—онъ былъ чрезвычайно мраченъ, я ему замѣтилъ это, и онъ взявши меня за руку, съ глубокой горестью сказалъ: „прощай, братъ Степанъ, врядъ ли мы съ тобой болѣе увидимся!!!".

— „Къ чему эти мысли и эта ипохондрія?" возразилъ я, „ты бывалъ и въ сраженіяхъ, но Богъ тебя миловалъ".

— „Я знаю персіянъ, отвѣчалъ онъ.—Аллаяръ-Ханъ мой личный врагъ, онъ меня уходитъ! Не подаритъ онъ мнѣ заключеннаго съ персіянами мира". Черезъ два дня Александръ Сергѣевичъ „посадилъ съ собой Степана, и покатились къ сестрѣ". Здѣсь поэтъ познакомился съ своимъ зятемъ, помѣщикомъ Дурново, и крестилъ новорожденнаго племянника, названнаго Александромъ. Жандру онъ писалъ 24 іюня о сестрѣ: „Она съ мужемъ, Богъ знаетъ въ какой глуши, капусту садитъ, но чисто, опрятно, трудолюбиво и весело. Зять мой великій химикъ, садовникъ, музыкантъ... Сашку я наконецъ всполоснулъ торжественно, по христіански... Что за фигура! Точно лягушка... И тамъ я пробылъ двое сутокъ, разстались друзьями".

Въ Ставрополѣ Грибоѣдовъ узналъ о взятіи Анапы, а во Владикавказѣ—о штурмѣ и паденіи Карса. Эти извѣстія очень порадовали его; они давали надежду, что успѣхи русскаго оружія противъ турокъ произведутъ сильное впечатлѣніе на персіянъ. Въ Екатериноградѣ Александръ Сергѣевичъ встрѣтился съ своими новыми подчиненными, Мальцовымъ и Аделунгомъ. Здѣсь

ихъ задержало отсутствіе конвоя и лошадей; вечеромъ Грибоѣдовъ съ Аделунгомъ отправились полюбоваться панорамой Кавказскихъ горъ. „Мы возвратились, писалъ Аделунгъ своимъ роднымъ,—вдоль Малки, которая здѣсь довольно быстра. Въ этотъ очаровательный вечеръ я еще сильнѣе полюбилъ Грибоѣдова: какъ онъ умѣетъ наслаждаться природой, какъ онъ симпатиченъ и добръ!“

Въ Гартискари (послѣдняя станція передъ Тифлисомъ) Грибоѣдова встрѣтили многіе чиновники и знакомые, выѣхавшіе навстрѣчу изъ города; число ихъ при дальнѣйшемъ слѣдованіи все увеличивалось. Около 9 часовъ вечера 5-го іюня Грибоѣдовъ прибылъ въ Тифлисъ и остановился въ домѣ графа Паскевича въ приготовленныхъ для него комнатахъ.

Самого главнокомандующаго въ городѣ не было, и Грибоѣдовъ долженъ былъ ѣхать къ нему въ дѣйствующій отрядъ, за полученіемъ свѣдѣній о Персіи и инструкціей. Въ Шулаверахъ Грибоѣдова, однако, остановили извѣстія о чумѣ въ войскахъ, и онъ вернулся въ Тифлисъ. Здѣсь произошло въ его жизни важное событіе.

X. Женитьба. Смерть.

Выше намъ приходилось упоминать о сердечныхъ увлеченіяхъ поэта. Ихъ было много, и Александръ Сергѣевичъ, какъ самъ признавался, „въ грѣшной своей жизни черныѣе угля выгорѣлъ“ отъ нихъ. Никогда, однако, онъ не переживалъ глубокаго и сильнаго чувства. Онъ даже выработалъ себѣ нѣсколько пренебрежительный взглядъ на женщинъ. „Я врагъ крикливаго пола“, писалъ онъ однажды Бѣгичеву (августъ 1824) —и дѣлалъ исключеніе только для своей сестры да жены Степана Никитича. А. А. Бестужевъ такъ передаетъ свои бесѣды съ Грибоѣдовымъ о женщинахъ: „Женщина есть мужчина-ребенокъ“, было его мнѣніе. Слова Байрона: „дайте имъ пряникъ да зеркало —и онѣ будутъ совершенно довольны“, ему казались весьма справедливыми. „Чему отъ нихъ можно научиться? — говаривалъ онъ.—Онѣ не могутъ быть ни просвѣщенны безъ педантизма, ни чувствительны безъ жеманства. Разсудительность ихъ сходитъ въ недостойную разсчетливость и самая чистота нравовъ —въ нетерпимость и ханжество. Онѣ чувствуютъ живо, но не глубоко. Судятъ остроумно, только безъ основанія, и, быстро схватывая подробности, едва ли могутъ постичь, обнять цѣлое. Есть исключенія, за то они рѣдки; и какой дорогой цѣной, какою по-

терею времени должно покупать приближеніе къ этимъ феноменамъ! словомъ, женщины сносны и занимательны только для влюбленныхъ"...

Теперь, на закатѣ жизни, судьба дала ему пережить чувство болѣе сложное и углубленное, чѣмъ онъ самъ теоретически допускалъ по отношенію къ женщинѣ и женѣ. Въ средѣ лучшаго тифлисскаго общества, гдѣ Грибоѣдовъ „зналъ всѣхъ", выдѣлялась семья князя Александра Герсевановича Чавчавадзе. Онъ былъ сыномъ кн. Герсевана Чавчавадзе, благодаря которому Грузія присоединилась къ Россіи, и потомкомъ старинаго рода грузинскихъ князей. Князь Александръ родился въ Петербургѣ, былъ крестникомъ императрицы Екатерины, получилъ отличное образованіе и участвовалъ въ войнахъ 1812—1814 г.г. Затѣмъ вернулся на родину и здѣсь выдвинулся какъ администраторъ, общественный дѣятель и поэтъ. Въ исторіи грузинской литературы ему принадлежитъ почетное мѣсто; его пѣсни донынѣ распѣваются въ Грузіи какъ народныя; онъ изящно переводилъ элегіи и стансы Пушкина, произведенія Гёте, Гюго и Вольтера. Съ любовью къ родинѣ онъ соединялъ привязанность къ Россіи, былъ гостепріименъ, и въ его домѣ находили ласку и привѣтъ одинаково русскіе и кавказцы. Родство соединяло семью Чавчавадзе съ лучшими родами Грузіи—Орбеліани, Дадіани, Мингрельскимъ домомъ и др. Живя подолгу въ Тифлисѣ, Грибоѣдовъ не могъ не познакомиться съ семьей Чавчавадзе. На его глазахъ росли и воспитывались дѣти князя Александра. Самъ князь постоянно отвлекался отъ семьи службою, особенно когда сдѣлался начальникомъ Армянской области; поэтому воспитаніе двухъ своихъ дочерей, Нины и Екатерины, поручилъ Прасковьѣ Николаевнѣ Ахвердовой, вдовѣ начальника кавказской артиллеріи. Это была выдающаяся женщина. Въ Петербургѣ она получила хорошее образованіе, съ успѣхомъ занималась живописью, копировала картины въ Эрмитажѣ, любила музыку и литературу. Овдовѣвъ, она осталась въ Тифлисѣ съ дочерью Дарьей Ѳедоровной, пасынкомъ Егоромъ и падчерицей Софьей (вышедшей въ 1827 г. замужъ за извѣстнаго намъ Н. Н. Муравьева). Въ ея домѣ всегда было много молодежи, жилось весело и привольно. Грибоѣдовъ искренно уважалъ Прасковью Николаевну, часто бывалъ у нея и любилъ играть танцы для молодежи. Въ этомъ маленькомъ кружкѣ выдѣлялась красотою, добротою и кротостью Нина Чавчавадзе. Она родилась 4 ноября 1812 года и, значитъ, была моложе Александра Сергѣевича на семнадцать лѣтъ. Онъ давалъ ей уроки музыки, несомнѣнно, бесѣдовалъ съ нею о литературѣ и

наукахъ; она расцвѣтала на его глазахъ и сама съ дѣтства считала его близкимъ человѣкомъ. Въ 1827—1828 г.г. Нина Александровна была уже блестящей красавицей, славившейся въ Тифлисѣ своимъ обаяніемъ и имѣвшей много вздыхателей. Даже угрюмый Муравьевъ, прежде чѣмъ жениться на Сонѣ Ахвердовой, былъ сильно увлеченъ Ниной; то же испытывали С. Н. Ермоловъ (родственникъ Алексѣя Петровича) и Н. Д. Сенявинъ. У Ермолова едва не дошло до дуэли съ Грибоѣдовымъ. А Сенявинъ былъ безъ ума отъ любви къ прекрасной княжнѣ. Сохранились его письма къ Б. Г. Чиляеву, очаровательныя по искренности и благородству тона, гдѣ онъ раскрываетъ свои чувства къ Нинѣ Александровнѣ. Вотъ одна выдержка изъ нихъ: „Видѣлъ ли я что-нибудь подобное? Нѣтъ, въ мірѣ не можетъ существовать такого совершенства! Красота, сердце, чувства, неизъяснимая доброта! Какъ умна-то! Божусь, никто съ ней не сравнится!“ Когда счастливымъ соперникомъ оказался Александръ Сергѣевичъ, Сенявинъ очень страдалъ. Вѣроятно, любовь поэта выростала незамѣтно, какъ росла сама Нина. Въ свой послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ Александръ Сергѣевичъ говорилъ о своемъ чувствѣ Булгарину, „открылся, что онъ любитъ. Онъ былъ какъ родной въ домѣ той, которая занимала его сердце, видѣлъ ее ребенкомъ и привыкъ обходиться съ нею, какъ съ меньшею сестрою. Въ Петербургѣ онъ не зналъ еще, что сдѣлаетъ съ собою, но одна минута рѣшила судьбу его“. Быть можетъ, поэта останавливала тогда большая разница въ возрастѣ и собственная житейская необезпеченность. Но возможно и то, что однимъ изъ мотивовъ принять званіе посла было желаніе вновь встрѣтиться съ любимой дѣвушкой. О своемъ сватовствѣ Грибоѣдовъ подробно разсказываетъ въ письмѣ къ Булгарину отъ 24 іюля: „Это было 16-го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей пріятельницы (Ахвердовой), за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевой, все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось, не знаю, безпокойство-ли другого рода, по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мнѣ рѣшительность необычайную, выходя изъ-за стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: „Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire“. Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно думала, что я ее усажу за фортепіано; вышло не то; домъ ея матери возлѣ, мы туда уклонились, взошли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханіе занялось, я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери

Прас. Ник. Ахвердовой, насъ благословили, я повисъ у нее на губахъ во всю ночь и весь день, отправилъ курьера къ ея отцу въ Эривань съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ. Между тѣмъ, вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу. Во вторую ночь я безъ памяти отъ всего, что со мною случилось, пустился опять въ отрядъ, не оглядываясь назадъ... Въ Гумрахъ-же нагналъ меня отвѣтъ отъ кн. Чавчавадзева—отца, изъ Эривани; онъ благословляетъ меня и Нину и радуется нашей любви. Хорошо-ли я сдѣлалъ? Спроси милую мою Варвару Семеновну и Андрея. Но не говори Родофиникину, онъ вообразитъ себѣ, что любовь заглушитъ во мнѣ чувство другихъ моихъ обязанностей. Вздоръ, я буду вдвое старательнѣе за себя и за нее. Потружусь за царя, чтобы было чѣмъ дѣтей кормить".

25 іюля Грибоѣдовъ прибылъ въ Ахалкалаки; здѣсь онъ провелъ нѣсколько дней въ совѣщаніяхъ о персидскихъ дѣлахъ съ Паскевичемъ; видѣлся тамъ же съ Н. Н. Муравьевымъ. 4 августа Александръ Сергѣевичъ возвратился въ Тифлисъ. Едва онъ началъ дѣлать визиты старымъ знакомымъ, которыхъ не успѣлъ еще видѣть по пріѣздѣ изъ Петербурга, какъ вновь повторилась жестокая лихорадка. Приступы ея продержали Грибоѣдова въ постели больше недѣли. Александръ Сергѣевичъ мужественно боролся съ недугомъ, не прекращалъ дѣловыхъ занятій, но, измученный и исхудалый, не рѣшался показаться на глаза молодой невѣстѣ. Черезъ Ахвердову онъ успокаивалъ ее разными отговорками, но наконецъ долженъ былъ признаться, что лежитъ въ постели, и Нина Александровна стала ухаживать за больнымъ. Когда Грибоѣдову стало легче, онъ заторопился со свадьбою. Вѣнчаніе было назначено на 22 августа. Въ этотъ день былъ оффиціальный обѣдъ у генералъ-адъютанта Сипягина, военнаго губернатора Тифлиса, по случаю дня коронованія императора Николая Павловича и побѣдъ Паскевича надъ турками. А вечеромъ состоялось бракосочетаніе Александра Сергѣевича и Нины Александровны въ Сіонскомъ соборѣ. Пароксизмъ лихорадки повторился во время вѣнчанія, и Александръ Сергѣевичъ потерялъ даже обручальное кольцо, что смутило многихъ и его самого. Изъ собора всѣ отправились въ новую квартиру Грибоѣдовыхъ, гдѣ состоялся ужинъ. На другой день и на слѣдующій Грибоѣдовъ уже занятъ былъ дипломатической корреспонденціей; болѣзнь и женитьба задержали его въ Тифлисѣ, а время было горячее, и въ министерствѣ начинали раздражаться медленіемъ посланника.

24 августа Грибоѣдовы давали обѣдъ на сто человѣкъ, и потомъ у нихъ до вечера танцовали. Черезъ день состоялся большой балъ въ честь молодыхъ у Сипягина; хозяинъ открылъ его польскимъ съ новобрачной Грибоѣдовой. Надо сказать, что кн. Александръ Герсевановичъ не присутствовалъ на этихъ торжествахъ; онъ былъ занятъ военными дѣйствіями подъ Баязетомъ. Только 9 сентября состоялся отъѣздъ русской миссіи въ Персію. Грибоѣдовыхъ сопровождала мать Нины Александровны, княгиня Саломе Чавчавадзе, докторъ Умисса, почетный конвой и персидскій михмандаръ (чиновникъ-проводникъ) Назаръ али-ханъ, присланный Аббасъ-Мирзой. Играла полковая музыка, и проводы были очень сердечны и торжественны. Неподалеку отъ селенія Амамлы наши путешественники, оставя экипажи, пѣшкомъ посѣтили могилу Монтрезора. Въ Эриванскую экспедицію 1804 г. маіоръ Монтрезоръ съ командою въ сто человѣкъ, былъ посланъ сюда за провіантомъ. Онъ былъ окруженъ врагами, потерялъ всю команду до послѣдняго человѣка и самъ, сдѣлавъ три послѣднихъ выстрѣла и видя, что вышли всѣ заряды, бросился на пушку, крѣпко ее обнялъ и былъ изрубленъ въ этомъ положеніи. Думалъ-ли Грибоѣдовъ, посѣщая полуразрушенный памятникъ, о своей грядущей судьбѣ? 17 сентября путники прибыли въ монастырь Эчміадзинъ и были радушно приняты духовенствомъ. Отсюда Грибоѣдовъ написалъ письмо своей петербургской пріятельницѣ, В. С. Миклашевичъ, свидѣтельствующее о любви и нѣжности къ его молодой женѣ: „Другъ мой, Варвара Семеновна! Жена моя, по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза, мѣшаетъ писать, знаетъ, что пишу къ женщинѣ, и ревнуетъ.—Не пеняйте-же на долгое мое молчаніе, милый другъ; видите-ли, въ какую для меня необыкновенную эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ, 110 лошадей и муловъ, ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній, Нинуша моя не жалуется, всѣмъ довольна, игрива, весела; для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылитъ, спѣшивается и поздравляетъ насъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ-бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, куреніемъ etc.; и здѣсь, подъ сводами этой древней обители первое мое помышленіе объ васъ и объ Андреѣ.—Помиритесь съ моею лѣнью.

— „Какъ это все случилось! Гдѣ я, что и съ кѣмъ!! Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда“.

— Слышите? Это жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему, доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно-ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей, и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. А независимость, которой я такой былъ страстный любитель, исчезла, можетъ быть навсегда, и какъ ни мило и утѣшительно дѣлить все съ прекраснымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди какъ темно! неопредѣленно!! Всегда ли такъ будетъ!! бросьте вашего Трапера и Куперову Prairie—мой романъ живой у васъ передъ глазами, и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ не похожій на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается, что нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ.“

Подъ Эриванью ждала Грибоѣдовыхъ еще болѣе торжественная встрѣча. Далеко за городъ выѣхало до 500 всадниковъ, въ томъ числѣ нѣсколько хановъ и Эриванскій плацъ-адъютантъ. Подъ стѣнами города, у моста чрезъ р. Зангу, собралось все духовенство православное и армянское. Въ самомъ городѣ, въ домѣ Мешедъ-хана, гдѣ была приготовлена путешественникамъ квартира, ихъ встрѣтила полковая музыка. Въ Эривани Грибоѣдовы прожили восемь дней. 19 сентября Ахмедъ-ханъ далъ въ честь Грибоѣдовыхъ большой обѣдъ въ восточномъ вкусѣ; подавалось не меньше тридцати блюдъ. На другой день прибылъ изъ Баязета тесть Грибоѣдова, князь Александръ Герсевановичъ Чавчавадзе. Какъ мы знаемъ, онъ не присутствовалъ при бракосочетаніи и только теперь могъ обнять новобрачныхъ. 25 сентября, послѣ прощальнаго завтрака, Грибоѣдовы выѣхали дальше. До первой деревни, верстахъ въ семи отъ города, ихъ провожали князь и княгиня Чавчавадзе и здѣсь—навсегда—простились съ Александромъ Сергѣевичемъ. Въ деревнѣ Садаракѣ караванъ посланника догналъ военный докторъ Мальмбергъ, чтобы проводить миссію до Тегерана. Въ Тавризъ русская миссія прибыла 7 октября; лихорадка мучила Грибоѣдова въ теченіе всего пути, и онъ „въ Тавризъ доплелся въ полномъ смыслѣ полуживой“. Здѣсь нашъ полномочный министръ-резидентъ былъ принятъ Аббасъ-Мирзой и передалъ ему ратифицированный императоромъ Николаемъ Павловичемъ трактатъ. И сразу на Грибоѣдова налегли тяжелыя заботы. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, которые онъ провелъ

въ Тавризѣ, Александръ Сергѣевичъ былъ обремененъ дипломатическими сношеніями съ министерствомъ, Паскевичемъ и еще болѣе— съ персидскимъ правительствомъ. Петербургское начальство, особенно управляющій Азіатскимъ департаментомъ, К. К. Родофиникинъ, торопило Грибоѣдова съ поѣздкой въ Тегеранъ къ шаху. По Петербургу распускались даже сплетни, что поэтъ забылъ свои служебныя обязанности въ увлеченіяхъ любви, и встревоженный Булгаринъ въ письмахъ умолялъ Грибоѣдова ѣхать въ Тегеранъ. Между тѣмъ, самъ Грибоѣдовъ былъ убѣжденъ, что изъ Тифлиса онъ могъ бы успѣшнѣе вліять на Персію. Родофиникину онъ колко отвѣчалъ на его письма: „Для пользы ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ я слишкомъ рано сюда прибылъ и зналъ это напередъ, но боялся быть въ отвѣтственности передъ начальствомъ, которое у насъ соразмѣряетъ успѣхъ и усердіе въ исполненіи порученныхъ дѣлъ по болѣе или мѣнѣе скорой ѣздѣ чиновниковъ. Изъ Тифлиса я бы угрожалъ Аббасъ-Мирзѣ, что вовсе не буду, коли онъ сполна не заплатитъ слѣдующихъ намъ денегъ; такъ я и началъ, и онъ, зная, что мое пребываніе есть залогъ его безопасности и покровительства Россіи, поспѣшилъ начать уплату... Теперь же что вышло? Меня мучатъ съ утра до глубокой ночи безтолковыми предложеніями, просятъ неотступно о прощеніи имъ сперва двухсотъ, потомъ 100, потомъ пятидесяти тысячъ тумановъ“. Дѣйствительно, Аббасъ-Мирза и его чиновники спорили изо всякой мелочи и примѣняли цѣлую систему проволочекъ, чтобы оттягивать уплату долга, тогда какъ изъ Петербурга Грибоѣдова постоянно торопили. Положеніе было тѣмъ труднѣе, что Грибоѣдовъ хорошо зналъ истинное положеніе дѣлъ въ Персіи. Замедленіе въ уплатѣ долга обусловлено было совершеннымъ оскудѣніемъ сѣверной Персіи. Скупой и своекорыстный Фетъ-али-шахъ рѣшительно отказался помочь Аббасу-Мирзѣ, словно дѣло шло о личныхъ обязательствахъ наслѣдника престола, а не о государственномъ долгѣ. Долговое бремя, такимъ образомъ, падало на провинцію Адербейджанъ, управляемую Аббасъ-Мирзою, и на его собственную казну. Наслѣдникъ престола дѣлалъ чрезвычайныя усилія, чтобы собрать 8-ой куруръ; въ обезпеченіе его онъ вынужденъ былъ передать Грибоѣдову драгоцѣнности свои и своего гарема, его жены отдали даже брилліантовыя пуговицы со своихъ платьевъ; Аббасъ-Мирза распорядился расплавить въ слитки превосходные золотые канделябры и разныя вещи изъ гарема, одна работа коихъ стоила не меньше самого металла. Русскіе, наконецъ, забрали въ

залогъ золотой тронъ Ага-Мамедъ-шаха, считавшійся государственной реликвіей. Что касается народа, то онъ совершенно обнищалъ отъ постоянныхъ поборовъ; къ тому же русскія войска, впредь до уплаты восьмого курура, занимали Хойскую область и ихъ продовольствіе стоило Персіи очень дорого. Грибоѣдовъ ни отъ себя, ни отъ министерства не скрывалъ такого положенія дѣлъ, но принужденъ былъ, помимо воли, вести суровую политику угрозъ и вымогательствъ. Онъ зналъ, что такая политика отзывается въ персидскомъ народѣ ненавистью къ русскимъ; между тѣмъ, продолжавшаяся война съ Турціей, наоборотъ, требовала болѣе мягкаго, благоразумнаго, поведенія въ Персіи. Мрачность и отчаяніе снова овладѣвали Александромъ Сергѣевичемъ. Своему пріятелю и сослуживцу П. М. Устимовичу онъ писалъ изъ Тавриза: „Какъ тошно въ этой Персіи, съ этими Джафарханами, или какъ моя жена ихъ называетъ: Чепарханы“; въ другомъ письмѣ: „У насъ здѣсь такъ скучно, гадко, скверно. Нѣтъ! ужь не испытать мнѣ на томъ свѣтѣ гнѣва Господня. Я и здѣсь вкушаю довременно всѣ прелести тьмы кромѣшной.“ П. Н. Ахвердовой онъ признавался еще откровеннѣе (французское письмо изъ Тавриза): „Совѣты ваши о доставленіи занятій моей женѣ очень разумны и полезны. Но у меня все время отнято проклятою контрибуціей, которой я еще не могу взыскать съ Персіянъ сполна. Это египетская работа. Мнѣ кажется, что я не вполнѣ на своемъ мѣстѣ; нужно бы побольше умѣнья, побольше хладнокровія. Дѣла портятъ мой характеръ. Я дѣлаюсь угрюмымъ; иной разъ нападаетъ на меня охота остепениться, и тутъ уже я дѣйствительно глупѣю. Нѣтъ, я вовсе не гожусь для службы. Меня назначать не слѣдовало. Мнѣ кажется, что я неспособенъ выполнить какъ слѣдуетъ служебныя обязанности. Многіе другіе исполнили бы ихъ во сто тысячъ разъ лучше. Но мнѣ остается одна надежда: Богъ, Которому я служу еще хуже, нежели Государю, и Который всегда и дѣйствительно мнѣ покровительствовалъ“.

Другой своей доброй знакомой, В. С. Миклашевичъ, поэтъ разсказывалъ съ грустью: „Сказать-ли вамъ теперь о моемъ быту? Не занимательно ни для кого, я только чрезвычайно занятъ. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки съ турками. Взимаю контрибуцію, довольно успѣшно. Друзей не имѣю никого, и не хочу, должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ Государь

Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь, и меня прозвали сахтиръ, coeur dur. Къ намъ перешло до 8 т. армянскихъ семействъ, и я теперь за оставшееся ихъ имущество не имѣю ни днемъ, ни ночью покоя, однако охраняю ихъ достояніе, и даже доходы,—все кое-какъ дѣлается по моему слову. Наконецъ, послѣ тревожнаго дня, вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ,—тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; разсказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить,—вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку, хотите ее знать? Въ Malmaison въ Эрмитажѣ тотчасъ при входѣ направо есть богородица въ видѣ пастушки Murillo, вотъ она" (письмо отъ 3-го декабря 1828). Но и здѣсь тревоги не оставляли поэта; правда, Нина Александровна „безъ ропота раздѣляла ссылку" своего мужа, но, онъ видѣлъ, ей было одиноко и тяжело въ чужой странѣ и, кромѣ того, она уже страдала „самою мучительною беременностью". И вотъ въ такомъ положеніи Грибоѣдову приходилось бросать жену, чтобы ѣхать въ Тегеранъ.

Эта поѣздка становилась необходимой, чтобы побудить шаха принять хотя нѣкоторое участіе въ уплатѣ контрибуціи. Была и другая задача: возвращеніе русскихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, жившихъ у персіянъ. Какъ мы помнимъ, еще въ 1819 году Грибоѣдовъ вывелъ изъ Персіянъ партію русскихъ на Кавказъ; и тогда это вызывало сильное раздраженіе. Теперь розыски, отбираніе и уводъ плѣнныхъ озлобляли еще больше. Въ этомъ чувствѣ сходились и частныя лица, и правительство. Правительство охотно принимало бѣглыхъ русскихъ солдатъ къ себѣ на военную службу; здѣсь они иногда дослуживались до высокихъ чиновъ и достигали большого вліянія. Таковъ былъ, напр., извѣстный дезертиръ Самсонъ Макинцевъ, вахмистръ Нижегородскаго драгунскаго полка, ушедшій въ Персію еще въ 1802 году. На службѣ у Аббасъ-Мирзы онъ проявилъ недюжинный организаторскій талантъ, образовалъ цѣлый полкъ изъ русскихъ бѣглецовъ и былъ возведенъ въ ханское достоинство. Его выдачи добивался Грибоѣдовъ. Многіе изъ русскихъ бѣглецовъ, служившихъ въ полку Самсонъ-хана и у другихъ вліятельныхъ лицъ, приняли исламъ и поженились на туземкахъ. Немудрено, что персидское правительство не хотѣло ихъ выдавать и всячески укрывало отъ розысковъ

русской миссіи; да они и сами иногда прятались, не желая порывать съ пріютившей ихъ страной. То же слѣдуетъ сказать и о плѣнныхъ русскихъ, особенно женщинахъ; многія изъ нихъ стали женами персіянъ, имѣли дѣтей и давно примирились съ своимъ положеніемъ. Разумѣется, были и такіе, которые только и ждали случая, чтобы вернуться въ Россію, и съ радостью воспользовались статьею трактата, обезпечивавшаго свободный возвратъ плѣнныхъ. Но несомнѣнно, что русская миссія въ поискахъ таковыхъ, захватывала иногда и людей первой категоріи, при чемъ происходили рѣзкія столкновенія съ персіянами. Такія сцены разыгрывались еще въ Тавризѣ; онѣ потомъ повторились въ Тегеранѣ, когда Грибоѣдовъ пріѣхалъ туда, чтобы представиться шаху.

Онъ выѣхалъ изъ Тавриза въ столицу 9-го декабря, съ большой свитой. Этотъ день былъ послѣднимъ, проведеннымъ съ женою. Грибоѣдовъ оставлялъ ее на попеченіи m-me Macdonald, жены англійскаго посланника, ласково и сердечно принявшей Нину Александровну. Грибоѣдовъ обезпечилъ жену медицинской помощью и уходомъ преданныхъ слугъ; но все же уѣзжалъ съ большой тревогой на сердцѣ. Особенно безпокоила его тяжелая беременность жены. Съ дороги онъ постоянно, чуть не ежедневно, писалъ Нинѣ Александровнѣ. До насъ дошло только одно письмо—изъ Казвина, отъ 24 декабря, девятое по счету, полное нѣжности и любви. Вотъ отрывки изъ него: „Безцѣнный другъ мой, жаль мнѣ тебя, грустно безъ тебя какъ нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значитъ любить. Прежде разставался со многими, къ которымъ тоже крѣпко былъ привязанъ, но день, два, недѣля и тоска исчезала, теперь чѣмъ далѣе отъ тебя, тѣмъ хуже. Потерпимъ еще нѣсколько, ангелъ мой, и будемъ молиться Богу, чтобы намъ послѣ того никогда болѣе не разлучаться.

Плѣнные здѣсь меня съ ума свели. Однихъ не выдаютъ, другіе сами не хотятъ возвратиться. Для нихъ я здѣсь даромъ прожилъ, и совершенно даромъ.

Помнишь, другъ мой неоцѣненный, какъ я за тебя сватался, безъ посредниковъ, тутъ не было третьяго. Помнишь, какъ я тебя въ первый разъ поцѣловалъ, скоро и искренно мы съ тобой сошлись, и на вѣки...

Когда я къ тебѣ ворочусь! Знаешь, какъ мнѣ за тебя страшно, все мнѣ кажется, что опять съ тобой то же случится, какъ за двѣ недѣли передъ моимъ отъѣздомъ. Только и надежды, что на Дере-

джану, она чутко спитъ по ночамъ, и отъ тебя не будетъ отходить. Поцѣлуй ее, душка, и Филиппу и Захарію скажи, что я ихъ по твоему письму благодарю. Коли ты будешь ими довольна, то я буду умѣть и ихъ сдѣлать довольными".

Около Новаго года Грибоѣдовъ съ своею свитой прибылъ въ Тегеранъ. Сначала все шло благополучно. Александръ Сергѣевичъ былъ хорошо принятъ шахомъ; въ его честь давались праздники, шахъ прислалъ ему подарки и орденъ Льва и Солнца 1-ой степени, а другимъ чиновникамъ миссіи тотъ же орденъ 2-ой и 3-ей степени или серебряныя медали. Но какъ только дѣло коснулось плѣнныхъ— начались столкновенія. Надо сказать, что, когда на Кавказѣ стали извѣстны статьи Туркманчайскаго договора о возвратѣ плѣнныхъ русскихъ подданныхъ изъ Персіи, многіе родственники и прежніе владѣльцы такихъ плѣнныхъ рѣшили ѣхать вслѣдъ за Грибоѣдовымъ ихъ разыскивать, и когда онъ явился въ Тегеранъ, предъявили ему здѣсь сотни ходатайствъ. Нѣкоторые случаи, при этомъ, представляли для русскаго полномочнаго министра неразрѣшимыя трудности. Еще въ Казвинѣ, напримѣръ, случилось, что одинъ кавказскій колонистъ—нѣмецъ, найдя свою дочь, взятую въ плѣнъ и вышедшую замужъ за родовитаго персіянина, требовалъ отъ Грибоѣдова ея возвращенія; Грибоѣдовъ приказалъ привести ее и на нѣмецкомъ языкѣ предлагалъ вернуться къ отцу; однако, сама нѣмка отказалась. Въ Тегеранѣ произошелъ случай еще болѣе тяжелый. Знатный Хозровъ-ханъ получилъ отъ другого хана въ подарокъ плѣнницу дѣвушку—армянку, русскую подданную, Диль-Фрушъ (т. е. Радость сердца). Дѣвушка горячо привязалась къ своему новому господину, и тотъ полюбилъ ее. Но вотъ въ Тегеранъ явился родственникъ Диль-Фрушъ и потребовалъ ея возвращенія. Она не смѣла отречься отъ родныхъ, и Хозровъ-ханъ ее не удерживалъ, но прощаніе было крайне тяжело и заставило плакать всѣхъ присутствовавшихъ, армянъ и персіянъ. Армянскій лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ, что въ тотъ день „Радость сердца" стала для окружающихъ „печалью сердца". Еще затруднительнѣе стало положеніе, когда къ покровительству русской миссіи обратились двѣ армянки изъ гарема Алаяръ-хана, желавшія вернуться на родину. Алаяръ-ханъ былъ зятемъ шаха, занималъ высокое служебное положеніе, игралъ важную политическую роль и, какъ мы знаемъ, былъ ненавистникомъ Грибоѣдова. Грибоѣдовъ оставилъ армянокъ въ зданіи миссіи, гдѣ не было другихъ женщинъ, и это произвело впечатлѣніе скандала

Памятникъ А. С. Грибоѣдову (работы академика В. А. Беклемишева), въ Императорской Россійской Миссіи въ Тегеранѣ.

на населеніе столицы. А затѣмъ положеніе запуталось окончательно. При дворѣ шаха, въ качествѣ одного изъ самыхъ довѣренныхъ чиновниковъ, вѣдавшихъ дѣла гарема, служилъ армянинъ Ходжа Мирза-Якубъ Маркарьянъ. Это былъ выдающійся человѣкъ по уму, образованію и характеру, пользовавшійся большимъ вліяніемъ. Онъ жилъ въ Персіи давно, около 20 лѣтъ, и формально принялъ магометанство, но оставался тайно христіаниномъ и мечталъ вернуться на родину. Теперь, воспользовавшись пребываніемъ русской миссіи въ Тегеранѣ, онъ поздно вечеромъ явился къ Грибоѣдову и просилъ отправить его въ Эривань. Грибоѣдовъ отвѣтилъ, что министръ россійскаго императора оказываетъ свое покровительство гласно, на основаніи трактата, и что обращаться къ нему надо явно, днемъ, а не ночью. Мирза-Якубъ ушелъ, но на другой день снова явился съ тою же просьбой. Посланникъ уговаривалъ его остаться въ Тегеранѣ, гдѣ онъ пользуется властью и почетомъ, тогда какъ въ Эривани потеряетъ всякое значеніе. Но Мирза-Якубъ твердо стоялъ на своемъ, и Грибоѣдовъ вынужденъ былъ принять его въ домъ миссіи. Это переполнило чашу. Предоставляемъ здѣсь слово И. С. Мальцову, первому секретарю миссіи, единственному лицу, спасшемуся отъ погрома.

„Грибоѣдовъ послалъ человѣка взять оставшееся въ домѣ Мирзы-Якуба имущество, но когда вещи были уже навьючены, пришли ферраши Манучеръ-хана, которые увели катеровъ и вьюки Мирзы-Якуба къ своему господину. Шахъ разгнѣвался; весь дворъ возопилъ, какъ будто случилось величайшее народное бѣдствіе. Въ день двадцать разъ приходили посланцы отъ шаха съ самыми нелѣпыми представленіями; они говорили, что ходжа (евнухъ) то же, что жена шахская, и что слѣдовательно посланникъ отнялъ жену у шаха изъ его эндеруна. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что Мирза-Якубъ, на основаніи трактата, теперь русскій подданный, и что посланникъ русскій не имѣетъ права выдать его, ни отказать ему въ своемъ покровительствѣ. Персіяне, увидѣвъ, что они ничего не возьмутъ убѣдительною своею логикою, прибѣгли къ другому средству; они взвели огромныя денежныя требованія на Мирзу-Якуба и сказали, что онъ обворовалъ казну шаха и потому отпущенъ быть не можетъ. Для приведенія въ ясность всего дѣла, Грибоѣдовъ отправилъ его вмѣстѣ съ переводчикомъ Шахъ-Назаровымъ къ Манучеръ-хану. Комната была наполнена ходжами, которые ругали Мирзу-Якуба и плевали ему въ лицо. „Точно, я виноватъ, говорилъ Мирза-Якубъ Манучеръ-хану; вино-

ватъ, что первый отхожу отъ шаха; но ты самъ скоро за мною послѣдуешь". Такимъ образомъ, въ этотъ разъ, кромѣ ругательства, ничего ни послѣдовало...

„На другой день посланникъ былъ у шаха и согласился на предложеніе его высочества разобрать дѣло Мирзы-Якуба съ муэтемедомъ и Мирза-Абуль-Хасанъ-ханомъ; но сіе совѣщаніе отлагалось со дня на день, до тѣхъ поръ, пока смерть посланника и Мирзы-Якуба сдѣлали оное невозможнымъ. Между тѣмъ дошло до свѣдѣнія мудж-техида [высшее духовное лицо] Мирзы-Месиха, что Мирза-Якубъ ругаетъ мусульманскую вѣру. „Какъ? говорилъ муджтехидъ,—этотъ человѣкъ 20 лѣтъ былъ въ нашей вѣрѣ, читалъ наши книги и теперь поѣдетъ въ Россію, наругается надъ нашею вѣрою; онъ измѣнникъ, невѣрный и повиненъ смерти!" Также о женщинахъ доложили ему, что ихъ насильно удерживаютъ въ нашемъ домѣ и принуждаютъ будто-бы отступиться отъ мусульманской вѣры.

„Мирза-Месихъ отправилъ ахундовъ къ Шахзадэ-Зилли-султану (губернатору Тегерана); они сказали ему: „Не мы писали мирный договоръ съ Россіею, и не потерпимъ, чтобы русскіе разрушали нашу вѣру; доложите шаху, чтобы намъ непремѣнно возвратили плѣнныхъ". Зилли-султанъ просилъ ихъ повременить, обѣщалъ обо всемъ донести шаху. Ахунды пошли домой и дорогой говорили народу: „запирайте завтра базаръ и собирайтесь въ мечетяхъ; тамъ услышите наше слово!.."

„Наступило роковое 30 число января. Базаръ былъ запертъ, съ самаго утра народъ собирался въ мечети. „Идите въ домъ русскаго посланника, отбирайте плѣнныхъ, убейте Мирзу-Якуба и Рустема!"— грузина, находившагося въ услуженіи у посланника. Тысячи народа съ обнаженными кинжалами вторгнулись въ нашъ домъ и кидали каменья. Я видѣлъ, какъ въ это время пробѣжалъ чрезъ дворъ коллежскій ассесоръ князь Соломонъ Меликовъ, посланный къ Грибоѣдову дядею его Манучеръ-ханомъ; народъ кидалъ въ него каменьями и вслѣдъ за нимъ помчался на второй и третій дворъ, гдѣ находились плѣнные и посланникъ. Всѣ крыши были уставлены свирѣпствующей чернью, которая лютыми криками изъявляла радость и торжество свое. Караульные сарбазы (солдаты) не имѣли при себѣ зарядовъ, бросились за ружьями своими, которыя были складены на чердакѣ и уже растащены народомъ. Съ часъ казаки наши отстрѣливались, тутъ повсемѣстно началось кровопролитіе. Посланникъ, полагая сперва, что народъ желаетъ только отобрать плѣнныхъ, велѣлъ тремъ казакамъ, стоявшимъ у него на часахъ, выстрѣлить

холостыми зарядами, и тогда только приказалъ заряжать пистолеты пулями, когда увидѣлъ, что на дворѣ начали рѣзать людей нашихъ. Около 15 человѣкъ изъ чиновниковъ и прислуги собрались въ комнатѣ посланника и мужественно защищались у дверей. Пытавшіеся вторгнуться силою были изрублены шашками, но въ это самое время запылалъ потолокъ комнаты, служившей послѣднимъ убѣжищемъ русскимъ: всѣ находившіеся тамъ были убиты низверженными сверху каменьями, ружейными выстрѣлами и кинжальными ударами ворвавшейся въ комнату черни. Начался грабежъ: я видѣлъ, какъ персіяне выносили на дворъ добычу и съ крикомъ и дракою дѣлили оную между собою. Деньги, бумаги, журналы миссіи,—все было разграблено".

Несомнѣнно, что шахъ и его приближенные знали о готовящемся нападеніи на русскую миссію; броженіе среди жителей столицы и озлобленіе противъ русскихъ не было тайной и для Грибоѣдова. Наканунѣ 30 января Александръ Сергѣевичъ послалъ къ министру, мирзѣ Абуль-Хасанъ-хану ноту, гдѣ изложилъ столкновенія съ мѣстными властями за все свое пребываніе въ Персіи и заключалъ такими словами: „Нижеподписавшійся, убѣдившись изъ недобросовѣстнаго поведенія персидскаго правительства, что россійскіе подданные не могутъ пользоваться здѣсь не только должною пріязнью, но даже и личною безопасностью, испроситъ у великаго Государя своего всемилостивѣйшее позволеніе удалиться изъ Персіи въ россійскіе предѣлы". Были уже сдѣланы приготовленія къ отъѣзду миссіи изъ Тегерана въ Тавризъ, какъ разразилась катастрофа. Надо думать, однако, что никто не ожидалъ такого ужаснаго конца. Заправилы тегеранской жизни, вѣроятно, надѣялись, что дѣло ограничится демонстраціей черни передъ зданіемъ посольства и выдачей Мирзы-Якуба. А Грибоѣдовъ былъ убѣжденъ, что персіяне не посмѣютъ открыто напасть на миссію и потому не принялъ мѣръ къ усиленной охранѣ или къ негласному временному удаленію. Когда освирѣпѣвшая толпа приступила къ разгрому миссіи, отъ шаха былъ присланъ съ сотней сарбазовъ Хади-бекъ, но у него не было патроновъ, и онъ не рѣшился дѣйствовать штыками. Потомъ у мѣста сборища побывали и другіе шахскіе чиновники и самъ губернаторъ, сынъ шаха, но не сумѣли остановить бушующей толпы. Кромѣ Грибоѣдова погибли: второй секретарь миссіи Аделунгъ, штабсъ-капитанъ Шахъ-Назаровъ, канцеляристъ князь Кобуловъ, переводчикъ князь Соломонъ Меликовъ, докторъ Мальмбергъ, грузинъ Рустемъ, Дадашъ-бекъ, камердинеръ

Грибоѣдова Александръ Дмитріевъ, всего съ казаками 37 человѣкъ. Со стороны персіянъ убито 19 человѣкъ. Спасся только Мальцовъ. Но и для него бѣда еще не миновала. Зная обстоятельства послѣднихъ дней и будучи свидѣтелемъ погрома, онъ могъ сообщить русскому правительству всю правду,—и это было опасно для персидскихъ властей. Подъ предлогомъ охраны отъ черни, Мальцова отвели въ домъ губернатора, и тамъ продержали цѣлыхъ три недѣли. Мальцовъ былъ убѣжденъ, что его отравятъ или задушатъ, если заподозрятъ, что онъ считаетъ виновникомъ рѣзни персидское правительство и шаха и собирается объ этомъ донести русскимъ властямъ. Поэтому Мальцовъ постарался „безпрерывнымъ притворствомъ убѣдить приставленныхъ для наблюденія за нимъ персидскихъ чиновниковъ, что онъ будетъ сильнымъ адвокатомъ въ пользу шаха“ передъ императоромъ. Тогда только шахъ отпустилъ его въ русскіе предѣлы—съ подарками, но подъ конвоемъ.

Пока въ Тегеранѣ подготовлялось и совершилось ужасное злодѣяніе, Нина Александровна Грибоѣдова жила въ Тавризѣ. Среди скудной обстановки этого города молодую женщину развлекали, какъ могли, дамы европейской колоніи. Кн. Александръ Герсевановичъ прислалъ къ ней родственника, отставного офицера кн. Романа Чавчавадзе, знавшаго Нину Александровну съ колыбели и любившаго ее какъ дочь. Онъ славился своею веселостью, юморомъ и остроумными затѣями. Большимъ утѣшеніемъ были также письма Александра Сергѣевича. Но вотъ они прекратились... Первое время это обстоятельство можно было объяснить неустройствомъ персидскихъ дорогъ, случайностями и т. д. Но потомъ русскій консулъ въ Тавризѣ, А. К. Амбургеръ, получилъ точныя свѣдѣнія о катастрофѣ, а затѣмъ пріѣхалъ и Мальцовъ. Отъ Нины Александровны скрыли бѣду. Рѣшено было, что Мальцовъ объяснитъ вдовѣ поэта, что Александръ Сергѣевичъ здоровъ, но слишкомъ занятъ, такъ что не могъ написать письма, но поручилъ Мальцову сообщить женѣ, что дѣла задерживаютъ его въ Тегеранѣ и что онъ проситъ Нину Александровну возвратиться въ Тифлисъ, къ ея матушкѣ, и тамъ ждать мужа. Кстати пришло письмо отъ кн. А. Г. Чавчавадзе—съ тѣмъ же предложеніемъ. Все это было странно, тревожно, подозрительно,—но молодой, шестнадцатилѣтней женщинѣ не оставалось ничего другого, какъ покориться. Изъ Тавриза она выѣхала въ сопровожденіи самого Амбургера, врача и слугъ и до Тифлиса доѣхала благополучно. Здѣсь, въ домѣ матери, ее окружили любовными заботами, но писемъ отъ

мужа все не было и вокругъ создавалось жуткое молчаніе. Однажды къ Нинѣ Александровнѣ заѣхала жена Паскевича, двоюродная сестра Грибоѣдова, заговорила объ Александрѣ Сергѣевичѣ и его молчаніи, запуталась въ объясненіяхъ, расплакалась и открыла все. Съ Ниной Александровной сдѣлалась истерика, и на другой день она прежде времени разрѣшилась ребенкомъ, прожившимъ всего нѣсколько часовъ.

Останки Грибоѣдова перевозились въ русскіе предѣлы очень медленно. Только 2 мая гробъ прибылъ въ Нахичевань и былъ встрѣченъ русскими властями. 11 іюня, неподалеку отъ крѣпости Гергеры, произошла знаменательная встрѣча съ Пушкинымъ. Самъ великій поэтъ разсказываетъ объ этомъ въ „Путешествіи въ Арзерумъ“: „Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу.

— Откуда вы? спросилъ я.— „Изъ Тегерана“.—Что вы везете?— „Грибоѣда“.

Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ. Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: „Vous ne connaissez pas ces gens là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux“...

Только 17-го іюля, вечеромъ, послѣ продолжительныхъ задержекъ въ карантинахъ по случаю чумы, печальная процессія приблизилась къ Тифлису. Вотъ разсказъ очевидца: „Дорога изъ карантина къ городской заставѣ идетъ по правому берегу Куры; по обѣимъ сторонамъ тянутся виноградные сады, огороженные высокими каменными стѣнами. Въ печальномъ шествіи было нѣчто величественное и непзъяснимымъ образомъ трогало душу: сумракъ вечера, озаренный факелами, стѣны, сплошь унизанныя плачущими грузинками, окутанными въ бѣлыя чадры, протяжное пѣніе духовенства, за колесницею толпы народа, воспоминаніе объ ужасной кончинѣ Грибоѣдова—раздирали сердца знавшихъ и любившихъ его! Вдова, осужденная въ блестящей юности своей испытать ужасное несчастіе, въ горестномъ ожиданіи стояла съ семействомъ своимъ у городской заставы; свѣтъ перваго факела возвѣстилъ ей о близости драгоцѣннаго праха: она упала въ обморокъ, и долго не могли привести ее въ чувство“.

На другой день происходило отпѣваніе тѣла въ присутствіи военнаго губернатора Стрекалова (Паскевича не было въ городѣ) и всѣхъ генераловъ—въ томъ же Сіонскомъ соборѣ, гдѣ еще такъ недавно совершалось вѣнчаніе Грибоѣдовыхъ. Экзархъ Грузіи, митрополитъ Іона, сказалъ надгробное слово, заставивъ рыдать присутствовавшихъ въ церкви, и самъ едва могъ говорить отъ слезъ. Для погребенія прахъ Грибоѣдова отвезли въ монастырь св. Давида—по завѣщанію поэта, который любилъ мѣстоположеніе монастыря и говаривалъ шутя Нинѣ Александровнѣ: „не оставляй костей моихъ въ Персіи: если умру тамъ, то похорони меня въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида". Весь городъ вышелъ прощаться съ прахомъ Грибоѣдова. Впослѣдствіи Нина Александровна поставила на могилѣ скульптурный памятникъ и начертала на немъ слова, нѣжныя и глубокія: „Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русскихъ, но для чего пережила тебя любовь моя".

Долгіе годы потомъ жила вдова поэта на Кавказѣ, окруженная всеобщей любовью и уваженіемъ. Много разъ представлялись ей случаи вступить въ новый бракъ, и въ числѣ соискателей ея руки были выдающіеся люди. Но Нина Александровна осталась вѣрна памяти славнаго супруга. Она скончалась въ 1857 году и погребена рядомъ съ прахомъ Александра Сергѣевича.

XI. Черты характера, духовные интересы и общественные взгляды Грибоѣдова.

Трудно возстановить духовный обликъ Грибоѣдова. „Чужая душа—потемки", это примѣнимо и къ простымъ людямъ, тѣмъ болѣе—къ сложнымъ и могучимъ индивидуальностямъ. Когда великіе люди сами говорятъ о себѣ, въ ихъ признаніяхъ неизбѣжно смѣшиваются Wahrheit и Dichtung; отзывы же современниковъ почти всегда противорѣчивы—отъ восторженнаго преклоненія до глубокой ненависти. Такъ было съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Л. Н. Толстымъ; такъ, конечно, было и съ Грибоѣдовымъ. Постигнуть и возсоздать живую связь душевныхъ чертъ, всю полноту духовной жизни—всегда остается желаннымъ, но недостижимымъ идеаломъ для біографа, какъ бы ни былъ онъ правдивъ и освѣдомленъ.

Въ отношеніи къ Грибоѣдову задача осложняется еще скудостью фактическихъ матеріаловъ. Современники поэта, спутники его жизни, введенные имъ самимъ въ сокровенности его души, поскупились на воспоминанія объ Александрѣ Сергѣевичѣ. Еще Пушкинъ высказалъ по этому поводу печальную истину: „мы лѣнивы и не любопытны". Однако, самъ великій поэтъ не оставилъ намъ разсказа о Грибоѣдовѣ, если не считать немногихъ строкъ въ „Путешествіи въ Арзерумъ". Чрезвычайно скупъ на воспоминанія оказался С. Н. Бѣгичевъ; Б. И. Іонъ, свидѣтель юныхъ лѣтъ поэта, не написалъ о нихъ ни строки. Самъ Грибоѣдовъ былъ сдержанъ и замкнутъ, особенно въ зрѣлые годы. Автобіографіи онъ не написалъ, а въ своихъ записныхъ тетрадяхъ и перепискѣ очень рѣдко раскрывалъ свою душу.

Нѣкоторыя черты характера и личности поэта намъ уже знакомы изъ разсказа о внѣшнихъ событіяхъ его жизни. Мы знаемъ о его любви къ матери и сестрѣ, о горячихъ дружескихъ чувствахъ къ Бѣгичеву, о сердечныхъ привязанностяхъ и увлеченіяхъ, о нѣкоторыхъ проявленіяхъ его горячаго, порывистаго темперамента, сильной воли и мужества. Намъ знакомы также и нѣкоторые кризисы въ духовномъ развитіи Грибоѣдова. Мы наблюдали его въ военной службѣ и въ Петербургѣ какъ беззаботнаго прожигателя жизни, любившаго смѣхъ и ясную радость. Потомъ смерть Шереметева вызвала Александра Сергѣевича на тяжелыя размышленія и склонила къ „крутому повороту". На Востокѣ, въ духовномъ одиночествѣ, онъ много думалъ и здѣсь пріобрѣлъ склонность къ самоуглубленію и замкнутости. Характеръ поэта быстро созрѣвалъ на глазахъ у наблюдателей. Н. Н. Муравьевъ, познакомившійся съ Грибоѣдовымъ въ 1818 г. въ Тифлисѣ, при новой встрѣчѣ въ 1822 г. замѣтилъ въ немъ большую перемѣну. Когда Грибоѣдовъ вернулся въ Москву и Петербургъ, это былъ зрѣлый человѣкъ, строгій къ себѣ и къ людямъ, большой скептикъ. Настроенія его становились съ каждымъ годомъ все серьезнѣе и мрачнѣе, взгляды—пессимистичнѣе. Даже тріумфы „Горя отъ ума" не могли увлечь его. Затѣмъ общественная драма 14 декабря, лишившая поэта многихъ друзей, только укрѣпила эти настроенія. Къ горькимъ размышленіямъ о людяхъ и родинѣ присоединились еще тревоги за свое дарованіе, отъ котораго требовательный поэтъ ожидалъ—и тщетно—новыхъ высокихъ созданій. Такъ наросталъ новый душевный кризисъ, который грозилъ разрѣшиться самоубійствомъ. Но поздняя любовь озарила улыбкою

прощальной душу великаго писателя, наполнила ее новыми радостями, и смерть оказалась хотя насильственной, но не самочинной.

Къ этимъ даннымъ о духовной жизни Грибоѣдова мы можемъ теперь присоединить еще нѣсколько чертъ, взятыхъ изъ воспоминаній современниковъ и изъ переписки Александра Сергѣевича.

Каковъ былъ его внѣшній видъ и манера держаться, объ этомъ даетъ нѣкоторое представленіе А. А. Бестужевъ: „Я сидѣлъ у больного пріятеля моего, гвардейскаго офицера Н. А. М-ва, страстнаго любителя всего изящнаго. Это было утромъ, въ августѣ 1824 года. Вдругъ дверь распахнулась; вошелъ человѣкъ благородной наружности, средняго роста, въ черномъ фракѣ, съ очками на глазахъ.

— Я зашелъ навѣстить васъ, сказалъ незнакомецъ, обращаясь къ моему пріятелю: поправляетесь-ли вы?

И въ лицѣ его видно было столько же искренняго участія, какъ въ его пріемахъ умѣнья жить въ хорошемъ обществѣ, но безъ всякаго жеманства, безъ всякой формальности; можно сказать даже, что движенія его были какъ-то странны и отрывисты и совсѣмъ тѣмъ приличны, какъ нельзя болѣе. Оригинальность кладетъ свою печать даже и на привычки подражанія. Это былъ Грибоѣдовъ“. К. А. Полевой къ этому добавляетъ: „Его обращеніе всегда отличалось рѣдкимъ свойствомъ: какою-то искренностью, которая однако-жъ не переходила свѣтскихъ формъ. Слушая Грибоѣдова, можно было вѣрить каждому слову его, потому что онъ не терпѣлъ преувеличеній и будто мыслилъ вслухъ, не скрывая своихъ чувствъ; но образованность и свѣтскость придавали ему характеръ обворожительный“.

Дошедшіе до насъ портреты Грибоѣдова не передаютъ выраженія его подвижной физіономіи и „пронзительныхъ“ глазъ. Правда, послѣдніе годы службы на Востокѣ, полные тревогъ и физическихъ лишеній, состарили Грибоѣдова. Полевой добавляетъ: „въ ранней молодости онъ не удерживалъ своей чрезвычайной рѣзвости и даже шаловливости, но въ 1828 году всѣ видѣли въ немъ степеннаго, задумчиваго человѣка“. Чуткій наблюдатель могъ, впрочемъ, угадывать, что подъ выдержанной свѣтской наружностью виднаго дипломата и прославленнаго писателя скрывается долгая работа воли и пережитыя страсти. Это хорошо выразилъ Е. А. Баратынскій въ стихотвореніи „Къ портрету Грибоѣдова“:

Взгляни на ликъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣтъ;

Внутренній дворъ Армянской церкви въ Тегеранѣ, съ братской могилой погибшихъ 30 января 1829 года.

Но какъ на немъ былыхъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!
Такъ ярый токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною виситъ,
Утративъ прежній грозный ревъ,
Храня движенья видъ.

Мы помнимъ, и Пушкинъ, характеризуя молодого Грибоѣдова, упоминаетъ его „пылкія страсти“. Страстный, порывистый характеръ проявлялся многообразно и всюду: въ гусарскихъ шалостяхъ, въ увлеченіи греческимъ языкомъ, отъ котораго Грибоѣдовъ „съ ума сходитъ“, въ любви къ друзьямъ, въ дипломатической борьбѣ съ персіянами, въ любовныхъ приключеніяхъ, въ журнальной полемикѣ и т. д. Постоянно сдерживаемый волею, сильный темпераментъ иногда прорывался, и Грибоѣдовъ бывалъ такъ же рѣзокъ, какъ и его любимецъ Чацкій. А. А. Бестужевъ разсказываетъ: „Обладая всѣми свѣтскими выгодами, Грибоѣдовъ не любилъ свѣта, не любилъ пустыхъ визитовъ или чинныхъ обѣдовъ, ни блестящихъ праздниковъ такъ называемаго лучшаго общества. Узы ничтожныхъ приличій были ему несносны потому даже, что онѣ узы. Онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать насмѣшки надъ позлащенною и самодовольною глупостью, ни презрѣнія къ низкой искательности, ни негодованія при видѣ счастливаго порока. Кровь сердца всегда играла у него въ лицѣ. Никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, будто слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать—никогда. Твердость, съ которою онъ обличалъ порочныя привычки, не смотря на знатность особы, показалась бы инымъ катоновскою суровостью, даже дерзостью“. Порывистость, рѣзкость въ обращеніи и „желчность“, о которой упоминаютъ современники, иногда заводили Грибоѣдова далеко,—въ сторону отъ справедливости и уваженія къ человѣческому достоинству. На ряду съ „катоновскою суровостью“ проявлялась иногда и другая черта, о которой мѣтко сказалъ С. А. Андреевскій: „Едва ли онъ былъ свободенъ въ своемъ обращеніи отъ нѣкотораго холоднаго и высокомѣрнаго дендизма, который сказывался въ спокойномъ и вызывающемъ осмѣяніи собесѣдника“. Эта черта ярко выражена и у Чацкаго; вспомнимъ, какъ онъ третируетъ Молчалина и какъ высмѣиваетъ московскихъ знакомыхъ въ бесѣдѣ съ Софьей Павловной. Тотъ же дендизмъ проявлялся тогда и въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ—у Пушкина, Лермонтова, кн. П. А. Вязем-

скаго, П. А. Катенина и многихъ другихъ. Въ Грибоѣдовѣ эта манера многихъ раздражала; она очень не нравилась, напр., Н. Н. Муравьеву. Однажды она проявилась особенно рѣзко; случай глубоко запечатлѣлся въ памяти свидѣтелей, пережившихъ тяжелыя минуты, и переданъ намъ въ нѣсколькихъ пересказахъ. Вотъ какъ повѣствуетъ П. А. Каратыгинъ: „Онъ былъ скроменъ и снисходителенъ въ кругу друзей, но сильно вспыльчивъ, заносчивъ и раздражителенъ, когда встрѣчалъ людей не по душѣ... Тутъ онъ готовъ былъ придраться къ нимъ изъ пустяковъ и горе тому, кто попадался къ нему на зубокъ... Тогда соперникъ бывалъ разбитъ въ пухъ и прахъ, потому что сарказмы его были неотразимы! Вотъ одинъ изъ такихъ эпизодовъ. Когда Грибоѣдовъ привезъ въ Петербургъ свою комедію, Николай Ивановичъ Хмѣльницкій просилъ его прочесть ее у него на дому. Грибоѣдовъ согласился. По этому случаю Хмѣльницкій сдѣлалъ обѣдъ, на который, кромѣ Грибоѣдова, пригласилъ нѣсколькихъ литераторовъ и артистовъ... Въ числѣ гостей былъ тутъ нѣкто Василій Михайловичъ Ѳедоровъ, сочинитель драмы „Лиза, или слѣдствіе гордости и обольщенія“ и другихъ уже давно забытыхъ пьесъ... Онъ былъ человѣкъ очень добрый, простой, но имѣлъ претензію на остроуміе... Покуда Грибоѣдовъ закуривалъ свою сигару, Ѳедоровъ, подойдя къ столу, взялъ комедію (которая была переписана довольно разгонисто), покачалъ ее на рукѣ и, съ простодушной улыбкой, сказалъ: „Ого! какая полновѣсная!.. Это стоитъ моей Лизы“. Грибоѣдовъ посмотрѣлъ на него изъ-подъ очковъ и отвѣчалъ ему, сквозь зубы: „Я пошлостей не пишу“. Такой неожиданный отвѣтъ, разумѣется, огорошилъ Ѳедорова и онъ, стараясь показать, что принимаетъ этотъ рѣзкій отвѣтъ за шутку, улыбнулся и тутъ же поторопился прибавить: „Никто въ этомъ не сомнѣвается, Александръ Сергѣевичъ; я не только не хотѣлъ обидѣть васъ сравненіемъ со мной, но, право, готовъ первый смѣяться надъ своими произведеніями“.—„Да, надъ собой-то вы можете смѣяться, сколько вамъ угодно, а я надъ собой—никому не позволю“...—„Помилуйте, я говорилъ не о достоинствѣ нашихъ пьесъ, а только о числѣ листовъ“.—„Достоинства моей комедіи вы еще не можете знать, а достоинства вашихъ пьесъ всѣмъ давно извѣстны“.—„Право, вы напрасно это говорите: я повторяю, что вовсе не думалъ васъ обидѣть“.—„О, я увѣренъ, что вы сказали, не подумавши, а обидѣть меня вы никогда не можете“.

Хозяинъ отъ этихъ шпилекъ былъ какъ на иголкахъ и, желая шуткой какъ-нибудь замять размолвку, которая принимала нешуточ-

ный характеръ, взялъ за плечи Ѳедорова и, смѣясь, сказалъ ему: „Мы въ наказаніе посадимъ васъ въ задній рядъ креселъ“...

Грибоѣдовъ между тѣмъ, ходя по гостиной съ сигарой, отвѣчалъ Хмѣльницкому: „Вы можете его посадить куда вамъ угодно, только я при немъ своей комедіи читать не стану“...

Очевидно, что хозяинъ былъ поставленъ въ самое щекотливое положеніе между своими гостями; не зналъ, чью сторону принять, и всѣми силами старался какъ-нибудь потушить эту вздорную ссору, но Грибоѣдовъ былъ непреклоненъ и ни за что не соглашался при Ѳедоровѣ начать чтеніе... Нечего было дѣлать, бѣдный авторъ добродѣтельной Лизы взялъ шляпу и, подойдя къ Грибоѣдову, сказалъ: „Очень жаль, Александръ Сергѣевичъ, что невинная моя шутка была причиной такой непріятной сцены... И я, чтобъ не лишать хозяина и его почтенныхъ гостей удовольствія слышать вашу комедію, ухожу отсюда“... Грибоѣдовъ съ жестокимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ ему на это: „Счастливаго пути!“ Ѳедоровъ скрылся...

По уходѣ Ѳедорова чтеніе началось—и нужно-ли говорить, какой эффектъ произвела эта комедія на слушателей!“

Можетъ быть, нѣкоторыя подробности въ этотъ разсказѣ переданы неточно; но въ общемъ Каратыгина подтверждаютъ и И. И. Сосницкій и А. М. Колосова-Каратыгина.

Однако было бы несправедливо придавать такимъ фактамъ особое значеніе, какъ это дѣлали иногда современники Грибоѣдова, мало его знавшіе. Стоило ближе познакомиться съ этимъ суровымъ, рѣзкимъ и желчнымъ человѣкомъ и заслужить его вниманіе и сочувствіе, какъ его образъ быстро свѣтлѣлъ, становился близкимъ, мягкимъ и нѣжнымъ. Недоступный, чопорный и холодный дэнди умѣлъ быть обаятельнымъ и обладалъ въ высокой степени даромъ нравиться. Примѣры тому многочисленны. Находясь подъ арестомъ, Грибоѣдовъ привлекъ симпатіи дѣлопроизводителя Слѣдственной комиссіи, А. А. Ивановскаго. Тотъ писалъ о немъ въ Москву барону Ашу; и когда освобожденный Грибоѣдовъ проѣздомъ останавливался въ Москвѣ и познакомился съ барономъ, этотъ послѣдній сообщалъ Ивановскому: „Творецъ Горя отъ ума имѣлъ на меня такое впечатлѣніе, какъ и на васъ: я нашелъ въ немъ всѣ тѣ достоинства, которыя вы ему приписываете, и потому невольно къ нему привязанъ“. Мы помнимъ также, какъ быстро очаровалъ поэтъ Амбургера, потомъ Аделунга. Даже враждебно настроенный А. А. Бестужевъ скоро подчинился обаянію Александра Сергѣевича. Еще

глубже увлеченъ былъ личностью Грибоѣдова В. К. Кюхельбекеръ; разлученный съ Грибоѣдовымъ съ 1825 г., онъ потомъ въ теченіе десятковъ лѣтъ постоянно вспоминалъ поэта и скорбѣлъ о его гибели. Крѣпко привязаны были къ нему и князья Одоевскіе, Александръ Ивановичъ и Владиміръ Ѳедоровичъ.

Зато и самъ Грибоѣдовъ умѣлъ любить горячо и страстно. Особенно близокъ поэтъ былъ съ Бѣгичевымъ. Во всѣхъ важныхъ и затруднительныхъ случаяхъ онъ совѣтовался съ другомъ; ему сообщалъ о своихъ удачахъ и огорченіяхъ, литературныхъ замыслахъ и служебныхъ дѣлахъ. Обычно сдержанный и замкнутый, со Степаномъ Никитичемъ Грибоѣдовъ дѣлился самыми сокровенными мыслями и чувствами. Въ письмахъ къ нему столько любви и нѣжности, что можно бы подумать, что поэтъ пишетъ любимой женщинѣ. Но Бѣгичевъ не былъ единственнымъ другомъ Грибоѣдова. И надо признать, что Александръ Сергѣевичъ умѣлъ на дѣлѣ проявлять свою любовь къ друзьямъ. Онъ устраивалъ житейскія дѣла Кюхельбекера, непрактичнаго какъ ребенокъ. Заброшенному въ деревню Катенину онъ заботливо сообщалъ литературныя новости, зная, какъ сильно онѣ его интересовали. Одному своему однополчанину (имя котораго, къ сожалѣнію, Булгаринъ не раскрылъ полностью въ воспоминаніи объ этомъ трогательномъ эпизодѣ), умиравшему отъ чахотки въ Варшавѣ, онъ скрашивалъ своимъ сердечнымъ отношеніемъ и перепиской послѣдніе дни. Когда его близкіе друзья попали въ 1825 году въ бѣду, изъ которой самъ онъ благополучно выбрался, Грибоѣдовъ, сколько могъ, старался имъ помочь. Изъ одного письма А. А. Бестужева мы узнаемъ, что Грибоѣдовъ ходатайствовалъ за него предъ Паскевичемъ: „Грибоѣдовъ взялъ слово съ Паскевича мнѣ благодѣтельствовать, даже выпросить меня изъ Сибири у государя. Я видѣлъ на сей счетъ сдѣланную покойникомъ записку... благороднѣйшая душа!“ Къ сожалѣнію, записка Грибоѣдова о Бестужевѣ до сихъ поръ неизвѣстна. Зато намъ удалось найти письмо Грибоѣдова къ А. А. Добринскому, офицеру, замѣшанному въ дѣлѣ декабристовъ, сидѣвшему въ заключеніи вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ и потомъ высланному на Кавказъ. Здѣсь Добринскому жилось очень тяжело. Грибоѣдовъ устроилъ ему переводъ въ одинъ изъ полковъ, участвовавшихъ въ войнѣ противъ Персіи (что давало возможность реабилитироваться), и написалъ задушевное письмо, гдѣ убѣждалъ Добринскаго не падать духомъ, вѣрить въ будущее, работать надъ своимъ духовнымъ развитіемъ,

готовясь къ служенію родинѣ. Еще ярче эпизодъ съ Одоевскимъ. Какъ мы помнимъ, поэтъ былъ связанъ съ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ тѣснѣйшими узами дружбы. Юноша Одоевскій готовъ былъ для Грибоѣдова на всякое самопожертвованіе. Когда случилось знаменитое наводненіе въ Петербургѣ 7 ноября 1824 года, Одоевскій, опасаясь за жизнь Александра Сергѣевича, бросился его разыскивать съ рискомъ для себя самого. Объ этомъ упоминаетъ Грибоѣдовъ въ одномъ письмѣ: „Помнишь, мой другъ, во время наводненія, какъ ты плылъ и тонулъ, чтобы до меня добраться и меня спасти". Зато и Грибоѣдовъ горячо любилъ своего юнаго друга и родственника. Въ 1825 году изъ Кіева онъ съ нѣжностью писалъ о немъ кн. В. Ѳ. Одоевскому: „Александръ мой питомецъ, l'enfant de mon choix". Вскорѣ, однако, онъ долженъ былъ уже оплакивать судьбу своего питомца: 13 іюля 1826 г. князь Александръ Ивановичъ былъ разжалованъ и затѣмъ сосланъ въ Нерчинскіе рудники. Въ сердцѣ Грибоѣдова никогда не гасла скорбь о потерянномъ другѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ стихотвореніе, посвященное Одоевскому:

Я дружбу пѣлъ... Когда струнамъ касался,
Твой геній надъ главой моей парилъ,
Въ стихахъ моихъ, въ душѣ тебя любилъ
И призывалъ, и о тебѣ терзался!...
О, мой Творецъ!... Едва расцвѣтшій вѣкъ
Ужели ты безжалостно пресѣкъ?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого отъ любви моей сокрыла?

Въ 1828 году Александръ Сергѣевичъ сдѣлалъ попытку спасти заживо погребеннаго, и обстоятельства этого дѣла краснорѣчиво говорятъ за благородное сердце поэта. Въ это время на Кавказѣ собралось уже не мало декабристовъ, отбывавшихъ наказаніе рядовыми въ войскахъ. Одоевскій и Грибоѣдовъ были родственниками Паскевича; и Александръ Сергѣевичъ рѣшилъ добиться перевода Одоевскаго изъ Сибири на Кавказъ. Надо думать, что еще въ 1827 г. онъ хлопоталъ объ этомъ передъ Паскевичемъ, и тотъ, должно быть, обѣщалъ свое содѣйствіе. Но высшія сферы смотрѣли недоброжелательно на скопленіе декабристовъ въ рядахъ кавказскихъ войскъ, требовали строгостей, и самъ Паскевичъ поддерживалъ такую политику. Просьбу Грибоѣдова объ А. А. Бестужевѣ онъ оставилъ безъ послѣдствій, и когда тотъ, волею самого императора, былъ все-таки переведенъ на Кавказъ,—преслѣдовалъ его всякими

придирками. Не торопился Паскевичъ удовлетворить и первую просьбу Грибоѣдова объ Одоевскомъ. Между тѣмъ, друзья князя Александра Ивановича именно отъ Грибоѣдова ждали помощи. А. А. Жандръ и В. С. Миклашевичева, любившіе и нѣкогда принимавшіе у себя Одоевскаго какъ родного, даже упрекали Александра Сергѣевича за бездѣйствіе. Ихъ письмо застало поэта въ Тавризѣ незадолго до послѣдняго, рокового отъѣзда въ Тегеранъ— и страшно взволновало его. Немедленно (3 декабря 1828) онъ отвѣчалъ друзьямъ: „Вѣрно сами догадаетесь, неоцѣненная Варвара Семеновна, что я пишу къ вамъ не въ обыкновенномъ положеніи души. Слезы градомъ льются. Неужели я для того рожденъ, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность (и мнимую притомъ), за невниманіе, эгоизмъ отъ тѣхъ, за которыхъ бы охотно жизнь отдалъ. Александръ нашъ что долженъ обо мнѣ думать!... Что проку, что чувства мои во мнѣ неизмѣнны, когда видимые поступки тому противорѣчатъ. Кто повѣритъ!!! Александръ мнѣ въ эту минуту душу раздираетъ. Сейчасъ пишу Паскевичу, коли онъ и теперь ему не поможетъ, провались его всѣ отличія, слава и громъ побѣдъ, все это не стоитъ избавленія отъ гибели одного несчастнаго и кого!!! Боже мой! пути Твои неизслѣдимы!“ И тотчасъ же, въ страстномъ порывѣ скорби, поэтъ написалъ Паскевичу: „Благодѣтель мой безцѣнный. Теперь безъ дальнихъ предисловій, просто бросаюсь къ вамъ въ ноги, и еслибы съ вами былъ вмѣстѣ, сдѣлалъ бы это и осыпалъ бы руки ваши слезами. Вспомните о ночи въ Тюркманчаѣ передъ моимъ отъѣздомъ. Помогите, выручите несчастнаго Александра Одоевскаго. Вспомните, на какую высокую степень поставилъ васъ Господь Богъ. Конечно, вы это заслужили, но кто вамъ далъ способы для такихъ заслугъ? Тотъ самый, для Котораго избавленіе одного несчастнаго отъ гибели гораздо важнѣе грома побѣдъ, штурмовъ и всей нашей человѣческой тревоги. Дочь ваша едва вышла изъ колыбели, уже Государь почтилъ ее самымъ внимательнымъ отличіемъ, Федю тоже того гляди сдѣлаютъ камеръ-юнкеромъ. Можетъ-ли вамъ Государь отказать въ помилованіи двоюроднаго брата вашей жены, когда двадцатилѣтній преступникъ уже довольно понесъ страданій за свою вину, вамъ близкій родственникъ, а вы первая нынѣче опора Царя и Отечества. Сдѣлайте это добро единственное, и оно вамъ зачтется у Бога неизгладимыми чертами небесной его милости и покрова. У его престола нѣтъ Дибичей и Чернышевыхъ, которые бы могли затмить цѣну высокаго,

христіанскаго, благочестиваго подвига. Я видалъ, какъ вы усердно Богу молитесь, тысячу разъ видалъ, какъ вы добро дѣлаете. Графъ Иванъ Федоровичъ, не пренебрегите этими строками. Спасите страдальца".

Неизвѣстно, какъ подѣйствовало это письмо на Паскевича; во всякомъ случаѣ, практическихъ результатовъ оно не имѣло: до 1837 года Одоевскій оставался въ Сибири.

Горячее сердце поэта нерѣдко заставляло его сострадать чужой бѣдѣ и сочувствовать чужой радости; но не всегда поверхностный или предубѣжденный наблюдатель могъ это оцѣнить. Александръ Сергѣевичъ былъ гордъ и замкнутъ и не всѣхъ дарилъ откровенностью. И у него были недоброжелатели, готовые истолковать въ дурную сторону движенія его души. Въ 1823 году, сообщая въ письмѣ Кюхельбекеру объ умершихъ въ Тифлисѣ общихъ знакомыхъ и предсказывая на весну появленіе холеры, Грибоѣдовъ продолжаетъ: „Трезвые умы,—Коцебу, напримѣръ,—обвиняютъ меня въ малодушіи, какъ будто я самъ боюсь въ землю лечь, другихъ жаль сторичнo пуще себя! Ахъ, эти избалованныя дѣти тучности и пищеваренія, которыя заботятся только о разогрѣтыхъ кастрюлькахъ etc., etc. Переселилъ бы я ихъ въ сокровенность моей души: для нея нѣтъ ничего чужого,—страдаетъ болѣзнію ближняго, кипитъ при слухѣ о чьемъ-нибудь бѣдствіи; чтобъ разъ потрясло ихъ сильно, не отъ однихъ только собственныхъ золъ!"

Это были искреннія и правдивыя слова, многократно подтвержденныя на дѣлѣ.

Грибоѣдовъ умѣлъ любить,—и не только друзей, но и родину. Ниже мы еще коснемся его національныхъ пристрастій, здѣсь же отмѣтимъ, что патріотизмъ былъ постоянной, устойчивой и яркой чертой его душевнаго склада,—съ Двѣнадцатаго года, когда онъ впервые испыталъ сильное патріотическое одушевленіе. Мы помнимъ, какъ ревниво слѣдилъ онъ за успѣхами русскаго оружія въ 1813—1814 годахъ. Съ первыхъ шаговъ дипломатической дѣятельности, онъ проявилъ готовность „жизнь свою положить за несчастныхъ соотечественниковъ." Раздумья о судьбахъ своей родины часто волновали его. Въ воспоминаніяхъ одного современника читаемъ: „Мнѣ не случалось въ жизни ни въ одномъ народѣ видѣть человѣка, который бы такъ пламенно, такъ страстно любилъ свое отечество, какъ Грибоѣдовъ любилъ Россію. Онъ въ полномъ значеніи обожалъ ее. Каждый благородный подвигъ, каждое высокое чувство,

каждая мысль въ русскомъ приводили его въ восторгъ.“ Впрочемъ, эта черта была характерной для всѣхъ лучшихъ людей двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, какъ и другая, отчасти съ нею связанная,—мужество. Бранная доблесть и самообладаніе въ опасностяхъ воспитывались всей обстановкой тогдашней жизни, полной боевыхъ подвиговъ. Грибоѣдовъ вполнѣ владѣлъ этимъ благороднымъ чувствомъ. Мужество и самообладаніе, съ какимъ онъ стоялъ подъ пистолетомъ Якубовича, поразили даже Н. Н. Муравьева, видавшаго виды на Кавказѣ, въ этой классической странѣ военныхъ доблестей. Какъ мы помнимъ, въ Отечественную войну Грибоѣдову не удалось принять боевого крещенія. Только на Востокѣ, въ русско-персидскую кампанію, онъ побывалъ въ линіи огня и здѣсь проявилъ незаурядное мужество. Паскевичъ полушутя писалъ тогда матери Александра Сергѣевича: „нашъ слѣпой [Грибоѣдовъ былъ, какъ и Настасья Ѳедоровна, сильно близорукъ] совсѣмъ меня не слушается: разъѣзжаетъ себѣ подъ пулями да и только!“ Въ воспоминаніяхъ Полевого сохранился любопытный разсказъ самого Грибоѣдова. Въ интимной бесѣдѣ у кн. В. Ѳ. Одоевскаго однажды зашла рѣчь о власти человѣка надъ самимъ собою; „Грибоѣдовъ утверждалъ, что власть его ограничена только физическою невозможностью, но что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно, и даже сдѣлать изъ себя все. „Разумѣется,“ говорилъ онъ, „если бы я захотѣлъ, чтобы у меня былъ носъ короче или длиннѣе (собственное его сравненіе), это было бы глупо, потому что невозможно, но въ нравственномъ отношеніи, которое бываетъ иногда обманчиво-физическимъ для чувствъ, можно сдѣлать изъ себя все. Говорю такъ потому, что многое испыталъ надъ самимъ собою. Напримѣръ, въ послѣднюю Персидскую кампанію, во время одного сраженія, мнѣ случилось быть вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ. Ядро съ непріятельской батареи ударилось подлѣ князя, осыпало его землей, и въ первый мигъ я подумалъ, что онъ убитъ. Это разлило во мнѣ такое содроганіе, что я задрожалъ. Князя только оконтузило, но я чувствовалъ невольный трепетъ и не могъ прогнать гадкаго чувства робости. Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть, я трусъ въ душѣ? Мысль нестерпимая для порядочнаго человѣка, и я рѣшился, чего бы то ни стоило, вылечить себя отъ робости, которую, пожалуй, припишите физическому составу, организму, врожденному чувству. Но я хотѣлъ не дрожать передъ ядрами, въ виду смерти, и при первомъ случаѣ всталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы

съ непріятельской батареи. Тамъ сосчиталъ я назначенное мной самимъ число выстрѣловъ и потомъ тихо поворотилъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь. Знаете ли, что это прогнало мою робость? Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся чувству страха—оно усилится и утвердится". Этотъ эпизодъ живо напоминаетъ Гёте, испытывавшаго свое самообладаніе на крышѣ Страссбургскаго собора.

Горячій темпераментъ, пессимизмъ, замкнутость, строгость къ себѣ и къ людямъ, гордая независимость, мужество, твердая воля—такія черты слагаются въ суровый обликъ человѣка могучаго и много пережившаго. Но, мы знаемъ это, суровость уживалась съ удивительной и трогательной въ такомъ человѣкѣ нѣжностью—къ женѣ, матери и сестрѣ, друзьямъ. Была еще одна особенность въ душевномъ укладѣ Грибоѣдова, мягкимъ отблескомъ озарявшая его суровыя черты: религіозность. Она знакома уже нѣсколько намъ изъ писемъ Александра Сергѣевича; только что мы читали посланіе къ Паскевичу, написанное съ религіознымъ одушевленіемъ, и еще помнимъ горькое письмо къ П. Н. Ахвердовой, гдѣ разсказъ о всякихъ злоключеніяхъ замыкается словами: „Mais il me reste encore un espoir: c'est mon Dieu, Que je sers encore plus mal que l'Empereur et Qui m'a toujours et efficacement protégé". Быть можетъ, въ молодости, напримѣръ въ первый петербургскій періодъ, Грибоѣдовъ обнаруживалъ поверхностный скептицизмъ (въ смутномъ преданіи разсказывается о его подшучиваніяхъ надъ богомольнымъ кн. Шаховскимъ). Но глубокая религіозная настроенность проявилась скоро. Въ 1821—22 годахъ она уже производила сильное впечатлѣніе на Кюхельбекера. Объ этомъ Вильгельмъ Карловичъ свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ поэту, посланномъ украдкой изъ Динабургской крѣпости въ 1828 году: „Прости! До свиданія въ томъ мірѣ, въ который ты первый вновь заставилъ меня вѣрить." Письмо было перехвачено, Кюхельбекера допрашивали, и онъ въ показаніи подтвердилъ, что Грибоѣдову „одолженъ въ особенности величайшимъ благодѣяніемъ, о коемъ онъ говоритъ въ концѣ письма". Трогательная черта: въ тяжелой тюремной и ссыльной жизни религія, дѣйствительно, бывала благодѣяніемъ для Вильгельма Карловича. Въ его дневникахъ, подъ 1832 годомъ, находимъ еще одно цѣнное признаніе: „насмѣшки надъ обрядами и мнѣніями и презрѣніе къ вѣроисповѣданіямъ другихъ народовъ мнѣ ненавистны; это у меня наслѣдіе отъ покойнаго моего друга Грибоѣдова; онъ былъ, безъ всякаго

сомнѣнія, смиренный и строгій христіанинъ и безпрекословно вѣрилъ ученію св. церкви, но между тѣмъ радовался, когда въ понятіяхъ нехристіанскихъ народовъ находилъ высокое, утѣшительное, говорящее сердцу человѣка не предубѣжденнаго, не зараженнаго предразсудками половиннаго просвѣщенія". Въ своей поэтической исповѣди, каковой является переводъ гётевскаго „Пролога", Грибоѣдовъ художественному творчеству придаетъ религіозное значеніе:

Ты постигаешь ли умомъ
Создавшаго міры и лѣта?
Его престолъ—душа поэта.

(Въ нѣмецкомъ подлинникѣ нѣтъ этихъ строкъ).

„Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимая отъ внѣшней", писалъ Грибоѣдовъ кн. А. И. Одоевскому въ Нерчинскъ. Самъ поэтъ много жилъ этими высокими духовными интересами. Его многозвучная душа умѣла отзываться на запросы философіи, науки, художествъ. Какъ мы знаемъ, хорошую философскую школу Александръ Сергѣевичъ прошелъ еще въ Московскомъ университетѣ, подъ руководствомъ професора Буле. Позднѣе, встрѣчи въ Москвѣ въ 1823—1824 годахъ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, знатокомъ философіи, вѣроятно, освѣжили прежнія познанія и интересы. Затѣмъ, описанный выше острый духовный кризисъ, пережитый Грибоѣдовымъ въ 1825—1826 г.г., поставилъ рѣзко вопросы о смыслѣ и цѣли жизни, и онъ, естественно, въ поискахъ отвѣта, обращался вновь къ философскимъ трактатамъ. По недостатку данныхъ, трудно сказать, къ какой доктринѣ склонялся Грибоѣдовъ; быть можетъ, и это всего вѣрнѣе, онъ и въ философскихъ вопросахъ проявилъ тотъ же скептицизмъ и независимость, какъ и въ общественныхъ взглядахъ. Но до конца жизни онъ внимательно слѣдилъ за философской литературой и изучалъ ее весьма обстоятельно. Сохранились списки книгъ, привезенныхъ Грибоѣдовымъ на Востокъ изъ Петербурга въ 1828 году. Среди нихъ большинство—монографіи по исторіи древней и новой философіи и по теоретической философіи; Шеллингъ—на первомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что въ этомъ отношеніи Грибоѣдовъ опередилъ русскіе философскіе кружки тридцатыхъ годовъ.

Съ научными интересами Александра Сергѣевича мы отчасти знакомы. Съ университетскихъ лѣтъ и до конца жизни онъ сильно интересовался исторіей, особенно русской, потомъ восточной, исторической географіей, археологіей, этнографіей. Въ „Черновой тет-

ради“ Грибоѣдова сохранились многочисленныя замѣчанія по исторіи Петра I и Desiderata по всевозможнымъ вопросамъ русской исторіи. Знатокъ европейскихъ языковъ, онъ потомъ широко изучалъ восточную филологію и славяновѣдѣніе. Въ чемоданахъ Грибоѣдова, арестованныхъ на Кавказѣ въ 1826 году, оказались: сербскій словарь, „Правила славянскаго языка“ Добровскаго, „Старинныя малороссійскія пѣсни“. Въ упомянутой нами статьѣ Ѳ. В. Булгарина „Литературные призраки“ Грибоѣдовъ, устами Талантина, совѣтуетъ молодымъ писателямъ „собирать народныя пѣсни и поговорки, знать нѣсколько соплеменныхъ славянскихъ нарѣчій, прочесть нѣсколько славянскихъ, русскихъ, богемскихъ и польскихъ грамматикъ и разсмотрѣть столько же словарей“. Сохранились замѣчанія Грибоѣдова на русскую грамматику Н. И. Греча; они свидѣтельствуютъ, какъ интересовался Александръ Сергѣевичъ такими вопросами. Въ сравненіи съ науками историко-филологическими юриспруденція занимала въ интересахъ Грибоѣдова второстепенное мѣсто; впрочемъ, въ связи съ своею дипломатическою дѣятельностью онъ постоянно освѣжалъ свои познанія въ государственныхъ и экономическихъ наукахъ. Отмѣтимъ еще, что Александръ Сергѣевичъ былъ ближе знакомъ съ естествознаніемъ, чѣмъ большинство русскихъ культурныхъ людей его времени. Естественныя науки онъ изучалъ въ университетѣ; и впослѣдствіи неоднократно обнаруживалъ интересъ къ нимъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его записныя книги; такъ, въ крымскомъ дневникѣ онъ однажды съ удовольствіемъ записываетъ: „въ саду rus delphinus, котораго я давно домогался названіе въ Ширванѣ“; проѣзжая долиною Узеня, онъ отмѣчаетъ: „слѣва бѣлый кряжъ горъ известковыхъ новѣйшаго образованія“. Устами Талантина онъ рекомендуетъ литературной молодежи „иногда заглядывать въ сочиненія, а особенно въ журналы по части физическихъ наукъ, чтобы не повторять разсказовъ нянюшекъ о естественныхъ явленіяхъ въ природѣ“.

Любовь „къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ“ владѣла поэтомъ съ юныхъ лѣтъ. Судьба лишила его возможности непосредственно видѣть всѣ богатства пластическихъ искусствъ на Западѣ; какъ мы знаемъ, онъ такъ и не побывалъ за-границей. Впрочемъ, сначала въ барской Москвѣ и удивительныхъ подмосковныхъ помѣстьяхъ, потомъ въ Петербургѣ, Царскомъ Селѣ и Павловскѣ Грибоѣдовъ могъ любоваться высокими созданіями пластики. Нашъ Эрмитажъ онъ, очевидно, зналъ превосходно: въ одномъ

письмѣ онъ точно, на память, опредѣляетъ, въ какомъ помѣщеніи этой галлереи находится плѣнившая поэта мадонна Мурильо. Въ скитаньяхъ по Крыму, Кавказу и Персіи Александръ Сергѣевичъ жадно изучалъ памятники древней архитектуры.

О любви къ музыкѣ мы здѣсь говорить не будемъ; этому вопросу посвящено спеціальное изслѣдованіе проф. С. К. Булича. Въ музыкальныхъ увлеченіяхъ богатая натура поэта проявилась чрезвычайно ярко; въ своей напряженности и глубинѣ они уступали только его „безумной любви“ къ поэзіи.

Міровая литература была открытой книгой для Грибоѣдова при его познаніяхъ въ древнихъ и новыхъ языкахъ, и онъ читалъ, перечитывалъ и зналъ наизусть весьма многія страницы изъ нея. Намъ приходилось упоминать о занятіяхъ его Плавтомъ, Теренціемъ и другими латинскими и греческими поэтами; мы помнимъ также свидѣтельства Бѣгичева о томъ, что Александръ Сергѣевичъ „зналъ наизусть“ Гёте, Шиллера и Шекспира. Изъ писемъ, дневниковъ, статей и другихъ бумагъ Грибоѣдова можно извлечь точный—и весьма обширный—списокъ авторовъ и произведеній, извѣстныхъ ему. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ. Грибоѣдовъ высоко цѣнилъ геній Шекспира. Зная его въ подлинникѣ, онъ совѣтовалъ изучать англійскій языкъ ради великаго драматурга. „Совѣстно читать Шекспира въ переводѣ, говорилъ онъ К. А. Полевому,—если кто хочетъ вполнѣ понимать его, потому что, какъ всѣ великіе поэты, онъ непереводимъ, и непереводимъ оттого, что національенъ“. Вліяніе „Макбета“ чувствуется въ „Грузинской Ночи“ (рѣчи вѣдьмъ—Али). Особенно цѣнилъ Грибоѣдовъ „Бурю“, находя въ этой пьесѣ рѣдкія красоты. Онъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи заявилъ, что „перекраивать Шекспира“ дерзко, и протестовалъ противъ переводовъ на русскій языкъ французскихъ передѣлокъ великаго британскаго поэта. „Властитель думъ“ поколѣнія александровскаго времени, Байронъ былъ близокъ душѣ поэта съ ранней молодости. Сидя подъ арестомъ въ 1826 г., Александръ Сергѣевичъ, „съ дозволенія инквизиціи“, просилъ Булгарина прислать „Чайльдъ-Гарольда“. „Сентиментальное путешествіе“ Лор. Стерна Грибоѣдовъ цитировалъ наизустъ въ бесѣдѣ съ А. А. Бестужевымъ, на Кавказѣ припоминалъ Грея, въ скитаніяхъ по Персіи читалъ Томаса Мура. Разумѣется, онъ зналъ прекрасно и другихъ англійскихъ поэтовъ; среди книгъ, взятыхъ имъ съ собою въ послѣднюю поѣздку въ Персію, были опять сборники англійскихъ стиховъ. Не менѣе близко зналъ Грибоѣдовъ и нѣмецкую

литературу. Если вѣрить Бестужеву, онъ даже цѣнилъ Гёте выше Шекспира. Зато съ пренебреженіемъ отзывался о Коцебу и Гильпарцерѣ. Александръ Сергѣевичъ зналъ итальянскій языкъ и, конечно, читалъ въ подлинникѣ поэтовъ Италіи; въ александровское время у насъ ими очень интересовались, стоитъ только вспомнить Батюшкова. Но лучше всего онъ зналъ, несомнѣнно, французскую поэзію; онъ не могъ не знать ея, если бы даже относился къ ней отрицательно: русское общество его времени воспитывалось на французскомъ языкѣ и литературѣ. Французская драматургія XVIII вѣка была источникомъ, откуда Грибоѣдовъ черпалъ щедрой рукой матеріалы для своихъ сценическихъ бездѣлокъ. Что же касается Мольера, то его театръ, несомнѣнно, былъ школой для таланта Грибоѣдова; характерно, что самъ Александръ Сергѣевичъ любилъ въ „благородныхъ спектакляхъ“ исполнять роль Альцеста.

Среди обаятельныхъ и властныхъ образовъ міровой литературы трудно было сохранить независимость своей творческой фантазіи. Грибоѣдовъ сберегъ поэтическую индивидуальность благодаря своему могучему, самобытному дарованію. Но отчасти ему помогла и сама русская жизнь, ставшая содержаніемъ его комедіи. Напряженное общественное движеніе александровскаго времени и яркія бытовыя черты московскаго общества вдохновили поэта и дали ему богатый матеріалъ для оригинальнаго произведенія.

Бываютъ поэты, художественное творчество которыхъ такъ далеко отстоитъ отъ текущей жизни, что для насъ почти безразлично, каковы ихъ общественные взгляды. Разгадки и смысла ихъ произведеній мы ищемъ не въ какихъ либо теоретическихъ взглядахъ и пристрастіяхъ, а въ единствѣ и гармоніи художественныхъ образовъ, да еще въ душевныхъ переживаніяхъ поэта; таковы наши лирики Батюшковъ, Жуковскій, Фетъ. Но бываютъ поэты, произведенія коихъ тѣсно связаны съ ихъ теоретическими воззрѣніями и съ явленіями ихъ современности. Таковы Толстой, Достоевскій, Некрасовъ. Авторъ „Горя отъ ума“, бытовой комедіи-сатиры, принадлежитъ ко второй категоріи.

Намъ уже приходилось касаться общественныхъ отношеній Грибоѣдова. Въ 1815—1818 г.г. въ Петербургѣ, когда впервые возникали политическіе кружки, онъ вращался въ ихъ средѣ; позднѣе, въ 1824—25 годахъ, Александръ Сергѣевичъ былъ очень близокъ къ многимъ членамъ Сѣвернаго тайнаго общества и къ нѣкоторымъ изъ Южнаго. Если на слѣдствіи онъ рѣшительно отрицалъ свое

знакомство съ организаціей и планами декабристовъ и увѣрялъ комиссію, что и не подозрѣвалъ о нихъ,—это было сознательной неправдой. Изъ декабристовъ Грибоѣдову были знакомы—Волконскій, Трубецкой, Оболенскій, Завалишинъ, Каховскій, Мухановъ, Торсонъ, Муравьевы, Бестужевъ-Рюминъ, Якубовичъ, Оржицкій и многіе другіе. Съ кн. А. И. Одоевскимъ, В. К. Кюхельбекеромъ, А. А. Бестужевымъ, К. Ѳ. Рылѣевымъ его связывала тѣсная дружба; съ первыми двумя у него не было никакихъ тайнъ. И, несомнѣнно, Грибоѣдовъ былъ прекрасно освѣдомленъ во многихъ подробностяхъ движенія, зналъ составъ тайныхъ обществъ, ихъ устройство, планы государственныхъ преобразованій и т. д. На допросахъ слѣдственной комиссіи Рылѣевъ показалъ: „Съ Грибоѣдовымъ я имѣлъ нѣсколько общихъ разговоровъ о положеніи Россіи и дѣлалъ ему намеки о существованіи общества, имѣющаго цѣлью перемѣнить образъ правленія въ Россіи и ввести конституціонную монархію". Александръ Бестужевъ далъ такое показаніе: „Съ Грибоѣдовымъ, какъ съ человѣкомъ свободомыслящимъ, я нерѣдко мечталъ о желаніи преобразованія Россіи. Говорилъ даже, что есть люди, которые стремятся къ этому", при чемъ Грибоѣдовъ, „какъ поэтъ, желалъ этого для свободы книгопечатанія". И самъ Грибоѣдовъ на допросѣ у генерала Левашова заявилъ о своихъ отношеніяхъ къ декабристамъ: „Въ разговорахъ ихъ видѣлъ часто смѣлыя сужденія насчетъ правительства, въ коихъ самъ я бралъ участіе: осуждалъ, что казалось вреднымъ, и желалъ лучшаго". „Свободы книгопечатанія" поэтъ не могъ не желать, такъ какъ его прекраснѣйшее произведеніе, „Горе отъ ума", несмотря на всѣ усилія автора, не пропускалось цензурой. Онъ желалъ также и другихъ государственныхъ реформъ,—напримѣръ, гласнаго справедливаго суда. Однажды, описывая произволъ, царящій въ Персіи, Александръ Сергѣевичъ заноситъ въ путевой дневникъ: „Недавно одного областного начальника, не взирая на его 30-тилѣтнюю службу, сѣдую голову и алькоранъ въ рукахъ, били по пятамъ, разумѣется, безъ суда. Въ Европѣ, даже и въ тѣхъ народахъ, которые еще не добыли себѣ конституціи, общее мнѣніе по крайней мѣрѣ требуетъ суда виновному, который всегда наряжаютъ". Наблюденіе надъ практикой правительственной власти въ Персіи вызывали Грибоѣдова на сопоставленіе съ Россіей, и въ его записныхъ книгахъ разбросано не мало острыхъ и злыхъ сравненій персидскихъ сардарей съ русской администраціей. Въ стихотвореніи „Хищники на Чегемѣ" Грибоѣдовъ вкладываетъ въ уста горцевъ презрительную

рѣчь о томъ, что у русскихъ „дома—цѣни“ и что „въ ихъ землѣ и свѣтъ темничный“. На глазахъ у Грибоѣдова, такъ любившаго науку и горячо защищавшаго право „въ науки вперять умъ, алчущій познаній“, развивалась дѣятельность Магницкаго, Рунича и другихъ темныхъ силъ и совершился разгромъ университетовъ Казанскаго и Петербургскаго. Какъ эти явленія возмущали поэта, мы можемъ судить по сатирическому напряженію въ третьемъ актѣ „Горя отъ ума“, по репликамъ Фамусова, Скалозуба, Загорѣцкаго, готовыхъ „забрать книги всѣ да сжечь“, или—„того, чахоточнаго, врага книгъ“

Въ ученый комитетъ, который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился.

Изъ другихъ золъ тогдашней русской жизни большое негодованіе Грибоѣдова вызывали уродливости крѣпостного права. Устами Чацкаго заклеймены:

Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ.
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь и честь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки.
Или вонъ тотъ еще, который для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ оторванныхъ дѣтей.
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ
Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!

Раньше, въ 1817 году, тотъ же мотивъ крѣпостничества былъ затронутъ въ комедіи „Студентъ“. Здѣсь большой баринъ Звѣздовъ, бросающій десятки тысячъ на безвкусныя картины, произноситъ такую тираду: „Да отправить старосту изъ женинои деревни, наказать ему крѣпко-на-крѣпко, чтобъ Фомка плотникъ не отлынивалъ отъ оброку, и внесъ бы 25 рублей непремѣнно, слышите-ль, 25 рублей до копѣйки. Какое мнѣ дѣло, что у него сынъ въ рекруты отданъ, то рекрутъ для Царя, а оброкъ для господина: такъ чтобъ 25 рублей были наготовѣ. Онъ видно шутитъ 25-ю рублями, прошу покорно, да гдѣ ихъ сыщешь? кто мнѣ ихъ подаритъ? на улицѣ что ли валяются. 25 рублей очень дѣлаютъ счетъ въ нынѣшнее время, очень, очень“... И позднѣе, въ „Грузинской Ночи“ поэтъ возвращается къ той

же темѣ. Грузинскій князь, чтобы выкупить любимаго коня, отдаетъ другому князю отрока—крѣпостного, сына своей кормилицы, теперь няни его дочери. Кормилица упрекаетъ князя въ безчеловѣчномъ поступкѣ, но сынъ ея остается въ рабствѣ, и отсюда начинается развитіе драмы. Въ наброскѣ пьесы „1812 годъ“ тема крѣпостного права затронута въ связи съ характеристикой роли дворянства въ Отечественной войнѣ. Въ современной Грибоѣдову литературѣ Двѣнадцатый годъ воспѣвался въ стихахъ и прозѣ, при чемъ выставлялся на видъ патріотизмъ дворянства и замалчивалось, что крѣпостному народу, отстоявшему свободу отечества, слѣдовало бы по справедливости дать свободу отъ крѣпостной зависимости. Грибоѣдовъ взглянулъ на дѣло иначе, смѣлѣе и справедливѣе. Въ планѣ драмы онъ отмѣчаетъ „всеобщее ополченіе изъ дворянъ“ и „трусость служителей правительства“, противополагая ей мужество и подвиги ополченца—крѣпостного М*. Въ эпилогѣ этотъ ополченецъ оказывается „въ пренебреженіи у военачальниковъ; отпускается во-свояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію“. Далѣе предполагалось изобразить „прежнія мерзости“; М* „возвращается подъ палку господина“, „отчаяніе... самоубійство“. Такая оцѣнка Двѣнадцатаго года была рѣдкостью въ тогдашней литературѣ и свидѣтельствуетъ о большой самостоятельности и критицизмѣ Грибоѣдова. Она совпадала съ такой же оцѣнкой, данной декабристами кн. Волконскимъ и Александромъ Бестужевымъ, и была потомъ подтверждена спеціальными историческими изслѣдованіями.

Всѣ эти черты роднили Грибоѣдова съ либеральнымъ движеніемъ александровскаго времени, ближайшимъ образомъ—съ декабристами. Но какъ далеко онъ готовъ былъ идти за ними? Грибоѣдовъ отрицалъ свою формальную принадлежность къ тайному обществу и, навѣрно, говорилъ правду. Не знаемъ точно, какъ онъ относился къ ихъ теоретическимъ проектамъ, планамъ „конституціи“ и проч. Одно несомнѣнно: Грибоѣдовъ не былъ энтузіастомъ движенія. По всему складу своего ума, скептическаго, проницательнаго и холоднаго, онъ не могъ раздѣлять того увлеченія, которое горячей волной охватывало Кюхельбекера, Одоевскаго, Рылѣева. И мы знаемъ, что въ то время, когда эта волна поднималась все выше, личное настроеніе Александра Сергѣевича становилось все мрачнѣе. Въ 1824—1825 годахъ онъ духовно былъ совершенно чуждъ политическимъ интересамъ. Но и помимо тяжелыхъ личныхъ переживаній и пессимизма, само декабристское движеніе давало обильную пищу скептицизму Грибоѣдова.

Теоретическая программа не была выработана, и здѣсь были возможны крупныя недоразумѣнія и взаимное непониманіе; организація была крайне несовершенна, собранія случайны и въ случайномъ составѣ, члены разбредались по деревнямъ и теряли связи, планомѣрная дѣятельность отсутствовала. Біографическая традиція сохранила ироническую фразу Грибоѣдова, которую онъ, говорятъ, часто повторялъ смѣясь: „сто человѣкъ прапорщиковъ хотятъ измѣнить весь государственный бытъ въ Россіи“,—и другую, дружески рѣзкую фразу по адресу декабристовъ и ихъ иллюзій: „я говорилъ имъ, что они дураки“. Е. П. Соковнина, лично знавшая Грибоѣдова, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣгичевѣ, что „Грибоѣдовъ совѣтовалъ ему избѣгать Бестужева, зная замыслы декабристовъ, которымъ, впрочемъ, Александръ Сергѣевичъ не придавалъ значенія, что и выразилъ въ отвѣтѣ Чацкаго Репетилову: „Шумите вы—и только!“ Завалишинъ въ своихъ запискахъ припоминаетъ, какъ Грибоѣдовъ однажды въ присутствіи будущихъ декабристовъ „разразился филиппикою противъ лже-либераловъ“. Тотъ же Завалишинъ разсказывалъ потомъ, какъ въ дни сидѣнія подъ арестомъ въ Главномъ Штабѣ „Грибоѣдовъ смѣшилъ насъ разсказами, какъ ему доказывали на основаніи „Горя отъ ума“, что онъ долженъ быть членомъ тайнаго общества, а онъ доказывалъ противное на томъ же основаніи“. Дѣйствительно, рѣчи и весь сценическій замыселъ Репетилова можно легко счесть за преднамѣренную и злую пародію на тайныя общества. Въ то время, когда въ Петербургѣ и Москвѣ возникали тайныя политическія организаціи и въ нихъ горячо обсуждались вопросы о палатахъ депутатовъ (по тогдашнему, „камерахъ“), присяжномъ судѣ и другихъ государственныхъ учрежденіяхъ,—въ тѣ же дни въ только что написанной художественной комедіи пустой и пьяный болтунъ также гремѣлъ о „секретнѣйшемъ союзѣ“, „тайныхъ засѣданіяхъ“, „о камерахъ, присяжныхъ“, о „радикальныхъ лекарствахъ“ и проч. Несомнѣнно, самъ Грибоѣдовъ и не думалъ сравнивать съ Репетиловымъ лучшихъ представителей общественнаго движенія, изъ коихъ многихъ искренно любилъ и уважалъ. Но онъ видѣлъ „слабыя, ребяческія стороны общества“ декабристовъ, и это отозвалось въ „Горѣ отъ ума“ монологами Репетилова. Надо сказать, что Грибоѣдовъ не былъ одинокъ въ своемъ скептицизмѣ. Приступы сомнѣній и даже отчаянія испытывали и самые рьяные декабристы, напр. Пестель. Были также люди, раздѣлявшіе ихъ политическіе взгляды, но не вѣрившіе въ ихъ осуществимость, напримѣръ А. Н. Раевскій

или А. М. Бакунинъ, написавшій по поводу устава „Союза Благоденствія“ „длинное письмо, въ которомъ указывалъ на безнадежность политической революціи у насъ въ Россіи“.

Укажемъ еще одну особенность въ общественныхъ взглядахъ Грибоѣдова, отразившуюся также въ репликахъ Чацкаго. Одни историки называли ее славянофильствомъ и ставили Грибоѣдова, какъ и его героя, въ ряды ранныхъ славянофиловъ. Другіе, считавшіе Чацкаго „лучшимъ выразителемъ надеждъ либерализма двадцатыхъ годовъ“, объясняли его рѣчи о премудромъ незнаньи иноземцевъ и о старинной величавой одеждѣ просто тѣмъ, что Чацкій, послѣ тяжелыхъ личныхъ огорченій, „впадаетъ въ преувеличенія, почти въ нетрезвость рѣчи“. Третьимъ, наконецъ, казалось, что взгляды Грибоѣдова были оригинальнымъ синтезомъ западничества и славянофильства и что „если бы только треволненія его жизни дали ему возможность развить и обосновать ихъ, эти мысли могли бы уже въ началѣ вѣка представить опытъ искуснаго сліянія двухъ враждовавшихъ направленій“. Мы помнимъ, что въ области литературной Грибоѣдовъ былъ сторонникомъ „славяно-русской стихіи“, любилъ народныя пѣсни. Оказывается, онъ былъ пристрастенъ также и къ старинной одеждѣ. На допросахъ Слѣдственной комиссіи Бестужевъ обмолвился, что Грибоѣдовъ желалъ государственныхъ реформъ „для свободы книгопечатанія и русскаго платья“. Это встревожило комиссію, и она запросила самого Грибоѣдова: „Въ какомъ смыслѣ и съ какою цѣлью вы между прочимъ въ бесѣдахъ съ Бестужевымъ неравнодушно желали русскаго платья?“ А Грибоѣдовъ отвѣчалъ: „Русскаго платья желалъ я потому, что оно красивѣе и покойнѣе фраковъ и мундировъ, а вмѣстѣ съ этимъ полагалъ, что оно бы снова сблизило насъ съ простотою отечественныхъ нравовъ, сердцу моему чрезвычайно любезныхъ“. Выраженіе: „простотою отечественныхъ нравовъ“ совпадаетъ со словами Чацкаго въ ранней редакціи комедіи („Когда воспитанъ кто въ отечественныхъ нравахъ“...). И теперь несомнѣнно, что Грибоѣдовъ заявилъ свои собственныя, завѣтныя мысли, когда вложилъ въ уста своему герою филиппику противъ подражательности въ обычаяхъ и противъ европейской одежды

по шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу:

Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки!..
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ.

Тѣ же сѣтованія на отчужденіе отъ народа привилегированнаго общества Грибоѣдовъ излагаетъ и въ прозаической статьѣ „Загородная поѣздка“ (1826): „Вдругъ послышались намъ звучные, плясовые напѣвы, голоса женскіе и мужскіе, съ того же возвышенія, гдѣ мы прежде были. Родныя пѣсни! Куда занесены вы съ священныхъ береговъ Днѣпра и Волги? Приходимъ назадъ: то мѣсто было уже наполнено бѣлокурыми крестьяночками въ лентахъ и бусахъ; другой хоръ изъ мальчиковъ; мнѣ болѣе всего понравились двухъ изъ нихъ смѣлыя черты и вольныя движенія. Прислонившись къ дереву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самихъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полуевропейцевъ, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли; ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, эти напѣвы для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими! Финны и тунгусы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами, и навѣки! Если бы какимъ-нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ, конечно бы, заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами“.

На ряду съ такимъ пристрастіемъ ко всему старо-русскому: языку, платью, обычаямъ, Грибоѣдовъ нерѣдко проявлялъ нелюбовь къ нѣмцамъ и французамъ. Въ его историческихъ и путевыхъ запискахъ и въ письмахъ разбросано много злыхъ замѣчаній объ иностранцахъ, особенно нѣмцахъ, въ Россіи. И въ „Горѣ отъ ума“ эта вражда къ иностранцамъ сказывается сильно и многократно, не считая знаменитаго монолога о французикѣ изъ Бордо. Въ ранней редакціи комедіи Чацкій говоритъ о „ментерѣ“ своей юности:

Какъ съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы,
Что ничего нѣтъ выше нѣмца.

Тамъ же можно найти ироническій разсказъ Чацкаго Софьѣ о докторѣ Фаціусѣ (потомъ изъятый изъ текста):

Его прилипчивой болѣзнью я пугалъ,
Что будто бы Смоленскъ опустошаетъ.
Мы въ Вязьмѣ съѣхались; вотъ онъ и разсуждаетъ:
Хотѣлось бы въ Бреслау, да врядъ ли попадешь,
Когда на полпути умрешь;
Сюда, назадъ давай Богъ ноги.

Софья:

Смѣялись мы, хоть мнимую чуму
Другой дорогою объѣхать бы ему.

Чацкій:

Какъ будто есть у нѣмца двѣ дороги!

О французѣ, „подбитомъ вѣтеркомъ", первоначально было сказано:

Гильоме, куда глаза ни кинь,
На нашихъ дамъ, госпожъ княгинь,
Подъ пару всѣ ему поддѣлаться успѣли,
Мадамъ достойнѣйшихъ питомицы, мамзели.

Слѣдуетъ отмѣтить, что всѣмъ этимъ заявленіямъ Грибоѣдова и Чацкаго безъ труда можно подыскать параллели въ писаніяхъ шишковистовъ и вообще націоналистовъ александровскаго времени. Такъ, издатель „Русскаго Вѣстника", С. Н. Глинка, приводилъ Китай въ примѣръ неизмѣняемости нравовъ, незыблемости законовъ и гражданскихъ добродѣтелей; при этомъ оказывалось, что „даже и Вольтеръ прославлялъ за сіе китайскую державу". Съ достоинствомъ и сильно писалъ А. С. Шишковъ о національномъ воспитаніи въ знаменитомъ „Разсужденіи о любви къ отечеству". Или вотъ какъ разсуждаетъ Ѳ. П. Львовъ, членъ шишковской „Бесѣды", въ своемъ „Письмѣ русскаго уроженца къ сыну его": „Самъ ты разсуди, не больно ли мнѣ, не больно ли многимъ старикамъ истинно-русскимъ видѣть, что цѣлое сословіе,—и сословіе знаменитое въ государствѣ!—надѣло на себя съ головы до ногъ физическій и нравственный нарядъ иноземный?" „Какъ будто силою какого волшебства они [иностранцы-учителя] заставили насъ забыть языкъ отечественный, посѣяли между нами свои обычаи, переодѣли насъ въ свою одежду, заставили насъ жить по своимъ обрядамъ; понятія наши напоили своими правилами,—словомъ, похитили у насъ всѣ душевныя силы и сдѣлали изъ насъ порабощенныхъ поклонниковъ, не имущихъ ни чувства, ни мысли природной, и наконецъ дошли до того, что

мы не стыдимся презирать народъ съ нами единоземный, народъ, который былъ всегда и великъ и славенъ, а нынѣ новымъ подвигомъ удивляетъ міръ!“

Нельзя было бы, однако, на основаніи такихъ аналогій зачислять Грибоѣдова въ ряды консерваторовъ. Такъ же ошибочно называть его славянофиломъ. Славянофильство, какъ таковое, какъ цѣлостная доктрина сложилось позднѣе. Взгляды Грибоѣдова не базировались на теологической основѣ, столь характерной для славянофиловъ (хотя онъ и былъ искренне религіозенъ). Также нѣтъ у него и намека на пресловутый тезисъ „гніенія Запада“. Въ его путевыхъ замѣткахъ, напротивъ, можно встрѣтить такое характерное замѣчаніе (по поводу невѣроятной лести въ оффиціальныхъ отношеніяхъ въ Персіи): „Въ Европѣ, которую моралисты вѣчно упрекаютъ порчею нравовъ, никто не льститъ такъ безстыдно!“ Взгляды и пристрастія Грибоѣдова лучше охарактеризовать инымъ терминомъ: національнымъ. Черты подобнаго національнизма имѣются и у декабристовъ. Кюхельбекеръ былъ пристрастенъ къ національному костюму и одѣвалъ своего лакея въ русское платье. Александръ Бестужевъ ревностно подыскивалъ русскія слова въ замѣну укоренившихся иностранныхъ и въ своемъ стремленіи къ „народности“ въ литературномъ языкѣ доходилъ до крайностей. Пейзажъ онъ замѣнилъ „видописью“, карнизъ—„прилѣпомъ“, антикварія—„старинаремъ“. Какъ и Грибоѣдовъ, онъ былъ большой любитель русской старины, народной поэзіи, народныхъ вѣрованій, обычаевъ и платья. То же надо сказать и о кн. А. И. Одоевскомъ. По уставу Союза Благоденствія члены „должны были наблюдать за школами, должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя, по возможности, воспитанію заграницей и всякому иностранному вліянію“. Ненависть къ нѣмцамъ также была знакома декабристамъ. Ее отмѣчаетъ біографъ у „перваго декабриста“, В. Ѳ. Раевскаго; И. Д. Якушкинъ утверждаетъ, что Александръ Муравьевъ и его братья „были враги всякой нѣмчизнѣ“. И вмѣстѣ съ тѣмъ декабристы такъ же, какъ Грибоѣдовъ, преклонялись предъ европейской культурой и чуждались мысли о гніеніи Запада.

Таковы главнѣйшія особенности общественныхъ взглядовъ Грибоѣдова—либерализмъ, скептицизмъ и національнизмъ. При всѣхъ разногласіяхъ, онъ ближе всего стоялъ къ группѣ декабристовъ: по общему настроенію, дружескимъ связямъ, многимъ симпатіямъ, теоре-

тическимъ взглядамъ. А его герой, въ уста котораго онъ вложилъ много своихъ завѣтныхъ мыслей, является самымъ яркимъ литературнымъ типомъ передовыхъ людей того времени. Родство Чацкаго съ декабристами мѣтко опредѣлено въ университетскихъ чтеніяхъ знаменитаго московскаго профессора, В. О. Ключевскаго: „Большею частью то были добрые и образованные молодые люди, которые желали быть полезными отечеству, проникнуты были самыми чистыми побужденіями и глубоко возмущались при встрѣчѣ съ каждой, даже съ самой привычной, несправедливостью, на которую равнодушно смотрѣли ихъ отцы. Очень многіе изъ нихъ оставили послѣ себя автобіографическія записки; нѣкоторые вышли даже недурными писателями. На всѣхъ ихъ произведеніяхъ лежитъ особый отпечатокъ, особый колоритъ, такъ что вы, вчитавшись въ нихъ, даже безъ особыхъ біографическихъ справокъ, можете угадать, что новое произведеніе написано декабристомъ. Я не знаю, какъ назвать этотъ колоритъ. Это соединеніе мягкой и ровной, совсѣмъ не рѣжущей, мысли съ задушевнымъ и опрятнымъ чувствомъ, которое чуть окрашено грустью; у нихъ всего меньше соли и желчи ожесточенія; такъ пишутъ хорошо воспитанные молодые люди, въ которыхъ жизнь еще не опустошила юношескихъ надеждъ, въ которыхъ первый пылъ сердца зажгли не думы о личномъ счастьѣ, а стремленіе къ общему добру. Впрочемъ, мнѣ едва ли нужно много говорить объ этомъ тонѣ: мы его хорошо знаемъ по самому серьезному политическому произведенію русской литературы XIX в. Этотъ типъ, какъ живой, стоитъ передъ нами въ неугомонной, негодующей и непобѣдимо бодрой, но при этомъ неустанно мыслящей фигурѣ Чацкаго; декабристъ послужилъ идеаломъ съ котораго списанъ Чацкій“.

Зато и декабристы высоко цѣнили „Горе отъ ума“ и сильно переживали его воздѣйствія. А. П. Бѣляевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „Комедія „Горе отъ ума“ ходила по рукамъ въ рукописи; слова Чацкаго: „всѣ распроданы поодиночкѣ“, приводили въ ярость“. Когда декабристу барону В. И. Штейнгелю пришлось отвѣчать слѣдственной комиссіи, „какія сочиненія наиболѣе способствовали развитію въ немъ либеральныхъ взглядовъ“, онъ указалъ „изъ ненапечатанныхъ“ на Грибоѣдова. Въ запискахъ Завалишина сохранилось еще одно цѣнное сообщеніе. Осенью 1825 года въ средѣ Сѣвернаго общества возникла мысль разослать эмиссаровъ въ провинцію, чтобы изучить на мѣстахъ политическіе

взгляды и настроенія общества. „Съ другой стороны, литературные дѣятели захотѣли воспользоваться предстоящими отпусками офицеровъ для распространенія въ рукописи комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“, не надѣясь никакимъ образомъ на дозволеніе напечатать ее. Нѣсколько дней сряду собирались у Одоевскаго, у котораго жилъ Грибоѣдовъ, чтобы въ нѣсколько рукъ списывать комедію подъ диктовку“.

XII. Литературная дѣятельность Грибоѣдова.

Литературное наслѣдіе Грибоѣдова невелико. Въ спискѣ его трудовъ поэтическихъ произведеній, даже считая всѣ отрывки, плани и проч.—всего не болѣе тридцати. Правда, онъ писалъ сравнительно недолго, съ 1814 по 1828 годъ,—однако, около пятнадцати лѣтъ. Пытались объяснить эту малую производительность тяжелыми условіями личной жизни поэта, напр., его постоянными передвиженіями, но удовлетвориться такимъ объясненіемъ невозможно. Въ тяжелыхъ условіяхъ бывалъ и Пушкинъ, но его творчество не изсякало; и Грибоѣдовъ располагалъ иногда значительными досугами и всѣми внѣшними удобствами для литературныхъ занятій. Очевидно, поэтъ просто былъ непродуктивенъ, по самой организаціи своего таланта. Другая особенность, которая бросается въ глаза,—однородность его творчества. У Грибоѣдова совершенно нѣтъ эпическихъ произведеній. Въ перепискѣ, дневникахъ, записныхъ тетрадяхъ поэта, въ воспоминаніяхъ его друзей,—нигдѣ мы не находимъ и намека на то, что Александръ Сергѣевичъ когда-нибудь собирался написать романъ, повѣсть или разсказъ, хотя, казалось бы, автору „Горя отъ ума“ было что поразсказать о русскомъ обществѣ, московскомъ или петербургскомъ. Александръ Сергѣевичъ зналъ превосходно Кавказъ, но никогда не попробовалъ своего пера въ разсказѣ о кавказской жизни, тогда какъ А. А. Бестужевъ прославился своими кавказскими повѣстями. Не менѣе доступны были Грибоѣдову другіе повѣствовательные сюжеты— историческіе. Онъ прекрасно зналъ русскую исторію, а публика тогда увлекалась романами въ стилѣ Вальтеръ-Скотта. Но поэтъ и здѣсь остался безмолвенъ, предоставивъ успѣхи Бестужеву, потомъ Загоскину. Въ лирикѣ и антологіи Грибоѣдовъ оставилъ нѣсколько опытовъ; ихъ, однако, очень

мало: нѣсколько эпиграммъ, два-три романса и еще съ десятокъ лирическихъ пьесъ, переложеній, переводовъ. Изъ нихъ только три стихотворенія значительны по содержанію и хранятъ въ себѣ отзвуки горячихъ порывовъ: „Телешовой“, „Освобожденный“ и „Посланіе кн. А. И. Одоевскому“. Остальные холодны и заурядны. А мы, вѣдь, знаемъ Грибоѣдова какъ человѣка съ горячимъ сердцемъ и страстнымъ темпераментомъ. Біографическое преданіе смутно упоминаетъ, что въ студенческіе годы Александръ Сергѣевичъ писалъ сатиры. Онѣ, однако, не дошли до насъ, и въ позднѣйшее время поэтъ не создалъ ничего въ этомъ жанрѣ, какъ это ни странно для автора сатирической комедіи.

Итакъ, въ наслѣдіи Грибоѣдова нѣтъ ни эпоса, ни лирики. Онъ былъ рожденъ драматургомъ и только драматургомъ. Но и здѣсь приходится указать оригинальную черту. Бываютъ писатели, которые создаютъ цѣлый кругъ пьесъ, болѣе или менѣе равноцѣнныхъ, и которыхъ мы цѣнимъ во всей совокупности ихъ сценическихъ замысловъ; таковъ, напримѣръ, нашъ Островскій. Но не таковъ Грибоѣдовъ. Нельзя говорить о „театрѣ“ Грибоѣдова, какъ говорятъ о театрѣ Шекспира, Мольера или Кальдерона. Имя его на вѣки связано только съ однимъ произведеніемъ. Нѣкогда, при жизни поэта, его друзья и безчисленные почитатели, пораженные красотою „Горя отъ ума“, невольно ожидали отъ него новыхъ поэтическихъ откровеній. И самъ Грибоѣдовъ былъ полонъ замысловъ и надеждъ и даже склоненъ былъ уменьшать значеніе своей комедіи, разсматривая ее только какъ промежуточный gradus ad Parnassum. Пріятели готовы были рукоплескать каждому его новому опыту. Когда Грибоѣдовъ въ 1828 году привезъ въ Петербургъ и читалъ въ литературныхъ кружкахъ отрывки изъ „Грузинской Ночи“, то Н. И. Гречъ заявлялъ: „Грибоѣдовъ только попробовалъ перо на комедіи „Горе отъ ума“. Онъ займетъ такую степень въ литературѣ, до которой еще никто не приближался у насъ“. А Н. М. Языковъ изъ Дерпта спѣшилъ сообщить брату Александру: „Булгаринъ говоритъ, что Грибоѣдовъ написалъ трагедію, какой не бывало подъ солнцемъ“. Однако, такую оцѣнку нельзя не признать крайне преувеличенной. Ни одно изъ произведеній Грибоѣдова не можетъ сравниться хоть сколько нибудь съ „Горемъ отъ ума“. И самъ взыскательный художникъ, закончивъ комедію, начиналъ тревожиться за свое дарованіе, такъ какъ новые творческіе порывы не приходили, и что потомъ писалось—бывало невысокаго достоинства. Не

только не было новыхъ глубокихъ и яркихъ идей и образовъ, но и внѣшняя форма и языкъ произведеній Грибоѣдова послѣ „Горя отъ ума“ сразу и сильно понижаются. Очевидно, все свое поэтическое богатство онъ вложилъ въ славную комедію.

Итакъ, Грибоѣдовъ былъ литературный однодумъ, homo unius libri. Исторія міровой литературы знаетъ не мало такихъ примѣровъ: „Божественная Комедія“ Данте, „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса, „Робинзонъ Крузо“ Де-Фо, „Хижина дяди Тома“ Бичеръ-Стоу. Кромѣ своихъ прославленныхъ произведеній названные авторы написали не мало и другихъ, но въ памяти потомства сохранилось отъ нихъ только по одному главнѣйшему труду. Таковъ и Грибоѣдовъ. Его немногосложная литературная дѣятельность до и послѣ „Горя отъ ума“ не имѣетъ самостоятельной художественной цѣнности, и мы изучаемъ ее, чтобы лучше понять и оцѣнить великую комедію. Зато весьма поучительно наблюдать ростъ художественнаго творчества Грибоѣдова, выработку его поэтическаго стиля, сценическихъ формъ и художественныхъ образовъ — сначала въ раннихъ произведеніяхъ, потомъ и въ длительномъ процессѣ созиданія „Горя отъ ума“. При всемъ качественномъ различіи раннихъ пьесъ и славной комедіи между ними есть тѣсная связь: въ „Горѣ отъ ума“ остались реflексы прежней литературной манеры, а въ раннихъ пьесахъ замѣтны проблески характерныхъ художественныхъ особенностей комедіи.

Эту связь можно прослѣдить, прежде всего, въ языкѣ и слогѣ грибоѣдовскихъ пьесъ. Высокія достоинства языка, какимъ написано „Горе отъ ума“, были оцѣнены еще Пушкинымъ въ моментъ появленія списковъ комедіи; вскорѣ, еще при жизни Грибоѣдова, русская литературная и живая рѣчь стала овладѣвать этими богатствами. Но силу, яркость и изобразительность рѣчи Грибоѣдовъ пріобрѣлъ не сразу. Онъ долженъ былъ много работать, чтобы въ его стихахъ было „все гладко, какъ стекло“. Грибоѣдовъ избѣгалъ прозаической рѣчи и свои пьесы предпочиталъ писать стихами. Между тѣмъ, рѣѳма и ритмъ давались ему съ большимъ трудомъ. Въ его стихахъ размѣры однообразны: все двухсложныя стопы, чаще всего ямбъ — не только въ драматическихъ произведеніяхъ, гдѣ „шестоногій ямбъ“ считался тогда обязательнымъ, но и въ лирическихъ пьесахъ. Рѣѳмы часто скудны и искусственны; поэтъ злоупотреблялъ въ нихъ собственными именами и причастными формами. Нерѣдко чувствуется, что рѣѳма порабощала себѣ всю фразу, въ ущербъ содержанію. Мы помнимъ, какъ

раздражили Грибоѣдова замѣчанія Загоскина о неудачныхъ стихахъ въ первой напечатанной его пьесѣ—„Молодыхъ Супругахъ". Но тамъ, дѣйствительно, было много промаховъ, и Загоскинъ указалъ далеко не всѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Ахъ! убѣгая разъ она домашней сѣни,
Тобою занята гораздо будетъ менѣй.

* * *

Внезапно кротость та пожертвована вздору.

* * *

Любить веселье мнѣ подобно всѣмъ прилично.

* * *

А вы надѣлайте, Сафиръ, ему разсказы.

* * *

Мной чувства жалости совсѣмъ отдалены.

* * *

Онъ вовсе дѣйствовалъ тѣмъ чувствамъ вопреки,
Являлъ которыя, искавъ моей руки.

А вотъ образчики рѣѳмъ: домашне—всегдашне; навѣянъ—магазейнъ. Подобные недостатки стиха и языка обильны и въ другихъ произведеніяхъ, близкихъ по времени къ „Молодымъ Супругамъ", каковы: „Отъ Аполлона" (1815), „Лубочный Театръ" (1817), „Своя Семья" (1817), „Притворная Невѣрность" (1818). Въ „Своей Семьѣ" читаемъ:

Не знаю, между ихъ какъ случай связь составилъ.

Въ „Притворной Невѣрности":

А сверхъ того, еще вотъ вѣры я какой,
Что въ добродѣтеляхъ намъ должно брать уроки.

* * *

Зато же сыщите вы гдѣ меня другова?

Языкъ „Горя отъ ума", по сравненію съ названными пьесами, ярко выдѣляется своими достоинствами. Чувствуется, что поэтъ много работалъ надъ техникой стиха. Самъ онъ сообщаетъ объ одномъ изъ моментовъ этой неустанной работы Бѣгичеву (августъ 1824): „Прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься; онъ такъ несовершенъ, такъ нечистъ; представь себѣ, что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ или, лучше сказать, рѳмъ перемѣнилъ, теперь гладко какъ стекло". Но даже и въ

позднѣйшей редакціи „Горя отъ ума“ остались нѣкоторыя неисправности, живо напоминающія ранніе пьесы. Такъ, Лиза говоритъ:

У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь.

Софья:

Чѣмъ поводъ подала тебѣ я къ хохоту такому?

* * *

Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!

Разумѣется, въ „Горѣ отъ ума“ такихъ неудачныхъ стиховъ несравненно меньше. Рѣчь пріобрѣтаетъ здѣсь такую гибкость, яркость и характерность, какихъ нѣтъ въ раннихъ пьесахъ. Но замѣчательно, что въ позднѣйшихъ произведеніяхъ мы наблюдаемъ опять пониженіе достоинствъ стиха и рѳмы. Вотъ строки изъ стихотворенія, посвященнаго Телешовой и продиктованнаго искреннимъ чувствомъ:

Небрежно спущенной покровъ,
Какъ будто влаги обліянье;
Прерывно персей волнованье,
И томной думы полонъ взоръ:
Созданье выспренняго міра
Скользитъ, какъ по зыбямъ эфира
Несется легкій метеоръ.

Кромѣ эфира и метеора въ стихотвореніи имѣются еще Эдемъ, Хариты, Пери, Эльфъ, а также стихи:

Ахъ! этихъ игръ, утѣхъ, искусствъ
Одинъ ли не признаетъ власти!

* * *

Изнеможенный онъ въ борьбѣ
До капли въ душу влилъ отраву...

Въ 1825 году, когда „Горе отъ ума“ было уже извѣстно широкому кругу читателей, Грибоѣдовымъ написаны „Хищники на Чегемѣ“, гдѣ находимъ такіе стихи:

На угонъ коней табунныхъ,
На овецъ золоторунныхъ,
Гдѣ витаютъ вепрь и волкъ,
Нашъ залегъ отважный полкъ.
Загарайся, древній лѣсъ!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ,
И по ряду, дѣлежомъ
Дѣлимъ взятое ножомъ.

Еще позднѣе въ отрывкахъ трагедіи „Грузинская Ночь“ читаемъ:

А ты? Ты совѣсти и Богу вопреки,
Полсердца вырвалъ изъ утробы!

* * *

Когда же бъ искупить ты могъ его изъ плѣна,
На чей бы гнѣвъ суровый не посмѣлъ?

* * *

И не терзай мнѣ жалобами слуха,
Безвременъ кому твой вопль и стонъ, и ревъ.

Однако, было бы несправедливо видѣть въ языкѣ раннихъ пьесъ Грибоѣдова одни недостатки. Въ нихъ уже замѣтны задатки будущихъ удивительныхъ богатствъ языка великой комедіи. Двѣ особенности создаютъ высокое достоинство слога „Горя отъ ума“: живой, народный и разговорный языкъ и энергичный афористическій характеръ реченій. Но эти же достоинства наблюдаются—конечно, въ меньшей мѣрѣ—и въ раннихъ пьесахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ „Молодыхъ Супруговъ“: „ему ничто не въ прокъ“; „не знаю, въ чемъ ужо̀ на балѣ быть“; „чѣмъ Богъ послалъ“; „съ сердцовъ“. Въ „Своей Семьѣ“ особенно замѣтно пробивается живая рѣчь сквозь тяжеловѣсныя формы шестистопнаго ямба. Встрѣчаются и мѣткіе афоризмы въ раннихъ пьесахъ, и если бы онѣ были болѣе извѣстны, наша рѣчь обогатилась бы еще нѣсколькими крылатыми изреченіями Грибоѣдова. Въ „Молодыхъ Супругахъ“ Аристъ говоритъ:

У насъ съ Эльмирою эмблемой приняты
Не розаны, мой другъ, а маковы цвѣты.

Тамъ же Сафиръ замѣчаетъ: „гдѣ нѣтъ взаимности, рождается остуда“, и еще:

По милости жены
Не первый попадетъ въ число онъ сумасшедшихъ.

* * *

Что хочетъ женщина, то сбудется всегда.

Характерно: тамъ, гдѣ въ пьесахъ Грибоѣдова содержаніе становится значительнѣе, тамъ и языкъ быстро крѣпнетъ и загорается блескомъ. Въ этомъ отношеніи очень показательны написанныя имъ сцены въ комедіи „Своя Семья“.

Но прежде чѣмъ перейдемъ къ разбору идейнаго содержанія пьесъ Грибоѣдова, слѣдуетъ коснуться ихъ художественныхъ формъ.

Какъ мы знаемъ, Грибоѣдовъ былъ тѣсно связанъ съ театральной средой александровскаго времени. Онъ былъ близкимъ наблю-

дателемъ и участникомъ въ тогдашнемъ театральномъ движеніи и въ своихъ произведеніяхъ довольно полно отразилъ современные вкусы и пріемы. Большинство его театральныхъ пьесъ написано „на случай“ и на-спѣхъ—для бенефисовъ, главнымъ образомъ, и по рецепту Репетилова:

Я, когда умишкомъ понатужась,
Засяду—часу не сижу
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ.

Самъ Грибоѣдовъ не придавалъ этимъ своимъ работамъ большого значенія. Достаточно бѣглаго пересмотра, чтобъ усвоить манеру, въ какой онѣ написаны. Здѣсь есть неизбѣжныя передѣлки съ французскаго: „Молодые Супруги“, „Притворная Невѣрность“. Есть работы въ складчину, вдвоемъ, даже втроемъ („Своя Семья“). Чрезвычайно характерны имена дѣйствующихъ лицъ: Аристъ, Эльмира, Аглая, Сафиръ, Полюбинъ, Любимъ, Элединa, актеры Аллегринъ, Рѣзвушковъ, Припрыжкинъ, Свисталова, Бемольская, и т. д. Не менѣе характерно сценическое построеніе грибоѣдовскихъ пьесъ. Вотъ, напримѣръ, какова „интрига“ въ операѣ-водевилѣ „Кто братъ, кто сестра, или обманъ за обманомъ“. Гусарскій офицеръ Рославлевъ женится, противъ воли старшаго брата, на полькѣ и ѣдетъ съ женою въ Варшаву, чтобы какъ нибудь „переупрямить“ брата и „довести его до согласія“. Остановившись проѣздомъ на почтовой станціи, молодые узнаютъ, что сейчасъ сюда будетъ Рославлевъ старшій, который спѣшитъ въ Петербургъ, чтобы помѣшать браку, такъ какъ самъ онъ съ недавняго времени сталъ ненавистникомъ женщинъ, особенно полекъ. Встрѣча съ нимъ совершенно внезапна для новобрачныхъ, но случается какъ-то такъ, что у нихъ немедленно оказывается готовымъ планъ сложной интриги. Юлія, жена Рославлева-младшаго, то переодѣвается офицеромъ и представляется Рославлеву-старшему такимъ же мизогиномъ, какъ и онъ самъ, причемъ, однако, расхваливаетъ свою сестру, которая будто-бы, ѣдетъ съ нимъ же; то является, переодѣвшись вновь, въ роли этой сестры и кружитъ голову Рославлеву-старшему своей красотой. Мужа она переодѣваетъ больнымъ-паралитикомъ, за которымъ, якобы, ухаживаетъ, плѣняя Рославлева-

старшаго еще и своею добротой. Пылкій мизогинъ влюбляется въ нее, въ чемъ признается ея „брату“, т. е. ей же. Юлія срываетъ съ себя мужской костюмъ и начинаетъ новую мистификацію: будто бы она была влюблена въ Рославлева-старшаго еще въ Варшавѣ, но не была имъ замѣчена, а сюда явилась, чтобы только видѣть его и поговорить съ нимъ подъ чужимъ именемъ. Рославлевъ-старшій бросается передъ ней на колѣна, мнимый паралитикъ-братъ вскакиваетъ съ колясочки и раскрываетъ обманъ къ общему удовольствію.

Въ комедіи „Студентъ“ Полюбинъ притворяется почитателемъ самодура-барина Звѣздова, чтобы вынудить у него согласіе на бракъ свой съ Варинькой; студентъ Беневольскій принимаетъ жену Звѣздова за свою невѣсту Варвару и объясняется ей въ любви, а Варвару — за горничную и, къ удовольствію райка, переодѣвается на улицѣ; а мѣшающій всѣмъ Звѣздовъ неожиданно для себя и для всѣхъ уѣзжаетъ въ деревню. Таково же построеніе и другихъ пьесъ Грибоѣдова. Шаржъ, мистификаціи, переодѣванье, мало вѣроятныя qui pro quo, всякія неожиданности, приключенія — вотъ обычныя пружины сценическаго дѣйствія въ нихъ, какъ и вообще въ тогдашнихъ пьесахъ, переводныхъ и оригинальныхъ.

Рефлексы условной манеры легкой комедіи и водевиля наблюдаются и въ высокой комедіи—„Горе отъ ума“. Типичны уже одни имена дѣйствующихъ лицъ: Фамусовъ, Молчалинъ, Репетиловъ, Скалозубъ, Хлестова, Тугоуховскій и другія. Роль Лизы безнадежно испорчена выходками французской субретки. Въ рѣчахъ другихъ дѣйствующихъ лицъ много буффонадъ, разсчитанныхъ на смѣхъ невзыскательныхъ зрителей. Отвѣтъ Скалозуба на вопросъ: „какъ вамъ доводится Настасья Николавна?“—явная карикатура:

Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Невѣроятно, чтобы Фамусовъ въ похвалу московскому обществу говорилъ:

Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ—
Для насъ равнехонько — про всѣхъ готовъ обѣдъ.

На дешевый эффектъ разсчитанъ разговоръ глухой графини, бабушки съ Загорѣцкимъ и княземъ Тугоуховскимъ о Чацкомъ, какъ и паденіе Репетилова при входѣ.

Каково содержаніе раннихъ пьесъ Грибоѣдова? Въ сравненіи съ великимъ богатствомъ образовъ и идей „Горя отъ ума“ содержаніе ихъ очень скудно. Въ строгомъ смыслѣ въ нихъ нѣтъ ни типовъ, ни сколько-нибудь значительныхъ мыслей. Писанныя на случай и въ тотъ періодъ жизни Грибоѣдова, когда онъ велъ разсѣянную свѣтскую жизнь, ранніе пьесы отражаютъ въ себѣ безпечную веселость и „гусарскую философію“ автора. Вотъ двѣ-три черточки такого настроенія. Въ „Молодыхъ Супругахъ“ Аристъ философствуетъ:

Въ нашъ вѣкъ степенница по свадьбѣ черезъ годъ
Беретъ любовника. Единообразье скушно,
И мужъ на то глядѣть обязанъ равнодушно.
Все это сбыточно, все это быть должно.
Со мною какъ съ другимъ—такъ разъ заведено.

Въ „Студентѣ“ Беневольскій перечисляетъ Полюбину всѣ юридическія науки, которыя проходилъ въ университетѣ. Полюбинъ, на сторонѣ котораго авторскія сочувствія, прерываетъ его пренебрежительной фразой: „Право, не надобно столько правъ, ни столько политики: я, какъ видите, ничего этого не проходилъ, а статскій совѣтникъ“. Когда Полюбинъ собирается вызвать на дуэль Беневольскаго, гусаръ Саблинъ возмущенъ мыслью драться дворянину со студентомъ: „Развѣ тебѣ честь будетъ убить студента?“

Но все же ранніе пьесы Грибоѣдова хранятъ въ себѣ рудименты нѣкоторыхъ художественныхъ образовъ, мыслей, характеровъ и бытовыхъ сценъ, которые блестяще разработаны въ „Горѣ отъ ума“. Особенно близко напоминаетъ великую комедію типъ провинціальной барыни Мавры Савишны въ „Своей Семьѣ“. „Сварливая, крикуша и скупая и тѣмъ упрямѣе, что денегъ тьма у ней“, Мавра Савишна является прототипомъ старухи Хлёстовой—и по своей роли въ пьесѣ, и по характеру, и по манерѣ говорить, словомъ по всей бытовой обрисовкѣ. Даже отдѣльныя фразы Мавры Савишны живо напоминаютъ Хлёстову: „Смерть жалко! хоть кого испортитъ жизнь такая“ („А Чацкаго мнѣ жаль. По-христіански, такъ онъ жалости достоинъ“); „Сестра безъ проводовъ! Останься, не ходи!“ („Не нужны проводы, поди, Господь съ тобой“). Имѣются намеки и на Чацкаго, т. е. на его характеръ, особенности рѣчи, нѣкоторыя сценическія ситуаціи. Въ „Молодыхъ Супругахъ“ (явленіе седьмое) Аристъ очень напоминаетъ пораженнаго красотою Софьи Чацкаго (девятое явленіе I дѣйствія). Любуясь нарядной женой и неожиданно вновь увлекаясь ею, Аристъ

не слушаетъ уже, что ему говоритъ Сафиръ, и думаетъ вслухъ, какъ Чацкій:

Какъ мила! Какъ хорошо одѣта!—
Жива, ловка, умна!..

Знаменитый монологъ Чацкаго: „А судьи кто?“ близко напоминаетъ тономъ и композиціей монологъ Рославлева въ „Притворной Невѣрности“:

Ленскій.

Всѣмъ кажется, что ты брюзгливъ и своенравенъ!
И нѣжностью смѣшенъ и ревностью забавенъ;
А въ свѣтѣ толковать о странностяхъ другихъ,
Вездѣ охотники.

Рославлевъ.

Кто жъ говоритъ объ нихъ?
Прелестницы, съ толпой вздыхателей послушныхъ;
И общество мужей, къ измѣнѣ равнодушныхъ;
И тѣ любезники, которыхъ нынче тьма:
Безъ правилъ, безъ стыда, безъ чувствъ и безъ ума,
И въ дружбѣ и въ любви равно непостоянны.
Вотъ люди!.. и для нихъ мои поступки странны,
Я не похожъ на нихъ, такъ чуденъ всѣмъ кажусь.
Да, я пустыхъ людей насмѣшками горжусь;
А ты бъ, я чай, хотѣлъ, чтобъ я имъ былъ угоднымъ,
Чтобъ также слѣдовалъ сужденьямъ новомоднымъ,
И передѣлался на ихъ бы образецъ;
Или на твой;—вѣдь ты таковъ же наконецъ!

Обозрѣвая литературныя произведенія Грибоѣдова до „Горя отъ ума“, мы указывали на двоякую ихъ связь съ его величайшимъ произведеніемъ. Они были подготовительными опытами, на которыхъ вырабатывалась художественная рѣчь и манера творца великой комедіи. Но „Горе отъ ума“ имѣло еще свою особенную исторію. Оно принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній міровой литературы, которыя создавались цѣною многолѣтнихъ трудовъ и исканій,—какъ „Фаустъ“ Гёте или въ нашей родной литературѣ „Евгеній Онѣгинъ“ и „Демонъ“. Первыя упоминанія о комедіи относятся къ студенческимъ годамъ Грибоѣдова. Товарищъ его по университету, В. В. Шнейдеръ, сообщаетъ, что въ началѣ 1812 года Александръ Сергѣевичъ прочелъ ему и Іону „отрывокъ изъ комедіи, имъ задуманной: это были начатки Горя отъ ума“. С. Н. Бѣгичевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „извѣстно мнѣ, что планъ этой комедіи былъ у него сдѣланъ еще въ Петербургѣ 1816 года, и даже написаны были нѣсколько сценъ; но не знаю, въ Персіи или Грузіи Грибоѣдовъ во многомъ измѣнилъ

его и уничтожилъ нѣкоторыя дѣйствующія лица, а между прочимъ жену Фамусова, сентиментальную модницу и аристократку московскую (тогда еще поддѣльная чувствительность была нѣсколько въ ходу у московскихъ дамъ) и вмѣстѣ съ этимъ выкинуты и написанныя уже сцены". Еще позднѣе о подготовительныхъ этюдахъ „Горя отъ ума" читаемъ въ воспоминаніяхъ князя Д. О. Бебутова; около половины декабря 1819 года онъ встрѣтился съ Грибоѣдовымъ въ Моздокѣ, оттуда до Тифлиса они ѣхали вмѣстѣ и коротко познакомились; „онъ мнѣ читалъ, говоритъ кн. Бебутовъ, много своихъ стиховъ, въ томъ числѣ, между прочимъ, и изъ „Горя отъ ума", которое тогда у него еще было въ проектѣ". Самъ Грибоѣдовъ въ письмѣ изъ Тавриза отъ 27 ноября 1820 года къ неизвѣстному (письмо это намъ уже знакомо) разсказываетъ о клятвенномъ обѣщаніи, даномъ ему во снѣ, написать „черезъ годъ непремѣнно" какое-то произведеніе, надо догадываться—именно „Горе отъ ума". Кажется, къ этому эпизоду относится и разсказъ Ѳ. В. Булгарина, датированный, однако, 1821 годомъ: „Будучи въ Персіи, въ 1821 году, Грибоѣдовъ мечталъ о Петербургѣ, о Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ, знакомыхъ, о театрѣ, который онъ любилъ страстно, и объ артистахъ. Онъ легъ спать въ кіоскѣ, въ саду, и видѣлъ сонъ, представившій ему любезное отчество, со всѣмъ, что осталось въ немъ милаго для сердца. Ему снилось, что онъ въ кругу друзей разсказываетъ о планѣ комедіи, будто имъ написанной, и даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ оной. Пробудившись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ, бѣжитъ въ садъ, и въ ту же ночь начертываетъ планъ Горе отъ ума, и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта". Всѣ эти показанія, неполныя и, неточныя, не даютъ намъ яснаго представленія о ходѣ творческихъ работъ Грибоѣдова. Рукописной традиціи отъ этихъ первыхъ опытовъ совершенно не сохранилось. Всего вѣроятнѣе, это были наброски сценарія и отдѣльныхъ явленій, и, быть можетъ, поэтъ и самъ тогда „черезъ магическій кристаллъ еще неясно различалъ" все содержаніе пьесы.

Когда изъ Персіи Грибоѣдовъ переселился въ Тифлисъ и здѣсь встрѣчался (съ декабря 1821 до мая 1822) съ В. К. Кюхельбекеромъ, онъ читалъ своему пріятелю каждую вновь написанную сцену. Но опять неизвѣстны подробности этихъ чтеній. Болѣе точныя свѣдѣнія мы имѣемъ о дальнѣйшемъ развитіи пьесы—со словъ С. Н. Бѣгичева. Онъ положительно утверждаетъ, что въ Москву, въ мартѣ 1823 года, Грибоѣдовъ привезъ готовыми только два первыхъ дѣй-

ствія. Редакція перваго акта, не понравившаяся Бѣгичеву, была сожжена, и черезъ недѣлю актъ былъ вновь готовъ. Лѣтомъ 1823 года, въ имѣніи Бѣгичева Дмитріевскомъ, были написаны третій и четвертый акты, и, такимъ образомъ, корпусъ пьесы былъ вчернѣ законченъ. Но предстояли еще внутреннія перестройки. Осень, зиму и весну 1823—1824 г. г. Грибоѣдовъ провелъ въ Москвѣ, занимаясь обработкой текста. Уѣзжая въ Петербургъ, онъ оставилъ Бѣгичеву свой „манускриптъ“ по которому читалъ пьесу въ литературныхъ кружкахъ Москвы. Эта драгоцѣнная рукопись „Горя отъ ума“, почти вся писанная рукою автора, сохранилась до нашего времени и находится теперь въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ; мы называемъ ее „Музейнымъ автографомъ“. На переѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ поэта осѣнило вдохновеніе, и онъ создалъ сцену объясненія Молчалина съ Лизой въ четвертомъ актѣ. Немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ Грибоѣдовъ закрѣпилъ новый фрагментъ на бумагѣ и въ прежнемъ текстѣ переработалъ около 80 стиховъ. Собственная рукопись поэта, свидѣтельствуетъ А. А. Жандръ, послѣ этого „представляла изъ себя такіе ужасные брульоны, что разобрать было невозможно. Видя, что геніальнѣйшее созданіе чуть не гибнетъ, я у него выпросилъ его полулисты. Онъ ихъ отдалъ съ совершенной безпечностью. У меня была подъ руками цѣлая канцелярія; она списала „Горе отъ ума“ и обогатилась, потому что требовали множество списковъ. Главный списокъ, поправленный рукою самого Грибоѣдова, находится у меня“. Этотъ текстъ 1824 года, такъ называемая „Жандровская рукопись“, также бережется теперь въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ; въ немъ нѣсколько страницъ переписаны самимъ Грибоѣдовымъ, остальной текстъ имъ же внимательно выправленъ. Зато, „ужасные брульоны“, дорогіе для насъ, безслѣдно исчезли. Въ альманахѣ „Русская Талія“ на 1825 годъ Александръ Сергѣевичъ обнародовалъ отрывки перваго дѣйствія и весь третій актъ,— и это все, что удалось напечатать при жизни автора. Цензура запретила отдѣльное изданіе комедіи и ея сценическую постановку. Отчаявшись самъ добиться разрѣшенія, Грибоѣдовъ поручилъ это дѣло Булгарину и предъ послѣднимъ отъѣздомъ на Востокъ оставилъ ему списокъ „Горя отъ ума“, на которомъ сдѣлалъ собственноручную надпись: „Горе мое поручаю Булгарину. Вѣрный другъ Грибоѣдовъ. 5 іюня 1828“. И эта рукопись уцѣлѣла и хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Она вся писана рукою переписчика и очень безграмотно; только изрѣдка встрѣчаются поправки, большею

частью буквенныя, рукою Грибоѣдова. Это уменьшаетъ ея цѣну; но съ другой стороны, „Булгаринскій списокъ“ есть самый поздній изъ всѣхъ текстовъ комедіи, авторизованныхъ Грибоѣдовымъ и дошедшихъ до насъ. Несомнѣнно, самъ поэтъ увезъ съ собою въ Персію рукопись „Горя отъ ума“, и она была бы для насъ наиболѣе важной, но и она погибла. Біографическое преданіе разсказываетъ еще о нѣсколькихъ спискахъ комедіи, принадлежавшихъ знакомымъ и роднымъ Грибоѣдова и исправленныхъ рукою автора; они также исчезли.

Такова внѣшняя судьба рукописнаго текста великаго произведенія. Мы видимъ, передъ нами всего нѣсколько звеньевъ разорванной цѣпи. Однако и теперь мы можемъ возсоздать въ главныхъ чертахъ внутренній ростъ славной комедіи.

До насъ дошелъ драгоцѣнный документъ: черновой набросокъ Грибоѣдова объ изначальномъ замыслѣ „Горя отъ ума“. Къ величайшему сожалѣнію, это только набросокъ, скупой на слова и богатый недомолвками. Но и въ такомъ видѣ онъ показываетъ, что текстъ „Горя отъ ума“, которымъ мы теперь пользуемся, далеко не соотвѣтствуетъ смѣлымъ замысламъ поэта. „Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было“. Что Грибоѣдовъ „портилъ свое созданіе“, по цензурнымъ и сценическимъ соображеніямъ, объ этомъ мы хорошо знаемъ. Но въ чемъ „первое начертаніе“ пьесы было „великолѣпнѣе“ и „высшаго значенія“, объ этомъ можно только догадываться. Самъ Грибоѣдовъ называетъ свое твореніе въ его первоначальномъ замыслѣ, „сценической поэмой“. И надо думать, авторъ хотѣлъ, не заботясь о техническихъ требованіяхъ сцены, воспользоваться широкими рамками поэмы, или комедіи для чтенія, чтобы вложить въ нихъ содержаніе еще болѣе богатое и углубленное, чѣмъ въ „Горѣ отъ ума“. Но какое? Музейный автографъ былъ озаглавленъ такъ: „Горе уму“ (затѣмъ самимъ Грибоѣдовымъ передѣлано въ „Горе отъ ума“). И если въ позднѣйшемъ „Горѣ отъ ума“ основной темой является столкновеніе между умнымъ, благороднымъ и отзывчивымъ Чацкимъ, представителемъ передовой интеллигенціи двадцатыхъ годовъ, и отсталымъ, своекорыстнымъ обществомъ, „фамусовскою Москвою“,—то въ изначальномъ

„Горѣ уму", надо думать, предполагалось расширить и углубить смыслъ этого конфликта, придавъ ему не мѣстный, бытовой и временный только, но болѣе общій, быть можетъ даже—философскій характеръ. „Горе отъ ума" въ своей конечной формѣ оказалось яркой бытовой картиной и смѣлой общественной сатирой. Подробности обстановки русскаго общественнаго быта, типы, характеры, вкусы и настроенія „грибоѣдовской Москвы", затѣмъ обличеніе недостатковъ, предразсудковъ и уродливостей этой жизни занимаютъ слишкомъ много мѣста въ пьесѣ, въ ея „суетномъ нарядѣ" позднѣйшаго времени. И хотя „Горе отъ ума" даетъ, какъ и всякое истинно-художественное произведеніе, достаточно матеріала для обобщеній, но въ самомъ содержаніи великой комедіи элементы бытовой и общественный заглушаютъ психологическое содержаніе, а философскимъ темамъ, мотивамъ „міровой скорби" и совсѣмъ не осталось мѣста. Возможно, что первоначальное „Горе уму" включило бы и эти элементы. Въ томъ же черновомъ наброскѣ Грибоѣдовъ говоритъ: „сколько привычекъ и условій, ни мало не связанныхъ съ эстетическою частью творенія,—однако надобно съ ними сообразоваться. Суетное желаніе рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка послѣ каждыхъ трехъ-четырехъ сотъ стиховъ; необходимость побѣгать по корридорамъ, душу отвести въ поучительныхъ разговорахъ о дождѣ и снѣгѣ,—и всѣ движутся, входятъ и выходятъ, и встаютъ и садятся. Всѣ таковы, и я самъ таковъ, и вотъ что называется публикой! Есть родъ познанія (которымъ многіе кичатся)—искусство угождать ей, то-есть, дѣлать глупости"... И все же—„ребяческое удовольствіе слышать стихи свои въ театрѣ" заставили поэта „портить свое созданіе, сколько можно было". Сюда присоединились еще цензурныя принужденія, и, въ результатѣ, первыя начертанія величавой сценической поэмы остались неосуществленными.

Но и въ тѣхъ предѣлахъ, какими теперь ограничено „Горе отъ ума", творческая мысль поэта испытала не мало колебаній и перевоплощеній. Познакомиться съ ними важно потому, что это вводитъ въ самый процессъ художническаго труда и глубже раскрываетъ идейные замыслы творенія. Какъ мы теперь знаемъ, до нашего времени сберегліись три разновременныя редакціи „Горя отъ ума": Музейный автографъ 1823 г., Жандровская рукопись 1824 г. и Булгаринскій списокъ 1828 года. За эти пять лѣтъ въ текстѣ комедіи было сдѣлано очень много исправленій, отмѣнъ и дополненій. Одинъ

изъ знатоковъ Грибоѣдова, покойный Д. А. Смирновъ, сравнивая Музейный автографъ съ позднѣйшимъ текстомъ, установилъ 117 варіантовъ. Ихъ было, въ дѣйствительности, гораздо больше, но и цифра Смирнова краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, сколько неутомимаго, любовнаго труда вложилъ Грибоѣдовъ въ свое созданіе. Выше было указано, какъ трудно давалась Грибоѣдову стихотворная рѣчь въ его раннихъ пьесахъ. Въ разновременныхъ текстахъ „Горя отъ ума“ эта борьба, упрямая и счастливая, съ трудностями языка и слога, представлена очень ярко. Въ самомъ раннемъ изъ нихъ — музейномъ автографѣ — масса неудачныхъ, тяжелыхъ оборотовъ: устарѣлыхъ словъ, искусственныхъ риѳмъ, просодическихъ неловкостей.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ отвѣтъ на разспросы Чацкаго (I д., явл. 7-е) Софья, въ музейной редакціи отвѣчала:

Какъ не смутиться мнѣ? Отъ васъ нѣтъ обороны,
Вы обзираете меня со всѣхъ сторонъ.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ, задавая Чацкому ироническій вопросъ: „случалось ли, чтобъ вы смѣясь или въ печали, добро о комъ нибудь сказали?“, Софья добавляла:

Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть,
Когда пора была безвреднѣйшимъ забавамъ?

Въ позднѣйшей редакціи этотъ громоздкій, шероховатый стихъ исчезъ, а вмѣсто него вставлена изящная фраза, переданная Чацкому и ставшая потомъ пословичной: „Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?“

Упрекая Софью за увлеченіе Молчалинымъ, Чацкій, по музейной редакціи, говоритъ: „Не на его душѣ, весь грѣхъ на вашей шеѣ“, и этотъ странный стихъ (притомъ еще риѳмовавшій съ „умнѣе“) былъ замѣненъ. Что касается риѳмъ и размѣра, то и въ этомъ отношеніи можно указать цѣлый рядъ передѣлокъ. Вотъ Фамусовъ съ восторгомъ разсказываетъ, въ ранней редакціи, про московскихъ отставныхъ „старичковъ“:

Спаси насъ Боже отъ крамо̄лъ, но̆
Когда къ словцу, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ, и... полно.

Риѳмы и размѣръ были такъ искусственны, что Грибоѣдовъ самъ разставилъ ударенія; но это мало помогло дѣлу, тѣмъ болѣе,

что къ выраженію „когда къ словцу, а чаще ни къ чему“, очевидно, не доставало сказуемаго,—и въ позднѣйшемъ текстѣ вставлено: „придерутся“, и вся фраза существенно передѣлана. Передѣлкамъ подверглись не только отдѣльные стихи и фразы, но и цѣлые монологи. Грибоѣдовъ настойчиво сокращалъ текстъ. Отъ этого комедія выигрывала въ энергіи сценическаго развитія; но слѣдуетъ сказать, что при этомъ иногда исчезали художественныя черты, цѣнныя сами по себѣ. Въ первомъ дѣйствіи много труда стоилъ автору разсказъ о снѣ Софьи. Въ Музейномъ автографѣ онъ занималъ 42 стиха, а въ позднѣйшей редакціи сокращенъ до 22—и очень выигралъ отъ этого. Во второмъ дѣйствіи усиленнымъ передѣлкамъ подверглись монологи Чацкаго. Послѣ реплики Фамусова о московскомъ пожарѣ Александръ Андреевичъ произносилъ длинную рѣчь. Еще въ Музейномъ автографѣ авторъ зачеркнулъ ее, и только отдѣльныя фразы изъ нея попали потомъ въ другой монологъ Чацкаго. Между прочимъ, онъ говорилъ:

Вамъ нравится въ сынкахъ отцовское наслѣдство.
И прежде имъ плелись побѣдные вѣнки,
Людьми считались съ малолѣтства
Патриціевъ дворянскіе сынки,
Въ заслуги ставили имъ души родовыя,
Любили ихъ, ласкали ихъ
И причитались къ нимъ въ родные.

Въ третьемъ актѣ, изъ характеристики Татьяны Юрьевны (въ Музейномъ автографѣ она еще называется Татьяной Дмитріевной), вложенной въ уста Молчалину, исчезли шесть стиховъ, въ ранней редакціи дававшихъ этому типу бо́льшую бытовую рельефность:

Татьяна Дмитревна!!! Ее извѣстенъ домъ,
Живетъ по старинѣ и рождена въ боярствѣ,
Мужъ занимаетъ постъ изъ первыхъ въ государствѣ,
Любезенъ, лакомка до вкусныхъ блюдъ и винъ,
При томъ отличный семьянинъ:
Съ женой въ ладу, по службѣ ею дышетъ,
Она прикажетъ, онъ подпишетъ.

Но больше всего подвергся сокращеніямъ, кажется, четвертый актъ. Такъ, изъ монологовъ Репетилова въ Музейномъ автографѣ вычеркнуто Грибоѣдовымъ болѣе 25 стиховъ. Въ нихъ сообщалось, что Репетиловъ накупилъ книгъ „сотъ шесть вчера еще“, что сегодня онъ, наряду съ „тайнымъ собраньемъ“ въ Англійскомъ клубѣ „игралъ, по маленькой игралъ, пилъ,—жажду запивалъ“, что своей задачей

онъ ставилъ „хоть съ маленькимъ умомъ — между умнѣйшихъ быть, такъ сказать, узломъ“,—все черточки, цѣнныя и характерныя для типа. Въ монологѣ 10-го явленія четвертаго дѣйствія, Чацкій, пораженный быстротой, съ какою разнеслась сплетня о его сумасшествіи, говорилъ (по музейной редакціи):

Тревогу бьютъ... и вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ Москва!—я былъ въ краяхъ,
Гдѣ съ горъ верьховъ комъ снѣга вѣтеръ скатитъ,
Вдругъ глыба этотъ снѣгъ, въ паденьи все охватитъ,
Съ собой влечетъ, дробитъ, стираетъ камни въ прахъ,
Гулъ, рокотъ, громъ, вся въ ужасѣ окрестность.
И что оно въ сравненьи съ быстротой,
Съ которой—чуть возникъ, ужъ пріобрѣлъ извѣстность
Московской фабрики слухъ вредный и пустой.

Эти энергическіе и образные стихи, очевидно навѣянные впечатлѣніями кавказской природы, исчезли изъ позднѣйшаго текста.

Среди этихъ передѣлокъ и сокращеній измѣнялся ли самый планъ пьесы, ея сценарій?

Здѣсь надо отмѣтить два важныхъ момента. Во-первыхъ, какъ мы уже упоминали, существенной переработкѣ подвергся планъ четвертаго дѣйствія. Въ Музейномъ автографѣ сцены между Лизой, Молчалинымъ, Софьей и Чацкимъ (явленія 11—13) изложены такъ: Лиза вызываетъ Молчалина, и тотъ еще не успѣваетъ начать своихъ любезностей съ нею, какъ приходитъ Софья, ничего не замѣтившая, и сообщаетъ, что „давиче“ ей показалось, что здѣсь былъ Чацкій. Тогда немедленно выскакиваетъ изъ-за колонны Чацкій со своимъ возгласомъ: „Я здѣсь, притворщица!“ и начинаются упреки. Софья презрительно и гордо возражаетъ:

Какая низость! подстеречь!
Подкрасться и потомъ конечно обезславить.
Что? этимъ думали къ себѣ меня привлечь?
И страхомъ, ужасомъ васъ полюбить заставить?
Отчетомъ я себѣ обязана самой,
Однако вамъ поступокъ мой
Чѣмъ кажется такъ золъ и такъ коваренъ?
Не лицемѣрила и права я кругомъ.
Ахъ! Боже мой! стукъ! шумъ! сюда бѣжитъ весь домъ.

Въ Жандровской рукописи эта ситуація измѣнена кореннымъ образомъ. Молчалинъ заигрываетъ съ Лизой, Софья это видитъ и слышитъ, въ одинъ мигъ передъ нею раскрывается низость Молча-

лина и глубина ея собственнаго заблужденія, и на упреки Чацкаго она отвѣчаетъ въ слезахъ, съ горькой мольбой:

Не продолжайте! Я виню себя кругомъ!...
Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коваренъ?

Драматизмъ положенія сразу возрастаетъ и углубляется, и эту вставку нельзя не признать однимъ изъ счастливѣйшихъ вдохновеній Грибоѣдова.

Зато среди всякихъ исправленій и отмѣнъ изъ позднѣйшаго текста невзначай исчезли стихи, имѣвшіе существеннѣйшее значеніе въ схемѣ развитія драмы. Въ третьемъ актѣ, послѣ того, какъ Молчалинъ увелъ старуху Хлестову играть въ карты и этимъ „тучу разогналъ“, Чацкій ядовито высмѣиваетъ его передъ Софьей и заканчиваетъ, по позднѣйшей редакціи, словами:

Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давича его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли—да... (уходитъ)

Дальше Софья „про себя“ размышляетъ:

Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть,—завистливъ, гордъ и золъ!

Подходитъ г. N. и освѣдомляется, какъ Софья Чацкаго „нашла по возвращеньи“. Софья неожиданно отвѣчаетъ: „онъ не въ своемъ умѣ“. Въ текстѣ при этихъ словахъ нѣтъ ровно никакой авторской ремарки, отмѣчающей эту мысль Софьи ославить Чацкаго сумасшедшимъ. Оказывается, что здѣсь авторомъ изъяты три стиха, объясняющіе дѣло. Въ Музейномъ автографѣ, высмѣявъ передъ Софьей Молчалина, Чацкій говоритъ ей на ухо:

О! давишнее вамъ такъ даромъ не пройдетъ.

Т. е., обиженный тѣмъ, что Софья восхваляла Молчалина и иронически отнеслась къ чувству самого Чацкаго, онъ грозитъ ей местью. Софья такъ и поняла его слова; по уходѣ Чацкаго она говоритъ:

Грозитъ и тѣшится и радъ бы что есть силы
Молчалина при всѣхъ унизить, какъ онъ золъ!

Послѣ угрозы Чацкаго и размышленія объ опасности этого для Молчалина, естественно, что Софья рѣшаетъ защитить возлюбленнаго клеветой, понятны ея слова:

А! Чацкій, любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Угодно ль на себѣ примѣрить?

Трудно объяснить, почему Грибоѣдовъ переработалъ эти стихи; быть можетъ, это вышло случайно и незамѣтно, въ постепенныхъ передѣлкахъ отдѣльныхъ словъ и рѣчей. Во всякомъ случаѣ, рѣшенье Софьи ославить Чацкаго мотивировано въ раннемъ текстѣ гораздо убѣдительнѣе. И остается только пожалѣть, что такой важный моментъ въ сценической коллизіи исчезъ изъ позднѣйшаго текста.

Составъ дѣйствующихъ лицъ комедіи колебался въ раннихъ замыслахъ поэта. Говорятъ, что первоначально въ числѣ персонажей „Горя отъ ума“ была жена Фамусова и еще нѣсколько лицъ. Смутное преданіе сообщаетъ, что Репетиловъ включенъ въ списокъ позднѣе другихъ. Но ко времени написанія Музейнаго автографа, т. е. къ 1823 году, личный составъ пьесы закрѣпился и потомъ остался навсегда неизмѣннымъ. Сравнивая всѣ три дошедшія до насъ редакціи комедіи, мы видимъ, что характеры и типы рано кристаллизовались въ творческомъ сознаніи Грибоѣдова; ни одинъ изъ нихъ не подвергался переработкѣ и не перемѣнялъ своей сценической ситуаціи. Тоже надо сказать и объ идейномъ содержаніи „Горя отъ ума“. И общая оцѣнка фамусовской Москвы, и весь запасъ идей Чацкаго — уже даны въ Музейномъ автографѣ. Насколько велики передѣлки и колебанія въ стилѣ и отчасти въ сценическихъ схемахъ комедіи, настолько устойчивы ея типы и идеи. Это чрезвычайно замѣчательно. Грибоѣдовъ „геній свой воспитывалъ въ тиши“. Первые два акта комедіи написаны на Востокѣ, вторые два — въ тульской глуши. Пьеса полна отголосковъ и оцѣнокъ общественнаго движенія, а между тѣмъ авторъ съ 1818 года былъ вдали отъ него. Казалось бы, только непосредственное общеніе съ членами тайныхъ обществъ въ Петербургѣ въ 1824—1825 годахъ могло обогатить монологи Чацкаго политическимъ содержаніемъ и обострить сатиру на русское общество. Между тѣмъ, еще до переѣзда въ Петербургъ, въ Музейномъ автографѣ Грибоѣдовъ уже закрѣпилъ въ мужественныхъ стихахъ чахоточнаго врага книгъ, театраловъ-крѣпостниковъ, Максима Петровича, галломанію, пристрастіе къ „безсловеснымъ“, московскихъ „канцлеровъ въ отставкѣ по уму“, готовность „забрать всѣ книги да сжечь“, и т. д. Можно больше сказать. Въ музейной редакціи общественный моментъ иногда выраженъ смѣлѣе и ярче, чѣмъ въ позднѣйшей, гдѣ многое смягчено ради цензуры. Приведемъ для

примѣра обращеніе Загорѣцкаго къ Репетилову (явленіе 6-ое четвертаго дѣйствія):

Извольте продолжать, повѣрьте,
Я самъ ужасный либералъ
И рабства не терплю до смерти,
Чрезъ это много потерялъ.

Въ позднѣйшемъ текстѣ: „и оттого, что прямъ и смѣло объясняюсь, куда какъ много потерялъ". Разумѣется, въ Персіи и на Кавказѣ Грибоѣдовъ не былъ вовсе лишенъ связей съ общественными кругами столицъ. Частью изъ газетъ, еще больше изъ бесѣдъ съ пріѣзжими изъ Россіи, а главнымъ образомъ—изъ переписки съ друзьями Грибоѣдовъ узналъ многое. Затѣмъ, весной и осенью 1823 года онъ могъ лично наблюдать въ Москвѣ нѣкоторыя проявленія общественнаго возбужденія (несравненно болѣе слабаго, однако, чѣмъ въ Петербургѣ). Но всего этого было бы недостаточно для созданія такой комедіи-сатиры, какъ „Горе отъ ума". Только удивительная чуткость, проницательность и зрѣлость мысли помогли Грибоѣдову быстро разобраться въ пестрой сутолокѣ русской жизни и выдѣлить, оцѣнить или осудить или даже предвосхитить наиболѣе типическое и существенное. Грибоѣдовъ во многомъ сходился съ декабристами,—не потому, что подчинился общепринятымъ взглядамъ и оцѣнкамъ, а потому, что они совпадали съ его собственными. Но по многимъ вопросамъ—и существеннымъ—онъ расходился съ ними.

Насколько доступно, мы изучили интимную исторію „Горя отъ ума". Съ тѣхъ поръ, какъ эта жемчужина русской драматургіи стала доступна читателямъ и зрителямъ, для нея началась иная исторія—въ потомствѣ. Было бы весьма поучительно прослѣдить эту исторію, т. е. судьбы славной комедіи въ русской поэзіи, литературной критикѣ и на сценѣ. „Горе отъ ума" обаятельно дѣйствовало на сознаніе русскихъ драматурговъ, начиная съ Гоголя; Островскій признавалъ Грибоѣдова своимъ учителемъ. Съ другой стороны, на оцѣнкѣ комедіи вырабатывалась и русская реалистическая критика, начиная съ Бѣлинскаго. Этюдъ И. А. Гончарова: „Милліонъ терзаній" остался здѣсь непревзойденнымъ донынѣ. Наконецъ для сценическаго воплощенія пьеса дала неисчерпаемый матеріалъ и вдохновляла всѣхъ крупнѣйшихъ дѣятелей русскаго драматическаго театра, отъ Щепкина и до нашихъ дней. Но разсказъ о жизни Грибоѣдова въ потомствѣ превышаетъ задачи и размѣры нашего очерка.

Несмотря на многочисленныя подражанія и перепѣвы „Горе отъ ума“ осталось одинокимъ въ исторіи русской литературы, какъ единственная пьеса, гдѣ гармонически сочетались бытовыя картины и общественная сатира. Какъ мы видѣли, оно было одинокимъ и въ исторіи творчества самого поэта. Однако, мы не въ правѣ сѣтовать на судьбу и должны присоединиться къ сужденію Пушкина: „Грибоѣдовъ сдѣлалъ свое. Онъ написалъ Горе отъ ума“.

Н. Пикеановъ.

Примѣчаніе. Настоящій очеркъ опирается, во-первыхъ, на поэтическія и прозаическія сочиненія и письма Грибоѣдова, собранныя въ трехъ томахъ академическаго изданія; во-вторыхъ, на неизданные матеріалы изъ государственныхъ и частныхъ архивовъ, печатаемые отдѣльнымъ сборникомъ, и, наконецъ, на печатные источники. Изъ послѣднихъ наиболѣе часто цитируются слѣдующіе: 1) Записка о Грибоѣдовѣ, С. Н. Бѣгичева. „Русскій Вѣстникъ“ 1892, VIII. 2) Воспоминанія о незабвенномъ А. С. Грибоѣдовѣ, Ѳ. В. Булгарина. „Сынъ Отечества“ 1830, I. 3) О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова, Кс. А. Полевого, при второмъ изданіи „Горя отъ ума“, СПБ. 1839. 4) Знакомство съ Грибоѣдовымъ, А. А. Бестужева. „Отечественныя Записки“ 1860, X. 5) Біографическія свѣдѣнія о Грибоѣдовѣ, Д. А. Смирнова. „Бесѣды Общества Любителей Россійской Словесности“ вып. II, 1868. 6) Изъ неизданныхъ матеріаловъ къ біографіи Грибоѣдова, его же. „Историческій Вѣстникъ“ 1909, III—IV. 7) Замѣтки о Грибоѣдовѣ, Л. Н. Майкова. „Сборникъ студентовъ СПБ. университета“ вып. II, 1860. 8) Изъ жизни и отношеній Грибоѣдова, А. Мальшинскаго. „Русскій Вѣстникъ“ 1894, III. 9) Воспоминанія о Д. Н. Бѣгичевѣ, Е. Соковниной. „Историческій Вѣстникъ“ 1889, II. 10) П. Е. Щеголевъ. Грибоѣдовъ и декабристы. По архивнымъ матеріаламъ. СПБ. 1905. 11) Статьи о Грибоѣдовѣ А. П. Берже въ „Русской Старинѣ“ за 1872, 1874—1876 гг. Болѣе подробный обзоръ біографической литературы см. во второмъ томѣ академическаго изданія.

Н. П.

Александръ Сергѣевичъ
Грибоѣдовъ.

I.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Отъ Аполлона.

На замѣчанье Фебъ даетъ,
Что отъ какихъ то водъ
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ,
Что толки всѣ о Липецкихъ водахъ
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ, и въ стихахъ)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

[1815].

2.

Лубочный театръ.

Comptable de l'ennui dont sa muse m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme.

Gilbert.

Эй! Господа!
Сюда! сюда!
Для дѣловыхъ людей и праздныхъ
Есть тьма у насъ оказій разныхъ:
Есть дикій человѣкъ, безрукая мадамъ!
Взойдите къ намъ!
Добро пожаловать, кто баринъ тароватый,
Извольте видѣть — вотъ
Рогатый, нерогатый
И всякій скотъ.
Вотъ господинъ Загоскинъ,
Вотъ весь его причетъ:
Княгини и княжны, князь Фольгинъ и князь Блесткинъ;
Они хоть не смѣшны, да самъ за то ужъ онъ
Куда смѣшонъ!—

Съ нимъ вмѣстѣ быть, ей Богу! праздникъ.
Вотъ вамъ его Проказникъ;
Спроказилъ онъ не ловко: разъ упалъ
Да и не всталъ.
Но авторъ таковымъ примѣромъ
Не наученъ — грѣшитъ передъ партеромъ,
Проказитъ до сихъ поръ.
Что видитъ и что слышитъ,
Онъ обо всемъ исправно вздоръ
И говоритъ, и пишетъ.
Вотъ Богатоновъ вамъ: особенно онъ милъ,
Богатъ чужимъ добромъ, все крадетъ, что находитъ,
Съ Транжирина кафтанъ стащилъ
Да въ немъ и ходитъ.
А свѣтскій тонъ
Не только онъ —
И вся его бесѣда
Переняли у Буйнаго Сосѣда.
Что-жъ вы?... Неужто по домамъ?
Ужъ надоѣло вамъ?
И кстати-ль?
Вотъ вамъ Загоскинъ — Наблюдатель;
Вотъ Сынъ Отечества, съ нимъ вѣчный состязатель,
Одинъ напишетъ вздоръ,
Другой на то разборъ;
А разобрать труднѣе,
Кто изъ двоихъ глупѣе.
Что вы смѣетесь, господа?
Писцу насмѣшка не бѣда.
Онъ знаетъ многое смѣшное за собою,
Да ужъ давно махнулъ рукою.
Махнулъ перомъ — отдалъ сыграть,
А вы, пожалуй, разсуждайте!
Махнулъ перомъ — отдалъ въ печать,
А вы читайте!

16 октября 1817.

3.

Эпитафіи доктору Кастальди.

Изъ странъ Италіи — отчизны
Рокъ невѣдомый сюда его привелъ.
Скиталецъ, здѣсь искалъ онъ лучшей жизни...
Далеко отъ своихъ смерть близкую обрелъ!

Брыкнула лошадь вдругъ, скользнула и упала, —
И доктора Кастальдія не стало!...

[1820].

4.

Давидъ.

Не славенъ въ братіяхъ измлада,
Юнѣйшій у отца я былъ,
Пастухъ родительскаго стада;
И се! внезапно Богу силъ
Органъ мои создали руки,
Псалтырь устроили персты.
О! кто до горней высоты
Ко Господу воскрилитъ звуки!
Услышалъ Самъ Господь Творецъ!
Шлетъ Ангела: и свѣтлозрачный
Съ высотъ летитъ на долы злачны;
Взялъ отъ родительскихъ овецъ;
Елеемъ благости небесной
Меня помазалъ. — Что-жъ сіи
Велики братіи мои?
Кичливы крѣпостью тѣлесной!
Но въ нихъ Духъ Божій, Бога силъ,
Господень Духъ не препочилъ!
Иноплеменнику не съ ними,
Далече страхъ я отженя,

Во срѣтенье изшелъ: меня
Онъ проклялъ идолми своими;
Но я мечемъ надъ нимъ взыгралъ,
Сразилъ его и обезглавилъ
И стыдъ отечества отъялъ,
Сыновъ Израеля прославилъ!
[1821—1824].

5.

* * *

Крылами порхая, стрѣлами звеня,
Любовь вопрошала кого-то:
Ахъ! есть ли что легче на свѣтѣ меня?
Рѣшите задачу Эрота.

Любовь и любовь, рѣшу я какъ разъ,
Сама себя легче бываетъ подъ часъ.
Есть пѣсня такая:
Легко себѣ друга сыскала Аглая
И легче того
Забыла его.
[1823—1824].

6.

Романсъ.

Ахъ! точно ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не свѣдала тоски, томленій нѣжныхъ?
Еще не знаетъ про любовь?
Ахъ! точно ли никто, счастливецъ, не сыскался,
Ей другъ? по сердцу ей? который бы сгоралъ
Въ объятіяхъ ея? въ нихъ нѣгой упивался,
Роскошествовалъ и обмиралъ?...
Нѣтъ! нѣтъ! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тотъ другъ, тотъ избранный: онъ гдѣ-нибудь, онъ есть.
Любви волшебство! рай! восторги! трепетъ! — Вами,
Нѣтъ! — не моей душѣ процвѣсть.
[1823—1824].

Крылами порхая, стрелами звеня
Любовь вопрошала кого-то:
Ах! есть ли что легче на свѣтѣ меня
Рѣшите загадку Эрота.

Любовь сиротою, ребенку я какъ рада,
Вижу себя легче своевластъ подъ себя,
Есть этакая загадка!
Легко сей другой вопрошала Алиса
Ти ничего
Забыла его.

Ахъ! точно ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ
Желанье тайное не волновало кровь?
Ей незнакомы тоска, томленій нѣжныхъ?
Ей незнакома про любовь?

*

Ахъ! точно-ли никто лукавицы невинной
Ей другъ? по сердцу ей? который бы держалъ
Въ объятіяхъ ея? въ нихъ нѣгой упиваясь
Роскошествовалъ и обмиралъ...

*

Нѣтъ! нѣтъ! Куда влекутъ неробкими мечтами?
Тотъ другъ, тотъ избранный; онъ есть гдѣ-нибудь, онъ есть!
Любви волшебство! рай! восторги! трепетъ! — Рано
Нѣтъ! мнѣ ей души прозвучать.

Ахъ! точно-ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще невѣдала тоски, томленій нѣжныхъ?
Еще не знаетъ про любовь?

*

Ахъ! точно-ли никто щастливецъ не вмѣнялся
Ей другъ? по сердцу ей? который бы сгоралъ
Въ объятіяхъ ея? въ нихъ нѣгой упивался,
Роскошествовалъ и обмиралъ...

*

Нѣтъ! нѣтъ! Куда влекутъ нескромными мечтами?
Тотъ другъ, тотъ избранный; онъ гдѣ нибудь, онъ есть!
Любви волшебство! рай! восторги! трепетъ! — Рано
Нѣтъ! нельзя души прозвать

7.

Отрывокъ изъ Гёте.

ДИРЕКТОРЪ ТЕАТРА.

По дружбѣ мнѣ вы, господа,
При случаѣ посильно, иногда
И дѣятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя ли
Воображенію дать смѣлый вамъ полетъ?
Парите вверхъ и внизъ спускайтесь произвольно,
Чтобъ большинство людей осталось мной довольно,
Которое живетъ и жить даетъ.
Домъ зрѣлища устроенъ пребогатый,
И бревяной накатъ, и полъ дощатый,
И все по зву: одинъ свистокъ—
Храмъ взыдетъ до небесъ, раскинется лѣсокъ.
Лишь то бѣда: ума намъ гдѣ добиться?
Смотрите вы на брови знатоковъ,
Они, и всякой кто каковъ,
Чему-нибудь хотѣли-бъ удивиться;
А я испуганъ, сталъ втупикъ;
Не то, чтобы у насъ къ хорошему привыкли,
Да начитались столько книгъ!
Всю подноготную проникли!
Увы!
И слушаютъ, и ловятъ все такъ жадно!
Чтобъ были вещи имъ новы,
И складно для ума, и для души отрадно.
Люблю толпящійся народъ
Я, при раздачѣ ложъ и креселъ;
Кому терпѣнье — труденъ входъ,
Тотъ получилъ себѣ — и веселъ,
Но вотъ ему возврата нѣтъ!
Стѣной густѣютъ непроломной,
Толпа растетъ, и рокотъ громной,
А голоса: билетъ! билетъ!
Какъ будто ихъ рождаетъ преисподня.

А это чудо кто творитъ? — Поэтъ!
Нельзя-ли, милый другъ, сегодня?

ПОЭТЪ.

О, не тревожь, не мучь суетъ картиной.
Задерни, скрой отъ глазъ народъ,
Толпу, которая нестрѣющей пучиной
Съ собой противувольно насъ влечетъ.
Туда веди, гдѣ подъ небесъ равниной
Поэту радость чистая цвѣтетъ;
Гдѣ дружба и любовь его къ покою
Обвѣютъ, освѣжатъ божественной рукою.
Ахъ! часто, что отраду въ душу льетъ,
Что робко намъ уста пролепетали,
Мечты неспѣлыя... и вотъ
Ихъ крылья бурнаго мгновенія умчали.
Едва искупленныхъ трудами многихъ лѣтъ,
Ихъ въ полнотѣ красы увидитъ свѣтъ.
Обманчивъ блескъ: — онъ не продлится;
Но истинный потомству сохранится.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Потомству? да; и слышно только то,
Что духомъ всѣ парятъ къ потомкамъ отдаленнымъ;
Неужто, наконецъ, никто
Не порадѣетъ современнымъ?
Неужто холодомъ мертвитъ, какъ чародѣй,
Присутствіе порядочныхъ людей?
Кто бредитъ лаврами на сценѣ и въ печати,
Кому вниспосланы кисть, лира и рѣзецъ
Изгибы обнажать сердецъ:
Тотъ поробѣетъ-ли? — Толпа ему и кстати;
Желаетъ онъ побольше кругъ,
Чтобъ дѣйствовать на многихъ вдругъ.
Скорѣй Фантазію, гласъ скорби безотрадной,
Движенье, пылъ страстей, весь хоръ ея нарядной
Къ себѣ зовите на чердакъ.
Дурачеству оставьте дверцу,

Не настежь, вполовину, такъ,
Чтобъ всякому пришло по сердцу.

ДИРЕКТОРЪ.

Побольше дѣйствія! — Что зрителей манитъ?
Имъ видѣть хочется, — ну, живо
Представить имъ дѣла на видъ!
Какъ хочешь, жаръ души излей краснорѣчиво;
Иной уловкою успѣхъ себѣ упрочь;
Побольше дѣйствія, сплетеній и развитій!
Лишь силой можно силу превозмочь,
Число людей — числомъ событій.
Гдѣ приключеній тьма — никто не перечтетъ,
На каждаго по нѣскольку придется;
Народъ доволенъ разойдется,
И всякій что-нибудь съ собою понесетъ.
Сліяніе частей измучитъ васъ смертельно;
Давайте намъ подробности отдѣльно.
Что цѣлое? какая прибыль вамъ?
И ваше цѣлое вниманье въ комъ пробудитъ?
Его расхитятъ по долямъ,
И публика по мелочи осудитъ.

ПОЭТЪ.

Ахъ! это-ли имѣть художнику въ виду!
Обречь себя въ вѣкахъ укорамъ и стыду! —
Не чувствуетъ, какъ душу мнѣ терзаетъ.

ДИРЕКТОРЪ.

Размыслите вы сами напередъ:
Кто сильно потрясти людей желаетъ,
Способнѣе оружье изберетъ;
Но время ваши призраки развѣять,
О, гордые искатели молвы!
Опомнитесь! — кому творите вы?
Влечется къ намъ иной, чтобъ скуку поразсѣять,
И скука вмѣстѣ съ нимъ валилась — дремлетъ онъ;
Другой явился отягчонъ
Парами пѣнистыхъ бокаловъ;

Иной небрежный ловитъ стихъ, —
Сотрудникъ глупыхъ онъ журналовъ;
На святочныя игры ихъ
Чистѣйшее желанье окрыляетъ,
Невѣжество имъ зрѣнье затемняетъ,
И на устахъ бездушія печать;
Красавицы, подъ бременемъ уборовъ,
Тишкомъ желаютъ расточать
Обманъ улыбки, нѣгу взоровъ.
Что возмечтали вы на вашей высотѣ?
Смотрите имъ въ лицо! — вотъ тѣ
Окременѣвшія толпы живымъ утесомъ;
Здѣсь озираются во мракѣ подлецы,
Чтобъ слово подстеречь и погубить доносомъ;
Тамъ мыслятъ дань обрѣсть картежные ловцы;
Тотъ буйно ночь провесть въ объятіяхъ безчестныхъ;
И для кого хотите вы, слѣпцы,
Вымучивать внушенье Музъ прелестныхъ?
Побольше пестроты, побольше новизны, —
Вотъ правило, и непреложно.
Легко мы всѣмъ изумлены,
Но угодить на насъ не можно.
Что? гордости порывъ утихъ?
Разсудокъ превозмогъ...

ПОЭТЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! — негодованье.
Поди, ищи услужниковъ другихъ.
Тебѣ-ль отдамъ святѣйшее стяжанье,
Свободу, въ жертву прихотей твоихъ?
Чѣмъ равны небожителямъ Поэты?
Что силой неудержною влечетъ
Къ ихъ жребію сердца и всѣхъ обѣты,
Стихіи всѣ во власть имъ предаетъ?
Не сладкозвучіе-ль? — которое тѣснится
Изъ ихъ груди, вливаетъ ту любовь,
И къ нимъ она отзывная стремится
И въ нихъ восторгъ рождаетъ вновь и вновь.

Когда природой равнодушно
Крутится длинновьющаяся прядь,
Кому она такъ дѣлится послушно?
Когда созданья всѣ, слаба ихъ мысль обнять,
Одни другимъ звучатъ противугласно,
Кто съединяетъ ихъ въ пріятный слуху громъ
Такъ величаво? такъ прекрасно?
И кто виновникъ ихъ потомъ
Спокойнаго и пышнаго теченья?
Кто стройно размѣряетъ ихъ движенья,
И бури вопли, крикъ страстей,
Мѣняетъ вдругъ на дивные аккорды?
Кѣмъ славны имена и памятники тверды?
Превыше всѣхъ земныхъ и суетныхъ честей,
Изъ бренныхъ листвіевъ кто чудно соплетаетъ
Съ вѣками болѣе нетлѣнно и свѣжѣй
То знаменье величія мужей,
Которымъ онъ ихъ чела украшаетъ?
Предъ чьей возлюбленной весна не увядаетъ?
Цвѣты роскошные родитъ предъ нею персть
Того, кто спутникъ ей отрадъ любви стезею;
По смерти имъ Олимпъ отверстъ,
И невечернею вѣнчается зарею,
Кто не коснѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ,
Но въ гимнъ единый слилъ красу небесъ съ землею.

Ты постигаешь ли умомъ
Создавшаго міры и лѣта?
Его престолъ — душа Поэта.

[1824].

8.

Телешовой

ВЪ БАЛЕТѢ „РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“, ГДѢ ОНА ЯВЛЯЕТСЯ ОБОЛЬЩАТЬ ВИТЯЗЯ.

О, кто она? Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдемъ покинула родной,
Тончайшимъ облакомъ обвита?

И вдругъ — какъ вѣтръ ея полетъ!
Звѣздой разсыплется, мгновенно
Блеснетъ, исчезнетъ, воздухъ вьетъ
Стопою, свыше окрыленной...
Не такъ ли нашъ лелѣетъ духъ
Отрадное во снѣ видѣнье,
Когда задремлетъ взоръ и слухъ?
Но бодро въ насъ воображенье! —
Улыбка внятная безъ словъ,
Небрежно спущенный покровъ,
Какъ будто влаги обліянье;
Прерывно персей волнованье,
И томной думы полонъ взоръ:
Созданье выспренняго міра
Скользитъ, какъ по зыбямъ эѳира
Несется легкій метеоръ.
Зачѣмъ машешь рукою нѣжной?
Зачѣмъ влечешь изъ дальнихъ странъ
Пришельца въ плѣнъ твой неизбѣжной,
Къ страданью неисцѣльныхъ ранъ?
Уже не тверды заклинаньемъ
Броня, и щитъ его, и шлемъ;
Не истомляй его желаньемъ,
Не сожигай его огнемъ
Въ лицѣ, въ груди горящей страсти,
И нѣгой распаленныхъ чувствъ!
Ахъ! этихъ игръ, утѣхъ, искусствъ
Одинъ ли не признаетъ власти!
Изнеможенный онъ въ борьбѣ,
До капли въ душу влилъ отраву,
Себя, и честь, и долгъ, и славу,
Все въ жертву онъ отдалъ тебѣ.
Но, сердце! Кто твой восхищенный
Внушаетъ отзывъ? Для кого
Порывъ восторга твоего —
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южныхъ странъ,

Чье царство — розъ и пальмъ обитель,
Которымъ Эльфъ обворожитель
Въ сопутники природой данъ!
О, нимфы, дѣвы легкокрилы!
Здѣсь жаждутъ прелестей иныхъ:
Рабы корыстныхъ пользъ унылы
И безразсвѣтны души ихъ.
Пѣвцу красавицъ что́ въ награду?
Пожнетъ онъ скуку и досаду,
Рояньемъ струнъ не пробудивъ
Любви въ пустынѣ сей печальной,
Гдѣ сномъ покрыто лоно нивъ,
И небо ризой погребальной.

[1824].

9.

Хищники на Чегемѣ.

Окопайтесь рвами, рвами,
Отразите смерть и плѣнъ —
Блескомъ ружей, тверже стѣнъ!
Какъ ни крѣпки вы стѣнами,
Мы надъ вами, мы надъ вами!
Будто быстрые орлы
Надъ челомъ крутой скалы.

Мракъ за насъ ночей безлунныхъ,
Шумъ потока, выси горъ,
Дождь и мгла, и вихрей споръ.
На угонъ коней табунныхъ,
На овецъ золоторунныхъ,
Гдѣ витаютъ вепрь и волкъ,
Нашъ залегъ отважный полкъ.

Живы въ насъ отцовъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива.
Та же въ небѣ синева!
Тѣ же льдяныя громады,
Тѣ же съ ревомъ водопады.

Та же дикость, красота
По ущельямъ разлита!

Наши — камни! наши — кручи!
Русь! зачѣмъ воюешь ты
Вѣковыя высоты?
Досягнешь ли? — Вотъ надъ тучей
Двувершинный и могучій
Рѣжется изъ облаковъ
Надъ главой твоихъ полковъ.

Паръ изъ бездны отдаленной
Вьется по его плечамъ;
Вотъ невидимъ онъ очамъ!
Той же тканію свіенной
Такъ же скрыты мы мгновенно,
Въ мигъ явились, мигомъ нѣтъ,
Выстрѣлъ, два, и сгинулъ слѣдъ.

Двиньтесь узкою тропою!
Не въ краю вы селъ и нивъ:
Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
Тутъ утесъ: — берите съ бою!
Камень, сорванный стопою,
Въ глубь летитъ, разбитый въ прахъ;
Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ!

Ждемъ. — Готовы къ новой сѣчѣ.
Но и слухъ о нихъ исчезъ!
Загорайся, древній лѣсъ!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ,
И по ряду, дѣлежомъ,
Дѣлимъ взятое ножомъ.

Доли лучшія отложимъ
Нашимъ панцырнымъ князьямъ,
И джигитамъ узденямъ
Юныхъ плѣнницъ пріумножимъ;
И кадіямъ, людямъ Божьимъ,

227.

~~198~~.
183

Прости Отчизно!

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

228
199.1

Приходит вдруг [illegible] умом
[illegible]:
[illegible]!.. [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
И смутно сознающую мечту!
[illegible]
О сон, о муза, мир, любовь!!..
Затишье [illegible] былых дней
[illegible] [illegible] [illegible]
Когда-то весело мы [illegible]

[illegible]
[illegible]
Когда-то жизни светлой [illegible],
Всё тихо, одиноко и славно!

×

Плѣнныхъ отроковъ дадимъ
(Вѣрой станъ нашъ невредимъ).
Узникамъ удѣлъ обычный, —
Надъ рабами высока
Ихъ стяжателей рука.
Узы — жребій имъ приличный;
Въ ихъ землѣ и свѣтъ темничный!
И ужасенъ ли обмѣнъ?
Дома — цѣпи! въ чужѣ — плѣнъ!
Дѣлимъ женамъ ожерелье.
Вотъ обломки хрусталя!
Пьемъ бузу! Стони земля!
Кликомъ огласись ущелье!
Падшимъ миръ, живымъ веселье!
Разъ еще увидѣлъ взоръ
Вольный край родимыхъ горъ!

Кам. мостъ на Малкѣ.
** октября 1825.

10.

Освобожденный.

Лугъ шелковый, мирный лѣсъ!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небесъ!
Тихо плещущія воды!
Мнѣ-ль возвращены назадъ
Всѣ очарованья ваши?
Снова-ль черпаю изъ чаши
Нескудѣющихъ отрадъ?
Будто сладостно-душистый
Въ воздухъ пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и нѣгой чистой.
Но, гдѣ другъ?... но я одинъ!...
Но давно-ль, какъ привидѣнье,
Предстоялъ очамъ моимъ
Вѣстникъ зла? Я мчался съ нимъ

Въ дальній край на заточенье.
Окрестъ дикія мѣста,
Снѣгъ пушился подъ ногами;
Горемъ скованы уста,
Руки тяжкими цѣпями.

[1826].

11.

А. О.

[КН. А. И. ОДОЕВСКОМУ].

Я дружбу пѣлъ... Когда струнамъ касался,
Твой геній надъ главой моей парилъ,
Въ стихахъ моихъ, въ душѣ тебя любилъ
И призывалъ, и о тебѣ терзался!...
О, мой Творецъ! Едва расцвѣтшій вѣкъ
Ужели ты безжалостно пресѣкъ?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живаго отъ любви моей сокрыла?...

[1826—1828].

12.

* * *

Тамъ, гдѣ вьется Алазань,
Вѣетъ нѣга и прохлада,
Гдѣ въ садахъ сбираютъ дань
Пурпурнаго винограда,
Свѣтло свѣтитъ лучъ дневной,
Рано ищутъ, любятъ друга...
Ты знакомъ ли съ той страной,
Гдѣ земля не знаетъ плуга,
Вѣчно-юная блеститъ
Пышно яркими цвѣтами
И садителя даритъ
Золотистыми плодами?...
Странникъ, знаешь ли любовь,
Не подругу снамъ покойнымъ,
Страшную подъ небомъ знойнымъ?
Какъ пылаетъ ею кровь?

Ей живутъ и ею дышатъ,
Страждутъ и падутъ въ бояхъ
Съ ней въ душѣ и на устахъ.
Такъ самумы съ юга пышатъ,
Раскаляютъ степь....
Что судьба, разлука, смерть!...

13.

Прости, отечество!

Не наслажденье жизни цѣль,
Не утѣшенье наша жизнь.
О! не обманывайся, сердце.
О! призраки, не увлекайте!...
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно.
Когда же въ уголокъ проникъ
Свѣтъ счастья на единый мигъ:
Какъ неожиданно! какъ дивно! —
Мы молоды и вѣримъ въ рай, —
И гонимся и вслѣдъ, и вдаль
За слабо брежжущимъ видѣньемъ.
Постой! и нѣтъ его! угасло! —
Обмануты, утомлены...
И что жъ съ тѣхъ поръ? — Мы мудры стали,
Ногой отмѣрили пять стопъ,
Соорудили темный гробъ,
И въ немъ живыхъ себя заклали.
Премудрость! вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,.
Свободу схоронить въ могилу,
И вѣру въ собственную силу,
Въ отвагу, дружбу, честь, любовь!!! —
Займемся былью стародавной,
Какъ люди весело шли въ бой,
Когда плѣняло ихъ собой,
Что такъ обманчиво и славно.

14.

Отрывокъ изъ поэмы „Кальянчи“.

(Путешественникъ въ Персіи встрѣчаетъ прекраснаго отрока, который подаетъ ему кальянъ. Странникъ спрашиваетъ, кто онъ, откуда. Отрокъ разсказываетъ ему свои похожденія, объясняетъ, что онъ Грузинъ, нѣкогда житель Кахетіи).

Въ какомъ раю ты, стройный, насажденъ?
Какую влагу пилъ? Какой весной обвѣянъ?
Эйзедомъ ли ты свѣтлымъ порожденъ,
Питомецъ Пери, или Джиннiемъ взлелѣянъ?
Когда заботамъ ввѣренный твоимъ
Приносишь ты сосудъ водовмѣщальный
И сквозь него проводишь легкій дымъ,
Воздушной пѣною темнѣетъ токъ кристальный,
И ропотомъ манитъ къ забвенью, какъ ручья
Гремучаго потокъ въ зеленой чащѣ!
Чинара трость творитъ жасминной длань твоя
И сахарныя трости слаще,
Когда палимаго Ширазскаго листа
Глотаютъ чрезъ нее мглу алыя уста,
Густѣетъ воздухъ, напоенной
Алоэ запахомъ и амброй драгоцѣнной!
Когда жъ чарующей наружностью своей
Собранiе ты освѣтишь людей —
Во всѣхъ любовь!... Дервишъ отбросилъ четки,
Примрачный видъ на радость обмѣнилъ:
Не ты ли въ немъ возжегъ огонь потухшихъ силъ?
Не отъ твоей ли то походки
Его распрямлены морщины на лицѣ,
И заиграла жизнь на бывшемъ мертвецѣ?
Властитель твой — онъ сталъ лишь самозванцемъ,
Онъ уловленъ стыдливости румянцемъ,
И кудрей кольцами, по высотѣ раменъ
Влекущихся, связавшихъ душу въ плѣнъ,
И груди нѣжной бѣлизною,
И жилокъ, шелкомъ свитыхъ, бирюзою,
Твоими взглядами, подъ свѣсомъ томныхъ вѣждъ,
Движеньемъ устъ твоихъ невиннымъ, миловиднымъ,

Твоей нескрытою покровами одеждъ
Джейрана легкостью, и станомъ пальмовиднымъ.
Въ какомъ раю ты, стройный, насажденъ?
Эдема ль влагу пилъ, дыханьемъ розъ обвѣянъ?
Скажи: или отъ Пери ты рожденъ,
Иль благодатнымъ Джинніемъ взлелѣянъ?

„На Ріона берегахъ,
Въ дальнихъ я рожденъ предѣлахъ,
Гдѣ горитъ огонь въ сердцахъ
Тверже скалъ окаменѣлыхъ;
Росъ — едва не изъ пеленъ,
Матерью, отцомъ, безвинный,
Въ чужу проданъ, обмѣненъ
За сосудъ цѣнинный!

„Чужой человѣкъ! скажи: ты отецъ?
Имѣлъ ли ты чадо отъ милой подруги?
Корысть ли дороже намъ съ сыномъ разлуки?
Отверженъ ли враномъ невинный птенецъ?

„Караванъ съ шелками шелъ,
Съ нимъ ага мой. Я, рабочій,
Глазъ я долго не отвелъ
Съ мѣстъ, видиѣлся гдѣ кровъ отчій;
Съ кровомъ онъ слился небесъ;
Вечерѣло. Сномъ боримы,
Стали станомъ. Теменъ лѣсъ.
Вкругъ огня легли мы.

„Курись, огонекъ! свѣтись, огонекъ!
Такъ свѣтитъ надежда огнемъ намъ горящимъ!
Пылай ты весельемъ окрестъ приçѣдящимъ,
Покуда спалишь ты послѣдній пенекъ!

„Спалъ я. Вдругъ взываютъ: „бой!“
Въ ста мѣстахъ сверкаетъ зелье;
Сѣчей, свистомъ пуль, пальбой
Огласилось все ущелье.
Притаился въ глубь межи
Я, и всѣ туда жь влекутся.

Слышно — кинулись въ ножи —
Безотвязно бьются!
„Затихло смятенье — сѣчѣ конецъ.
Вблизи огня брошенъ былъ трупъ, обезглавленъ,
На взоръ его мертвый былъ взоръ мой уставленъ,
И чья же глава та?... О, горе!... Отецъ!...
„Но могучею рукой
Былъ оторванъ я отъ тѣла.
„Будь онъ проклятъ, кровный твой!“
Въ слухъ мнѣ клятва загремѣла —
„Твой отецъ разбойникъ былъ“...
И въ бодцѣ, ремнемъ увитомъ,
Казнь сулятъ, чтобъ слезъ не лилъ
По отцѣ убитомъ!
„Заря занялася. Я въ путь увлеченъ.
Родитель, ударомъ погибшій безславнымъ,
Лежать остается — онъ вепрямъ дубравнымъ,
Орламъ плотояднымъ на снѣдь обреченъ!
„Вышли мы на широту
Изъ тѣснинъ, гдѣ шли доселѣ,
Всю творенья красоту
Въ пышной обрѣли Картвелѣ.
„Вкругъ излучистой Куры
Яснымъ днемъ страна согрѣта,
Всѣ разсыпаны цвѣты
Щедростію лѣта...“

15.

Домовой.

[отрывокъ].

Дѣтушки матушкѣ жаловались,
Спать ложиться закаивались:
Больно тревожитъ насъ дѣдъ-непосѣдъ,
Зла творитъ много и множество бѣдъ,
Ступней топочетъ, столами ворочитъ,
Душитъ, навалится, щиплетъ, щекочетъ.

Стихотворенія, приписываемыя А. С. Грибоѣдову.

1.

Эпиграмма.

И сочиняютъ — врутъ, и переводятъ — врутъ!
Зачѣмъ же врете вы, о дѣти? Дѣтямъ прутъ!
Шалите риѳмами, нанизывайте стопы,
Ужъ такъ и быть, — но вы ругаться удальцы!
Студенческая кровь, казенные бойцы!
Холопы „Вѣстника Европы“!
[1824].

2.

[Стихотвореніе — письмо М. Н. Загоскину].

Бичъ пороковъ и блиновъ!
Нынѣ Щепкинъ угощаетъ
И пріятельскій свой зовъ
Чрезъ меня онъ посылаетъ.
Пріѣзжай насъ позабавить,
Аппетиту намъ прибавить
И съѣстного поубавить!
[1824].

3.

Экспромтъ.

По духу времени и вкусу
Я ненавидѣлъ слово: рабъ, —
Меня позвали въ главный штабъ
И потянули къ Іисусу.
[1826].

4.

Востокъ.

Изъ Заволжья, изъ роднаго края,
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки переметны,
Долги гривы заплетая;
На коняхъ ретивыхъ посадились,
На отъѣздъ перекрестились,

Выѣзжали на широкій путь.
Что замолкли? въ тишинѣ,
Что волнуетъ молодецку грудь?
Мысль о дальней сторонѣ?
Ахъ, не тамъ ли воздухъ чудотворный,
Тотъ Востокъ и тѣ сады,
Гдѣ не тихнетъ вѣтерокъ проворный,
Бьютъ ключи живой воды;
Рай: весна цвѣтетъ, не увядаетъ,
Нѣга, роскошь, пиръ въ лѣсахъ,
Солнышко горитъ, не догораетъ
На высокихъ небесахъ!
Теремъ златъ, а въ немъ душа-дѣвица,
Красота, княжая дочь,
Блещетъ взоръ, какъ яркая зарница,
Раздираетъ черну ночь;
Если-жь кровь ея зажжется,
Если вспыхнетъ на лицѣ, —
То забудь о матери, отцѣ,
Съ кѣмъ душой она сольется.
Станомъ гибкимъ, гибкими руками
Друга мила обвиваетъ,
Крѣпко жметъ, румяными устами
Жизнь до капли испиваетъ!
Путники! отъ дочери княжой
Отбѣгите неоглядкой!
Молодые! къ сторонѣ чужой
Не влекитесь думой сладкой,
Не мечтайте чародѣйныхъ сновъ!
Тѣхъ земель неправославныхъ
Дивна прелесть и краса луговъ,
Сладки капли розъ медвяныхъ,
Злакъ шелковый, жемчуги въ зернѣ.
Что же видно въ сторонѣ?
Столбъ бѣлѣетъ на степи широкой,
Будто сторожъ, одинокой,
Камень! Онъ безъ надписи стоитъ:

Темная подъ нимъ могила,
Сирый имъ зашельца прахъ покрытъ.
И его любовь манила;
Чаялъ: „Тутъ весельемъ разолыюсь,
Дни навѣки удолжатся!“
Грѣшный позабылъ святую Русь...
Дни темнѣютъ, вновь зарятся;
Но ему лучомъ не позлатятся
Изъ-за утреннихъ паровъ
Божьи церкви, градъ родимый, отчій домъ!
Буйно пожилъ вѣкъ, а нынѣ —
Миръ ему! одинъ лежитъ въ пустынѣ,
И никто не поискалъ,
Не нарѣзалъ имени, прозванья
На отломкѣ дикихъ скалъ;
Не творятъ молитвы, поминанья,
Персть забвенью предана;
У одра больнаго пожилая
Не корпѣла мать родная,
Не рыдала молода жена...

5.

Душа.

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что за чудное видѣнье!
Надзвѣздный домъ,
Зари кругомъ,
Рождало міръ мое велѣнье!
И вотъ отъ сна
Привлечена
Къ землѣ ветшающей и тѣсной.
Гдѣ рой подругъ,
Тьма рѣзвыхъ слугъ?
О, хоръ воздушный и прелестной!
Нѣтъ, поживу
И на яву

Я лучшей жизнію, безпечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Гдѣ надышусь свободой вѣчной!

6.

Элегія.

(изъ леопара).

Покоясь на брегу крутомъ,
Когда воздушныя равнины
Едва струятся вѣтеркомъ
Надъ лономъ дремлющей пучины,
Я вслѣдъ за странникомъ въ моряхъ
Лечу завистливой мечтою,
И грусть о родинѣ слезою
Блеститъ въ задумчивыхъ очахъ.

И мѣрный плескъ волны, вспѣненной
Ударомъ шумнаго весла,
И голосъ пѣсни отдаленной
Пловца съ бѣгущаго челна,
Все тайное родитъ желанье
Покинуть берегъ мой родной
И съ вѣтреной моей судьбой
Летѣть на чуждое призванье.

Когда-жъ Эолъ во мглѣ шумитъ,
И бурный валъ кипитъ и плещетъ
И громъ надъ бездною гремитъ,
И молнія по тучамъ блещетъ:
Тогда, бросая жадный взоръ
На ручейка потокъ безпечный,
На миръ долинъ, лѣсовъ и горъ,
Воскликну въ радости сердечной:
Блаженъ, кто Ларами богатъ!
Онъ чуждъ коварныхъ обольщеній,
Его къ раздумью лишь манятъ
Родныхъ дубравъ безмолвны сѣни
И тихой плескъ младыхъ Наядъ.

II.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ,

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

А. Грибоѣдова.

Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ Театрѣ Россійскими Придворными Актерами, въ пользу Актрисы Г-жи Семеновой меньшой, Сентября 29 дня, 1815 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Типографіи Императорскаго Театра,
1 8 1 5.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Аристъ - - - *Г. Сосницкій.*

Эльмира - - - *Г-жа Семенова 6.*

Сафиръ - - - *Г. Брянской.*

Молодые супруги.

Гостиная въ Аристовомъ домѣ.

Явленіе I.

Аристъ, *входитъ.*

Сегодня завернулъ некстати я домой:
Придется утро все бесѣдовать съ женой.
Какія странности! люблю ее по чести,
Межъ тѣмъ пріятнѣе, когда мы съ ней не вмѣстѣ.
Однако, впервые не мною найдено,
Что вскорѣ надоѣстъ одно и все одно.

Явленіе II.

Аристъ и Эльмира, *въ простомъ утреннемъ платьѣ.*

Эльмира.

А! здравствуй, милой мой, здоровъ ли?

Аристъ.

Понемногу.

А ты здорова ли, мой другъ?

Эльмира.

Я слава Богу

Аристъ, *въ сторону.*

Веселой разговоръ. *(Вслухъ).* Скажи, ужли опять
Ты не намѣрена сегодня выѣзжать?
Какъ взаперти пробыть весь день — не понимаю.

Эльмира.

Свой домъ всѣмъ прочимъ я домамъ предпочитаю.

Аристъ.

Но прежде отчего ѣзжала всюду ты?
И нынѣ способы къ тому не отняты.

Эльмира.

Веселость свѣтская меня къ себѣ манила,
Когда я дней моихъ тебѣ не посвятила;
Большой же нынѣ свѣтъ мнѣ сталъ казаться малъ.

Аристъ.

Но отчего же я отъ свѣта не отсталъ,
А дорожу тобой все болѣе и болѣ?

Эльмира.

Пожалуй, выѣзжать я буду поневолѣ.

Аристъ.

Притомъ и не видать въ тебѣ талантовъ тѣхъ,
Которыми сперва обворожала всѣхъ.
Повѣрь, со стороны объ этомъ думать можно,
Что свѣтскихъ дѣвушекъ образованье ложно,
Невинный вымыселъ, уловка матерей,
Чтобы избавиться отъ зрѣлыхъ дочерей;
Безъ мыслей матушка проронитъ два, три слова,
Что дочка будто ей даритъ рисунокъ новой;
Едва льзя выпросить на диво посмотрѣть.
Выносятъ наконецъ ландшафтъ или портретъ,
Съ восторгомъ всѣ кричатъ: возможно ль, какъ вы скромны!—
А чай работали художники наемны.
Потомъ красавица захочетъ слухъ прельщать,—
За фортопьяны; тутъ не смѣютъ и дышать,
Дивятся, ахаютъ рукѣ столь бѣглой, гибкой,
Межъ тѣмъ учитель ей подлаживаетъ скрыпкой;
Потомъ влюбленнаго какъ въ сѣти завлекли,
Въ загонѣ живопись, а инструментъ въ пыли.
Все это сказано межъ нами не для ссоры.

Явленіе I.

Эльмира.

Заслуживаю ль я подобныя укоры?
Я думала, къ пѣнью прошла моя пора;
Въ угодность же тебѣ я буду пѣть съ утра,
На балѣ проведу всю ночь.

Аристъ.

Забудемъ это,
Помыслимъ о другомъ. — Уже подходитъ лѣто,
Какія мѣры брать располагаешь ты?

Эльмира.

Какія могутъ быть тобою приняты.

Аристъ.

Оставимъ городской шумъ вѣчной, пыль и сплетни,
На дачѣ проведемъ мы ясные дни лѣтни.

Эльмира.

Пожалуй.

Аристъ.

Но боюсь, нескроменъ сей пріютъ:
Непрошеные насъ близъ города найдутъ;
При томъ сосѣдство тамъ ужасно какъ наскучитъ.

Эльмира.

Куда жъ поѣдемъ мы?

Аристъ.

Меня страхъ это мучитъ.
Въ скитаньяхъ провести намъ лѣто какъ нибудь.

Эльмира.

На все согласна я.

Аристъ.

Куда жъ направимъ путь, —
Въ Крымъ или на Кавказъ?

Эльмира.

Куда тебѣ угодно.

Аристъ.

Куда угодно мнѣ — вотъ это безподобно!

Я мнѣніе твое желаю знать давно,
Чего-бъ хотѣла ты?

Эльмира.

Мнѣ право все равно.

Аристъ.

Такъ видно далѣе не ѣхать намъ заставы.

Эльмира.

Вездѣ, гдѣ вмѣстѣ мы, мнѣ радость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Все то, что мысленно ты можешь пожелать.

Аристъ.

И я признателенъ.

Эльмира.

Нѣтъ! я такъ замѣчала,
Что скучно все тебѣ.

Аристъ.

Мнѣ скучно?

Эльмира.

Да.

Аристъ.

Нимало.

Эльмира.

По крайнѣй мѣрѣ мнѣ казалось иногда,
Что сидя ты со мной не въ духѣ...

Аристъ.

Никогда.

Эльмира.

О, еслибъ ложныя мнѣ видѣлись примѣты!

Аристъ.

Я радъ съ тобою быть... однако, гдѣ газеты?
(Въ сторону).
Надъ ними все таки пристойнѣе зѣвать.

Эльмира.

Онъ занятъ чтеніемъ, — мнѣ тоже книгу взять.

Явленіе III.

Прежніе и Сафиръ.

Сафиръ.

За чтеньемъ мужъ съ женой, — видъ важной и степенной!
Примѣрная чета! божусь, неоцѣненно.

Аристъ.

Ахъ! какъ ты милъ, Сафиръ, что вспомнилъ обо мнѣ:
Мы утро цѣлое съ женой наединѣ.

Сафиръ.

Не позволительно и утренней порою
Скучать, любезной мой, съ супругой молодою.

Эльмира.

Мой мужъ вѣдомостьми былъ занятъ, а не мной.

Аристъ.

Что рано съ балу такъ уѣхалъ ты домой?
Досадно, по тебѣ мы поздо спохватились.

Сафиръ.

Я крѣпко задремалъ.

Аристъ.

А мы такъ все рѣзвились.
Въ Аглаю знаешь какъ Сердаликовъ влюбленъ?
Я настоялъ на томъ, чтобы взбѣсился онъ:
Съ Аглаей все шепталъ и танцовалъ нарочно;
А онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, дрожалъ, ворчалъ, ну точно
Не разъ обманутый ревнивый на часахъ.

Сафиръ.

Съ Аглаей всякому легко быть въ дуракахъ.

Аристъ.

Вездѣ, гдѣ только балъ, она необходима.

Эльмира, *въ сторону.*

А я здѣсь лишняя.

(Уходитъ).

Явленіе IV.

Аристъ и Сафиръ.

Сафиръ.

Теперь объ этомъ мимо;
Въ присутствіи жены поосторожнѣй будь.
Ба! да она ушла.

Аристъ.

Богъ съ ней, счастливый путь.

Сафиръ.

Не совѣстно ль тебѣ съ женою столько нѣжной
Вести себя, какъ ты, такъ сухо, такъ небрежно?

Аристъ.

Да, очень совѣстно, пожалуй побрани.

Сафиръ.

Въ уединеніи она проводитъ дни,
До утра твоего ждетъ съ бала возвращенья.

Аристъ.

А мнѣ что за нужда? какія утѣшенья!
Что съ ней я, что одинъ, не все ли мнѣ равно?
Хожу по комнатѣ, глазѣю съ часъ въ окно;
Скажу ей что-нибудь, — она мнѣ потакаетъ,
И рѣчь въ устахъ моихъ не кончась замираетъ.
У насъ съ Эльмирою эмблемой приняты
Не розоны, мой другъ, а маковы цвѣты.

Сафиръ.

И тягостно тебѣ согласіе домашне?

Аристъ.

Да, сударь, тягостно согласіе всегдашне.
Зачѣмъ она молчитъ и убѣгаетъ свѣтъ?
Причиной спѣсь, иль лѣнь; ума въ ней что ли нѣтъ?
О! пропасть въ ней ума; но кто про это знаетъ?
И дарованій тьма, — она ихъ всѣ скрываетъ;

Прекрасная собой, — одѣта не къ лицу!...
Я впрямь былъ внѣ себя, когда мы шли къ вѣнцу,
Какъ въ первой разъ меня Эльмира обнимала!...
Нѣмыя ласки тѣ божественны сначала,
А въ продолженіи весьма надоѣдятъ.

САФИРЪ.

Иной подумаетъ, что ты давно женатъ.

АРИСТЪ.

По справедливости, три мѣсяца — три вѣка!...
Съ Эльмирой можно близь тѣнистаго просѣка,
Подъ свѣсомъ липовымъ, на бархатномъ лужку
Любиться, нѣжиться, какъ надо пастушку,
И таять весь свой вѣкъ въ безмолвьи неразлучно.
Все это весело въ стихахъ, а впрочемъ скучно.

САФИРЪ.

Ты правъ, на что она скромна, тиха, мила;
Нѣтъ, лучше чтобъ она кокеткою была.

АРИСТЪ.

Кокетка!... знаешь ли, ужасно только слово.

САФИРЪ.

Кромѣ значенія нѣтъ ничего худого.

АРИСТЪ.

Пусть ищетъ нравиться моя Эльмира всѣмъ,
Но любитъ лишь меня, и я доволенъ тѣмъ.

САФИРЪ.

Ахъ! убѣгая разъ она домашней сѣни,
Тобою занята гораздо будетъ менѣй;
Потомъ, какъ врозь она привыкнетъ быть съ тобой,
Не мудрено, что ей понравится другой.
Потомъ — какъ раза два она тебя обманетъ,
Глядь, въ очередь свою виновной охать станетъ.

АРИСТЪ.

Мой будущій удѣлъ я знаю напередъ;
Въ нашъ вѣкъ степенница по свадьбѣ черезъ годъ

Беретъ любовника; — единобразье скушно,
И мужъ на то глядѣть обязанъ равнодушно.
Все это сбыточно, все это быть должно
Со мною, какъ съ другимъ, — такъ разъ заведено.
Однако до тѣхъ поръ хотѣлъ бы я въ Эльмирѣ
Всѣ видѣть способы искусства, средства въ мірѣ,
Рядиться, нравиться, пріятной, ловкой быть,
А болѣе еще чтобъ таковой прослыть;
Чтобъ рой любовниковъ при ней былъ ежечасно,
Но ею презрѣнный, рой жалкій и несчастной!
А я бы думать могъ, на этотъ рой смотря:
Старайтесь кругъ ее, а наслаждаюсь я!

САФИРЪ.

Ребячество, мой другъ, ребячество большое;
И скрашивать на что сужденіе пустое?
Скажи, что молодъ ты супругомъ путнымъ быть,
Не въ силахъ качества жены своей цѣнить.

АРИСТЪ.

Любовь моя къ женѣ родъ страсти, обожанье!...
Постой, да нынѣ мнѣ назначено свиданье.
Прощай, любезной мой.

САФИРЪ.

Съ Аглаей?

АРИСТЪ.

Точно такъ.

САФИРЪ.

Ну можно ль предпочесть ее женѣ?

АРИСТЪ.

Никакъ.

Я знаю, что женѣ супруги должность свята,
А у вертушкѣ той я можетъ быть десятой;
Но съ нею въ забытьи я время провожу,
Съ женою жъ разговоръ едва ли нахожу;
И наконецъ тебѣ довѣрить можно смѣло,
Что нынѣ какъ въ судѣ мое рѣшаютъ дѣло,

Явленіе V.

И можетъ приберутъ имѣніе къ рукамъ,
Я, вмѣсто чтобъ скакать по стряпчимъ, по судамъ,
Платить и кланяться, къ прелестницѣ поѣду,
А ты покуда здѣсь останься, проповѣдуй!

(Уходитъ).

Сафиръ.

Поди, сударь, къ женѣ. — Вотъ сущій вѣтрогонъ!
Чему жъ дивиться намъ, что мало вѣрныхъ женъ.

Явленіе V.

Сафиръ и Эльмира, *одѣтая съ большимъ вкусомъ, чѣмъ прежде.*

Эльмира.

Мнѣ споры ваши всѣ изъ спальней были слышны.
Къ увѣщеванію слова, труды излишни,
И горести мои извѣстны вамъ однимъ.
Я опасалась въ нихъ довѣриться роднымъ,
Чтобъ не доставить тѣмъ худой Аристу славы.

Сафиръ.

Онъ виноватъ кругомъ, но вовсе ли вы правы?

Эльмира.

Ужъ вы все знаете, судите вы меня.
Съ тѣхъ поръ, какъ я за нимъ, доселѣ, не смотря
На частыя его отсутствія, холодность,
Я дѣлаю ли что Аристу въ неугодность?
Противурѣчу ли, мѣшаю ль въ чемъ нибудь?
Иль жалуюсь когда, ропщу? Ахъ! нѣтъ, отнюдь;
Я одобряю все, что нужнымъ онъ находитъ,
Не спрашиваю, гдѣ онъ дни свои проводитъ;
Что бъ ни задумалъ онъ, я передъ нимъ молчу
И воли собственной имѣть я не хочу.
Вотъ всѣ вины мои.

Сафиръ.

И что же? очень худо.
Гдѣ нѣтъ взаимности, раждается остуда;
Ее же претворитъ одинъ мертвящій взоръ,
Любовь въ раскаянье, согласіе въ раздоръ

И цѣпь цвѣточную въ желѣзныя оковы;
Примѣры этому и многи и не новы.

Эльмира.

Итакъ, не должно мнѣ покорной мужу быть?

Сафиръ.

Нѣтъ, дайте мнѣ сполна вамъ это объяснить.
Тотъ мужъ, мы напримѣръ какимъ Ариста знаемъ,
Увѣренный, что онъ женою обожаемъ,
Что ясныхъ дней его ничто не помрачитъ,
Въ безпечности благой живетъ какъ Сибаритъ;
Вседневны ласки онъ съ холодностью пріемлетъ;
Взаимность райская утихнетъ и задремлетъ;
Ему ничто не впрокъ, и чуждъ сердечный страхъ.
Нѣтъ! постарайтесь быть хотя въ его глазахъ
Вы легкомысленнѣй и больше прихотливы;
Увидите, какой онъ будетъ боязливый.
Едва опомнится, что можетъ потерять
Блаженство, коимъ сталъ онъ такъ пренебрегать,
Съ супругой-ангеломъ въ любви минутахъ тайныхъ,
Онъ въ заблужденіяхъ раскается случайныхъ,
И образумясь, вамъ покоренъ будетъ вновь.

Эльмира.

Не послушаніе мнѣ нужно, а любовь.

Сафиръ.

Но возвратить ее нѣтъ способа другова.

Эльмира.

Хоть нынѣ умереть я за него готова.

Сафиръ.

Не надо умирать; приличнѣй средство есть,
Чтобъ чувства прежнія Ариста вамъ обрѣсть.

Эльмира.

И способъ случай мнѣ давно къ тому доставилъ:
Мой мужъ въ разсѣянын, дѣла свои оставилъ,
Но я за нихъ взялась, радѣла какъ могла,
У должностныхъ людей по цѣлымъ днямъ была,

На малу опытность мою съ прискорбьемъ глядя,
Мнѣ руку помощи въ томъ подавалъ мой дядя.
У мужа тяжба есть по дѣлу одному,
И производится невѣдомо ему.
Хотя на сторонѣ его и справедливость,
Въ неправоту ему вмѣнили бъ нерадивость.
Я не щадила просьбъ, подарковъ и хлопотъ.
Сегодня жданный день рѣшенья настаетъ.
Я ѣду, чтобъ узнать, успѣшно ль окончанье;
Увидитъ пусть Аристъ мое объ немъ старанье.

САФИРЪ.

Возможно ль, чтобъ онъ былъ неблагодаренъ вамъ?
Вы болѣе объ немъ печетесь, чѣмъ онъ самъ,
Но, ахъ!...

ЭЛЬМИРА.

Докончите, я вамъ охотно вѣрю.

САФИРЪ.

Вы возвратите ль симъ любви его потерю?
Конечно, скажетъ онъ, и скажетъ цѣлый свѣтъ:
Что дивныхъ качествъ вы, что вамъ подобной нѣтъ,
Что дѣлаете честь вы рѣдкихъ женъ сословью. —
Почтенье не всегда сопряжено съ любовью.

ЭЛЬМИРА.

Или намѣрены меня вы убѣдить,
Что нѣтъ возможности мнѣ мужу угодить;
Что сердца я его лишаюсь невозвратно.
Такъ! должно вѣрить мнѣ сему, хоть непріятно.
Онъ вовсе дѣйствуетъ тѣмъ чувствамъ вопреки,
Являлъ которыя, искавъ моей руки.
Въ тѣ дни, что для меня такъ памятны, такъ сладки,
Онъ все любилъ во мнѣ — и даже недостатки.

САФИРЪ.

О! въ этомъ нечего меня вамъ увѣрять!
Какъ васъ не полюбить? вамъ суждено плѣнять.
Но узниковъ своихъ чтобъ пріучить къ неволѣ,
На то потребно средствъ еще гораздо болѣ;

Онѣ, сударыня, для васъ не мудрены;
Зачѣмъ отбросили свои таланты вы?
Искусствомъ нравиться пренебрегать не надо.
Вы хороши собой хотя и безъ наряда;
Но что вы, какъ теперь, одѣты не всегда?
Зачѣмъ не ѣздите въ собранья иногда,
Которыхъ можете быть первымъ украшеньемъ?
Тамъ возбужденныя правдивымъ восхищеньемъ
Хвалы, съ которыми къ вамъ всякой поспѣшитъ, —
Ручаюсь, что Аристъ ихъ дорого цѣнитъ.

Эльмира.

Ужели кисея, надѣтая удачно,
Ему замѣнитъ взоръ мой ласковой, безмрачной?
Ужель неискренній восторгъ, похвальной бредъ,
Который такъ легко всѣмъ удѣляетъ свѣтъ,
Захочетъ онъ сравнять съ горячностію тою,
Съ которой можетъ онъ быть мной любимъ одною?

Сафиръ.

О, нѣтъ! конечно, нѣтъ; но видя каждый разъ
Вездѣ угодниковъ, вздыхателей кругъ васъ,
Самъ будетъ угождать, къ свому привыкнетъ дому,
Чтобъ сердца вашего не уступить другому.

Эльмира.

Довольно; вѣрьте мнѣ, что до минуты сей
Скрывалась дома я, таилась отъ людей
Не для того, чтобъ быть мнѣ отъ другихъ отличной, —
Любить веселье мнѣ подобно всѣмъ прилично: —
Утѣхи, счастіе, всѣхъ радостей соборъ,
Въ Аристѣ мнѣ одномъ мечтались до сихъ поръ.
Онъ насмѣхается надъ чувствами моими.
Съ теперешней поры и я прощаюсь съ ними:
Родъ жизни я моей перемѣняю весь;
И съѣздовъ ежели у насъ не будетъ здѣсь,
То цѣлый день и ночь искать ихъ буду вчужѣ.

Сафиръ.

Вотъ удивите вы весь свѣтъ!

Явленіе V.

Эльмира.

Такъ удивлю же.

Сафиръ.

И симъ поддержите честь пола своего.
Я знаю, женщинамъ нѣтъ легче ничего,
Какъ премѣнять свой видъ, и даже свойства, мнѣнья...
Но кстати, вы теперь начните превращенья:
Сыграйте что нибудь и спойте въ добрый часъ;
Пусть Музы, Аполлонъ, и, словомъ, весь Парнасъ
Благопріятствуютъ успѣшному началу.

Эльмира.

Давно не пѣла я.

Сафиръ.

Попробуйте.

Эльмира.

Пожалуй.

(Садится за фортепіано и поетъ),

1.

Боги! Лида унывая
Въ грусти вопіетъ своей:
Ахъ! красавица какая
Въ мирной есть долинѣ сей,
Что отъ жалкой Лиды кроясь
Разлучаетъ съ милымъ насъ!
Иль она Венеринъ поясъ
Получила въ даръ отъ васъ?

*

Пристойнѣе бы мнѣ совсѣмъ не начинать.

Сафиръ.

И таковой талантъ вы можете скрывать?
Какъ дурно скромничать не къ мѣсту. — Продолжайте.

Эльмира.

Смотрите жъ, за глаза меня не осуждайте.

2.

Вдругъ, какъ вѣтерокъ привѣя,
Лель ей на ушко шепнулъ:

Ты пастушекъ всѣхъ милѣе!
Но Филонъ едва вздохнулъ,
Отъ тебя все получаетъ;
Для того не ищетъ вновь:
Гдѣ желанье умолкаетъ,
Умолкаетъ и любовь.

*

Что ежели Аристъ пришелъ бы сей порой?

САФИРЪ.

Не знаю, что бы онъ, а я ужъ самъ не свой!

Явленіе VI.

ЭЛЬМИРА, САФИРЪ и АРИСТЪ *входитъ и останавливается въ дверяхъ.*

3.

И подшедъ Филонъ къ прекрасной,
Ей не встрѣченъ въ первой разъ;
Проситъ поцѣлуй напрасно:
За отказомъ вслѣдъ отказъ;
Въ просьбахъ и сопротивленьи
Длится нѣги сладкій часъ,
И любовникъ въ упоеньи
Счастливъ — будто въ первый разъ.

*

Ей Богу, ваше мнѣ сужденіе опасно.

АРИСТЪ.

Неподражаемо! божественно! прекрасно!

ЭЛЬМИРА.

Я не замѣтила тебя; давно ль ты здѣсь?

АРИСТЪ.

Что жъ дѣлать, гдѣ талантъ, бываетъ также спѣсь.
Но чьимъ обязанъ я всесильнымъ убѣжденьямъ?
Кто приманилъ тебя къ забытымъ упражненьямъ?
Ты думала ль меня пріятно удивить?

Явленіе VI.

Эльмира.

О! благодарностью ты можешь не спѣшить:
Вотъ упросилъ меня.

Аристъ.

Сафиръ?

Эльмира.

Да, онъ.

Аристъ.

Измѣна!
Я сколько приставалъ и падалъ на колѣна,
И все не могъ тебя на это преклонить.

Эльмира.

Какъ будто бы мужья умѣютъ попросить;
Ихъ просьба на приказъ ужасно какъ походитъ,
А повелѣніе до сердца не доходитъ.

Сафиръ.

Аристъ! тебѣ урокъ.

Аристъ.

Старательной уборъ;
А принужденія не замѣчаетъ взоръ;
Платочекъ на груди какъ вѣтерокъ навѣянъ.

Эльмира.

Я ѣхать собралась.

Аристъ.

Ты ѣдешь?

Эльмира.

Въ магазейнъ.

Аристъ.

И въ магазейнъ?

Эльмира.

Да.

Аристъ.

Не вѣрю я ушамъ.

Эльмира.

Тьму разныхъ мелочей я заказала тамъ,
И надо кое что для нынѣшняго балу.

Аристъ.

Для балу?

Эльмира.

Точно такъ.

Аристъ.

Но объяснись пожалуй,
Пустынническій духъ ужели впрямь изчезъ?
Тебя ли слушаю? Давно ли до небесъ
Уединеніе ты мнѣ превозносила?

Эльмира.

И это помнишь ты? я право позабыла.

Аристъ.

Забыла правила любимы черезъ часъ?
И вотъ, о женщины! не обижая васъ,
Вотъ та, которая изъ самыхъ постоянныхъ!

Эльмира.

Ты первый недругъ былъ всѣхъ этихъ правилъ странныхъ;
Сафиръ противу ихъ меня охолодилъ.

Аристъ.

И все таки Сафиръ.

Эльмира.

Тебѣ онъ угодилъ:
Онъ сдѣлалъ, что твои уважила я мнѣнья;
Ты вѣрно очень радъ?

Аристъ, *сухо.*

Я нѣмъ отъ восхищенья.
Да какъ послушалась Сафировыхъ ты словъ
Такъ скоро, — невзначай?

Эльмира.

И безъ большихъ трудовъ.
Мнѣ перестали быть тѣ общества противны,
Гдѣ предвѣщаетъ онъ веселья непрерывны;
Гдѣ можно нравиться легко въ моихъ лѣтахъ.
Нѣтъ! больше не сижу я въ четырехъ стѣнахъ.
Пускай къ разсѣянью кто нову страсть осудитъ:
Сафиръ ее внушилъ и отвѣчать онъ будетъ.

САФИРЪ.

За что такая честь! я право ужъ боюсь,
Что краснорѣчіемъ невольно возгоржусь.

ЭЛЬМИРА.

Не даромъ — въ полчаса вы совершить умѣли
То, въ чемъ бы во сто лѣтъ другіе не успѣли.

АРИСТЪ.

Завиденъ тотъ, кому даръ слова данъ такой.
Такъ вмѣстѣ на вечеръ поѣдемъ мы съ тобой.

ЭЛЬМИРА.

И нѣтъ! тамъ многіе, въ сужденьи торопливы,
Безвинно посвятятъ тебя въ мужья ревнивы,
Или найдутъ, что мы какъ пара голубковъ;
Я жъ отъ двусмысленныхъ шептаній, полусловъ
Старалась по сихъ поръ быть сколько можно далѣ.

АРИСТЪ.

Какъ! если вмѣстѣ мы покажемся на балѣ,
Двусмысленно о томъ свѣтъ будетъ говорить?
Мнѣ все двусмысленнымъ ужъ начинаетъ быть.

ЭЛЬМИРА.

Сафиръ! еще совѣтъ: какого лучше цвѣту
Купить бы шляпку мнѣ?

САФИРЪ.

Малиноваго.

АРИСТЪ.

Нѣту,
По мнѣ небеснаго.

ЭЛЬМИРА.

Нѣтъ, нѣтъ!

АРИСТЪ.

А почему?

ЭЛЬМИРА.

Не вѣрю иногда я вкусу твоему.

АРИСТЪ.

Подписанъ приговоръ! мой вкусъ уже пороченъ!

Эльмира.

Пороченъ не скажу, а перемѣнчивъ очень.
Но съ вами нехотя я время упущу,
Прощайте; ежели найду, чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафиръ! желайте мнѣ успѣха.

(Уходитъ).

Явленіе VII.

Аристъ и Сафиръ.

Аристъ.

Что за диво!

Сафиръ.

Каковъ съ Аглаей ты? — Она тебя нашла,
Иль ты ее сыскалъ?

Аристъ, *не внимая ему.*

При всемъ томъ какъ мила!

Сафиръ.

Надѣюсь, для тебя всего милѣе свѣта.
Увы! на долго ли?

Аристъ.

Какъ хорошо одѣта!

Сафиръ.

О! этимъ славится не безъ причинъ она;
Что болѣе въ ней есть?

Аристъ.

Жива, ловка, умна!

Сафиръ.

Пріятно сладостныхъ часовъ воспоминанье!
А гдѣ произошло съ любезною свиданье?
Что сдѣлалось съ тобой? какъ ты задумчивъ.

Аристъ.

Да,
Я таковой ее не видѣлъ никогда!

Сафиръ.

Вскружила голову тебѣ совсѣмъ Аглая,
Скажи по совѣсти?

Явленіе VIII.

Аристъ.

Охъ, братецъ, нѣтъ, другая.

Сафиръ.

Другая уже? я какъ вкопаной стою!

Аристъ.

Да, я влюбился вновь.

Сафиръ.

Въ кого?

Аристъ.

Въ жену мою.

Сафиръ.

Вотъ новости еще!

Явленіе VIII.

Прежніе и Эльмира.

Эльмира.

Какъ будто это надо,
Чтобъ именно со мной тутъ встрѣтилась досада.

Аристъ.

А что случилось?

Эльмира.

Что? вы бъ это не снесли.

Аристъ.

Быть можетъ; но скажи...

Эльмира.

Вы бы съ ума сошли.

Аристъ.

Я вѣрю, но скажи, въ чемъ происходитъ дѣло?

Эльмира.

Ужели о пустомъ я такъ бы зашумѣла?

Аристъ.

Печальное пришло извѣстье?

Эльмира.

Охъ, не то!
Мнѣ плакать хочется.

Аристъ.

Не умеръ ли ужъ кто?

Эльмира.

Не можетъ развѣ быть несчастія иного?

Аристъ.

Да что же сдѣлалось?

Эльмира.

Карета не готова.

Аристъ.

Загадки этой я не разрѣшилъ бы въ вѣкъ.

Эльмира.

Васъ это веселитъ, счастливый человѣкъ!
Въ забаву для себя все обратить умѣетъ.
Но если новое мнѣ платье не поспѣетъ,
То я не знаю въ чемъ уже на балѣ быть.

Аристъ.

Уже? такъ перестань мой другъ себя крушить:
Едва ты явишься, и, позабывъ наряды,
На красоту твою всѣ обратятся взгляды.

Эльмира.

Удачно мадригалъ вы, сударь, мнѣ сплели;
Аглаѣ лучше бы его поберегли.

Аристъ.

Какъ! что это?

Эльмира.

Сафиръ! пожалуй подойдите.

Сафиръ.

Чего изволите?

Эльмира.

Рукавчикъ завяжите.
Послушайте меня. *(Тихо ему)*. Аристъ не долженъ знать,
Что по его дѣламъ я ѣду хлопотать.

Сафиръ.

Я умолчалъ о томъ.

Эльмира.

Я этого страшилась,
И только для того сюда къ вамъ воротилась.

Явленіе IX.

Аристъ, *въ сторону.*

Они съ ней шепчутся.

Эльмира, *громко.*

Благодарю.

Сафиръ.

За что жъ?

Аристъ.

У васъ таинственность; а я на что похожъ?

Эльмира.

И тайну чтобъ узнать, догадки надо много.

Аристъ.

Сафиръ! прошу сказать.

Эльмира.

Сафиръ! ахъ! ради Бога!

Сафиръ.

Не бойтесь, не скажу.

Аристъ.

Я угадаю самъ.

Эльмира.

Ломайте голову, я позволяю вамъ;
А вы не дѣлайте, Сафиръ, ему разсказы.
Пора ужъ отомстить мнѣ за его проказы.

(Уходитъ).

Явленіе IX.

Аристъ и Сафиръ.

Аристъ.

Конечно, ежели сего лишь захотятъ,
И ангела съ пути прямого совратятъ,
Не правда ли, Сафиръ?

Сафиръ.

Мнѣ это не понятно.

Аристъ.

Не ждалъ отъ дружбы я услуги столь пріятной.

Сафиръ.

Пожалуй объяснись.

Аристъ.

Иль славно поступилъ
Ты, что женѣ мою съ Аглаей связь открылъ?

Сафиръ.

Кто, я?

Аристъ.

Да, ты.

Сафиръ.

Аристъ!

Аристъ.

Сознайся, что некстати
Увѣдомлять жену о мужниномъ развратѣ, —
Коль вѣтренность мою такъ можно называть.

Сафиръ.

Аристъ!

Аристъ.

Когда же мнишь любовь ея спискать,
То лучше отложи всѣ ковы въ долгой ящикъ.
Такой ли женщинѣ пріятенъ пересказчикъ?

Сафиръ.

Ужъ это черезъ чуръ! — Вотъ на, — рука моя,
Что ей не говорилъ о томъ ни слова я.

Аристъ.

Да кто же ей сказалъ?

Сафиръ.

Кто! — мнѣ какое дѣло?
Но только что не я, могу увѣрить смѣло.

Аристъ.

Ужели у меня есть скрытные враги,
Привыкшіе мои извѣдывать шаги?...

Сафиръ.

Ты все колеблешься? Я повторяю снова:
Не я о томъ сказалъ, даю честное слово.

Аристъ.

Довольно; извини, прости меня, Сафиръ.

САФИРЪ.

Какъ могъ подумать ты?

АРИСТЪ.

Ну, миръ.

САФИРЪ.

Пожалуй, миръ.

АРИСТЪ.

Я очень чувствую, что это быть не можетъ.
Не знаю, нынѣ что весь день меня тревожитъ?

САФИРЪ.

А поводъ къ этому?

АРИСТЪ.

Эльмира. — Посуди,
Блаженство обрѣталъ я на ея груди;
Смиренный, тихій нравъ, испытанный во многомъ,
Любви достаточнымъ казался мнѣ залогомъ.
Я такъ увѣренъ былъ, безпеченъ, что ей, ей,
Въ объятіяхъ ея не помышлялъ объ ней.
Внезапно кротость та пожертвована вздору;
Эльмира внѣ себя отъ шляпки, отъ убору:
Она сбирается на балъ, а я — сказать стыжусь! —
И въ провожатые ужъ болѣ не гожусь.

САФИРЪ.

Ну, чтожъ? ей можетъ быть единообразье скучно,
И ты на то глядѣть обязанъ равнодушно.

АРИСТЪ.

Я это говорилъ, я точно не былъ правъ:
Еще не зналъ тогда я ревности отравъ.

САФИРЪ.

А нынѣ чувствуешь?

АРИСТЪ.

Не точно ревность...

САФИРЪ.

Что же?

АРИСТЪ.

А что-то на нее ужасно какъ похоже.

Сафиръ.

Мой другъ, не вовсе ль ты разсудокъ потерялъ?
Когда жена твоя, чего ты самъ желалъ,
Къ приманкамъ свѣтскости не столько хладнокровна,
Уже ты внѣ себя, уже она виновна.

Аристъ.

Премѣнчивости тѣнь убійственна тому,
Кто ввѣрился, какъ я, блаженству своему. —
Постой, что давича она тебѣ шептала?

Сафиръ.

Вотъ видно на меня опять сомнѣнье пало.
Весь толкъ о шляпкѣ былъ; ты вѣрно слышалъ самъ?

Аристъ.

Неправда, выдумка, я вижу по глазамъ.
Скажи мнѣ истину сейчасъ — или ни слова.

Сафиръ.

По крайней мѣрѣ нѣтъ тутъ ничего такова,
Что непріятность бы могло тебѣ подать.

Аристъ.

Къ чему жъ таинственность?

Сафиръ.

Я обѣщалъ молчать.

Аристъ.

Довольно.

Сафиръ.

Что съ тобой? въ лицѣ весь измѣнился.

Аристъ.

Тебѣ знать чудится.

Сафиръ.

Ну, право, разсердился.

Аристъ.

Я... ничего.

Сафиръ.

Постой, куда же ты пошёлъ?

Аристъ.

Я такъ...

Явленіе X—XI.

САФИРЪ.

Куда, скажи?

АРИСТЪ.

Здѣсь воздухъ мнѣ тяжёлъ.

(Уходитъ).

Явленіе X.

САФИРЪ, *одинъ.*

И это былъ Аристъ! онъ можетъ быть ревнивымъ!
Такъ! вертопрахамъ онъ примѣръ велерѣчивымъ;
Блаженства сущностью они не дорожатъ:
Его утративши, по немъ же загрустятъ.

Явленіе XI.

САФИРЪ и ЭЛЬМИРА.

САФИРЪ.

Вы скоро съѣздили.

ЭЛЬМИРА.

Не правда ль, торопливо?
Не менѣе того мой выѣздъ пресчастливой;
И въ сей записочкѣ еще подтверждено,
Что въ пользу дѣло все Ариста рѣшено.
Прочтите, — съ симъ письмомъ слуга мнѣ повстрѣчался.
Успѣхомъ наконецъ мой поискъ увѣнчался.

САФИРЪ.

Я поздравляю васъ.

ЭЛЬМИРА.

А что Аристъ?

САФИРЪ.

Пропалъ.

Отчаянно брюзгливъ и недовѣрчивъ сталъ;
Любезныя черты ревнивца онъ являетъ.

ЭЛЬМИРА.

Что неожиданно его перемѣняетъ?

САФИРЪ.

Что хочетъ женщина, то сбудется всегда.

Эльмира.

Какіе случаи бываютъ иногда:
Я радуюсь тому, о чемъ иная плачетъ;
Мой мужъ ревнивъ!

Сафиръ.

И какъ!

Эльмира.

Сафиръ! что это значитъ?

Сафиръ.

То значитъ, что ему досталось упывать.

Эльмира.

О! я берусь его достойно наказать:
Отъ дядюшки письмо я утаю до срока,
Его промучаю весь день.

Сафиръ.

Ахъ! какъ жестоко!

Эльмира.

Мной чувства жалости совсѣмъ отдалены;
Съ ума его сведу.

Сафиръ.

По милости жены,
На первой попадетъ въ число онъ съумасшедшихъ.

Эльмира.

Нѣтъ! а раскается онъ въ шалостяхъ прошедшихъ,
Ручаюсь вамъ за то.

Явленіе XII.

Прежніе и Аристъ *въ дверяхъ*.

Сафиръ.

Признаться, что Аристъ
Предъ вами совѣстью своей не очень чистъ,
И наказанія примѣрнаго достоинъ.

Эльмира.

И накажу его, онъ можетъ быть покоенъ.

Явленіе XII.

САФИРЪ.

А чѣмъ? не этимъ ли письмомъ?

ЭЛЬМИРА.

Чѣмъ Богъ послалъ.
Отдайте мнѣ его, чтобъ онъ не увидалъ.

АРИСТЪ.

И такъ сбылись мои правдивыя сомнѣнья!
Скажи, безсовѣстной, еще въ недоумѣньи
Не знаю какъ судить мнѣ по твоимъ словамъ:
Помощникъ что ли ты, иль обольститель самъ?

САФИРЪ.

Къ кому такая рѣчь?

ЭЛЬМИРА.

Замѣшаны мы оба.

АРИСТЪ.

Ужъ болѣ не къ лицу невинною особой
Прикидываться вамъ: сей день васъ обличилъ;
Довольно времени я легковѣренъ былъ.

САФИРЪ.

Обдумайся, Аристъ.

ЭЛЬМИРА.

Онъ въ полномъ ли разсудкѣ?

АРИСТЪ.

О! бросьте наконецъ безвременныя шутки.
Скажи, сударь!... Иль нѣтъ, оставь покуда насъ;
Мы лучше свидимся съ тобою черезъ часъ,
Тогда произойдетъ короче объясненье.

САФИРЪ.

Но что ввело тебя въ такое изступленье,
Скажи причину намъ?

АРИСТЪ.

Оно у ней въ рукахъ.

САФИРЪ И ЭЛЬМИРА.

Письмо!

Аристъ.

Неужели вы ощутили страхъ?

Сафиръ.

Дай мнѣ тебѣ сказать...

Аристъ.

Мнѣ слушать не досужно.

Сафиръ.

Одно...

Аристъ.

Не надобно.

Сафиръ.

Лишь слово дай...

Аристъ.

Не нужно.

Эльмира.

Вы видите, Сафиръ, онъ кажется въ бреду;
Поднте, пусть его упрямится.

Сафиръ.

Иду.

Онъ право жалокъ мнѣ!

Аристъ.

Ужимки бросьте эти:
Еще ль вамъ повторять, что намъ не нуженъ третій?

(Сафиръ уходитъ)

Явленіе XIII.

Аристъ и Эльмира.

Эльмира.

Чего хотите вы? вотъ мы наединѣ.

Аристъ.

Не вамъ распрашивать, сударыня, а мнѣ.

Эльмира.

Чего хотите вы?

Аристъ.

Чего? вопросъ забавной!
Подайте мнѣ письмо, гдѣ я увижу явно,
Какъ женской честности вы презрѣли законъ,
Какъ вами я забытъ, поруганъ, оскорбленъ!

Эльмира.

Поруганъ! оскорбленъ! — какія выраженья!
Но ваши не хочу я разрѣшать сомнѣнья,
И не отдамъ письма.

Аристъ.

Должны его отдать,
Иль бѣшенство мое хотите испытать?

Эльмира.

Подумайте — читать письмо чужое низко,
И хлопотенъ надзоръ надъ женской перепиской.

Аристъ.

Я, кажется, вамъ мужъ.

Эльмира.

Я, сударь, вамъ жена;
И любопытствомъ я большимъ одарена,
Но ваши тайны мнѣ всегда казались святы.

Аристъ.

Вамъ свято что нибудь! не я ль ужъ виноватый?
Подайте мнѣ письмо.

Эльмира.

Нѣтъ, право, не отдамъ.
Читаю ль я когда, что пишетъ часто вамъ
Любезная для васъ, прелестная Аглая,
И можетъ быть еще прелестница другая?

Аристъ.

Какъ заблужденія дерзаете равнять
Мои вы съ вашими? Иль вамъ растолковать:
Мои суть шалости, а ваши преступленья.

Эльмира.

Гдѣ эти ветхія нашли вы наставленья?

Аристъ.

Но и погрѣшности мои вамъ не покровъ:
Я вамъ не вѣренъ былъ на нѣсколько часовъ;
А въ доказательство, здѣсь для моей очистки,
Вотъ какъ я берегу любовныя записки.
Вынимаетъ записки изъ бумажника и рветъ.

Эльмира.

Ахъ! доказательства не служатъ ни къ чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И безполезнѣе, когда я къ вамъ остыла.

Аристъ.

Въ глаза мнѣ говоритъ, что точно измѣнила!
Простительно ль сему безстыдству мнѣ внимать?
Не думайте, чтобъ я васъ могъ подозрѣвать
По недостаточной какой нибудь причинѣ;
Нѣтъ! поводъ вы къ сему мнѣ подали не нынѣ,
А перемѣну въ васъ замѣтилъ я давно.

Эльмира.

Что вы замѣтили?

Аристъ.

То, что... Но все равно,
Я тысячу могу вамъ случаевъ изчислить,
По коимъ долженъ былъ объ васъ я худо мыслить;
Довольно было бы смѣшно не замѣчать
Мнѣ на лицѣ у васъ унынія печать,
Когда наединѣ мы оставались съ вами;
И часто думалъ я, что кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вамъ выѣзжать со мной. —
Сегодня поутру, на что искать мнѣ далѣ,
Въ смятеньи были вы, погружены въ печали,
Когда напомянулъ я объ деревнѣ вамъ;
Конечно скоро бы прибѣгнули къ слезамъ,
Къ упрекамъ, жалобамъ! — на дѣло не похоже!...
Является Сафиръ, я ухожу — и чтоже?
Откуда все взялось на бѣдствіе мое:

Явленіе XIII.

Веселость, острота, наряды и пѣнье,
Всѣ, словомъ, женскія чертовскія приманки.
Я въ дверь, вы со двора, и очень спозаранки.
Не вѣдаю, какой злой духъ въ меня вдохнулъ,
Чтобы Сафиру я объ этомъ намекнулъ!
Измѣнникъ! надъ моимъ ругался какъ несчастьемъ!
Какъ утѣшалъ меня притворнымъ соучастьемъ!
Непринужденно какъ смѣялся, ободрялъ!
Отъ горькой истины какъ хитро отвращалъ!
Какъ другомъ и женой жестоко я обманутъ!
Но болѣе меня обманывать не станутъ.
Что вы потупили глаза? вы смущены?
Подайте жъ мнѣ письмо.

Эльмира.

Мой Богъ! какъ вы смѣшны!

Аристъ.

Я очень чувствую; однако непристойно
Вамъ это замѣчать.

Эльмира.

Нравъ самой безпокойной.
Мнѣ, право, кажется, что вы больны — въ жару.
Не сами ль нынѣ вы твердили поутру,
Чтобъ одѣвалась я нарядней, выѣзжала,
Чтобъ дарованьями не столь пренебрегала?
По волѣ вашей я за это принялась,
И вышло невпопадъ; — какъ угодить на васъ?
Откуда прихотей вы набрались?

Аристъ.

Откуда?
Я впрямь не справедливъ, и былъ, и есмь, и буду!
Подайте мнѣ письмо.

Эльмира.

Пора объ немъ забыть.

Аристъ.

Какъ можете еще такой спокойной быть?

Эльмира.

Да это оттого, что нравъ имѣю ровной.

Аристъ.

Пожалуй говорить я стану хладнокровно.
Письмо я требую; прошу его отъ васъ
Не для того, чтобы съ сей вывѣской тотчасъ
Повсюду разглашать вашъ стыдъ, мое безчестье,
И вскорѣ безъ меня о томъ пройдетъ извѣстье;
Надъ этимъ случаемъ свѣтъ ѣдкость изострить,
Печальну истину раскрасить, распестрить;
Еще похвалитъ васъ, что мужа обманули.
Нѣтъ! лучше припасу двѣ роковыя пули:
Одну бездѣльнику, другую для себя.

Эльмира.

Какъ хладнокровно!

Аристъ.

Нѣтъ! васъ сверхъ всего любя,
Скажите, — я могу ль такъ вдругъ возненавидѣть?
Подайте мнѣ письмо, — ахъ! дайте мнѣ увидѣть,
Вамъ точно ли всегда другой казался милъ,
Все притворялись вы, я все обманутъ былъ.
Вы усмѣхаетесь; — кто смѣху здѣсь предметомъ?

Эльмира.

Я думала теперь, ей Богу, не объ этомъ.

Аристъ.

Не будемъ долѣе комедію играть;
Подайте мнѣ письмо, — вѣдь надобно жъ отдать?
Подайте, — право я за васъ боюсь.

Эльмира.

Не бойтесь.

Аристъ.

Подайте.

Эльмира.

Полноте.

Явленіе XIV.

Аристъ.

Подайте.

Эльмира.

Успокойтесь;

Возмите, вотъ оно.

Аристъ.

Что буду я читать?

Читаетъ.

„Не надлежало бъ такъ Ариста баловать,
„Эльмира, милый другъ! но такъ и быть; и дѣло
„Онъ нынѣ выигралъ, — ты этого хотѣла.
„Прощай, я остаюсь усердной дядя твой". N.
Эльмира! я дуракъ! прости мнѣ, ангелъ мой!

Эльмира.

Насилу сдѣлались опять вы справедливы.

Аристъ.

Я недовѣрчивый, неистовый, строптивый!
Какія клеветы произносилъ съ сердцовъ?
Для оправданія мнѣ не достанетъ словъ.

Явленіе XIV.

Прежніе и Сафиръ.

Сафиръ.

Вотъ неожиданность! хоть бы въ волшебныхъ тѣняхъ:
Супруга нѣжная въ слезахъ, мужъ на колѣняхъ!
Раскаянье, любовь, согласіе! — что, братъ?

Аристъ.

Предъ ней я, предъ тобой, предъ всѣми виноватъ.
Прости, Эльмира, мнѣ сомнѣнье безразсудно;
Конечно, мнѣ къ тебѣ его питать бы трудно;
Но мой неправый гнѣвъ... но и проступокъ сей,
Не есть ли вѣрной знакъ къ тебѣ любви моей?

Эльмира.

Нѣтъ, безпорочной мнѣ была холодность платой,
И ревность, я когда казалась виноватой.

Аристъ.

Что требуешь, скажи: чтобъ удалился я
Въ лѣса дремучіе, въ безлюдные края?
Мой другъ, изволь, и тамъ забуду я съ тобою
Веселья бурныя, утраченныя мною.

Эльмира.

Такія жертвы я, конечно, откажу:
Пріятность въ городѣ сама я нахожу.

Аристъ.

Какъ хочешь; но теперь въ столицѣ иль въ пустынѣ,
Съ тобою дома я всегда сижу отнынѣ
Днемъ, утромъ, вечеромъ и въ полдень, и въ полночь;
Всѣ вертопрашества и суетности прочь!

Эльмира.

Но дома не всегда меня ты видѣть будешь.

Аристъ.

Иль долго ты мою вину не позабудешь?...

Сафиръ.

Или прикажите мнѣ къ вашимъ пасть ногамъ.

Эльмира.

Прощаю — пусть онъ всѣмъ обязанъ будетъ вамъ.
(Аристу).
Такъ, если нѣсколько тебя сей день исправилъ,
Его благодаря: онъ и меня наставилъ,
Чтобъ вкусамъ я твоимъ старалась снисходить,
Затѣмъ, чтобъ отъ другихъ приманокъ отвратить,
Чтобъ иногда твоей противилась я волѣ
Затѣмъ, чтобъ ты цѣнилъ мое смиренство болѣ.
Такъ! онъ любовь твою мнѣ возвратить хотѣлъ,
Старался, сколько могъ — и, можетъ быть, успѣлъ.

Студентъ.

Комедія въ трехъ Дѣйствіяхъ

сочиненіе

А. Грибоѣдова и П. Катенина

(1817)

Дѣйствующіе.

Евлампій Аристарховичъ Беневольскій, Студентъ изъ Казани

Федька, его слуга

Звіоздовъ

Звіоздова, жена его

Саблинъ, братъ ея гусарскій ротмистръ

Варинька, воспитанница Звіоздовыхъ

Полюбинъ, влюбленный въ Вариньку

Прохоровъ.

Иванъ, слуга.

Швейцаръ

Трое Слугъ

Мальчикъ изъ ресторацiи

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ домѣ Звіоздова.

СТУДЕНТЪ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

СОЧИНЕНІЕ

А. ГРИБОѢДОВА и П. КАТЕНИНА.

1817.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Евлампій Аристарховичъ Беневольскій, студентъ изъ Казани.

Федька, его слуга.

Звѣздовъ.

Звѣздова, жена его.

Саблинъ, братъ ея, гусарскій ротмистръ.

Варинька, воспитанница Звѣздовыхъ.

Полюбинъ, влюбленный въ Вариньку.

Прохоровъ.

Иванъ, слуга.

Швейцаръ.

Трое слугъ.

Мальчикъ изъ ресторации.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ домѣ Звѣздова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1-е.

Беневольскій, Федька, Иванъ.

Иванъ.

Кого вамъ надобно-съ?

Беневольскій.

Я ужъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ неоднократно внизу человѣку, вооруженному длиннымъ жезломъ, такъ называемому швейцару, а тебѣ повторяю: мнѣ надобно господина здѣшняго дому.

Иванъ.

Барина самаго?

Беневольскій.

Да, да, барина твоего, Звѣздова, его превосходительство Александра Петровича Звѣздова. Вѣдь это домъ его?

Иванъ.

Его-съ.

Беневольскій.

А я его гость.

Иванъ.

Разумѣю-съ. Да ваши пожитки и повозку куда же дѣвать? Штукаревъ, что за домомъ смотритъ, вышелъ куда-то, баринъ во дворцѣ, барыня еще почиваетъ, а если изволитъ проснуться, какъ прикажете доложить о себѣ?

Беневольскій.

Безъ доклада, любезный, безъ доклада. А впрочемъ, имя мое Беневольскій: я здѣсь свой человѣкъ, меня ждутъ давно. Его превосходительство въ бытность свою въ Казани познакомился съ покойнымъ моимъ отцомъ, который предложилъ ему свои услуги, имѣлъ хожденіе

за его дѣлами; съ тѣхъ поръ они другъ другу дали клятву въ дружбѣ неизмѣнной и утвердили между прочимъ вотъ что... Баринъ твой сказывалъ, что его супруга воспитываетъ прелюбезную дѣвицу.

Иванъ.

Варвару Николаевну? Красавица, нечего сказать.

Беневольскій.

Невинность, ангелъ, существо небесное, такъ ли? И мнѣ назначилъ онъ ее сопутницею жизни: это было положено между имъ и покойнымъ батюшкой, также и то, чтобъ мнѣ, когда пріѣду въ Петербургъ, остановиться у его превосходительства. Я тогда возрасталъ еще въ Минервиномъ храмѣ, въ университетѣ. Съ тѣхъ поръ батюшка скончался, и я, сказавъ прости казанскому разсаднику просвѣщенія, поскакалъ сюда, чтобъ воспользоваться приглашеніемъ твоего барина. Въ немъ, конечно, найду я друга, отца, покровителя, однимъ словомъ всё. Ну, понялъ ли?

Иванъ.

Понялъ-съ. Такъ вашей повозкѣ съ пожитками постоять покамѣстъ на улицѣ?

Беневольскій.

Все равно. Вели ей стоять на улицѣ или въѣзжать на дворъ. Мнѣ не до того: въ головѣ моей, въ сердцѣ такое что-то неизъяснимое, міръ незнаемый, смутная будущность!

Иванъ *(отходя, говоритъ Федькѣ)*.

Баринъ-то у тебя, видно, большой искусникъ.

Явленіе 2-е.

Беневольскій, Федька.

Беневольскій.

Что онъ тебѣ сказалъ?

Федька.

Баринъ-де твой, видно, большой искусникъ.

Беневольскій.

Искусникъ... Такъ простолюдины называютъ артистовъ. Да, я артистъ; гдѣ мой журналъ дорожный? *(Федька вынимаетъ изъ*

сумки, что у него за плечами, кучу бумагъ и мѣдной карандашъ). Подавай сюда! Записать, непремѣнно записать первыя чувства при въѣздѣ въ столицу. *(Пишетъ)* Мирюсь съ Тобою, Провидѣніе! я въ желанной пристани...

Федька.

Охъ, кабы перекусить что-нибудь! Да у кого здѣсь попросишь? всѣ и люди-то смотрятъ на тебя такими тузами, какъ будто сами господа; а позываетъ, ой! позываетъ: кибитчонка-то все вытрясла, проклятая.

Беневольскій.

Вступаю въ новый для меня свѣтъ.—Ну, однако, какой же новый? Я его знаю, очень хорошо знаю: я прилежалъ особенно къ наблюденіямъ практической философіи, читалъ Мармонтеля, Жанлисъ, плѣнительныя повѣсти новыхъ нашихъ журналовъ; и кто ихъ не читалъ? кто не восхищался Эльмирой и Вольнисомъ, Бѣдной Молочницей? Они будутъ водители мои въ этомъ блуждалищѣ, которое называютъ большимъ свѣтомъ.

Федька.

Посидѣлъ бы онъ шесть дней да шесть ночей на облучкѣ, не взбрела бы всякая всячина на умъ; попросилъ бы съѣстнаго да завалился бы спать. Правду сказать, вѣдь и ему не малина была: сидячей частью объ книжный сундукъ, головой объ плетёную будку простукался, сердечной, во всю дорогу. Ну, да что имъ, грамотѣямъ, дѣлается? не давай ни пить, ни ѣсть, дай перо да бумаги,—и сытёхоньки, и горя половина.

Беневольскій.

Не говори вслухъ, ты мнѣ мѣшаешь.

Федька.

Неужто вы впрямь съ дороги да и за дѣло?

Беневольскій.

(Не слушая его). Здѣсь увижу я эти блестящія собранія, гдѣ вкусъ дружится съ роскошью; въ нихъ найду женщинъ милыхъ, любительницъ талантовъ, какую-нибудь Нинону, Севинье, имъ стану посвящать стишки маленькіе, лёгкіе; ихъ окружаютъ вертопрахи, модники—я ихъ устрашу сатирами, они станутъ уважать меня; тутъ же встрѣтятся мнѣ авторы, стихотворцы, которые уже стяжали

себѣ громкую славу, признаны безсмертными въ двадцати, въ тридцати изъ лучшихъ домовъ; я къ нимъ буду писать посланія, они ко мнѣ, мы будемъ хвалить другъ друга. О, безподобно! Звѣздовъ ѣздитъ во дворецъ,—онъ будетъ моимъ Меценатомъ, мнѣ даютъ пенсію, какъ всѣмъ подобнымъ мнѣ талантамъ, я наживусь, разбогатѣю. Федька! Федька! поди сюда, обойми меня.

Федька.

Что съ вами, сударь?

Беневольскій.

Сколько ты отъ меня получаешь жалованья?

Федька.

Да вашей милости, я чай, самимъ извѣстно.

Беневольскій.

Жалкій человѣкъ! ты думаешь, что я занимаюсь этой малостью.

Федька.

Ну вотъ видите, сударь, теперь сами признаетесь, что малость; а какъ нанимали въ Казани, еще торговались: всего сорокъ рублей на мѣсяцъ.

Беневольскій.

Ты будешь получать пятьсотъ, тысячу.

Федька.

Съ нами крестная сила! рехнулся онъ. Попроситe-ко, сударь, чтобъ вамъ отвели комнату въ сторонѣ, да лягте-ка отдохнуть.

Беневольскій.

Тысячу, тысячу.

Федька.

Да гдѣ-жъ вы, сударь, возьмете? Вы, помнится мнѣ, говорили, что у васъ всего на всё тысяча рублей взято изъ Казани, да вышло на прогоны двѣсти сорокъ рублей съ полтиною, да покупокъ въ разныхъ городахъ на восемьдесятъ рублей, да мнѣ изволили выдать въ зачётъ жалованья два цѣлковыхъ: вотъ у меня здѣсь всё записано.

Беневольскій.

Тысячу, говорю я, тысячу получишь; дай мнѣ разбогатѣть.

Федька.

Вотъ оно что; ну, баринъ, такъ богатѣйте же скорѣе.

Беневольскій.

Эту тысячу, что я взялъ съ собой, получилъ я въ награду дарованій отъ преосвященнаго, отъ вице-губернатора, отъ самого губернатора за стихи поздравительные въ разныя времена; если въ губернскомъ городѣ дали тысячу, здѣсь дадутъ десять, здѣсь могу я напечатать всѣ мои творенія, а какъ ихъ всѣ раскупятъ... Что ты качаешь головой? думаешь, не раскупятъ? Врёшь: у Звѣздова тьма знакомыхъ, онъ человѣкъ знатной, изъ угожденія къ нему всѣ подпишутся: чего это стоитъ? одинъ экземпляръ дрянь, а за все придется важная сумма.

Федька *(смотря въ окно)*.

Кто-то, сударь, подъѣхалъ въ колескѣ.

Беневольскій.

Сюда взойдутъ. Выйди въ переднюю.

Федька.

Да тамъ народъ такой неласковой, къ тому же, право, я голоденъ, быка бы съѣлъ. Пожалуйте, сударь, полтинникъ: я схожу въ харчевню.

Беневольскій.

На, убирайся. Ахъ! досадно, на мнѣ дорожная куртка. Еще подумаютъ: новичокъ, смѣшной, необразованный.... Воротись, Фёдоръ! Федька! вынь изъ чемодана платье, поновѣе которое.

Федька.

Да тамъ всего сударь фракъ лиловой, да жилетъ пике, и то, чай, дорогой поизмялось.

Беневольскій.

Подавай его.

Федька.

Къ чему вамъ передѣваться!

Беневольскій.

Какое тебѣ дѣло?

Федька.

Съ васъ не взыщутъ: вы человѣкъ пріѣзжій.

Студентъ.

Беневольскій.

Молчи!

Федька.

Образумьтесь, гдѣ теперь выкладывать изъ чемодана: вамъ и комнаты еще не отвели.

Беневольскій.

Не умничай!

Федька.

Притомъ власть ваша: ѣсть хочется, ей Богу! мочи нѣтъ.

Беневольскій.

Прозаикъ!

Федька.

Вотъ еще ругаетесь... Нѣтъ, баринъ, мнѣ такимъ способомъ служить будетъ не въ охоту.

Беневольскій.

Олухъ! прибери эту тетрадь и карандашъ, да ступай за мной: я самъ вытащу чемоданъ и выну платье. Скорѣй! Скорѣй! *(Уходитъ съ Федькой и въ дверяхъ встрѣчается съ Полюбинымъ).*

Явленіе 3-е.

Полюбинъ и Иванъ.

Полюбинъ.

Стало, никого нельзя видѣть; а это кто вышелъ?

Иванъ.

Пріѣзжій, сударь, изъ Казани.

Полюбинъ.

Изъ Казани! и зовутъ его?

Иванъ.

Беневольскій.

Полюбинъ.

Ахъ! Боже мой!

Явленіе 4-е.

Полюбинъ и Варинька.

Варинька.

Здравствуйте, Полюбинъ; какъ умно сдѣлали вы, что пріѣхали! Знаете ли, кто здѣсь?

Полюбинъ.

Да, этотъ женихъ изъ Казани, выбранный Звѣздовымъ, и который натурально никогда не будетъ вашимъ мужемъ.

Варинька.

О, конечно нѣтъ. Представьте, я давича сижу передъ окномъ у себя въ комнатѣ, только что встала, вижу: подъѣзжаетъ къ крыльцу повозка, изъ нея выходитъ... вы еще его не видали?

Полюбинъ.

Онъ мелькнулъ въ дверь, только что я вошелъ.

Варинька.

Ни на что не похожъ; я вскочила со стула, послала спросить, кто? Говорятъ, Беневольскій; я онѣмѣла отъ испугу. Вѣдь это можетъ только Александру Петровичу придти въ голову назначить мнѣ женихомъ человѣка, котораго хуже, по крайней мѣрѣ на взглядъ, сыскать нельзя.

Полюбинъ.

Повѣрьте, онъ объ немъ давно забылъ.

Варинька.

Нѣтъ нужды: онъ конечно ни объ чемъ не помнитъ, но за васъ меня не выдаетъ потому, что его жена этого хочетъ; онъ въ пятьдесятъ лѣтъ настоящій ребенокъ, все любитъ дѣлать наперекоръ всѣмъ, и вы, увидите, начнетъ меня принуждать, чтобъ я вышла за этого шута, котораго онъ давно забылъ, но вспомнитъ, коль скоро онъ ему попадется на глаза. Боже мой! какъ тяжко зависѣть отъ такихъ людей, которые за свои благодѣянія располагаютъ вами, какъ собственностію! Теперь я чувствую, каково быть сиротой.

Полюбинъ.

Я еще надѣюсь: если Звѣздовъ не совсѣмъ такъ поступаетъ, какъ бы должно, жена его женщина рѣдкая; принявши васъ въ домъ, полюбила и продолжаетъ любить, какъ дочь. Ей, какъ нѣжной матери, обязаны вы всѣми пріятностями, которыя всѣхъ заставляютъ васъ любить.

Варинька.

Ахъ, перестаньте! до того ли мнѣ?

Студентъ.

Полюбинъ.

Хотя мужъ ея всегда хочетъ поступать въ противность другимъ, все-таки жена его, милая, ловкая, наконецъ ставитъ на своемъ; и не мудрено: ему пятьдесятъ лѣтъ, а ей съ небольшимъ двадцать.

Варинька.

Пойду, брошусь передъ ней на колѣни; пусть что хотятъ со мной дѣлаютъ, а я ни за кого, кромѣ васъ, не выйду. *(Полюбинъ цѣлуетъ у нея руку).* Она еще спитъ, а то я бы сейчасъ пошла, пока мужъ ея не воротился изъ дворца.

Полюбинъ.

Вы напрасно огорчаетесь: у васъ нѣтъ родителей,—кто васъ можетъ приневолить? Вы выбрали человѣка по сердцу, отъ васъ зависитъ его счастіе.

Варинька.

Безъ согласія моихъ покровителей! чтобъ меня послѣ называли неблагодарной! ни за что въ свѣтѣ. *(Подходя къ окну)* Посмотрите, посмотрите, онъ же на улицѣ переодѣвается.

Полюбинъ.

Кто? Беневольскій? *(Смотритъ въ окно и хохочетъ).*

Варинька.

Нѣтъ, не только теперь,—еслибъ я и васъ не знала, ни подъ какимъ видомъ не вышла бы замужъ за этого безумнаго. Хорошо вамъ смѣяться: вы сами себѣ господинъ. Ахъ! онъ сюда идетъ; прощайте! пойду въ спальню къ Настасьѣ Ивановнѣ. Можетъ быть, она встала. Пріѣзжайте ужо, простите. *(Въ дверяхъ)* Будьте же здѣсь ужо непремѣнно, а то мы нынче съѣзжаемъ на дачу. Богъ знаетъ, когда увидимся.

Явленіе 5-е.

Полюбинъ, *(вскорѣ послѣ)* Беневольскій.

Полюбинъ *(смотря на часы).*

Теперь половина одиннадцатаго, во дворцѣ еще не вышли къ обѣднѣ,—Звѣздовъ не такъ скоро воротится. Можно полюбопытствовать, что за человѣкъ этотъ Беневольскій. Вотъ онъ самъ и въ пухъ расфранченъ.

Беневольскій *(шаркая)*.

Вашъ покорнѣйшій слуга-съ.

Полюбинъ.

Здравствуйте!

Беневольскій.

Позвольте съ вами познакомиться.

Полюбинъ.

Очень радъ васъ видѣть.

Беневольскій.

Что-съ? такъ точно-съ. *(Въ сторону)* Непостижимо. Я вѣрно въ сорокъ разъ его умнѣе: отчего я робѣю, а онъ нѣтъ?

Полюбинъ *(въ сторону)*.

Безцѣнный. И это мой соперникъ.

Беневольскій.

Позвольте спросить: я кажется, если не ошибаюсь, имѣю честь говорить съ вами?

Полюбинъ.

Вы не ошибаетесь.

Беневольскій *(въ сторону)*.

Какъ краткословенъ! Онъ меня убиваетъ.

Полюбинъ.

Вы недавно сюда пріѣхали?

Беневольскій.

Съ часъ будетъ.

Полюбинъ.

Изъ Казани?

Беневольскій.

Я сынъ волжскихъ береговъ.

Полюбинъ.

Вамъ здѣсь все должно быть ново?

Беневольскій.

Ничто не ново подъ солнцемъ.

Студентъ.

Полюбинъ.

Но пріѣзжаго изъ Казани многое кое-что должно здѣсь удивить.

Беневольскій.

Меня ничего. Признаюсь вамъ, я столько читалъ, что ничѣмъ не удивленъ. Это мое несчастіе.

Полюбинъ.

Можетъ, не успѣли еще видѣть ничего удивительнаго?

Беневольскій.

Помилуйте. Эти воды, пересѣкающія во всѣхъ мѣстахъ прекраснѣйшую изъ столицъ и вогражденныя въ берега гранитные, эта спокойная неизмѣримость Невы, эти безчисленныя мачты, какъ молніей опаленный лѣсъ — вы это называете неудивительнымъ?

Полюбинъ.

Не я, а вы: вы сказали, что ничѣмъ уже не удивляетесь.

Беневольскій.

Я разумѣлъ моральныя явленія.

Полюбинъ.

Когда-жъ вы могли ихъ видѣть? Вы сейчасъ изъ повозки.—Что жъ вы располагаете вдаль? Какой родъ жизни вы намѣрены выбрать?

Беневольскій *(пріосанившись)*.

Вы знаете, какъ меня зовутъ?

Полюбинъ.

Беневольскій, кажется.

Беневольскій.

Да-съ.

Полюбинъ.

Такъ что-жъ?

Беневольскій.

Вы, конечно, читали „Сына Отечества“? тамъ эти бездѣлицы, я ихъ, ей Богу, полагаю бездѣлицами, такъ... опыты, конечно, часто счастливые, удачные, они подписаны литерами Е. А. Б. и нѣсколько точекъ, вмѣсто имени—Евлампій Аристарховичъ Беневольскій.

Полюбинъ.

Имени вашего не забуду; но я не читаю „Сына Отечества“.

Беневольскій.

Нѣтъ! ну, такъ „Вѣстника Европы“?

Полюбинъ.

Тоже нѣтъ.

Беневольскій.

Помилуйте! а „Музеумъ“? Вы, конечно, любите „Музеумъ“? Московскій „Музеумъ“?

Полюбинъ.

Я даже не знаю, есть ли онъ на свѣтѣ.

Беневольскій.

Нѣтъ, его ужъ нѣтъ больше, но онъ былъ. Помилуйте, что-жъ вы читаете?

Полюбинъ.

Мало ли что? Только не то именно, что вы назвали, и не то, что на это похоже.

Беневольскій *(смотритъ на него съ презрѣніемъ и отходитъ въ сторону)*.

Не читалъ ни „Сына Отечества“, ни „Музеума“ ха! ха! ха! Этакое невѣжество въ девятнадцатомъ столѣтіи! въ Петербургѣ! — Я передъ нимъ робѣлъ! и я передъ нимъ скромничалъ! *(Садится на стулъ)*. Вы, сударь, спрашивали, какіе мои виды вдаль? Вотъ они: жизнь свободная, усмѣшка Музы — вотъ всѣ мои желанья... Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они въ сравненіи съ поэзіею?

Полюбинъ

(Въ сторону). Каковъ же! Однако, вы дурно дѣлаете, что не хотите служить. Съ вашими способностями, съ вашими познаніями, не мудрено, что вы современемъ попадете...

Беневольскій *(съ восторгомъ)*.

Въ чины?

Полюбинъ.

Въ государственные люди... какихъ, конечно, у насъ немного.

Беневольскій *(вскакивая со стула)*.

Ась? Возможно ли! Быть полезнымъ государству! Это превосходно, это именно мое дѣло. Я прошелъ полный курсъ этико-

политическихъ наукъ, политическую исторію, политическую экономію, политику въ строгомъ смыслѣ, право естественное, право народное, право гражданское, право уголовное, право римское, право...

Полюбинъ.

Право, не надобно столько правъ, ни столько политики; я какъ видите ничего этого не проходилъ, а статскій совѣтникъ.

Беневольскій.

Въ ваши лѣта?

Полюбинъ.

Представьте, чѣмъ вы можете сдѣлаться!

Беневольскій.

Какъ вы благородно судите! жаль только, что слишкомъ пренебрегаете изящной словесностью.

Полюбинъ.

Я? нисколько!

Беневольскій.

Какъ же? не читаете „Сына Отечества".

Полюбинъ.

Что жъ дѣлать?

Беневольскій.

Зачните его читать, сдѣлайте одолженье, зачните; право это вамъ не будетъ безполезно, особливо при вашемъ здравомъ разсудкѣ.— Но быть государственнымъ человѣкомъ, министромъ, чрезвычайно пріятно! Не почести, съ этимъ сопряженныя: это дымъ, мечта; но слава прочная, незыблемый памятникъ въ потомствѣ!—О, поприще государственнаго человѣка завидно; да какъ бы на него попасть?

Полюбинъ.

А поэзія?

Беневольскій.

Прелестная игра воображенія, отрада въ скукѣ; но дѣло министра существеннѣе, рѣшаетъ задачи народовъ. Я себѣ представляю не для того, чтобъ я въ этомъ былъ увѣренъ; но если бы оно случилось, чтобы я былъ министромъ... *(Задумывается).*

Явленіе 6-е.

Беневольскій, Полюбинъ, Саблинъ.

Саблинъ.

Здорово, Полюбинъ! какъ ты рано здѣсь нынче дежуришь! *(Взглянувъ на Беневольскаго, отводитъ Полюбина въ сторону).* Скажи, пожалуй, давно ли сестра пускаетъ къ себѣ въ домъ такихъ куріозовъ? Это, чортъ знаетъ, что такое!

Полюбинъ.

Это тотъ женихъ, объ которомъ, помнишь, Звѣздовъ прожужжалъ Варинькѣ.

Саблинъ.

Казанской?

Полюбинъ.

Какъ видишь, на лицо.

Саблинъ.

Чудо!

Полюбинъ.

Хочешь ли, я васъ познакомлю. *(Саблинъ дѣлаетъ знакъ согласія.)* Евлампій Аристарховичъ! позвольте представить вамъ моего друга, Евгенія Ивановича Саблина. *(Беневольскій раскланивается).*

Саблинъ *(Беневольскому).*

Для перваго знакомства, скажите-ко, батюшка, чѣмъ вы на бѣломъ свѣту промышляете?

Беневольскій.

Какъ вашъ вопросъ? извините. *(Тихо Полюбину)* Я не понимаю его.

Полюбинъ *(тихо Беневольскому).*

Человѣкъ военный, говоритъ просто; хотите ли, я за васъ ему отвѣчу?

Беневольскій *(Полюбину).*

Вы меня обяжете.

Полюбинъ *(Саблину).*

Господинъ Беневольскій, честь и краса казанскаго Парнасса, донынѣ занимался только изящной словесностью, и съ такимъ успѣхомъ, что стихи его печатались даже въ „Сынѣ Отечества“.

Студентъ.

Беневольскій *(Полюбину)*.

Помилуйте, вы меня въ краску вводите вашей похвалою.

Полюбинъ.

Въ ней нѣтъ ничего лишняго.

Беневольскій.

Вы такъ думаете?

Полюбинъ.

Присягнуть готовъ. *(Саблину)* И сверхъ того, въ „Вѣстникѣ Европы".

Беневольскій.

Пощадите скромность поэта.

Полюбинъ.

И гдѣ бишь еще?

Беневольскій.

Въ „Музеумѣ".—Да перестаньте. Хоть это все очень лестно, но можетъ показаться, что я самолюбивъ; а я ничьихъ похвалъ не ищу.

Саблинъ.

И хорошо дѣлаете. Кто васъ такъ похвалитъ, какъ вы сами себя?

Полюбинъ.

Вездѣ разсыпаны счастливые опыты Евлампія Аристарховича Беневольскаго: послѣ этого подумай...

Саблинъ.

Я объ этомъ никогда ничего не думаю и сочинителей терпѣть не могу. *(Беневольскому)* Это до васъ не касается.

Полюбинъ.

Кромѣ, что сочинитель, господинъ Беневольскій ужасный законникъ, и мѣтитъ вдаль. Я его уговаривалъ, а онъ почти согласенъ сдѣлаться современемъ государственнымъ человѣкомъ.

Саблинъ.

Чѣмъ чортъ не шутитъ!—Такъ вы мѣтите въ министры? а?

Беневольскій.

Отчего жь не стремиться вслѣдъ за Сюлліями, за Кольбертами, за Питтами, за бояриномъ Матвѣевымъ?

Саблинъ.

Послушайте, подите-ка къ намъ, въ полкъ, въ юнкера. Смотри, пожалуй! онъ еще дуется!.. Вѣдь я не виноватъ, что васъ иначе не примутъ; мнѣ бы, напротивъ, во сто разъ было веселѣе, кабы вы попали прямо въ полковники: вы такъ сухощавы, по всему судить, проживете не долго, скорѣй бы вакансія очистилась.

Беневольскій *(въ сторону)*.

Житель Віотіи въ Аѳинахъ! ни малѣйшаго колорита воспитанія!

Саблинъ *(Полюбину)*.

Неужели ты полагаешь, что есть возможность этому шуту жениться на Варинькѣ?

Полюбинъ.

Э, братецъ! отъ твоего зятя все возможно.

Саблинъ.

Я за это въ состояніи сказать ему дурака въ глаза, хоть онъ и думаетъ, что вдвое меня умнѣе отъ того, что вдвое старѣе. Здѣсь неловко говорить: идемъ завтракать на бульваръ.

Полюбинъ.

Пойдемъ.

Саблинъ.

А ужо какъ вернемся, настроимъ хорошенько сестру, чтобъ она мужа на умъ навела. Я право люблю тебя какъ душу, и Варинькy тоже, смерть досадно, если она достанется этому уроду... Ха! ха! ха! какъ можно этакимъ выродиться! Я бы самъ себя на его мѣстѣ обраковалъ и пристрѣлилъ. *(Беневольскому)* Мы, сударь, оставляемъ васъ однихъ: разсуждайте на досугѣ. Вотъ вамъ, какъ Ивану Царевичу, три пути: на одномъ лошадь ваша будетъ сыта, а вы голодны,—это нашъ полкъ; на другомъ и лошадь, коли она у васъ есть, и сами вы умрете съ голоду,—это стихотворство; а на третьемъ и вы, и лошадь ваша, и за вами еще куча людей и скотовъ будутъ сыты и жирны,—это статская служба. Во всякомъ случаѣ вы пойдете далеко; а мы, братъ, пойдемъ къ Бордерону, вели своей колескѣ за собой ѣхать.

Явленіе 7-е.

Беневольскій. *(Одинъ).*

Ха! ха! ха! Какой сюжетъ для комедіи богатый! Какъ они смѣшны. Тотъ статской совѣтникъ, въ порядочныхъ людяхъ, и не читалъ ни „Сына Отечества“, ни „Музеума“; но, по крайней мѣрѣ, видно, что ему это совѣстно, больно: онъ мнѣ послѣ угождалъ взорами, рѣчьми, нарочно, чтобъ изгладить дурное впечатлѣніе, которое надо мной сдѣлало его невѣжество. А этотъ гусаръ, объ которомъ Виргилій говоритъ: Barbarus has segetes,—еще храбрится своею глупостью. Однако онъ мнѣ далъ мысль: ступайте къ намъ въ полкъ... Нѣтъ не въ ихъ полкъ, а въ военную: отчего мнѣ не быть военнымъ? О! ремесло Цесаря! сына Филиппова! Былъ вождемъ полмилліона героевъ! Самому воспѣвать свои побѣды! воинъ-поэтъ! Но быть министромъ! тоже значительно, завидно. Ну, что-жъ? развѣ нельзя все это сдружить вмѣстѣ? Такъ, я буду законодателемъ-полководцемъ и стихотворцемъ, и вы меня одобрите, существа кротости!.. Существа очаровательныя! все въ жертву вамъ!.. Но, Боже мой! какъ здѣсь долго таятся въ нѣгѣ! Я такъ давно снѣдаемъ ожиданіемъ. Ахъ! если-бъ теперь могъ увидѣть ту, которая давно живетъ здѣсь, въ моемъ сердцѣ, знакомую незнакомку, которая часто появлялась мнѣ въ сновидѣніяхъ, свѣтла, какъ Ора, легка, какъ Ириса, — величественный станъ, сафирные глаза, русые, льну подобные, волосы, черты... Кто-то идетъ — двѣ женщины!.. Сердце, ты вѣщунъ! — это она съ субреткою... Мой идеалъ!.. Она!..

Явленіе 8-е.

Звѣздова, Варинька, Беневольскій.

Звѣздова.

Я теперь только узнала, что вы пріѣхали, и очень жалѣю, что не могла прежде... Что съ вами сдѣлалось? Не дурно ли вамъ?

Беневольскій *(кланяясь).*

Нѣтъ-съ, ничего-съ. Честь имѣю себя рекомендовать.

Звѣздова.

Вы долго ѣхали изъ Казани?

Беневольскій.

Счетомъ времени только недѣлю, а счетомъ сердца цѣлый вѣкъ.

Звѣздова.

Видно, что-нибудь васъ сюда торопило?

Беневольскій.

Ахъ! сударыня, вы не знаете любви!

Звѣздова.

Это очень лестно для вашей невѣсты. Но вы ее видите въ первый разъ.

Беневольскій.

Въ первый разъ! Нѣтъ, я ее вижу не въ первый разъ.

Звѣздова.

Развѣ вы бывали прежде въ Петербургѣ?

Беневольскій.

Никакъ нѣтъ-съ.

Звѣздова.

Когда жъ вы могли ее видѣть?

Беневольскій.

Всегда: въ часы уединеннаго труда, въ минуты дѣятельной чувствительности, досуга шутливаго, крылатой фантазіи.

Звѣздова.

Да гдѣ же?

Беневольскій.

Вездѣ: образъ ея носился въ облакахъ воздушныхъ, выглядывалъ изъ ручейка долиннаго, отражался въ каплякъ росы на листочкахъ утреннихъ...

Звѣздова.

Теперь я понимаю: вы шутите.

Беневольскій.

Одни сердца холодныя могутъ шутить.

Звѣздова *(тихо Варинькѣ)*.

Онъ говоритъ такъ странно...

Студентъ.

Варинька *(тихо Звѣздовой)*.

Странно! просто, вздоръ; и за него хотятъ меня выдать. Ахъ! сжальтесь хоть вы.

Беневольскій *(въ сторону)*.

Она въ смущеніи! Еще слово, и я счастливъ.

Звѣздова.

Вы, кажется, поэтъ?

Беневольскій.

Такъ! Я не ошибся! Я счастливъ! Я любимъ!

Звѣздова.

Что такое?

Беневольскій.

Вы меня узнали?

Звѣздова.

Узнала ли я?..

Беневольскій.

Вы меня поняли?

Звѣздова.

Нѣтъ, право...

Беневольскій.

Трепещутъ ли въ васъ тѣ струны, которыя издали голосъ въ моемъ сердцѣ?

Звѣздова *(Варинькѣ)*.

Она съ ума сходитъ.

Варинька *(Звѣздовой)*.

Помилуйте, съ чего ему сойти?

Беневольскій.

Я желалъ, и свершилось; я искалъ безсмертія въ любви, божества въ природѣ,—и ангелъ возвышенныхъ мыслей предсталъ мнѣ во всемъ велелѣпіи.

Звѣздова.

Что вы говорите? опомнитесь.

Беневольскій.

Сердце имѣетъ свою память. Вы примѣтили тотъ восторгъ, который не въ силахъ былъ я удержать при первой нашей встрѣчѣ?—въ немъ слышали вы голосъ пінтической совѣсти.

Звѣздова.

Я, сударь, въ жизнь мою ничего подобнаго не видала и не слыхала. *(Варинькѣ)* Побудь съ нимъ, ради Бога, мнѣ силъ не достаетъ его слушать. *(Уходитъ).*

Явленіе 9-е.

Беневольскій,

Варинька *(она все время печальна и сердита).*

Беневольскій *(не примѣчая, что Звѣздова ушла).*

Не удивляйтесь моимъ словамъ, въ языкѣ любви запасся я жатвою словъ... Боже мой! Она ушла?

Варинька.

Ушла.

Беневольскій.

Краска стыдливой скромности, конечно, взыграла на лицѣ невинности. Она, вѣрно, хотѣла скрыть смятеніе первой любви. Зачѣмъ я не удержалъ ее? не досказалъ всего того, что тѣснится здѣсь, въ этой груди?

Варинька.

Нужды нѣтъ; вообразите себѣ, что я ваша невѣста, и доканчивайте, какъ начали. Оно въ своемъ родѣ, право, хорошо.

Беневольскій.

Вѣрю, милая.

Варинька.

Милая! Какъ онъ смѣетъ!..

Беневольскій.

Но ты не моя невѣста, ты не она.

Варинька.

Дай Богъ!

Беневольскій.

Что, красавица?

Варинька.

Я думала, каково вашей невѣстѣ!

Беневольскій.

Положеніе ея должно быть...

Студентъ.

Варинька.

Несносно.

Беневольскій.

Стрѣлы любви, конечно, язвительны, богатыри могучіе по три дня не ѣдали и не спали отъ нихъ. Илья Муромецъ... Но ты не читала, ты не поймешь. Стрѣлы любви, подобно копью Ахиллову, исцѣляютъ собственную рану... Охъ! я опять забылъ, что ты не поймешь.

Варинька.

Авось, пойму: продолжайте.

Беневольскій.

Если-бъ ты, красавица, взялась мнѣ помочь, поговорить своей барышнѣ...

Варинька *(въ сторону)*.

А! я служанка.

Беневольскій.

Если-бъ ты растолковала ей, какъ выгодно быть подругою стихотворца!..

Варинька.

Къ чему это? Невѣста ваша все сама отъ васъ слышала.

Беневольскій.

Въ самомъ дѣлѣ! Съ какимъ жаромъ я изъяснялся! Какъ ты думаешь?

Варинька.

О! чрезвычайно... Только жаль...

Беневольскій.

Что жаль?

Варинька.

Вы трудились понапрасну.

Беневольскій.

Понапрасну! Повѣрь, что нѣтъ. Я примѣчалъ все время, и примѣтилъ, что она...

Варинька.

А кто она?

Беневольскій.

Вотъ вопросъ забавный: она, что вдругъ явилась и наполнила душу радостью, а потомъ исчезла какъ призракъ, невѣста, избранная мнѣ рукою таинаго Провидѣнія, словомъ она.

Варинька.

Ахъ, сударь, она—не она.

Беневольскій.

Какъ не она?

Варинька.

Вы говорили не съ нею.

Беневольскій.

Не съ нею! Съ кѣмъ же?

Варинька.

Съ хозяйкою здѣшняго дома, съ женою вашего покровителя.

Беневольскій.

Съ женою... Невозможно! Нѣтъ, нѣтъ... Какое тутъ правдоподобіе!

Явленіе 10-е.

Варинька, Беневольскій, Иванъ.

Иванъ.—*(Варинькѣ)*. Барыня васъ спрашиваетъ.

Варинька.—Слава Богу! *(Уходитъ)*.

Явленіе 11-е.

Беневольскій, Иванъ.

Беневольскій *(ей въ слѣдъ)*.

Минуту! Одну минуту!... Никакого правдоподобія, это шутливый вымыселъ субретки. *(Ивану)* Постой хоть ты.

Иванъ.

Что прикажете?

Беневольскій.

Представьте себѣ, что мнѣ сказала горничная.

Студентъ.

Иванъ.

Какая, сударь, горничная?

Беневольскій.

Ну, вотъ, что сейчасъ отсюда вышла.

Иванъ.

Помилуйте, сударь, что это за горничная? Это барышня,здѣсь въ домѣ воспитывается, Варвара Николаевна.

Беневольскій.

Моя невѣста! Я погибъ. Зловѣщій человѣкъ! Что ты сказалъ?

Иванъ.

Сущую правду-съ.

Беневольскій.

Но какъ же мнѣ не ошибиться? Входитъ женщина молодая, ни дать, ни взять мой идеалъ. Кому же взойдетъ въ голову, что она жена старика Александра Петровича Звѣздова? Съ ней другая должна была показаться мнѣ горничною.

Иванъ.

Станетъ ли, сударь, горничная растабарывать съ молодымъ незнакомымъ господиномъ, глазъ на глазъ, середи бѣла дня, гдѣ всѣ люди ходятъ? Довольно, что и урывкою пошаливаютъ.

Беневольскій.

Полно, братецъ, нынче горничныя вездѣ, всегда и со всѣми разговариваютъ. Я это читалъ во всѣхъ новыхъ комедіяхъ, а комедія зеркало свѣта.

Иванъ.

Какъ вамъ угодно.

Беневольскій *(въ размышленіи)*.

Изъ тысячи книгъ собиралъ я познанія о свѣтѣ, и вдругъ одна нечаянность все превращаетъ въ ничто. О fatum!—Нѣтъ, не виню тебя, ученье! Такъ, догадываюсь, понимаю, я самъ виноватъ, я читалъ же... какъ забыть? какъ не вспомнить? Это одно и тоже положеніе; онѣ хотѣли испытать меня: одна притворилась горничной, другая моей невѣстой, а я не угадалъ. Но—не дамъ имъ торжествовать, оборочу

имъ же въ обиду, скажу имъ, что я зналъ все, и нарочно притворялся, чтобъ помучить хитрую. Эту развязку я читалъ, очень помню.

Иванъ.

Еще ничего не прикажете?

Беневольскій *(въ сторону)*.

Этотъ человѣкъ можетъ мнѣ послужить. Онъ такъ хорошо одѣтъ; вѣрно много значитъ въ домѣ. Я читалъ, что у знатныхъ есть слуги, которые въ домѣ все дѣлаютъ и даже управляютъ господами. *(Громко)* Послушай, мой другъ, полюби меня, дѣлай, что я тебѣ скажу.

Иванъ.

Что будетъ угодно?

Беневольскій *(даетъ ему деньги)*.

Вотъ тебѣ для знакомства. Не откажись...

Иванъ.

Кто, сударь, отъ денегъ отказывается?

Беневольскій.

Не откажись подать мнѣ тѣ свѣдѣнія, что я отъ тебя потребую. Ты вѣрно все въ домѣ знаешь до утонченности... всѣ тайны тебѣ извѣстны.

Иванъ.

Виноватъ, сударь, я вчера только поступилъ сюда въ услуженіе. Александръ Петровичъ изволилъ меня выпросить у своей тетушки, княжны Дарьи Савишны Невкупаевой. Про нее раскажу вамъ, что хотите; почтенная, цѣломудренная дѣвица, шестидесяти лѣтъ; я у ней исправлялъ должность буфетчика.

Беневольскій.

Какое мнѣ до нея дѣло?—Судьба меня преслѣдуетъ. По крайней мѣрѣ впередъ, братецъ, старайся все видѣть, все слышать, все знать, что здѣсь происходитъ.

Иванъ.

О! впередъ, сударь, будьте увѣрены, всю подноготную вывѣдаю.

Беневольскій.

Подъ завѣсой тайны слушай все: гдѣ, что, кто кому тихо станетъ шептать.

Студентъ.

Иванъ.

Да, сударь, коли очень тихо будутъ шептаться, и не услышишь.

Беневольскій.

Лови малѣйшіе намеки, наблюдай за тѣлодвиженіями, за выраженіемъ лицъ, изъ того выводи свои заключенія, сшей себѣ тетрадку, все записывай; вотъ тебѣ карандашъ.

Явленіе 12-е.

Звѣздовъ, Беневольскій, Иванъ.

(Звѣздовъ вбѣгаетъ въ мундирѣ).

Звѣздовъ.

Фракъ! поскорѣе фракъ! Охъ! усталъ до смерти.—А! Иванъ, ты здѣсь! Цѣлое утро тебя давеча искали, и говорятъ, ночью былъ Богъ знаетъ гдѣ... Нѣтъ, братъ, у меня своихъ шатуновъ куча; поди, откуда пришелъ, живи опять у своей княжны, ты мнѣ не надобенъ. *(Садится передъ зеркаломъ, задомъ къ Бенсвольскому и не примѣчая его).*

Иванъ.

Да ваше превосходительство сами меня изволили услать съ вечера на дачу.

Звѣздовъ.

Ты мнѣ не надобенъ.

Иванъ.

Власть ваша, а я съ тѣхъ поръ какъ воротился, одинъ только и сидѣлъ въ передней. *(Показывая на Беневольскаго)*. Вотъ извольте спросить.

Беневольскій.

Я дѣйствительно могу засвидѣтельствовать...

Звѣздовъ *(не слушаясь и не оборачиваясь)*.

Чтобъ его духу здѣсь не было.—Фракъ! поскорѣе фракъ!—А! хорошо.—Да отнести назадъ картины этому шельмѣ итальянцу, вотъ что всегда ко мнѣ ходитъ, сказать ему, что онъ плутъ, воръ; я кому ни показывалъ картины, всѣ говорятъ— мерзость, а онъ съ меня сдулъ вексель въ двѣнадцать тысячъ. Чтобъ взялъ назадъ свою дрянь хоть за половинную цѣну, а то подождетъ же денегъ лѣтъ десять, не у него одного

есть вексель на мнѣ.—Да отправить старосту изъ женниой деревни, наказать ему крѣпко-на-крѣпко, чтобъ Фомка плотникъ не отлынивалъ отъ оброку и внесъ бы 25 рублей, непремѣнно, слышите-ль: 25 рублей до копѣйки. Какое мнѣ дѣло, что у него сынъ въ рекруты отданъ,—то рекрутъ для Царя, а оброкъ для господина: такъ чтобъ 25 рублей были на-готовѣ. Онъ видно шутитъ 25-ю рублями; прошу покорно, да гдѣ ихъ сыщешь? кто мнѣ ихъ подаритъ? на улицѣ что-ли валяются? 25 рублей очень дѣлаютъ счетъ въ нынѣшнее время, очень, очень... Говорятъ все подешевѣетъ, а между тѣмъ все вздорожало; такъ чтобъ Фомка внесъ 25 рублей, слышите-ль, сполна 25 рублей; хоть роди, да подай.

Беневольскій *(подкрадывается униженно)*.

Ваше превосходительство...

Звѣздовъ *(вскакивая со стула)*.

Ахъ! извините, откуда вы? какъ? съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Беневольскій.

Моя фамилія Беневольскій.

Звѣздовъ.

А чѣмъ я могу вамъ служить?

Беневольскій.

Я сюда пріѣхалъ... вы изволили обѣщать...

Звѣздовъ.

А! да, да, помню, помню; будьте покойны, все будетъ исполнено.—Какая толкотня была нынче во дворцѣ! Какая куча народу! Я ужасно усталъ, насилу хожу: пойду, немножко прилягу. Не взыщите, пожалуйте, я человѣкъ старый, во всякое другое время вы мой гость, и я буду вамъ очень радъ. *(Хочетъ уйти)*.

Беневольскій.

Ваше превосходительство, вѣрно изволили забыть...

Звѣздовъ.

Нѣтъ, батюшка, все помню, все; я вамъ сказалъ, что все будетъ исполнено. А между тѣмъ напишите мнѣ въ четырехъ строкахъ объ вашемъ дѣлѣ, да воткните здѣсь къ зеркалу.

Студентъ.

Беневольскій.

Мнѣ-съ ничего такого не надобно...

Звѣздовъ *(въ дверяхъ)*.

Помилуйте, батюшка, да коли вамъ ничего не надобно, такъ что-жъ вамъ надобно?

Беневольскій.

Я изъ Казани.

Звѣздовъ. *(возвращаясь)*.

Какъ изъ Казани?

Беневольскій.

Такъ точно-съ. Я сейчасъ пріѣхалъ сюда изъ Казани: вы тамъ очень знакомы были съ моимъ батюшкой, онъ имѣлъ хожденіе по вашимъ дѣламъ.

Звѣздовъ.

А помню, помню... Какое было я сдѣлалъ дурачество! Извини, дружище, здѣсь такая путаница, себя забудешь; зато и ѣду скорѣе въ деревню на покой.— Да какъ тебя узнать? выросъ, постарѣлъ, помолодѣлъ.— Ну, здравствуй въ Петербургѣ. Что твой дѣлаетъ отецъ? здоровъ ли?

Беневольскій.

Его ужъ нѣтъ на свѣтѣ, онъ отошелъ къ лучшей жизни.

Звѣздовъ.

Умеръ! Ахъ какое несчастіе! Давно ли? отъ какой болѣзни? какой былъ толстый! Да въ этой Казани, чай, доктора дурные, хоть кого такъ уморятъ.— Ходи ко мнѣ почаще, мой милый, обѣдай, сиди здѣсь по цѣлымъ днямъ, у меня народу бываетъ много всякаго: можешь сдѣлать знакомство.— Гдѣ ты остановился?

Беневольскій.

Покамѣстъ подъ сѣнью небесной.— Ваше превосходительство, обѣщали покойному батюшкѣ, что по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ...

Звѣздовъ.

Пристрою тебя къ мѣсту? помню, помню; не заботься, все сдѣлаемъ.

Беневольскій.

Ваше превосходительство обѣщали также мнѣ дать пріютъ въ вашемъ домѣ.

Звѣздовъ.

Точно! помню, помню, и ты очень уменъ, что это помнишь. Погоди немного, я пошлю за дворецкимъ, тотчасъ отведутъ комнату; ничего не мудрено, домъ большой, весь къ твоимъ услугамъ, располагай имъ, какъ своимъ.

Беневольскій.

Ваше превосходительство обѣщали мнѣ также въ сердцѣ моемъ замѣстить ту пустоту, которая...

Звѣздовъ.

Чта такое, батюшка? переведи пожалуй на простонародный языкъ. Ты, я вижу, человѣкъ ученый, говоришь все фигурно; а я простой человѣкъ, люблю, чтобъ было все ясно.

Беневольскій.

У васъ воспитывается прелестное созданіе.

Звѣздовъ.

А! да, да, помню: я тебѣ обѣщалъ Варшьку. Ну, братъ, я сдержалъ слово, ни за кого не выдалъ, она еще теперь въ дѣвушкахъ; а сватались многіе, и теперь еще сватается... да я люблю держаться своихъ словъ. Все ждалъ тебя.

(Беневольскій во все время кланяется).

1-й слуга *(входитъ)*.

Анна Васильевна Растабарова прислала напомнить вашему превосходительству о томъ, о чемъ она васъ просила.

Звѣздовъ.

Хорошо, хорошо. Скажи, что хорошо.

2-й слуга *(входитъ)*.

Княгиня Дарья Савишна прислала спросить, изволили ли вы постараться объ ея дѣлѣ.

Звѣздовъ.

Какое дѣло? когда она мнѣ говорила?

2-й слуга.

Вчерашній день.

Студентъ.

Звѣздовъ.

Все будетъ исполнено; вели ей доложить, что все будетъ исполнено.

3-й слуга *(входитъ)*.

Левъ Ивановичъ Недосуговъ прислалъ просить ваше превосходительство...

Звѣздовъ.

Чего у меня просить! Убирайся къ чорту. Мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла, а до меня всѣмъ; вели отвѣчать, что все будетъ сдѣлано, непремѣнно все, все, все.

3-й слуга.

Да онъ самъ приказалъ вамъ сказать, что онъ все ужъ сдѣлалъ по вашему дѣлу, только проситъ васъ къ себѣ.

Звѣздовъ.

А!.. ну такъ вели благодарить: очень-де, батюшка, благодаренъ. Да никого ко мнѣ не пускать; слышите-ль? меня нѣтъ дома, я какъ уѣхалъ во дворецъ, такъ еще не воротился и не ворочусь во весь день. Слышишь-ли?—Тоска въ этомъ городѣ; нѣтъ, скорѣе въ деревню отъ здѣшней суматохи. Пойдемъ, братъ, ко мнѣ въ кабинетъ; я немного посплю, а ты мнѣ разскажешь кое-что объ Казани. *(Уходятъ оба)*.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1-е.

Полюбинъ. Саблинъ.

Саблинъ.

Говорятъ тебѣ: дай волю и не мѣшайся не въ свое дѣло.

Полюбинъ.

Какъ не въ свое дѣло! чье же оно? кто же изъ насъ хочетъ жениться?

Саблинъ.

Съ чѣмъ приступилъ! вѣрно не я. Вотъ тебѣ рука моя, что я женюсь развѣ лѣтъ въ шестьдесятъ на какой-нибудь богатой купчихѣ.

Полюбинъ.

Которая заплатитъ долги твои, повѣса!

Саблинъ.

Какъ догадливъ и милъ! Однако, убирайся!

Полюбинъ.

Не хочу, мнѣ надобно самому повидаться съ Настасіей Ивановной и попросить ее.

Саблинъ.

Вздоръ. Звѣздовъ узнаетъ, что ты просилъ его жену, и нарочно пойдетъ наперекоръ, а я, какъ братъ родной, могу съ ней говорить, что хочу, и взялся за это.

Полюбинъ.

Хорошъ ходатай!

Саблинъ.

Ничуть не дуренъ.

Полюбинъ.

Ты все забудешь.

Саблинъ.

Не забуду, коли обѣщалъ.

Полюбинъ.

Ничего не скажешь путемъ.

Саблинъ,

Все скажу лучше тебя.

Полюбинъ.

Напримѣръ, что?

Саблинъ.

То, что ты славный малый, что Беневольскій скотъ, что его надобно вытолкать взашей, а тебя женить на Варинькѣ.

Полюбинъ.

А тамъ?

Саблинъ.

Чего тебѣ еще?

Полюбинъ.

Нѣтъ, братецъ, это совсѣмъ не то; я самъ поговорю, я скажу сестрѣ твоей...

Саблинъ.

Ну, говори.

Студентъ.

Полюбинъ.

Я докажу сестрѣ твоей, что она погубитъ свою воспитанницу, если откажетъ мнѣ. Мы другъ друга любимъ и вѣрно будемъ счастливы; состояніе мое хоть небольшое, но достаточное; служба моя даетъ мнѣ право надѣяться вдаль,—ты знаешь, что я заслужилъ нѣсколько отличій; что-же касается до счастія домашняго, и сестра твоя, къ горю своему, должна знать его цѣну,—я увѣренъ, что доставлю его женѣ моей; ты знаешь меня и скажешь самъ...

Саблинъ.

Ну да, ты славный малый.

Полюбинъ.

Съ другой стороны, я постараюсь усовѣстить Настасью Ивановну. Ей стыдно будетъ выдать Варинькy за студента, въ которомъ нѣтъ ни ума, ни души, словомъ ничего; недоученный педантъ, одѣтъ какъ шутъ, говоритъ какъ дурная книга, ничего не знаетъ, думаетъ о себѣ, что онъ осьмое чудо.

Саблинъ.

Скотъ, однимъ словомъ.

Полюбинъ.

И что они въ немъ нашли? Если Звѣздовъ, какъ пріятель отца, взялся ему что-нибудь доставить, неужели кромѣ Вариньки у него ничего нѣтъ? Надобно ему пріискать по способностямъ мѣсто переписчика у Глазуновыхъ, или учителя въ уѣздномъ городѣ,—и отправить съ Богомъ.

Саблинъ.

Его надо прогнать къ чорту.

Полюбинъ.

Коль скоро его не будетъ здѣсь, и Звѣздовъ о немъ забудетъ; я увѣренъ, что мнѣ не откажутъ, и теперь я не знаю, почему...

Саблинъ.

Ха! ха! ха!

Полюбинъ.

Что-жъ такъ смѣшнаго?

Саблинъ.

Прямой ты шутъ, наговорилъ съ три короба, и сказалъ все то же.

Полюбинъ *(смѣясь)*.

Въ самомъ дѣлѣ.

Саблинъ.

Ну, прощай-же.

Полюбинъ.

Развѣ лучше?..

Саблинъ.

Гораздо лучше, если ты уйдешь.

Полюбинъ.

Знаешь-ли что? Я пойду и постараюсь какъ-нибудь поладить съ Звѣздовымъ: авось онъ...

Саблинъ.

Ступай и подличай.

Полюбинъ.

Я надѣюсь, что ты хоть этотъ разъ сдѣлаешь дѣло и поговоришь благоразумнѣе обыкновеннаго; полно тебѣ вѣтреничать.

Саблинъ.

Полно тебѣ проповѣдывать, надоѣлъ; ступай: вотъ и сестра.

Явленіе 2-е.

Звѣздова, Саблинъ.

Звѣздова.

Куда-же Полюбинъ убѣжалъ? Мнѣ сказали, что онъ хочетъ со мной поговорить. Я насилу отдѣлалась отъ хлопотъ: вѣдь мы сегодня переѣзжаемъ, пришла будто за дѣломъ, а онъ исчезъ.

Саблинъ.

Я его услалъ въ кабинетъ растабарывать, и все тебѣ за него скажу. Да напередъ растолкуй мнѣ, что съ тобой сдѣлалось?

Звѣздова.

Со мной ничего не сдѣлалось.

Студентъ.

Саблинъ.

Помилуй, матушка: ты мнѣ вѣкъ свой читаешь проповѣди за все про все, а сама сегодня изволила спать до полудни. Я тебя и дождаться не могъ.

Звѣздова.

Я вчера поздно пріѣхала, часу въ четвертомъ; у княжны Дарьи Савишны на дачѣ былъ дѣтскій балъ.

Саблинъ.

Ты что за дитя?

Звѣздова.

Нельзя-же не ѣхать, если зовутъ.

Саблинъ.

Слыханное-ли дѣло! и ты тутъ-же съ ребятишками расплясалась! Жаль, что меня не было, нахохотался бы.

Звѣздова.

Хохотать вовсе нечему; гораздо лучше забавляться съ дѣтьми, нежели дѣлать то, что вы всѣ, господа военные. Со стороны смотрѣть и смѣшно, и стыдно: пріѣдутъ на вечеръ, обойдутъ всѣ комнаты, иной тутъ же и уѣдетъ. И какъ ему остаться: онъ званъ еще въ три дома, куда тоже гораздо-бы лучше совсѣмъ не ѣхать, если только за тѣмъ-же; другіе разсядутся стариками, кто за бостонъ, кто за крепсъ, толкуютъ объ лошадяхъ, объ мундирахъ, спорятъ въ игрѣ, кричатъ во все горло, или, что еще хуже, при людяхъ шепчутся. Хозяйка хочетъ занять гостей, музыканты цѣлый часъ играютъ по пустому, никто и не встаетъ: тотъ не танцуетъ, у того нога болитъ, а все вздоръ; наконецъ иного упросятъ, онъ удостоитъ выборомъ какую-нибудь счастливую дѣвушку, прокружится разъ по залѣ—и усталъ до ужина; тутъ, правда, усталыхъ нѣтъ; наѣдятся, напьются, и уѣдутъ спать.

Саблинъ.

А я тебѣ коротко скажу, что кромѣ ужина нѣтъ ничего хорошаго ни на одномъ балѣ; я ихъ терпѣть не могу еще съ десяти лѣтъ: какъ дядюшка заставлялъ меня насильно прыгать со всѣми уродами.

Звѣздова.

Боже мой! какъ вы разборчивы!

Саблинъ.

Нѣтъ, вы не разбираете... Ты вѣдь никому не отказывала: подосылалъ-бы я къ тебѣ какого-нибудь Евлампія Аристарховича да...

Кстати, что вы съ ума сошли съ мужемъ вдвоемъ? неужели вы въ самомъ дѣлѣ хотите выдать Вариньку за эту чучелу?

Звѣздова.

Я вовсе не хочу, да Александръ Петровичъ обѣщалъ его отцу.

Саблинъ.

Вольно ему было дурачиться!.. Я тебѣ напрямки говорю, что если ты не выдашь ее за Полюбина, моя нога у васъ въ домѣ не будетъ. Это срамъ сравнивать честнаго человѣка, каковъ Полюбинъ, съ Евлампомъ Аристарховичемъ.

Звѣздова.

Я бы рада всей душой...

Саблинъ.

Это будетъ курамъ на смѣхъ.

Звѣздова.

Я, право, не знаю, что дѣлать.

Саблинъ.

Хочешь ли, я дѣло сдѣлаю? Скажу просто этому студенту, чтобъ онъ со своей кибиткой, съ чемоданомъ и съ лиловымъ фракомъ убирался вонъ, пока безъ грѣха.

Звѣздова.

Хуже этого нельзя придумать, Александръ Петровичъ разсердится, и тогда его никакъ не уговоришь.

Саблинъ.

Пусть его сердится, что мнѣ за дѣло?

Звѣздова.

Тебѣ ничего, но Варинькѣ тогда не бывать за Полюбинымъ. А я не хочу заводить шуму въ домѣ. Я придумала гораздо лучше: согласишься притворно на свадьбу Беневольскаго, и такъ напугаю моего мужа пріятнымъ обществомъ казанскаго студента, что тогда онъ на все согласится.

Студентъ.

Явленіе 3-е.

Звѣздова, Саблинъ, Беневольскій.

Беневольскій.

Что я вижу! tête-à-tête!

Саблинъ.

Выдумка хороша.

Беневольскій.

Выдумка!

Саблинъ.

И ты думаешь, что твой мужъ не догадается?

Беневольскій.

Мужъ! и ты! Это такъ, точно такъ.

Звѣздова.

Мы постараемся отъ него скрыть.

Беневольскій.

O tempora! o mores!

Саблинъ.

Смотри же, надѣюсь на твое обѣщаніе.

Беневольскій.

Мармонтель, ты правъ! вотъ свѣтъ!

Звѣздова.

Ты можешь быть во мнѣ увѣренъ.

Беневольскій.

Надобно воспользоваться открытіемъ. Я столько читалъ объ этихъ вещахъ...

Саблинъ.

Какъ я тебя люблю за это!

Беневольскій.

Онъ любимъ; все ясно, вотъ причина ея равнодушія, когда сегодня утромъ...

Саблинъ *(примѣтивъ Беневольскаго, Звѣздовой)*

Смотри пожалуй, оглянись.

Звѣздова.

Ужъ не слыхалъ ли онъ? *(Шепчется съ Саблинымъ).*

Беневольскій.

Они меня примѣтили. Нечего дѣлать: успокою ихъ, сдѣлаюсь ихъ повѣреннымъ, наперсникомъ; они за то постараются о моей женитьбѣ. Благодарность...

Саблинъ *(Звѣздовой).*

Э! что за бѣда?

Беневольскій *(Звѣздовой).*

Не опасайтесь ничего, сударыня; вы меня извините: нечаянный случай заставилъ меня вамъ помѣшать.

Саблинъ.

Догадался, батюшка!

Беневольскій.

Но повѣрьте, что я знаю свѣтъ, и моя скромность...

Саблинъ.

Что тутъ скромничать?

Беневольскій.

Времена патріархальныя были почтенны, но они были.

Звѣздова.

Что вы хотите сказать?

Беневольскій.

Съ успѣхами просвѣщенія, съ развитіемъ людкости, все пришло въ новый порядокъ, природа должна бороться съ предразсудками; но предразсудки временны, а природа вѣчна.

Звѣздова.

Я васъ прошу, сударь, объяснить мнѣ, что вы хотите сказать?

Беневольскій.

Я проникъ вашу тайну, но я самъ имѣю сердце; законы васъ осуждаютъ, но какой законъ святѣе любви?

Звѣздова.

Если-бъ это я слышала отъ другого... но на васъ я не должна и не могу сердиться. *(Уходитъ).*

Студентъ.

Явленіе 4-е.

Саблинъ. Беневольскій,

Саблинъ.

Скажите, батюшка, что вы наговорили?

Беневольскій.

Вы меня поняли, довольно.

Саблинъ.

Я человѣкъ военной, и къ стыду моему признаюсь, въ стихахъ ничего не понимаю.

Беневольскій.

Онъ думаетъ, что это стихи, ха! ха! ха!

Саблинъ *(въ сторону)*.

Дуракъ меня взбѣситъ. *(Беневольскому)* Нельзя ли, шутки въ сторону, сказать мнѣ просто, что вы ей такое сказали?

Беневольскій.

Повѣрьте, слова мои были столько же невинны, какъ и мое намѣреніе.

Саблинъ.

За что же она какъ будто разсердилась?

Беневольскій.

Или вы не знаете женщинъ?

Саблинъ.

Знаю или не знаю, это не ваше дѣло. Я спрашиваю, чѣмъ вы ее разсердили?

Беневольскій.

Можетъ быть, ей показалось непріятно, что незнакомецъ узналъ то, что она хотѣла бы скрыть отъ всѣхъ, отъ самой себя. Она слаба, но добродѣтельна. Мнѣ даже жаль, что это случилось. Въ наше время какъ быть иначе. Одна ли взаимность располагаетъ сердцами? Родители жертвуютъ судьбой дѣтей своему корыстолюбію, выдаютъ молодую дѣвушку за человѣка знатнаго и богатаго, но стараго и немилаго, въ оковы супружества вплетаетъ она розы любви, ищетъ друга, и счастлива, если найдетъ достойнаго.

Саблинъ.

Какъ вы смѣете думать о почтенной женщинѣ?

Беневольскій.

Помилуйте, развѣ маркиза дю-Шателе не была другомъ Вольтера, развѣ Жанъ-Жакъ?...

Саблинъ.

Знаете ли вы, господинъ студентъ, что вы мнѣ надоѣли до смерти? Я слушалъ вашъ вздоръ цѣлый часъ и думалъ, авось, уйметесь; но вижу, что молчать, то хуже, и теперь скажу вамъ наотрѣзъ: вы цѣлый часъ бредили какъ во снѣ, и только помѣшали мнѣ съ сестрой объ дѣлѣ говорить.

Беневольскій.

Ваша сестрица! Нѣтъ, скажите, вы не шутите?

Саблинъ.

Стану я съ нимъ шутить!

Беневольскій.

Сдѣлайте милость, извините. *(Въ сторону)* Ну, въ чемъ я виноватъ?

Саблинъ.

Мнѣ, батюшка, ваши извиненія, право, не нужны.

Беневольскій.

Я пойду къ вашей сестрицѣ, и оправдаюсь передъ ней...

Саблинъ.

Прошу не безпокоиться; слышите ли? я вамъ говорю, оставьте ее въ покоѣ.

Беневольскій.

Она можетъ подумать обо мнѣ...

Саблинъ.

Она объ васъ и думать не хочетъ.

Беневольскій.

Я надѣюсь, что вы никому не скажете.

Саблинъ.

Молчите только сами, слышите ли вы?.. Да вотъ и всѣ.

Студентъ.

Явленіе 5-е.

Звѣздовъ, Звѣздова, Варинька, Полюбинъ, Саблинъ, Беневольскій,

Звѣздова.

Не ѣзди, Александръ Петровичъ, останься съ нами.

Звѣздовъ.

Э, матушка, и радъ бы остаться, да нельзя: дѣлъ беремя, а на кого положиться? все самъ ѣзди, да хлопочи.

Звѣздова.

И дома дѣла не меньше, ничто не устроено.

Звѣздовъ.

Ну, матушка, сама потрудись, не все же мнѣ одному. Въ старину, право, живали лучше нашего, а хозяйка сама всѣмъ домомъ завѣдывала и не ходила къ мужу за всякой дрянью.

Звѣздова.

Ты самъ запретилъ, чтобъ безъ тебя ничего не дѣлали.

Звѣздовъ.

Поневолѣ запретишь, какъ никто ни за что взяться не умѣетъ. Да что я заговорился? женщинъ не переспоришь, потерянный трудъ и время.— Не правда ли, Полюбинъ?

Полюбинъ.

Я съ вами согласенъ, съ ними спорить не должно.

Звѣздова.

Давно ли вы противъ насъ?

Варинька *(тихо Звѣздовой)*.

Не мѣшайте ему.

Саблинъ *(тихо Звѣздовой)*.

Изъ чего вступилась?

Звѣздовъ.

Что вы тамъ всѣ плечьми пожимаете? Вамъ досадно, что онъ со мной согласенъ, а онъ правъ, совершенно правъ. Мы съ нимъ цѣлый часъ разговаривали обо всемъ, и онъ обо многомъ такъ судитъ, какъ нельзя лучше.

Полюбинъ.

Я только придерживался вашего мнѣнія.

Звѣздовъ.

Нѣтъ, не въ томъ сила; а что дѣло, то дѣло. Который часъ?

Полюбинъ.

Третій въ началѣ.

Звѣздовъ.

Ну вотъ, а я еще никуда не поспѣлъ.—Кто тамъ! готова ли карета?

Слуга *(входитъ)*.

Подана ужъ, у крыльца-съ.

Звѣздовъ.

Ну, тотчасъ; что ты торопишь?—Прошу покорно пятнадцать мѣстъ объѣздить: тетка хочетъ опредѣлить бѣдняка въ корпусъ—надобно просить директора; Взяткинъ векселя не переписываетъ за то, что я ему за годъ не отдалъ процентовъ. Деретъ кожу, проценты безбожные, да я еще ему ихъ стану платить!—пусть припишетъ. Итальянецъ-плутъ надавалъ дрянныхъ картинъ, я впотьмахъ не разглядѣлъ, все копіи, и назадъ не беретъ; а я нарочно взялъ на уговорѣ отдать за половинную цѣну, если не понравятся: все же лучше.—А визитовъ на прощаньи сколько!.. да у меня и карточки всѣ вышли, куплю мимоѣздомъ... Скука смертная въ свѣтѣ жить! И что это всѣ на меня навязались? чего они хотятъ?—Однако прощайте, пора.

Беневольскій.

Ваше превосходительство...

Звѣздовъ.

А! любезный, что ты въ углу притаился? каково дѣла идутъ?

Беневольскій.

Ваше превосходительство, я надѣюсь на васъ, не изволите ли заѣхать и обо мнѣ...

Звѣздовъ.

Будь увѣренъ, все сдѣлается. *(Къ прочимъ, кланяясь)* До свиданья, господа.

Студентъ.

Беневольскій.

Если-бъ вы изволили поговорить...

Звѣздовъ.

Поговорю... Да что я! чуть не забылъ: я ужъ говорилъ одному человѣку, онъ обѣщался пріѣти ужо, такъ вы съ нимъ и перемолвите. *(Кличетъ)* Человѣкъ! если безъ меня придетъ Прохоровъ, доложить тотчасъ *(показываетъ на Беневольскаго)*. Слышишь ли?

Слуга.

Слушаю-съ.

Беневольскій.

Но позвольте узнать, съ кѣмъ?..

Звѣздовъ.

Ты его развѣ не знаешь? Прохоровъ? его всѣ знаютъ. Человѣкъ очень умный, со всѣми авторами знакомъ, славный человѣкъ, вотъ самъ увидишь.

Беневольскій.

Но, ваше превосходительство...

Звѣздовъ.

Извини, любезный, ей! ей! теперь некогда; еще успѣемъ, время не ушло, все будетъ.—Да я еще тебя и домашнимъ своимъ не отрекомендовалъ, голова кружится отъ заботъ. Вотъ жена моя; прошу любить и жаловать.

Звѣздова.

Твой гость меня давно знаетъ и любитъ.

Звѣздовъ.

Что за вздоръ! развѣ ты съ нимъ видѣлась?

Звѣздова.

Онъ меня видѣлъ всегда и вездѣ.

Звѣздовъ.

Помилуй, матушка, что ты загадками говоришь?

Звѣздова.

Онъ на мнѣ жениться хочетъ.

Звѣздовъ.

Какъ, на тебѣ жениться!

Звѣздова.

Онъ во мнѣ узналъ свою невѣсту, открылся въ любви и такъ хорошо, что я почти сама влюбилась.

Звѣздовъ *(помирая со смѣху)*.

Ха, ха, ха, Евлампій Аристарховичъ! что это на тебя выдумываютъ?— Неужели въ самомъ дѣлѣ?.. *(Общій смѣхъ)*.

Беневольскій.

Позвольте изъяснить...

Звѣздовъ *(хохочетъ)*.

Извини, милый, я съ природы смѣшливъ... И что ты противъ меня затѣялъ? ха! ха! ха! легко ли бѣдному мужу? ха! ха! ха!

Беневольскій.

Смѣю увѣрить...

Звѣздовъ.

Вѣрю, вѣрю, что за бѣда? Не смотри на нихъ, пусть себѣ смѣются, ошибка въ грѣхъ не ставится. Чтобъ въ другой разъ то же не случилось,—вотъ твоя невѣста *(подводитъ его къ Варинькѣ)*. Знакомьтесь, какъ бы ни въ чемъ не бывало.

Варинька.

Мы тоже знакомы и очень коротко; господинъ Беневольскій меня иначе не зоветъ, какъ милая.

Звѣздовъ.

Вотъ еще! какой бойкій!—Однако я ужъ ничего не понимаю, въ пень сталъ да и только. *(Звѣздовой)* Тебѣ онъ изъяснялся въ любви?

Звѣздова.

Въ любви.

Звѣздовъ *(Варинькѣ)*.

А тебѣ говорилъ: милая?

Варинька.

Милая.

Звѣздовъ *(Беневольскому)*.

Какъ же это, любезный? растолкуй, ради Бога, въ кого ты влюбленъ? на комъ хочешь жениться? неужели на обѣихъ? *(Продолжаетъ смѣяться)*.

Варинька.

Онъ не захочетъ жениться на служанкѣ.

Звѣздовъ.

На служанкѣ!

Варинька.

Да, меня онъ счелъ за служанку, оттого только мы и знакомы.

Звѣздовъ.

Ну, Евлампій Аристарховичъ, отъ-часу не легче. Этого бы я въ вѣкъ не выдумалъ.—Да какъ ты, человѣкъ умный, человѣкъ ученый, а свою невѣсту счелъ за служанку. Ха! ха! ха! *(Всѣ смѣются)*.

Беневольскій.

Одно слово...

Звѣздовъ.

Да взгляни, братецъ, похожа ли она хоть чѣмъ-нибудь на горничную?

Варинька *(съ досадой)*.

Можетъ быть, въ глазахъ господина Беневольскаго я и въ самомъ дѣлѣ на это похожа.

Звѣздовъ *(Варинькѣ)*.

Ну, вотъ и сердится. Какъ тебѣ не стыдно! ты бы смѣялась этому.

Варинька.

Хорошо вамъ смѣяться.

Звѣздовъ.

Будто я смѣюсь!—Полноте, господа, я вижу, что вы всѣ сговорились противъ одного, и меня старика засмѣшили. Вотъ нынче свѣтъ каковъ! рады придраться ко всему, чтобъ на чужой счетъ позабавиться, а право не хорошо.

Полювинъ.

Нельзя съ вами не согласиться.

Звѣздовъ.

И зачѣмъ было разсказывать? къ чему мнѣ это знать? женщины не утерпятъ, если что смѣшно.

Звѣздова.

Кажется, ты смѣялся больше всѣхъ.

Звѣздовъ.

Поневолѣ, когда всѣ хохочутъ.

Варинька.

Я и не улыбнулась.

Звѣздовъ.

Вѣдь ты здѣсь не одна: вотъ, напримѣръ, первый мой шуринъ любезный,—ему ужъ не житье, а масляница.

Саблинъ *(въ сторону)*.

Несносный человѣкъ! самъ затѣетъ, а складываетъ на другихъ.

Звѣздовъ *(Саблину)*.

Не сердись, милый, у всякаго свой нравъ: я насмѣшекъ терпѣть не могу, а ты охотникъ. Скажи по совѣсти, многимъ ли сегодня разскажешь? я чай ни встрѣчному, ни поперечному спуску не будетъ, всѣмъ проблаговѣстишь.

Саблинъ.

Вы очень ошиблись, я даже вамъ не разскажу ничего, что еще знаю о вашемъ... пріятелѣ.

Звѣздовъ.

А есть еще?.. ха! ха! ха!

Беневольскій *(Саблину)*.

Будьте скромны.

Саблинъ *(Беневольскому)*.

Теперь ужъ вѣрно не скажу. *(Въ сторону)* Звѣздовъ какъ на огнѣ горитъ.

Звѣздовъ.

Что ужъ грѣха таить? Евлампій Аристарховичъ, признавайся.

Саблинъ.

Зачѣмъ вамъ это знать?

Звѣздовъ.

Зачѣмъ! такъ, хочется, право; если ты что знаешь, и мнѣ сказать можно, я ужъ вѣрно поскромнѣе тебя.

Студентъ.

Саблинъ.

Богъ вѣсть.

Звѣздовъ.

Безъ шутокъ, что еще?

Звѣздова.

И я знаю...

Беневольскій *(Звѣздовой)*.

Ради Бога!

Звѣздова.

Но тоже не скажу, чтобъ ты не укорялъ безпрестанно женщинъ въ болтливости.

Звѣздовъ.

Коли разъ начала, зачѣмъ послѣ скромничать?

Звѣздова.

Ты насмѣшекъ терпѣть не можешь.

Звѣздовъ *(съ досадой)*.

А все мой шуринъ дорогой, все онъ; изволилъ разсердиться, что я ему шутя правду сказалъ, и вышло по пословицѣ: говорить правду—терять дружбу. Только въ этомъ, братъ, извини, я на правду чортъ, и хоть ты сердись, хоть нѣтъ, а я всегда скажу, что гораздо лучше смотрѣть побольше за собой, а поменьше за другими. Право, будетъ труда довольно, никто не безъ грѣха; то лишь плохо, что въ чужомъ глазу иглу видимъ, а въ своемъ намъ и бревна не видать.—Не такъ ли, Полюбинъ?

Полюбинъ.

Ваши слова могутъ служить наставленьемъ.

Звѣздовъ (*Саблину*).

Видишь ли, милый? и другъ твой такъ же думаетъ. Правда, онъ гораздо поразсудительнѣе тебя.—Стало, ты не скажешь?

Саблинъ.

Не скажу.

Звѣздовъ (*Звѣздовой*).

А ты?

Звѣздова.

Не скажу.

Звѣздовъ.

Дѣти вы оба: и братъ, и сестра. Они, право, думаютъ, что мнѣ очень жаль будетъ, если я не узнаю; а я и знать не хотѣлъ. —Беневольскій! ты тоже не скажешь, разумѣется?

Беневольскій.

Я прошу васъ...

Звѣздовъ.

Богъ съ тобой, братецъ, твоя воля; бѣды нѣтъ, а не хочешь, какъ хочешь. Мнѣ же ѣхать пора, и то заговорился. Который часъ?

Полюбинъ.

Безъ четверти три.

Звѣздовъ.

Ну куда же я поспѣю? всюду опоздалъ: а кто виноватъ? все вы съ пустыми разсказами, да еще и не договариваютъ.

Звѣздова.

Ты, стало быть, остаешься дома?

Звѣздовъ.

Нечего дѣлать, а нужда крайняя была. Пойду хоть къ себѣ, напишу письмо по дѣлу къ прокурору; я было и то забылъ.

Звѣздова.

Такъ мы пойдемъ въ садъ до обѣда. А гостя своего взялъ бы ты съ собой, онъ бы помогъ тебѣ написать получше; ты же самъ признаешься, что на это лѣнивъ.

Звѣздовъ *(въ сторону)*.

Она къ нему что-то благоволитъ. Какъ ни говори, а женщинѣ любовное признаніе, чье бы ни было, всегда хорошо.

Варинька *(Звѣздову)*.

Господинъ Беневольскій, можетъ быть, самъ откроетъ вамъ наединѣ то, чего другіе не хотятъ говорить.

Звѣздовъ *(въ сторону)*.

А Варинька его сживаетъ съ рукъ. Сдѣлаю же обѣимъ на зло. *(Звѣздовой)* Нѣтъ, матушка, я не хочу пріѣзжаго гостя безпокоить своими дѣлами, какъ-нибудь самъ справлюсь. Ему надобно познако-

миться съ невѣстой, такъ вотъ мы такъ и сдѣлаемъ: вы себѣ гуляйте, коли хотите, я пойду письмо писать, а ихъ мы оставимъ вдвоемъ, пусть попривыкнутъ другъ къ дружкѣ.

Варинька *(Полюбину)*.

Ради Бога! не уходите далеко, не оставьте меня наединѣ съ несноснымъ человѣкомъ. *(Она садится съ досадой къ сторонѣ. Звѣздова, Саблинъ и Полюбинъ уходятъ. Звѣздовъ, смотря на нихъ, улыбается)*.

Явленіе 6-е.

Звѣздовъ, Варинька, Беневольскій.

Звѣздовъ *(подходя къ Беневольскому)*.

Что ты, братецъ, не веселъ? чѣмъ огорчился? Полно, милый, не крушись; молодежь веселится, вотъ и все.

Беневольскій.

Однако, ваше превосходительство...

Звѣздовъ.

Да, да, да, все непріятно, правда, я этого самъ не люблю. Ты видѣлъ, какъ я за тебя заступился? Всѣ перестали: у меня чтобъ этого не было, у меня кто гость, тотъ гость, кто другъ, тотъ другъ, а ты у меня первый.

Беневольскій.

Вы слишкомъ изволите...

Звѣздовъ.

Первый, я тебѣ говорю: ужъ коли я тебя, а не другаго женю на Варинькѣ, стало все тутъ. *(Беневольскій кланяется)*.

Явленіе 7-е.

Тѣ же и Федька.

Федька *(Беневольскому)*.

Поговорите же, сударь, поскорѣе, а то вашу повозку совсѣмъ угонятъ.

Звѣздовъ.

Съ чѣмъ онъ пришелъ?

Беневольскій.

Я не смѣю сказать...

Звѣздовъ *(Федькѣ)*.

Говори, братецъ, говори, что тебѣ надобно?

Федька.

А вотъ, сами видѣть изволите, ваше превосходительство, что случилась оказія.

Звѣздовъ.

Смѣлѣе говори, что такое?

Федька.

Повозка моего барина стояла съ пріѣзду на улицѣ, такъ по той самой причинѣ ее и гонятъ.

Звѣздовъ.

Какъ гонятъ! кто гонятъ? куда гонятъ?

Федька.

Да вотъ... какъ ихъ?.. Господь знаетъ, бутошники что ли, али полиція, говорятъ-де, не велѣно на большихъ улицахъ дорожнымъ становиться.

Звѣздовъ.

Ну, братъ, я не полицеймейстеръ, это не мое дѣло.

Беневольскій.

Если-бъ вы приказали назначить мнѣ небольшой пріютъ...

Федька.

Кабы милость была повозку хоть на дворъ, а для пожитковъ чуланъ опростать.

Звѣздовъ.

Какъ! что это я слышу? развѣ еще ни комнаты, ни сарая, ничего вамъ не отведено?

Беневольскій.

Еще нѣтъ.

Звѣздовъ.

Э, братецъ! что-жь ты давно не скажешь? возьми комнату, двѣ, что хочешь.

Студентъ.

Беневольскій.

Но гдѣ?

Звѣздовъ.

Гдѣ хочешь, любую.—Это твой что-ли человѣкъ?

Федька.

Ихній-съ. *(Во все время разговора Звѣздова съ Федькой Беневольскій ухаживаетъ за Варинькой, которая отъ него отворачивается).*

Звѣздовъ.

Сходи же, пріятель; ты знаешь здѣсь Штукарева?

Федька.

Какъ не знать-съ.

Звѣздовъ.

Скажи ему отъ меня, чтобъ онъ вамъ сейчасъ отвелъ, что надобно, да комнату бы выбралъ гдѣ получше; слышишь, я-де приказалъ.

Федька.

Я къ нему ужъ и толкнулся было, изволите видѣть; да смѣю доложить, онъ не даетъ.

Звѣздовъ.

Какой вздоръ! не даетъ!—дастъ, коли я приказываю.

Федька.

Смѣю доложить, онъ говоритъ такъ: что, молъ, у насъ всѣ-де покои теперь заняты, а пустопорожнихъ не имѣется.

Звѣздовъ.

Вретъ онъ; какъ не быть пустой комнаты? вѣрно есть. Скажи ему, что онъ вретъ.

Федька.

Слушаю-съ. Да смѣю доложить, коли онъ опослѣ комнаты все не отведетъ, а повозку не въ гнѣвъ милости вашей... то бишь вашего превосходительства, сгонятъ на съѣзжую.

Звѣздовъ.

Не угонятъ изъ моего дома. Дѣлай, что тебѣ говорятъ, и не бойся ничего.

Федька.

Смѣю доложить...

Звѣздовъ.

Тьфу, пропасть! какой неотвязчивый! Не даютъ тебѣ что-ли комнаты?

Федька.

Такъ истинно, что не даютъ-съ.

Звѣздовъ.

Позови сюда Штукарева; его, кажется, дома нѣтъ.

Федька.

Никакъ нѣтъ-съ, онъ дома, я его какъ разъ кликну.

Звѣздовъ.

Постой! не бѣгай! ну, что его звать? все то же. *(Въ сторону)* Какъ быть? чѣмъ бы отвязаться? *(Громко)* Беневольскій! да ты, братъ, ужъ и приволакиваешься, а по мнѣ твой... *(указывая на Федьку)* какъ его?..

Федька.

Федоръ Емельяновъ, смѣю доложить.

Звѣздовъ.

Ну вотъ, онъ съ ножемъ къ горлу пристalъ, а все за тебя.

Беневольскій.

Простодушное усердіе...

Звѣздовъ.

А я не знаю, что дѣлать. Теперь я вспомнилъ, комнаты у насъ теперь точно ни одной нѣтъ, развѣ вотъ эту возьмешь.

Беневольскій.

Но какъ же въ залѣ, гдѣ всѣ ходятъ?

Звѣздовъ.

Никого не пускай, да и только. Вѣдь у тебя есть чемоданъ, сундукъ, что-нибудь такое?

Федька.

Чемоданъ съ бѣльемъ-съ и сундукъ съ книгами-съ.

Студентъ.

Звѣздовъ.

Ну вотъ, чего тебѣ лучше? и загородись со всѣхъ сторонъ, никто не войдетъ.—Доволенъ ли теперь? все сдѣлано? прощай, пойду письмо писать. *(Уходитъ).*

Федька *(Беневольскому).*

Прикажете что ли нести пожитки?

Беневольскій (*Федькѣ*).

Внеси въ переднюю, да подожди, я тебя позову, когда слѣдуетъ; видишь, здѣсь люди. *(Федька уходитъ).*

Явленіе 8-е.

Беневольскій, Варинька.

Беневольскій.

Давно сердце мое билось желаніемъ изъяснить вамъ, какъ единственной своей владычицѣ...

Варинька.

Я удивляюсь, какъ вы можете со мной говорить!

Беневольскій.

Милый гнѣвъ! какъ ты драгоцѣненъ влюбленному!

Варинька *(въ сторону).*

Что это Полюбинъ нейдетъ!

Беневольскій.

Выслушай меня, прелестная, и тогда, если можешь, скажи... *(Полюбинъ входитъ).*

Варинька *(увидя Полюбина).*

Я ни слушать васъ, ни говорить съ вами не намѣрена. Вотъ кто вамъ за меня все скажетъ. *(Уходитъ).*

Явленіе 9-е.

Беневольскій, Полюбинъ.

Полюбинъ.

Я намѣренъ вамъ сказать два слова.

Беневольскій.

Два слова! и въ нихъ заключается все мое блаженство! слова краснорѣчивыя! слова безцѣнныя! говорите, прошу васъ, говорите.

Полюбинъ.

Вы любите Варвару Николаевну!..

Беневольскій.

Ахъ! кто можетъ видѣть и не любить ее!

Полюбинъ.

И такъ какъ я самъ ее люблю...

Беневольскій.

И вы ее любите! Вы, конечно, ея братъ или другъ съ младенчества: полюбите же и счастливца, кому суждена рука ея, обоймите его, какъ друга, какъ брата...

Полюбинъ.

Потише, господинъ Беневольскій, не горячитесь. Варвара Николаевна съ перваго разу, какъ васъ увидѣла...

Беневольскій.

Предалась чувству симпатіи, которое отъ мѣстъ отдаленныхъ невольно увлекало насъ другъ къ другу?..

Полюбинъ.

Напротивъ, она васъ терпѣть не можетъ.

Беневольскій.

Ха! ха! ха!

Полюбинъ.

Что вы смѣетесь безъ пути?

Беневольскій.

Кто вамъ сказалъ, что она меня терпѣть не можетъ?

Полюбинъ.

Она сама.

Беневольскій.

Она! и просила васъ мнѣ это сказать?

Студентъ.

Полюбинъ.

Да, она поручила мнѣ поговорить съ вами, и я...

Беневольскій.

Не трудитесь понапрасну, я давно все знаю, все понялъ.

Полюбинъ.

Вы ничего не понимаете.

Беневольскій.

Все, я говорю вамъ, все; вотъ въ чемъ дѣло...

Полюбинъ.

Совсѣмъ нѣтъ, дайте мнѣ сказать одно слово.

Беневольскій.

Нѣтъ, позвольте ужъ мнѣ напередъ, и вы согласитесь, что я все знаю.

Полюбинъ *(въ сторону)*.

Что дѣлать съ дуракомъ, который свое несетъ?

Беневольскій.

Вотъ изволите видѣть: Варинька...

Полюбинъ.

Прошу васъ: Варвара Николаевна.

Беневольскій.

Помилуйте, не все ли равно? мы можемъ...

Полюбинъ.

Вы никакъ не можете.

Беневольскій.

Пожалуй, хоть Варвара Николаевна,—слышала, какъ я при ней изъяснялся въ любви ея превосходительству...

Полюбинъ.

Что-жъ вы твердите о своихъ проказахъ? ихъ безъ того всѣ знаютъ

Беневольскій.

Какъ вы это назвали?

Полюбинъ.

Проказы.

Беневольскій.

Вы сказали точно такъ, какъ оно и есть, и увидите почему.— Ей, напротивъ, не говорилъ я ни слова о любви, обошелся съ нею, какъ со служанкою...

Полюбинъ.

Какая дерзость!

Беневольскій.

Терпѣнье, прошу васъ, терпѣнье. Все это вмѣстѣ должно было поразить сердце юное, нѣжное, едва начинающее любить; она на меня разсердилась и вѣрно называетъ меня чудовищемъ...

Полюбинъ.

Уродомъ.

Беневольскій.

Такъ должно быть, я это все знаю. Вы видите ли теперь, что вамъ нечего было мнѣ говорить?

Полюбинъ.

Съ вами точно говорить напрасно.

Беневольскій.

И такъ, слушайте: я догадался, что онѣ нарочно взяли на себя каждая не свою роль, и я притворился, будто обманутъ; но меня обмануть трудно, я все примѣтилъ и внутренно смѣялся, смотря на смущеніе одной и досаду другой.—Вамъ самимъ смѣшно?

Полюбинъ.

Вы имѣете даръ всякаго разсмѣшить.

Беневольскій.

Но сдѣлайте одолженье, выведите ее изъ заблужденья; я ее довольно помучилъ, пора перестать, не правда ли?

Полюбинъ.

Давно пора. *(Въ сторону)* Съ нимъ говорить нечего.

Студентъ.

Явленіе 10-е.

Тѣ же и Саблинъ.

(Во время разговора Саблина съ Полюбинымъ, Беневольскій отворяетъ дверь. Федька вноситъ пожитки, они разставляютъ ихъ по мѣстамъ).

Саблинъ *(Полюбину)*.

А, ты здѣсь! а тамъ по тебѣ стосковались. Ужъ я сжалился да пришелъ за тобой. Ты съ пріятелемъ о стихахъ что ли толкуешь?

Полюбинъ.

Какіе, братецъ, стихи! я цѣлые полчаса бьюсь съ нимъ понапрасну, хочу ему сказать, чтобъ онъ Вариньку оставилъ въ покоѣ, если не хочетъ, чтобъ я его самого обезпокоилъ.

Саблинъ.

Ну что жъ онъ? когда вы деретесь? я секундантъ что ли?

Полюбинъ.

Чего, братецъ! онъ ни слова не понимаетъ, либо не хочетъ понять. Возьмись хоть ты его вразумить.

Саблинъ.

Я? Нѣтъ, братъ, я стихами говорить не мастеръ.—Да что ты къ нему приступилъ, изъ-чего бьешься? развѣ тебѣ честь будетъ убить студента? Оставь это, и положись во всемъ на Настасью Ивановну.

Полюбинъ.

Пожалуй; мнѣ, право, его смерти не хочется.

Саблинъ.

Ступай же туда, тебя ждутъ къ обѣду.

Полюбинъ.

А ты?

Саблинъ.

Нѣтъ, я иду въ ресторацію: Звѣздовъ мнѣ надоѣлъ, какъ собака.

Полюбинъ.

Уведи съ собой Беневольскаго, если можно.

Саблинъ.

Хорошо.

Полюбинъ.

Прощай. *(Уходитъ).*

Явленіе 11-е.

Беневольскій, Саблинъ.

Беневольскій *(любуясь на пожитки).*

О Лары и пенаты!
Вы пестуны мои!
Вы златомъ не богаты;
Но любите свои
Углы и темны кельи,
Гдѣ я на новосельи
Васъ мирно тутъ и тамъ
Разставилъ по мѣстамъ.

Саблинъ.

Полно возиться съ чемоданомъ, хорошо и такъ. Скажи мнѣ, гдѣ ты обѣдаешь сегодня?

Беневольскій.

Я думалъ, что здѣсь.

Саблинъ.

Нѣтъ, что здѣсь? скука: Звѣздовъ еще пустится хохотать да разспрашивать.

Беневольскій.

Это правда; но гдѣ же?

Саблинъ.

Душа моя, мы кажется въ Петербургѣ,—здѣсь ресторацій тьма; жаль только, что всѣ никуда не годятся. Все же, вино есть. Ты любишь вино?

Беневольскій.

Кто не любитъ его? О, всемогущее вино! веселіе героя!

Саблинъ.

Мы съ тобой хоть не герои, а выпьемъ по стакану, я тебя попотчиваю.

Беневольскій.

Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ: я столько виноватъ, что хоть чѣмъ-нибудь хочу изгладить ту ошибку...

Студентъ.

Саблинъ.

Съ уговоромъ: ни объ ней, ни объ стихахъ не говорить ни слова.

Беневольскій.

Ни слова.

И стукнемъ въ чашу чашей
И выпьемъ все до дна:
Будь вѣрной дружбѣ нашей
Дань перваго вина. *(Уходятъ вмѣстѣ).*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Звѣздова, Варинька, Полюбинъ.

Явленіе 1-е.

Варинька.

Насилу отобѣдали. Я какъ на иголкахъ была во весь столъ. Александръ Петровичъ нарочно все хвалилъ своего несноснаго студента, а самъ вѣрно иначе думаетъ; такъ только, чтобъ огорчить другихъ, знаетъ, какъ это всѣмъ противно.

Звѣздова.

Все бы ничего, да какъ быть такимъ вѣтренникомъ въ пятьдесятъ лѣтъ: теперь вдругъ безъ всякой нужды, не подумавши хорошенько ни одной секунды, послалъ за подорожной, за лошадьми, скачетъ въ деревню Богъ знаетъ зачѣмъ.

Полюбинъ.

Неужели это ему сегодня только пришло въ голову?

Звѣздова.

Нѣтъ, онъ и прежде говорилъ, да нерѣшительно. Я всегда полагала, что коли это сбудется, такъ черезъ два-три года или и никогда, какъ всѣ другіе его замыслы; у него ихъ тысяча.—Любя васъ, меня его отъѣздъ не очень огорчаетъ. Безъ него Беневольскаго можно будетъ уговорить, достать ему мѣсто гдѣ-нибудь въ дальнемъ университетѣ, отправить его туда, и даже женить, если сыщется ему подобная.

Варинька.

Ахъ, какъ бы счастливо! Какія вы добрыя!

Звѣздова.

Хорошо, милая, да надо подумать и о себѣ. Мужъ мой ѣдетъ въ деревню, а я съ чѣмъ здѣсь останусь? въ домѣ разстройка ужасная, денегъ нѣтъ, всѣмъ должны, все по его милости.

Полюбинъ.

Ахъ, сударыня, пусть онъ ѣдетъ, и позвольте мнѣ быть вамъ полезнымъ.

Звѣздова.

Я въ васъ всегда была увѣрена, Полюбинъ. Итакъ, вашему попеченію препоручаю себя, мое хозяйство и всѣхъ домашнихъ. Между ними есть кое-кто, объ комъ вы и безъ того давно печетесь. Знаете-ли что? нельзя ли бы какъ-нибудь сдѣлать, чтобъ мужъ мой самъ собою захотѣлъ Вариньку за васъ выдать? Сперва я хотѣла было напугать его тѣмъ, чтобъ Беневольскій послѣ женитьбы остался у насъ въ домѣ, но теперь онъ ѣдетъ и пожалуй еще мнѣ его навяжетъ: это ужъ не годится.

Полюбинъ.

Теперь я никакъ не смѣю надѣяться.

Звѣздова.

Есть способъ очень простой: увѣрить его, что я вашей свадьбы не хочу, и вы ужъ больше не хотите, и Варинька не хочетъ, вотъ три причины, чтобы ему того захотѣть. Вамъ извѣстно, что онъ любитъ дѣлать все по-своему.

Полюбинъ.

Но не всегда ему удается.

Звѣздова.

Со мною всегда: есть ли кто меня сговорчивѣе? Теперь только въ первый разъ желаю поставить на своемъ, пускаюсь на тонкости, и то чтобъ составить ваше счастье.—Однако, вѣдь онъ въ состояніи уѣхать не простившись. Пойду, посмотрю; дождитесь меня здѣсь. *(Уходитъ).*

Студентъ.

Явленіе 2-е.

Варинька и Полюбинъ.

Полюбинъ.

Когда бы она успѣла!.. Но чего не сдѣлаетъ умная женщина, если примется хорошенько, особливо, гдѣ надобно хитрить!

Варинька.

Не знаю, можетъ быть я не умна, а ручаюсь, что вѣкъ свой проживу безъ хитростей.

Полюбинъ.

Не ручайтесь, всѣ такъ говорятъ до замужества. Впрочемъ, вы на другихъ не похожи.—И надобно отдать справедливость, васъ воспитала женщина рѣдкая; какой примѣръ! на ея мѣстѣ всякая другая съ меньшимъ умомъ и съ большимъ лукавствомъ дѣлала бы изъ своего мужа, что хотѣла, а она пять лѣтъ замужемъ, и въ первый разъ намѣрена поступать съ нимъ нечистосердечно, и то не для себя.

Варинька.

Въ первый! Вольно ей говорить,—въ сотый разъ! Да какое намъ дѣло? лишь бы теперь ей удалось.

Явленіе 3-е.

Тѣ же и Звѣздова.

Звѣздова.

Онъ внизу, торопится, распоряжается, велитъ укладываться. Я послала его звать сюда.—Вы не будете при нашемъ разговорѣ; однако, Полюбинъ, не уѣзжайте: вамъ надо же знать, чѣмъ это кончится. Да если Беневольскій придетъ, нельзя ли брату поручить, чтобъ онъ его опять увелъ куда-нибудь: безъ него все ловчѣе можетъ обдѣлаться.

Полюбинъ.

Не безпокойтесь: братецъ вашъ съ нимъ, такъ не скоро воротятся.

Варинька.

Ахъ! какъ я стану дрожать, пока вы будете за насъ стараться. Дай Богъ, чтобъ вамъ удалось! боюсь до смерти. *(Звъздова ее цѣлуетъ).* Пойдемте, пойдемте. *(Уводитъ съ собою Полюбина).*

Явленіе 4-е.

Звѣздова *(одна).*

Боится, что я не успѣю; я никакъ не боюсь. Эти мужчины уморительны: мой мужъ, напримѣръ, дожилъ до пятидесяти лѣтъ, и, кажется, насмотрѣлся, наслышался всего того, что обыкновенно говорятъ насчетъ лукавства нашего пола, самъ поминутно о немъ твердитъ, и никакъ отъ него не отдѣлается, когда надобно. Онъ еще долженъ образъ мой вымѣнять, что я такъ бережно на это отваживаюсь.

Явленіе 5-е.

Звѣздова, Звѣздовъ.

(Онъ вбѣгаетъ черезъ боковую дверь и чуть не падаетъ, наткнувшись на сундукъ и чемоданъ Беневольскаго).

Звѣздовъ.

Охъ! чортъ возьми! лобъ было расшибъ! Люди! люди! *(Входитъ слуга).* Есть ли въ васъ смыслъ человѣческій? что вы за безпутные? про что васъ держатъ въ домѣ, такую ораву? подлый народъ! зачѣмъ эта дрянь тутъ стоитъ?

Слуга.

Ваше превосходительство сами приказали тутъ поставить; это добро Евлампія Аристарховича Беневольскаго.

Звѣздовъ.

Провались ты и со своимъ дуракомъ Аристарховичемъ! зачѣмъ передъ дверью?

Слуга.

Вы не приказали никому въ нее ходить.

Студентъ.

Звѣздовъ.

Я! чего? когда? всѣ на меня, какъ на мертваго, клеплютъ. Отставь это къ сторонѣ, да пошелъ вонъ. *(Слуга, исполнивъ приказаніе, уходитъ).*

Звѣздова.

И что за мысль поселить этого студента въ залѣ, гдѣ всѣ ходятъ?

Звѣздовъ.

А зачѣмъ тутъ ходить? развѣ мало другихъ комнатъ?

Звѣздова.

Да вотъ ты первый взошелъ.

Звѣздовъ.

Ты же позвала. Тебѣ всегда до меня дѣло, когда у меня другія дѣла. Ну, что надобно?

Звѣздова.

А вотъ что. Неужли ты въ самомъ дѣлѣ отправляешься въ деревню?

Звѣздовъ.

Неужли!.. Сейчасъ лошадей приведутъ.

Звѣздова.

А я здѣсь остаюсь?

Звѣздовъ.

Здѣсь.

Звѣздова.

Какъ же я останусь?

Звѣздовъ.

Такъ же, какъ останешься.

Звѣздова.

Съ чѣмъ?

Звѣздовъ.

Какъ съ чѣмъ?

Звѣздова.

Да у меня ничего нѣтъ.

Звѣздовъ.

Какъ ничего? все есть.

Звѣздова.

Ничего.

Звѣздовъ.

Все.

Звѣздова.

Ахъ, Богъ мой! ничего, говорятъ тебѣ.

Звѣздовъ.

Да чего ничего? напримѣръ?

Звѣздова.

Первое, у меня нѣтъ денегъ.

Звѣздовъ.

У тебя нѣтъ, у другихъ есть, можно занять.

Звѣздова.

Коли дадутъ.

Звѣздовъ.

Еще мы кажется не совсѣмъ обѣднѣли, въ состояніи заплатить.

Звѣздова.

Ты платить въ состояніи, да не платишь,—оттого мало вѣрятъ. Впрочемъ, это еще не все; у меня на рукахъ остается твой Беневольскій: что мнѣ съ нимъ дѣлать?

Звѣздовъ.

А вотъ еще стану я много объ немъ думать! Дуракъ этакой! ставитъ свои сундуки передъ дверьми; того гляди разсержусь, велю все на дворъ выкинуть.

Звѣздова *(въ сторону)*.

Счастливая минута! онъ на него сердитъ. *(Громко)* Знаешь ли что? передъ твоимъ отъѣздомъ выдадимъ Варинькy замужъ.

Звѣздовъ.

За кого?

Звѣздова.

За Беневольскаго, разумѣется.

Звѣздовъ.

Какъ, разумѣется? я думалъ, что ты этого не хотѣла.

Звѣздова.

Я не хотѣла прежде, мнѣ казалось, что это Варинькѣ противно.

Студентъ.

Звѣздовъ.

Такъ стало, Варинька не противъ этого?

Звѣздова.

Нисколько: на зло Полюбину.

Звѣздовъ.

Отчего же на зло ему?

Звѣздова.

Развѣ ты не знаешь, что онъ женится?

Звѣздовъ.

Откуда мнѣ знать?

Звѣздова.

Да, намѣренъ жениться на другой съ тѣхъ поръ, какъ замѣтилъ, что здѣсь въ домѣ ищетъ понапрасну.

Звѣздовъ.

Почему понапрасну? вѣдь еще онъ не сватался настоящимъ образомъ.

Звѣздова.

Избѣгалъ явнаго отказа, который не мудрено было ему предвидѣть: ты при немъ Вариньку обѣщалъ другому; а впрочемъ видно, онъ не очень былъ влюбленъ.

Звѣздовъ.

На комъ же онъ женится?

Звѣздова.

Какъ бишь ее?

Звѣздовъ *(въ сторону)*.

Что за безтолочь! сейчасъ я шелъ коридоромъ, а Полюбинъ у Вариньки руку цѣлуетъ.

Звѣздова.

Варинька очень умно разсуждаетъ: коли Беневольскій смѣшонъ и очень смѣшонъ, такъ это не бѣда, его можно будетъ исправить.

Звѣздовъ *(въ сторону)*.

Да зачѣмъ же она даетъ Полюбину руку цѣловать?

Звѣздова.

Для молодой дѣвушки главное выйти замужъ, а тамъ, если мужъ только страненъ, а не совсѣмъ дуракъ, ея дѣло инымъ его странностямъ снисходить, насчетъ другихъ стараться вразумить его.

Звѣздовъ *(въ сторону)*.

Тутъ есть какія-нибудь плутни.

Звѣздова.

Притомъ страстное желаніе отплатить Полюбину, показать, что она имъ больше не дорожитъ, все это вовсе перемѣнило ея мысли.

Звѣздовъ *(въ сторону)*.

Плутни, чистыя плутни; да къ чему бы это?

Звѣздова.

Я съ моей стороны страхъ рада, за кого бы она ни вышла: надзоръ надъ осемнадцатилѣтней дѣвушкой очень трудная обязанность.

Звѣздовъ *(въ сторону)*.

Изъ чего она бьется?

Звѣздова *(въ сторону)*.

Ничего не отвѣчаетъ, вѣрно раздумалъ. *(Громко)* Право, Александръ Петровичъ, послушайся меня хоть разъ въ жизни, погоди ѣздить въ деревню, и выдадимъ Вариньку за Беневольскаго.

Звѣздовъ *(въ сторону)*.

А! а! насилу-то понялъ: не хочетъ, чтобъ я ѣхалъ въ деревню и выдумываетъ разныя тонкости. Постой-ка, госпожа хитрая особа. *(Громко)* Стало, ты хочешь, чтобъ Варинька вышла за этого студента?

Звѣздова.

Очень хочу.

Звѣздовъ.

И она тоже?

Звѣздова.

Тоже.

Звѣздовъ.

А Полюбинъ женится на другой?

Студентъ.

Звѣздова.

На другой.

Звѣздовъ.

Жаль, очень жаль.

Звѣздова.

Что?

Звѣздовъ.

Беневольскій этотъ не по мнѣ. Какъ Полюбина съ нимъ сравнять?—я бы охотно передумалъ.

Звѣздова *(въ сторону)*.

Попался.

Звѣздовъ.

Ну, да если нельзя иначе, такъ пусть останется все попрежнему.

Звѣздова.

Какъ?

Звѣздовъ.

Нельзя же насильно женить Полюбина на той, объ которой онъ пересталъ думать.

Звѣздова.

Но вѣдь онъ больше отъ того пересталъ думать, что ты, казалось, никогда не согласишься.

Звѣздовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, ты очень умно дѣлаешь, что совѣтуешь Варвару выдать за Беневольскаго.

Звѣздова.

Мнѣ право все равно, за кого бы она ни вышла, вѣдь не я замужъ выхожу.

Звѣздовъ.

Нѣтъ, противъ этого нечего спорить; Беневольскій, конечно, шутъ, ни на что не похожъ, безалаберная голова; ну да если мужъ только странен, а не совсѣмъ дуракъ... какъ бишь ты говорила? точно дѣло. Пусть онъ женится на Варинькѣ: быть по твоему. Человѣкъ! человѣкъ! *(Слуга входитъ)*. Позвать Варвару да Полюбина, коли еще здѣсь. *(Слуга уходитъ)*.

Звѣздова.

Зачѣмъ?

Звѣздовъ.

Варинькѣ объявить, чтобъ она была готова нынѣшній же день къ свадьбѣ.

Звѣздова.

Помилуй, вѣдь она не крѣпостная твоя; что за презрѣніе ко всему роду человѣческому? надо же сдѣлать помолвку, подумать о приданомъ, какъ вездѣ водится.

Звѣздовъ.

Ты же меня торопила.

Звѣздова *(въ сторону)*.

Какой сумасбродный! *(Громко)* Зачѣмъ же ты послалъ за Полюбинымъ?

Звѣздовъ.

Хочется узнать, на комъ онъ женится.—Ну, матушка, ты должна быть предовольна: чего хотѣла, то и сбудется. Не говори впередъ, что я люблю все дѣлать всѣмъ наперекоръ.

Звѣздова *(въ сторону)*.

Надо же быть такому несчастью! въ первый разъ отъ роду соглашается со мною безъ отговорокъ и на мою же бѣду.

Явленіе 6-е.

Тѣ же, Полюбинъ, Варинька.

Полюбинъ.

Вы меня звали?

Звѣздовъ.

Да, любезный; ты говорятъ, женишься?

Полюбинъ.

Я, ваше превосходительство? какъ вы это разумѣете?

Звѣздовъ.

Ахъ, батюшка, да ты, я чай, знаешь, какъ женятся,—всѣ на одинъ манеръ. Хорошо, что ты за умъ взялся, право, славно; а я вѣдь выдаю Вариньку сегодня же, если можно, поскорѣе, передъ моимъ отъѣздомъ.

Студентъ.

Варинька.

Сегодня? меня? за кого же-съ?

Звѣздовъ.

За того, за кого ты хочешь, милая.

Варинька.

Ахъ! какъ вы милостивы!

Звѣздовъ.

Жаль только, что женихъ твой запропалъ. Этотъ повѣса, шуринъ мой, хоть кого такъ развратитъ, затащилъ его Богъ знаетъ куда. Ну! да воротится, и тогда по рукамъ и къ вѣнцу; я вправду думалъ, что этому не бывать такъ скоро, авось ли, молъ, какъ пріѣду назадъ изъ деревни; да вотъ Настасья Ивановна поторопила: ее благодари.

Варинька *(Звѣздовой)*.

Ахъ! растолкуйте, что это значитъ?

Звѣздовъ *(въ сторону)*.

Какія у всѣхъ длинныя лица! *(Полюбину)* Ну, любезный, на комъ же ты женишься?

Полюбинъ.

Вы слишкомъ жестоко шутите.

Звѣздовъ.

Богъ съ тобой! не только не жестоко, вовсе не шучу. Я признаюсь, всегда полагалъ, что ты ищешь въ Варинькѣ; да вотъ жена разувѣрила, говоритъ, что ты на какой-то на другой намѣренъ жениться. Спроси у нея.

Полюбинъ *(Звѣздовой)*.

Неужли, сударыня?

Варинька.

Воля ваша, а я за Беневольскаго ни за что не выйду.

Звѣздовъ.

Это что за новость?

Варинька.

Зачѣмъ же вы сейчасъ сказали, что выдадите меня за того, за кого я хочу?

Звѣздовъ.

А развѣ ты за него не хочешь?

Варинька.

Будто вы не знаете, что онъ мнѣ противнѣе смерти!

Звѣздовъ.

Кто-жъ васъ пойметъ? Вотъ она мнѣ сказала, что ты только и думаешь о Беневольскомъ и радехонька за него выйти оттого, видишь ты, чтобъ отплатить вотъ ему. Вольно-жъ ей было все это говорить.—Что? развѣ ты мнѣ этого не говорила?

Звѣздова.

Я тебѣ всегда говорила, и теперь повторяю, что ты несносенъ.

Звѣздовъ.

Прошу покорно! она же разгнѣвалась! Сама Богъ знаетъ что сочинила, никакого толку не доберешься; теперь она же изволитъ сердиться. Ха! ха! ха! что? каковъ урокъ? хорошо? будешь помнить впередъ, не станешь хитрить со мной? Нѣтъ, моя душа, молода меня проводить, я ужъ пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу, всѣ твои умыслы тотчасъ смекнулъ. Вы ничего не понимаете? слушайте: ей смерть хочется, чтобъ я не ѣздилъ въ деревню, вотъ она и затѣяла. Онъ-де, то-есть я, очень желаетъ Вариньку выдать за Беневольскаго, семъ увѣрю его, что Варинька на это согласна, что Полюбинъ отъ нея отказался. Вотъ, молъ,—какъ онъ увидитъ, что все близко къ тому, чего ему хочется, авось ли останется, потомъ дѣло-то продлится и вовсе можетъ не сбудется, а онъ покамѣстъ раздумаетъ ѣхать въ деревню.—Не такъ ли?

Звѣздова *(обрадовавшись)*.

Ахъ! какъ ты догадливъ!

Звѣздовъ.

Анъ вышло все напротивъ. Объ Беневольскомъ я и думать не хочу, Вариньку отдаю за Полюбина, да, да; а въ деревню ѣду сейчасъ.

Полюбинъ и Варинька.

Какъ счастливо!

Студентъ.

Звѣздовъ.

Ну, любезный, я давича какъ шелъ сюда коридоромъ, вы меня не видали, ты у нея украдкой руку цѣловалъ.

Звѣздова *(въ сторону)*.

Вотъ что!

Звѣздовъ *(беретъ у Вариньки руку)*.

Теперь дай сюда. Можешь ее цѣловать при всѣхъ и не совѣститься. Живите-ко счастливо. Ты, душенька, съ будущимъ твоимъ мужемъ, пожалуйста, не хитри, поступай по-нашему просто, рѣже будешь промаха давать; а ты, братъ, бери примѣръ съ меня, въ обманъ не вдавайся. *(Женѣ)* Ты что, моя душа? не сердишься? а? неужли еще сердишься? дай щечку.

Звѣздова.

Съ твоей легкостью въ нравѣ недостаетъ одного, чтобъ ты имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ,—ты былъ бы безцѣнный человѣкъ.

Звѣздовъ.

О! я понимаю, что для тебя это въ иномъ случаѣ гораздо было бы пріятнѣе; ну, да что-жъ дѣлать, мой ангелъ! Будь довольна, чѣмъ Богъ послалъ.—Однако нечего изъ пустова въ порожнее переливать.—Готовы ли лошади?

Слуга *(входитъ)*.

Впряжены-съ.

Звѣздова.

Постой! какъ же намъ быть съ Беневольскимъ?

Варинька.

Ахъ! не поминайте объ немъ.

Звѣздовъ.

Я объ немъ ужъ говорилъ одному, Прохорову, давича со мной встрѣтился. Ну! да что объ немъ много думать? дураки въ Петербургѣ не бываютъ безъ мѣста. Кабы поскорѣе поспѣть въ деревню! Шутка ли, я тамъ не былъ съ тѣхъ поръ, какъ женился, и мнѣ оттуда пишутъ такія небылицы, доходовъ не высылаютъ. Прощайте, прощайте, прощайте. Свадьбу сыграйте безъ меня. Эй! коляску подавать скорѣе! дорожный колпакъ! трость! *(Уходитъ)*.

Явленіе 7-е.

Звѣздова, Варинька, Полюбинъ, *(немного погодя)* Федька.

Звѣздова.

Поѣдемте его провожать, и кстати сейчасъ можемъ переѣхать на дачу, я почти все туда отправила. Полюбинъ, вы съ нами?

Федька *(вбѣгаетъ)*.

Охъ! прости, Господи! какая тяжелая рука!

Звѣздова.

Что ты?

Федька.

Попался его превосходительству навстрѣчу, онъ мнѣ второпяхъ дать изволилъ такого толчка, что въ головѣ завертѣлось.

Звѣздова.

Кто ты таковъ?

Федька.

Я слуга-съ Евлампія Аристарховича.

Звѣздова.

А! кланяйся ему отъ меня, скажи, что я уѣхала на дачу за двадцать верстъ отсюда на все лѣто. *(Уходитъ)*.

Варинька.

И отъ меня поклонись своему барину; я бывшая его невѣста, и выхожу замужъ, только не за него,—скажи ему это. *(Уходитъ)*.

Полюбинъ.

И отъ меня поклонись ему; я Полюбинъ, и женюсь на его невѣстѣ, —можешь ему донести объ этомъ. *(Уходитъ)*.

Явленіе 8-е.

Федька *(одинъ)*.

Экъ, что поклоновъ! знать мы съ барномъ-то у праздника! видно ему здѣсь житье отъ господъ, что мнѣ отъ своей братьи! За что, подумаешь, превосходительный на меня пріокрысился! У этихъ большихъ баръ, кто имъ первый пырь въ глаза, да не во время, тотъ

Студентъ.

и виноватъ. Хорошо, что мой-то баринъ не великой господинъ; будетъ ли только исправно платить?—Ну, да что! Я вѣдь въ Питерѣ понавострился: за мѣсяцъ впередъ, а не то прощай. Денегъ нѣтъ,—слуги нѣтъ, самъ себѣ сапоги чисти!

Явленіе 9-е.

Федька, Беневольскій, Саблинъ *(входятъ рука объ руку, оба нѣсколько шатаются; Саблинъ поетъ пѣсню).*

Федька.

Видно, наши-то навеселѣ.

Саблинъ.

Вотъ мы и у тебя въ комнатѣ. Ну что? по-твоему, каково ѣдятъ у этого француза?

Беневольскій.

Амброзія! *(Садится въ кресло и задумывается.)*

Саблинъ.

Мерзость! избаловался, прежде лучше кормилъ.

Федька.

Вамъ, баринъ, приказано сказать...

Саблинъ.

Поди вонъ, послѣ скажешь.

Федька.

Чего послѣ, сударь! нужда прекрайняя. Ея превосходительство...

Саблинъ.

Убирайся, знаешь куда.—Беневольскій! выгони его.

Беневольскій.

Оставь насъ.

Саблинъ.

Кстати, тамъ пришелъ съ нами мальчикъ изъ ресторацiи, у него за пазухой бутылка; подавай сюда штопоръ и стакановъ достань въ буфетѣ, да чтобъ никто въ домѣ не видалъ, слышишь ли?

Федька.

Позвольте напередъ вымолвить два словца... мнѣ приказано...

Саблинъ.

Вонъ! сейчасъ! не то пятьсотъ палокъ! *(Выталкиваетъ его и ложится на сундукъ).* Пришли его ко мнѣ въ эскадронъ, братецъ, я его научу послушанію.—Ну, что задумался? деньги проигралъ! я бы тебѣ охотно помогъ, да, ей Богу! никогда копѣйки нѣтъ за душой. То ужъ здѣсь, братъ, на это хваты, лучше не принимайся за карты; кабы не сестра, я бы отъ нихъ давно безъ мундира шатался. Да и ты что за простякъ! читалъ, читалъ, учился, пишешь стихи, а на четвертую ставишь! ну гдѣ это видано?

Беневольскій.

Своенравіе судьбы! ея желѣзная рука...

Саблинъ.

Нѣтъ, братъ, развѣ у того, кто банкъ металъ, лобъ желѣзный! Жаль, что не знаю довольно игры, не къ чему придраться.

Беневольскій.

Какъ его имя?

Саблинъ.

Кто его знаетъ? я самъ впервые отъ роду его вижу.

Беневольскій.

Но я по вашему приглашенію зашелъ къ нему.

Саблинъ.

Онъ обѣдалъ подлѣ той комнаты, гдѣ мы съ тобой сидѣли; я зачѣмъ то вышелъ, онъ сталъ со мной говорить, познакомился, позвалъ къ себѣ,—а меня куда хочешь позови, я всюду пойду.—Хорошо живетъ; какая куча народу къ нему нашла! я чай, такіе же плуты, какъ онъ самъ.

Беневольскій.

Музы! я измѣнилъ вамъ, погнался за окрыленной фортуной...

Саблинъ *(зѣваетъ)*.

Полно бредить.

Беневольскій.

Я опять вашъ, я опять съ вами, мечты уединенья!

Студентъ.

Саблинъ.

Шутишь братъ; когда со мной, такъ не одинъ. Куда глупо, что здѣсь въ домѣ не позволяютъ трубокъ курить! я умно дѣлаю, что къ сестрѣ не переѣзжаю жить.

Беневольскій *(вынимаетъ бумагу и читаетъ)*.

Дружись, мой другъ, съ мечтой.

Саблинъ *(вырываетъ бумагу и кидаетъ на полъ)*.

Брось свой вздоръ, и безъ того скучно. *(Федька входитъ съ бутылкой и стаканами)*. А! вотъ оно! повеселѣе будетъ, ставь сюда. Э! Санхо-Панса! ты вензеля пишешь.

Федька.

Съ горя, право съ горя; сходилъ не-одаль, дай-де поравняюсь съ господами. *(Прислонясь къ стѣнкѣ поетъ)*: Ахъ ты козликъ, мой козликъ! дедюли мои! гей!

Беневольскій.

Шшъ! что ты, съ ума сошелъ?

Саблинъ *(трудясь за бутылкой)*.

Экой пьяница!

Федька.

А сами-то что? лежу въ грязи, кричу: не брызжи.

Саблинъ *(наливаетъ и поетъ)*.

Vive Henri quatre!
Vive ce roi vaillant!

Беневольскій.

О, умолчите! что за охота пѣть французскую пѣсню? у насъ столько своихъ плѣнительныхъ мелодій пѣвцовъ своей печали.

Саблинъ.

Пусть они сами свою печаль поютъ, а я стану пѣть „Vive Henri IV“, оттого именно, что это вовсе не печально.

Беневольскій.

Но есть ли тутъ хоть малѣйшее воспоминаніе для души русскаго?

Саблинъ.

Преславное: нашъ входъ въ Парижъ, мы первые заставили пѣть эту пѣсню. Вотъ было житье! Выпьемъ скорѣе въ память этого счастливаго дня! Пей же, ну, безъ гримасъ!

Беневольскій *съ стаканомъ въ рукѣ.*

Вакхъ!... тебѣ!

Саблинъ *(лизаетъ въ него весь стаканъ).*

Безъ росказней!

Федька.

Пей, да про себя разумѣй.

Саблинъ *(выпивши).*

Что за Бургонское! стаканъ было проглотилъ.

Беневольскій *(сморщившись).*

Нектаръ.

Саблинъ.

Беневольскій! душа моя! выпьемъ еще по стаканчику.

Беневольскій.

Нѣтъ, никакъ; я еще съ обѣда отуманенъ этими парами.

Саблинъ.

Беневольскій! не будь хоть теперь Беневольскій: выпей, не заставляй себя просить. Беневольскій, знаешь? я тоже когда-то учился полатыни и очень помню одну пословицу... постой! кажется: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.

Беневольскій.

In vino veritas.

Саблинъ.

Ну, а вѣдь ты теперь не трезвый.—Скажи мнѣ, любишь ли ты меня?

Беневольскій.

Люблю.

Саблинъ.

А я тебя не люблю, да все равно: ты любишь, такъ докажи, выпей! на! Да полно, я не въ шутку разсержусь; бери же, вотъ такъ, поцѣлуй меня! стукнемъ!

Студентъ.

Беневольскій.

Чашу въ чашу.

Федька *(подкрадывается)*.

Подойду поближе хоть понюхать. *(Саблинъ пьетъ, а Беневольскій ловитъ эту минуту, чтобъ вылить стаканъ и попадаетъ прямо Федькѣ въ лицо и на платье)*. Что за обливанье, сударь? еще я покамѣстъ свое платье ношу, когда-то сошьете!

Саблинъ.

Выплеснулъ! не выпилъ! Подѣломъ не терплю я этихъ марателей: всякій изъ нихъ, послѣдній, презираетъ всѣхъ, думаетъ, что онъ всѣхъ умнѣе, ничѣмъ не дорожитъ.

Беневольскій.

Именемъ дружбы...

Саблинъ.

Плевать я хотѣлъ на твою дружбу, и знаться съ тобой не хочу.—Поѣду домой. *(Смотрится въ зеркало)* Раскраснѣлся, досадно! никуда нельзя показаться: про меня и такъ Богъ знаетъ что говорятъ. *(Уходитъ)*.

Явленіе 10-е.

Беневольскій, Федька.

Беневольскій *(не вставая съ кресель)*.

Презрѣніе буйнымъ чадамъ Арея! безчувственные враги изящнаго!—Федька! стань сюда! На каждой чертѣ лица твоего дикая природа наложила печать свою; но ты имѣешь душу!.. И не обдѣлана душа твоя рѣзцомъ образованности, и закоснѣла она въ корѣ невѣжества; но ты имѣешь душу!.. подыми! *(Федька подымаетъ бумагу, брошенную Саблинымъ на полъ)*. Слушай! *(Читаетъ)*

Дружись, о другъ, съ мечтой...

Федька.

Ахъ! баринъ, только было я подружился съ Алексѣемъ лакеемъ, да вишь и увезли его.

Беневольскій.

Шшъ.

Дружись, о другъ, съ мечтой.
Таинственный покой

Сопутствуетъ намъ съ нею;
И Грація—печаль,
И сумрачная даль,
И будущность зарею
Съ ней будутъ намъ сіять!—

Счастливое вступленіе! эта неопредѣленность будущаго, сумракъ дальній приготовляютъ сердце къ тихому, сладостному мечтанью. *(Федьку)*. А? что ты думаешь?

Федька.

Ничего-съ.

Беневольскій.

Ты врешь.

Съ ней будутъ намъ сіять,
Дни мирны ублажать
Души и чувствъ прельщеньемъ,
Какъ легкимъ сновидѣньемъ...

(Федьку). Понимаешь ли ты? сновидѣнье?

Федька.

А кто ихъ пойметъ? мнѣ давича такая дурь во снѣ привидѣлась! что ваши вирши!

Беневольскій.

Хочешь ты слушать или нѣтъ?

Федька.

Какъ вы приказать изволите.

Беневольскій.

Такъ слушай же и молчи! *(Продолжаетъ читать)*

И мрачныхъ мыслей сынъ
Съ мечтою не одинъ;
Онъ преплываетъ море
Туманныхъ бурныхъ думъ,
Отъ коихъ взоръ и умъ
Смущеньемъ цѣпенѣютъ.

(Федьку). Скажи правду: страшно-ли это?

Федька.

Страшно-съ.

Беневольскій.

Ты понялъ что-нибудь?

Студентъ.

Федька.

Ничего не понялъ-съ.

Беневольскій *(съ радостью)*.

И этотъ даръ возбуждать ужасъ самой незначущей, часто непонятной мыслію,—онъ неизвѣстенъ былъ доныпѣ: это свѣжій листокъ, вплетенный въ вѣнецъ поэзіи. *(Продолжаетъ)*

Ахъ! скоро ли приспѣютъ
Тѣ дни, златой тотъ часъ,
Когда любовь отрадой
Появится для насъ
Съ надеждою—усладой?

Надежда! ты осталась со мною, прелестная!

Федька.

Нѣтъ, баринъ, надежда плоха. Дайте разсказать, что здѣсь безъ васъ приключилось.

Беневольскій.

Молчанье, повторяю я, не раскрывай рта, пока тебя не спросятъ. *(Продолжаетъ)*

Какъ обновленный свѣтъ
Собой украситъ роза?
Гвоздика, милый цвѣтъ,
Тюльпанъ и тубероза
Узорчатымъ ковромъ
Блеснутъ предъ томнымъ взоромъ?

(Федькѣ) Сколько цвѣтовъ поэзіи! А?

Федька.

Нечего сказать, что много цвѣтовъ-съ.

Беневольскій.

Цвѣты поэзіи! Кто васъ не чувствуетъ? *(Федькѣ)* Не прерывай же меня. Гдѣ бишь я остановился? да... „предъ томнымъ взоромъ...“

Какъ чистыхъ Музъ соборомъ
Восторженный въ эфиръ,
Я безпредѣльный міръ
Слію съ непостижимымъ?

(Федькѣ) Ты зѣваешь, безчувственный?

Федька.

Виноватъ, сударь, у меня обычай такой: какъ мнѣ зачнутъ сказки читать, такъ и задремлется,—еще бывало смолода, какъ нашъ дьячокъ, слово въ слово такой же мастеръ, какъ и ваша милость...

Беневольскій.

Прочь со своими сравненіями, въ пыли таящаяся душа! прочь, пока гнѣвъ не совсѣмъ овладѣлъ мною. *(Федька отходитъ, садится на сундукъ и засыпаетъ. Беневольскій продолжаетъ читать.)*

Дотоль, рука съ рукой,
Мы по стезямъ незримымъ
Спѣшимъ, о другъ! съ тобой
Къ безсмертью, въ безконечность!
А тамъ!—награда... вѣчность!

И это я написалъ! это излилось изъ моего пера!—Федька!.. Онъ спитъ, жалкій человѣкъ! вмѣстилище физическихъ потребностей!.. И всѣ люди почти таковы! съ кѣмъ я ни встрѣчался здѣсь въ столицѣ, ни одинъ не чувствуетъ этого стремленья, этого позыва души — туда! къ чему-то высшему, незнаемому!—Но тѣмъ лучше: какъ великъ между ими всѣми тотъ одинъ, кто, какъ я, вознесенъ ввыспрь изъ среды обыкновенности!—Рука фортуны отяготѣла надо мною, я проигралъ мои деньги,—но дары фантазіи всегда при мнѣ, они все поправятъ. Вельможи, цари будутъ внимать строю моей лиры, и золото и почести рѣкою польются на пѣвца. Но я ими не дорожу, я доволенъ одною славою, удѣломъ великимъ.

Явленіе 11-е.

Тѣ же и Швейцаръ.

Швейцаръ.

Скоро ли, сударь, опростаете квартиру?

Беневольскій.

Что такое?

Швейцаръ.

Скоро ли вы изволите отселѣ выбраться!

Беневольскій.

Пожаръ? неужли пожаръ? Федька! мои бумаги! спаси мои бумаги! въ нихъ все мое богатство.

Студентъ.

Швейцаръ.

Нѣтъ, сударь, Богъ милостивъ, еще ничто не горитъ.

Беневольскій.

Нѣтъ? что жъ ты сказалъ?

Швейцаръ.

Я спрашивалъ, скоро ли вы отселѣ съѣзжаете?

Беневольскій.

Развѣ тебѣ Александръ Петровичъ велѣлъ?...

Швейцаръ.

Нѣтъ, онъ объ васъ ничего не приказывалъ; а ужъ какъ онъ изволилъ отправиться въ деревню, а барыня съѣхала на дачу, такъ когда вы опростаете комнату? я бы заперъ.

Беневольскій.

Не можетъ быть. Какъ это? давно ли? такъ скоро? будто Александръ Петровичъ уѣхалъ?

Швейцаръ.

Изволилъ уѣхать.

Беневольскій.

Въ деревню? далеко ли?

Швейцаръ.

Вотчина его Прилиповка въ Костромской губерніи, верстъ отселѣ девятьсотъ съ десяткомъ, да въ Рязанской село Потѣшное, верстъ будетъ побольше тысячи, да около Нижняго барынина деревня Березовка, деревня большая, тоже душъ тысячи съ полторы.

Беневольскій.

Въ которую же онъ теперь уѣхалъ?

Швейцаръ.

Да Богъ вѣсть, люди на-двое говорили.

Беневольскій.

Неужли онъ ничего не приказывалъ передъ отъѣздомъ?

Швейцаръ.

Изволилъ крѣпко наказывать, чтобъ штучные полы вездѣ починить, гдѣ расклеились, да люстру изъ галдареи вынести...

Беневольскій.

Да обо мнѣ что?

Швейцаръ.

Объ васъ онъ ничего не приказывалъ.

Беневольскій.

Вѣрно ты не знаешь; кто еще въ домѣ есть, кромѣ тебя?

Швейцаръ.

Ни одного живаго человѣка: барыня шестерыхъ людей забрала съ собою на дачу, а остальные кое-куда разбрелись.

Беневольскій.

Что жъ мнѣ дѣлать?

Швейцаръ.

Какъ станете перевозиться, дайте мнѣ знать съ вашимъ человѣкомъ: надо будетъ здѣсь убрать послѣ васъ.

Беневольскій.

Зачѣмъ же мнѣ переѣзжать?

Швейцаръ.

Баринъ крѣпко наказывалъ, чтобъ здѣсь никому не оставаться, что де комнаты всѣ станутъ заново расписывать.

Беневольскій.

И мнѣ велѣлъ переѣзжать?

Швейцаръ.

Объ васъ онъ ничего не приказывалъ. *(Уходитъ).*

Явленіе 12-е.

Беневольскій, Федька.

Беневольскій.

Федька! Федька! безпросыпный! негодяй!.. вставай! проснись!

Федька *(впросонкахъ).*

Лѣвѣй, Алёха...

Студентъ.

Беневольскій.

Несносная тварь! вставай! вставай!

Федька *(протягиваясь)*.

Что, сударь? ась?

Беневольскій.

Ты спишь, мерзавецъ! и не говоришь мнѣ, что всѣ отсюда уѣхали, и мы съ тобою одни остались въ опустѣломъ домѣ!..

Федька.

Вишь, сударь, я не разъ принимался вамъ докладывать, да поди-ко вы съ вашими виршами не давали слова вымолвить.

Беневольскій.

Говори, что здѣсь безъ меня было? что ты видѣлъ? Александръ Петровичъ не приказывалъ ли тебѣ чего-нибудь?

Федька.

Онъ второпяхъ далъ мнѣ толчка, что въ ушахъ зазвенѣло; только я отъ него добра и видѣлъ.

Беневольскій.

Но другіе что? жена его?

Федька.

Барыня и барышня велѣли вамъ кланяться.

Беневольскій.

Только?

Федька.

Нѣтъ-съ; еще что бишь онѣ велѣли вамъ сказать?

Беневольскій.

Почему я знаю, мучитель? Не мори меня, договаривай.

Федька.

Да право, все изъ головы вонъ вышло.—Что бишь онѣ велѣли вамъ сказать?

Беневольскій.

Терпѣнья! дайте мнѣ терпѣнья!

Федька.

Да, что барышня то, ваша невѣста,—ужъ не ваша невѣста, а выходитъ замужъ за его милость, забылъ, какъ зовутъ.

Беневольскій.

О судьба! ужасны твои потаенные громы! За что схватиться мнѣ въ этомъ кораблекрушеніи?—Ты не знаешь всѣхъ моихъ бѣдствій: у меня ни копейки нѣтъ денегъ.

Федька.

Ахъ, Создатель! ужли потеряли?

Беневольскій.

Проигралъ.

Федька.

Въ картежъ! вотъ тѣ благодарствуй!

Беневольскій.

Безъ денегъ! безъ друзей!

Федька.

А еще разумникъ! грамотникъ! вотъ-те разживусь, да разбогатѣю.—„Что ты отъ меня получаешь жалованья? малость! будешь получать тысячу, слышишь? тысячу!“—Анъ вышелъ самъ безъ гроша: я видѣлъ, что тебѣ не сдобровать.

Беневольскій.

Какъ ты смѣешь говорить со мною во второмъ лицѣ единственнаго числа?

Федька.

Вишь, все хорохорится: „я де всѣхъ разумнѣе, мнѣ здѣсь дадутъ денегъ съ три пропасти!“—анъ, лучше бы помнить пословицу: ѣду—не свищу, а наѣду—не спущу. *(Треплетъ Беневольскаго по плечу, тотъ его отталкиваетъ).* Эка дворянска амбиць! безъ денегъ, а спѣсивится! Пойду, возьму свои пожитки, да уберусь, поищу себѣ барина потолковѣе. *(Уходитъ).*

Явленіе 13-е.

Беневольскій, Прохоровъ.

Прохоровъ *(читаетъ записку)*.

Евламній Аристарховичъ Беневольскій, недавно пріѣхавшій въ Санктпетербургъ, обучался въ Казанскомъ университетѣ разнымъ языкамъ и наукамъ, знаетъ грамматику.

Беневольскій.

Это я. Что вамъ нужды до меня, вамъ, чуждымъ моей скорби?

Прохоровъ.

Вы безъ мѣста, какъ мнѣ довелось слышать, находитесь?

Беневольскій.

Я всѣми отверженъ, душа моя подавлена подъ гнетомъ огорченій.

Прохоровъ *(садится)*.

Позвольте присѣсть. Я нѣкоторое такое мѣсто имѣю, недавно упразднившееся, вамъ особенно свойственное.

Беневольскій *(въ сторону)*.

Онъ для меня имѣетъ мѣсто! стало, слышалъ обо мнѣ, я здѣсь извѣстенъ. *(Громко)* Что побудило васъ подать мнѣ руку помощи? кого я въ васъ вижу?

Прохоровъ.

Мое прозваніе Прохоровъ, говорилъ мнѣ объ васъ его превосходительство Александръ Петровичъ, у котораго вы жительство имѣете.

Беневольскій.

Ахъ, сударь! я объ васъ отъ него столько наслышался,—вы, кажется, близки его сердцу.

Прохоровъ.

Я только съ давнишней поры имѣю честь быть включеннымъ въ число его знакомыхъ.

Беневольскій.

Какъ, сударь! не прежде?

Прохоровъ.

Дѣйствительно такъ. Мы встрѣтились въ милютинскихъ лавкахъ, въ 9 номерѣ. Его превосходительство кушать изволили фрукты, а я кое къ чему приторговывался.

Беневольскій.

Онъ мнѣ сказывалъ, что ваше имя пользуется большой извѣстностью.

Прохоровъ.

Справедливо такъ. Вы мое имя на заглавныхъ листкахъ многихъ книгъ помѣщеннымъ видѣть можете.

Беневольскій *(въ сторону)*.

Ему посвящаютъ книги! *(Громко)* Позвольте, сударь, и мнѣ поднести вамъ мои опыты въ прозѣ и стихахъ, досуги моей безпечной музы; они, конечно, будутъ приняты публикою съ большею благосклонностію, если украсятся вашимъ именемъ.

Прохоровъ.

О! государь мой, сіе для меня слишкомъ много, я не болѣе, какъ честный содержатель типографіи; но вы хорошо сдѣлаете, если оные ваши труды нашему директору посвятите, онъ человѣкъ достопочтенный и надворный совѣтникъ.

Беневольскій.

Какъ! вы содержатель типографіи?

Прохоровъ.

Истинно такъ. Не соизвольно ли вамъ будетъ дать мнѣ на образецъ ваше нѣкакое рукописаніе? — Сіе весьма необходимо.

Беневольскій.

Къ чему жъ это? Если вы хотите видѣть мой почеркъ, то я увѣряю васъ, что онъ самой плохой, — отрисовка моихъ идей обнаруживается не въ красивыхъ литерахъ. Если же вы хотите знать мой слогъ, то можете найти кучу моихъ произведеній во многихъ извѣстныхъ нашихъ журналахъ, въ „Сынѣ Отечества“, напримѣръ.

Прохоровъ.

Сіе періодическое изданіе изъ лучшихъ, нумера выходятъ всегда аккуратно, буквы отмѣнно четкія, бумага вообще хорошая.

Студентъ.

Беневольскій.

О! сударь, съ какой точки зрѣнія вы смотрите на вещи!

Прохоровъ.

Вы вѣроятно переводите?

Беневольскій.

И сочиняю.

Прохоровъ.

Весьма похвально. Знаете ли вы правописаніе?

Беневольскій.

Помилуйте, я кажется сказалъ вамъ, что многія мои сочиненія помѣщены въ журналахъ.

Прохоровъ.

Безспорно такъ. Но я скажу вамъ, государь мой, что многіе изъ нашихъ, впрочемъ весьма почтенныхъ словесниковъ, конхъ сочиненіями журналы наполняются, удостанваютъ меня своими посѣщеніями: изъ нихъ большая часть не весьма тверды въ правописаніи. Оно же, правописаніе, разумѣю я, главное есть для той должности, которую я предлагаю вашему благоуваженію.

Беневольскій.

Какая жъ это должность?

Прохоровъ.

Должность сія въ томъ состоитъ, дабы съ неусыпнымъ бдѣньемъ за ошибками, встрѣчаться могущими при книгопечатаніи, надсматривать.

Беневольскій *(въ сторону)*.

Скорѣе влачить за собою котомку нищеты, чѣмъ взять на себя эту прозаическую, неблагодарную должность.

Прохоровъ.

Вы имѣете ежегодно получать въ опредѣленные сроки четыреста пятьдесятъ рублей, и за прочтеніе печатаемыхъ книгъ задѣльная плата съ каждаго листа по пяти копѣекъ вамъ безъ задержки производиться будетъ.

Беневольскій *(въ сторону)*.

Онъ мнѣ душу раздираетъ.

Явленіе послѣднее.

Тѣ же и Мальчикъ.

Мальчикъ.

Мнѣ, сударь, пора домой идти.

Беневольскій.

Что тебѣ надобно?

Мальчикъ.

Я за вами бутылку съ виномъ давича принесъ, этотъ офицеръ сказалъ, что вы заплатите, а меня хозяинъ нашъ мусье побьетъ, коли я промѣшкаю.

Беневольскій.

Ахъ, братецъ! у меня человѣкъ вышелъ, унесъ ключъ отъ шкатулки. Милостивый государь! я согласенъ быть у васъ корректоромъ; между тѣмъ заплатите за меня небольшой этотъ долгъ.

Прохоровъ.

Съ превеликимъ удовольствіемъ, въ зачетъ будущаго вашего жалованья.

Беневольскій.

Мечты моей юности! мечты, сопровождавшія меня изъ Казани сюда! сопутницы неизмѣнныя! куда вы исчезли, заманчивыя?...

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

СВОЯ СЕМЬЯ

ИЛИ

ЗАМУЖНЯЯ НЕВѢСТА,

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ.

Представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ, на Маломъ Театрѣ, въ пользу Актрисы Г-жи Валберховой; Генваря 24 дня, 1818 года.

САНКТПЕРБУРГЪ;

въ Типографіи Императорскаго Театра,
1818 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Матрена Карповна Звонкина, помѣщица — *Г-жа Сандунова.*

Карлъ Савичь Искринъ, отставной Секундъ-Маіоръ, ея племянникъ — — — *Г. Бобровъ.*

Ѳекла Савишна Брызгова, вдова — — — *Г-жа Ежова 6.*

Варвара Савишна Вельдюзева, вдова — *Г-жа Каратыгина 6.*

Раиса Савишна, старая дѣвушка — — — *Г-жа Самойлова.*

Максимъ Меркуловичь Вирюлькинъ, зять ихъ — — — — *Г. Рамазановъ.*

Любимъ, племянникъ ихъ — — — — — — *Г. Сосницкій.*

Наташа, жена его — *Г-жа Валберхова.*

ОТРЫВОКЪ

изъ комедіи

Своя семья, или замужняя невѣста.

[1817].

[Предисловіе *А. С. Грибоѣдова:*]

„Любимъ, молодой человѣкъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, женился по страсти, безъ согласія своихъ родственниковъ. Онъ привозитъ жену въ тотъ городъ, гдѣ живутъ всѣ его тетки и дяди: Мавра [Өекла] Савишна, Ранса Савишна, Варвара Савишна [Вельдюзева], Карпъ Савичъ, Максимъ Меркуловичъ. Всѣ думаютъ, что онъ сговоренъ; никто не знаетъ, что онъ женатъ, кромѣ Варвары Савишны, которая всѣхъ добрѣе, и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тѣмъ Наташа, жена его, подъ чужимъ именемъ, знакомится со всею мужниною роднею, старается каждому изъ нихъ угодить и понравиться, и въ томъ успѣваетъ.— Это содержаніе одной комедіи кн. А. А. Шаховскаго, въ которой я взялся сдѣлать нѣсколько сценъ изъ второго акта. Вотъ онѣ".

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1-е.

Вельдюзева, Любимъ и Наташа.

Любимъ.

Да! я обѣгалъ всю почтенную родню,
И счастья своего покамѣстъ не вию:
Гдѣ ни былъ, никого найти не удавалось,
Кромѣ одной.—За то ужъ отъ нея досталось!

Къ Рансѣ Савишнѣ, какъ слѣдуетъ, зашелъ;
Глядь, у себя. Слуга тотчасъ меня повелъ
Къ ней въ образную,—тамъ въ очкахъ она читала,
Вспрыгнула, ахнула и въ обморокъ упала.
Оттерли. Боже мой! тутъ только-что держись:
Увѣщеванія рѣкою полились;
И все печатное, что только вышло вновѣ,
Все знаетъ наизусть, не ошибется въ словѣ;
Ну, такъ и сыплетъ вздоръ. Рѣчь о тебѣ зашла:
Тутъ длинную она статью о томъ прочла,
Какъ вѣрно въ дѣвушкѣ, вертушкѣ новомодной,
Нѣтъ пламенной души, ни нѣжности природной,
Ни сердца простоты... А я безъ дальнихъ словъ,
Не выслушавъ всего, взялъ шляпу, былъ таковъ.
Наташа, какъ я глупъ! зачѣмъ, не понимаю,
Привезъ тебя сюда?

Вельдюзева.

Вотъ такъ-то! поздравляю!
Всѣ виноваты мы...

Любимъ.

Ахъ, нѣтъ! всегда женѣ
Твердилъ я, что у насъ порядочныхъ въ роднѣ
Есть двое: вы да я.

Вельдюзева.

Повѣрь мнѣ: помаленьку
На свой поставишь ладъ ты всю свою роденьку.
Нашъ опытъ удался съ секундъ-маіоромъ; ну,
Полюбятъ также всѣ они твою жену,—
Дай срокъ.

Наташа.

Ахъ, дядюшкѣ понравиться не трудно:
Онъ веселъ добръ и милъ,—и, право, даже чудно,
Какъ онъ напоминалъ Любима мнѣ.

Любимъ.

А чѣмъ?

Явленіе 1.

Наташа.

Да кромѣ лѣтъ, лица и воспитанья, всѣмъ.
Ты точный дядюшка, мой другъ, подъ старость будешь.

Любимъ.

Вотъ на!

Наташа.

Ты никогда гусарить не забудешь;
Все станешь вспоминать съ восторгомъ старину,
И молодечество, и службу, и войну.
Я вижу ужъ тебя: ты въ дядюшкины годы,
Какъ онъ въ сѣдыхъ усахъ, про славные походы,
Про Лейпцигъ, Кульмъ, Парижъ безъ памяти кричишь;
Безъ милосердія все новое бранишь;
Свой полкъ, своихъ друзей, свои проказы славишь,
Повѣсамъ будущимъ себя примѣромъ ставишь
И сердишься за то, что рано устарѣлъ.

Любимъ.

А ты въ углу ворчишь: онъ все еще пострѣлъ;
Когда ты, батышка, дурачиться уймешься?
И вслухъ меня бранишь, а внутренно смѣешься.
Не правда-ли, мой другъ?

Наташа.

Да, можетъ быть легко;
Но, къ счастью, до того еще намъ далеко.

Вельдюзева.

Сестра сюда идетъ.

Наташа.

Ахъ, Боже мой! какая?

Вельдюзева.

Охъ! Ѳекла Савишна!

Любимъ.

Крикуша и скупая.

Наташа.

Да гдѣ-бы платьица найти мнѣ попростѣй?

Вельдюзева.

У Груньки ты возьми передникъ поскорѣй.
Уйдите же: она ужъ подошла къ порогу.

Наташа *(уходя)*.

Любимъ!

Любимъ.

Я за тобой. *(Уходятъ вмѣстѣ).*

Явленіе 2-е.

Ѳекла Савишна и Вельдюзева.

Ѳекла.

Скажи-ка: слава Богу!
Вѣдь нашъ Любимъ сюда изволилъ прикатить.
Хоть, правда, поспѣшилъ меня онъ навѣстить,
Да вѣдь пожаловалъ въ тотъ самой часъ, въ который
Къ вечернѣ я хожу. Охъ, эти мнѣ проворы!
Я чай, развѣдывалъ, когда-де побывать?
Когда потрафить такъ, чтобъ дома не застать?

Вельдюзева.

Ну, можно-ли...

Ѳекла.

Чего? Онъ развѣ путныхъ правилъ?
Дивлюсь еще, мой свѣтъ, тому, что не оставилъ
Визитной карточки; а то у нихъ такой
Обычай водится въ столицахъ, объ Святой
И въ Рождество. Да что? тамъ вѣчно наглость та-же;
Знатнѣйшіе дома—и родственниковъ даже—
Вотъ посѣщаютъ какъ: самъ баринъ дома спитъ,
Карету и пошлетъ, а въ ней холопъ сидитъ,
Какъ будто господинъ; обрыскаетъ край свѣта,
Швыряетъ карточки!.. Спасибо! мерзость эта
Что не дошла до насъ: помиловалъ Господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть:
Что самъ онъ заходилъ, я отъ Потапки знаю;
А все-таки спесивъ! Увижу—разругаю.

Вѣдь нѣтъ, чтобъ подождать полчасика... бѣда,
Никакъ нельзя, спѣшитъ. Спроси его: куда?
Небось не думаетъ угодность сдѣлать теткѣ;
А въ Петербургѣ бы къ какой-нибудь красоткѣ...

Явленіе 3-е.

Тѣ же и Наташа.

Наташа.

Ахъ, вы здѣсь не однѣ! простите!

Вельдюзева.

Ничего.

Ѳекла.

Кто это? здѣшняя?

Вельдюзева.

Нѣтъ; мужа моего
Покойнаго родня, пріѣхала недавно.
Знакома вамъ была Ѳедосья Николаевна?

Ѳекла.

Твоя золовка?

Вельдюзева.

Да, ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Вотъ дочь ея.

Ѳекла.

Она?—Прошу! какихъ ужъ лѣтъ!
Невѣста хоть куда.—Мы вмѣстѣ выростали
Съ твоею матушкой, дружнехонько живали,
И батюшка въ Москвѣ къ намъ часто въ домъ ходилъ;
При мнѣ онъ сватался, при мнѣ помолвленъ былъ,
Ахъ, на семъ свѣтѣ я куды давно таскаюсь!
Ты съ нами долго-ли пробудешь? а?

Наташа.

Не знаю-съ;
Какъ будетъ тетушкѣ угодно...

Вельдюзева.

Мнѣ, другъ мой?

Весь вѣкъ радехонька я вмѣстѣ жить съ тобой.

(Θекла).

Въ глаза и за глаза скажу: неприхотлива,
И угодительна, ловка и бережлива;
Желаю всякому такую дочь имѣть.

Наташа.

Угодно, тетушка, вамъ будетъ посмотрѣть,
Тамъ приготовила для васъ одно я блюдо.

Вельдюзева.

А! знаю, хорошо.—Останься здѣсь покуда.
Сестрица, кажется, не гостьи вы у насъ,
Не взыщите, а я назадъ приду сейчасъ. *(Уходитъ).*

Явленіе 4-е.

Θекла Савишна и Наташа.

Θекла.

Что это, матушка? неслыханное дѣло!
Кто стряпаетъ теперь?

Наташа.

Къ обѣду не поспѣло;
Хватились поздно мы, такъ какъ-то не пришлось.

Θекла.

Какое-жь кушанье?

Наташа.

Пирожное одно-съ,
И выдумки моей.

Θекла.

Твоей?—Оно-бъ не худо,
Да, вѣдь, пирожное затѣйливое блюдо;
Насущный хлѣбъ теперь одинъ составитъ счетъ,
Такъ лакомство, ей-ей! на умъ ужъ не пойдетъ.

Наташа.

Да-съ, у меня за то все снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимоннаго чуть-чуть.

Явленіе 4.

Θекла.

Ну, сахаръ входитъ-же?

(Наташа качаетъ головой).

Хоть крошечка?

Наташа.

Отнюдь!

Какъ, сахаръ? шутка-ли? что вы? побойтесь Бога!
Нѣтъ! и безъ сахару расходовъ очень много.

Θекла.

Да! согрѣшили мы, крутыя времена!

Наташа.

Я какъ-то съ малыхъ лѣтъ къ тому пріучена,
Что дорогой кусокъ мнѣ видѣть даже грустно;
Я такъ люблю поѣсть, чтобъ дешево и вкусно.

Θекла.

Какъ судишь ты умно! не по лѣтамъ, мой свѣтъ,
Въ иной и пожилой такого смысла нѣтъ.

Наташа.

Помилуйте...

Θекла.

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная-ль улика,
Что прожила весь вѣкъ, не нажила ума?
Расчету ни на грошъ, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней!—зачѣмъ? кому на диво?

Наташа.

А будто трудно жить, какъ надо, бережливо?
Я вотъ и не въ нуждѣ воспитана была,
Хоть матушка моя покойница жила
Куда не роскошно, я чай, и вамъ извѣстно.

Θекла.

Умна была,—дай Богъ ей царствіе небесно!

Наташа.

Однако странность я одну вамъ разскажу.

Θекла.

Какъ, другъ мой? что?—Садись.

Наташа.

Вотъ что...

Θекла.

Да сядь!

Наташа *(сѣвши на краешкѣ стула).*

Сижу.

Вотъ что... спросить у васъ позвольте: вы давно-ли
Разстались съ матушкой?

Θекла.

Лѣтъ двадцать пять, поболѣ;
Мы молоды тогда, невѣсты были съ ней.
(Со вздохомъ)
И схоронила я съ тѣхъ поръ ужъ трехъ мужей!

Наташа.

Такъ, можетъ, никогда вамъ слышать не случалось
Объ томъ, что къ Ладовой, графинѣ, я попалась
На воспитаніе?

Θекла.

Нѣтъ, не слыхала я.

Наташа.

Ужъ странность подлинно!—Она и мать моя
Вѣкъ были по всему противныхъ свойствъ и правилъ.
Не знаю, между ихъ какъ случай связь составилъ,
А только матушка съ ней такъ дружна была,
Что на руки меня къ ней вовсе отдала!
Представьте-же себѣ: я въ домъ попала знатной,
У Ладовой на все расходъ невѣроятной!
И шляпкамъ, и шалямъ, и платьямъ счету нѣтъ,
И собирается у ней весь модный свѣтъ:
Вчера концертный день, а нынче танцовальной,
А завтра что-нибудь другое.—Натурально,
Вы можете судить, что въ этакомъ дому
До бережливости нѣтъ дѣла никому.

Θекла.

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортитъ жизнь такая.

Наташа.

Позвольте досказать. Мнѣ скоро щегольство
И весь графининъ бытъ: шумъ, пышность, мотовство
И давка вѣчная въ передней за долгами—
Такъ опротивѣли, что рада, между нами,
Была я убѣжать Богъ вѣдаетъ куда!
Такъ опротивѣли! что лучше бы всегда
Я ѣла черный хлѣбъ, въ серпянкѣ бы ходила,
Да лишь бы суетно такъ время не губила.

Θекла.

Ужли голубушка! да какъ же это ты?
Я, я свертѣлась бы отъ этой суеты!
Вотъ умъ не дѣвичій!— Къ чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа.

Здѣсь булавочка свѣтилась,
Сейчасъ я видѣла. Вотъ тутъ она была,
На этомъ мѣстѣ, здѣсь.—А! вотъ она! нашла.
(Поднявши, прикалываетъ къ косынкѣ).
Вѣдь, и булавочка намъ можетъ пригодиться.

Θекла.

Какъ, изъ булавки ты изволила трудиться?
Чѣмъ больше думаю и на тебя гляжу
И слушаю тебя, ума не приложу,—
Диковина, мой свѣтъ! Ты, кажется, водилась
Съ большими барами, а все съ пути не сбилась!

Наташа.

Напротивъ, многимъ я обязана тому,
Что столько времени жила въ большомъ дому.
Когда къ француженкамъ поѣдемъ мы бывало,
Графинѣ только-бы купить что ни попало;
А я тихохонько высматриваю все,

Какъ тамъ работаютъ, кроятъ и то, и се,
И выпрошу себѣ остатковъ, лоскуточковъ,
Отрѣзочковъ отъ лентъ, матерьицы кусочковъ,
И, дома запершись, крою себѣ, крою.
Теперь-же, вѣрите-ль, я что угодно шью,
Вы не увидите на мнѣ чужой работы—
Вотъ ни на эстолько.

(Показываетъ на кончикъ шемизетки или фартука).

Θекла.

Помилуй, другъ мой, что ты?
Кладъ сущій,—и тебѣ подобной не сыскать!

Наташа.

Я шелкомъ, золотомъ умѣю вышивать.
Бывало, прочія лишь заняты весельемъ,
На балахъ день и ночь, а я за рукодѣльемъ;
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконецъ до тысячи рублей.

Θекла.

Теперь на свѣтѣ нѣтъ вещей невѣроятныхъ.
Скопила!—Чѣмъ?—Трудомъ! воспитана у знатныхъ!
Свершилась надъ тобой Господня благодать.
Дай, радость, дай скорѣй себя расцѣловать! —

(Обнимаются).

Вотъ, если-бъ нашъ Любимъ былъ человѣкъ толковый,
Вотъ счастье! вотъ оно! вотъ случай здѣсь готовый!
И услужилъ-бы всѣмъ роднымъ и самъ себѣ,
Когда женился-бы онъ, другъ мой, на тебѣ.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала;
А то, Богъ знаетъ гдѣ онъ сватанье завелъ!
Тамъ русскую мамзель какую то нашелъ!
Преаккуратная голубушка, я чаю.

Наташа.

А почему-же знать?

Θекла.

Какъ почему?—Я знаю.

Наташа.

Конечно, это вамъ извѣстнѣе, чѣмъ мнѣ.

Θекла.

Вотъ то-то, видишь-ли, что всей его роднѣ
Она не по нутру.—Не можетъ, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные всѣ свалятся,
Чтобъ поскорѣй отъ нихъ наслѣдство получить;
Того не думаетъ, чтобы самой нажить.
Хоть объ себѣ скажу: не безъ труда скопила
Я кое-что. Нѣтъ! тремъ мужьямъ, тремъ угодила!
Легко-ли вытерпѣть отъ нихъ мнѣ довелось—
При жизни что хлопотъ! по смерти сколько слезъ!

(Останавливается отъ избытка чувствъ).

Я, другъ мой, кажется, въ тебѣ не обманулась.
По волѣ Божіей, когда бъ ты приглянулась
Любиму нашему и вышла бъ за него,
Не расточила бы наслѣдства моего.
Да и полюбишься ему ты, вѣроятно:
Свѣжа какъ маковъ цвѣтъ, ведешь себя опрятно,
А франтовъ нынѣшнихъ не мудрено прельстить.
Ты по французскому умѣешь говорить?

Наташа.

Умѣю нѣсколько.

Θекла.

А! вѣрно мастерица.
Имъ только надобно...

Явленіе 5-е.

Тѣ же и Вельдюзева.

Θекла.

Послушай-ка, сестрица!

Вотъ толкъ объ чемъ у насъ: не правда-ли, она
Любиму нашему, вѣдь, по всему жена?

Вельдюзева.

Я то же говорю.

Θекла.

Ты говоришь... Я знаю;
Что это быть должно, я этого желаю,
На этомъ настою. Какъ хочетъ онъ, Любимъ,
Я вразумлю его, и, по словамъ моимъ,
Онъ Петербургскія всѣ шашни позабудетъ.
Пожалуй-ка, сестра, когда къ тебѣ онъ будетъ,
Пришли его ко мнѣ. А между тѣмъ, прощай!
Къ тебѣ, признаться, я попала невзначай:
Шла къ теткѣ Звонкиной, съ ней перемолвить нужно
Такъ кой объ чемъ.—Прости!

(Наташѣ)

Ахъ! жаль, что недосужно,
А то-бы мы съ тобой... прошу насъ навѣщать.
Ты говорила мнѣ, что любишь вышивать,
И что, мой свѣтъ, сидѣть не любишь сложивши руки.
Такъ я тебѣ найду заняться чѣмъ отъ скуки:
Вѣдь, у меня въ дому кой-что шелками шьютъ!

(Варварѣ Савишнѣ)

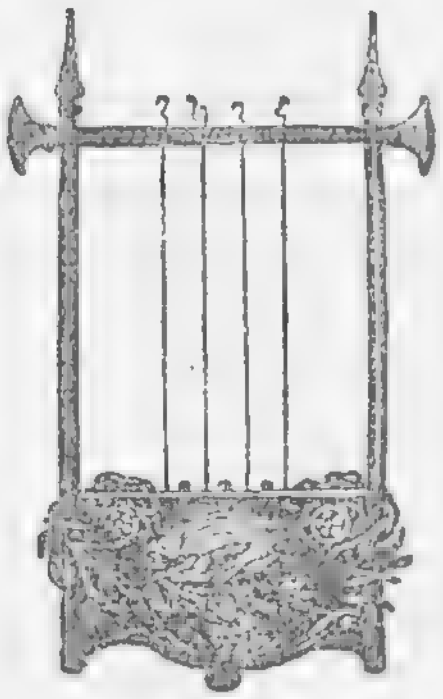
Скажи жь Любимушкѣ, чтобъ на себя взялъ трудъ,
Заѣхалъ бы ко мнѣ.—Быть можетъ и безъ брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заранѣ.
Авось!.. не вѣдаетъ никто, что впереди.
Сестра! безъ проводовъ! останься! не ходи!

(Уходитъ. Вельдюзева ее провожаетъ).

ПРИТВОРНАЯ

НЕВѢРНОСТЬ,

Комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ.



1818.

Дѣйствующіе:

	Г-жи
Элвдина. — молодая вдова. .	*Валберхова.*
Лиза, сестра ея. . . .	*Брянская.*
	Г-да
Рославлевъ.	*Брянскій.*
Ленскій.	*Сосницкій.*
Блестовъ.	*Рамазановъ.*

ПРИТВОРНАЯ НЕВѢРНОСТЬ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ.

Переведена съ французскаго

А. ГРИБОѢДОВЫМЪ и А. ЖАНДРОМЪ.

Комната въ домѣ Элединой.

Явленіе 1-е.

Ленскій, Рославлевъ.

Ленскій.

Ну нѣтъ! любить, какъ ты, на бѣшенство похоже.

Рославлевъ.

А такъ любить, какъ ты, и не любить все то же.

Ленскій.

Кто съ Лизою твои всѣ ссоры перечтетъ?

Рославлевъ.

За то съ ея сестрой ты холоденъ, какъ ледъ.

Ленскій.

Подумай, какъ вчера ты съ нею обходился.
Ты дулся и молчалъ, бѣсился и бранился;
Богъ знаетъ изъ чего, кричалъ, ужъ такъ кричалъ,
Что я со стороны, куда уйти, не зналъ.
Какъ Лиза ни добра, ей это надоѣло,
Она разссорилась съ тобою,—и за дѣло.

Рославлевъ.

Она же ссорится! и я же виноватъ!
И мнѣ пріятели признаться въ томъ велятъ!
Отъ этихъ женщинъ мы чего не переносимъ?
А кончится однимъ: что мы прощенья просимъ.

Ленскій.

При всякомъ случаѣ готовъ ты ихъ бранить.
Онѣ несносны?—Да?—Зачѣмъ же ихъ любить?
Нѣтъ, право, за тебя становится мнѣ стыдно:
Ты знаешь, что прослыть ревнивымъ незавидно;
А многіе куда какъ рѣзко говорятъ
И громко...

Рославлевъ.

На мой счетъ?

Ленскій.

На твой.

Рославлевъ.

Я очень радъ!

Ленскій.

Всѣмъ кажется, что ты брюзгливъ и своенравенъ,
И нѣжностью смѣшонъ, и ревностью забавенъ;
А въ свѣтѣ толковать о странностяхъ другихъ
Вездѣ охотники.

Рославлевъ.

Кто-жъ говоритъ объ нихъ?
Прелестницы, съ толпой вздыхателей послушныхъ,
И общество мужей, къ измѣнѣ равнодушныхъ,
И тѣ любезники, которыхъ нынче тьма:
Безъ правилъ, безъ стыда, безъ чувствъ и безъ ума,
И въ дружбѣ, и въ любви равно непостоянны.
Вотъ люди!.. И для нихъ мои поступки странны,
Я не похожъ на нихъ, такъ чуденъ всѣмъ кажусь.
Да, я пустыхъ людей насмѣшками горжусь;
А ты бъ, я чай, хотѣлъ, чтобъ имъ я былъ угоднымъ,
Чтобъ также слѣдовалъ сужденьямъ новомоднымъ
И передѣлался на ихъ бы образецъ,
Или на твой;—вѣдь ты таковъ же наконецъ!

Ленскій.

Ты хочешь, чтобъ и я на женщинъ воружился;
Однако-жъ я пока на это не рѣшился.

Мнѣ съ ними весело, имъ весело со мной,
А сверхъ того еще, вотъ вѣры я какой:
Что въ добродѣтеляхъ намъ должно брать уроки
У нихъ,—мы сами же заводимъ ихъ въ пороки.
Немножко вѣтрены, невѣрны иногда,—
Ну что-жъ?

Рославлевъ.

Какъ иногда?—Всегда, сударь, всегда!

Ленскій.

Всегда, ты говоришь, и нѣтъ невиноватыхъ?
Какъ это мнѣніе пріятно для женатыхъ!
А впрочемъ, насъ съ тобой никто не согласитъ:
Меня, вотъ, напримѣръ, все въ свѣтѣ веселитъ,
А ты не можешь жить безъ горести и муки.

Рославлевъ.

Ты разсудителенъ! и если бы отъ скуки
Твоей Элединой понравился другой,
Ты восхищался бы находкою такой.

Ленскій.

А ты какъ думаешь? мнѣ надо бы терзаться?
Ни день, ни ночь не спать? съ любезною разстаться,
И все-таки потомъ вездѣ ее слѣдить
И всѣхъ бояться?

Рославлевъ.

Всѣхъ.—Всѣ могутъ милы быть.

Ленскій.

А пуще, кто умомъ и прелестьми украшенъ.
Я признаюсь тебѣ, мнѣ Блестовъ очень страшенъ.

Рославлевъ.

Шути; а этотъ франтъ—я не терплю его!

Ленскій.

И дѣльно; онъ собой затмитъ хоть бы кого.

Рославлевъ.

Пустая голова! Что шагъ, то принужденье!
А здѣсь, у двухъ сестрицъ, объ немъ иное мнѣнье.
Вчера же съ ними онъ весь вечеръ проболталъ:
Ты видѣлъ... Я сперва совсѣмъ не ревновалъ,
Да Блестовымъ онѣ такъ много занимались,
Что насъ забыли, съ нимъ все время просмѣялись.

Ленскій.

Онѣ смѣялися и слушали его.
Не равнодушно же смотрѣть имъ на того,
Кто въ обществахъ всегда всѣхъ женщинъ забавляетъ.
И какъ ты думать могъ, что онъ ихъ завлекаетъ?
Кто жъ Блестовъ? Старый франтъ! Онъ слишкомъ въ сорокъ лѣтъ
Вездѣ волочится, прельщаетъ цѣлый свѣтъ,
Острится надо всѣмъ, а самъ всего смѣшнѣе;
Не вовсе безъ ума, и отъ того глупѣе;
Охотно въ дураки отца бы посвятилъ,
Лишь бы съ улыбкою сказали: какъ онъ милъ!

Рославлевъ.

И несмотря на то, какъ это мнѣ ни больно,
Я бьюся объ закладъ, что женщинъ есть довольно,
Кому онъ нравится.

Ленскій.

Конечно, для иныхъ
Не безъ достоинства такой, какъ онъ, женихъ:
Богатъ и всѣмъ родня.

Рославлевъ *(съ досадой)*.

Ну, такъ онѣ и правы!

Ленскій.

Э, полно! здѣсь его лишь любятъ для забавы.

Рославлевъ.

Насмѣшки ихъ надъ нимъ—уловки противъ насъ!
Видалъ насмѣшницъ я, какъ ладили подъ часъ
Съ людьми, которые казались имъ противны.
Да что и говорить?—Мнѣ въ женщинахъ не дивны

Увертки, хитрости, лукавство противъ всѣхъ,
Обманы вѣчные, притворный плачъ и смѣхъ;
И только одному нельзя не подивиться,
Какъ люди до сихъ поръ имѣютъ духъ жениться!

Ленскій.

Да успокойся.

Рославлевъ *(съ сердцемъ)*.

Я спокоенъ.

Ленскій.

Такъ поди
Къ своей возлюбленной.—Клянися ей, тверди,
Что ты навѣкъ у ней въ слѣпомъ повиновеньи.

Рославлевъ.

Я? къ ней пойду?

Ленскій.

Да, ты.

Рославлевъ.

Хорошъ!—я въ огорченьи,—
А ты... Изъ дружбы онъ смѣется надо мной.

Ленскій *(хохочетъ)*.

Тебѣ же въ пользу я стараюсь...

Рославлевъ.

Богъ съ тобой!
Вотъ каковы друзья:—хоть плачь я, хоть бѣсися,
Онъ будетъ хохотать!

Ленскій.

Эй, съ Лизой помирися.
Поди! у ногъ ея ты долженъ обѣщать,
Что ей хотя дни два не станешь докучать;
Ну, отправляйся же.

(Рославлевъ, увидя Блестова, отворачивается и поспѣшно уходитъ).

Явленіе 2-е.

Ленскій, Блестовъ.

Блестовъ *(вслѣдъ Рославлеву)*.

Экъ онъ заторопился!
Я въ двери, онъ бѣжать,—ушелъ, не поклонился.
Ахъ, Ленскій, здравствуйте!—Вашъ другъ не въ духѣ?

Ленскій.

Да.

Престранный человѣкъ. Замѣтьте, что всегда
Онъ тотчасъ убѣжитъ, гдѣ только васъ завидитъ.

Блестовъ.

Скажите мнѣ, за что меня онъ ненавидитъ?

Ленскій.

Причина ясная: онъ васъ боится.

Блестовъ.

Что?

Вотъ вздоръ!

Ленскій.

Вы женщинамъ такъ милы, какъ никто;
И милы такъ давно.

Блестовъ.

Зло! очень зло!—Однако.
Кто-жъ нынче имъ не милъ? безъ исключенья всякой:
Сначала всѣ онѣ какъ будто далеки,
А послѣ...

Ленскій.

Да, для васъ успѣхи въ нихъ легки.
Назвать до дюжины... до сотни можно смѣло...
Да что и называть?—побѣды ваше дѣло.

Блестовъ.

Помилуйте!

Ленскій.

И вотъ, не далеко искать:
Рославлеву и мнѣ нельзя не ревновать;
У васъ съ обѣими на что-то ужъ похоже.

Блестовъ.

Вы думаете?

Ленскій.

Да.

Блестовъ.

Вы другъ ему?

Ленскій.

Ну, что же?

Блестовъ.

Скажите искренно, какъ поступилъ бы онъ,
Когда бы кто ему былъ Лизой предпочтенъ?

Ленскій.

А развѣ?

Блестовъ.

Ничего,—одно предположенье;
Клянусь вамъ, ничего.—Ну, вотъ и подозрѣнье!

Ленскій.

Я и не думалъ.

Блестовъ.

Нѣтъ?—Гдѣ вамъ меня провесть!—
(Разсѣянно).
А впрочемъ, хоть и я плѣняю какъ ни есть,
Хоть Лизѣ нравиться и нѣтъ большаго чуда,
Но все, я вамъ божусь, что съ ней еще покуда
Мы на учтивостяхъ—и болѣе никакъ.

Ленскій.

Я вѣрю безъ божбы.

Блестовъ *(значительно)*.

А если бы не такъ,
На что-бъ рѣшился онъ?

Ленскій.

Онъ съ Лизой бы простился;
А тамъ и съ вами бы, конечно, объяснился.

Блестовъ.

Стрѣляться бы онъ сталъ?—Стрѣляться не бѣда!
Но быть ревнивымъ?—о! въ немъ вовсе нѣтъ стыда.
Отстаньте отъ него и будемте друзьями:
Давно замѣтилъ я тьму сходства между нами.

Ленскій.

Я не таковъ, какъ онъ, а васъ боюсь;—ужли
Вы баловнемъ любви невинно прослыли?

Блестовъ.

Кто счастливъ не бывалъ?—Но я вамъ дамъ присягу,
Что въ жизнь для этого не дѣлывалъ ни шагу.

Ленскій.

Безчувственный! и вотъ плѣняете вы чѣмъ!

Блестовъ.

Ба!—Не плѣняется въ нашъ вѣкъ никто, никѣмъ,—
Все дѣло прихоти и случая слѣпова;
А люди есть еще: не скажутъ вамъ ни слова,
Чтобы удачь своихъ въ любви не приплести;
Признаться, этого я не могу снести!
И какъ разсказывать о томъ, что такъ ничтожно?
Съ одной я, напримѣръ, едва повѣрить можно,
Совсѣмъ не думавши, не знаю, какъ успѣлъ;
Я даже говорить съ ней вовсе не хотѣлъ,—
И всячески она завлечь меня старалась,
Чтобъ только отомстить—и ахъ! сама попалась.
Другой понравился съ такимъ же я трудомъ,
Ну, отгадайте, чѣмъ?—любезностью, умомъ?
Нѣтъ!—блѣдностью лица!—Я былъ жестоко боленъ.—
За то болѣзнію потомъ какъ былъ доволенъ!
Одну имѣлъ я связь серьезную,—въ нее
Вмѣшалось нѣсколько достоинство мое;
Вотъ это было какъ...

Ленскій.

Простите, поневолѣ
Я съ вами разстаюсь,—мнѣ здѣсь нельзя быть болѣ;
Хозяйки милыя такъ долго никогда
Не заставляли ждать.—Вы остаетесь?...

Блестовъ.

Да.

Ленскій.

Такъ дружбу мнѣ свою на дѣлѣ докажите,
И хоть Элединну, жестокой, пощадите. *(Уходитъ).*

Явленіе 3-е.

Блестовъ *(одинъ)*.

Шути, мой другъ, острись!—Я, въ очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебью;
Да и Рославлевъ твой порядочной цѣною
За неучтивости поплатится со мною,
И дѣльно.—Въ дураки попасть имъ легче всѣхъ:
Одинъ все хмурится, другому же все смѣхъ.
Нѣтъ! женщинъ надо знать,—такъ знать, какъ я ихъ знаю.
Однако-жъ я и самъ неловко поступаю:
Къ обѣимъ вдругъ сестрамъ я письма написалъ;
Къ обѣимъ объ любви?—Ну, какъ въ бѣду попалъ?
Да что?—Развязка тутъ не самая-ль плохая,
Что отъ одной отказъ,—не та, такъ все другая;
Вотъ дурно, ежели онѣ одна другой
Хвалиться вздумаютъ короткостью со мной!
Да нѣтъ! не можетъ быть: онѣ не разболтаютъ,
Въ любви и женщины, что надобно, скрываютъ.
А вотъ онѣ идутъ!—Однако-жъ не могу
Съ обѣими теперь быть вмѣстѣ,—убѣгу!

Явленіе 4-е.

Элединa, Лиза.

Лиза.

Какъ можно цѣлый часъ смѣяться до упада?

Элединa *(хохочетъ)*.

Нѣтъ силъ!

Лиза.

Да что съ тобой? Скажи, чему ты рада?

Элединa *(хохочетъ)*.

Ахъ, что за милое письмо мнѣ принесли!

Лиза.

Письмо?

Элединa.

Отъ Блестова.—Какъ нѣжно!

Лиза.

Неужли?

Онъ и ко мнѣ писалъ сегодня же.

Элединa.

Забавно!

Да гдѣ-жъ твое письмо?—Дай посмотрѣть... Вотъ славно!
Прочти, пожалуйста: онъ любитъ насъ равно,
Изъ слова въ слово въ нихъ написано одно.
Каковъ?

Лиза *(прочитавъ)*.

Ну что-жъ, такъ намъ обѣимъ незавидно.

Элединa.

Ужъ Блестовъ вздумалъ насъ обманывать; обидно!
Нѣтъ, баловать его не надо,—и къ чему?
Садись, пиши.

Лиза.

Зачѣмъ?

Элединa.

Чтобъ отомстить ему.
Повѣса въ сорокъ лѣтъ!—Ахъ, другъ мой! какъ счастливо!
Тебѣ нерѣдко вѣдь скучаетъ твой ревнивой;
А мой возлюбленный, что бъ онъ ни говорилъ,
Своей холодностью ни мало мнѣ не милъ;
Твой слишкомъ любитъ, мой почти любви не знаетъ;
А это намъ въ мужьяхъ добра не обѣщаетъ.

Лиза.

Ну что же?

Элединa.

Къ Блестову напишешь ты отвѣтъ,
Для шутки, такъ, чтобы онъ былъ ни да, ни нѣтъ.

Лиза.

Какъ можно?

Элединa.

Напиши; ты страхъ меня обяжешь!

Лиза.

А если всѣ потомъ узнаютъ, что ты скажешь?

Элединa.

Пусть знаютъ. Я сама хочу къ нему писать,
Вотъ тутъ-то онъ начнетъ мечтать, мечтать, мечтать,
Зазнается,—и вдругъ глаза ему откроемъ.
Представь себѣ, какъ мы Рославлева разстроимъ!
Услышитъ, взбѣсится, взревнуетъ, а потомъ,
Какъ ты сама ему признаешься во всемъ,
Немного надобно имѣть ему разсудка,
Чтобы увѣриться, что это просто шутка.
Ну, если шалостью исправимъ мы его?
А мнѣ не сдѣлать ужъ ревнивымъ своего,
Такъ я хочу его заставить разсердиться,
Чтобъ онъ хоть разъ узналъ, какъ весело мириться.
Ну, милая, рѣшись,—пиши; я пособлю.

Лиза.

Нѣтъ, я не напишу, что я его люблю.

Элединa.

Вотъ, какъ теперь гляжу, какъ Блестовъ будетъ славить.

Лиза.

Ревнивца обмануть?

Элединa.

Да, чтобъ его исправить;
Теперь же случай есть... Пиши, не будь дитя.

Лиза.

Да какъ?

Элединa.

Ахъ! полно.

Лиза.

Я боюся не шутя.

Элединa.

А время между тѣмъ уходитъ.—Ну, скорѣе!

Лиза.

Что будетъ?

Элединa.

Ничего. *(Лиза садится)*. Вотъ такъ, начни смѣлѣе.

Лиза.

Ахъ! что я дѣлаю!

Элелина.

Повѣрь мнѣ, не тужи.

Лиза.

Что онъ подумаетъ?

Элелина.

Пусть думаетъ.—Пиши
(диктуетъ):
„Не знаю, хорошо-ль, что я вамъ отвѣчаю...

Лиза.

Ужъ какъ нехорошо, я это очень знаю.

Элелина *(продолжая).*

„И не рѣшилась бы я долго,—но со мной
„Рославлевъ, какъ на зло, несносный сталъ такой...

Лиза.

Несносный, что за вздоръ?

Элелина.

Ну, безпокойный...

Лиза.

Точно.

Элелина.

Пиши: *„Онъ ревностью, какъ будто бы нарочно,*
„Надоѣдаетъ мнѣ“.

Лиза.

И все не надоѣстъ!

Элелина.

„Надоѣдаетъ мнѣ.—Пусть ищетъ же невѣстъ
„Потерпѣливѣе; а я не въ силахъ болѣ,
„Сносить всѣ странности его;—я вѣкъ въ неволѣ;
„Его мученья... (Лиза бросаетъ перо). Ну?

Лиза.

Помилуй, отчего
Ты рада выдумать все злое на него?

Элединa.

А не сама ли ты сто разъ мнѣ повторяла,
Что даже часто съ нимъ терпѣніе теряла?

Лизa.

Какая разница! то было на словахъ;
А это я пишу къ другому.

Элединa.

Дурно страхъ!
Ну, да пожалуй я смягчу изъ сожалѣнья;
Прочти, что у тебя?

Лизa.

Сейчасъ. *(Читаетъ)* *„Его мученья...“*

Элединa *(диктуетъ)*.

„Такъ надоѣли мнѣ, что словомъ хоть кого
„Готова я любить, да только не его...“

Лизa.

Нѣтъ! этого писать я вѣкъ не соглашуся.

Элединa.

Что за ребячество!

Лизa.

Ну, право не рѣшуся.

Элединa.

Ты шутишь;—да скажи, чего бояться тутъ?
Вѣдь этого письма лишь двое не поймутъ,
Рославлевъ съ Блестовымъ; Рославлевъ какъ ревнивый,
А Блестовъ какъ дуракъ.

Лизa *(дописавши)*.

Отвѣтъ краснорѣчивый.
Неужли онъ теперь повѣритъ, что въ него
Влюбилась я!

Элединa.

Кто? онъ?—Онъ вѣрилъ до того.
Какъ знаю я мужчинъ! Ахъ! всѣ безъ исключенья

Какого объ себѣ они большого мнѣнья!
Самолюбивы какъ! почти не меньше насъ!
Давай свое письмо, я отошлю сейчасъ.
А между тѣмъ тебѣ ужъ надо притворяться,
Что ты съ Рославлевымъ не хочешь вовсе знаться.—
Пусти-жъ меня. *(Садится)*. Теперь мнѣ очередь писать.
Представьте, какъ будемъ мы надъ ними хохотать!
Ахъ! вдругъ троихъ мужчинъ помучить какъ пріятно!

Лиза.

Что тутъ пріятнаго, мнѣ право не понятно!

Явленіе 5-е.

Ленскій, Рославлевъ, Элединa, Лиза.

Лиза.

Ахъ! вотъ они!—Куда все это намъ дѣвать?
Спрячь эти глупости.

Элединa *(нарочно громко)*.

Вотъ стану я скрывать;
Ты знаешь, что во всемъ я скрытность ненавижу.

Рославлевъ.

Смотри, что такъ она прилежно пишетъ!

Ленскій.

Вижу.

Рославлевъ *(Лизѣ)*.

Я ждалъ васъ давича до половины дня;
Или рѣшилися вы бѣгать отъ меня?

Лиза.

Да, сударь, съ вами я всѣ ссоры прекращаю;
Вы не ошиблись; я—васъ точно убѣгаю.

Рославлевъ.

Не убѣжите же: я васъ вездѣ найду.
(Лиза перебѣгаетъ и становится за Элединою).

Элдина *(въ сторону).*

Вотъ любитъ истинно! а на мою бѣду,
Мой Ленскій самая холодная особа.

(Ленскому)

Ахъ! да вы здѣсь. Давно?

Ленскій.

Сейчасъ вошли мы оба.
Не помѣшаю-ли я вамъ?

Элдина *(продолжая писать).*

Нѣтъ, ничего.

Рославлевъ.

Конечно, нечего бояться вамъ его.
Вы можете при немъ всегда писать свободно,
Хоть бы къ соперникамъ его,—къ кому угодно;
Онъ изъ учтивости не будетъ вамъ мѣшать.

Элдина.

Хоть бы къ соперникамъ его,—почемъ же знать?
Я точно нѣжное письмо пишу.

Ленскій.

Прекрасно!
Да я скажу, къ кому.

Элдина.

Къ кому-жъ?

Ленскій.

Ко мнѣ.

Элдина.

Напрасно.

(Въ сторону)

Какъ можно столько быть увѣреннымъ въ себѣ!

Ленскій.

Ахъ! позавидуетъ весь свѣтъ того судьбѣ,
(показывая на письмо)
Кто нѣжности отъ васъ такія получаетъ!
Я вижу по глазамъ, что чувство вамъ внушаетъ.

(Элеdина складываетъ письмо).

И будто кончили? не лучше-ль продолжать?
Расположенія такого долго ждать.

Элеdина *(въ сторону).*

Смѣется?—Если-бъ я въ сердцахъ не разсуждала,
Любовное письмо не въ шутку-бъ написала.

(Кличетъ)

Кто тутъ? *(Лакей входитъ).* На, вотъ письмо; поди, отдай тому,
Кому надписано...

Ленскій.

Куда-жъ итти ему?
Я здѣсь покамѣстъ.

Элеdина.

Нѣтъ; ужъ вы домой подите;
Тамъ лучше прочитать. *(Уходитъ).*

Ленскій *(съ улыбкой).*

Вы этого хотите... (*Уходитъ*).

Явленіе 6-е.

Лиза, Рославлевъ.

(Лиза хочетъ уйти).

Рославлевъ.

И вы?

Лиза.

Позвольте.

Рославлевъ.

Нѣтъ.

Лиза.

Я вздоровъ не терплю.

Рославлевъ.

Вы сердитесь за то, что я васъ такъ люблю!

Лиза.

Все это лишнее; на что намъ объясняться!
Конечно, прежде въ васъ могла я ошибаться;

Я все надѣялась вашъ нравъ перемѣнить;
Но больше не хочу игрушкой вашей быть.
Вчера еще...

Рославлевъ.

Вчера... да будьте безпристрастны!
Я жду, вы входите: вы были такъ прекрасны!
Я видѣлъ васъ одинѣхъ;—опять, какой же слѣдъ
Вамъ замѣчать меня, гдѣ тьма народу?—нѣтъ!
Вы милы! веселы!—для всякаго другова;
Со всѣми ласковы, со мною—ни полслова.
Вдругъ Блестовъ съ значущей улыбкой къ вамъ приталъ,
Болталъ, болталъ, и такъ собою заслонялъ,
Что долго я за нимъ не могъ васъ видѣть послѣ.
Макао начался; вы сѣли, Блестовъ возлѣ.—
Меня упрятали покамѣстъ за бостонъ:
Бостонъ-ли на умѣ! я безъ того взбѣшонъ;
Играю скверно; всѣ другіе, что играютъ,
Кричатъ и сердятся, бранятъ меня, ругаютъ;
А вы хохочете—и вы, и вашъ чудакъ.

Лиза.

Да не одна я, всѣ смѣялись.

Рославлевъ.

Точно такъ!
Не вы одинѣ, весь свѣтъ смѣется изъ пустова.
Зато же сыщете вы гдѣ меня другова?
Кто чувствуетъ, какъ я? Кто нынче есть съ душой?
Кто любитъ истинно?... Я, право, самъ не свой:
Твержу въ нашъ вѣкъ, чтобы кокетство позабыли,
Хочу, чтобъ женщины не женщинами были.

Лиза.

Вотъ оправданіе ревнивца!—Признаюсь!
Нѣтъ, какъ хотите вы, я съ вами разстаюсь.
Да и чего мнѣ ждать? При васъ неосторожно
Ни слова вымолвить, ни замолчать не можно;
Нельзя ни встать, ни сѣсть, ни выйти, ни войти;
Всему вы толкъ иной умѣете найти.

Письмо читаю я... тотчасъ ужъ подозрѣнье;
Танцую-ли съ другимъ... и тутъ вамъ огорченье;
Получше-ли къ кому одѣнусь... все бѣда!
Все виновата я,—и съ вами брань всегда;
Хоть съ Блестовымъ когда я говорю учтиво,
Ужъ слышу тамъ ногой стучатъ нетерпѣливо;
Нѣтъ, лучше вовсе бы меня вамъ не любить.
Вотъ радость! замужемъ невольницей мнѣ быть.

Рославлевъ.

Невольницей!—Тогда!—Ахъ, нѣтъ! избави Боже,
Чтобъ я осмѣлился...

Лиза.

Тогда все будетъ то же,
И точно то терпѣть я буду, что терплю:
Мы не поладимъ вѣкъ.

Рославлевъ.

Зачѣмъ я васъ люблю?
Безъ этой глупости я васъ бы ненавидѣлъ!
Мы не поладимъ вѣкъ!—Да, я давно ужъ видѣлъ,
Что есть другой, съ кѣмъ вы поладите скорѣй!
Ну, что-жъ? такъ я пойду дорогою своей:
Знакомы съ Вельской вы?—добра, умна, прекрасна.
Такъ знайте-жъ: за меня итти она согласна;
А съ нею вѣкъ могу я счастливо прожить.
И—вы принудите меня ее любить.

Лиза.

Изволите-жъ къ ней сейчасъ отправиться,—подите!

Рославлевъ *(хочетъ итти)*.

Я васъ послушаюсь,—иду сейчасъ. *(Воротясь)* Скажите,
Кто этотъ счастливой, что вами предпочтенъ?

Лиза.

Зачѣмъ вамъ имя знать его?

Рославлевъ.

Затѣмъ, что онъ
Заплатитъ дорого... да!

Лиза.

Что вы? успокойтесь;
Вы что-то страшны.

Рославлевъ.

Какъ?

Лиза.

Я васъ боюсь... *(Убѣгаетъ).*

Рославлевъ.

Не бойтесь!
Какая мнѣ нужда до васъ и до него,
И какъ его зовутъ...

Явленіе 7-е.

Рославлевъ *(одинъ).*

Вотъ, взбѣситъ хоть кого!
Да и меня-жъ потомъ ревнивымъ называютъ!
(Ходитъ взадъ и впередъ).
Но въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кого предпочитаютъ?
(Въ это время Блестовъ показывается).
Кто знаетъ, можетъ быть и онъ соперникъ мой?
И точно!—нынче онъ доволенъ такъ собой!

Явленіе 8-е.

Рославлевъ, Блестовъ.

Блестовъ.

Вы здѣсь, Рославлевъ?—Ну, опять сердитъ? Скажите:
За что?—Вы влюблены, любимы.

Рославлевъ.

Извините!
Вы шутите, а я... я вовсе не шучу.
Да кстати, я давно спросить у васъ хочу;
Прошу покорно мнѣ сказать чистосердечно,
Какъ честный человѣкъ.

Блестовъ.

Вы спросите, конечно,
Что не намѣренъ-ли у васъ я перебить?

Рославлевъ.

Однажды навсегда прошу мнѣ объявить,
Съ какими видами такъ часто, постоянно
Сюда вы ѣздите?

Блестовъ.

Съ какими?—Очень странно!
Я видовъ не имѣлъ ни на кого отнюдь;
А если...

Рославлевъ.

Ихъ на васъ имѣетъ кто-нибудь...
Ну, кто-жъ?

Блестовъ.

Когда-бъ отъ васъ хотѣли допытаться,
Вы не сказали бы конечно?

Рославлевъ.

Можетъ статься.
Но вы? вы скажете?—не правда-ли?

Блестовъ.

Богъ мой!
Какъ этакъ приставать? Вотъ человѣкъ какой!
И даже помолчать онъ не даетъ свободы!
Пусть такъ; вы смущены, я—жалостливъ съ природы.

Рославлевъ.

Безъ предисловія.

Блестовъ.

Прошу же скромнымъ быть.
(Забавляется вниманіемъ его)
Однако, этого не должно-бъ говорить.

Рославлевъ *(съ бѣшенствомъ)*.

Теперь все говорятъ,—ну, говорите-жъ.

Блестовъ.

Милой!
Вы слишкомъ горячи! А если-бъ что и было,
И если даже есть, такъ вамъ нѣтъ нужды въ томъ;
Ну, понимаете, что вы тутъ ни при чемъ.

Явленіе 8.

Рославлевъ.

Ужли Элединa?—Вотъ это будетъ ново!

Блестовъ.

А что-жъ?

Рославлевъ.

Вы шутите.

Блестовъ.

Да нѣтъ.

Рославлевъ.

Честное слово?

Блестовъ.

Честное слово.—Вотъ:—всегда бѣдамъ чужимъ
Смѣялся Ленскій вашъ! Ну, смѣйтесь же надъ нимъ.
Я отъ Элединой давно терплю нападки...
Да, да!

Рославлевъ.

Но, можетъ быть, все это лишь догадки,
Безъ основанія.

Блестовъ.

Однѣ догадки? Вотъ!
А если дѣло-то серьознѣе пойдетъ,
На доказательства... Что? это васъ тревожитъ?

Рославлевъ.

Нѣтъ! потому что ихъ и быть у васъ не можетъ.

Блестовъ.

Не можетъ, точно такъ. Да какъ у насъ и быть?
(Вынимаетъ бумажникъ и ищетъ въ немъ).
А если, напримѣръ, здѣсь можемъ мы найтить,
Между такими же другими письмецами...
Оно?—Нѣтъ, не оно.—А, вотъ!—прочтите сами.
(Показываетъ Рославлеву письмо. Тотъ хочетъ схватить его, но Блестовъ не дастъ, и Рославлевъ читаетъ съ жадностію)
Замѣтьте, что Амуръ лукавое дитя:
Все это писано какъ будто бы шутя;

Всегда вѣдь женщины съ насмѣшекъ начинаютъ,
А тамъ привяжутся, а тамъ и обожаютъ,
А тамъ...
(Хохочетъ). Ну, мочи нѣтъ, какъ Ленскій мнѣ смѣшонъ!
Я радъ до крайности, что такъ обманутъ онъ!
Нѣтъ вы—вы смотрите за Лизой осторожно,
Вы очень знаете, что женщинѣ все можно. *(Хохочетъ)*
А онъ безъ милости увѣренъ былъ въ себѣ.

Рославлевъ.

Что-жъ? Всѣ мы этой же подвержены судьбѣ.
Вотъ, Ленскій! наконецъ слова мои сбылися!
Я говорилъ тебѣ...

Блестовъ.

Когда?—какъ завелися
У насъ свиданія почаще съ нею?

Рославлевъ *(сердито)*

Нѣтъ!
Гораздо прежде.—Ахъ! и мнѣ такихъ же бѣдъ
Отъ Лизы можно ждать.

Блестовъ.

Да, да,—я увѣряю.

Рославлевъ.

Прошу не увѣрять...

Блестовъ *(съ значущей гримасой).*

Нельзя; когда я знаю...
И въ томъ, что къ грусти вамъ причину подаетъ
Никто участія такого не беретъ,
Какъ я... Прощайте же. *(Уходя, поетъ изъ Жоконда)*
„Въ печали, въ огорченьи,
„Всегда любовники грустятъ въ уединеньи".

Явленіе 9-е.

Рославлевъ *(одинъ).*

Онъ веселъ и поетъ! онъ счастливъ и любимъ!
А Ленскій между тѣмъ смиряйся передъ нимъ!

А съ Лизой въ ссорѣ я?—Хоть тѣмъ могу я льститься,
Что Лизѣ врядъ-ли онъ успѣетъ полюбиться.
Вотъ женщины, мой другъ!—Что?...

Явленіе 10-е.

Рославлевъ, Ленскій.

Рославлевъ *(увидя Ленскаго)*.

А! да вотъ и онъ
И что-то невеселъ!

Ленскій *(увидя Рославлева)*.

Опять ужъ разсержонъ!

Рославлевъ *(помолчавъ)*.

Ну, Ленскій, въ женщинахъ ничто мнѣ не понятно!

Ленскій.

Мнѣ тоже, признаюсь.

Рославлевъ.

Онѣ... невѣроятно!
Какъ хитры, скрытны!—въ нихъ обманется хоть кто,

Ленскій.

Какъ вѣтрены!

Рославлевъ *(въ сторону)*.

Да онъ заговорилъ не то:
Неужли угадалъ?

Ленскій *(въ сторону)*.

Таить немного прока...
Узнаетъ безъ меня,—а разсказать жестоко.
(Оба сходятся съ двухъ сторонъ).

Рославлевъ *(подходя къ Ленскому)*.

Съ чего бы мнѣ начать? *(Ленскому)* Послушай, милый мой!
Мы съ Лизой разговоръ имѣли преживой,
Да съ ней не сговоришь: совсѣмъ другая стала!
И неуступчива, какъ сроду не бывала!
Тутъ что-нибудь да есть.—Такъ! Богъ ужъ ей судья,
А что душой кривитъ Элединa твоя.

Ленскій.

Нѣтъ! за Элединну, какъ за себя ручаюсь;
А въ Лизѣ, виноватъ, я что-то сомнѣваюсь.
Однако-жъ, не сердись, вѣдь это ни къ чему;
Будь разсудителенъ.—А видно по всему,
Что врядъ-ли ты любимъ.

Рославлевъ.

Такъ! обо мнѣ заботы;
А объ самомъ себѣ подумать нѣтъ охоты?

Ленскій.

А что?

Рославлевъ.

Не бойсь, скажи про Лизу, что она
И точно не шутя въ кого-то влюблена,
Что пишетъ къ этому кому-то: это мало,
Что онъ письмо ея вездѣ, гдѣ ни попало,
Показываетъ всѣмъ; и словомъ, что ты самъ
Письмо ея читалъ?

Ленскій.

Да по твоимъ словамъ
Тебѣ извѣстно все,—а я сказать боялся.
Такъ точно: Блестовъ здѣсь со мною повстрѣчался;
И тотчасъ показалъ мнѣ, къ горю твоему,
Письмо руки ея; и писано къ нему.
Теперь прошу сказать: у женщинъ что же прочно?

Рославлевъ.

Письмо отъ Лизы?

Ленскій.

Да.

Рославлевъ.

Самъ видѣлъ ты?

Ленскій.

Самъ точно...
У Блестова... Его онъ носитъ на показъ.

Рославлевъ.

Ты самъ читалъ его?

Ленскій.

И перечелъ не разъ;
Я вѣрить не хотѣлъ.

Рославлевъ.

Возможно-ли? Такъ, стало,
Все кончено теперь! Все для меня пропало!
Какъ глупо ввѣрился и какъ обманутъ я!
И кѣмъ же?—Рѣшена судьба теперь моя.
Утѣшимся, мой другъ,—оставимъ ихъ въ покоѣ—
Откажемся навѣкъ отъ женщинъ, будемъ двое,
Какъ братья, жить.

Ленскій.

Оно все такъ, я очень радъ!
Однако-жъ, посуди и то, любезный братъ,
Что мнѣ моя вѣрна.

Рославлевъ.

Вѣрна?—да, дожидайся!
Вѣрна!—Нѣтъ, женщинамъ ты лучше удивляйся,
Твоей, моей и всѣмъ!—Всѣ вѣрны, хоть куда!
Да что я? Для тебя не велика бѣда;
И станешь-ли тужить ты объ своей потерѣ?

Ленскій *(очень хладнокровно)*.

Въ чемъ дѣло, разскажи?

Рославлевъ.

Она... По крайней мѣрѣ,
Ты это заслужилъ холодностью своей.

Ленскій.

Да что-же?

Рославлевъ.

Ничего. Отъ вѣрной-то твоей
Показывалъ письмо мнѣ Блестовъ: въ оба глаза
Смотрѣлъ я и читалъ, и перечелъ два раза.

Ленскій *(особо)*.

Отъ каждой по письму! *(Ему)* Какъ ты сказалъ?—моя?

Рославлевъ.

Писала къ Блестову письмо,—самъ видѣлъ я.

Ленскій.

Ты шутишь?

Рославлевъ *(усиливая голосъ)*.

Не шучу.

Ленскій.

Она къ нему писала?

Рославлевъ.

Да, сударь!

Ленскій.

Къ Блестову?

Рославлевъ.

Да, сударь.

Ленскій.

Изъясняла
Въ письмѣ любовь свою безъ всякаго стыда?

Рославлевъ.

Да, сударь, да, сударь,—я говорю вамъ: да!
Къ чему разспрашивать? для васъ вѣдь это малость.

Ленскій *(въ сторону)*.

Такъ обѣ къ Блестову онѣ писали?—Шалость!

Рославлевъ.

Никакъ не вслушались,—велите повторить?

Ленскій *(съ улыбкой)*.

Нѣтъ, вслушался, и васъ хотѣлъ благодарить.

Рославлевъ.

Что? женщинъ я не зналъ?—„Намъ брать у нихъ уроки?
И только сами мы заводимъ ихъ въ пороки?“
Что? правъ ты?

Ленскій.

Можетъ быть.

Явленіе 10.

Рославлевъ.

Какъ? Лиза мнѣ вѣрна?
И въ шута, въ Блестова, покамѣстъ влюблена!

Ленскій.

Я думаю, теперь онъ долженъ восхищаться.

Рославлевъ.

Вотъ думаетъ объ чемъ!

Ленскій.

Нельзя-ль тебѣ дождаться?
Я въ мигъ приду назадъ.

Рославлевъ.

Ихъ надо въ стыдъ привесть;
Пойдемъ.

Ленскій.

Что мнѣ до нихъ? другое дѣло есть.
(Хочетъ идти).

Рославлевъ *(его держитъ)*.

Элеина сама, ты помнишь, намъ сказала,
Что нѣжности она къ кому-то сочиняла...
Да что? при насъ самихъ записка послана.

Ленскій.

Хоть то въ ней хорошо, что искренна она.

Рославлевъ.

Какъ входитъ въ голову такое разсужденье!
Подумай хоть объ томъ, холодное твореньe:
Письмо Элеиной мнѣ Блестовъ показалъ,
Письмо отъ Лизы онъ тебѣ читать давалъ.—
Неужли позволять надъ нами такъ ругаться?

Ленскій.

У всякаго свой вкусъ; онъ любитъ забавляться.

Рославлевъ.

Ахъ, Лиза! Ахъ, на что отъ Вельской я отсталъ?
Послушай, ты письмо... проклятое читалъ,

Не помнишь-ли, что въ немъ? Сказать ты можешь смѣло;—
Ужъ я не разсержусь.

Ленскій.

Зачѣмъ? не къ спѣху дѣло;
Мнѣ Блестовъ обѣщалъ ихъ письма выдать въ свѣтъ.

Рославлевъ.

Прощай же, коли такъ; въ тебѣ надежды нѣтъ;
Я Блестова сыщу. *(Хочетъ идти).*

Ленскій *(удерживая его).*

Постой; какой ты вздорной!
Ну, есть ли изъ чего шумѣть?

Рославлевъ *(хочетъ уйти).*

Слуга покорный!

Ленскій *(держитъ его)*

Постой;—повѣрь же мнѣ, что Блестовъ не любимъ.

Рославлевъ.

Какъ?

Ленскій.

Забавляются надъ нами и надъ нимъ.

Рославлевъ.

Съ чего ты взялъ?

Ленскій.

Съ того, что я навѣрно знаю.

Рославлевъ.

А письма?

Ленскій.

Ихъ себѣ я очень объясняю.
Вдругъ обѣ къ Блестову послали два письма?
Нельзя, чтобъ обѣ вдругъ сошли онѣ съ ума,
Ну, самъ ты разсуди.

Рославлевъ.

Такъ точно.—Нѣтъ! вѣрнѣе
Узнать бы. Растолкуй все это мнѣ яснѣе.

Ленскій.

Да все объяснено. Одна изъ нихъ скромна,
Другая меньше, но... обманьщица-ль она?
Ты вѣришь письмамъ ихъ, а я ихъ чувствамъ вѣрю.
Лишь Блестовъ сдѣлалъ тутъ неважную потерю,
Разсудокъ потерялъ, и то не нынче...

Рославлевъ.

Такъ!
Ты жизнь мнѣ возвратилъ!—Какой же я дуракъ!
Я сомнѣваться могъ!—Что значитъ быть ревнивымъ!
Сто разъ ужъ передъ ней я былъ несправедливымъ!
Какъ до сихъ поръ не знать ума ея, души?
Однако-жъ вѣдь онѣ и сами хороши:
Сидятъ и про себя чай думаютъ: авось-ли
Надъ легковѣрьемъ ихъ мы похохочемъ,—послѣ.
Нѣтъ! не умѣли мы ихъ хитрость угадать?
Нѣтъ! очередь не намъ надъ ними хохотать?
Тебѣ обязанъ я всѣмъ, другъ мой! *(Обнимаетъ его).*

Ленскій.

И какъ другу,
Мнѣ окажи теперь бездѣльную услугу.

Рославлевъ *(съ живостію).*

Вели; приказывай; что хочешь ты, чего?

Ленскій.

Дай Блестову пожить, не вызывай его.

Рославлевъ.

Не вызову.

Ленскій.

Ну вотъ, насилу усмирился.

Рославлевъ.

Однако-жъ, если ты судить поторопился?

Ленскій.

Опять за ревность!

Рославлевъ.

Нѣтъ. Да ты подумай самъ;
Безъ доказательства нельзя же вѣрить намъ.

Ленскій.

Все та же пѣсня.

Рославлевъ.

Мнѣ хотѣлось бы покуда...

Ленскій.

Покуда надобно уйти тебѣ отсюда;
Отчаяннаго роль я стану здѣсь играть;
Ты только не мѣшай.

Рославлевъ.

Да надо бы узнать.

Ленскій.

Я все узнаю, *(почти толкаетъ его)* все; ну, что же, убирайся.

Рославлевъ.

А если...

Ленскій.

Ахъ, поди! *(толкаетъ его).*

Рославлевъ.

Смотри, въ обманъ не вдайся.

Ленскій *(выталкиваетъ).*

Да ну, поди скорѣй!

(Рославлевъ тихонько входитъ опять и, не бывъ примѣченъ Ленскимъ, прячется черезъ другія двери въ кабинетъ).

Явленіе 11-е.

Ленскій (*одинъ*).

Довольно покричалъ!
Не мудрено: я самъ ужъ вѣрить начиналъ!
А Блестову его соперники достались
Въ повѣренные!—Какъ? всѣ трое мы попались,
Чтобы Элединну и Лизу забавлять?
Пустое!—Не люблю я женщинъ баловать.

Нѣтъ хуже, какъ прощать насмѣшки ихъ надъ нами;
Ихъ поздно въ руки брать, какъ будутъ намъ женами...
Онѣ? я очень радъ!

Явленіе 12-е.

Ленскій, Элеина, Лиза.

Элеина. *(Лизѣ въ глубинѣ комнаты).*

Печаленъ!—Неужли
Ужъ Блестовъ разсказалъ?

Лиза.

Спроси.

Элеина *(Ленскому).*

Куда вы шли?

Ленскій *(печально).*

Не знаю.

Элеина.

Что за грусть?—Вѣдь вы смѣетесь вѣчно.

Ленскій *(ходя взадъ и впередъ).*

Когда обманывалъ кто такъ безчеловѣчно!
Мужчину завести, увѣрить, уловить,
Дать слово,—и потомъ, какъ на смѣхъ, измѣнить.
Въ досадѣ этакой отъ смерти недалеко!

Элеина.

Зачѣмъ же отъ меня такъ мучиться жестоко?

Ленскій *(остановясь).*

Поступокъ вашъ меня конечно оскорбилъ;
Однако-жъ не объ немъ теперь я говорилъ.
Отчаянный мой другъ мнѣ въ головѣ вертится... *(Лизѣ)*
Представьте, онъ совсѣмъ хотѣлъ ужъ застрѣлиться.
Все проклиналъ: любовь, друзей и цѣлый свѣтъ;
Рѣшилъ, что для него ни въ комъ надежды нѣтъ,
Что въ свѣтѣ все обманъ, что женщины всѣ ровно
Лукавы, злы...

Элеина *(перебивая).*

А вы, какъ должно, хладнокровно,
Утѣшили его?

Ленскій.

Какъ тутъ попали вы.
Я, правда, ждалъ всего отъ этой головы;
Онъ застрѣлился бы; но выдумкой счастливой
Я спасъ его.

Лиза *(испугавшись)*.

Какой?

Ленскій.

Извѣстно, что ревнивой,
Въ любви обманутый, тотчасъ на все готовъ;
Такъ убѣдить его мнѣ стоило двухъ словъ:
Наталью Вельскую вы знаете?

Элеина.

Ну, что же?

Ленскій *(Лизѣ)*.

Такъ точно; васъ она немного помоложе.— *(Элеиной)*
Брюнетка! острая! живая!.. Словомъ онъ...

Элеина *(перебивая и показывая на Лизу)*

Съ досады на нее ужъ въ Вельскую влюбленъ.

Ленскій.

Вхожу я: въ комнатѣ почти не видно свѣта;
Онъ въ горѣ; на столѣ лежатъ два пистолета...
Я началъ утѣшать, онъ слушать не хотѣлъ;
Объ Вельской рѣчь зашла...

Элеина *(перебивая)*.

И къ ней онъ полетѣлъ.

Ленскій.

Нѣтъ, я отвезъ его.—А впрочемъ долго бился;
Онъ спорилъ, ссорился, но послѣ—согласился.

Элеина *(въ сторону)*.

Злодѣй!

Лиза *(въ сторону)*.

Ахъ!

Ленскій *(Элеиной)*.

И теперь они въ глазахъ моихъ!
Представьте въ нѣжности и въ восхищеньѣ ихъ!
Не могутъ говорить, хоть говорить хотѣли,
За то съ какимъ огнемъ другъ на друга глядѣли! *(Лизѣ)*
А болѣе меня ея плѣнялъ восторгъ!
Скажите! я безъ слезъ смотрѣть на нихъ не могъ. *(Элеиной)*
И что-жъ пріятнѣе, какъ видѣть двухъ счастливыхъ? *(Лизѣ)*
Въ желаніяхъ любви, всегда нетерпѣливыхъ,
При мнѣ клялись они другъ друга обожать;
И... скоро свадьба ихъ. *(Элеиной)* А мнѣ пришлось искать
Такую милую (хоть, правда, это странно),
Чтобъ одного меня любила постоянно;

Не то, чтобъ Блестову я подражать хотѣлъ,
Сегодня двухъ невѣстъ онъ вдругъ сыскать умѣлъ.

(Ленскій смьется и раскланивается съ ними; онь съ досады на него не смотрятъ, и онъ уходитъ).

Явленіе 13-е;

Элединa, Лизa.

Элединa.

(долго молчитъ, не смѣя взглянуть на Лизу; наконецъ говоритъ)
Какой же человѣкъ!—И я его любила!

Лизa.

А я себя, скажи, за что же погубила?
Твоя же выдумка, чтобъ письма намъ писать!
И подлинно умно, ужъ нечего сказать!—
Ахъ! я отъ этого Рославлева теряю.

Рославлевъ.

(выходя изъ кабинета, въ которомъ онъ прятался).
Дай ихъ послушаю.

(Въ этой сценѣ онъ нѣсколько разъ хочетъ подойти къ Лизѣ).

Элединa.

Да я еще не знаю,
Печалиться-ли намъ? И есть-ли изъ чего?
Хоть Ленскій мой? Скажи, ну гдѣ-жь любовь его?
Вѣдь онъ же не шутя любить меня божился.
А твой?—Съ отчаянья почти что ужъ женился.
Они...

Лизa.

То сдѣлали, что должно было имъ,
Что сдѣлала бы я, съ терпѣніемъ моимъ.
Какъ? на дурацкія мы письма отвѣчаемъ!
Кого же? Блестова мы имъ предпочитаемъ.

Элединa.

Что-жъ? Изъ учтивости должны бы хоть они
Поплакать, пострадать какихъ-нибудь два дни.
Я видѣла, какъ здѣсь ревнивецъ твой божился,
Что въ мигъ бы умеръ онъ, когда-бъ тебя лишился.
Зачѣмъ же не сдержалъ онъ слова своего?

Лизa.

Зачѣмъ?—Ахъ, Боже мой!

Элединa.

Да, это роль его.
Роль Ленскаго теперь веселымъ притворяться,

А наша, имъ на зло, ни чуть не огорчаться.
Поддержимъ честь свою и позабудемъ ихъ.

Лиза *(почти плачетъ)*.

Честь?—Развѣ честь велитъ обманывать другихъ?

Рославлевъ *(тихо въ глубинѣ комнаты)*.

Прелестна! *(Хочетъ къ ней подойти)*.

Лиза *(плачетъ)*.

Какъ любилъ! Какъ думалъ быть счастливымъ!
Ну вотъ! ты Ленскаго не сдѣлала ревнивымъ,
А я съ Рославлевымъ лишаюся всего;
Мнѣ даже жаль теперь и ревности его!
Ахъ! если-бъ слышалъ онъ, какъ я себѣ пеняю!
Когда бы зналъ...

Явленіе 14-е.

Рославлевъ, Элединa, Лиза.

Рославлевъ *(съ радостію)*.

Я здѣсь: все слышалъ, и все знаю.

Лиза.

Рославлевъ, это вы?

Рославлевъ.

Такъ я еще любимъ?
И сказкамъ обо мнѣ вы вѣрите пустымъ?

Элединa.

Такъ вздоръ онъ намъ сказалъ про Вельскую Наташу?
Обманщикъ Ленскій!

Рославлевъ.

Да, онъ понялъ шутку вашу,
И отплатить хотѣлъ.

Лиза.

А вы съ нимъ заодно!

Рославлевъ.

Кто?.. Я?.. Нѣтъ, не совсѣмъ... Вѣдь было мудрено
Не усомниться мнѣ—такой я сумасшедшій.
Да что ужъ толковать о глупости прошедшей? *(Элединой)*
Не ссорьтесь съ Ленскимъ; онъ безцѣненъ!—Безъ него

Не зналъ бы никогда я счастья своего. *(Лизѣ)*
Когда бы удалось услышать мнѣ, какъ мило
Жалѣли обо мнѣ?—Какъ мнѣ пріятно было!
За это вы меня рѣшитесь-ли простить?

Лиза.

Вы сами слышали, такъ что тутъ говорить.

Рославлевъ.

Ахъ! сроду никогда я такъ не восхищался!

Элединa *(увидя Ленскаго)*.

Тсъ!—тише!

Явленіе 15-е.

Ленскій, Рославлевъ, Элединa, Лиза.

Ленскій *(будто ищетъ кого-то)*.

Точно здѣсь.—Что если-бъ догадался
И онъ помучить ихъ? *(Посмотрѣвъ на всѣхъ)*.
Нѣтъ, все извѣстно...

Элединa.

Да!

Извѣстно всѣмъ, что въ васъ нѣтъ совѣсти, стыда;
Всѣхъ рады осмѣять вы для своей забавы,
И непростительно какъ злы и какъ лукавы.
Ужасный человѣкъ!

Ленскій.

Что-жъ дѣлать?—виноватъ!
А вотъ несносенъ кто, все выболтать онъ радъ!
Нѣтъ, милый мой, теперь мы сговорились двое;
А если что-нибудь впередъ затѣю злое,
Такъ вѣрно безъ тебя.

Рославлевъ *(съ довольнымъ видомъ)*.

Пожалуй.

Элединa.

Боже мой!
Вотъ извиняется онъ какъ передо мной!

Ленскій.

Что-жъ, хитрость мнѣ моя, признаться я обязанъ,
Не вовсе удалась; довольно я наказанъ.

Явленіе 16-е.

(Рославлевъ цѣлуетъ руку у Лизы; Ленскій съ тѣмъ же подходитъ къ Элединой; она отъ него отворачивается. Въ эту минуту является Блестовъ и помираетъ со смѣху).

Блестовъ, Элединa, Ленскій, Рославлевъ, Лизa.

Блестовъ *(въ сторону)*.

Забавны взапуски одинъ передъ другимъ!
(На ухо Элединой)
Зачѣмъ обходитесь вы такъ жестоко съ нимъ?
Онъ догадается.
(Элединa смѣется. Блестовъ становится между Ленскимъ и Рославлевымъ).
(Ленскому)
Вашъ другъ въ веселомъ нравѣ.
Что если бъ онъ узналъ? Нѣтъ, Боже насъ избави!
(Ленскій смѣется).
(Рославлеву)
Каковъ вамъ кажется вашъ Ленскій?—Право кладъ!
Вѣдь за Элединy онъ побожиться радъ,
Что все ему вѣрна! *(Всѣ смѣются).*
Да кто-жъ надъ кѣмъ смѣется?

Ленскій.

Надъ вами, сударь, всѣ; мнѣ такъ оно сдается.
(Элединой)
А чтобъ увѣрился онъ въ торжествѣ своемъ,
День нашей свадьбы мы назначимте при немъ.

Элединa.

Ты понялъ мастерски, хитрецъ, мою науку;
За это за одно мою получишь руку.

Явленіе послѣднее.

Ленскій.

Вы шутки не должны такъ къ сердцу принимать:
Я васъ въ невѣрности не смѣлъ подозрѣвать,
Хоть Блестовъ, слова нѣтъ, соперникъ преопасный...
Рославлевъ ревновалъ... Ну! онъ любовникъ страстный,
А я, почтительный,—тутъ нѣтъ другихъ причинъ;
И несогласіемъ конецъ теперь одинъ.
(Показывая на Блестова)
За наши ссоры онъ пусть Богу отвѣчаетъ.

Рославлевъ *(самымъ насмѣшливымъ тономъ)*.

Вотъ Блестовъ разомъ какъ двухъ женщинъ обольщаетъ!
(Каждый въ свою очередь подходитъ къ Блестову съ ироническимъ поклономъ, и потомъ всѣ уходятъ).

Явленіе послѣднее.

Блестовъ *(одинъ)*.

Красавицы мои! Кто растолкуетъ васъ?
Да правда, вѣдь, и мы не лучше въ добрый часъ;
Сегодня любимъ ихъ, а завтра ненавидимъ. *(Подумавши)*
Какъ будутъ замужемъ онѣ,—тогда увидимъ!

КОНЕЦЪ.

ПРОБА ИНТЕРМЕДІИ.

Интермедія въ одномъ дѣйствіи.

[1818].

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ёёколковъ	актеры.	Бемольская, актриса.
Алегринъ		Машинистъ.
Рѣзвушковъ		Суфлеръ.
Припрыжкинъ		Актеры и актрисы.
Свисталова		

Дѣйствіе происходитъ въ провинціальномъ театрѣ.—Театръ представляетъ сцену въ безпорядкѣ.

Ёёколковъ.

Много васъ, актеровъ и актрисъ.
Батюшки, мнѣ нуженъ бенефисъ!
Матушки, мнѣ нуженъ бенефисъ!

Прочіе актеры и актрисы.

Разскажите,
Что хотите
Вы отъ насъ?

Ёёколковъ.

Вотъ какъ разъ:
Въ бенефисъ меня вы не оставьте,
Мнѣ чтобъ не попасть въ просакъ,
Публику вы позабавьте
Кое-чѣмъ и кое-какъ.

Прочіе.

Вамъ помочь
Мы не прочь.

Ѳёколковъ.

Васъ, друзья мои, такъ много,—
Помолчите, ради Бога!

Прочіе.

Правда, много насъ числомъ,
Да какая польза въ томъ?

Ѳёколковъ.

Надо, чтобъ скорѣй поспѣло.

Алегринъ.

Поскорѣе?—Такъ за дѣло!
Взяться надлежитъ съ умомъ!

Ѳёколковъ.

Въ этомъ затрудненья мало,
Дѣлайте, какъ ни попало.

Прочіе.

Хорошо,—да должно знать,
Что мы будемъ представлять?
Оперу?

Ѳёколковъ.

Охъ, нѣтъ!

Алегринъ.

Балетъ?

Ѳёколковъ.

Нѣтъ! Нѣтъ!

Припрыжкинъ.

Комедью?

Ѳёколковъ.

Интермедью!

Всѣ *(кромѣ его)*.

Интермедью!—Боже сохрани!
Интермедью!—Нѣтъ, ужъ искони
Солоны достались намъ они!
И какая вамъ охота?
Только бѣднымъ намъ работа,
Бѣднымъ зрителямъ зѣвота!

Ѳёколковъ.

Неужто, господа, мнѣ быть безъ бенефису?

Алегринъ.

Дайте въ свой бенефисъ, что̀ хотите, да только не интермедію.

Всѣ *(повторяютъ)*.

И какая вамъ охота?—
Только бѣднымъ намъ работа,
Бѣднымъ зрителямъ зѣвота.

Ѳёколковъ.

Да, господа, дѣло праздничное; серіозное надоѣстъ, не худо бы затѣять какую-нибудь потѣху, ярмонку.

Рѣзвушковъ *(обращаясь къ прочимъ)*.

Ну, ужъ выведемте его изъ хлопотъ; дѣлать такъ дѣлать. Здѣсь, однако, не Петербургъ, автора не скоро сыщешь; развѣ нашъ суфлеръ примется,—человѣкъ онъ грамотной. Нутка, батюшка, вылѣзай изъ своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вотъ и случай есть, отличись.

Ѳёколковъ.

Вылѣзайте, отецъ родной, я самъ услужу въ другое время.

Суфлеръ.

Извольте, располагайте моимъ умомъ, моимъ перомъ и моимъ языкомъ.

Всѣ *(кромѣ его)*.

Браво! Фора!
У суфлера
Все кипитъ!
Кто коль скоро
Что̀ проспитъ,
Не затвердитъ,
Кто собьется,
Заикнется,
Нашъ суфлеръ лишь встрепенется,
И лишь голосъ онъ подастъ,
Всякій кто во что̀ горазд̀ъ.

№ 270

4313

~~[illegible]~~

№ 2435.

Проба Интермедии

Интермедія въ одномъ дѣйствіи.

Соч: А: С: Г:

Позволяется:

№ 15

16 февраля 1818

Секретарь В. Лаз[illegible]

Представленна въ первой разъ въ Санктпетербургѣ на большомъ театрѣ Ноября 10 дня 1819 года

Въ пользу актера Г. Брянскаго

Дѣйствующія лица

Вед: Фёколковъ
Алегринъ.
Сос: Рѣзвушковъ. — Актеры
Припрыжкинъ. — Сочин:
Свистулова
С.
Свд: Бемольская

Машинистъ.

-рам: Суфлёръ
Актеры и Актрисы.

Дѣйствіе происходитъ въ Провинціальномъ Театрѣ.

Проба интермедіи.

Суфлеръ.

Смѣйтесь, смѣйтесь, господа, а безъ меня иному бы изъ васъ плохо пришлось. Да не о томъ рѣчь.—Вамъ нужна новая піеса. Для сего нужно многое, а самое нужное: декораціи, актеры, слова, музыка и танцы... танцы или пляски.

Рѣзвушковъ.

Верховой, спускай декорацію. Вотъ тебѣ лѣсъ и вода.

Свисталова.

Актеры всѣ на лицо, въ костюмахъ и безъ костюма.

Бемольская.

Словъ чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

Алегринъ.

Музыки у насъ вволю, выбирай любую.

Припрыжкинъ.

За танцами дѣло не станетъ.

Θёколковъ.

Такъ стало самое нужное есть, стоитъ только къ нему присочинить кое-что.

Суфлеръ.

Это ничего не составляетъ...

Свисталова.

Особливо для суфлера.

Бемольская.

Онъ всякую всячину наизусть знаетъ.

Рѣзвушковъ.

Онъ весь свой вѣкъ чужое говоритъ.

Алегринъ.

Пусть его крадетъ, откуда хочетъ, была бы піеса готова.

Свисталова.

Не безпокойтесь, онъ на нашу бѣду пожалуй столько сочинитъ, что намъ ввѣкъ не выучить.

Суфлеру нашему хвала,
Природа коему дала

Проба интермедіи.

Писать охоту и умѣнье!
Его-жь такія сочиненья,
Что самъ едва-ль онъ ихъ поймeтъ,
Да и никто не разберетъ;
А дѣло все на ладъ идетъ.

Суфлеръ.

Прошу васъ, господа,
Не говорить ни слова!
Вотъ лѣсъ и вотъ вода,—
Такъ главное готово.
На завѣсѣ рѣка...
Пусть будетъ же: *Ока.*
Готово и названье,
Благодаря рѣкѣ:
Пирушка на Окѣ,
Иль: *За Окой гулянье;*
И пѣснями начать,
И плясками кончать!

Алегринъ.

Что же намъ пѣть?

Припрыжкинъ.

Какія пляски?

Суфлеръ.

Пойте и скачите, сколько душѣ угодно, только не всѣ вдругъ.

Ѳёколковъ.

Однако, нельзя безъ пробы.

Суфлеръ.

Ну, такъ пробуйте.—Г. пѣвецъ, выступайте. Что потверже, то и пойте. А прочихъ прошу изготовиться для послѣдующаго; я же между тѣмъ займусь сочиненіемъ куплетовъ, которые пропоетъ наша пѣвица тогда, какъ будутъ готовы.—За дѣло! скорѣй! а не то я перестану сочинять.

Всѣ.

Хорошо, хорошо.

Пьніе и танцы. (По окончаніи суфлеръ говоритъ).

Суфлеръ.

Довольно, довольно. Куплеты готовы. Угодно ли мнѣ сдѣлать честь ихъ пропѣть въ заключенье!

Ёёколковъ.

Неужли заключенье?

Бемольская.

Что жъ вы еще хотите?

(Беретъ куплеты и поетъ ихъ)

Куплеты.

Довольно всѣ плясали, пѣли!
Покуда вамъ не надоѣли,
Всего умнѣе разойтись.
Кто хочетъ, тотъ пускай сердись,
Надъ нашей шалостью острись.
А мы не съ авторскимъ умишкомъ—
Хоть пошалили, да не слишкомъ.
Притомъ, кто осуждать насъ станетъ,
Не худо, ежели вспомянетъ,
Что позабавиться насчетъ
Кто интермедіи идетъ,
Не много умнаго онъ ждетъ.
И въ этой вздору много тоже,
Да все на прочихъ не похоже.
На свѣтѣ же всегда водилось:
Какъ зрителямъ что полюбилось,
Никто не спроситъ: какъ оно—
Безсмысленно, или умно,
Или плачевно, иль смѣшно?
Лишь только бы новѣе было;
Всегда что ново, то и мило.

ЮНОСТЬ ВѢЩАГО.

[Отрывки пролога].

(Куростровъ. Ищутъ Михаила. Находятъ его. Ночь передъ отплытіемъ въ дальній путь).

Орелъ, едва лишь пухомъ оперенный,
Едва въ себѣ почуялъ дерзость силъ,
Разсѣкъ эѳиръ, съ размаху воспарилъ;
Хоръ птицъ, его явленьемъ изумленный,
Неспорный крикъ ему на встрѣчу шлетъ.
Нѣтъ! Дерзость тѣхъ очей и тотъ полетъ
Не зритъ себѣ ни равныхъ, ни преслушныхъ
И властвуетъ въ селеньяхъ онъ воздушныхъ.
Не такъ между людьми: ахъ! отъ пеленъ
Томится столько лѣтъ ревнитель славы!
Еще томится возмужалый онъ,
Отверженъ и не признанъ, угнетенъ...
Судьба! О, какъ тверды твои уставы!
Великимъ средь Австраліи зыбей,
Иль въ Сѣвера снѣгахъ, вездѣ одно-ли
Присуждено?—Искать желанной доли
Путемъ вражды, препятствій и скорбей!
И тотъ пѣвецъ, кому никто не смѣетъ
Во слѣдъ ступить изъ бардовъ сихъ временъ,
Предъ кѣмъ святая Русь благоговѣетъ,
Онъ отрокомъ, безвѣстенъ и презрѣнъ,
Сынъ рыбаря, чудовищъ земноводныхъ
Ловитвой жилъ; въ пучинахъ ледяныхъ,
Душой алкая странъ и дѣлъ иныхъ,
Изнемогалъ въ усиліяхъ безплодныхъ!..

Океанъ, пустынный островъ. Любопытство юноши.
Скорбь отца. Вновь отъѣздъ. Нелюбовь.
Соловцы. Невѣдомый мужъ, богомолецъ. Вѣсть о вечернихъ странахъ.
Возвращеніе домой. Побѣгъ. Тотъ-же таинственный спутникъ.

[1823]

КТО БРАТЪ, КТО СЕСТРА

или

ОБМАНЪ ЗА ОБМАНОМЪ.

Новая опера-водевиль, въ 1 дѣйствіи,

А. ГРИБОѢДОВА и кн. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Оригинальное сочиненіе, съ хорами и разнохарактернымъ дивертисементомъ
Музыка соч. А. Н. Верстовскаго.

1823.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Панъ Чижевскій, содержатель почтоваго двора.
Антося, } дочери его.
Лудвися, }
Рославлевъ младшій, гусарскій офицеръ.
Юлія, жена его.
Рославлевъ, старшій.
Андрей, слуга его.
Вацусъ, писаржъ почтовый.
Передовой Рославлева старшаго.
Слуга проѣзжающихъ.
Жиды.

Дѣйствіе происходитъ въ польскомъ мѣстечкѣ въ почтовомъ дворѣ. Комната, справа отъ зрителя столъ, на немъ шнуровыя книги, бумага и проч., съ лѣвой клавикорды, на стѣнѣ гитара; въ серединѣ открытый видъ въ цвѣтникъ.

Явленіе 1-е.

Рославлевъ младшій, Юлія *(сидятъ за столомъ въ цвѣтникѣ и пьютъ чай)*, Антося и Лудвися *(одна за клавикордами, а другая съ гитарой, и поютъ)*. Рославлевы слуги *(увязываютъ чемоданъ и проч.)* Писаржъ *(пишетъ за столомъ)*. Панъ Чижевскій *(читаетъ Варшавскую газету)*.

[Краковякъ].

Антося и Лудвися.

Молодость, какъ струйка! Молодость, какъ цвѣтъ!
Пробѣжитъ украдкой, процвѣтетъ—и нѣтъ!
„Милая Магдуся!“
Янекъ говорилъ:
„Злыхъ людей не труся,
Молви: ты мнѣ милъ!“
Что жъ на то Магдуся
Молвила ему?—
„Сердцемъ отдаюся
Другу моему!“
Завтра—гость невѣрный! прошлый гость—вчера,
На любовь и радость намъ одна пора.
Слышу-ли, какъ зыбкой
Крадется ручей,
Какъ на вѣткѣ гибкой
Стонетъ соловей,
Въ розу-ли всмотрюся,
Что цвѣтетъ на срокъ,
Вспомнится Магдуся
И ея урокъ.
Завтра—гость невѣрный! прошлый гость—вчера!
На любовь и радость намъ одна пора!

Рославлевъ младшій и Юлія *входятъ въ комнату*.

Рославлевъ младшій.

Въ дорогѣ чай и пѣсни всегда кстати, но и лошади не лишнее. Мы теперь отдохнули, освѣжились; отправьте насъ скорѣе, панъ почтмистръ!

Кто братъ, кто сестра.

Панъ Чижевскій.

Зáразъ, яснеосвѣщенный! кони готовы—

Писаржъ

(между тѣмъ показываетъ ему подорожную и тихо говоритъ). Позвольте только разспросить о имени вашемъ: мы никакъ не разберемъ. *(Читаетъ).* „Слѣдующему изъ Санктъ-Петербурга въ Варшаву“...

Рославлевъ младшій.

„Гвардіи Ротмистру Рославлеву“.

Панъ Чижевскій *(читаетъ про себя).*

„...Съ будущими“...

Рославлевъ младшій.

И слава Богу! не только съ будущими, но и съ настоящею *(показывая на жену)* на зло всѣмъ препятствіямъ.

Панъ Чижевскій.

А, понимаю, понимаю.
Жизнь скучнымъ трактомъ вамъ казалась!
Такъ, взявъ любовь въ проводники,
Желали вы, чтобы досталась
И радость съ легкой вамъ руки!
Такъ! къ счастью пристани надежной
Всѣмъ милъ открытый листъ въ женѣ...

Антося.

Ахъ! какъ хотѣлось бы и мнѣ
Скорѣй быть также подорожной. } (bis).

Панъ Чижевскій.

Любовь и бракъ!

Рославлевъ младшій.

Одно и то же.
Они родные братъ съ сестрой!

Панъ Чижевскій.

Согласенъ! но сестра моложе.
А братецъ баринъ пожилой,—
Въ дорогѣ спутникъ ненадежной:
Сестра на вольныхъ навострить,
А братъ отстанетъ и сидитъ
Одинъ, съ законной подорожной. } (bis).

29

6345

Кто братъ? кто Сестра

или
Обманъ ~~одинъ за тысячи~~ за обманомъ.

Новая Опера водевиль

въ 1мъ Дѣйствіи

оригинальное сочиненіе

Съ хорами и разнохарактерными дивертисментами музыка соч: А. Н. Верстовского

Представлять дозволяется

№ 4

10го Генваря 1824 Года

Секретарь В. Сок[illegible]

Дѣйствующія Лица:

Панъ Чижевскій, содержатель почтоваго двора Г. Величкинъ

Антося } его дочери — Гн Сосницкая

Лудвися } — Гн Строгонова.

Рославлевъ, младшій гусарской офицеръ Г. Сибиряковъ

Юлія, жена его. — Гн Монруа

Рославлевъ, старшій — Гн Климовской

Андрей, слуга его. — Г. Боченковъ

Вачіусъ, — писарь почтовый. — Г. Носовъ

Передовой, Рославлева старшаго. Г. Гибнеръ

Слуга проѣзжающихъ. — въ школѣ

Жиды.

Дѣйствіе происходитъ въ польскомъ мѣстечкѣ въ почтовомъ домѣ.

Комната, съ право отъ зрителя, столъ, на немъ шнуровыя книги, бумаги и проч: съ левой клавикорды, на стенѣ гитара — въ срединѣ открытый видъ въ цвѣтникъ.

Явленіе 2-е.

Тѣ же и Передовой старшаго Рославлева.

Передовой.

Скорѣе! скорѣе! восемь лошадей! двѣ мнѣ, а шесть Его Высокородію, который скачетъ по пятамъ моимъ.

Панъ Чижевскій *(читаетъ подорожную)*.

„Изъ Варшавы въ Санктъ-Петербургъ Маіору Рославлеву“ *(отходитъ къ письменному столу)*.

Рославлевъ младшій.

Вотъ неожиданный гость! Это братъ мой!

Юлія.

Куда намъ дѣваться?

Панъ Чижевскій.

Рославлевъ изъ Петербурга въ Варшаву — Рославлевъ изъ Варшавы въ Петербургъ.

Рославлевъ младшій *(отводя его въ сторону)*.

Тсъ! Ни слова обо мнѣ! намъ надо съ тобою уговориться, любезный, драгоцѣнный панъ почтмистржъ.

Передовой *(Писаржу)*.

Пока нельзя-ли мнѣ съ дороги и на дорогу выпить стаканъ вина?

Писаржъ.

Хоть два, только вмѣстѣ со мною. *(Слуга и они уходятъ)*.

Явленіе 3-е.

Рославлевъ младшій, Юлія, Панъ Чижевскій, Антося и Людвися.

Юлія.

Сдѣлайте одолженіе, панъ почмистръ, не давайте лошадей проѣзжающему!

Панъ Чижевскій.

Да не безпокойтесь! васъ не обидимъ! Въ лошадяхъ, благодаря Бога, здѣсь недостатка нѣтъ. Моя станція первая по всему тракту...

Кто братъ, кто сестра.

Рославлевъ младшій.

Вѣрю, но не въ томъ дѣло! мы и сами останемся здѣсь, да и его нужно намъ задержать.

Панъ Чижевскій.

Змилуйтесь, ясновельможный пане! За кого вы насъ принимаете! Я знаю всю важность своей обязанности, облеченный довѣренностью Правительства,—какъ пойду противъ постановленій!..

Рославлевъ младшій.

За другими... дорога наѣзжена.

Панъ Чижевскій.

Что скажутъ обо мнѣ начальники?

Рославлевъ младшій.

Что говорятъ о другихъ.

Панъ Чижевскій.

Знать ложенъ толкъ въ васъ о почтмистржѣ Польскомъ:
Кривнуть душой насъ Богъ оборони!
Ввѣкъ не споткнутся въ мѣстѣ скользкомъ
Ни гоноръ мой, ни лошади мои!
Нѣтъ! польскихъ почтъ исторію прочтите
И съ норовомъ почтмистржа въ Посполитѣй
Не сыщите, ручаюсь вамъ!
Присяга въ насъ непобѣдима,
И Нарушевичъ скажетъ самъ,
Что наша честь ненарушима!

Юлія.

Троньтесь хоть тѣмъ, что Нарушевичъ какъ вамъ, такъ и мнѣ землякъ, что и я полька...

Рославлевъ младшій

(вуская въ руку нѣсколько червонцевъ).

Да троньтесь хоть этимъ... За упокой Нарушевича.

Юлія

(снимаетъ съ себя цѣпочку и кольцо и отдаетъ сестрамъ),

Вотъ, мои милыя, носите это на память обо мнѣ.

Явленіе 3.

Антося.

Какая милая цѣпочка,
Какой плѣнительный нарядъ!
И самого маршалка дочка
Такой имѣетъ-ли наврядъ!

Лудвися.

Колечко, я тебя въ гостинецъ
Дружку готовлю своему,
А кто дружокъ? *(надѣвая кольцо)*. Смотри-жъ, мизинецъ,
Не проболтайся никому!

Панъ Чижевскій.

Дѣлать нечего! Вы побѣждаете мою непреклонность! доброй полякъ умѣетъ сострадать ясновельможному ближнему и самъ готовъ страдать за ясновельможную ближнюю. Что ни было бы, а кому вы не прикажете, тому лошадей и не будетъ.

Кровь польская сказалась въ сердцѣ польскомъ!
Не устою на роковой чертѣ!
И, спотыкаясь въ мѣстѣ скользкомъ,
Я падаю, но въ ноги красотѣ!
Я не легко пускаюсь на измѣну,
Нѣтъ, вашихъ просьбъ призналъ и вѣсъ и цѣну,
Вы заглушили ложный стыдъ,
Въ мою прокрался вы душу,
И Нарушевичъ мнѣ проститъ,
Что клятву разъ свою нарушу,

Юлія.

Какъ мы вамъ благодарны!

Панъ Чижевскій.

Оно благодарности не стоитъ!

Рославлевъ младшій.

Нѣтъ стоитъ-то стоитъ, да не въ счетѣ дѣло.

Панъ Чижевскій.

Но растолкуйте мнѣ теперь, зачѣмъ вы непремѣнно хотите задержать однофамильца. Тутъ есть тайна, а я недаромъ почтмистръ: много тайнъ перебываетъ у меня въ рукахъ.

Рославлевъ младшій.

Не мало и останется!

Юлія.

Мужъ мой все вамъ раскажетъ. *(Сестрамъ)* А вы, милыя, подите со мною. Надобно намъ обдумать и привести въ исполненіе планъ нашей комедіи на скорую руку. *(Онѣ уходятъ).*

Явленіе 4-е.

Рославлевъ младшій и Панъ Чижевскій.

Рославлевъ младшій.

Узнайте же, что ѣдущій изъ Варшавы въ Петербургъ Рославлевъ—мой родной братъ. Лишившись родителя своего въ ребячествѣ, видѣлъ я въ братѣ другого отца; выросши, вижу въ немъ лучшаго своего друга. Долго не имѣли мы между собою ни тайнаго поступка, ни тайной мысли; нравы скромности, образъ мыслей—все сближало насъ день ото дня болѣе и болѣе. Но вдругъ согласіе наше разрывается. Я начинаю признавать власть любви: онъ, любви постоянный данникъ, какъ нарочно, отрекается отъ нея. Я полюбилъ одну женщину,—онъ всѣхъ женщинъ возненавидѣлъ. Я пишу къ нему, что хочу жениться и прошу его согласія,—онъ отвѣчаетъ, что если не обѣщаюсь остаться съ нимъ холостымъ на всю жизнь, то онъ отказывается отъ меня навсегда.—Я женился и ѣду къ нему съ женою: онъ скачетъ, чтобы помѣшать нашей свадьбѣ и докончить лично то, что безъ успѣха началъ письменно. Вотъ наша исторія.

Панъ Чижевскій.

Но какимъ способомъ надѣетесь вы переупрямить его и довести до согласія?

Рославлевъ младшій.

Я самъ еще порядочно не знаю, но есть надежда; братъ—человѣкъ пламенный, и вообще постоянства въ любви къ женщинамъ мало, но постоянства въ ненависти къ нимъ еще менѣе.

Панъ Чижевскій.

И то правда! Я съ молоду и самъ не охотникъ былъ до женщинъ, но покойная жена однако же принудила меня обвѣнчаться съ нею. Помнится мнѣ, читалъ и въ Красицкомъ, что богачей и барынь всѣ злословятъ, и всѣ въ нихъ ищутъ.

Баръ и барынь всѣ бранятъ
Подъ рукою,

Явленіе 5.

Презирать ихъ каждый радъ
За спиною;
Но столкнися съ мудрецомъ
Баринъ знатный,
Иль красотка брось тайкомъ
Взоръ пріятный:
Вдругъ начнетъ иное пѣть
Нашъ Сенека,
Перемѣнится медвѣдь
Въ человѣка;
Смотришь,—онъ какъ и другой,
Гибокъ, тонокъ,
Мастеръ кстати дѣлать свой
Па́дамъ до-но́гъ.

Рославлевъ младшій.

Стукъ! коляска подъѣхала. Прощай, благодѣтель, и смотри же скромнѣе и осторожнѣе. *(Уходитъ въ боковую комнату).*

Панъ Чижевскій *(пересчитывая деньги изъ руки въ руку).*

Скромнѣе и осторожнѣе!

Явленіе 5-е.

Панъ Чижевскій, Рославлевъ старшій *(въ фуражкѣ и не снимаетъ ея).*

Рославлевъ старшій.

Лошади готовы? Впрягать скорѣе!

Панъ Чижевскій.

Ясновельможный...

Рославлевъ старшій.

Готовы, я спрашиваю?

Панъ Чижевскій.

Ясноосвѣщенный, извольте взять терпѣнье.

Рославлевъ старшій.

Терпѣніе?—Лошадей, я говорю. Гдѣ-жъ мой передовой?

Панъ Чижевскій.

Гм! Здѣсь!

Рославлевъ старшій.

А лошади?

Кто братъ, кто сестра.

Панъ Чижевскій *(нерѣшительно и боязливо).*

Будутъ.

Рославлевъ старшій.

Ну, сейчасъ, сію минуту!

Панъ Чижевскій.

(пріободряется и откланивается, не трогается и начинаетъ пѣть, Рославлевъ съ перваго стиха зажимаетъ ему ротъ).

Могу сказать вамъ о почтмистржѣ польскомъ...

Рославлевъ старшій.

До пѣсней ли мнѣ теперь! Тьфу, какой безмозглый народъ! послать ко мнѣ курьера! Самъ бѣги, вели, кричи! Живо! мигомъ! *(Выталкиваетъ его).*

Явленіе 6-е.

Рославлевъ старшій *(одинъ).*

Пѣть хочетъ! Сумасшедшій! Теперь, можетъ-быть, у брата на свадьбѣ поютъ и пляшутъ... Странная судьба! Скачу сломя голову, чтобы брата отговорить отъ дурачества, которое самъ хотѣлъ было сдѣлать три мѣсяца тому назадъ; но вы, красавицы, меня вылечили отъ залетнаго воображенія, отъ всякихъ попытокъ на супружеское счастье, отъ вѣры въ вашу любовь,—вы, которыя никого, кромѣ себя, не любите. Я долго гонялся по слѣдамъ вашимъ, долго; но поумнѣть никогда не поздно. *(Беретъ гитару, прислоняется къ фортепьяно, пробуетъ нѣсколько аккордовъ и напѣваетъ куплетъ)*

[Рондо].

Пускай сердечнымъ суевѣрамъ
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерамъ,
И на обманъ не дался вновь.
Изъ вашихъ рукъ довольно пилъ отраву,
Довольно я, красавицы! страдалъ;
Моя тоска была вамъ на забаву,
Смѣялись вы,—я слезы проливалъ.—
Но слезъ моихъ вамъ болѣе не видѣть,
Я въ школѣ былъ и съ горя поумнѣлъ.
Какъ я васъ обожать умѣлъ—
Такъ васъ умѣю ненавидѣть!

Готовьте другимъ
Оковы и розы,
Обѣты, угрозы,
Улыбки и слезы,—
Я сталъ невреднмъ.
Пускай сердечнымъ суевѣрамъ
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерамъ,
И на обманъ не дался вновь.

Явленіе 7-е.

Рославлевъ старшій, Антося и Лудвися.

Антося.

Ахъ, какъ вы пріятно поете!

Лудвися.

Съ какимъ выраженіемъ вы арпеджіо дѣлаете на гитарѣ!

Антося.

Продолжайте, сударь. *(Рославлевъ ст. бросаетъ гитару).*

Антося.

Вы не хотите, чтобъ мы васъ слышали?

Лудвися.

Мы вамъ помѣшали?

Антося.

Пожалуй, мы уйдемъ.

Рославлевъ старшій.

Уйдите, или оставайтесь: мнѣ рѣшительно все равно.

Антося.

Можетъ-быть, вамъ угодно насъ послушать?

Рославлевъ старшій.

Я терпѣть не могу женскаго голоса!

Антося.

Какъ? Непріятно вамъ, когда женщины поютъ?

Кто братъ, кто сестра.

Рославлевъ старшій.

И даже когда говорятъ!

Лудвися.

Это почти что очень неучтиво!

Рославлевъ старшій.

Я предупреждаю васъ, я ужасный грубіянъ.

Лудвися.

Сестрица, онъ шутитъ.

Антося.

Вы шутите, сударь, мнѣ кажется: вамъ нашъ полъ не такъ противенъ.

Лудвися.

И я тоже думаю, что онъ вамъ милъ!

Антося.

Вы еще, того гляди, здѣсь влюбитесь.

Рославлевъ старшій.

Въ васъ?

Антося.

Коли не въ насъ, такъ у насъ по крайней мѣрѣ!

Рославлевъ старшій.

Въ здѣшнемъ городѣ?

Лудвися.

Хоть и въ здѣшнемъ домѣ, какъ узнать?

Рославлевъ старшій.

Не худо на дорогу.

Антося.

Ни за что не ручайтесь! кто истинно до женщинъ неохотникъ, тотъ не говоритъ имъ этого въ глаза и вовсе съ ними въ разговоръ не вступаетъ, беретъ шляпу и уходитъ.

Рославлевъ старшій.

Именно такъ, прощайте. *(Кричитъ при выходѣ)* Что-жъ, готово? Нѣтъ еще? Это разбойство! Это неслыханно, что за мѣшкотня! *(Уходитъ)*.

Явленіе 8-е.

Антося, Лудвися, Юлія *(въ мужскомъ платьѣ, придѣланные бакенбарды сапоги со шпорами).*

Юлія.

Ну, каковъ нашъ нелюдимъ?

Антося.

Очень забавенъ!
Чудакъ онъ право своенравной!
Его ввести не можно въ толкъ:
На разговоръ онъ рыбѣ равной,
А вѣжливъ, какъ сердитой волкъ.

* * *

На шутки гнѣвомъ отвѣчаетъ
И дуется...

Лудвися.

Нѣтъ дива тутъ:
Предчувствіемъ онъ вѣрно знаетъ,
Что нами будетъ онъ надутъ.

Явленіе 9-е.

Тѣ же, Рославлевъ старшій, Панъ Чижевскій, Писаржъ, курьеръ и слуга Рославлева.

Рославлевъ старшій *(держитъ П. Чижевскаго за воротъ).*

Ты, бездѣльникъ! Не можетъ быть, чтобы всѣ лошади были въ разгонѣ.

(Рославлевъ ст. и курьеръ съ одной стороны, Юлія съ другой тормошатъ П. Чижевскаго).

Рославлевъ старшій.
Скорѣй, скорѣй
Лошадей, лошадей.

Антося и Лудвися.
Смѣлѣй, смѣлѣй
Вы откажите лошадей.

Панъ Чижевскій.

Я радъ вамъ дать бы лошадей,
Но съ часъ послѣдня пара вышла.

Рославлевъ старшій.

Какъ вышла!

Панъ Чижевскій.

Есть лошади, да не для васъ!
Здѣсь сверхкомплетныхъ пять у насъ:
Изъ нихъ не ходятъ двѣ у дышла,
А три не ходятъ ужъ никакъ!

Рославлевъ старшій.

Я не терплю докучныхъ вракъ!
Твоей я спѣси поубавлю,
И, если станешь врать пустякъ,
Тебя—тебя ходить заставлю!

Антося и Лудвися.

Вы забываетесь никакъ—
Нашъ папенька и самъ изъ шляхты.
Прошу понизить голосокъ!

Рославлевъ старшій.

Мнѣ дѣла нѣтъ до вашей шляхты!
Скачи отъ Питера до Кяхты,
Отъ Кяхты поскачи въ Моздокъ,
Но вѣрно хуже этой почты
Нигдѣ по трактамъ не найдешь.

Антонося и Лудвися.

Какъ дѣла нѣтъ до нашей шляхты!
Нашъ гербъ—подкова и рожокъ.

Панъ Чижевскій.

Да говорятъ же вамъ не ложь!
Всѣхъ подорожныхъ не сочтешь!
Коляска скачетъ за каретой!
За городскою эстафетой
Летитъ изъ арміи курьеръ,
Тутъ подкоморжій за курьеромъ,
Тутъ арендаржъ и офицеръ!
Тутъ панна вслѣдъ за офицеромъ!

Антося и Лудвися.

И день и ночь, судите вы,
Мы не выходимъ изъ упряжки;
И наши лошади бѣдняжки,
И мы—совсѣмъ безъ головы.

Юлія *(вслухъ)*.

Несносной упрямецъ! съ нимъ не сговоришь; я уже монхъ людей разослалъ, чтобы какъ-нибудь на вольныхъ убраться. Представьте, съ самаго утра онъ меня проводитъ. То лошадей вовсе нѣтъ, а когда сказываютъ ему, что есть точно, видѣли ихъ въ стойлахъ, отговоркамъ конца нѣтъ: одна будто бы охромѣла, другая крива, третья вовсе безсильна, при послѣднемъ издыханіи, упряжки не въ порядкѣ, поч-

тари въ разбродѣ! Между тѣмъ дочери его оглушаютъ страстными плаксивыми пѣснями... Вѣрьте мнѣ, онъ съ ними въ заговорѣ. Насъ здѣсь женить хотятъ.

Рославлевъ старшій *(расхохотавшись)*.

Какая мысль! а что? можетъ-быть.—Тесть любезный, не быть бы тебѣ...

(Антося и Лудвися, будто обиженныя, подходятъ къ нему и присѣдая поютъ).

Антося.

Нѣтъ, это слишкомъ, признаюсь,
И оставаться здѣсь напрасно. *(Уходитъ, присѣдая).*

Лудвися.

Я бѣшеныхъ, судáрь, боюсь!
И съ вами быть ей-ей опасно. *(Также уходитъ).*

Панъ Чижевскій.

Сердитесь вы наединѣ,
Но гнѣвъ сносить вашъ нѣтъ мнѣ слѣду! *(Уходитъ).*

Рославлевъ старшій.

Иль тотчасъ дайте ѣхать мнѣ,
Иль всѣхъ я васъ путемъ доѣду!

Явленіе 10-е.

Рославлевъ и Юлія.

Юлія.

Успокойтесь! мои люди все сдѣлаютъ, все достанутъ и мнѣ и вамъ. Я радъ, что могу служить собрату въ ровномъ горѣ, и черезъ полчаса мы покатимся каждый по своей дорогѣ, а, можетъ-быть, по одной и той же.—Вы куда?

Рославлевъ старшій.

Въ Петербургъ.

Юлія.

А я оттуда.

Рославлевъ старшій.

Тамошній житель? Всегда или временно?

Юлія.

Я тамъ служу въ гусарахъ.

Рославлевъ старшій.

Ахъ, Боже мой, такъ вы знаете Александра Рославлева,—онъ въ нихъ же служитъ?

Юлія.

Товарищъ, другъ мой неразлучный, мы съ нимъ живемъ въ одной комнатѣ.

Рославлевъ старшій.

Онъ мой братъ родной.

Юлія.

Неужели? какъ счастливо! Слѣдовательно, вы и мнѣ родной,—дайте обнять себя.—А знаете, какую было онъ глупость сдѣлалъ? мой другъ, вашъ братецъ чуть было не женился.

Рославлевъ старшій.

Чуть было? стало, миновалась опасность?

Юлія.

Совершенно. Онъ уже вовсе объ этомъ не думаетъ!

Рославлевъ старшій *(въ сторону)*.

Мои письма подѣйствовали. *(Громко)* Какъ я радъ встрѣчѣ съ вами, и даже прощаю почтовому смотрителю, что задержалъ меня. Эй! Кто-нибудь!

Антося и Лудвися.

Что вамъ надобно? *(Сестры входятъ)*.

Рославлевъ старшій.

Шампанскаго!

Антося.

И! Какія прихоти! въ нашемъ мѣстечкѣ этакого вина не водится. Венгерскаго, коли угодно?

Рославлевъ старшій.

Чего-нибудь! Что душу располагаетъ къ веселью! Скорѣе!

Юлія.

Туда, въ цвѣтничекъ. *(Сестры уходятъ)*.

Рославлевъ старшій.

Разскажите мнѣ о братѣ, пожалуйста, все, что знаете.

Явленіе 10.

Юлія.

Представьте себѣ—въ его лѣта жениться.

Рославлевъ старшій.

И на полькѣ, это всего опаснѣе.

Юлія.

Почему же! Я самъ полякъ.

Рославлевъ старшій.

Нѣтъ! будьте справедливы, любовь къ отечеству въ сторону. Наши кокетки—ученицы передъ здѣшними.

Юлія.

Быть такъ, но братецъ вашъ... ему совсѣмъ, было, голову вскружили, подговорили, заговорили, онъ уже готовъ былъ подъ вѣнецъ, но я заклиналъ именемъ вашимъ, не зная васъ, и моею дружбою... онъ образумился; вы видите во мнѣ закоренѣлаго мизогина.

Рославлевъ старшій.

Закоренѣлаго! Вы еще очень молоды!

Юлія.

Со дня моего рожденія твердъ, какъ кремень, и не измѣняю моимъ правиламъ. Врагъ отъявленный свадебъ и волокитства, томныхъ вздоховъ и нѣжныхъ поцѣлуевъ. Если бы всѣ женщины какой-нибудь благодѣтельной чумою исчезли съ лица земли...

Рославлевъ старшій.

Я бы не охнулъ.

Юлія.

Я также.

Рославлевъ старшій.

Я ихъ терпѣть не могу!

Юлія.

Я ихъ ненавижу!

Рославлевъ старшій.

Вѣчныя прихотницы безъ толку, ни капли здраваго смысла, ни шагу безъ видовъ, любезны сначала, но подъ конецъ докучливы.

Юлія.

Самыя ничтожныя, безполезныя! Дайте мнѣ руку, передадимъ такія же правила нашимъ дѣтямъ.

Рославлевъ старшій.

Я надѣюсь, что у меня ихъ никогда не будетъ!

Юлія.

Тѣмъ лучше, заботъ меньше.

(Антося и Лудвися входятъ и подносятъ налитые стаканы).

Юлія.

Стократъ счастливъ, кто разумъ свой
Не помрачилъ еще любовью,
Но вѣкъ проводитъ холостой,—
Я выпью за его здоровье.

Повѣрьте мнѣ, жена для насъ
Есть вѣчное почти мученье.
Женись лишь только—и какъ разъ
Родятся ревность, подозрѣнье.

Ахъ, то ли дѣло одному:
Его не мучитъ неизвѣстность,
Душѣ покой, просторъ уму,
И вѣчная почти безпечность!

Нравъ женщины имѣютъ злой,
Капризны, что не сладишь съ ними.
Чтобъ избѣжать судьбы такой,
Останемся мы холостыми!

(Антося и Лудвися устанавливаютъ подносъ съ бутылками въ цвѣтникѣ и уходятъ).

Юлія.

Одна есть женщина въ свѣтѣ, которую я люблю по самой родственной связи.

Рославлевъ старшій.

Одна уже нашлась; найдутся и болѣе!

Юлія.

Нѣтъ! двухъ такихъ не бываетъ; она—сердца ангельскаго, примѣрной добродѣтели.

Явленіе 11.

Рославлевъ старшій.

О! онѣ всѣ ангелы! всѣ чудесно добродѣтельны! гдѣ же твердость ваша? правила неизмѣненныя?

Юлія.

Не ошибайтесь. Рѣчь идетъ объ моей сестрѣ. Кроткое, невинное существо, и такъ же мало заботится объ насъ, какъ мы съ вами объ ихъ. Братъ, отецъ, мать — вотъ кто ей наполняютъ душу. Здѣсь, напримѣръ, давно ли мы остановились, и то неохотно, она уже отыскала какого-то безгласнаго, разбитаго параличемъ, дряхлаго старика, всѣми брошеннаго, ухаживаетъ за нимъ, бережетъ его и благословляетъ случай, который задержалъ насъ здѣсь, подавая ей добро творить, между тѣмъ какъ мы съ вами отъ этого случая готовы лопнуть съ досады. *(Антося вбѣгаетъ).*

Антося.

Васъ сестрица зоветъ, крайняя нужда!

Юлія.

Сейчасъ.

Антося *(ей на ухо).*

Вашъ мужъ что-то по васъ безпокоится.

Юлія.

Иду, я скоро ворочусь къ вамъ.

Явленіе 11-е.

Рославлевъ старшій *(одинъ).*

Братъ сестру хвалитъ, видитъ въ ней совершенство! Почтенное чувство! Но кто ручается, что тутъ нѣтъ пристрастія? Однако, онъ поселилъ во мнѣ сильное любопытство... Что, кабы попытаться познакомиться съ пригожей незнакомкой?.. Пригожею?—это еще неизвѣстно, но то вѣрно, что между мною и старымъ паралитикомъ она бы не долго колебалась. Разумѣется, все бы кончилось шуткою, потому что я отнынѣ впредь и навсегда, благодаря принятому намѣренію, объ женщинахъ слышать не хочу. Спѣшить некуда, повѣса Александръ не женится, что-жъ—попробуемъ. И я многимъ нравился... *(охорашивается передъ зеркаломъ),* конечно не столько, сколько бы хотѣлось, а пуще всего недолго!

Кто братъ, кто сестра.

Зачѣмъ теперь не вспомнить мнѣ,
Какъ рѣзво, счастливо и смѣло
Сердечны шалости однѣ
Имѣлъ за главное я дѣло.
Я у красавицъ былъ въ чести!
Шутилъ собой, шутилъ и ими,
Какъ быть!.. былъ проведенъ иными,—
За то, отмщаясь надъ другими,
Успѣлъ я многихъ провести.

Явленіе 12-е.

Рославлевъ старшій и Юлія *(въ женскомъ платьѣ)*.

Юлія.

Панъ почтмистржъ, панъ почтмистржъ!

Рославлевъ старшій.

Это она! прехорошенькая! и какъ на брата похожа!

Юлія.

(Между тѣмъ бѣгаетъ къ дверямъ, въ цвѣтникъ и въ окно смотритъ). Панъ почтмистржъ!

Рославлевъ старшій.

Кого вы ищите? кого вамъ надобно? Хотите, я позову?

Юлія.

Здѣшній хозяинъ обѣщалъ мнѣ достать шалфея, и не идетъ до сихъ поръ.

Рославлевъ старшій.

Лекарство для васъ? чѣмъ вы нездоровы?

Юлія.

Нѣтъ-съ, не для меня, здѣсь больной есть, и опасно больной.

Рославлевъ старшій.

Ближній вашему сердцу?

Юлія.

Ахъ, сударь, помогите ему,—вы, вѣрно, лекарь.

Рославлевъ старшій.

Почему вы это думаете?

Явленіе 12.

Юлія.

Вы съ такимъ участіемъ распрашиваете о болѣзни и больномъ.

Рославлевъ старшій.

Признаюсь, на этотъ разъ я въ отчаяніи, что неискуссенъ въ медицинѣ.

Юлія.

Такъ я ошиблась, извините. *(Уходитъ).*

Рославлевъ старшій.

Ошиблась, и не любопытствуетъ знать, кто я! Въ самомъ дѣлѣ это рѣдко... Молоденькая, личико миленькое, чувствительное—и не любопытна! *(Юлія возвращается).*

Рославлевъ старшій.

Нашли, кого искали?

Юлія.

(Среди комнаты, печально). Нѣтъ-съ, не нашла.

Рославлевъ старшій.

Позвольте-же, я за васъ пойду, развѣдаю, отыщу и приведу.

Юлія.

Пожалуйста, я вамъ много обязана буду.

Рославлевъ старшій.

Сію минуту. *(Ворочается)* Какое въ васъ небесное добродушіе и какъ непритворно! Какъ вы для другихъ себя забываете! Клянусь вамъ... что я не видывалъ ничего подобнаго.

Юлія.

Перестаньте, сударь!

Рославлевъ старшій.

Вы разсердились?

Юлія.

Нѣтъ-съ, я вамъ благодарна, я право не сержусь, вы мнѣ говорите пріятныя вещи, только, простите мнѣ, онѣ не у мѣста. Вспомните, что ваши услуги, помощь ваша нужна бѣдному старику, изнеможенному страданіями. Идите, спѣшите и пуще всего не думайте, чтобы я была сердита.

Рославлевъ старшій.

Бѣгу, лечу. *(Въ дверяхъ)* Не оскорбляется похвалами, а не любитъ ихъ. *(Ворочается)* Ахъ! ахъ! кстати вспомнилъ, что со мною есть маленькая дорожная аптека—я вамъ сейчасъ принесу ее.

Юлія.

Очень кстати! пожалуйста, скорѣе!

Рославлевъ старшій *(Ворочается)*.

Боже мой! Печатное наставленіе, какъ употреблять ее, на англійскомъ языкѣ!

Юлія.

Я умѣю по-англійски.

Рославлевъ старшій.

А названіе составовъ и способовъ составленія и мѣра пріемовъ по латыни.

Юлія.

Я умѣю по-латыни.

Рославлевъ старшій.

А драхмы, унціи и ихъ дроби?

Юлія.

Вѣсъ, какъ вѣсъ, я по необходимости его знаю: матушка цѣлый годъ была больна; впрочемъ, это знаніе такъ не трудно, что нечѣмъ хвастать. Пожалуйста, пришлите вашъ ящикъ.

Рославлевъ старшій.

Сію минуту. *(Въ дверяхъ)* Сколько познаній и не выказываетъ ихъ и не дорожитъ ими! *(Ворочается)* Я готовъ не только быть у васъ въ полномъ подданствѣ на услугахъ, разсыпаться всюду и за всякой всячиной вамъ въ угодность, только...

Юлія.

Что вы хотите сказать?

Рославлевъ старшій *(Въ сторону)*.

Куда дѣвалась моя дерзость? *(Вслухъ)* Не теперь, но когда удастся мнѣ вамъ сдѣлать угодное, когда вы убѣдитесь, что и я не безъ добродушія, не безъ состраданія; осмѣлюсь-ли я спросить у васъ...

Явленіе 13.

Юлія.

Чего? скажите!

Рославлевъ старшій.

Поцѣловать васъ въ знакъ дружбы.

Восторговъ бурныхъ и непрочныхъ
Во мнѣ простылъ горячій слѣдъ,
И поцѣлуевъ непорочныхъ
Теперь мнѣ сладостнѣе нѣтъ.
Меня не страсти пылъ волнуетъ,—
Умѣлъ я чувства обуздать,
И васъ хочу поцѣловать,
Какъ братъ сестру свою цѣлуетъ.

Юлія.

На такой поцѣлуй и я согласна. Идите, сударь, торопитесь, не теряйте времени... почему мнѣ не поцѣловать васъ? Я готова обнять добраго человѣка, только не мѣшкайте, бѣгите, принесите. Почему не обнять васъ за доброе дѣло!

Рославлевъ старшій.

Невинна какъ ребенокъ! *(Уходитъ).*

Юлія *(Смотритъ вслѣдъ ему, потомъ въ окно).*

Ушелъ! Войдите!

Явленіе 13-е.

Юлія, Антося и Лудвися *(ведутъ Юліи мужа, укутаннаго въ видѣ больнаго, зонтикъ на глазахъ, все лицо почти закрыто полотенцами, жена около его старается, поправляетъ и любуется).*

Антося.

Каковъ, скажите, нашъ больной?
Больной онъ новаго покроя!

Лудвися.

Кто въ этой смерти подвижной
Найдетъ гусарскаго героя?

Антося.

Болѣзней всѣхъ образчикъ онъ!

Лудвися.

Вотъ предисловье похоронъ!

Антося.

Слѣпой, разслабленный, недужный,
Онъ дышетъ будто съ горяча...

Лудвися.

Но тѣмъ болѣзнь ему съ плеча,
Что въ ней врачи ему не нужны.

Рославлевъ младшій *(слабѣющимъ голосомъ)*.

Капель, микстуру, сиропъ! Смотрите на часы, не пора ли принимать?

Юлія.

Шалунъ, ты ужо не забудься при любезномъ братцѣ! Пожалуйста, будь смиренъ, и не подавай ни малѣйшаго знака жизни.

Рославлевъ младшій.

Уговоръ лучше денегъ: я не гожусь въ параличные; хочешь лучше напущу на себя бѣлую горячку, выскочу, зарублю, развоююсь, брата въ сторону, тебя въ другую, самъ на стѣну...

Юлія.

Не дурачься, мой милой, ты все испортишь, а коли тебѣ непремѣнно движеніе нужно, видѣлъ ты здѣсь креслицы? Хочешь я тебя усажу въ нихъ и стану прокатывать изъ комнаты въ комнату?

Рославлевъ младшій.

Сажай, вези!

Юлія.

Ну, пойдемъ. *(Уводитъ его)*.

Явленіе 14-е.

Антося, Лудвися, Рославлевъ старшій и Панъ Чижевскій.

Рославлевъ старшій.

А, милыя, вы здѣсь, какъ я радъ, что васъ вижу!

Антося *(въ сторону)*.

Нашъ дикарь становится, кажется, обходительнѣе.

Лудвися.

Мы отъ васъ бѣгали, боялись вамъ въ глаза попасть; вы такіе сердитые!

Рославлевъ старшій.

А ужъ вы и приняли за строгую истину мои тогдашнія шутки! Какъ вамъ не стыдно? а скажите мнѣ, гдѣ проѣзжая дама?

Антося.

Она тотчасъ будетъ.

Явленіе 15.

Панъ Чижевскій.

У нея нѣтъ минуты свободной! все время посвящено у нея на разумныя дѣла.

Рославлевъ старшій.

Да, кажется мнѣ, что вы объ ней знаете: извѣстны-ль вамъ обстоятельства ея жизни?

Лудвися.

Мы и сами много сказать вамъ не можемъ о ней. Все, что знаемъ, слушайте!

Она другъ сирымъ и убогимъ.

Антося.

Она благотворитъ шутя!

Лудвися.

Она мудрецъ разсудкомъ строгимъ!

Антося.

Она невинностью дитя!

Панъ Чижевскій.

Она благое существо,
Въ ней человѣческаго мало...

Рославлевъ старшій.

Да, въ этомъ женскомъ дивѣ, стало,
Ужъ женскаго нѣтъ ничего!

Явленіе 15-е.

Тѣ же и Юлія *(въ мужскомъ костюмѣ)*.

Рославлевъ старшій.

А! любезный мизогинъ, откуда? а я безъ васъ сдѣлалъ здѣсь пріятнѣйшее знакомство!

Юлія.

Поздравляю съ доброй вѣстью: мало-по-малу лошади собираются, и мы скоро отправимся.

Рославлевъ старшій.

Поздравьте лучше меня съ тѣмъ, что я видѣлъ вашу сестрицу и говорилъ съ ней.

Юлія.

Правду сказать, слуга у меня препроворный и въ дорогѣ—кладъ: въ минуту избѣгалъ мѣстечко, переколотилъ всѣхъ жидовъ...

Рославлевъ старшій.

Какъ сестрица ваша похожа на васъ; но признаюсь, не сердитесь— черты одне, а миловидности въ ней гораздо болѣе.

Юлія.

Уступаю охотно! Я право не приревную къ ней! Панъ Чижевскій, посмотрите, вѣрно уже все изготовлено?

Панъ Чижевскій.

Заразъ, ясновельможный капитане! *(Уходитъ).*

Юлія.

Что у васъ за ларчикъ? не казна-ли ваша?

Рославлевъ старшій.

Нѣтъ! но на эту пору дороже всякаго сокровища: сестрѣ вашей нужны лекарства, и я принесъ ей свою дорожную аптеку. *(Хочетъ идти).* Нельзя-ли мнѣ съ вами пойти къ ней и отнести.

Юлія.

О, нѣтъ, подождите. Вы знаете, что къ молодымъ барышнямъ и знатнымъ барамъ входить безъ докладу не можно; дайте мнѣ предварить ее. *(Въ сторону)* Побѣда наша!

Рославлевъ старшій *(Отпираетъ ящикъ и осматриваетъ его снутри).*

Антося.

Какъ любовь бывала лекарь,
Свѣтъ ужъ видывалъ не разъ,—
А теперь она аптекарь:
Часа нѣтъ ей безъ проказъ!

Лудвися.

Но отъ насъ онъ не уѣдетъ:
Мы, его подкарауля,
Скажемъ такъ же въ свой чередъ,—
Вотъ и вамъ, сударь, пилюля. *(Обѣ уходятъ).*

Явленіе 16-е.

Рославлевъ старшій *(одинъ).*

Однако я съ своимъ ларчикомъ въ ожиданіи ея прихода очень похожъ становлюсь на дамскаго угодника. Было время, и это не такъ давно, прежде нежели я отказался отъ любви навсегда... но при-

знаюсь три мѣсяца тому назадъ встрѣча съ нею могла бы сильно на меня подѣйствовать. Теперь я безопасенъ, хладнокровенъ, рѣшился ничего не чувствовать. Но гдѣ же она и что такъ долго медлитъ? и отчего мнѣ такъ хочется опять ее видѣть? Это ничего не значитъ: заманчивость, новость, приключеніе.—Ахъ! Вотъ она!

Явленіе 17-е.

Рославлевъ старшій, Рославлевъ младшій *(въ видѣ больнаго въ тельжкѣ)*, Юлія *(развозитъ его по цвѣтнику)*.

Рославлевъ старшій.

Какія заботы! Какъ она усердно хлопочетъ около этого бездушнаго, недвижимаго старика. *(Обращаясь къ ней)* Я принесъ обѣщанное, и давно жду васъ.

Юлія *(прибѣгая къ нему изъ цвѣтника)*.

Дайте сюда, разберемте вмѣстѣ, я вамъ много обязана, я вамъ очень много благодарна.

Рославлевъ старшій.

Я вамъ во сто разъ болѣе... Нынѣшній день, напримѣръ, думалъ-ли быть на что-нибудь годнымъ, но вы вдохнули въ меня ту-же страсть къ добру, которая васъ одушевляетъ, и я на все хорошее способенъ.

Юлія.

Коли такъ, повозите больнаго, сударь, я устала, привезите его сюда.

Рославлевъ старшій.

О! хоть отсюда до Петербурга на себѣ, на моихъ плечахъ. *(Идетъ и останавливается, задумавшись)*.

Ручаться можно-ли за что?
Нашъ умъ—ужасный своенравецъ;
Давно-ль мной было принято
Намѣренье—не знать красавицъ?
Нельзя ручаться ни за что!
Нельзя ручаться ни за что!

(Бѣжитъ въ цвѣтникъ и везетъ тельжку съ больнымъ)

Кто братъ, кто сестра.

Юлія. *(Смотря на него).*

Чего-жъ мы съ мужемъ пугались! Онъ очень послушливъ, возитъ и не жалуется.

Рославлевъ старшій *(Довезши до Юліи, останавливается; она отпираетъ аптеку, онъ поетъ).*

Вашъ лазаретъ я прикатилъ;
Пущусь опять, коли то надо,
Лишь только-бы увѣренъ былъ,
Что не замедлите наградой!
Что не замедлите наградой!
Лишь только-бъ я вамъ угодилъ!
Лишь только-бъ я вамъ угодилъ!

Юлія.

Лишь только... что вы говорите?

Рославлевъ старшій.

Лишь только-бъ я вамъ угодилъ. Скажите, что вамъ нужно, я достаточно имѣю навыкъ въ этихъ травахъ, порошкахъ, элексирахъ, и можетъ быть скорѣе выберу то, что требуется.

Юлія.

Какое-нибудь легкое средство къ возбужденію испарины.

Рославлевъ старшій.

Дайте, примусь за дѣло. *(Что-то высыпаетъ, растворяетъ водою, мѣшаетъ ложкою въ стаканъ, между тѣмъ продолжаетъ разговоръ).* Давно-ли вы посвятили ваши нѣжныя старанія этому старику?

Юлія.

Недавно.

Рославлевъ старшій.

Онъ вамъ родственникъ?

Юлія.

Нѣсколько.

Рославлевъ старшій.

Нѣтъ, отъ меня не кройтесь, я все знаю, онъ вамъ чужой, совершенно чужой. Вы нынче въ первый разъ его увидѣли, здѣсь нашли нечаянно, и ваши заботы объ немъ тѣмъ болѣе заставляютъ удивляться.

Юлія.

Не дивитесь, это дѣлается не по разсудку, но по быстрому чувству состраданія; оно скоро вспыхнетъ, и скорѣй того остываетъ. Завтра, можетъ быть, я не съ такимъ рвеніемъ попекусь объ этомъ недужномъ, и, видите-ли, нынѣшній мой подвигъ превратится въ ничто. Извѣдайте постоянство въ добрыхъ дѣлахъ, и тогда только называйте человѣка добродѣтельнымъ. *(Между тѣмъ оправляетъ больнаго).*

Рославлевъ старшій.

Какъ мило она отклоняетъ отъ себя все, что на лесть похоже. Вотъ растворъ, онъ готовъ, мнѣ всегда былъ цѣлебенъ. Ужасно противенъ вкусу, но во всякомъ случаѣ безвреденъ. *(Подноситъ Рославлеву младшему, тотъ рукой машетъ, что не хочетъ).*

Юлія.

Не понуждайте его, онъ не хочетъ, будетъ время послѣ.

Рославлевъ старшій.

Какъ вамъ угодно; однако, какая у него здоровая жилистая рука!

Юлія.

Это идропическая пухлость, въ лицѣ онъ совершенно изсохъ.

Рославлевъ старшій.

Лицо его слишкомъ увязано, ему душно, я его немного освобожу отъ этихъ свивальниковъ.

Юлія *(торопливо удерживая его).*

Оборони Боже, не дѣлайте того; малѣйшее неосторожное прикосновеніе произведетъ въ немъ жестокую боль. Одинъ лучъ дневнаго свѣта, какъ остріе ножа, глаза ему колетъ.

Рославлевъ старшій *(Одшедши смотритъ на больнаго издали).*

Передвижная мумія, одною ногою уже въ гробѣ, а придется позавидовать жребію подобныхъ ему жалкихъ существъ! Для нихъ только вы имѣете душу пламенную, всѣ прочіе вамъ чужды.—

Когда въ васъ сердце признаетъ
Права священныя несчастья,
Когда къ страдальцу васъ влечетъ
Порывъ нѣжнѣйшаго участья,—

Кто братъ, кто сестра.

Ужель могли-бъ вы не внимать
Души тоскующей взыванью?
Ужель могли-бъ не сострадать
Отъ васъ рожденному страданью?

Ахъ нѣтъ! несчастливѣй не тотъ,
Кто бѣдность получилъ въ наслѣдство,
Недужнымъ помощь подаетъ
Искусства быстрое посредство;
Но намъ дано мученье знать,
Гдѣ слѣдъ одинъ есть къ упованью,
Гдѣ тотъ лишь можетъ сострадать,
Кто самъ виною былъ страданью.

Будьте искренны,—если бы человѣкъ, не старикъ, не тягчимый болѣзнями, но бодрый, въ цвѣтѣ лѣтъ, полюбилъ васъ всѣмъ сердцемъ, преданный во власть вашу безусловно, въ васъ бы поставилъ одну свою отраду, цѣль жизни и все свое блаженство, неужли бы вы ему въ пользу не склонились ниже къ малѣйшей взаимности?

Юлія.

Отчего же нѣтъ; но во-первыхъ, онъ бы не долженъ быть русскимъ!

Рославлевъ старшій.

Не русскимъ? кѣмъ-же, ради Бога!

Юлія.

Насъ, выѣзжихъ изъ Польши, не любятъ въ вашей Россіи!

Рославлевъ старшій.

Напротивъ: мужчины, мы всѣ боготворимъ васъ.

Юлія.

Свѣтъ не изъ однихъ мужчинъ составленъ, ваши дамы...

Рославлевъ старшій.

О! Не думайте объ нихъ. Разумѣется, вы у насъ явитесь, и участь ихъ будетъ изъ-за угла вамъ завидовать! Вы единственны, не бойтесь моихъ словъ, вѣрьте имъ, дайте имъ полную вѣру, они отсюда, изъ глубины сердца невольно вырвались; но безполезно вамъ высказать все то, что я теперь чувствую! *(Осыпаетъ ее поцѣлуями).*

Рославлевъ младшій.

Онъ непутемъ пристаетъ!

Явленіе 18.

Рославлевъ старшій.

Больной простоналъ что-то.

Юлія.

Онъ просится къ себѣ, ему назадъ пора. *(Юлія идетъ къ больному).*

Рославлевъ старшій.

Неужели мы разстаемся? О! я за вами всюду! Неправда-ли, вы позволите мнѣ за вами слѣдовать?

Юлія.

Я вамъ не запрещаю!

Рославлевъ старшій *(Отнимаетъ у нея колясочку).*

Нѣтъ, ужъ это мое дѣло; покуда мы вмѣстѣ, я буду возить больнаго; любовь сѣла на козлы и править.

(За кулисами слышенъ—хоръ).

Любитъ обновы
Рѣзвый Эротъ!

(Въ цвѣтникъ появляются дочери почтмейстера, писарь, люди графскіе и самъ хозяинъ. Шумятъ, поютъ и пляшутъ, всѣ бѣгутъ навстрѣчу везущему графу).

Рославлевъ старшій.

Какая ярмонка! Что вы съ ума сошли?

Юлія.

Пусть ихъ тѣшатся, оставьте ихъ повольничать, пожалуйста, для меня!—У нихъ нынче праздникъ!

Рославлевъ старшій. *(Уходитъ съ Юліей и увозитъ больного).*

Веселитесь, и я веселъ.

Явленіе 18-е.

Панъ Чижевскій, писаржъ, Ангося, Людвися, Андрей—слуга Рославлева старшаго (и прочіе).

Хоръ.

Мазурка Краковская.

Любитъ обновы
Рѣзвый Эротъ,

Кто братъ, кто сестра.

Стрѣлкѣ перенной
Знать не чередъ,—
Вожжи шелковы,
Въ руки беретъ,
Плеткой ременной
Хлещетъ и бьетъ.

Андрей.

Экъ, баринъ-та у меня не путемъ развозился!

Панъ Чижевскій.

Не онъ первой, не онъ послѣдній!

Судьба проказница въ насмѣшку
Даетъ намъ часто напрегай,
Чему-жъ дивиться, что въ телѣжку
Впряженъ твой баринъ невзначай? (2)
Имѣя счастье на примѣтѣ,
Вѣкъ цѣлый возится народъ, (2)
Вездѣ возня на этомъ свѣтѣ:
Кто возитъ, а кому везетъ! } (3)

Антося и Лудвися.

Пускай шумиху съ возу счастья
Глупецъ хватаетъ, вздернувъ носъ,
И послѣ съ лихвой, въ день ненастья,
Онъ, плача, платитъ за провозъ! (2)
Фортуна насъ и на запятки
Въ свою повозку не беретъ, (2)
Но и безъ ней пути намъ гладки,
Пока намъ молодость везетъ! } (3)

Явленіе 19-е.

Тѣ же и Рославлевъ старшій. (Андрей *между тѣмъ заснулъ на столѣ).*

Рославлевъ старшій.

Сдѣлайте милость, уплетайтесь куда-нибудь подальше съ вашею веселостью: у меня и безъ того голова кругомъ идетъ! *(Они уходятъ. Онъ будитъ Андрея, который просыпается зѣвая и потягивается).* Такъ и есть, только и умѣешь пить и спать безъ просыпа, а въ промежуткахъ зѣвать!

Андрей. *(Зѣвая и шатаясь).*

Да помилуйте! что же другое дѣлать?

Жизнь наша сонъ...

Рославлевъ старшій.

Молчать, пьяница! куда дѣвался тотъ,—какъ его зовутъ!..

Андрей.

Какъ его зовутъ? *(Опять принимается пить).*

Жизнь наша сонъ...

Рославлевъ старшій.

Дуракъ! не разѣвай мнѣ никогда такъ широко глупаго своего рта. *(Про себя)* Куда дѣвался братъ ея? мнѣ непремѣнно нужно видѣться и объясниться съ нимъ. Пойду, отыщу его. *(Андрею)* А тебя я знаю, какъ протрезвить. *(Уходитъ).*

Явленіе 20-е.

Андрей *одинъ.*

Въ пѣснѣ-то не то сказано, какъ бишь я ее наладилъ:

Жизнь наша сонъ! все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!
Одно все водится издавна:

Родятся люди, люди мрутъ,
И кое-какъ пока живутъ;
Куда какъ это все забавно!
Какъ не зѣвать? все—пѣснь одна:
Или ко сну или со сна.

Иной зѣваетъ отъ бездѣлья,
Зѣваютъ многіе отъ дѣлъ,
Иной зѣваетъ, что не ѣлъ,
Другой зѣваетъ, что съ похмѣлья!
Какъ не зѣвать *и проч.*

Актеръ въ своей зѣваетъ ролѣ,
Зѣвотой зритель давитъ свистъ,
Зѣвая пишетъ журналистъ,
А сускрибентъ зѣваетъ болѣ!
Какъ не зѣвать *и проч.*

Я холостъ былъ, зѣвалъ безъ счета,
Подумалъ завестись домкомъ

Кто братъ, кто сестра.

И взялъ жену, чтобъ жить вдвоемъ,
И вдвое забрала зѣвота!
Какъ не зѣвать *и проч.*

Явленіе 21-е.

Андрей и Юлія *въ мужскомъ платьѣ.*

Юлія.

Гдѣ твой баринъ?

Андрей.

Мой баринъ... а вотъ онъ!

Явленіе 22-е.

Рославлевъ старшій и Юлія, *потомъ вся компанія.*

Рославлевъ старшій *(Входя, толкаетъ Андрея вонъ).*

Прочь! Ахъ, любезный, новый знакомецъ, я васъ ждалъ съ невѣроятнымъ желаніемъ.

(Андрей уходитъ).

Юлія.

Я пришелъ проститься съ вами.

Рославлевъ старшій.

Куда вы? какъ, уже въ дорогу?

Юлія.

У насъ все готово, идти сестру кликнуть, потомъ пожать вамъ дружески руку и скорѣе отсель во всю конскую мочь.

Рославлевъ старшій.

Ваша сестрица... постойте, погодите... у васъ сестра—существо необыкновенное!

Юлія.

Я вамъ сказывалъ.

Рославлевъ старшій.

Вы мнѣ ничего не сказали, она свыше всего, что объ ней сказать можно!

Юлія.

Это для меня очень лестно; однако хорошо, что мы съ вами оградились противъ нѣжныхъ впечатлѣній пылкихъ страстей.

Явленіе 22.

Любви туманъ и сумасбродство
Не посѣтятъ меня и васъ!
Признавшихъ красоты господство
Мильонъ страдаютъ и безъ насъ.
Онѣ насъ не прельстятъ собою,
Ихъ красота предъ нами дымъ,—
Мы, дорожа своею душою,
Поклонъ прелестнымъ отдадимъ.

Смѣюсь я надъ Амуромъ смѣло
И радъ увѣрить цѣлый свѣтъ,
Что сердце наше будетъ цѣло,
Хоть стрѣлъ его опасныѣ нѣтъ!
Пускай летаетъ онъ, гдѣ хочетъ,
Чтобы поранить какъ-нибудь,
Для насъ напрасно онъ хлопочетъ—
Ему мы скажемъ: добрый путь!

Рославлевъ старшій.

Стойте, я ни за что не отвѣчаю. Добрый путь! Вы великій импровизаторъ! Я ни за что не ручаюсь, полчаса бываютъ иногда важнѣе года въ судьбѣ человѣка, рѣшаютъ ее на всю жизнь, и самыя твердыя, неломкія намѣренія разбиваются вдребезги, какъ дѣтскія игрушки. Прахъ и дымъ—все наше мужество. Еще два слова объ вашей сестрѣ!

Неужли никогда въ ней кровь
Въ часъ мысли не была въ волненьи?
Ужель не знаетъ, что любовь,
Что сердца трепетъ, восхищенье?

Или въ невинной простотѣ
Любовь по слуху только знаетъ,
И въ полной блеска красотѣ,
Какъ нѣжна роза расцвѣтаетъ?

Ахъ, точно-ль для ея души
Еще счастливѣцъ не сыскался,
Который счастія бъ въ тиши
Любви блаженствомъ наслаждался?

Ахъ! нѣтъ,—онъ вѣрно, вѣрно есть,
Напрасно я влекусь мечтами;
Нѣтъ, не моей душѣ процвѣсть:
Любовь, блаженство, радость съ вами!

Юлія.

Давеча я съ перваго свиданія съ вами не могъ предаться совершенной искренности. Теперь выведу васъ изъ заблужденія: сердце сестры моей давно уже неравнодушно.

Рославлевъ старшій.

Къ кому? какъ? неравнодушно! и уже давно? Почтмейстеръ, лошадей!.. во всемъ обманъ и неудача! Подъ какимъ рожденъ я несчастнымъ созвѣздіемъ!

Юлія.

Будьте терпѣливы, дайте все до конца открыть вамъ; но пуще не перебивайте меня ни въ одномъ словѣ.

Рославлевъ старшій.

Ахъ, чѣмъ вы меня успоконте? Говорите!

Юлія.

Не знаю, съ чего начать вамъ разсказъ, истинный, но едва вѣроятный; не знаю, какъ онъ на васъ подѣйствуетъ, съ трудомъ рѣшаюсь; конечно, судьба этого хотѣла: мы не даромъ съ вами здѣсь встрѣтились.

Рославлевъ старшій.

Какое таинственное начало!

Юлія.

На пути отъ Люблина въ Краковъ, стоитъ замокъ ветхій, брошенный богатыми владѣльцами; Юлія, дѣвушка имъ съ родни, оставалась дома съ пожилою наставницею; здѣсь она провождала большую часть времени: посѣщала хижины поселянъ, пользовала недужныхъ, утѣшала скорбныхъ. Она сама рано познала сиротство, и своею печалію научилась раздѣлять ее вчужѣ. Такъ текли годы, наступила пора непреодолимаго любопытства, желанья видѣть свѣтъ; родственники, друзья покойныхъ отца и матери, приглашали ее въ Варшаву; она къ нимъ отправилась. Столица королевства закипѣла тогда новою жизнію: въ ней толпилось множество вашихъ соотечественниковъ. Одинъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ для пріѣзжей Юліи казался замѣтнѣе прочихъ, она его слишкомъ замѣтила, онъ былъ пріятенъ, имѣлъ очаровательный голосъ. Онъ искусно игралъ на гитарѣ, а объяснялся еще лучше.

Явленіе 22.

Рославлевъ старшій.

Ахъ, Боже мой! ужъ это не я ли?

Юлія. *(Въ сторону).*

Вотъ не самолюбивъ! *(Громко).* Вы, конечно.

Рославлевъ старшій.

Продолжайте, продолжайте, да какъ же я объ этомъ ничего не зналъ.

Юлія.

И какъ вамъ знать! Зачѣмъ, однако, вы меня перебили? я просилъ васъ дотерпѣть до развязки.

Рославлевъ старшій.

Могъ ли я выдержать? Продолжайте ради Бога, продолжайте!

Юлія.

(Въ сторону) Потеряла всю нить, какъ сведу, сама не знаю. *(Громко)* Вы тогда кружились въ шумныхъ веселостяхъ, могли ли замѣтить смиренную провинціальную дѣвушку, и которая, можетъ быть, не смѣла равняться красотой съ вашими знакомыми, въ обществахъ старалась отдаляться, боялась быть отличной? Вы предпочитали тѣхъ, которыя впередъ себя выставляли,—она была стыдлива, слѣдственно, по вашему, робкая невинность васъ бы самихъ оробѣть заставила. Наконецъ, она васъ любила, а вы безъ примѣчанія проходили мимо той, въ чьей груди единственно вами билось сердце живѣйшимъ безкорыстнѣйшимъ чувствомъ.

Рославлевъ старшій.

Ахъ! это самая истина; я только тѣми и занимался, которыя обманывали меня.—Но почему все это вамъ извѣстно, неужели эта Юлія, ангелъ на землѣ, сестра ваша?

Юлія. *(Сбрасываетъ съ себя конфедератку и шинель).*

Я сама.

Рославлевъ старшій.

Боже мой! Какое превращеніе!

Юлія.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я изъ Варшавы отъ васъ и отъ самой себя бѣжала. Здѣсь мнѣ понравилось, здѣсь, гдѣ я никому не извѣстна,

старалась припомнить то время, когда душевное свое спокойствіе употребляла на успокоеніе другихъ.—Ахъ! другимъ хорошо; но мнѣ гдѣ найти утѣшеніе? Прочихъ тайнъ моихъ вамъ, кажется, открывать нечего: я отъ вашего передоваго узнала, что вы сюда будете, схватилась за первый способъ, который мнѣ вообразился, чтобы видѣть васъ и говорить съ вами подъ чужимъ именемъ. Теперь я все объяснила, что сердце мое обременяло; прощайте и помните, это былъ—послѣдній нашъ разговоръ, послѣднее свиданіе.

Рославлевъ старшій.

Какъ! чтобъ мнѣ съ вами разстаться! едва вѣрю всему, что слышу... иногда въ романахъ начитывалъ что-то подобное... Я внѣ себя, я въ восторгѣ; нѣтъ, нѣтъ, я васъ не пущу, сударыня!

Слуга. *(Входитъ).*

Лошади готовы.

Рославлевъ старшій.

Убирайся! пошелъ вонъ! Ахъ! повторите... мнѣ еще разъ объ любви вашей, мною вовсе не заслуженной, и не говорите о разставаньи.

Панъ Чижевскій. *(Входитъ).*

Ясновельможный...

Рославлевъ старшій.

Будь проклятъ, и оставь насъ однихъ!

Юлія.

Я вамъ повторяю; мы болѣе не увидимся. Иначе, какое же вамъ ручательство, что я не одна изъ тѣхъ кокетокъ, которыя на все отваживаются для достиженія цѣли?

Рославлевъ старшій.

Я... чтобъ смѣлъ приравнять васъ... *(Входятъ жиды-музыканты и гудятъ какой-то танецъ).* Тсъ! Вотъ вамъ деньги; послѣ, послѣ я васъ позову, а теперь проваливайтесь сквозь землю! *(Бросаетъ имъ червонецъ).* Нѣтъ, прекрасная Юлія, мы теперь соединимся навсегда. *(Юлія старается отъ него освободиться. Онъ бросается на колѣни и въ такомъ положеніи слѣдуетъ за нею до самаго цвѣтника).*

Юлія.

Или вы поѣзжайте, или я скроюсь отсюдова туда, гдѣ никто меня не сыщетъ.

Явленіе 22.

Рославлевъ старшій.

Нѣтъ! нѣтъ! *(Антося и Лудвися входятъ).*

Антося.

Этакое презрѣніе къ нашему полу!

Лудвися.

На колѣняхъ всю комнату изъѣздилъ!

Рославлевъ старшій.

Оставьте насъ; вамъ будетъ праздникъ, только послѣ, идите!

(Рославлевъ младшій, въ видѣ больнаго, трепетъ его сзади по плечу)

Рославлевъ старшій. *(Вскрикиветъ).*

Что это! больной на ногахъ! мертвецы воскресаютъ.

Рославлевъ младшій. *(Сбрасываетъ съ себя одежду).*

Узнаешь-ли?

Рославлевъ старшій.

Братъ?

Рославлевъ младшій.

Какъ видишь, и вотъ моя жена, рекомендую!

Рославлевъ старшій.

Какое дьявольское сплетеніе!

Антося.

Что, каково свели концы?
Вотъ съ польками быть въ ссорѣ!

Лудвися.

Напрашиваясь въ мудрецы,
Вы назвались на смѣхъ и горе.

П. Чижевскій *(кланяясь).*

Позволите-ль и мнѣ при томъ
Сказать, ясновельможный, слово:
Какъ васъ доѣхали путемъ,—
И вамъ въ путь ѣхать все готово!

Рославлевъ старшій.

Какъ я глупъ былъ! о, какъ я былъ глупъ! Однако, если далъ ей въ обманъ на полчаса, любезный братъ, тебѣ эта участь предоставлена на всю жизнь, мужайся.

Рославлевъ младшій.

Не безпокойся, я самъ хотѣлъ, самъ и отвѣчаю. Куда же мы? Въ Варшаву? или въ Петербургъ?

Рославлевъ старшій.

Къ вамъ и какъ можно скорѣй, съ прекрасной Юліей!.. А можетъ быть, имя вымышленное, все равно: съ твоей женой! Знакомиться намъ нечего, мы, кажется, довольно подружились.

Панъ Чижевскій.

Ясновельможный! позвольте намъ позвать нашихъ музыкантовъ и плясуновъ, которыхъ вы давеча прогнали? Мы хотимъ окончить наше веселье.

Рославлевъ старшій.

Дѣлайте, что хотите, теперь я готовъ ждать лошадей хоть трое сутокъ!

Рославлевъ младшій.

Прекрасно: теперь мы всѣ довольны, виватъ!

Рославл. младш.

Наши замыслы всѣ шатки,
Наша мудрость все туманъ,
Вѣчно люди будутъ падки
И къ обманамъ и въ обманъ.
Если жъ и съ женою моею
Мнѣ обманъ въ участокъ данъ,
То признайтесь, что имѣю
Въ ней хорошенькій обманъ. } (bis.)

Лудвися.

Бойтесь, намъ твердятъ изъ дѣтства,—
Бойтесь вы сердечныхъ ранъ,
Отъ мужчины ждите бѣдства,—
Онъ обманщикъ и тиранъ!
Знать обманы—жребій жалкій!
Но влачить дѣвичій санъ
Для старѣющей весталки—
Вотъ несноснѣйшій обманъ! } (bis.)

П. Чижевскій.

Янъ, какъ братъ нашъ, безъ таланта
Сталъ спѣсивъ, какъ Богдыханъ;
Если вѣрить баснямъ Яна,
То съ умомъ и съ деньгой Янъ!

Но повѣрь его заранѣ,
Взвѣсь и мозгъ въ немъ, и жупанъ,
То въ болванѣ и карманѣ
Ты найдешь пустой обманъ. } (bis.)

Андрей.

Я въ зѣвалахъ мастеръ ловкій,
Я зѣваю трезвъ и пьянъ;
Но, зѣвая безъ сноровки,
Можно вызѣвать изъянъ.
Разъ на винахъ и на жлудяхъ
Прозѣвалъ я свой карманъ...
Зазѣвайся въ добрыхъ людяхъ
И тотчасъ попалъ въ обманъ. } (bis.)

Рославл. старш.

„Заживо гляжу въ потомки!
„Я на пиръ безсмертья званъ!“
Вопитъ Вралькинъ, такъ же громкій
И пустой, какъ барабанъ.
Счастливъ онъ, пока съ нимъ бродитъ
Самолюбія дурманъ;
Но вралей однихъ-ли вводитъ
Самолюбіе въ обманъ? } (bis.)

Юлія *(къ зрителямъ)*.

Хоть невинный и безвредный
Мною выдуманъ романъ,
Но сколь часто—авторъ бѣдный
Для ушей чужихъ тиранъ!
Вѣчно гордъ, самолюбивый,
Всѣмъ доволенъ шарлатанъ!—
Судъ же публики правдивый
Не впадетъ никакъ въ обманъ. } (bis.)

Антося.

Бѣднымъ авторамъ, къ успѣху
Путь ухабистъ и песчанъ,
Съ публикою не до смѣху;
Съ ней пропалъ ты, или панъ!
Что какъ скажетъ зритель ѣдкій
Мнѣнья общаго органъ:
„Насъ поддѣли, но напредки
Не заманите въ обманъ!“ } (bis.)

(Входятъ музыканты—жиды, мазуры, поляки и русскіе, и начинается дивертисментъ).

[ДІАЛОГЪ ПОЛОВЕЦКИХЪ МУЖЕЙ].

(Отрывокъ).

Серчакъ.

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобой, Итляръ,
На поиски счастливые дерзали,
Съ коней три дня, три ночи не слѣзали?
Имъ тяжко: градомъ потъ и клубомъ паръ,
А мы на нихъ—то вихрями въ пустынѣ,
То вплавь по быстринамъ сердитыхъ рѣкъ...
Кручины, горя не было вовѣкъ,
И мощь руки не та была, что нынѣ.
Зачѣмъ старѣютъ люди, и живутъ,
Когда по жиламъ кровь едва струится,
Когда подъять безсильны ратный трудъ,
И темя ихъ снѣгами убѣлится!
Смотри на степь: что день, то шумный бой,
Духъ вѣтреный, другого превозмогшій,
И самъ гонимъ... сшибутся межъ собой,
И завиваютъ пыль и злакъ изсохшій:
Такъ человѣкъ рожденъ гонять врага,
Настичь, убить иль запетлить арканомъ.
Кто на путяхъ не рыщетъ алчнымъ враномъ,
Кому уже конь прыткій не слуга,
Въ осенней мглѣ, съ дрожаньемъ молодецкимъ,
Онъ, притаясь, добычи не блюдетъ,—
Тотъ лягъ въ сыру землю: онъ не живетъ!
Не называйся сыномъ Половецкимъ!

Итляръ.

Мы дряхлы, другъ, но ожили въ сынахъ,
И отроки у насъ для битвы зрѣлы.

Діалогъ половецкихъ мужей.

Не праздень лукъ,—натянутъ въ ихъ рукахъ;
Не даромъ мещутъ копья, сыплютъ стрѣлы.
Давно-ль они несчетный ловъ въ полонъ
Добыли намъ, цѣною лютыхъ браней,—
Блестящихъ сбруй, и разноцвѣтныхъ тканей,
И тучныхъ стадъ, и бѣлолицыхъ женъ?
О, плачься, Русь богатая! Бывало,
Ея полки и въ нашихъ рубежахъ
Корысть дѣлятъ; теперь не то настало!
Огни ночной порою въ камышахъ
Не такъ разлитымъ заревомъ пугаютъ,
Какъ пламя русскихъ селъ,—еще пылаютъ
По берегамъ Трубежа и Десны...
Тамъ бранные пожары засвѣчаютъ
Въ честь намъ, отцамъ, любезные сыны.

Серчакъ.

Въ твоихъ сынахъ твой духъ отцовскій вндренъ!
Гордись, Итляръ! тебя ихъ мужественный видъ,
Какъ въ зимній день лучъ солнечный, живитъ.
Я отъ небесъ лишь дочерью ущедренъ,
И тою счастливъ... Вѣрь, когда съ утра
Зову ее и къ груди прижимаю,—
Всю тяжесть лѣтъ съ согбенныхъ плечъ стрясаю
Но ей отбыть изъ отчаго шатра:
Наступитъ день, когда пришельцу руку
Должна подать на брачное житье;
Душой скорбя, я провожу ее,
И, можетъ быть, на вѣчную разлуку...
Тогда приди, всѣмъ людямъ общій рокъ!
Закройтесь, очи,—не въ семьѣ чадъ милыхъ...
Наѣздникъ горькій: ветхъ и одинокъ,
Я доживу остатокъ дней постылыхъ!
Гдѣ лягутъ кости? Въ землю ихъ вселятъ
Чужія руки, свѣжій дернъ настелятъ,
Чужіе межъ собой броню, булатъ—
И все мое завѣтное раздѣлятъ!..

РАДАМИСТЪ и ЗЕНОБІЯ.

[Планъ трагедіи].

Актъ I.

Дебрь, лай, звукъ роговъ, громъ бубенъ. Нѣсколько охотниковъ, потомъ Радамистъ и за нимъ приближенный оруженосецъ Семпадъ, которому онъ довѣряетъ безпокойство души, алчущей великихъ дѣлъ и нынѣ принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и сернъ. Ему ненавистны и Фарасманъ, и Римляне, и Парѳы, но онъ сперва ополчится на сихъ, а Римъ страшенъ царю, едва твердому на собственномъ престолѣ. Велитъ пригласить къ себѣ посланца отъ римскихъ восточныхъ легіоновъ, который тутъ-же тѣшится охотою. Семпадъ идетъ, Радамистъ раскаивается, что былъ съ нимъ слишкомъ чистосердеченъ.

Является Касперій. Переговоры, хвастовство съ обѣихъ сторонъ. Римлянинъ кичится свободою и славою отечества. Радамистъ даетъ ему чувствовать, что то и другое живо только въ памяти, по преданіямъ. Римъ рабствуетъ, и сила его оружія давно уже не испытана, власть царя восточнаго народа вѣрнѣе и чистосердечнѣе—велитъ, и любой изъ дружины его пожертвуетъ жизнію. Касперій не удивляется, упоминаетъ о Деціи и о многихъ другихъ опытахъ самопожертвованія, но для благороднѣйшей цѣли.—Радамистъ велитъ удалиться прочимъ, а Семпаду готовиться къ бою съ тигромъ. Наединѣ съ Касперіемъ пытается подкупить его притворною пріязнью, корыстію, честолюбіемъ. Касперій непоколебимъ. Радамистъ отпускаетъ его прежде себя на зрѣлище. Самъ остается одинъ и разсуждаетъ: къ чему такой человѣкъ, какъ Касперій, въ самовластной имперіи,—опасенъ правительству, и самъ себѣ бремя, ибо инаго вѣка гражданинъ.—Коня! Коня! отправляется за Касперіемъ на ту же травлю.

2-я сцена въ царскомъ теремномъ саду. По восточному прямолинейная аллея чинаровъ, миндальныхъ деревьевъ, которые всѣ при-

мыкаютъ къ большой пурпурной статкѣ. Около нея главные чины въ раболѣпномъ ожиданіи властителя,—Ярвандъ, Мирванъ, Бакратъ, Аспрухъ, Армасилъ и проч.

Аспрухъ сидящій, всѣ около него стоятъ. Онъ Грузининъ, албанскаго происхожденія, взятъ въ плѣнъ Фарасманомъ, имъ вскормленъ, дрался противъ соотечественниковъ и тѣмъ гордится. Арфаксатъ первый по Радамистѣ, всѣ передъ нимъ преклоняются; онъ кичится тѣмъ, что знаетъ только царево слово, которое ему вмѣсто совѣсти и славы. Толки о близкомъ возвращеніи царя съ охоты, объ отправленіи римскаго посла и о томъ, чтобы никто изъ жителей не имѣлъ сообщенія съ чужеземцами—Парѳы они, или Римляне. Всѣ соглашаются на все, что онъ ни говоритъ, потомъ онъ уходитъ. Долго никто не смѣетъ сказать своего мнѣнія, наконецъ Армасилъ, славный воинъ, воспитанный въ Римѣ, гдѣ онъ былъ при Митридатѣ во время его заточенія, прерываетъ молчаніе и своею откровенностію и убѣжденіемъ невольно исторгаетъ у каждаго одно желаніе: смерть утѣснителя. Въ Бакратѣ, Ярвандѣ и Мирванѣ видны мелкія страсти. Жалобы, что всѣ главнѣйшія мѣста воинскія и всѣ поборы поручены Грузинамъ, иноземцамъ. Одинъ жалуется, что уже не онъ орлоносецъ, котораго важное преимущество, но наслѣдственное, по закону Вагаршака, о которомъ всѣ вспоминаютъ съ энтузіазмомъ, какъ и съ преувеличенною ненавистію къ нынѣшнему царю,—при вѣнчаніи царя на него возлагать корону; другой, что евнуху поручена царская сокровищница, которой онъ по наслѣдству былъ хранителемъ; третій, что Аспрухъ первый въ довѣренности царя, когда по роду и богатству ему принадлежитъ сей санъ. Иные даже попрекаютъ царю, что онъ воздерженъ съ женщинами, почти не имѣетъ наложницъ и въ пиршествахъ мало участвуетъ, что онъ болѣе похожъ на простолюдина, нежели на царя. Армасилъ упрекаетъ ихъ въ малодушіи. Вбѣгаетъ Ашодъ, его остерегаются. Онъ объявляетъ о насильственной смерти брата, о мщеніи, которымъ пылаетъ за сіе злодѣйство противъ Радамиста. Армасилъ недовѣрчивъ.—„Отчего-же ты равнодушіемъ его отбиваешь отъ нашего сообщества?“—„Онъ вскормленъ въ царедворцахъ, вчера еще дышалъ милостію царевой, нынѣ мгновенно возбужденъ противъ него однимъ внезапнымъ случаемъ,—но кто поручится: завтра не обратится-ли опять слабодушіемъ въ ревностнаго ласкателя?“—„Мнѣ-ли, юношѣ, быть опытнѣе васъ, старцевъ? Но помните:

не во множествѣ сила, когда дѣло правое, но въ испытанномъ, надежномъ, несомнѣнномъ мужествѣ участниковъ".—Является юродивый, пророчитъ. Онъ нищій скиталецъ, проситъ милостыню,—или соглядатай царевъ? Притворно-ли проповѣдуетъ, или точно безумный? Но многіе, въ томъ числѣ Бакратъ, его знаютъ. Всѣ въ него вѣруютъ, онъ давно уже стяжалъ славу святости; пещера его въ утесѣ, на берегу Аракса.—Здѣсь онъ таинными словами изъ Зендавесты пророцаетъ успѣхъ заговорщикамъ. Сперва тоже нѣмъ, не отваживается говорить. Армасилъ: „я знаю отчего онъ нѣмствуетъ,—сей юноша, бывшій ласкатель царевъ, ему заграждаетъ уста". Армасилъ убѣждаетъ ему вѣрить и онъ религіею истиннаго Армянина еще болѣе ихъ воспламеняетъ къ скорѣйшему взрыву, назначаетъ имъ ночное, рѣшительное сходбище въ склепѣ царей армянскихъ. Заговорщики назначаютъ ночь къ таинному сходбищу въ капищѣ за южными вратами города. Потомъ пустынникъ исчезаетъ. Ашодъ удаляется съ растерзаннымъ сердцемъ, что никто не принимаетъ участія къ его скорби. Онъ Армянинъ, но Армяне къ нему холоднѣе Иверовъ.—„Я дебри оглашу моими справедливыми проклятьями за жестокость царя къ несчастному брату!"—Цѣлый полкъ прислужниковъ, за ними Радамистъ. Аспрухъ всѣхъ раболѣпнѣе.—Противуположность Аспруховой спеси съ низшими и униженія передъ властителемъ.—Радамистъ иныхъ даритъ дичью съ охоты, кому благоволеніе, кому грозный судъ.—Армасилу попрекъ, что не былъ на охотѣ. Говоритъ объ отъѣздѣ Римлянина, съ которымъ онъ заключилъ союзъ, и въ мирѣ съ Парѳами. Ждетъ отъ отца подкрѣпленія. Всѣ подъ его державою благоденствуютъ. „Тотъ день потерянъ, въ который я не награждаю доблесть и не наказываю строптивыхъ. Идите, покойтесь въ мирныхъ семейственныхъ упражненіяхъ, но не дремлетъ царево око. Враговъ я имѣю и благодарю за нихъ Небо: они поощряютъ меня на безлѣностную бодрость, неусыпные труды и на славные подвиги".

Актъ II.

Женскій теремъ.

Зенобія, Перизада и прочія прислужницы. Зенобія—дочь убіеннаго Радамистомъ Митридата, его дяди, но выданная замужъ еще прежде смерти отца, гаремное существо, рожденное и воспитанное

для чувственнаго наслажденія супруга, а потому Перизада напрасно хочетъ возбудить въ ней ненависть, желаніе мести,—страсти ея невинному сердцу вовсе чуждыя. Перизада ей напоминаетъ о удавленіи отца и кто его убійца, Зенобія едва этому вѣритъ. Отца она мало видала, почти не знала, мужъ ближе къ ея сердцу, и ея долгъ его любить, угождать ему во всемъ и трепетать его гнѣва. Что пріобрѣтетъ она безплодною местью? Успѣхъ невѣроятенъ, способы къ тому превыше женскихъ ея силъ. Но, если-бы и удалось,—какое отъ того счастіе? Перизада трогаетъ ея совѣсть гнѣвомъ небеснымъ.[1]) Зенобія впадаетъ въ грусть, Перизада предлагаетъ ей ворожбу для развлеченія и святаго пустынножителя, который давно управляетъ ея собственнымъ суевѣріемъ. Его вводятъ сѣнныя дѣвушки потаенно. Онъ еще болѣе подкрѣпляетъ слова Перизады. Наконецъ Зенобія совершенно разстроена его таинственными прорицаніями. Онъ съ нея беретъ слово, что она ночью, въ сопровожденіи Перизады, придетъ въ капище внѣ города, гдѣ склепъ царей армянскихъ, и мертвыхъ зоветъ во свидѣтели, что тамъ откроетъ ей тайну, отъ которой зависитъ будущее безмятежное теченіе ея жизни. Зенобія говоритъ ему, что Радамистъ всѣми любимъ и злодѣямъ страшенъ; кто покусится возстать противъ него? Юродивый пустынникъ увѣряетъ ее въ противномъ.

Евнухъ возвѣщаетъ приходъ Радамиста. Пустынникъ скрытъ толпою женщинъ. Сцена Радамиста съ Зенобіею наединѣ; она печальна, воспоминанія, которыми ей сейчасъ возмутили душу, препятствуютъ ей предаться иному чувству. Радамистъ недоволенъ ею, подозрѣваетъ въ ней притворство, нелюбовь. Ни въ комъ не увѣренный, окруженный трепещущими рабами, скрытыми предателями и открытыми корыстолюбцами... неужели въ лонѣ супружеской любви нѣтъ ему успокоенія! Оставляетъ ее разстроенную и самъ въ волненіи.

Бакратъ входитъ съ Ашодомъ, который уже включенъ совершенно въ тайное умышленіе противъ Радамиста. Армасилъ скорбитъ при самомъ Ашодѣ о сей неосторожности. Ашодъ горитъ нетерпѣніемъ отомстить царю, Армасилъ объ одномъ его проситъ,—о совершен-

---

[1]) *Съ боку, на поляхъ приписано:* „Это должно быть отнесено въ 1 дѣйствіе, между 1-ой и 2-ой сценой".

помъ бездѣйствіи и о скромномъ сохраненіи тайны. Ашодъ обѣщаетъ болѣе: онъ на себя беретъ убить царя, Армасилъ всѣмъ въ свѣтѣ заклинаетъ его не предаваться сему нетерпѣнію, что онъ прочихъ тѣмъ губитъ, не совершивъ ничего; наконецъ говоритъ, что ихъ дѣло слишкомъ зрѣло, еще нѣсколько мгновеній, и кто поручится, что они не будутъ преданы—участниковъ слишкомъ много, въ которыхъ онъ не увѣренъ, и потому надобна рѣшимость; послѣднее слово—сходбище ночью и потомъ за оружіе. (NB. Характеръ Армасила самый основательный: онъ не скоръ, но твердъ въ поступкахъ и болѣе молчаливъ; опасность его не пугаетъ, но неосторожности не проститъ себѣ. Въ 3-мъ дѣйствіи совершенное развитіе его характера, которому Ашодъ во всемъ противуположенъ). Нѣкоторые изъ заговорщиковъ присоединяются къ сей бесѣдѣ. Вообще надобно замѣтить, что народъ не имѣетъ участія въ ихъ дѣлѣ,—онъ будто не существуетъ. Въ 3-мъ уже дѣйствіи возмущеніе дѣлается народнымъ, но совсѣмъ не по тѣмъ причинамъ, которыми движимы вельможи: возставъ сама собою, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похищеніями у гражданъ женъ и имуществъ, возстановляетъ ихъ противъ себя.

Аспрухъ велитъ черезъ евнуха, чтобы всѣ удалились; ему повинуются. Входитъ Радамистъ, нѣсколько словъ съ Аспрухомъ о порядкѣ дружины. Аспрухъ доноситъ о содружествѣ между собою многихъ сомнительныхъ царедворцевъ, Ярванда, Бакрата и проч. Радамистъ презираетъ слишкомъ людей, чтобы отъ нихъ бояться чего-нибудь важнаго. Онъ желаетъ какого-нибудь важнаго происшествія, чтобы въ полной мѣрѣ предаться своей дѣятельности, измѣрить себя, людей и силу обстоятельствъ, насколько онъ ихъ превысить можетъ,—враги нужны великому человѣку. Но скрытно и прилежно велитъ за ними наблюдать, при первомъ двусмысленномъ движеніи донести ему вновь; если требуется спѣха,—схватить ихъ безъ доклада ему и ввергнуть въ оковы; если опасность неминуема,—безъ изслѣдованія предать смерти. Отпускаетъ Аспруха съ евнухомъ; нѣсколько словъ о Зенобіи, о гаремѣ; евнуху поручаетъ насчетъ женщинъ, какъ Аспруху о вельможахъ. Радамистъ одинъ. Смутное предчувствіе, недоволенъ своимъ положеніемъ.

Но—кто этотъ, бродитъ вокругъ ставки, въ часы царскаго отдохновенія, когда никто сюда не смѣетъ приближаться? Боязливъ, озирается... Радамистъ готовится къ оборонѣ, но дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ скрытнаго врага. Аподъ сперва медленно подступаетъ, потомъ устремляется на царя, обезоруженъ имъ и раненъ въ руку.

Въ 2-мъ Ашодъ хочетъ заколоть Радамиста, тотъ удерживаетъ его, притворное соучастіе, вымашиваетъ у него тайну, потомъ свирѣпствуетъ.

Въ 3-мъ заговорщики ссорятся о будущей власти, въ эту минуту устремляется на нихъ Радамистъ.—

1812 ГОДЪ.

(Планъ и сцена изъ драмы).

Отдѣленіе 1.

Красная площадь.

Исторія начала войны, взятіе Смоленска, народныя черты, пріѣздъ государя, обозъ раненыхъ, разсказъ о битвѣ Бородинской. М* съ перваго стиха до послѣдняго на сценѣ. Очертаніе его характера.

Соборъ Архангельскій.

Трубный гласъ Архангела; на его призывъ возникаютъ тѣни давно усопшихъ исполиновъ—Святослава, Владиміра Мономаха, Іоанна, Петра и проч., изъ разныхъ стихій сложенныя и съ познаніемъ всего, отъ начала вѣка до днесь, какъ будто во всѣхъ дѣлахъ послѣ ихъ смерти были участниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла у нихъ память о томъ, что было съ ними за предѣлами сей жизни, и гдѣ были и откудова нынѣ вновь призваны къ бытію. Пророчествуютъ о годинѣ искупленія для Россіи, если не для современниковъ, то сіи, повѣствуя сынамъ, возбудятъ въ нихъ огнь неугасимый, рвеніе къ славѣ и свободѣ отечества. Хоръ безплотныхъ провожаетъ ихъ и живописнымъ строемъ представляетъ ихъ отшествіе изъ храма; своды разступаются, герои поднимаются выспрь и исчезаютъ.

Теремъ царей въ Кремлѣ.

Наполеонъ съ сподвижниками. Картина взятія Москвы. Н* одинъ. Высокія воспоминанія. Открываетъ окно, лунная ночь. Видѣніе—или нѣтъ, какъ случится. Размышленіе о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ. Самъ себѣ преданный,—что бы онъ могъ произвести?

Отдѣленіе 2.

Галлерея въ домѣ Позднякова.

Входитъ офицеръ R. изъ приближенныхъ къ Наполеону (см. сц. 3-я, 1-го отд.), исполненный жизни, славы и блестящихъ надеждъ. Одинъ посѣдѣлый воинъ, съ горькимъ предчувствіемъ опытности, остерегаетъ насчетъ будущихъ бѣдствій. Ему не вѣрятъ. Хохотъ. Изъ театра несутся звуки пляски и отголоски веселыхъ пѣсенъ. Между тѣмъ зарево обнимаетъ повременно окна галлерен; болѣе и болѣе устрашающій вѣтеръ. Объ опустошеніяхъ огня.

Улицы, пылающіе дома. Ночь. Сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ.—R* и M* въ разныхъ случаяхъ.

Село подъ Москвой.

Сельская картина. Является M*. Всеобщее ополченіе безъ дворянъ. (Трусость служителей правительства—выставлена или нѣтъ, какъ случится).

Отдѣленіе 3.

Зимнія сцены преслѣдованія непріятеля и ужасныхъ смертей. Истязаніе R* и посѣдѣлаго воина. Сей юноша показываетъ примѣръ, и оба умираютъ героями. Подвиги M*. Множество другихъ сценъ.

ЭПИЛОГЪ.

Вильна.

Отличія, искательства; вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ. M* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во-свояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію.

Село или развалины Москвы.

Прежнія мерзости. M* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе... самоубійство.

СЦЕНА.

Отецъ и дочь.

Петръ Андреевичъ.

Дитя мое любезное, Наташа!
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выряжать тебѣ красы своей
На свѣтлыхъ праздникахъ, не выѣзжать
Съ боярами, князьями. Было время:
Ласкаютъ и манятъ тебя съ собой
И мчатъ въ богато-убранной каретѣ.
А нынѣ знать, вельможи—гдѣ они?..
Тотъ князь, твой воспріемникъ отъ купели?
Его жена? Родня? Исчезли всѣ!
Ихъ пышные хоромы опустѣли.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились въ ней. Палаты ихъ
Блистали разноцвѣтными огнями...
Теперь, когда у стѣнъ ея враги,
Безсчастныя разсыпалися дѣти,
Напрасно ждетъ защитниковъ; сыны,
Какъ ласточки, вспорхнули съ теплыхъ гнѣздъ,
И предали ихъ бурямъ въ расхищенье.
Ты изъ житья роскошнаго обратно
Въ убогій домъ отцовскій отдана,
А мнѣ куда съ тобой?.. Куда укрыться?
И если-бъ могъ бѣжать отселѣ я,
Нѣтъ! нѣтъ!.. не оторвался-бъ отъ тебя,
О, матерь наша, мать Россіи всей,
Кормилица моя, моихъ дѣтей!
Въ тебѣ я мирно пожилъ, видѣлъ счастье,
Въ тебѣ и гробъ найду. Мой другъ, Наташа,
Гроза надъ нами носится,—потерпимъ,
И съ вѣрою вдадимся той судьбѣ,
Которую Господь намъ уготовилъ.
Грустна, грустна!.. О комъ же плачешь ты?
О прежнихъ ли подругахъ и забавахъ?

НАТАША.

Ахъ, батюшка! Я плачу не о томъ!
Теперь не та пора... *(Рыдаетъ).*

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

И тѣ ли времена? О братѣ что-ли?
Нашъ Алексѣй... даруй ему Господь
Со славой устоять на ратномъ полѣ.
Мнѣ все твердитъ: онъ будетъ живъ.

НАТАША.

Нѣтъ, батюшка, я плачу не объ немъ.
(Рыдаетъ пуще прежняго).

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Когда же ты о родинѣ печальна,
Рыдай, мое дитя,—и для тебя
Отраднаго я слова не имѣю.
Бывало, на душѣ кручинно,—посохъ въ руки,
Съ тобою сердцу легче, все забыто...
Утѣшенный я приходилъ домой.
Бывало, посѣтишь и ты меня, отца.
Обнимешь, все осмотришь... уголъ мой
На полгода весельемъ просвѣтлится...
А нынѣ вмѣстѣ мы, и намъ не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожилъ!.. *(Растворяетъ окно).*

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ

[Отрывки изъ трагедіи].

1.

К.

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали...

Т.

Ругаться старостью—то въ лютыхъ вашихъ нравахъ.
Стара я, да,—но не отъ лѣтъ однихъ!
Состарѣлась не въ играхъ, не въ забавахъ,
Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.
Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живаго отъ могилы,
Моимъ же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда-жъ былъ многія годины въ заточеньи,
Безславью преданный въ отеческомъ краю,
И вѣтеръ здѣсь свисталъ въ хоромахъ опустѣлыхъ,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Такъ знай же повѣсть ты волосъ сихъ посѣдѣлыхъ,
Колѣнъ моихъ согбенныхъ и морщинъ,
Которыя въ щекахъ моихъ изрыты
Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.
Вотъ въ подвигахъ какихъ младые дни убиты.
А ты? Ты, совѣсти и Богу вопреки,
Полсердца вырвалъ изъ утробы!
Что мнѣ твой гнѣвъ? Гроза твоей руки?
Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы...
И кочетъ, если взять его птенца,
Кричитъ, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца,

Онъ похитителя зоветъ на бой неравный;
А мнѣ передъ тобой не можно умолчать,—
О сынѣ я скорблю: я человѣкъ, я мать...
Гдѣ громъ Твой, власть Твоя, о, Боже Вседержавный!

К.

Творецъ, пошли мнѣ вновь изгнанье, нищету
И на главу мою всѣ ужасы природы:
Скорѣе въ томъ ущельи пропаду,
Гдѣ бурный Ксанъ крутитъ сѣдыя воды,
Терпѣть разбойникомъ гоненья, голодъ, страхъ,
Отъ стужи, непогодъ не бывъ укрытымъ,
Чѣмъ этой фуріи присутствіе сносить,
И злость души, и ядъ ея упрековъ.

Т.

Ничѣмъ тебя не можно умилить!
Ни памятью добра, ни силой слезныхъ токовъ!
Подумай,—самъ отецъ, и сына ты лишенъ.
Когда, застрѣленный, къ тебѣ онъ былъ внесенъ,
И ты въ послѣдній разъ прощался съ трупомъ милымъ,
Безъ памяти приникъ къ очамъ застылымъ
И оживить хотѣлъ потухшій взоръ,
Весь воздухъ потрясалъ дѣтей и женъ вой дикій,
И вторили раскаты этихъ горъ
Съ утра до вечера пронзительные крики,—
Ты самъ хотѣлъ зарыться въ землю съ нимъ.
Но взятый смертію вовѣкъ невозвратимъ!
Когда же бъ искупить ты могъ его изъ плѣна,
Какой тогда казны бы пожалѣлъ?
На чей бы гнѣвъ суровый не посмѣлъ?
Ты чьи тогда не обнялъ бы колѣна?

К.

И нѣтъ еще къ тебѣ вражды!..
Я помню о людяхъ, о Богѣ,
И сына твоего не далъ бы безъ нужды,
Но честь моя была въ залогѣ.
Его цѣной я выкупилъ коня,
Который подо мной въ бояхъ меня прославилъ,

Изъ жаркихъ битвъ онъ выносилъ меня...
Тотъ подлъ, кто бы его въ чужихъ рукахъ оставилъ.

Т.

Ни конь твой боевой всей крѣпостію жилъ,
Никто изъ слугъ твоихъ любимыхъ
Такъ вѣрой-правдою тебѣ не послужилъ,
Какъ я въ трудахъ неисчислимыхъ.
Мой отрокъ, если-бъ возмужалъ,
За славу твоего онъ княжескаго дома
Сто разъ бы притупилъ и саблю, и кинжалъ,
Не убоялся бы онъ язвъ и пушекъ грома.
Какъ матерью его ты былъ не разъ спасенъ,
Такъ на плечахъ своихъ тебя бы вынесъ онъ.

К.

Прочь отъ меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнѣвъ,
И не терзай мнѣ жалобами слуха,
Безвремененъ кому твой вопль, и стонъ, и ревъ.
Ужъ сынъ твой—рабъ другаго господина,
И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ,
Онъ проданъ мной, и я былъ воленъ въ томъ,—
Онъ былъ мой крѣпостной...

Т. *(падаетъ на колѣни).*

Онъ сынъ мой! Дай мнѣ сына!
И я твоя раба,—зачѣмъ же мать
Отъ дѣтища ты разлучилъ роднаго?
Дай разъ еще къ груди его прижать!..
Ахъ, ради Бога имени святаго,
Чтобъ не видать кровавыхъ слезъ моихъ,
Соедини ты снова насъ двоихъ.

К.

Не повторяй мнѣ горькіе упреки!
Въ поля и въ горы—вотъ пути широки,
Тамъ мчится шумная рѣка,
Садись надъ пропастью, бесѣдуй свысока

О сынѣ съ мраками ночными,
И степь буди стенаньями своими,
Но въ домъ не возвращайся мой...
Уймись, или исчезни съ глазъ долой.

Т.

Достойное заслугамъ воздаянье!
Такъ будь же проклятъ ты и весь твой родъ,
И дочь твоя, и все твое стяжанье!
Какъ ловчіе,—ни быстриною водъ,
Ни крутизною скалъ не удержимы,
Но скачутъ, по вѣтрамъ носимы,
Покуда звѣрь отъ ихъ ударовъ не падетъ,
Истекшій кровію и пѣной,—
Пускай истерзана такъ будетъ жизнь твоя,
Пускай преслѣдуютъ тебя ножемъ, измѣной,
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности въ награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Какъ продалъ сына моего.
Отступникъ, самъ себя карая,
Въ безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днемъ дрожи,
На церковь Божію взирая.
Твой прахъ землѣ не предадутъ!
Лишь путники произнесутъ
Ругательства надъ трупомъ хладнымъ,
И будь добычею чекаламъ плотояднымъ...
А тамъ,—передъ судомъ всевышняго Творца,
Ты обреченъ уже на муки безъ конца!

2.

Т.

О, люди! Кто назвалъ людьми исчадій зла,
Которыхъ отъ кровей утробныхъ

Судьба на то произвела,
Чтобъ были гибелью, бичемъ себѣ подобныхъ!
Но силы свыше есть! Прочь совѣсть и боязнь!..
Ночныя чуда! Али! Али!
Явите мнѣ свою пріязнь,
Какъ вы всегда являли
Предавшимъ вѣру и законъ,
Душой преступнымъ и безсильнымъ,
Свѣтите мнѣ огнемъ могильнымъ,
Несите вѣтеръ, свистъ и стонъ,
Дружины Али! Знакъ условный—
Вотъ пять волосъ
Отъ васъ унесъ
Вашъ хитрый, смѣлый врагъ, мой братъ единокровный,
Когда въ... *[неразобранныя слова]* онъ блуждалъ,
На мшистыхъ высотахъ уединенныхъ скалъ.
Я крестнымъ знаменьемъ отъ васъ оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А нынѣ кинутой быть горько сиротой.
Равны страданія въ сей жизни или въ той?
Слетайтеся, слетайтесь,
Отколѣ въ темну ночь исходятъ привидѣнья,
Изъ снѣжныхъ горъ,
Изъ дикихъ норъ,
Изъ груды тли и разрушенья,
Изъ сонныхъ тинистыхъ зыбей,
Изъ тѣхъ пустыней многогробныхъ,
Гдѣ служатъ пиршествомъ червей
Останки праведныхъ и злобныхъ.
Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!
На мой привѣтъ не отзовутся!
Лишь тучи на небѣ несутся
И воетъ вѣтръ... Ахъ, вотъ онѣ!

(Прислонятся къ утесу и не глядитъ на нихъ).

Али *(плаваютъ въ туманѣ у подошвы горъ).*

Въ парахъ вечернихъ, передъ всходомъ
Печальной дѣвственной луны,

Мы выступаемъ хороводомъ
Изъ недозримой глубины.

Т.

Робѣетъ духъ, языкъ прикованъ мой!
Земля, не разступайся подо мной!..

Али.

Таятся въ мрачной глубинѣ
Непримиримыхъ оскорбленья
И созрѣваютъ въ тишинѣ
До дня рѣшительнаго мщенья;
Но тотъ, чей замыселъ не скрытъ,
Какъ темная гробовъ обитель,
Вражды во вѣкъ не утолитъ
Нетерпѣливый мститель.

Р.

. . . . . .
. . . . . .
Настанетъ день и часъ пробьетъ.

Али.

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обрѣтетъ
И ближній ближняго лишится. *(Молчаніе).*
Куда мы, Али? Въ эту ночь
Бѣжитъ отъ глазъ успокоенье.

Одна изъ нихъ.

Спѣшу родильницѣ помочь,
Чтобъ задушить грѣха рожденье.

Другія.

А мы въ за-горскіе края,
Гдѣ пиръ пируютъ кровопійцы.

Послѣдняя.

Тамъ замокъ есть... Тамъ сяду я
На смертный одръ отцеубійцы.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Стихотворенія.

1. Отъ Аполлона *(стр. 3).* Печатается по тексту въ „Сынѣ Отечества" 1815 г., т. XXV, ноябрь, № 45, стр. 267; подпись *N. N.* (Цензурное разрѣшеніе книжки—29 ноября). Автографъ неизвѣстенъ. Принадлежность пьесы Грибоѣдову удостовѣрена свидѣтельствомъ С. Н. Бѣгичева; см. „Къ біографіи А. С. Грибоѣдова. (Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова)". „Историческій Вѣстникъ" 1909, апрѣль, стр. 160. *Липецкія Воды*—комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ князя А. А. Шаховского: „Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды", впервые поставленная въ С.-Петербургѣ на сценѣ Малаго театра, 23 сентября 1815 года. Въ ней былъ затронутъ Жуковскій, выведенный подъ именемъ бездарнаго „балладника" Фіалкина. Пьеса вызвала оживленную полемику въ печати; см. объ этомъ ст. М. Н. Лонгинова въ „Современникѣ" 1856 г., № 7, стр. 11—15; № 11, стр. 46; ср. ст. Е. Сидорова „Литературное общество Арзамасъ" въ „Журн. Министр. Народ. Просвѣщенія" 1901 г., № 6, стр. 375—383; „Историч. Вѣстникъ" 1909, № 4, стр. 134 и 160; П. Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра", стр. 238—240. Время написанія стихотворенія опредѣляется двумя датами: 23 сентября впервые поставлены на сцену „Липецкія Воды", а 29 ноября дано цензурное разрѣшеніе № 45 „Сына Отечества", гдѣ стихотвореніе помѣщено; такимъ образомъ, его слѣдуетъ отнести къ ноябрю 1815 г. Какъ эпиграмма попала въ журналъ, объ этомъ разсказываетъ самъ издатель „Сына Отечества", въ томъ же №, въ отдѣлѣ „Современная русская библіографія":

„141+Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды, комедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ. Соч. князя А. А. Шаховскаго. Представлена въ первый разъ въ Спб. на Маломъ театрѣ сентября 23-го 1815 г.; Спб. 1815, въ театр. тип. въ 8⁰, 155 стр.

„Наслышавшись объ этой комедіи очень много, я хотѣлъ было, при объявленіи о выходѣ ея въ свѣтъ, порядочно разобрать ее, приготовился къ тому какъ слѣдуетъ, прочелъ Батте, Лагарпа, Шлегеля, повторилъ Мольера, словомъ твердо рѣшился, какъ часто бываетъ, блеснуть чужимъ умомъ. Вчера, списавъ заглавіе, принялся я сочинять разборъ, и началъ: *Сія комедія...* Вдругъ раздался за мной громкій, грозный голосъ: *здравія желаю!* Хотя я журналистъ, слѣдственно человѣкъ полувоенный, но признаюсь, вздрогнулъ отъ неожиданнаго привѣтствія, оборотился и увидѣлъ:

вошедшаго въ комнату гренадера, вершковъ двѣнадцати, въ пяти медаляхъ. Онъ держалъ въ рукѣ большой пакетъ. *Къ вамъ, сударь!*—сказалъ онъ, подавая его мнѣ.—Отъ кого?—*Не велѣно сказывать.*—Кто жъ бы это?..—*Командеры!* (подавая книжку). *Извольте расписаться.*—Нечего было дѣлать. Я взялъ посланіе: *къ Сыну Отечества*, и расписался; вѣстовой гренадеръ обернулся направо кругомъ, топнулъ и вышелъ. Распечатываю пакетъ и нахожу слѣдующій приказъ: *Отъ Аполлона* [здѣсь приводится текстъ эпиграммы]. Что прикажете писать послѣ этого? Пусть тѣ, которыхъ права на гражданство въ области Феба основательнѣе моихъ, не уважаютъ сего приказа. Я же содержу только постоялый дворъ на Парнасѣ, и хотя не смѣю запрещать заѣзжимъ судить и писать у меня какъ имъ угодно, но самъ боюсь остракизма!" Н. И. Гречъ, дѣйствительно, предоставилъ критикамъ въ своемъ журналѣ высказаться pro и contra (см. №№ 40, 42, 46 за 1815 г.),—и даже послѣ своей собственной примирительной замѣтки (см. „Мадригалъ Гашпару" кн. П. А. Вяземскаго въ № 11 за 1816 г.).

2. Лубочный Театръ *(стр. 3—4)*. Печатается по тексту въ „Сборникѣ, изданномъ студентами С.-Петербургскаго университета", 1860, вып. II, стр. 242—243, въ статьѣ Л. Н. Майкова: „Замѣтки объ А. С. Грибоѣдовѣ." Здѣсь стихотвореніе напечатано съ автографа въ письмѣ Грибоѣдова къ П. А. Катенину отъ 19 октября 1817 г. Съ другого автографа, хранившагося въ Карловскомъ архивѣ Ѳ. В. Булгарина, „Лубочный Театръ" напечатанъ въ „Русской Старинѣ" 1874, май, стр. 159—160. Въ этой редакціи сдѣланы всѣ замѣны, какія Грибоѣдовъ самъ предлагалъ Катенину (см. ниже). Кромѣ того имѣются два варіанта:

16. Водиться съ нимъ ей-Богу праздникъ
38. А вотъ другой чудакъ... съ нимъ вѣчный состязатель

Впервые отрывокъ стихотворенія (послѣдніе 12 стиховъ) былъ опубликованъ въ статьѣ Ѳ. Б. (Булгарина): „Заочная болтовня, или по школярному—О современной журналистикѣ", „Сѣверная Пчела" 1837 г., 15 іюня, № 133. Здѣсь, въ стихахъ 47 и 49 вм. *отдалъ* стоитъ *и далъ*. [Н. П.].

Объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ написаніе „Лубочнаго Театра", самъ Грибоѣдовъ говоритъ въ письмѣ къ П. А. Катенину отъ 19 октября 1817 г.: „Дуракъ Загоскинъ въ журналѣ своемъ намаралъ на меня ахинею. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этимъ оскорбляться, и я сперва, какъ прочелъ, разсмѣялся, но послѣ чѣмъ больше объ этомъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ не вытерпѣлъ, написалъ самъ фасецію и пустилъ по рукамъ; вѣришь ли? нынче четвертый день, какъ она сдѣлана, а вчера въ театрѣ во всѣхъ углахъ ее читали, благодаря моимъ пріятелямъ, которые очень усердно разносятъ и развозятъ копіи этой шалости. Я тебѣ ее посылаю, покажи Бѣгичеву;—покажи, кому хочешь, впрочемъ. Воля твоя, нельзя же молчаньемъ отдѣлываться, когда глупецъ жужжитъ объ тебѣ дурачества. Этимъ ничего не возьмешь, доказательство Шаховской, который вѣчно хранитъ благородное молчаніе, и вѣчно засыпанъ пасквилями". Памфлетъ предназначался къ печати и въ варіантахъ приведенъ псевдонимъ, придуманный самимъ Грибоѣдовымъ. Эпиграфъ взятъ изъ сатиры Жильбера (Nicolas-Ioseph Laurent Gilbert 1751—1780) *Mon apologie*, гдѣ выставлены два

типа литераторовъ: самого Жильбера и Psaphon (Oeuvres, t. I, Paris 1806, p. 64) [1]).

Князь Фольгинъ и князь Блесткинъ—дѣйствующія лица комедіи Загоскина „Комедія противъ комедіи", написанной въ угоду Шаховскому (дана 4-го ноября 1815), и въ „Богатоновѣ".

Проказникъ—комедія М. Н. Загоскина, игранная 15 декабря 1815. О томъ, какъ Загоскинъ поддѣлался къ Шаховскому, см. Аранова „Лѣтопись русскаго театра", стр. 244, „Раутъ" 1854, кн. III, стр. 292 и С. Т. Аксакова Разныя сочиненія, М. 1854, стр. 246. Игранъ былъ „Проказникъ" всего два раза.

Богатоновъ. Пьеса Загоскина „Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ" играна 27 іюля 1817 и тогда же напечатана. Типъ провинціала, всюду надуваемаго, лишь нѣсколько схожъ съ Тряпичкинымъ, героемъ комедіи Шаховского „Полубарскія затѣи, или домашній театръ" (1808 г.) и „Чванство Тряпичкина". *Буйный сосѣдъ*—Буяновъ, герой извѣстной нескромной шутки В. Л. Пушкина „Опасный сосѣдъ", напеч. не разъ за границей, гдѣ задѣты и Шаховской, и Шишковъ. [И. Ш.]

„Ахинея Загоскина", вызвавшая негодованіе Грибоѣдова, есть очень умѣренная, даже хвалебная статейка М. Н. Загоскина о постановкѣ на сценѣ „Молодыхъ Супруговъ" Грибоѣдова—въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ" 1817 № 15, отд. III, стр. 54—56. Въ ней было отмѣчено нѣсколько неудачныхъ стиховъ въ пьесѣ и добавлено: „читая подобные стихи, невольно вспомнишь слова Мизантропа:

Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи".

Грибоѣдовъ самъ предвидѣлъ, что рѣзкую „фасесію" трудно провести въ печать. Въ томъ же письмѣ къ П. А. Катенину онъ спрашиваетъ: „Какъ ты думаешь? „Вѣстникъ Европы" не согласится у себя напечатать? Бѣгичевъ съ нимъ пріятель.—Я бы подписалъ свое имя *(коли нельзя иначе)*. Вмѣсто Загоскина: Вотъ вамъ *Михайло Моськинъ*. А въ другомъ мѣстѣ: Вотъ *Моськинъ—Наблюдатель*. А стихъ: *Княгини* и пр. и пр. вотъ какъ раздробить:

Княгини и
Княжны,
Князь Фольгинъ и
Князь Блесткинъ".

Однако, при жизни автора стихотвореніе въ печати не появилось. Впрочемъ, какъ сообщаетъ и самъ Грибоѣдовъ, оно стало широко извѣстно. С. Н. Бѣгичевъ, въ письмѣ къ В. К. Кюхельбекеру отъ 23 марта 1825 г. изъ Москвы, цитируетъ изъ „Лубочнаго Театра" стихи 39—42. („Рус. Старина" 1875, VII, 378). Позднѣе Грибоѣдовъ примирился съ М. Н. Загоскинымъ; см. „Исто-

---

[1]) Ср. Е. В. Дегенъ. Жильберъ (очеркъ изъ исторіи французской лирики, Сборникъ „Подъ знаменемъ науки". Москва, 1902, стр. 119—160 (о сатирѣ „Mon apologie"—стр. 153—154). [Н. П.]

рич. Вѣстникъ" 1900, № 1, стр. 48; 1909, № 4, стр. 133—135 и 160—161; ср. ниже примѣчаніе къ приписываемому Грибоѣдову стихотворенію—письму къ Загоскину.

3. Эпитафіи доктору Кастальди (*стр. 5*). Печатаются по автографу письма Грибоѣдова къ Н. А. Каховскому изъ Тавриза отъ 3 мая 1820, въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ (см. т. III нашего изданія). Вотъ относящаяся сюда цитата изъ письма: „На дняхъ мы хоронили Кастальди, отъ котораго М-me La Marinière овдовѣла. Вотъ вамъ чинъ погребенія. Покойникъ былъ Неаполитанецъ, католикъ. Отпѣвали его на Халдейскомъ языкѣ. Духовный клиръ: Несторіане, Аріане, Макаріане, Манихейцы, Преадамиты, а плачевники, хоронильщики, зрители, полу-равнодушные, полу-растроганные мы были и наши товарищи Европейцы, Французы, Англичане, Итальянцы, и какое же разнообразіе вѣръ и безвѣрія! Православные Греки, Реформаты, Пресвитеріане, Сунни и Шіа! А всего на всего лицъ съ двадцать! *всякаго звѣря два два*. Очень пестро! а право не лгу. М*** сочинилъ эпиграфію по Латыни, я Русскую [дальше слѣдуетъ первая эпитафія]... Длинно и дурно, но чтобы не вычеркивать, замѣню ее другою, въ ней же заключается историческая истина" [вторая эпитафія].

О докторѣ Кастальди свѣдѣній не имѣемъ; о m-me La Marinière см. „Живописное Обозрѣніе" 1879, № 4 (ст. бар. К. К. Боде); Воспоминанія декабриста А. С. Гангеблова. „Русскій Архивъ" 1886, № 6; отд. изд. М. 1888 стр. 151, 152, 159, 162.

4. Давидъ (*стр. 5—6*). Печатается по тексту въ альманахѣ „Мнемозина" 1824, ч. I, стр. 24 (цензурное разрѣшеніе М. Каченовскаго 17 января 1824). Подпись: *А. Г.* Автографъ не сохранился. Принадлежность стихотворенія Грибоѣдову удостовѣряется, между прочимъ, сатирой А. И. Писарева „Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнаса" (1825), въ которой о Грибоѣдовѣ сказано: „Давиду переводъ его страшнѣе Голіафа!" („Библіографич. Записки" 1859, II, стр. 617), ср. М. Погодинъ. Воспоминаніе о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ—въ сборникѣ „Въ память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ". М. 1869, стр. 50. Стихотвореніе представляетъ переложеніе псалма 151 („Малъ бѣхъ въ братіи моей"). Время написанія „Давида" можно опредѣлить только приблизительно: не позже первой половины января 1824 г. Переложеніе псалма могло быть исполнено и значительно раньше 1824 г., напр., въ 1821—1822 гг., на Кавказѣ, когда Грибоѣдовъ и Кюхельбекеръ усиленно изучали Священное Писаніе (см. „Рус. Старину" 1875, VIII, 494; 1891, X, 109). Ср. „Историческій Вѣстникъ" 1889, III, 673.

5. * «Крылами порхая, стрѣлами звеня»** (*стр. 6*). Печатается по автографу изъ альбома А. Н. Верстовскаго въ музеѣ А. А. Бахрушина. Впервые напечатано въ „Оберточномъ Листкѣ" 1860, № 2, съ примѣчаніемъ редакціи, что „это одно изъ тѣхъ стихотвореній, которыя написаны А. С. Грибоѣдовымъ въ альбомъ А. Н. Верстовскаго". По преданію (сообщено намъ Алексѣемъ Н. Весловскимъ) стихотвореніе передано въ „Оберточный Листокъ" В. И. Родиславскимъ, который воспроизвелъ его также въ своей статьѣ „Неизданныя пьесы А. С. Грибоѣдова", „Русскій Вѣстникъ" 1873, IX, 257. При этомъ Родиславскій сообщаетъ, что онъ читалъ у Верстовскаго „большое собственноручное письмо Грибоѣдова" [не дошло до насъ], гдѣ

онъ предлагаетъ въ водевилѣ „Кто братъ, кто сестра“ замѣнить стихи „Любитъ обновы мальчикъ Эротъ“ стихами „Крылами порхая“. Впрочемъ, въ водевилѣ стихи остались тѣ же (см. выше, стр. 243—244). „Оберточный Листокъ“ и „Русскій Вѣстникъ“ передаютъ первый стихъ такъ: „Крылами паря“, тогда какъ въ автографѣ: *порхая*. Согласно съ показаніемъ В. И. Родиславскаго, стихотвореніе слѣдуетъ отнести къ тому же времени, что и нижеслѣдующій романсъ, т. е. къ концу 1823—началу 1824 г.

6. Романсъ *(стр. 6)*. Печатается по автографу изъ альбома А. Н. Верстовскаго въ музеѣ А. А. Бахрушина въ Москвѣ. Заглавіе: „Романсъ“ имѣется въ автографѣ. Впервые напечатанъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1831 г., т. XI, іюнь, стр. 311—312, съ предисловіемъ „изд. Тел.“, т. е. Николая (или Ксенофонта?) Полевого, гдѣ, между прочимъ, говорится, что романсъ „писанъ Грибоѣдовымъ для театральной пьесы, въ которой онъ участвовалъ; но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ романсъ сей, дышащій истиннымъ лирическимъ восторгомъ, остался въ рукописи. А. Н. Верстовскій сочинилъ для него прелестную музыку: надѣемся, что онъ позволитъ намъ помѣстить ее въ „Телеграфѣ“. Подъ пьесой Полевой разумѣлъ водевиль „Кто братъ, кто сестра“. В. И. Родиславскій въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1873, IX, 252, высказалъ мнѣніе, что романсъ въ водевилѣ могъ исполняться только какъ вставной, „да и то весьма сомнительно, потому что въ пьесѣ трудно отыскать мѣсто, гдѣ его, по ходу и сюжету пьесы, можно было бы вставить“. Однако, въ альбомъ Верстовскаго автографъ романса попалъ, очевидно, въ связи съ хранящимися тамъ же письмами Грибоѣдова по поводу водевиля. Въ самомъ же водевилѣ, явленіе XXI, Рославлевъ старшій поетъ романсъ „Неужли никогда въ ней кровь“, который является особой редакціей нашего романса и, несомнѣнно, принадлежитъ тоже Грибоѣдову (см. стр. 247). Текстъ „Московскаго Телеграфа“ одинаковъ съ автографомъ, если не считать произвольной орѳографіи и замѣны слова *трепетъ* въ предпослѣднемъ стихѣ словомъ *прелесть*. Романсъ напечатанъ также (неизвѣстно, съ какой рукописи) въ „Пантеонѣ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ“ 1840, часть III, № 7, іюль, стр. 48. Здѣсь имѣется разночтеніе предпослѣдняго стиха:

11 Любовь, восторгъ, очарованье, прелесты! Вами

Время написанія романса опредѣляется въ связи съ написаніемъ водевиля „Кто братъ, кто сестра“, т. е. падаетъ на зимніе мѣсяцы 1823 и начало 1824 г.

Музыка А. Н. Верстовскаго на слова романса осталась неопубликованной. Но извѣстна музыка А. А. Алябьева; см. „Альбомъ Любителямъ пѣнія, изданный А. Миллеромъ“, М., 1837, стр. 6—10. Предпослѣдній стихъ здѣсь напечатанъ такъ:

11 Любви волшебство, рай, восторги, прелесть, вами

Отсюда романсъ перепечатанъ въ отдѣльномъ изданіи П. Юргенсона въ Москвѣ (1911).

7. Отрывокъ изъ Гёте *(стр. 9—13)*. Печатается по тексту въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 г., стр. 306—312 (цензурное разрѣшеніе Александра Бирюкова—20 марта 1825 г.). Подпись: *Грибоѣдовъ*. Автографъ не со-

хранился. „Отрывокъ“ представляетъ переводъ „Пролога въ театрѣ“ (Vorspiel auf dem Theater) изъ „Фауста“. Переводъ не полонъ и нѣсколько уклоняется отъ точнаго слѣдованія оригиналу. Послѣднія четыре реплики „Пролога“ (комика, поэта, снова комика и директора) совсѣмъ опущены въ переводѣ; въ третью реплику директора вставлена фраза, отсутствующая въ подлинникѣ:

Здѣсь озираются во мракѣ подлецы,
Чтобъ слово подстеречь и погубить доносомъ.

Заключительнымъ словамъ поэта („Wer sichert den Olymp, vereinet Götter? Des Menschen Kraft in Dichter offenbart“) приданъ иной, религіозный оттѣнокъ:

Ты постигаешь ли умомъ
Создавшаго міры и лѣта?
Его престолъ—душа поэта.

Въ ряду русскихъ переводовъ изъ „Фауста“ „Отрывокъ изъ Гёте“ Грибоѣдова является вторымъ опытомъ; первый принадлежитъ В. А. Жуковскому (Посвященіе къ поэмѣ „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, 1810 г., есть вольный переводъ „Посвященія“ къ „Фаусту“, безъ обозначенія источника). См. библіографію русскихъ переводовъ „Фауста“ въ кн. Г. Бойезена: „Фаустъ“ Гёте. Комментаріи къ поэмѣ. Переводъ Н. В. Арскаго. Спб. 1899.

Время написанія „Отрывка“ не поддается точному опредѣленію. Книжка „Полярной Звѣзды“ разрѣшена цензурою 20 марта 1825 г., тогда какъ обѣщана была читателямъ къ 1 января. Издатели (А. А. Бестужевъ и К. Ѳ. Рылѣевъ) объясняли такое запозданіе независящими обстоятельствами; составъ альманаха опредѣлился еще въ концѣ 1824 г. (См. „Сынъ Отечества“ 1825, часть 99, стр. 111). Къ этому времени предположительно относимъ и переводъ изъ Гёте.

8. Телешовой *(стр. 13—15)*. Печатается по тексту „Сына Отечества“ 1825, ч. 99, № 1, январь, стр. 106—108. Подпись: *Грибоѣдовъ*. Автографъ не сохранился.

О своихъ отношеніяхъ къ балеринѣ Екатеринѣ Александровнѣ Телешовой и обстоятельствахъ написанія стихотворенія самъ Грибоѣдовъ разсказываетъ въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву отъ 4 января 1825: „Скоро отправлюсь и надолго. Даже на счетъ любви моей будь беззаботенъ; я расхолодѣлъ, хотя моя Людмила часъ отъ часу болѣе ко мнѣ жмется. 1 № Сына Отечества разгадалъ тебѣ загадку. Скажу тебѣ коротко, какъ это все завязалось. Долго я жилъ уединенъ отъ всѣхъ, вдругъ тоска выѣхала на бѣлый свѣтъ, куда, какъ не къ Шаховскому? Тамъ по крайней мѣрѣ можно гулять смѣлою рукою по лебяжьему пуху милыхъ грудей, etc. Въ три, четыре вечера Т* меня съ ума свела, и тѣмъ легче, что въ первый разъ и сама свыклась съ тѣмъ чувствомъ, отъ котораго я въ грѣшной моей жизни черньѣе угля выгорѣлъ. И что для меня заманчиво было, что соперникомъ у меня—Милорадовичъ, глупъ, хвастливъ, идолъ Шаховскаго, который ему подличаетъ. Оба скоты! Я этого chevalier bavard бѣсилъ ежедневно, возбуждалъ противъ себя негодованіе всего дома, потомъ стрѣлялъ какимъ нибудь тряпичнымъ подаркомъ въ Ежову, и опять мирился, и опять ссорился. Между

тѣмъ Т* до такой степени въ три недѣли нашей симпатіи успѣла... въ танцахъ, что здѣсь не могли ей надивиться,—всякій спрашивалъ ее, отъ чего такая прелестная перемѣна? такое совершенство? А я, одоль стоя, торжествовалъ,—наконецъ у меня зашлось рѣчами, которыя ты, вѣроятно, читалъ. Представь себѣ, съ тѣхъ поръ я остылъ, рѣже вижусь, чтобъ не разочароваться. Или то меня съ ногъ сшибло, что теперь все такъ открыто, завѣса отдернута, самъ цѣлому городу пропечаталъ мою тайну, и съ тѣхъ поръ радость мнѣ не въ радость.—Разсмѣйся". Балетъ, упоминаемый Грибоѣдовымъ, есть „Руслан и Людмила, или низверженіе Черномора, злого волшебника, балетъ въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Глушковскаго. Москва, въ типографіи Кузнецова. 1821". 8 декабря 1824 этотъ балетъ шелъ въ Петербургѣ въ бенефисъ танцовщика Огюста; см. П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, стр. 363. Этой датой опредѣляется и время написанія стихотворенія—около половины декабря 1824 г. О Телешовой см. А. А. Плещеевъ. Нашъ балетъ (1773—1899). СПБ. 1899, стр. 78—79. Къ третьему стиху: „Эдемъ покинула родной" въ „Сынѣ Отечества" сдѣлано „примѣчаніе издателя", вѣроятно, внушенное Грибоѣдовымъ: „Эдемъ *Зороастровъ*, жилище Пери, воображаемыхъ восточными народами существъ, которыхъ Парси и даже Мусульманы представляютъ себѣ въ цвѣтахъ радуги и въ бальзамическихъ испареніяхъ розъ и ясминовъ."

9. Хищники на Чегемѣ *(стр. 15—17)*. Печатается по тексту въ „Сѣверной Пчелѣ" 1826 г., № 143, 30-го ноября, вторникъ (цензурное разрѣшеніе К. Сербиновича—29 ноября). Подпись: *А. Грибоѣдовъ*. Издатель „Сѣверной Пчелы", т. е. Ѳ. В. Булгаринъ, снабдилъ стихотвореніе такимъ примѣчаніемъ: „Чегемъ—горная рѣка, при сѣверномъ склоненіи Кавказа.—Прекрасное сіе стихотвореніе, изображающее въ краткихъ словахъ дикую природу Кавказа и нравы необузданныхъ его обитателей, написано во время похода противу Горцевъ, въ Октябрѣ 1825 года, въ становищѣ близъ каменнаго моста на рѣкѣ Малкѣ. Видъ надоблачныхъ горъ, гнѣзда хищническихъ, полудикихъ племенъ, возбудилъ въ воображеніи Поэта мысль представить ихъ въ природномъ ихъ характерѣ, пирующихъ послѣ битвы и грозными пѣснями прославляющихъ свои набѣги и свои неприступныя убѣжища. Русскій мечъ вскорѣ наказалъ хищниковъ за ихъ буйство, и Русскіе орлы воспарили надъ вершинами Кавказа, торжествуя блистательныя побѣды. По нашему мнѣнію, понынѣ нѣтъ стихотворенія, которое бы съ такою силою и сжатостью слога, съ такими мѣстностями и съ такою живостью воображенія изображало, такъ сказать, характеръ Кавказа съ нравами его жителей, какъ сіе безцѣнное произведеніе". Булгаринымъ же сдѣланы поясненія—къ стиху 25 (строфа четвертая): „Эльборусъ"; къ стиху 52 (строфа восьмая): „джигитъ—удалецъ"; къ стиху 56 (въ той же строфѣ): „Вообще Магометане стараются обращать въ свою вѣру плѣнныхъ, особенно юношей. Ложная мысль о невредимости стана истреблена побѣдами Русскихъ". Автографъ, съ котораго стихотвореніе печаталось въ „Сѣверной Пчелѣ", изъ Карловскаго архива Булгарина переданъ былъ потомъ въ редакцію „Русской Старины" и воспроизведенъ въ этомъ журналѣ въ 1874 г., № 6, стр. 279—281. Отсюда мы взяли въ текстъ стихи 57—63 (строфа девятая), выброшенные изъ „Сѣверной Пчелы", вѣроятно, цензурою. Въ „Черновой тетради" Грибоѣдова

имѣлась болѣе ранняя редакція этого стихотворенія, озаглавленнаго тамъ „*Дѣлюсь добычи*“: она напечатана Д. А. Смирновымъ въ „Русскомъ Словѣ“ 1859 г., № 5, стр. 83—85 (примѣчанія на стр. 115).

Беремъ отсюда варіанты слѣдующихъ стиховъ:

9 Шумъ потока, темный боръ
11 На стада ли бѣлорунныхъ,
12 На угонъ коней табунныхъ
34 Средь зіяющихъ вамъ бѣдъ...
37 Далеко отъ селъ и нивъ
61 Въ этомъ стихѣ слово *свѣтъ*, по свидѣтельству редакціи „Русской Старины“, написано въ автографѣ рукою Булгарина вмѣсто какого то другого слова, тщательно вытертаго („Рус. Старина“ 1874, VI, 281, второе примѣчаніе), повидимому, рѣзкаго. Впрочемъ, въ ранней редакціи въ „Черновой“ стоитъ также *свѣтъ*.

Поводъ къ написанію стихотворенія указанъ Булгаринымъ неточно: не „видъ надоблачныхъ горъ“, а дѣйствія „хищническихъ племенъ“ дали мотивъ Грибоѣдову. „На разсвѣтѣ 29 сентября 1825 г., при сильномъ туманѣ и дождѣ, партія кабардинцевъ и закубанскихъ черкесовъ, въ числѣ до 2.000 всадниковъ, прорвавшись сквозь казачьи посты, напала на станицу Солдатскую и разгромила ее. Хищники убили 10 человѣкъ, захватили въ плѣнъ 116 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, отогнали весь рогатый скотъ и станичный табунъ и, уходя, подожгли станицу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пока тревога распространилась по ближайшимъ станицамъ, хищники успѣли скрыться съ своею добычею въ ущелья р. Чегема. Получивъ извѣстіе о набѣгахъ, Вельяминовъ принялъ немедленно мѣры къ прегражденію хищникамъ возможности уйти безнаказанно за Кубань, въ предѣлы непокорныхъ горцевъ. Изъ Константиногорска Вельяминовъ выѣхалъ 4 октября въ сопровожденіи Грибоѣдова и въ тотъ же день прибылъ на р. Малку въ укрѣпленіе Каменный мостъ. Оно составляло одно изъ звеньевъ той Новой линіи укрѣпленныхъ пунктовъ, которая была учреждена Ермоловымъ въ 1822 г. для обузданія кабардинцевъ. Разнаго рода распоряженія задержали Вельяминова на Малкѣ около девяти дней. Здѣсь набросалъ Грибоѣдовъ свое стихотвореніе „Хищники на Чегемѣ“, имѣющее помѣту „Кам. мостъ на Малкѣ** октября 1825“. Объ этомъ стихотвореніи Грибоѣдовъ писалъ Бестужеву 22 ноября 1825 г. изъ Екатериноградa: „на Малкѣ я началъ что-то поэтическое, по крайней мѣрѣ, самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остылъ“. [Сообщилъ Е. Г. Вейденбаумъ]. Такимъ образомъ, время написанія стихотворенія опредѣляется съ большою точностью: между 10 и 12 октября 1825 г. Впрочемъ, послѣдняя фраза изъ письма къ А. А. Бестужеву даетъ основаніе думать, что Грибоѣдовъ не успѣлъ закончить тогда обработку стихотворенія и, вѣроятно, возвращался къ нему позднѣе. Въ печать стихи попали черезъ годъ послѣ написанія. По характеру своему „Хищники на Чегемѣ“ близко напоминаютъ стихотвореніе А. А. Бестужева: „Слава намъ! Смерть врагу!“ (пѣснь обреченныхъ на смерть горцевъ); см. Н. А. Котляревскій. Декабристы кн. А. И. Одоевскій и А. А. Бестужевъ, стр. 392—393.

10. Освобожденный *(стр. 17—18)*. Печатается по тексту „Черновой тетради“ Грибоѣдова въ „Русскомъ Словѣ“ 1859, № 5, стр. 76—77. Д. А. Смир-

новъ сливаетъ это стихотвореніе съ другимъ отрывкомъ („Тамъ, гдѣ вьется Алазань") въ одно цѣлое, какъ два „куплета" того же стихотворенія. Между тѣмъ, оба „куплета" по смыслу совершенно не вяжутся другъ съ другомъ. Всего вѣроятнѣе, что Смирновъ принялъ за одно стихотвореніе два совершенно самостоятельныхъ отрывка, случайно переплетенныхъ въ тетради вмѣстѣ (Смирновъ не упоминаетъ, на одномъ или на двухъ рядомъ находящихся листкахъ написаны „куплеты"). По описанію Смирнова, страницы „перебиты, перепутаны и перемѣшаны до такой степени, что „Черновая" въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ (переплетенная), представляетъ дѣйствительно совершенный хаосъ"; „часто для того, чтобы найти продолженіе какой-нибудь статьи, я просто отыскивалъ въ листкахъ тетради бумагу такого качества, на которой было написано начало. Иногда мнѣ это удавалось, а иногда нѣтъ". („Русское Слово" 1859, IV, 4—5). Такое состояніе „Черновой" влекло не однажды Смирнова къ ошибкамъ и путаницѣ (напр. въ „Путевыхъ запискахъ" 1819 г.). Мы печатаемъ отрывки отдѣльно. Что касается времени написанія стих. „Освобожденный", то по содержанію его слѣдуетъ отнести къ 1826 г. Стихи 14—17 и описаніе зимняго переѣзда намекаютъ на арестъ и путешествіе въ Петербургъ съ фельдъегеремъ, а первая половина стихотворенія—на освобожденіе. Грибоѣдовъ былъ арестованъ 22 января 1826 г.; 11 февраля онъ былъ привезенъ въ С.-Петербургъ, въ Главный Штабъ; 4 іюня освобожденъ. Іюнь—іюль Грибоѣдовъ прожилъ у Булгарина на дачѣ, на Выборгской сторонѣ, и много гулялъ по окрестностямъ, къ которымъ, можетъ быть, и относятся первые четыре стиха (См. „Сынъ Отечества" 1830, № 1, стр. 18). „Но гдѣ другъ?"—относится, вѣроятно, къ князю А. И. Одоевскому, родственнику и близкому другу Грибоѣдова (см. слѣдующее примѣчаніе).

11. А. О. [Кн. А. И. Одоевскому] *(Стр. 18).* Печатается по тексту „Черновой тетради" Грибоѣдова въ „Русскомъ Словѣ" 1859, № 5, стр. 86—87. Тотъ же текстъ, съ незначительными варіантами въ пунктуаціи, напечатанъ по рукописи изъ архива кн. П. П. Вяземскаго, въ „Полномъ собраніи стихотвореній князя А. И. Одоевскаго (декабриста), собралъ баронъ А. Е. Розенъ". СПБ., 1883 г., стр. 194. О времени написанія посланія Д. А. Смирновъ говоритъ: „Несомнѣнно, что стихотвореніе это должно относиться къ 1826 году" („Русское Слово" 1859, V, 86), но не приводитъ никакихъ основаній въ пользу этой даты. Конечно, стихотвореніе написано *не раньше* 1826 года, такъ какъ только въ этомъ году Грибоѣдовъ могъ узнать и писать о постигшей князя А. И. Одоевскаго тяжелой участи послѣ 14 декабря 1825 г. Но судьба любимаго родственника и друга волновала Грибоѣдова и позже, можно сказать, до самой смерти; см. письма его къ В. С. Миклашевичъ и гр. И. Ѳ. Паскевичу отъ 3 декабря 1829 г. Выраженіе: „и призывалъ, и о тебѣ терзался" указываетъ, какъ-будто, на значительную длительность горя, чего еще не было въ 1826 г. Отнести стихотвореніе къ тому времени, когда Грибоѣдовъ ходатайствовалъ за кн. Одоевскаго предъ гр. Паскевичемъ (въ упомянутомъ письмѣ отъ 3 декабря 1828 г.), тоже нельзя, такъ какъ „Черновая тетрадь", куда оно вписано, была оставлена у С. Н. Бѣгичева въ имѣніи въ половинѣ іюня того же 1828 г. („Русское Слово" 1859, IV, 1). Впрочемъ, изъ писемъ къ Миклашевичъ и Паскевичу видно, что Грибоѣдовъ и раньше обращался къ графу съ такой же просьбою (вѣроятно, въ

Туркманчаѣ, около 10—12 февраля 1828 г.). По настроенію стихотвореніе связано съ письмомъ (единственнымъ) Грибоѣдова къ А. И. Одоевскому, написаннымъ въ началѣ іюня 1828 г.

Въ стихахъ моихъ, въ душѣ тебя любилъ. Въ этихъ словахъ, какъ и во всемъ первомъ четверостишіи, рѣчь идетъ о стихотвореніяхъ Грибоѣдова, посвященныхъ Одоевскому—и не дошедшихъ до насъ...

Объ отношеніяхъ поэтовъ-родственниковъ см. въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Грибоѣдова, упомянутымъ выше.

12.*** «Тамъ, гдѣ вьется Алазань» *(стр. 18—19).* Печатается по тексту „Черновой тетради" въ „Русскомъ Словѣ" 1859, № 5, стр. 77, гдѣ этотъ отрывокъ связанъ съ стих. „Освобожденный" (см. выше). О немъ Д. А. Смирновъ говоритъ: „Вотъ стихотвореніе, которое принадлежитъ не иначе, какъ ко времени знакомства Грибоѣдова съ нашимъ юго-востокомъ: оно, очевидно, навѣяно его природой и впечатлѣніями; да и кромѣ того, стихъ „Тамъ, гдѣ вьется Алазань" (главная рѣка Кахетіи) и весь второй куплетъ такъ ясно указываютъ на мѣстность, на которой такъ-сказать выросло, возникло это стихотвореніе, что сомнѣнія на этотъ разъ не можетъ быть никакого. Стало-быть, это стихотвореніе не старше 1822 года, весной котораго Грибоѣдовъ покинулъ Персію для Грузіи и Кавказа" („Русское Слово" 1859, V, 76; ср. IV, 55). Но Грибоѣдовъ уже въ ноябрѣ 1821 г. былъ въ Тифлисѣ, да и въ первый пріѣздъ на Востокъ пробылъ въ Грузіи около трехъ мѣсяцевъ (съ конца октября 1818 г. по конецъ января 1819 г.). Такимъ образомъ, время написанія стихотворенія точно установить невозможно за отсутствіемъ прямыхъ указаній.

13. Прости, отечество! *(стр. 19).* Печатается по автографу Императорской Публичной Библіотеки (Собраніе автографовъ, 1898—№ 154). Автографъ находился въ „Черновой тетради" Грибоѣдова и впервые былъ опубликованъ Д. А. Смирновымъ въ „Русскомъ Словѣ" 1859, № 5, стр. 75—76; потомъ былъ извлеченъ изъ „Черновой" и поступилъ въ Публичную Библіотеку, гдѣ хранится въ обложкѣ съ собственноручной надписью Д. А. Смирнова: „Автографъ А. С. Грибоѣдова. Отъ племянника его Дим. Алекс. Смирнова" (см. Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1898 г. СПБ. 1902, стр. 201). Трудно рѣшить, къ какому времени относится этотъ черновой набросокъ. Д. А. Смирновъ говоритъ: „Стихотвореніе „Прости, отечество!" я отношу ко времени перваго выѣзда Грибоѣдова изъ Россіи, то есть къ 1819 году и конечно, не потому, что листокъ, на которомъ оно написано, переплетенъ въ „Черновой" между листками путевого, въ 1819 году веденнаго, дневника отъ Тифлиса до Тегерана, но потому, что Грибоѣдовъ въ это время чрезвычайно тосковалъ по родинѣ, покинутой почти-что насильно" („Русское Слово" 1859, V, 75). Но Грибоѣдовъ испытывалъ приливы мрачнаго расположенія духа и въ другіе годы, напр., въ 1825 г. (см., напр., письмо къ С. Н. Бѣгичеву отъ 12 сентября 1825 г.). Прилагаемый снимокъ съ автографа показываетъ, что стихотвореніе еще не было готово къ печати; оно все испещрено поправками, дополненіями и отмѣнами, такъ что трудно установить его основной текстъ; не вездѣ соблюдены ритмъ и риѳма, и даже грамматическое согласованіе. Приводимъ наиболѣе законченные варіанты.

4. Мечты! меня не увлекайте!
7. Когда же въ глубь души проникъ
8. Хоть искра щастья и любви
(10. Но скоро бросишь кисть и прочь)
(11. Бѣжишь отъ радужной палитры)
12. За ярко блещущимъ видѣньемъ
13 Стой! [неразобранное слово]. Нѣтъ его! исчезло!
14. Утомлены, но мудры стали
17. Въ душѣ создали темный гробъ
18. И въ немъ живыхъ себя хоронимъ.
19. Вотъ опытность!... Ея урокъ
20. Принять ярмо чужихъ властей
24. Одушевимся былью давной
25. Когда мы весело шли въ бой
26. Согрѣемъ душу тѣмъ, что было,
(26. И [памятью] дружбы памятью и тѣмъ)
27. Когда плѣняло насъ собой
28. Что такъ обманчиво и мило.

14. Кальянчи *(стр. 20—22)*. Печатается по тексту въ „Сынѣ Отечества" 1838 г., № 1, стр. 19—22. Здѣсь отрывокъ не сопровождается никакимъ примѣчаніемъ, такъ что неизвѣстно, по какому и какъ въ редакцію попавшему тексту онъ напечатанъ. Автографъ „Кальянчи" хранился въ „Черновой" Грибоѣдова, но, къ сожалѣнію, Д. А. Смирновъ счелъ излишнимъ напечатать его: „Черновая тетрадь Грибоѣдова начинается небольшой поэмой „Кальянчи", которую я не привожу здѣсь потому, что она была уже нѣсколько разъ напечатана" („Русское Слово" 1859, V, 74). Изъ этого замѣчанія, впрочемъ, можно заключить, что печатный текстъ не разнился отъ автографа. Въ грибоѣдовской литературѣ почти нѣтъ упоминаній о поэмѣ „Кальянчи". Кажется, къ этому произведенію относится одно замѣчаніе В. К. Кюхельбекера. Къ двустишію въ своемъ стихотвореніи „Памяти Грибоѣдова":

Пѣвца, воспѣвшаго Иранъ
И—ахъ! сраженнаго Ираномъ!

Кюхельбекеръ сдѣлалъ примѣчаніе: „относится къ поэмѣ Грибоѣдова, схожей по формѣ своей съ „Чайльдъ-Гарольдомъ": въ ней превосходно изображена Персія. Этой поэмы, нигдѣ не напечатанной, не надо смѣшивать съ другой, о которой упоминаетъ Булгаринъ" (В. В. Каллашъ. Библіографическія замѣтки. „Русскій Архивъ" 1902, № 2). Болѣе подробныхъ свѣдѣній Кюхельбекеръ о пьесѣ не даетъ. Даты ея написанія ни въ автографѣ „Черновой", ни въ первопечатномъ текстѣ „Сына Отечества" нѣтъ. Д. А. Смирновъ сообщаетъ („Русское Слово" 1859, V, 85): „На одной изъ страницъ поэмы „Кальянчи" написано небольшое стихотвореніе"—„А. О." [Кн. А. И. Одоевскому]; значитъ, „Кальянчи"—болѣе ранняго происхожденія. Персію Грибоѣдовъ изучилъ въ свой первый пріѣздъ (1819—1821); съ Кюхельбекеромъ дружески встрѣчался и велъ литературныя бесѣды въ Тифлисѣ въ концѣ 1821 и первой половинѣ 1822 года. Возможно, что около этого времени сла-

галась поэма „Кальянчи". *Кальянчи* — на Востокѣ мальчикъ, подающій кальянъ. Стихъ 3: *Эйзеды* (izad)—добрые духи по ученію Зендавесты. Ст. 4: *Пери*—феи; *Джинній*—въ персидской демонологіи духъ, сотворенный изъ пламени самума. Ст. 11: *Чинары*—дерево. Ст. 13: *палимаго Ширазскаго листа*—Персидская провинція Ширазъ, знаменитая розовыми плантаціями, славится также *листовымъ табакомъ*, употребляемымъ для кальяна (лучшій въ Персіи сортъ). Ст. 34: *джейранъ*—газель. Ст. 46: *сосудъ цѣнинный*—финифтевый. Ст. 64: *Зелье*—порохъ. Ст. 80: *бодецъ*—собств. шпора, колющее оружіе. Ст. 90: *Картвела*—область Кавказа.

15. Домовой. *(стр. 22).* Печатается по тексту „Черновой" Грибоѣдова въ „Русскомъ Словѣ" 1859, № 5, стр. 75. Отрывокъ неоконченнаго стихотворенія, въ стилѣ „Сказки о медвѣдицѣ" А. С. Пушкина.

Стихотворенія, приписываемыя А. С. Грибоѣдову.

1. Эпиграмма *(стр. 23).* Печатается по тексту въ „Запискахъ" Ксенофонта А. Полевого, Спб. 1888, стр. 410. Впервые напечатана въ статьѣ К. А. Полевого въ изданіи „Горя отъ ума" 1839, стр. XXXIV (безъ двухъ послѣднихъ строкъ). Эпиграмма, повидимому, была довольно извѣстна въ литературныхъ кругахъ Москвы. О ней 12 мая 1825 г. пишетъ изъ Москвы библіотекарь Общ. Люб. Рос. Словесности, Ив. Войцеховичъ къ своему дядѣ, А. М. Марковичу, въ Малороссію: „Стихотворецъ Грибоѣдовъ написалъ эпиграмму на извѣстныхъ стихотворцевъ же Мих. Дмитріева и Ал. Писарева, которые писали противъ Пушкина" [далѣе слѣдуютъ два послѣднихъ стиха эпиграммы]; „Дмитріевъ и Писаревъ оба учились въ университетѣ" (М. М. Плохинскій. Архивы Черниговской губерніи. Москва, 1899, стр. 186). Мы выдѣлили, однако, эпиграмму въ группу „приписываемыхъ", такъ какъ достовѣрнаго текста ея не сохранилось. П. Д. Гарусовъ въ предисловіи къ изданію „Горе отъ ума" 1875 г. (стр. 78) приводитъ варіанты эпиграммы:

2 Почто же врете вы, о дѣти!—Дѣтямъ прутъ
5 Такъ, чтобы были вы умнѣе, молодцы,
6 Вамъ выдрать слѣдуетъ всѣмъ преисправно . . . .

Время и обстоятельства написанія эпиграммы устанавливаются въ соотвѣтствіи съ указаніями К. А. Полевого и Ив. Войцеховича на литературные споры вокругъ Грибоѣдова. Они возникли въ Москвѣ въ началѣ 1824 г. по поводу водевиля „Кто братъ, кто сестра" и комедіи „Горе отъ ума". Тогда писалось и печаталось много эпиграммъ на кн. П. А. Вяземскаго и Грибоѣдова; оба отвѣчали тѣмъ же. См. „Вѣстникъ Европы" 1824, № 5, стр. 76—78; „Русская Старина" 1904, № 1, стр. 117—122; Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, т. III, стр. 388.

2. [Стихотворенія—письмо М. Н. Загоскину] *(стр. 23).* Печатается по тексту въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1900, № 1, стр. 48, примѣч. первое, въ „Воспоминаніяхъ" С. М. Загоскина, сына М. Н. Загоскина. Здѣсь читаемъ: „Всѣ члены „Арзамаса", за исключеніемъ Жуковскаго и Вигеля, сдѣлались сильными порицателями драматическаго таланта отца, и въ особен-

ности ожесточился противъ него Грибоѣдовъ, который, однако, позднѣе познакомившись съ нимъ, полюбилъ его и остался въ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ вплоть до своей трагической кончины". Далѣе, въ примѣчаніи, помѣщенъ текстъ письма въ стихахъ, съ отмѣткой, что автографъ переданъ въ Император. Публичную Библіотеку. Однако, записка Грибоѣдова въ Публичную Библіотеку не поступала (см. Отчетъ за 1898, СПБ. 1902, стр. 10); поэтому мы отнесли стихотвореніе въ отдѣлъ „приписываемыхъ". Если оно, дѣйствительно, принадлежитъ Грибоѣдову, то время написанія его опредѣляется въ связи съ фразой „Нынѣ Щепкинъ угощаетъ". По свидѣтельству П. Арапова, Лѣтопись русскаго театра, стр. 384, Грибоѣдовъ въ Москвѣ въ 1824 г. читалъ съ Щепкинымъ роль Фамусова. Загоскинъ тогда уже служилъ въ дирекціи Московскаго театра. Выраженіе: „бичъ пороковъ и блиновъ" какъ будто намекаетъ на масляницу.

3. Экспромтъ *(стр. 23).* Печатается по тексту въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1909, № 3, стр. 1040, сообщенному Д. А. Смирнову С. Н. Бѣгичевымъ, очевидно, по памяти. За отсутствіемъ авторитетнаго текста относимъ это стихотвореніе въ отдѣлъ „приписываемыхъ". Сохранилось нѣсколько варіантовъ эпиграммы.

По рукописи И. Д. Гарусова (см. предисловіе къ изданію „Горя отъ ума" 1875 г.):

Покорный времени и вкусу,
Я презираю слово: *рабъ* . . .
Меня и взяли . . . въ главный штабъ—
И потянули къ Іисусу.

Въ редакціи П. А. Каратыгина:

По духу времени и вкусу
Онъ ненавидитъ слово:—рабъ...
За то посаженъ въ главный штабъ
И тамъ притянутъ къ Іисусу.

(„Русская Старина" 1872, № 3, стр. 429—430; однако, въ отдѣльномъ изданіи „Записокъ" П. А. Каратыгина, Спб. 1880, стр. 136, четверостишіе передѣлано). Въ рукописномъ сборникѣ П. А. Ефремова (см. „Русскую Старину„ 1872, III, 430, примѣч.)—варіантъ, закрѣпленный въ позднѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Грибоѣдова:

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово рабъ,—
Меня и взяли въ главный штабъ
И потянули къ Іисусу.

Время написанія опредѣляется такъ: 22 января Грибоѣдовъ былъ арестованъ, 11 февраля посаженъ въ Главномъ Штабѣ, 4 іюня—освобожденъ.

4. Востокъ *(стр. 23—25).* Печатается по тексту въ „Библіотекѣ для чтенія" 1836, т. XIV, № 1, стр. 6. Подпись: *А. Грибоѣдовъ.* Стихотвореніе не снабжено никакими указаніями. Поэтому относимъ его въ отдѣлъ „приписываемыхъ", не зная, изъ какого источника оно получено.

5. **Душа** *(стр. 25—26)*. Печатается по тексту въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1835, т. VIII, отд. 1, стр. 160. Подпись: *Грибоѣдовъ*. При стихотвореніи нѣтъ никакого примѣчанія; въ біографическихъ матеріалахъ оно не упоминается, почему мы и относимъ его въ отдѣлъ „приписываемыхъ“.

6. **Элегія** *(стр. 26)*. Печатается по тексту въ „Литературномъ и музыкальномъ альманахѣ *Радуга* на 1830 годъ, изданномъ П. Араповымъ и Д. Новиковымъ въ Москвѣ“ (цензурное дозволеніе С. Глинки—10 декабря 1829). Въ оглавленіи альманаха, стр. V, стоитъ: Элегія (изъ Леонара), *А. С. Г—ва*. Стихотвореніе напечатано на стр. 221—222, и подъ нимъ стоитъ подпись: *А. Г—въ*. Во всемъ альманахѣ нигдѣ не сказано ни слова о принадлежности стихотворенія Грибоѣдову. Поэтому относимъ его въ разрядъ „приписываемыхъ“. Въ изданіи 1889 г., подъ ред. И. А. Шляпкина (т. II, стр. 535) приведенъ французскій оригиналъ стихотворенія: Les plaisirs du rivage Леонара (Nicolas—Germain Leonard, 1744—1793).

II. Драматическія сочиненія.

1. Молодые супруги *(стр. 29—64)*. Печатается по первопечатному тексту пьесы: „Молодые Супруги, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, *А. Грибоѣдова*. Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ Театрѣ Россійскими Придворными Актерами, въ пользу Актрисы Г-жи Семеновой меньшой, Сентября 29 дня, 1815 года. Санктпетербургъ, въ Типографіи Императорскаго Театра, 1815." IV+52 стр. Цензурное разрѣшеніе: С.-Петербургъ, 18 іюня 1815 г. Исполнителями въ первомъ представленіи были: Ариста—Сосницкій, Эльмиры—Семенова старшая, Сафира—Брянскій. Комедія ставилась на сценѣ и позже много разъ; къ ея сценической исторіи см. „Русская Старина", 1880, X, 270; Р. М. Зотовъ. Театральныя воспоминанія. СПБ. 1860, стр. 52. П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра. СПБ. 1861, стр. 242; А. И. Вольфъ; Хроника Петербургскихъ театровъ passim; „Сѣверная Пчела" 1828, № 81; ср. 1827, № 44; 1830, № 57. Современники усматривали подражаніе „Молодымъ Супругамъ" въ водевилѣ „Жена, какихъ много" П. Григорьева, поставленномъ впервые въ Петербургѣ въ 1833 г.; см. „Репертуаръ русскаго театра" 1839 кн. 9, стр. 13—14.

О времени и обстоятельствахъ написанія комедіи въ бумагахъ самого Грибоѣдова нѣтъ точныхъ указаній. С. Н. Бѣгичевъ утверждаетъ, что „19-ти лѣтъ написалъ онъ въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, комедію „Молодые Супруги" („Русскій Вѣстникъ" 1892, VIII, 309); такъ какъ Бѣгичевъ считалъ, что Грибоѣдовъ родился въ 1795 г. (ibid., 307), то, значитъ, время написанія пьесы относится къ 1814 г., когда Грибоѣдовъ былъ еще въ военной службѣ. Ѳ. В. Булгаринъ говоритъ о Грибоѣдовѣ то же: „Въ Польшѣ онъ снова обратился къ русской словесности и написалъ комедію „Молодые Супруги" („Сынъ Отечества" 1830, № 1, стр. 8). Наконецъ, Р. М. Зотовъ („Театральныя воспоминанія", стр. 83) сообщаетъ: „Еще до отъѣзда Грибоѣдова на Кавказъ видѣлъ я его часто у князя Шаховскаго, по заказу котораго онъ передѣлалъ французскую комедію „Le Secret du ménage" и назвалъ ее „Молодые Супруги"; съ кн. А. А. Шаховскимъ Грибоѣдовъ познакомился въ Польшѣ. Однако, Грибоѣдовъ, вѣроятно, отдѣлывалъ пьесу и потомъ, съ Петербургѣ,—до подачи въ цензуру въ половинѣ 1815 г. По поводу постановки „Молодыхъ Супруговъ" въ 1817 г. М. Н. Загоскинъ въ своей рецензіи отозвался о пьесѣ весьма благопріятно, но выписалъ изъ разныхъ явленій девять стиховъ, по его мнѣнію „дурныхъ, шероховатыхъ" и „неприличныхъ дѣйствующимъ лицамъ", и замѣтилъ: „Читая подобные стихи поневолѣ вспомнишь слова Мизантропа:

Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи.

(„Сѣверный Наблюдатель" 1817, № 15, стр. 54—56; перепечатано въ „Полномъ собраніи сочиненій" М. Н. Загоскина, изд. М. О. Вольфа, СПБ.

1898, т. X, стр. 363—364). Грибоѣдовъ отвѣтилъ Загоскину памфлетомъ „Лубочный театръ". См. примѣчанія къ этому стихотворенію, а также письмо къ П. А. Катенину отъ 19 октября 1817 г. и примѣчанія къ нему. Вполнѣ сочувственный отзывъ о комедіи дали А. А. Бестужевъ въ „Полярной Звѣздѣ" на 1823 г., стр. 34 (перепечатано въ Собраніи сочиненій А. Марлинскаго, изд. 1847 г., т. IV, стр. 152) и К. А. Полевой въ изданіи „Горя отъ ума" 1839 г., стр. XIII.

„Молодые Супруги" есть передѣлка комедіи французскаго драматурга Creuzé de Lesser (baron Augustin-François, 1771—1839): „Le Secret du ménage" (впервые представлена на сценѣ Théâtre Français 25 мая 1809; напечатана въ Парижѣ въ томъ же году). Французскій оригиналъ подвергся существенной переработкѣ подъ перомъ Грибоѣдова. Изъ трехъ актовъ Грибоѣдовъ сдѣлалъ одинъ; вмѣсто кузины d'Ercour дѣйствуетъ пріятель мужа Сафиръ. Эти два существенныхъ измѣненія вызвали много другихъ; отъ описанія бала (существенный элементъ интриги) остался блѣдный рефлексъ въ упоминаніи о сборахъ на балъ; изъ психологическаго состава пьесы изъяты взаимоотношенія m-me d'Orbeuil и m-me d'Ercour—сначала соперницъ, потомъ союзницъ. Вообще, сценарій и содержаніе пьесы упрощены и видоизмѣнены. Иногда Грибоѣдовъ дѣлалъ въ комедіи свои вставки; такова ироническая тирада о средствахъ и способахъ привлеченія жениховъ (стихи 23—38). Романсъ, исполняемый Эльмирой (явл. 5 и 6-ое), также вставленъ Грибоѣдовымъ отъ себя; во французскомъ оригиналѣ его нѣтъ. Ср. Pierre de Korvin. Le théâtre en Russie. Paris. 1890, p. 323; Olga Kramareva. A. S. Griboiédov, sa vie, ses oeuvres. Paris, 1907, p. 158—160.

2. Студентъ *(стр. 65—151)*. Печатается по рукописи П. А. Катенина, принадлежавшей М. И. Катенину, потомъ И. П. Варгунину и нынѣ составляющей собственность Н. К. Пиксанова. Двѣ трети текста (всего въ рукописи 147 страницъ) писаны рукою П. А. Катенина, что устанавливается сличеніемъ съ автографами Катенина, хранящимися въ Рукописномъ Отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки (ср. снимки первыхъ двухъ страницъ рукописи, приложенные выше къ тексту пьесы). Только страницы 1—20, часть 22-ой, 25—39 и 50—64 писаны другимъ почеркомъ и очень безграмотно; но и на этихъ страницахъ имѣются поправки рукою Катенина.

Первое литературное извѣстіе о „Студентѣ" встрѣчается (безъ указанія источника) въ изд. Евг. Серчевскаго: „А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія", СПБ. 1858, стр. 243: съ П. А. Катенинымъ Грибоѣдовъ „написалъ комедію въ прозѣ, подъ заглавіемъ „Студентъ". Въ этомъ произведеніи выведена тогдашняя борьба классицизма съ романтизмомъ; она наполнена идеями уже устарѣвшими и заключаетъ въ себѣ личности, не дозволившія представить ее на сценѣ и еще менѣе подвергнуть типографскому тисненію". Повидимому, самъ Грибоѣдовъ не придавалъ большого значенія „Студенту" и не сохранялъ въ своихъ бумагахъ этой комедіи; ни въ „Черновой тетради", ни въ перепискѣ Грибоѣдова, ни въ показаніяхъ Ѳ. В. Булгарина, К. А. Полевого, С. Н. Бѣгичева, Д. А. Смирнова нѣтъ данныхъ о пьесѣ. Текстъ „Студента" сохранялся въ бумагахъ П. А. Катенина, отъ него перешелъ къ М. И. Катенину и впервые былъ опубликованъ въ отрывкахъ Л. Н. Майковымъ въ статьѣ: „Замѣтки объ А. С. Грибоѣдовѣ" въ „Сборникѣ, издаваемомъ студентами Императорскаго Петербургскаго Университета", выпускъ второй (СПБ. 1860), стр. 237—240. Въ самой рукописи комедіи, въ репликѣ Беневольскаго

д. I, явл. 6-ое, послѣ словъ: „Житель Віотіи въ Аѳинахъ! Ни малѣйшаго колорита воспитанія!“ (въ нашемъ изданіи стр. 81) зачеркнута фраза, которую здѣсь возстанавливаемъ: „Живая Віотія въ Аѳинахъ. Гоморра! Ни малѣйшаго воспитанія! Какія правила! За перо: въ цѣлыхъ пяти актахъ заставлю надъ нимъ смѣяться“. Въ монологѣ Федьки (дѣйствіе III, явл. 8; стр. 135), послѣ словъ: „отъ своей братьи“, зачеркнуто: „Одинъ, правда, Алексѣй лакей повадливѣе другихъ, жаль, что уѣзжаетъ, а то бы мы съ нимъ дружескую компанію повели... *(Смотритъ въ окно)*. Вонъ онъ всталъ за каретой! экой бравой изъ себя! Алеха! Алеха! подыми, пригодится, вонъ! вонъ! смотритъ сюда, догадался, собака, языкъ кажетъ. Прости, братъ! щастливая дорога! Куда здѣсь прытко ѣздятъ! Ихъ! Какъ передняя-то коляска впередъ взяла! изъ виду вонъ, только пыль столбомъ“.

Во второй половинѣ 1817 г. Катенина уже не было въ Петербургѣ (см. письмо Грибоѣдова къ нему отъ 19 октября 1817), такъ что написаніе пьесы правильнѣе отнести къ первой половинѣ (или серединѣ) года. За отсутствіемъ данныхъ, невозможно опредѣлить, какая доля текста комедіи принадлежитъ Грибоѣдову, какая—Катенину. [Н. Ш.].

Имя *Беневольскій* у Грибоѣдова взято отъ псевдонима *Ювеналъ Беневольскій*, которымъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ подписывался Загоскинъ; по образцу его рецензентъ сочиненій Загоскина въ „Сынѣ Отечества“, А. Е. Измайловъ, подписывался Ювеналъ Прямосудовъ *Прохоровъ*—едва ли не Похорскій, издатель „Сѣвернаго Наблюдателя“ и владѣтель театральной типографіи. (См. о немъ въ „Театральныхъ воспоминаніяхъ“ Р. Зотова.) Загоскинъ, какъ извѣстно, пріѣхалъ изъ Пензы, какъ Беневольскій изъ Казани, и отличался большою безграмотностью, какъ видно изъ писемъ его, опубликованныхъ въ „Современномъ Обозрѣніи“ 1868 г. и рядомъ съ этимъ: подобно Гнѣдичу, придирчивостью къ словамъ и грамматическимъ формамъ, вѣроятно отсюда ироническое назначеніе его корректоромъ. Стихи Батюшкова и Жуковскаго фигурируютъ въ „Студентѣ“. Стихи на стр. 121—слегка измѣненное начало посланія Жуковскому и Вяземскому Батюшкова (1811): *Мои пенаты* (Сочиненія Батюшкова, ред. Л. Н. Майкова, Спб. 1887, т. I, стр. 131). Стихи на стр. 122 взяты изъ посланія 1812 года Жуковскаго къ Батюшкову (Сочиненія Жуковскаго; т. I, 1885, стр. 238). Стихи на стр. 140—143 пародированы изъ того же посланія Жуковскаго (I, стр. 239) и его „Уединенія“ (Сочиненія, I, стр. 310). На Карамзина („Письма рус. путешественника“ и пр.) видны намеки на стр. 86 („Илья Муромецъ“).

Къ стр. 69. *Мармонтель* (Jean François 1723—1799), извѣстный французскій сентиментально-моральный писатель, былъ въ большой модѣ въ Россіи въ 10—20 годахъ XIX в. Его повѣсти переводилъ между прочимъ и Карамзинъ: „Новыя Мармонтелевы повѣсти“. Спб. 1793—1794, 2 изд. 1816, 3 изд. 1822. Онъ же и Жуковскій переводили (Москва 1802 и 2 изд. 1816) повѣсти г-жи *Жанлисъ* (1746—1830) плодовитой, но весьма посредственной франц. писательницы сентиментально-піэтическаго направленія. *Эльмира* и *Вольнисъ*, романъ Жанлисъ, перевед. въ 1810 г. „Бѣдная Молочница“—едва ли не намекъ на „Бѣдную Лизу“.

Къ стр. 69. *Нинону*. Нинона де Ланкло, извѣстная красавица XVIII в. Г-жа *Севинье* (1626—1696)—французская писательница, авторъ „Lettres à ma fille“.

Къ стр. 77. *Музеумъ*—„Россійскій Музеумъ“, журналъ (1815 г.), изд. А. Е. Измайловымъ, гдѣ осмѣивали между прочимъ Шаховского. [Н. Ш.].

Къ стр. 82. *Сына Филиппова*—Александра Македонскаго.

Къ стр. 82. *Оры, Ириса*. Оры (Horae)—богини временъ года, покровительницы цвѣтущей юности. Ириса (Iris)—златокрылая вѣстница, олицетвореніе радуги.

Къ стр. 138. Пѣсенка, напѣваемая Полюбинымъ: „Vive Henri IV", взята изъ пьесы французскаго драматурга Колле „La partie de chasse de Henri IV" (Paris, 1766), гдѣ ее поютъ крестьяне:

Vive Henry Quatre!
Vive le Roy vaillant!
Ce Diable à quatre
A ce triple talent
De boire et de battre
Et d'être un ver galant.

Пѣсенка стала популярной и ее распѣвали во всей Франціи. См. И. И. Ивановъ. Политическая роль французскаго театра, стр. 689—690.

Къ стр. 138. Беневольскій: *„У насъ столько своихъ плачительныхъ мелодій пѣвцовъ своей печали"*. Выраженіе „пѣвцовъ своей печали" взято изъ стихотворенія А. С. Пушкина „Пѣвецъ", написаннаго въ 1816 г. и напечатаннаго въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ" 1817, ч. I, № 1, стр. 14. Здѣсь это выраженіе повторяется въ каждой изъ трехъ строфъ. Стихотвореніе Пушкина написано въ сентиментальномъ стилѣ и напоминаетъ первую строфу „Пѣвцовъ" Жуковскаго; упомянуто въ „Студентѣ", несомнѣнно, иронически.

Къ стр. 101. Беневольскій: *„Законы васъ осуждаютъ, но какой законъ святѣе любви?"* Эта фраза взята изъ стиховъ сумасшедшаго въ „Островѣ Борнгольмѣ" Н. М. Карамзина (1794; въ 1816 году вновь издано въ „Разныхъ повѣстяхъ" Карамзина):

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ?
Какой законъ святѣе
Твоихъ врожденныхъ чувствъ?

Къ стр. 75. Беневольскій: *я сынъ волжскихъ береговъ*. Выраженіе взято изъ посланія В. Л. Пушкина (1813): „Примите насъ подъ свой покровъ, питомцы волжскихъ береговъ".

Къ стр. 81. *Бордеронъ*—извѣстный тогда петербургскій ресторапторъ, „держащій палатку на Большомъ бульварѣ", т. е. на Адмиралтейскомъ проспектѣ, въ Александровскомъ саду (см. „Сѣверный Наблюдатель" 1817, № 2, стр. 43).

Къ стр. 96. *Мѣсто переписчика у Глазуновыхъ*—въ извѣстной издательской и книгопродавческой фирмѣ въ Петербургѣ.

Къ стр. 98. *Бостонъ, крепсъ*—карточныя игры.

Какъ выше сказано, „Студентъ" не могъ появиться своевременно на сценѣ, такъ какъ былъ переполненъ намеками на личности. Единственный разъ пьеса шла на Александринскомъ театрѣ 1 мая 1904 года, въ бенефисъ вторыхъ режиссеровъ и суфлеровъ. См. „Литературный Вѣстникъ" 1904, т. VII, кн. 3, стр. 89—91.

„Студентъ“ переведенъ на болгарскій языкъ П. Кальчевымъ, Стара Загора, 1895.

3. **Отрывокъ изъ комедіи „Своя семья, или Замужняя невѣста“** *(стр.* 153—166). Печатается по тексту отдѣльнаго изданія всей комедіи: „Своя семья, или Замужняя невѣста“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ, на Маломъ Театрѣ, въ пользу актрисы г-жи Валберховой, генваря 24 дня 1818 года“. Спб. Въ типографіи Императорскаго Театра. 1818. Цензурное разрѣшеніе В. Соца—16 января 1818 г. Написанныя Грибоѣдовымъ сцены см. на стр. 34—48. Пьесѣ предпослано слѣдующее примѣчаніе кн. А. А. Шаховского: „Желая сочинить новую комедію для бенефиса Г-жи Валберховой (украсившей прелестнымъ даромъ своимъ Липецкія воды), я выбралъ такое содержаніе піесы, въ которомъ бы могла она показать разнообразность игры своей, и старался сколько можно связать простою интригою эпизодическія явленія. Времени до назначеннаго дня, для бенефиса, оставалось мало, и боясь не сдержать моего обѣщанія, я просилъ А. С. Грибоѣдова и Н. И. Хмельницкаго помочь мнѣ: они, по пріязни своей ко мнѣ, согласились, и первой написалъ все начало втораго дѣйствія до ухода Ѳеклы Савишны; а второй въ третьемъ дѣйствіи сцену, въ которой Бирюлькинъ экзаменуетъ Наташу. Благодарность и справедливость требуютъ, чтобъ я сдѣлалъ сіе извѣстнымъ и не присвоилъ себѣ чужаго“.

Самъ Грибоѣдовъ объ обстоятельствахъ написанія сценъ сообщаетъ С. Н. Бѣгичеву въ письмѣ отъ 4 сентября 1817 г.: „Кстати, Шаховской меня проситъ сдѣлать нѣсколько сценъ стихами въ комедіи, которую онъ пишетъ для бенефиса Валберховой; и я ихъ сдѣлалъ довольно удачно. Спишу на дняхъ и пришлю къ тебѣ въ Москву“. О томъ же упоминается въ письмѣ къ П. А. Катенину въ Москву отъ 19 октября 1817: „Для Валберховой я сдѣлалъ четыре сцены [неточность: *пять* сценъ. Н. П.], которыми Жандръ очень доволенъ. На будущей почтѣ пришлю тебѣ“. Такимъ образомъ, время написанія фрагмента опредѣляется около конца августа и первыхъ чиселъ сентября 1817 г.

Первое представленіе „Своей Семьи“ шло при слѣдующемъ составѣ исполнителей: Матрена Карповна Звонкина, помѣщица—Сандунова; Карпъ Савичъ Искринъ, отставной Секундъ-Маіоръ, ея племянникъ — Бобровъ; Ѳекла Савишна Брызгова, вдова—Ежова б.; Варвара Савишна Вельдюзева, вдова—Каратыгина б.; Ранса Савишна, старая дѣвушка—Самойлова; Максимъ Меркуловичъ Бирюлькинъ, зять ихъ—Рамазановъ; Любимъ, племянникъ ихъ — Сосницкій; Наташа, жена его — Валберхова. Отзывы о спектаклѣ (гг. Z. и N.N.) см. въ „Сынѣ Отечества“ 1818, ч. XLIII, № 5, стр. 213—223. О дальнѣйшихъ постановкахъ см.: П. Араповъ, Лѣтопись русскаго театра; А. Вольфъ, Хроника петербургскихъ театровъ; газета „Бабочка“ 1829, № 86. стр. 342—344 (В. Никоновъ); „Отечественныя Записки“ 1849, т. LXVII, отд. III. стр. 321 (Аполлонъ Григорьевъ); „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1857, № 113; „Новости“ 1888 (1-е изд.), № 45 (бенефисъ М. Г. Савиной), и др.

Г-жа Olga Kramareva въ своей книгѣ: „A. S. Griboïédov. Sa vie, ses oeuvres“ (Paris, 1907) высказала предположеніе (стр. 165), что сюжетъ „Своей Семьи“ могъ быть заимствованъ изъ французской комедіи (La fiancée mariée). Подобную догадку дѣлаетъ и проф. Б. Варнеке въ „Исторіи рус. театра“, т. II, стр. 106, ссылаясь на „слишкомъ удачный сюжетъ пьесы“ и быстроту

ея изготовленія. Но сама г-жа Крамарева не могла найти слѣдовъ предполагаемаго оригинала „Своей Семьи“ во французской литературѣ. Сюжетъ пьесы очень простъ и шаблоненъ, въ чемъ признается и самъ кн. Шаховской; его сотрудники легко могли принять и развивать дальше нить сценическаго дѣйствія; самъ Грибоѣдовъ въ письмахъ къ Бѣгичеву и Катенину совсѣмъ не упоминаетъ о французскомъ подлинникѣ, что дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ. Вѣрнѣе считать пьесу оригинальнымъ произведеніемъ трехъ русскихъ авторовъ. Ср. „Историч. Вѣстникъ“ 1909, X, 305 (ст. Н. В. Шаломытова).

Прежде чѣмъ появилось отдѣльное изданіе комедіи, Грибоѣдовъ напечаталъ написанныя имъ пять сценъ въ „Сынѣ Отечества“ 1817 г., № 48, стр. 106—117 (30 ноября), подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ комедіи“, предпославъ имъ предисловіе, напечатанное у насъ передъ текстомъ сценъ. Сличеніе текста въ „Сынѣ Отечества“ съ позднѣйшимъ показываетъ, что Грибоѣдовъ въ промежуткѣ между 30 ноября 1817 и 16 января 1818 г. переработалъ вновь свой трудъ. Поэтому мы и воспроизводимъ въ печати текстъ отдѣльнаго изданія. По тексту въ „Сынѣ Отечества“ отмѣчаемъ слѣдующіе варіанты.

Стихи 27—52. Конецъ перваго явленія въ первоначальномъ текстѣ читается такъ:

Наташа.

А съ дядюшкой дружились мы случайно!..
Онъ на тебя похожъ, Любимъ, да, чрезвычайно!
И видно по всему, что съ молоду онъ былъ
Такой же вѣтреной, и также добръ и милъ.
Максимъ Меркуловичъ тотъ не того разбора,
Да и двѣ тетушки! Не сладить съ ними скоро!
Ну! если не пойдутъ никакъ онѣ на ладъ,
Я, пусть онѣ меня разцѣнятъ какъ хотятъ,
Скажу имъ на отрѣзъ: пожалуй, мной гнушайтесь,
Для мужа все стерплю.

Любимъ (*обращаясь къ Варв. Сав.*).

А! какова! признайтесь,
Что будьте сами вы мужчиной... вы какъ разъ
Женились бы на ней.—Всѣ передъ нею пасъ.

Варвара Савишна *(посмотрѣвъ въ окошко)*.
Ахъ! Мавра Савишна сюда идетъ!

Наташа.

Какая?
Что сварливая?

Варвара Савишна.

Да! крикуша!

Любимъ.

И скупая,
И тѣмъ упрямѣе, что денегъ тьма у ней.

Наташа.

Ахъ! нѣтъ ли, тетушка, здѣсь въ домѣ попростѣй
Какого платьица, чтобъ мнѣ пришлось по тальи?

Варвара Савишна.

У Груньки въ дѣвичьей спросить... Нѣтъ! у Натальи
Передничекъ ея, да шемизетку взять,
Что въ праздничные дни велю ей надѣвать.
Уйдите же... она ужъ подошла къ порогу.

Наташа *(уходя)*.

Любимъ!—

Любимъ.

Я за тобой. *(Уходятъ вмѣстѣ)*.

Стихъ 48 и далѣе. Θеклa Савишна именуется Маврой Савишной, а Вельдюзева—Варварой Савишной.

Стихъ 55. Вмѣсто *вѣдь* стояло *вишь*.

Стихи 59—61. Реплика Θеклы Савишны дана въ такой редакціи:

„Чего? Онъ развѣ малой путной!
„Я одному дивлюсь, что карточкой визитной
„Меня не наградилъ"...

Стихъ 75. „А кабы въ Питерѣ".

Стихъ 171. „Ужъ ты ли не водилась".

Стихъ 195. „Вотъ, если бъ былъ Любимъ степенный и толковый!"

Стихъ 201. „А то, слышь, въ Питерѣ"

Стихъ 209. Вм. *отъ* стояло: *по*.

Стихъ 223. Вм. *А!* стояло: *И!*

Стихъ 241. „На это мастерство у насъ есть заведенье,
Туда свожу тебя, увидишь—заглядѣнье!
Отцу Пафнутію какія ризы шьютъ!"

4. Притворная Невѣрность *(стр. 167—206)*. Печатается по первопечатному тексту: „Притворная Невѣрность. Комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ. Переведена съ французскаго А. Грибоѣдовымъ и А. Жандромъ. Санктпетербургъ, въ типографіи Н. Греча". 1818, 59 стр. Цензурное дозволеніе 7 февраля 1818 г. Впервые поставлена на сценѣ Большого театра въ Петербургѣ въ понедѣльникъ 11 февраля 1818 г., въ бенефисъ Екат. Семеновой при такомъ распредѣленіи ролей: Еледина—Валберхова, Лиза—Брянская, Рославлевъ—Брянскій, Ленскій—Сосницкій, Блестовъ—Рамазановъ. (См. собраніе афишъ въ Центральной Библіотекѣ Император. Театровъ; ср. П. Араповъ Лѣтопись русскаго театра, 1861, стр. 263; „Сѣверная Пчела" 1830, № 3; 1831, №№ 100 и 104; статистику сценическихъ постановокъ см. А. Вольфъ. Хроника петербургскихъ театровъ, часть I). Пьеса является переводомъ комедіи „Les fausses infidélités" французскаго драматурга XVIII вѣка, Барта (Nicolas Thomas Barthe 1737—1785), впервые поставленной на сценѣ Théâtre Français 25 января 1768 г.; текстъ оригинала см. въ изданіи: „Théâtre des auteurs du second ordre.—Comédies en vers". Tome XII, Paris, 1809, pp. 124—160. Отзывъ объ этой пьесѣ см. у Laharpe. Lycée ou cours de littérature, t. VII Paris. 1813, p. 44 (перепечатанъ въ изданіи сочиненій Грибоѣдова 1889 г. подъ ред. И. А. Шляпкина, т. II, стр. 518); ср. русскій переводъ: Лагарпъ. Лицей или кругъ словесности древней и новой. С.-Петербургъ. 1810—1814. Переводъ Грибоѣдова-Жандра является по счету вторымъ русскимъ. Первый переводъ—передѣлка изданъ еще въ XVIII вѣкѣ: „Притворная Невѣрность.

Комедія въ одномъ дѣйствіи. Переложенная на здѣшніе нравы вольнымъ переводомъ, съ сочиненія Г. Бартѣ (такъ!). Въ Санктъ-Петербургѣ 1772 года". 16°. 75 стр. (имя переводчика не обозначено). Здѣсь дѣйствующія лица комедіи; Dorimène, Angélique, marquis de Valsain, chevalier Dormilli, Mondor—обозначены такъ: Зеновія, Клеопатра, Графъ, Евлампій-маіоръ и знатной дворянинъ, Венедиктъ-пустословъ, отставной чиновной человѣкъ. „Переложеніе на здѣшніе нравы" весьма незначительно; въ общемъ—это точный (прозаическій) переводъ. Зналъ ли Грибоѣдовъ первый русскій переводъ комедіи Барта, нынѣ совершенно позабытый и неизвѣстный даже спеціалистамъ-библіографамъ,—трудно сказать. Несомнѣнно, однако, что переводили Грибоѣдовъ и Жандръ непосредственно съ французскаго текста: въ первомъ русскомъ переводѣ всего 15 явленій (14 и 15 явл., какъ и 16—17, стянуты въ одно явленіе), а у Грибоѣдова—17, какъ и въ оригиналѣ. Въ переводѣ Грибоѣдова и Жандра дѣйствующія лица тоже получили руссифицированныя имена, но „склоненіе на русскіе нравы" также проведено слабо. Въ сатирѣ А. И. Писарева (1825) „Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнаса" („Библіографическія Записки" 1859, № 20) о Грибоѣдовѣ сказано, что онъ

преневѣрно перевелъ
„Притворную Невѣрность".

Правда, переводъ не очень близокъ къ буквѣ подлинника; онъ нѣсколько объемистѣе оригинала (у Барта 550 стиховъ, въ переводѣ—684). Нѣкоторыя рѣчи героевъ подверглись переработкѣ. Такъ, монологъ Мондора—Блестова о средствахъ покорять женщинъ (явленіе второе, стихи 139—156) значительно измѣненъ: исчезъ разсказъ о богатой жизни стараго жупра и вставленъ эпизодъ съ „блѣдностью лица". Но въ общемъ переводчики сберегли всѣ существенныя черты въ сценаріи и содержаніи комедіи Барта. А. А. Жандръ перевелъ только два явленія—двѣнадцатое и тринадцатое; его текстъ набранъ у насъ болѣе мелкимъ шрифтомъ.

Объ обстоятельствахъ и времени написанія „Притворной Невѣрности" сохранились свѣдѣнія въ письмахъ Грибоѣдова. Первое упоминаніе о пьесѣ находимъ въ письмѣ къ П. А. Катенину отъ 19 октября 1817 г. изъ Петербурга въ Москву: „я ей же [Екат. Семеновой] въ бенефисъ отдаю Les fausses infidélités." Въ этотъ моментъ Грибоѣдовъ, повидимому, только еще намѣтилъ пьесу для перевода—и заглавіе приводится еще по-французски. Въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву отъ 15 апрѣля 1818 г. изъ Петербурга въ Москву Грибоѣдовъ сообщаетъ: „Посылаю тебѣ *Притворную Невѣрность* два экземпляра, одинъ перешли Катенину. Вотъ видишь ли, отчего сдѣлалось, что она переведена двумя: при отъѣздѣ моемъ въ Нарву Семенова торопила меня, чтобъ я не задержалъ ея бенефиса, а чтобъ меня это не задержало въ Петербургѣ, я съ просьбой прибѣгнулъ къ другу нашему Жандру. Возвратясь изъ Нарвы, я нашелъ, что у него только переведены сцены двѣнадцатая и XIII-я; остальное съ того мѣста, какъ Рославлевъ говоритъ: *я здѣсь, все слышалъ и все знаю,* я самъ кончилъ. Впрочемъ, и въ его сценахъ есть иное мое, такъ, какъ и въ моихъ его перемѣны; ты знаешь, какъ я связно пишу; онъ безъ меня переписывалъ и многихъ стиховъ вовсе не могъ разобрать и замѣнилъ ихъ своими. Я иные уничтожилъ, а другіе оставилъ: тѣ, которые лучше моихъ. Эту комедійку собираются играть на домашнихъ театрахъ; ко мнѣ присылали рукописные экземпляры для поправки, много

перевранo, вотъ что заставило меня ее напечатать". Изъ этого сообщенія видно, что до поѣздки въ Нарву Грибоѣдовъ успѣлъ перевести первыя 11 явленій. Время и продолжительность поѣздки трудно опредѣлить (она состоялась, во всякомъ случаѣ, не раньше декабря 1817 г., такъ какъ весь ноябрь былъ занятъ дуэлью Шереметева съ Завадовскимъ и слѣдствіемъ по этому дѣлу). 7 февраля 1818 г. пьеса была одобрена цензурою, а 11 февраля давалась уже на сценѣ. Рецензію см. въ „Сынѣ Отечества" 1818, № 19, стр. 263 (безъ подписи). [Н. П.]

Къ стр. 190: *поетъ изъ Жоконда.* „Жокондъ, или искатель приключеній"—одна изъ любимыхъ комическихъ оперъ того времени, музыка француза Николо Изуара (Nicolas Jsuard dit Nicolo, 1777—1818). Она была представлена въ первый разъ 26 января 1815 года въ переводѣ П. А. Корсакова, издателя „Сѣвернаго Наблюдателя". Главныя роли исполнялись пѣвцомъ Самойловымъ и Сандуновой. Арію Самойлова: „Любовникъ оскорбленный бѣжитъ изъ глазъ невѣрной" распѣвали, по словамъ П. А. Каратыгина, на улицахъ Петербурга, а въ журналахъ возникла шумная полемика по поводу якобы безнравственности пьесы. [И. Ш.]

5. Проба интермедіи (*стр.*206—211). Печатается по рукописи Центральной Библіотеки Императорскихъ Театровъ (Отд. I, шкафъ XVI, полка 2, мѣсто 65, № 6670). Рукопись in 4°, въ переплетѣ, заключаетъ 14 страницъ, ненумерованныхъ; изъ нихъ три послѣднихъ—чистыя; почеркъ—писарской. Выше, при текстѣ интермедіи, данъ снимокъ первыхъ двухъ страницъ. Цензурное разрѣшеніе—16 февраля 1818 года—устанавливаетъ время написанія годомъ раньше, чѣмъ было въ прежнихъ изданіяхъ. Впервые напечатана В. И. Родиславскимъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1873, № 9, стр. 244—249. Въ первый разъ представлена въ Петербургѣ, на Большомъ Театрѣ 10-го ноября 1819 года, въ бенефисъ Брянскаго, съ участіемъ Величкина, Сосницкаго, Рамазанова, Боченкова, Сандуновой, См. П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, стр. 289.

6. Юность вѣщаго (*стр.* 212). Печатается по тексту „Черновой тетради" въ „Русскомъ Словѣ" 1859, № 5, стр. 82—83. Въ своей запискѣ о Грибоѣдовѣ С. Н. Бѣгичевъ говоритъ: „Для открытія новаго театра въ Москвѣ осенью 1823 года онъ располагалъ написать прологъ въ двухъ актахъ, подъ названіемъ „Юность вѣщаго".—При поднятіи занавѣса, юноша—рыбакъ Ломоносовъ спитъ на берегу Ледовитаго моря и видитъ обаятельный сонъ, сначала разныя волшебныя явленія, потомъ музъ, которыя призываютъ его, и наконецъ весь Олимпъ во всемъ его величіи. Онъ просыпается въ какомъ то очарованіи; сонъ этотъ не выходитъ изъ его памяти, преслѣдуетъ его и въ морѣ, и на необитаемомъ островѣ, куда съ прочими рыбаками отправился онъ за рыбнымъ промысломъ. Душа его получила жажду познанія чего-то высшаго, имъ невѣдомаго, и онъ убѣгаетъ изъ отеческаго дома. При открытіи занавѣса, во 2-мъ актѣ, Ломоносовъ въ Москвѣ, стоитъ на Красной площади. Далѣе я не помню. Но слухъ о его комедіи распространился по Москвѣ, онъ волею и неволею читалъ ее во многихъ домахъ. Сначала это льстило самолюбію молодого автора, а потомъ ужасно ему наскучило и отняло у него много времени. Пролога онъ написать не успѣлъ, а театръ открылся" („Русскій Вѣстникъ" 1892, № 8, стр. 313—314; ср. „Русское Слово" 1859, № 5, стр. 81—82). Къ показанію Бѣгичева

Д. А. Смирновъ добавляетъ: „Все это безъ „Черновой“ осталось бы однимъ простымъ указаніемъ, она сохранила намъ по крайней мѣрѣ хоть часть, отрывокъ этого пролога, который замышлялъ Грибоѣдовъ. Отрывокъ этотъ существуетъ въ „Черновой“ въ двухъ экземплярахъ: вчернѣ (въ началѣ тетради) и перебѣленный Грибоѣдовымъ (въ самомъ концѣ ея). Я не упомянулъ бы объ этомъ обстоятельствѣ, если бы въ концѣ чернового экземпляра не сохранилось нѣсколькихъ строкъ, состоящихъ изъ однихъ, лаконически выраженныхъ, лаконически „поставленныхъ“ — если можно такъ сказать—словъ (какъ это иногда дѣлывалъ Пушкинъ), которыя всетаки составляютъ конспектъ сочиненія, хотя нѣсколько, до извѣстной границы обличающій намъ мысль его автора“ („Русское Слово“ 1859, V, 82). Варіантовъ „перебѣленнаго экземпляра“ Смирновъ не отмѣчаетъ. Вмѣсто Грибоѣдова для открытія московскаго театра написалъ прологъ М. А. Дмитріевъ („Торжество музъ“).

Раньше Грибоѣдова сюжетами изъ жизни Ломоносова воспользовался кн. А. А. Шаховской въ оперѣ-водевилѣ „Ломоносовъ, или рекрутъ-стихотворецъ“ (1814).

7. Кто братъ, кто сестра, или обманъ за обманомъ (*стр.* 213—253). Печатается по рукописи Центральной Библіотеки Императорскихъ Театровъ (I. XX. 2. 86. № 7477). Цензурное разрѣшеніе—10 Января 1824 г. Впервые напечатана, по другой рукописи (№ 1775. I. IV. 2.86) той же библіотеки, въ „Полномъ собраніи сочиненій А. С. Грибоѣдова, подъ редакціей И. А. Шляпкина“, Спб., 1889, т. II, стр. 345—393; примѣчанія—стр. 530—532. Отрывки пьесы впервые сообщены въ печати В. И. Родиславскимъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1873, IX, 233—268. Въ „Дамскомъ Журналѣ“ 1824, № 3, стр. 109—111, напечатаны куплеты изъ этой пьесы: „Молодость какъ струйка!“ и „Пускай сердечнымъ суевѣрамъ“, въ № 5, стр. 201,—„Баръ и барынь всѣ бранятъ“; въ „Мнемозинѣ“ 1824, ч. I, приложеніе,—„Когда въ васъ сердце признаетъ“ и „Любилъ бы, можетъ быть, и я„ и музыка къ нимъ А. Н. Верстовскаго; всѣ эти куплеты мы воспроизводимъ по печатному тексту; „въ Вѣстникѣ Европы“ 1824, № 5, стр. 76—78,—„Любитъ обновы мальчикъ Эротъ“. Впервые поставлено на сценѣ въ Москвѣ 24 января 1824 г., въ бенефисъ М. Д. Львовой—Синецкой; въ Петербургѣ—1 сентября 1824; см. „Вѣстникъ Европы“ 1824, № 1, стр. 150 (Н. Д.); П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, стр. 358. Объ обстоятельствахъ написанія пьесы см. кн. П. А. Вяземскій. Дѣла иль пустяки давно минувшихъ дней. „Русскій Архивъ“ 1874, № 2, стр. 0535—0549 (перепечатано въ Собраніи сочиненій кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 335—340). Текстъ оперы-водевиля установленъ нами по наиболѣе авторитетному списку (кромѣ двухъ названныхъ, въ той же библіотекѣ имѣется еще третій списокъ—копія со второго; въ Центральной Музыкальной Библіотекѣ Импер. Театровъ хранится партитура музыки А. Н. Верстовскаго къ водевилю, также съ текстомъ куплетовъ). Отмѣчаемъ имѣющіеся въ рукописяхъ варіанты.

Куплеты пана Чижевскаго на стр. 216 въ нашемъ спискѣ первоначально читались:

Жизнь скучнымъ трактомъ мнѣ казалась,
Я взялъ любовь въ проводники
И въ будущіе приписалась
Мнѣ радость съ легкой тутъ руки.

Такъ къ счастью пристани надежной
Я взялъ открытый листъ въ женѣ.

Куплеты его же „Баръ и барынь всѣ бранятъ“, на стр. 220—221, отсутствуютъ въ спискахъ, но они пѣлись въ пьесѣ, такъ какъ имѣются въ рукописи партитуры Верстовскаго и напечатаны въ „Дамскомъ Журналѣ“. Въ монологѣ Юліи, на стр. 231, сначала читалось и потомъ зачеркнуто: „какъ мы съ вами объ ихъ дамскомъ родѣ. Но я счастливо созданъ, нечувствителенъ отъ самой колыбели; вы, быть можетъ, таковы по рисунку (sic), по важнымъ причинамъ, которыхъ я не доискиваюсь. Она же привязчива до невозможности, мягкость нрава, дѣтская пылкость чувствъ необыкновенная, и постоянна въ любви, но эта любовь такъ чиста, такъ безкорыстна,—не къ молодымъ красавцамъ: она ихъ видя не видитъ. Братъ, отецъ, мать—вотъ кто ей наполняетъ душу. Мнѣ вѣрная спутница въ горѣ и въ радости. Ребенокъ, сирота способенъ возбудить въ ней живѣйшее соучастіе, заботливость и попеченіе. Она раздѣлитъ съ нимъ игры, рѣзвость его возраста, призритъ, согрѣетъ материнскою нѣжностью. Безпомощный, живущій подаяніемъ не только найдетъ въ ней щедрую покровительницу; она готова облегчить его отъ нищенской сумы, свои плечи обременить ею, пойдетъ и не постыдится, лишь бы напомнить человѣкамъ объ человѣчествѣ. Страдальцы всѣ ея сердцу ближайшіе родные“. Слова Рославлева—старшаго на стр. 235, передъ куплетами: „Поцѣловать васъ въ знакъ дружбы“ написаны вмѣсто зачеркнутаго: „Поцѣлуя... Да не оскорбляйтесь! Не поцѣлуя. Странно, это такъ скоро не дѣлается: но легкій знакъ дружбы.“ Слова его же на стр. 242, непосредственно послѣ куплетовъ: „полюбилъ васъ всѣмъ сердцемъ“ написаны вмѣсто зачеркнутаго: „къ вамъ прилѣпился всѣмъ сердцемъ и, покорный вамъ, вѣрный“ и т. д. Стихи: „Любитъ обновы рѣзвый Эротъ“, на стр. 243—244, печатаемъ по автографу письма Грибоѣдова къ А. Н. Верстовскому изъ альбома послѣдняго въ музѣ А. А. Бахрушина въ Москвѣ (текстъ письма см. въ III т.). Въ рукописяхъ и въ печатномъ текстѣ: „мальчикъ Эротъ.“ Въ нашей рукописи текстъ со словъ Юліи: „Это для меня очень лестно“ и до словъ ея же: „Давеча я съ перваго свиданія“ (стр. 246—247) —подвергся сильной передѣлкѣ. Подобно куплетамъ „Любви туманъ и т. д.“, романсъ „Неужли никогда“ написанъ на кускахъ бумаги, поверхъ какого-то прежняго текста. Написаны только двѣ первыя строфы. Остальныя двѣ беремъ изъ второй рукописи. Въ обѣихъ рукописяхъ романсъ перечеркнутъ; въ первой онъ помѣченъ № 22, во второй—23, но дальнѣйшіе куплеты перенумерованы такъ, какъ будто онъ не принимался въ счетъ. Очевидно, онъ не исполнялся на сценѣ. Во второй рукописи вмѣсто романса вставлена (карандашемъ) соединительная фраза: „скажите, свободно ли ея сердце?“ Въ виду близости содержанія этого романса съ ром. „Ахъ точно ль никогда“, (см. выше, стр. 6) мы считаемъ его принадлежащимъ Грибоѣдову. Куплеты „Любви туманъ и сумасбродство“ написаны другими чернилами и почеркомъ, на подклеенномъ листкѣ, вмѣсто другого текста, теперь заклееннаго бумагой. Монологъ Юліи, на стр. 248, въ нашемъ спискѣ подвергся значительнымъ измѣненіямъ, главнымъ образомъ—сокращеніямъ. Вотъ его текстъ въ первоначальной редакціи: „На пути отъ Люблина въ Краковъ стоитъ замокъ, ветхій, оброшенный богатыми владѣльцами, которые давно уже знатность и скуку своей породы перевозятъ изъ одной Европейской столицы въ другую. Юлія, дѣвушка имъ сродни, оставалась дома съ пожилою наставницею; любила мѣсто своего рожденія, живописныя

развалины, но внутри ихъ не засматривалась на остатки давней роскоши, на рѣзьбу, позолоченныя панели, богатыя ткани, которыми стѣны нѣкогда были обиты и многія еще уцѣлѣли. Утромъ въ костелъ, потомъ въ хижины поселянъ; здѣсь она провождала большую часть времени, пользовала недужныхъ, утѣшала скорбныхъ, сама рано опознала лишенія и сиротство и своею печалію научилась раздѣлять ее вчуже. Въ этомъ еще нѣтъ большого достоинства. Такъ текли годы, наступила пора непреодолимаго любопытства, желаніе свѣтъ видѣть, стремленіе въ даль, гдѣ какъ будто все лучше того, что въ близи. Родственники, друзья покойныхъ отца и матери приглашали ее въ Варшаву; она къ нимъ отправилась. [Дальше какъ въ текстѣ до словъ: „объяснялся еще лучше"]. Вкрадчивое обхожденіе,—и словно никогда не размышлялъ о своемъ превосходствѣ надъ прочими." Въ монологѣ ея же, на стр. 249, послѣ словъ:„ вы тогда кружились," зачеркнуто: „въ бурномъ водоворотѣ." Въ монологѣ ея же, на стр. 250, зачеркнуто: „сложила съ сердца, что какъ камень его обременяло." На стр. 252 реплики пана Чижевскаго, Рославлева—старшаго и Рославлева—младшаго вставлены на особо вклеенномъ листкѣ. На стр. 253 строфа Юліи написана (въ самомъ концѣ рукописи, на свободной предпослѣдней страницѣ внизу) вмѣсто зачеткнутаго:

Прибѣгала я къ обману,
Чтобъ уладить свой романъ.
Васъ обманывать не стану,
Пѣнья даръ мнѣ не былъ данъ.
Цвѣтомъ истины для взгляда
Ложь прикроетъ шарлатанъ,
Но фальшивая рулада
Слишкомъ гласный есть обманъ!

Выраженіе: „*съ будущими*" (стр. 216)—почтовый терминъ: „*съ будущими* означаетъ разрѣшеніе взять съ собою какого либо спутника,—отъ котораго не требовалось особаго удостовѣренія о правѣ выѣзда". Воспоминанія Тернера, „Русская Старина" 1909, іюнь, стр. 646; „*на жгудяхъ*" (стр. 253)—народная азартная игра. *Нарушевичъ* (стр. 218)—польскій поэтъ и историкъ (1733—1796); *Красницкій* (стр. 220)—польскій поэтъ (1735—1801).

Проза и нѣкоторые куплеты написаны Грибоѣдовымъ. Большинство же куплетовъ принадлежитъ кн. П. А. Вяземскому (они набраны въ текстѣ петитомъ).

8. **[Діалогъ половецкихъ мужей]** (*стр.* 254—255). Печатается по тексту „Черновой тетради" въ „Русскомъ Словѣ" 1859, № 5, стр. 78. Заглавія въ оригиналѣ не было. Время написанія опредѣлить трудно. Можно догадываться, что діалогъ написанъ не ранѣе осени 1825 года: описаніе южнорусской степи, напр. вихрей, могло быть навѣяно пребываніемъ Грибоѣдова на югѣ въ этомъ году. Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ діалога можно усмотрѣть вліяніе „Слова о полку Игоревѣ".

9. **Радамистъ и Зенобія** (*стр.* 256—261). Печатается по тексту „Черновой тетради" Грибоѣдова, опубликованному Д. А. Смирновымъ въ „Русскомъ Словѣ" 1859, № 5, стр. 61—67. Автографъ не сохранился. О внѣшнемъ состояніи рукописи этихъ отрывковъ Смирновъ говоритъ тамъ же, стр. 115, примѣч. 147: „Эта статейка-проектъ написана Грибоѣдовымъ на двухъ съ половиной, вмѣстѣ, то есть рядомъ находящихся въ „Черновой", листахъ, но

съ такимъ множествомъ, тамъ-и-сямъ существующихъ, пропусковъ, вставокъ и выносокъ, что едва можно было привести ее въ такой видъ, чтобы она представляла собой нѣчто послѣдовательное". Другихъ подробностей о „пропускахъ, вставкахъ и выноскахъ" Смирновъ не сообщаетъ; возможно, что при установленіи текста имъ допущены произвольныя конъюнктуры. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя собственныя имена прочтены имъ неправильно: Вагаршанъ вм. Вагаршакъ, Ассюдъ вм. Ашодъ, Бакратъ вм. Бахратъ, Родамистъ вм. Радамистъ. Мы возстановили правильное написаніе въ текстѣ по указаніямъ проф. Л. З. Мсеріанцъ.

Время написанія отрывковъ опредѣлить очень трудно. На рукописи хронологической даты нѣтъ, въ перепискѣ Грибоѣдова не упоминается о пьесѣ, современники о ней тоже не говорятъ. Одно несомнѣнно: планъ драмы былъ занесенъ на бумагу, когда Грибоѣдовъ уже располагалъ значительными спеціальными познаніями по исторіи Арменіи и вообще Востока, о чемъ свидѣтельствуетъ, напр., ссылка на „законъ Вагаршака" о наслѣдственномъ правѣ древне-армянскихъ владѣтельныхъ родовъ на придворныя должности. Сюжетъ, избранный Грибоѣдовымъ, относится къ событіямъ въ Грузіи и Арменіи въ половинѣ I вѣка по Р. Хр. Французскій драматургъ XVIII в. Crébillon использовалъ эту тему для драмы съ тѣмъ же заглавіемъ: „Radamiste et Zénobie". Эта пьеса была переведена на рус. языкъ Степ. Висковатовымъ и впервые поставлена на сцену 13 декабря 1809 г.; давалась не разъ и позднѣе. Отдѣльное изданіе: „Радамистъ и Зенобія. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе Кребильона", Спб., 1810, 56 стр. Переводъ вызвалъ разборъ В. А. Жуковскаго въ „Вѣстникѣ Европы" 1810, ч. 54, № 22, стр. 102 (перепечат. въ собр. соч. Жуковскаго). Наброски Грибоѣдова съ трагедіей Кребильона не имѣютъ ничего общаго, кромѣ заглавія и нѣкоторыхъ (далеко не всѣхъ) именъ дѣйствующихъ лицъ. Грибоѣдовъ могъ знать непосредственно тотъ первоисточникъ сюжета, откуда черпалъ и Кребильонъ: у Тацита, „Annales", кн. XII, гл. 44 и сл., разсказывается о царѣ Иверіи Фарасманѣ, младшемъ братѣ его, правителѣ Арменіи Митридатѣ, его сынѣ Радамистѣ и супругѣ Зенобіи. Грибоѣдовъ отнесся къ темѣ самостоятельно и хотѣлъ обставить сценарій точными бытовыми подробностями. Подробный комментарій къ „Радамисту и Зенобіи" Грибоѣдова см. въ ст. Л. З. Мсеріанцъ: „Къ вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію Востока" въ „Извѣстіяхъ II Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ" 1908, т. XIII. кн. 4, стр. 237—241.

10. 1812 годъ (*стр.* 262—265). Печатается по тексту „Черновой тетради" Грибоѣдова въ „Русскомъ Словѣ" 1859, № 5, стр. 67—69 и 80—81, опубликованному Д. А. Смирновымъ. Въ „Черновой" эти два фрагмента находились въ разныхъ мѣстахъ, и потому Смирновъ напечаталъ ихъ отдѣльно; но онъ же сообщаетъ по поводу діалога отца и дочери: „Въ Черновой есть еще одинъ драматическій отрывокъ, о которомъ... невозможно въ настоящее время рѣшить: какому именно принадлежитъ онъ сочиненію— исполненному или только задуманному. Содержаніе его взято изъ событій 1812 года" (тамъ же, стр. 79—80). Поэтому въ собраніяхъ сочиненій Грибоѣдова обычно оба отрывка соединяются подъ однимъ общимъ заглавіемъ.

Для точнаго опредѣленія времени написанія данныхъ нѣтъ; возможно, что отрывки писались въ разное время. Относительно діалога отца и дочери Смирновъ говоритъ: „Что касается до времени, въ которое онъ написанъ

Грибоѣдовымъ, то я могу положительно удостовѣрить, что онъ не можетъ быть старше 1822 года: въ просвѣтѣ бумаги я очень ясно увидалъ годъ ея фабрикаціи—1822-ой" (тамъ же, стр. 80). „Черновая", гдѣ помѣщены фрагменты, была оставлена Грибоѣдовымъ у Бѣгичева въ имѣніи въ половинѣ іюня 1828 г. Такимъ образомъ колебанія возможны между 1822 г. и іюнемъ 1828.

— *Соборъ Архангельскій*—въ московскомъ Кремлѣ.

— *Галлерея въ домѣ Позднякови.* О театральныхъ спектакляхъ въ 1812 г. въ домѣ театрала Позднякова см. „Русскій Архивъ" 1873, X; 1876, т. II (А. Н. Поповъ); „Дневникъ Театрала" 1889, № 7. Въ сценѣ, по тексту у Д. А. Смирнова, въ двухъ случаяхъ (стихи 1 и 28-й) дочь названа: *Надежда.*

11. Грузинская ночь (*стр.* 266—271). Печатается по тексту „Черновой тетради" въ „Русскомъ Словѣ" 1859, № 5, стр. 89—95 и 115—116. Въ запискѣ о Грибоѣдовѣ С. Н. Бѣгичевъ говоритъ: „На пути къ мѣсту своего назначенія Грибоѣдовъ пробылъ у меня три дня [13—15 іюня 1828]. Въ разговорахъ нашихъ между прочимъ спросилъ я его, не написалъ ли онъ еще комедіи, или нѣтъ ли еще новаго плана?—„Я уже говорилъ тебѣ при послѣднемъ свиданіи", отвѣчалъ онъ,—„что комедіи больше не напишу, веселость моя исчезла, а безъ веселости нѣтъ хорошей комедіи. Но есть у меня написанная трагедія". И тутъ же разсказалъ онъ содержаніе и прочелъ наизустъ читанныя имъ сцены въ Петербургѣ. Не стану говорить мнѣнія моего объ этихъ сценахъ... Но на убѣжденія мои прочесть мнѣ всю трагедію онъ никакъ не согласился.—„Я теперь еще къ ней страстенъ, говорилъ онъ, и далъ себѣ слово не читать ее пять лѣтъ, а тогда, сдѣлавшись равнодушнѣе, прочту какъ чужое сочиненіе и если буду доволенъ, то отдамъ въ печать" („Русскій Вѣстникъ" 1892, VIII, 315).

Общее содержаніе „Грузинской Ночи" изложено Ѳ. В. Булгаринымъ въ его „Воспоминаніяхъ о незабвенномъ А. С. Грибоѣдовѣ": „Во время военныхъ и дипломатическихъ занятій Грибоѣдовъ, въ часы досуга, уносился душою въ міръ фантазіи. Въ послѣднее пребываніе свое въ Грузіи онъ сочинилъ планъ романтической трагедіи и нѣсколько сценъ, вольными стихами съ рѳмами. Трагедію назвалъ онъ: *Грузинская ночь;* почерпнулъ предметъ оной изъ народныхъ преданій и основалъ на характерѣ и нравахъ Грузинъ. Вотъ содержаніе: одинъ Грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, и потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его; упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ службу свою и требуетъ или возврата сына или позволенія быть рабою одного господина, и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы, и наконецъ, по княжескому обычаю,—забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея оторвано отъ сердца дѣтище, и какъ Азіятка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Дели [Али], злыхъ духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется Русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Дели [Али] вселить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ

горы Св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера, но Дели несутъ пулю въ сердце его дочери. Еще не свершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружья, чтобъ поразить князя,—и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный князь наказанъ небомъ за презрѣніе чувствъ родительскихъ и познаетъ цѣну потери дѣтища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью. Они гибнутъ въ отчаяніи. Трагедія, основанная, какъ выше сказано, на народной Грузинской сказкѣ, еслибъ была такъ кончена, какъ начата, составила бы украшеніе не только одной Русской, но всей Европейской Литературы. Грибоѣдовъ читалъ намъ наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедія сія погибла вмѣстѣ съ авторомъ!...." („Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ" 1830, ч. 131, т. IX, № 1, стр. 28—30).

Духи—вѣдьмы Али и ихъ рѣчи близко напоминаютъ вѣдьмъ въ „Макбетѣ" Шекспира, дѣйствіе I, сцена третья, дѣйств. III, сцена пятая, и дѣйств. IV, сцена первая. Д. А. Смирновъ въ своихъ комментаріяхъ къ „Грузинской Ночи" („Русское Слово" 1859, № 5, стр. 89) приводитъ изъ статьи Березнова о грузинской медицинѣ слѣдующую характеристику духовъ Али: „Есть молитва, въ которой гномъ, извѣстный у Грузинъ подъ именемъ Али (буквально-пламень), обрисованъ рельефно. По народному повѣрью, Али—духъ женскаго пола, и онъ въ особенности преслѣдуетъ родильницъ; часто является онъ имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку... Сказываютъ, были и теперь будто-бы есть неустрашимые люди, которымъ удавалось поймать Али и держать ее нѣсколько лѣтъ въ услуженіи; увѣряютъ, что она невольно дѣлается рабой того, кто отрѣжетъ у ней косу, а такъ какъ Али часто расчесываетъ свои волосы на пустынномъ берегу рѣки, то это можно сдѣлать при извѣстныхъ условіяхъ". У Али „зубы словно кабаньи клыки, а коса во весь ростъ, и говоритъ-то она хотя языкомъ человѣческимъ, но все на оборотъ, и вся она создана будто на изнанку, и всѣ члены у ней будто выворотные".

Время написанія „Грузинской Ночи" Булгаринъ относитъ (см. выше) къ послѣднему пребыванію Грибоѣдова въ Грузіи. Онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ 3-го сентября 1826 года и пробылъ тамъ до 12-го мая 1827 г., когда вмѣстѣ съ Паскевичемъ выѣхалъ въ Эриванскій походъ. Къ этому пріѣзду и слѣдуетъ пріурочить написаніе пьесы; возможно, конечно, что и въ походѣ и затѣмъ среди переговоровъ съ Аббасомъ-Мирзою поэтъ „въ часы досуга" (очень рѣдкаго) возвращался къ обработкѣ „Грузинской Ночи".

Въ „Черновой" имѣлись слѣдующіе варіанты къ тексту, на отдѣльныхъ страницахъ. Къ стиху 22-му второго отрывка:

Такъ отъ людей надежды болѣ нѣтъ,
И Вседержителемъ отвергнуто моленье!
Услышьте вы отчаянья привѣтъ
И мрака порожденье!

Затѣмъ, нѣсколько отступя отъ этихъ стиховъ, слѣдуютъ стихи:

Я крестнымъ знаменьемъ отъ васъ оборонялась,
Тогда была добра, имѣла сына я...

(Одна Али появляется въ уединенномъ мѣстѣ)

Кого клянешь?
На чью главу
Бѣду зовешь?

Къ стиху 35-му—два варіанта:

1) Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!..
Лишь тучи длинными грядами
Перебѣгаютъ надъ холмами
И все крутятся... Ахъ, онѣ!

2) Но нѣтъ ихъ! Нѣтъ! И что̀ мнѣ въ чудесахъ
И въ заклинаніяхъ напрасныхъ!
Нѣтъ друга на землѣ и въ небесахъ,
Ни въ Богѣ помощи, ни въ адѣ для несчастныхъ!

Къ стиху 41-му:

Али.

Ты здѣсь! Но ты, исчадье праха,
Гдѣ ты украла волосà?
Они намъ сила и душа.
Отдай ихъ намъ...

Умри со страха!

Мы здѣсь, но гибель и напасть
Тому, кто взыщетъ ада власть.
Не цѣпенѣешь ли со страха,
Увидя насъ, исчадье праха?

Т.

Ахъ! Вотъ онѣ! Языкъ прикованъ мой!
Но не умру съ испуги.
Вотъ ваши волоса... Вотъ судъ вашъ роковой.
Кто ихъ имѣетъ, тѣхъ вы слуги.

А. С. Грибоѣдовъ-музыкантъ.

Какъ извѣстно изъ свидѣтельствъ современниковъ, собственныхъ показаній въ перепискѣ или замѣткахъ и другихъ матеріаловъ для біографіи А. С. Грибоѣдова, нашъ безсмертный сатирикъ-драматургъ принадлежалъ къ числу весьма немногихъ въ исторіи новаго искусства счастливцевъ, совмѣщавшихъ въ себѣ поэтическое дарованіе съ музыкальнымъ талантомъ. Въ противоположность античной эпохѣ исторіи искусства, когда поэтъ очень часто былъ и композиторомъ музыки къ своимъ текстамъ, новая исторія почти не знаетъ примѣровъ подобнаго сочетанія. За вычетомъ геніальнаго музыкальнаго драматурга Р. Вагнера и его земляка, болѣе скромнаго, преимущественно лирическаго таланта, Петра фонъ Корнеліуса (р. въ 1824 г., ум. въ 1874 г.), автора талантливыхъ романсовъ и хоровыхъ сочиненій и нѣсколькихъ оперъ, не имѣвшихъ особаго успѣха, и въ то же время поэта не безъ дарованія, затѣмъ итальянскаго мало талантливаго композитора и либреттиста Арриго Бойто, да, пожалуй, нашего геніальнаго самородка-композитора Мусоргскаго, писавшаго нерѣдко музыку на свои собственные тексты (нужно сказать, очень мало отдѣланные, часто даже просто грубые и безвкусные въ литературномъ отношеніи, но не лишенные блестокъ дарованія), мы почти не найдемъ другихъ сколько нибудь выдающихся примѣровъ соединенія названныхъ способностей въ одномъ и томъ же лицѣ [1]).

Но и у названныхъ композиторовъ-поэтовъ, какъ бы высоко ни цѣнили мы поэтическія способности особенно Вагнера и (въ меньшей степени) Корнеліуса, господствующимъ дарованіемъ, конечно, нужно признать музыкальное, тогда какъ поэтическое занимало у нихъ подчиненное мѣсто и играло скорѣе служебную роль. У Грибоѣдова (подобно Гофману и кн. Одоевскому)

---

[1]) Къ нимъ можно отнести еще знаменитаго новеллиста-романтика Эрнста Теодора Амадея Гофмана (р. 1776, ум. 1822), не только геніальнаго писателя, но въ то же время театральнаго капельмейстера и автора нѣсколькихъ нынѣ совершенно забытыхъ музыкальныхъ произведеній: оперъ, мессы, увертюры, симфоніи, фортепьянныхъ сонатъ, квинтета для арфы и смычковыхъ инструментовъ и нѣсколькихъ вокальныхъ сочиненій, а также нашего замѣчательнаго писателя, литературнаго послѣдователя Гофмана, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, страстнаго музыканта-любителя, автора нѣсколькихъ романсовъ, фортепьянной Колыбельной (изданной Балакиревымъ и обличающей неподдѣльное дарованіе) и нѣсколькихъ неизданныхъ рукописныхъ сочиненій для органа и т. д.

наблюдается какъ разъ обратное отношеніе: музыкальный талантъ его (по всѣмъ данным несомнѣнный) уступалъ повидимому въ силѣ и глубинѣ литературному и не принесъ плодовъ, не только равносильныхъ безсмертному „Горю отъ ума", но и вообще сколько нибудь значительныхъ (дошедшіе до насъ два образчика музыкальнаго творчества Грибоѣдова, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ ниже, не поднимаются выше средняго уровня даровитости, даже если прилагать къ нимъ тогдашнюю художественную мѣрку).

Конечно, въ безплодіи музыкальнаго дарованія Грибоѣдова повинны отчасти наши общія культурно-историческія условія того времени (занятія музыкой были тогда еще удѣломъ немногихъ дилетантовъ и не шли далѣе свѣтской забавы, пріятнаго времяпрепровожденія); отчасти же оно объясняется личными условіями жизни самого Грибоѣдова, благодаря которымъ и литературное его дарованіе не успѣло дать ничего замѣчательнаго, кромѣ его классической комедіи. Но какъ бы то ни было, очевидно и въ глазахъ самого Грибоѣдова музыка занимала лишь второе, если не третье мѣсто послѣ поэзіи; по серьезности и глубинѣ своего умственнаго склада, онъ изучалъ ее, можетъ быть, основательнѣе, чѣмъ многіе современные ему свѣтскіе любители, заглядывалъ (изрѣдка) въ теоретическія руководства (какія подвертывались подъ руку), даже бралъ уроки теоріи музыки, но сознательной художественной цѣли въ этихъ занятіяхъ, повидимому, не преслѣдовалъ и не дорожилъ своими творческими способностями, не идя далѣе импровизацій за фортепьяно въ часы досуга и очень мало записывая изъ того, что приходило ему въ голову за инструментомъ. Въ частной его перепискѣ и разныхъ замѣткахъ (путевыхъ запискахъ и т. п.) мы нерѣдко найдемъ свидѣтельства его любви и интереса къ музыкѣ, но не встрѣтимъ никакихъ упоминаній о задуманныхъ имъ или приведенныхъ въ исполненіе музыкальныхъ произведеніяхъ. Нѣтъ объ этомъ рѣчи и въ письмахъ, обращенныхъ къ музыкальнымъ друзьямъ, въ родѣ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, которыхъ могли бы интересовать музыкальные планы Грибоѣдова. Очевидно композиторство въ духовной жизни автора „Горя отъ ума" не занимало выдающагося мѣста, и самъ Грибоѣдовъ не придавалъ ему какого либо серьезнаго значенія. Этимъ въ значительной степени, конечно, объясняется, почему изъ музыкальныхъ произведеній Грибоѣдова не сохранилось ничего, кромѣ двухъ вальсовъ, напечатанныхъ въ одномъ изъ музыкальныхъ альманаховъ начала 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія уже послѣ смерти автора.

Тѣмъ не менѣе музыка и музыкальные интересы занимали все же видное мѣсто въ жизни нашего разностороннe и высоко одареннаго писателя, и едва ли можно сомнѣваться, что, при другихъ общихъ и личныхъ условіяхъ его дѣятельности, эта сторона его дарованія могла бы развернуться шире и оставить болѣе видный слѣдъ и въ исторіи русской музыки.

Когда и у кого началъ Грибоѣдовъ учиться музыкѣ, въ смыслѣ игры на фортепьяно, мы не знаемъ. По крайней мѣрѣ въ имѣющихся біографическихъ матеріалахъ на это нѣтъ никакихъ указаній. Возможно, что однимъ изъ первыхъ его учителей былъ Ширевичъ, учитель фортепьяно при Московскомъ

университетѣ [1]), профессора котораго давали уроки мальчику Грибоѣдову. Сохранились указанія, что Шпревичъ былъ серьезнымъ музыкантомъ. Такимъ его характеризуетъ одинъ изъ его учениковъ, покойный А. Н. Дюбюкъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ о другомъ своемъ учителѣ Джонѣ Фильдѣ [2]): „Первымъ моимъ учителемъ былъ Шпревичъ, знающій и добросовѣстный піанистъ“ [3]). Говоря о трудности занятій подъ руководствомъ Фильда, очень мало объяснявшаго своимъ ученикамъ, какъ надо работать, Дюбюкъ прибавляетъ: „Нужно было самому до всего доходить и додумываться; но, признаюсь, я былъ достаточно для этого подготовленъ моимъ прежнимъ учителемъ“ (т. е. Шпревичемъ) [4]). Кн. В. Ѳ. Одоевскій, другъ Грибоѣдова и тоже воспитанникъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, всегда вспоминалъ съ особой благодарностью о Шпревичѣ, которому былъ обязанъ первымъ знакомствомъ съ сочиненіями I. C. Баха, едва ли кому извѣстнаго въ тѣ времена въ Москвѣ, но ставшаго на всю жизнь предметомъ восторженнаго культа со стороны князя-музыканта [5]).

Кромѣ Шпревича и его сотоварища по преподаванію фортепьяно въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, Александра Волкова [6]), въ Москвѣ въ годы дѣтства и отрочества Грибоѣдова уже жилъ такой выдающійся музыкантъ, какъ извѣстный нѣмецкій піанистъ, органистъ и плодовитый фортепьянный композиторъ промежуточной эпохи между I. C. Бахомъ и Бетховеномъ, Іоганнъ Вильгельмъ Гесслеръ (Hässler, род. въ Эрфуртѣ 29 марта 1747 г.), племянникъ и ученикъ Киттеля, одного изъ лучшихъ учениковъ I. C. Баха, пріѣхавшій въ Россію (сначала въ Петербургъ) въ 1792 г. на придворную службу (капельмейстеромъ и піанистомъ) и вскорѣ затѣмъ (въ 1794 г.) переселившійся въ Москву, гдѣ и умеръ 25 или 29 марта 1822 г. Авторъ многочисленныхъ, классическихъ по формѣ произведеній для фортепьяно (52 сонаты, 6 концертовъ, многочисленные этюды, прелюдіи, варіаціи, въ томъ числѣ и на русскія народныя темы), Гесслеръ былъ также и очень популярнымъ въ Москвѣ виртуозомъ и преподавателемъ фортепьянной игры, извѣстность котораго въ этомъ отношеніи въ московскомъ обществѣ была такъ велика, что ею объясняли незначительный успѣхъ пріѣхавшаго въ 1822 г. знаменитаго Гуммеля, возбуждавшаго въ тѣ времена вездѣ шумные восторги публики своей элегантной, гладко отдѣланной и блестящей игрой и своими сочиненіями, полными также внѣшняго блеска и изящества. Болѣе серьезный стиль игры Гесслера и его произведеній очевидно воспиталъ музыкальный вкусъ, по крайней мѣрѣ хотя бы нѣкоторой

---

[1]) Въ объявленіи о московскомъ благородномъ пансіонѣ (отъ 1810 года), напечатанномъ въ приложеніи къ книгѣ Н. В. Сушкова, „Московскій университетскій благородный пансіонъ и т. д. Изд. испр. и дополн. (Москва, 185[illegible], стр. 57)“, читаемъ: „Данило Шпревичъ, Докторъ, и Александръ Волковъ, будутъ учить на фортепіано“.

[2]) „Воспоминанія о Джонѣ Фильдѣ“, „Книжки Недѣли“ 1898 г., декабрь, стр. 7—20.

[3]) Цитир. сочин., стр. 8.

[4]) Тамъ же, стр. 8—9.

[5]) „Русскій Архивъ“, 1864, стр. 810.

[6]) См. выше, примѣч. 1.

части московскаго общества въ другомъ направленіи, чѣмъ и объяснялся неуспѣхъ въ Москвѣ внѣшне блестящаго, но поверхностнаго и неглубокаго Гуммеля. Въ виду такой популярности Гесслера въ Москвѣ, вполнѣ допустимо предположеніе, что дѣти Грибоѣдовы, будущій писатель и его сестра Марія Сергѣевна, по свидѣтельству кн. В. Ѳ. Одоевскаго „превосходно игравшая на фортепьянахъ и въ особенности на арфѣ“ [1]), могли быть и учениками Гесслера [2]).

Если Шпревичъ и Гесслеръ могли быть учителями брата и сестры Грибоѣдовыхъ, какъ это мы сейчасъ видѣли, то во всякомъ случаѣ эти послѣдніе едва ли могли учиться фортепьянной игрѣ у знаменитаго пьяниста и композитора Джона Фильда, какъ это неудачно предполагаетъ г. Шаломытовъ въ своей статьѣ „Грибоѣдовъ и музыка“ [3]). Дѣло въ томъ, что Фильдъ, пріѣхавшій въ Россію въ 1804 г. вмѣстѣ со своимъ учителемъ, знаменитымъ Муціо Клементи, сначала поселился въ Петербургѣ [4]) и ѣздилъ отсюда въ Москву лишь ненадолго, чтобы тамъ концертировать [5]). На постоянное жительство онъ переѣхалъ въ Москву лишь въ началѣ 20-хъ гг. прошлаго столѣтія [6]), когда Грибоѣдовъ уже служилъ на востокѣ (въ Персіи и на Кавказѣ) и состоять въ числѣ учениковъ моднаго пьяниста не могъ физически. Повидимому г. Шаломытовъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ,

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“, 1864 г., 809. О томъ, что М. С. Грибоѣдова была „отличной, нѣкогда очень извѣстной въ Москвѣ піанисткой“, свидѣтельствуетъ и Бѣгичевъ у Д. А. Смирнова (см. Бесѣды въ Общ. Люб. Росс. Слов., 1868 г. вып. II, отд. 2, стр. 7).

[2]) См. о немъ статью В. А. Сенилова въ „Русской Музык. Газетѣ“ 1901 г., № 29—30, стлб. 708—711 и „Музык. Словарь“ Римана, изд. Юргенсона, Москва, стр. 346—47. Извѣстный Гессъ де Кальве въ своей „Теоріи музыки“ (Харьковъ, 1818. ч. II, 75—77) говоритъ о немъ: „И въ Москвѣ музыка находится на высокой степени усовершенія. Знаменитый ветеранъ и современникъ Моцарта Генэлеръ (т. е. Гесслеръ) своими классическими сочиненіями и уроками образовалъ множество любителей музыки и не мало участвовалъ къ возвышенію этого искусства въ сей древней столицѣ“. Ниже Гесслеръ упоминается еще на стр. 210 (Генслеръ), 211 (Генэлеръ) и 213 (Геслеръ), какъ авторъ концертовъ, камерныхъ ансамблей и сонатъ.

[3]) „Историч. Вѣстникъ“ 1910 г., іюнь, 866.

[4]) См. Риманъ „Музык. словарь“, Москва, изд. Юргенсона, стр. 1324 и цитированныя выше „Воспоминанія о Джонѣ Фильдѣ“ А. И. Дюбюка въ „Книжкахъ Недѣли“ 1898, декабрь. Гессъ де Кальве („Теорія музыки“, 1818 г. ч. II, стр. 75) относитъ Фильда къ числу „Петербургскихъ виртуозовъ“.

[5]) Пріѣзжалъ въ Москву въ 1809 г. (См. „Аглая“, 1809, ч. VI, іюнь, 10-11: „О московскомъ благородномъ собраніи. Письмо одной дѣвушки къ пріятельницѣ“) и около 1811—1812 гг. (см. Письма М. А. Волковой къ В. Н. Ланской въ переводѣ М. Свистуновой, „Вѣстникъ Европы“ 1874, № 8, стр. 579); см. также біографіи Фильда въ Musikalisches Conversationslexicon Менделя и Рейсмана, т. III, 514, и въ приложеніяхъ къ „Нувеллисту“ 1852 г., мартъ, стр. 18: „Еще до 1812 г. онъ (Фильдъ) ѣздилъ въ Москву по многократнымъ приглашеніямъ тамошнихъ вельможъ и былъ ими принятъ такъ радушно, что сначала онъ думалъ тамъ остаться. Но Петербургъ снова манилъ Фильда“.

[6]) По свидѣтельству А. И. Дюбюка въ 1822 г. („Книжки Недѣли“, декабрь, стр. 11), съ чѣмъ согласно и показаніе М. И. Глинки въ его „Запискахъ“ (изд. 1871 г., стр. 13). См. также біографію Фильда во II томѣ Encyclopädie der gesammten musikalischen Wissenschaften oder Universallexicon der Tonkunst Шиллинга (стр. 694).

что въ числѣ учениковъ Фильда былъ и извѣстный композиторъ Верстовскій, москвичъ, если не по рожденію, то по мѣсту дѣятельности. Но Верстовскій только потому и попалъ въ ученики Фильда, что учился въ Петербургѣ, въ Институтѣ Корпуса инженеровъ путей сообщенія, который кончилъ еще за четыре года до переѣзда Фильда въ Москву (въ 1818 году) [1]). Въ дѣйствительности Грибоѣдовъ могъ пользоваться уроками Фильда въ теченіе сколько нибудь продолжительнаго времени лишь съ 1815 года, въ тотъ періодъ своей жизни, когда переѣхалъ на житье въ Петербургъ, послѣ чего вышелъ въ отставку изъ военной службы (1816 г.) и поступилъ въ гражданскую, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ (1817 г.). Но къ этому времени онъ несомнѣнно уже хорошо игралъ на фортепьяно, и уроки Фильда, если бы онъ ихъ и бралъ, могли бы только придать послѣднюю отдѣлку его уже ранѣе пріобрѣтенному умѣнью.

Кто бы ни былъ, однако, учителемъ Грибоѣдова въ фортепьянной игрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что, по тогдашнимъ понятіямъ, Грибоѣдовъ могъ считаться хорошимъ пьянистомъ, и едва ли слѣдуетъ видѣть большое преувеличеніе въ отзывѣ его друга С. Н. Бѣгичева, находившаго, что молодой Грибоѣдовъ уже мальчикомъ 13 лѣтъ „имѣлъ необыкновенную способность къ музыкѣ, игралъ отлично на фортепьяно и, еслибъ посвятилъ себя этому искусству, конечно, сдѣлался бы первокласснымъ артистомъ“ [2]). Приблизительно въ такихъ же выраженіяхъ характеризуетъ музыкальныя способности Грибоѣдова К. Полевой: „Не меньше блестящія способности показалъ Грибоѣдовъ и въ искусствахъ. Онъ страстно любилъ музыку, и съ самыхъ юныхъ лѣтъ сдѣлался превосходнымъ фортепьянистомъ. Механическая часть игры на фортепіано не представляла для него никакой трудности, и впослѣдствіи онъ изучалъ музыку вполнѣ, какъ глубокій теоретикъ“ [3]).

Поступивъ въ военную службу въ 1812 году подъ вліяніемъ патріотическаго порыва, охватившаго тогда русское общество, и отдавшись съ увлеченіемъ разгульной гусарской жизни, Грибоѣдовъ и въ этой новой и мало благопріятной для занятій искусствомъ обстановкѣ не оставляетъ, повидимому, музыки, хотя и дѣлаетъ ее пособницей своихъ гусарскихъ шалостей. Всѣ біографы Грибоѣдова приводятъ разсказъ С. Н. Бѣгичева, его сослуживца, о томъ, какъ однажды во время стоянки ихъ полка въ Брестъ-Литовскѣ лѣтомъ 1813 или 1814 года оба молодые офицера забрались въ церковь католическаго монастыря еще до начала службы. „Бѣгичевъ остался внизу, а Грибоѣдовъ отправился на хоры, гдѣ органъ. Собрались монахи, началась служба.... Когда по порядку службы потребовалась музыка, Грибоѣдовъ заигралъ и игралъ долго и отлично. Вдругъ священные звуки смолкли, и

---

[1]) См. Н. Ѳ. Финдейзенъ, „А. Н. Верстовскій. Его жизнь и музыкальная дѣятельность.—Матеріалы для исторіи Московскихъ театровъ“, 2-е приложеніе къ „Ежегоднику Императорскихъ театровъ“ за 1896—97 г., стр. 89.

[2]) Записка С. Н. Бѣгичева объ А. С. Грибоѣдовѣ, „Русскій Вѣстникъ“ 1892 г., № 8. Сообщенія и извѣстія, стр. 307.

[3]) К. Полевой „О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова“ („Горе отъ ума“. Комедія въ 4-хъ дѣйств., въ стихахъ. Второе изданіе. Спб. 1839, 16° стр. С—202), стр. VIII—IX.

съ хоръ раздался.... нашъ родной, нашъ кровный *Камаринскій!* Можно судить, какой это произвело эффектъ, и какой гвалтъ произошелъ между святыми отцами. Все сошло съ рукъ" [1]).

Скоро, однако, Грибоѣдовъ прощается съ полковой жизнью, и въ 1815 году мы видимъ его уже въ Петербургѣ, гдѣ его влеченіе къ музыкѣ могло снова найти обильную пищу въ столичныхъ театрахъ (опера французская, открывшаяся именно съ 1815 г., и русская) и концертахъ (особенно Филармоническаго общества, въ которыхъ въ 1815—1818 гг. исполнялись объ знаменитыхъ ораторіи Гайдна, Davide penitente Моцарта, ораторія „Архангелъ Михаилъ" І. Г. Мюллера, „Христосъ на Элеонской горѣ" Бетховена и др. менѣе крупныя произведенія). Увлекающійся энтузіастъ искусства, Грибоѣдовъ не только самъ предается художественнымъ впечатлѣніямъ, но и другихъ хочетъ увлечь по тому же пути. Такъ, въ письмѣ къ П. А. Катенину отъ 19 окт. 1817 г. изъ Петербурга въ Москву читаемъ: „Поклонись Алексѣю Скуратову, да сажай его чаще за фортепіано".

Любопытно, что въ это время Грибоѣдова, повидимому, больше влекла къ себѣ музыка, чѣмъ поэзія. По крайней мѣрѣ въ извѣстномъ письмѣ къ Бѣгичеву 15 марта 1818 г. онъ отводитъ музыкѣ какъ бы первое мѣсто, разсказывая о своемъ разговорѣ съ министромъ, предлагавшимъ ему командировку въ Тегеранъ, гдѣ пришлось бы отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми, съ пріятными женщинами, которымъ Грибоѣдовъ самъ могъ бы быть пріятенъ: „не смѣйся, я молодъ, музыкантъ, влюбчивъ и охотно говорю вздоръ, чего же имъ (женщинамъ) еще надобно". Въ отвѣтъ на замѣчаніе министра, что въ уединеніи дарованія Грибоѣдова усовершенствуются, послѣдній возражаетъ: „Нисколько, В. С. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; ихъ нѣтъ въ Персіи"....

Возможно, что въ это время Грибоѣдовъ сталъ заниматься и теоріей музыки подъ руководствомъ извѣстнаго тогда въ Петербургѣ отличнаго теоретика Іоганна Генриха Моллера [2]), автора ораторіи „Архангелъ Михаилъ"

---

[1]) Д. А. Смирновъ, Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ „(Бесѣды въ Обществѣ Любителей Росс. Словесности при Имп. Моск. унив., вып. II, Москва 1868, отдѣленіе II), стр. 7. Нѣсколько иную версію этого разсказа см. у Д. А. Смирнова „Къ біографіи Грибоѣдова", „Истор. Вѣсти." 1909, апрѣль, 153.

[2]) См. Примѣчанія къ письму Грибоѣдова кн. В. Ѳ. Одоевскаго, „Русскій Архивъ", 1864, стлб. 810: „Грибоѣдовъ былъ ученикъ, если не ошибаемся, знаменитаго Петербургскаго гармониста Іоганна Миллера". Этотъ послѣдній род. 19 марта н. с. 1781 г. въ Кёнигсбергѣ, сначала изучалъ право, но потомъ отдался музыкѣ; теоріи композиціи учился у Тюрка въ Галле, а скрипкѣ у знаменитаго Крейцера въ Парижѣ; въ 1803 г. приглашенъ капельмейстеромъ нѣмецкаго театра въ Петербургъ, но по истеченіи срока контракта оставилъ эту мало ему подходившую дѣятельность и посвятилъ себя композиціи, давая для добыванія средствъ къ жизни уроки скрипки и фортепьяно, игру на которомъ изучилъ безъ посторонней помощи, имѣя уже 25 лѣтъ отъ роду. Его учениками (по теоріи) были въ разное время скрипачъ Роде, знаменитый Фильдъ, Лафонъ, Дерфельдъ, Бемъ, Зусманъ, Фуксъ, Домашевскій, изъ русскихъ дилеттантовъ: кн. Дм. Н.Салтыковъ, гр. Мих. Ю. Вielьгорскій, гр. Ѳ. М. Толстой и А. А. Алябьевъ. Ему принадлежитъ много фортепьянныхъ вещей (этюды, прелюдіи, фуги, фантазіи, вальсы), ораторія „Архан-

(Der Erzengel Michael), исполненной дважды въ Петербургѣ въ концертахъ Спб. Филармоническаго общества (въ 1817 и 1818 гг.), и почетнаго члена названнаго общества съ 1817 г. (1). Пріятель извѣстнаго нѣмецкаго піяниста и талантливаго композитора Лудвига Бергера (впослѣдствіи учителя Ф. Мендельсона), пріѣхавшаго въ Россію вмѣстѣ со своимъ учителемъ Муціо Клементи (въ 1804 г.), І. Г. Мюллеръ, по отзыву Бергера, былъ однимъ изъ самыхъ ученыхъ и глубокихъ теоретиковъ, какихъ только послѣдній встрѣчалъ (2). Глинка въ своихъ запискахъ также называетъ Мюллера „знаменитымъ контрапунктистомъ", прибавляя, однако, что съ нимъ ему (можетъ быть, и къ лучшему) познакомиться не удалось (3).

О томъ, какой характеръ имѣли занятія Грибоѣдова съ Мюллеромъ, и въ чемъ они состояли, мы къ сожалѣнію не имѣемъ никакихъ рѣшительно свѣдѣній ни въ перепискѣ самого писателя, ни въ другихъ біографическихъ матеріалахъ. Правда, старшая сестра А. С. Грибоѣдова — М. С. Грибоѣдова, впослѣдствіи Дуриово, свидѣтельствовала, что покойный ея братъ „зналъ генералъ-басъ (т. е. гармонію) въ совершенствѣ" 4), но едва ли сама она была вполнѣ компетентна въ данномъ отношеніи, и придавать абсолютное значеніе ея словамъ было бы рискованно. Судить о музыкально-теоретической подготовкѣ Грибоѣдова мы можемъ только на основаніи его музыкальныхъ произведеній, дошедшихъ до насъ—его двухъ фортепьянныхъ вальсовъ, упомянутыхъ выше. Въ этомъ отношеніи любопытно сопоставленіе двухъ имѣющихся у насъ редакцій вальса E-moll, первой, болѣе ранней (не позже 1823 г.), сообщенной племянницей С. Н. Бѣгичева, Е. Соковниной и напечатанной повидимому съ рукописи самаго автора 5), и второй, болѣе поздней, появив-

---

гелъ Михаилъ", 1-16 псаломъ съ латинскимъ текстомъ, 84 псаломъ для русскаго церковнаго хора, нѣсколько квартетовъ для смычковыхъ инструментовъ. Онъ умеръ 19 марта 1826 г., оставивъ послѣ себя дочь, взятую на воспитаніе его другомъ, нашимъ извѣстнымъ граверомъ Н. И. Уткинымъ, которому принадлежитъ и очень похожій портретъ Мюллера (съ миніатюры Берже). См. Encyclopädie der gesammten musikalischen Wissenschaften oder Universallexicon der Tonkunst Шиллинга, т. V; Мендель и Рейсманъ „Musikalischer Konversationslexicon, т. VII; „Справочный энциклоп. словарь" Старчевскаго, т. VIII, стр. 112; современные некрологи въ „Сѣверной Пчелѣ" 1826 г., № 33 и 41 и въ „Моск. Телеграфѣ" 1826 г., ч. 8, № 8, стр. 371 сл.; Д. А. Ровинскій, „Н. И. Уткинъ, его жизнь и произведенія". Спб. 1884, 133. По словамъ Уткина, Мюллеръ былъ „превосходный человѣкъ".

1) См. Е. Альбрехтъ, „Общій обзоръ дѣятельности Высочайше утвержденнаго Спб. Филармоническаго общества". Спб. 1884, стр. 6, 7, 51, а также Гессъ де Кальве „Теорія музыки", Харьковъ, 1818, ч. II, 110.

2) См. L. Rellstab, „Ludwig Berger, ein Denkmal". Berlin, 1846, стр. 45—46.

3) М. Глинка, „Записки", изд. „Русской Старины". Спб. 1871 стр. 24.

4) Д. А. Смирновъ, „Біографич. извѣстія о Грибоѣдовѣ: „Бесѣды въ Общ. Люб. Росс. Слов.", вып. II, 1868 г. отд. 2, стр. 7.

5) Соковниной было всего 12 лѣтъ, когда она проводила зиму въ Москвѣ у своего дяди С. Н. Бѣгичева, въ домѣ котораго тогда (1823 г.) жилъ его другъ Грибоѣдовъ. „Они оба", пишетъ г-жа Соковнина, „имѣли большое вліяніе на мое умственное развитіе... Даже любовь къ музыкѣ и серьезному чтенію были развиты во мнѣ моимъ дядей С. Н. Бѣгичевымъ и его дру-

данномъ И. Ласковскимъ и Н. Норовымъ [1]). Первая редакція, перепечатанная изъ „Историческаго Вѣстника“ и въ полномъ собраніи сочиненій Грибоѣдова, изданномъ подъ редакціей И. А. Шляпкина (т. II, послѣ стр. 510), и въ нашемъ изданіи, несомнѣнно обнаруживаетъ руку менѣе опытную, чѣмъ вторая, производящая въ этомъ отношеніи гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе. Кто ретушировалъ вторую редакцію E-moll-наго вальса, самъ ли Грибоѣдовъ, ушедшій дальше въ техникѣ и теоріи композиціи со времени первой редакціи (1823 года), или, можетъ быть, издатель „Лирическаго альбома“, талантливый и по всѣмъ даннымъ болѣе образованный въ музыкально-теоретическомъ отношеніи, композиторъ И. Ѳ. Ласковскій [2]), или кн. В. Ѳ. Одоевскій, черезъ котораго эти вальсы могли попасть на страницы „Лирическаго альбома“, мы не знаемъ. Не подлежитъ лишь сомнѣнію, что въ первой редакціи вальса встрѣчаются не только грубыя музыкально-орѳографическія ошибки (напр. dis въ правой рукѣ при d въ басу въ 22 тактѣ), но и еще болѣе грубыя погрѣшности голосоведенія (параллельныя октавы между басомъ и верхнимъ голосомъ въ тактахъ 32—33), немыслимыя у музыканта, получившаго сколько нибудь основательную музыкально-теоретическую подготовку. Вторая редакція вальса (1831—32 года), напротивъ, имѣетъ гораздо болѣе грамотный видъ, въ нотаціи ея и гармонизаціи произведены измѣненія къ лучшему, устраняющія ошибки и шероховатости первой редакціи и принадлежащія очевидно болѣе опытному и рутинированному музыканту [3])

Изъ этихъ сопоставленій явствуетъ, что музыкально-теоретическая подготовка Грибоѣдова во время сочиненія имъ вальса E-moll въ первой его редакціи, т. е. около 1823 г., была еще очень не совершенна, и такимъ образомъ занятія Грибоѣдова съ Мюллеромъ, которыя могли происходить въ 1817—18 гг., или были не продолжительны, или во всякомъ случаѣ не оказали

гомъ А. С. Грибоѣдовымъ. Въ эту зиму Грибоѣдовъ продолжалъ отдѣлывать свою комедію „Горе отъ ума“ и, чтобы вѣрнѣе схватить всѣ оттѣнки московскаго общества, ѣздилъ на обѣды и балы, до которыхъ никогда не былъ охотникъ, а затѣмъ уединялся по цѣлымъ днямъ въ своемъ кабинетѣ. Тогда по вечерамъ раздавались его чудныя импровизаціи на роялп, и я, имѣя свободный доступъ въ его кабинетъ, заслушивалась ихъ до поздней ночи. У меня сохранился сочиненный и написанный самимъ Грибоѣдовымъ вальсъ, который онъ передалъ мнѣ въ руки. Прилагаю этотъ вальсъ, въ увѣренности, что онъ можетъ и теперь доставить многимъ удовольствіе“. („Истор. Вѣстникъ“ 1889 г., т. XXXV, № 3, стр. 672).

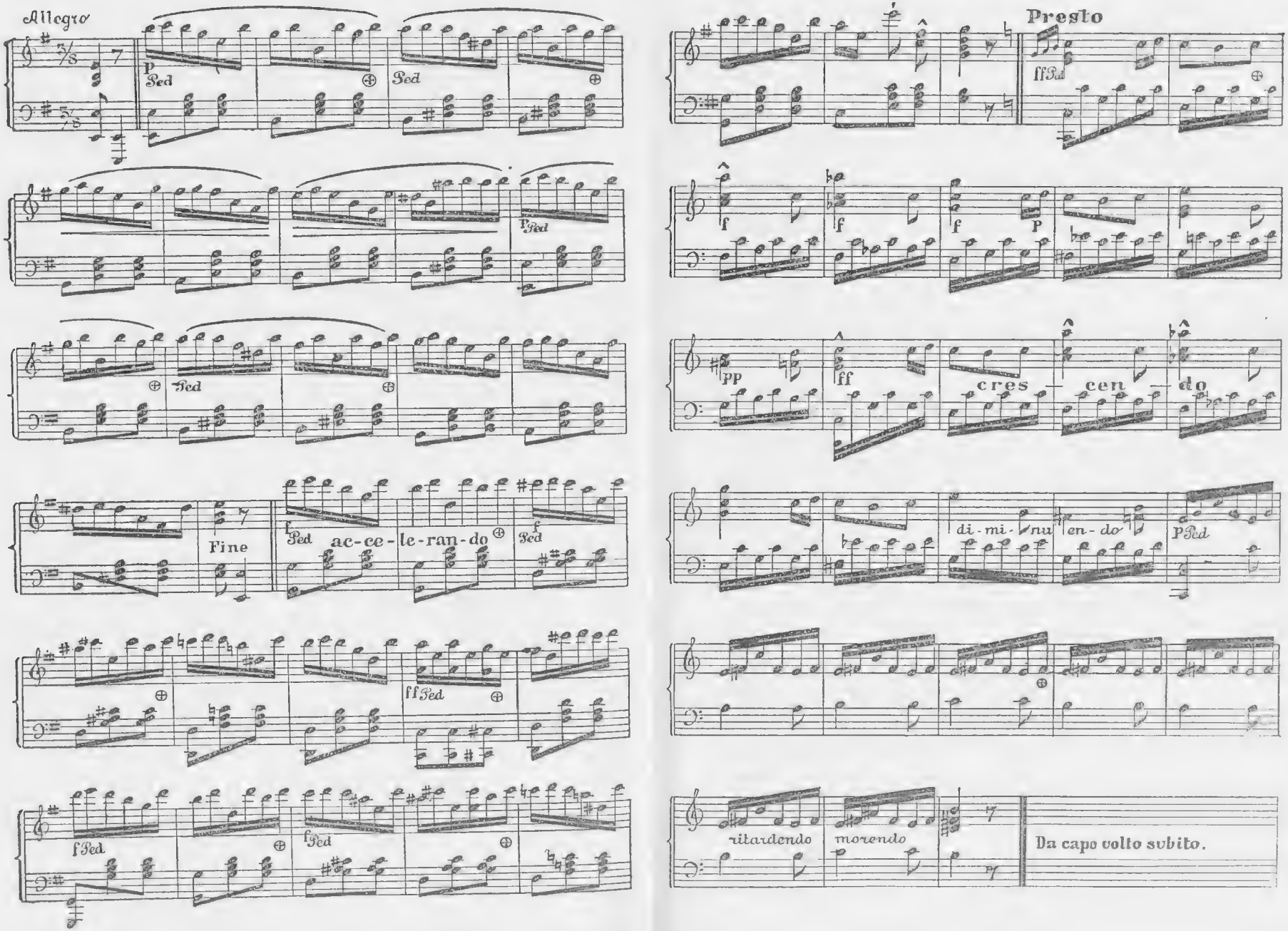
[1]) Лирическій альбомъ на 1832 годъ. Изданъ И. Ласковскимъ и Н. Норовымъ въ С.-Петербургѣ. Лит. у И. Беггрова, на Невскомъ Проспектѣ № 52“. 4° obl. (фронтисписъ рис. гр. Ѳ. Толстымъ). 4 стр. ненумер. + 44 стр. При немъ же „Прибавленіе къ Лирическому Альбому. С.-Петербургъ. Лит. у И. Беггрова, Невск. просп. № 52“. 2 стр. ненумер. + 37 стр. Вальсы Грибоѣдова напечатаны въ „Прибавленіи“ къ альбому: вальсъ As dur на стр. 26, вальсъ E moll на стр. 28. Позднѣйшая перепечатка обоихъ вальсовъ фототипическимъ путемъ появилась въ № 4 журнала „Театръ и Искусство“ за 1904 г.

[2]) Ученикъ Фильда, р. 1799, ум. въ Петербургѣ въ 1855 г.

[3]) Но и въ ней встрѣчаются ошибки (или опечатки). Такъ въ тактѣ 7-мъ отъ начала въ правой рукѣ должно быть cis (до діэзъ) вм. простого c (до), какъ напечатано (въ басу имѣемъ cis=до діэзъ).

ВАЛЬСЪ А. С. ГРИБОѢДОВА E-moll,

Первая редакція.



большого вліянія на композиторскую технику Грибоѣдова, или, наконецъ, относятся къ болѣе позднему времени, уже послѣ написанія первой редакціи помянутаго вальса, напримѣръ, ко второй половинѣ 1823 г., 1824 и началу 1825 гг., проведеннымъ Грибоѣдовымъ снова въ Петербургѣ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дипломатической службы на востокѣ. Послѣднее предположеніе, пожалуй, надо признать наиболѣе вѣроятнымъ, иначе было бы странно, что Грибоѣдовъ, занимавшійся уже съ Мюллеромъ теоріей и, по словамъ К. Полевого, „изучавшій музыку вполнѣ, какъ глубокій теоретикъ“ [1]), могъ не замѣтить у себя такихъ грубыхъ и дурно звучащихъ промаховъ голосоведенія, какіе были указаны нами выше. Что Мюллеръ находился въ 1823—24 гг. въ Петербургѣ, видно изъ „Записокъ“ М. И. Глинки (см. выше, стр. 311), а также изъ сотрудничества Мюллера въ музыкальномъ журналѣ „La Harpe du Nord“, издававшемся въ 1822—25 гг. издателемъ Фридр. Зацентофеномъ, гдѣ помѣщенъ былъ рядъ фортепіанныхъ пьесъ Мюллера [2]). О пробужденіи у Грибоѣдова интереса къ теоріи музыки именно въ началѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія свидѣтельствуетъ его письмо къ князю Р. Ѳ. Одоевскому, писанное въ 1823 г.: „возлѣ тебя въ книжной лавкѣ не найдется ли Гессъ де Кальве, Теорія музыки и Успенскій, Русск. древности изъ частной жизни Россіянъ, одна часть?“ [3]).

Какъ бы то ни было, если Грибоѣдовъ и занимался въ 1817—18 гг. теоріей музыки съ выше упомянутымъ І. Г. Мюллеромъ, то уже лѣтомъ 1818 г. занятія эти должны были прекратиться вслѣдствіе отъѣзда нашего писателя

---

[1]) См. выше, стр. 309.

[2]) La Harpe du Nord Journal de Musique destiné uniquement à recueillir ce qu'il y aura de plus intéressant en fait de pièces fugitives, composées par les amateurs et les artistes demeurant en Russie: pour le Chant, le Piano, la Harpe et la Guitarre très humblement dédiée à sa Majesté l'Impératrice regnante Elisabeth Alexiewna par l'éditeur Frédéric Satzenhoven. S. Pétersbourg. Въ Имп. Публ. библіотекѣ имѣются томы этого журнала лишь за 1822, 1824 и 1825 г., 1823 г. не хватаетъ.

[3]) Книга Гессъ де Кальве носила слѣдующее заглавіе: „Теорія музыки или Разсужденіе о семъ искуствѣ, заключающее въ себѣ исторію, цѣль, дѣйствіе музыки, Генерал-баса, правила сочиненія (композиціи), описаніе инструментовъ, разные роды музыки и все что относится къ ней въ подробности. Сочинено въ Россіи и для Рускихъ Густавомъ Гессъ де Кальве, Докторомъ философіи Императорскаго Харьковскаго Университета, Старшимъ Членомъ Горнаго Правленія Луганскаго литейнаго завода, Оберъ-Гиттенъферваltеромъ и Членомъ разныхъ Обществъ. Переведено съ нѣмецкой рукописи Разумникомъ Гопорскимъ, Ученаго Общества состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ Членомъ-Ассессоромъ и Санктпетербургскаго Общества Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія Членомъ-Кореспондентомъ. Харьковъ, въ Универс. Типогр. 1818 г. 8°. Двѣ части: I=8 ненум.+304 стр., II=369+7 ненумер. стр. Настоящей „теоріи музыки“ здѣсь мало, и большую часть книги занимаютъ дѣйствительно „разсужденія“ о музыкѣ и состояніи этого искусства у насъ въ Россіи въ первой четверти XIX в., что̀ дѣлаетъ книгу Гессъ де Кальве цѣннымъ источникомъ для историка музыки. Другая книга—Успенскаго „Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ. Ч. I. О обычаяхъ Россіянъ въ частной жизни“ (Изд. 2, Харьковъ, 1818) также могла интересовать Грибоѣдова заключающимися въ ней свѣдѣніями о русской народной музыкѣ и народныхъ музыкальныхъ инструментахъ.

изъ Петербурга сначала въ Москву, затѣмъ изъ Москвы въ Тифлисъ и далѣе въ Персію (уже въ началѣ 1819 года). Эти переѣзды, конечно, не могли благопріятствовать занятіямъ Грибоѣдова любимымъ искусствомъ, но интересъ къ музыкѣ, любовь къ ней не оставляли его и во время этихъ скитаній. Въ письмѣ своемъ къ Бѣгичеву изъ Воронежа отъ 18-го сент. 1818 г. Грибоѣдовъ пишетъ, что охладѣлъ къ Москвѣ: „Въ Москвѣ все не по мнѣ,—праздность, роскошь, несопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи: ни въ комъ нѣтъ любви къ чему нибудь изящному". Осенью этого же года въ жизни Грибоѣдова имѣло мѣсто событіе, повлекшее за собою очень чувствительныя послѣдствія для него, какъ пьяниста, а именно его дуэль съ Якубовичемъ, въ которой нашъ писатель былъ раненъ въ ладонь лѣвой руки. Жизни эта рана, конечно, не угрожала, но въ результатѣ ему свело мизинецъ, что̀ не могло не отразиться на бѣглости и свободѣ игры и заставило его прибѣгать къ особой аппликатурѣ [1]).

Въ наступившихъ затѣмъ скитаніяхъ по востоку Грибоѣдову уже некогда было заниматься своимъ любимымъ искусствомъ. Но страстный музыкантъ все время сказывается въ его путевыхъ письмахъ и замѣткахъ. Описывая свои впечатлѣнія отъ посѣщенныхъ имъ странъ и городовъ, Грибоѣдовъ постоянно обращаетъ вниманіе на мѣстную музыку и пѣніе, какъ на одну изъ яркихъ характеристичныхъ чертъ данной національности. Въ письмѣ къ издателю „Сына Отечества" изъ Тифлиса отъ 21 янв. 1819 г. читаемъ: „Вечеромъ въ порядочныхъ домахъ танцуютъ, на *сажняхъ* (терассахъ) звучатъ бубны и завываютъ пѣсни, очень пріятныя для *поющихъ*". [2]). Въ путевомъ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву (изъ Тавриза, вѣроятно, февраль 1819 г.) въ характеристикѣ города отмѣчается: „бани и климатъ въ сравненіи съ тифлисскими. Мерзлые плоды. Пляска и музыка" [3]). Дальше въ томъ же письмѣ, при описаніи встрѣчи въ деревнѣ передъ Зангаломъ, читаемъ: „множество народу. Сходимъ возлѣ огромнаго дома. Описаніе его. Славные плоды. Явленіе весны. Музыка вечеромъ". Въ IX путевомъ письмѣ, изъ Тегерана, въ описаніи бейрама отмѣчено: „Наканунѣ, ночью и во весь день все варварская музыка". Въ путевыхъ запискахъ, веденныхъ лѣтомъ 1819 г., подъ 12 іюля находимъ снова описаніе бейрама: „Жаръ, барабаны, трубы, дудочки, красное знамя, фальконетные залпы". Подъ 28 іюля значится: „Зарю играютъ; каждый вечеръ дудочкамъ, пищалкамъ и литаврамъ созвучала вѣстовая". Подъ 6 сентября записаны впечатлѣнія отъ родныхъ пѣсенъ, услышанныхъ на чужбинѣ отъ русскихъ плѣнныхъ, которыхъ Грибоѣдовъ вывелъ изъ Персіи: „Пѣсни:

---

[1]) Д. А. Смирновъ „Къ біографіи Грибоѣдова": „Историч. Вѣстникъ" 1909 г., мартъ, 1046, и апрѣль 147: „Якубовичъ стрѣлялъ отлично и послѣ говорилъ, что онъ на жизнь Грибоѣдова не имѣлъ ни малѣйшихъ покушеній, а хотѣлъ, въ знакъ памяти, лишить его только руки. Пуля попала Грибоѣдову въ ладонь лѣвой руки около большого пальца, но, по связи жилъ, ему свело мизинецъ, и это мѣшало ему, музыканту, впослѣдствіи играть на фортепіано. Ему нужна была особая аппликатура".

[2]) „Сынъ Отечества" 1819, ч. LII, № 10, стр. 187 сл. См. въ нашемъ изданіи т. III.

[3]) См. т. III.

„Какъ за рѣчинькой слободушка". „Въ полѣ дороженька". „Солдатская душечька, задушевный другъ". Воспоминанія. Невольно слезы накатились на глаза. "Спѣвались-ли вы въ баталіонѣ?"—„Какія, ваше благородіе, пѣсни? Бывало, пьяные безъ голоса, трезвые объ Россіи тужатъ".

Такія же бѣглыя замѣтки находимъ и въ болѣе позднихъ путевыхъ запискахъ Грибоѣдова отъ 1822 года изъ путешествія по Кавказу: „8-й переходъ: Отъѣздъ вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя пѣснь Грузинцевъ". Играть или фантазировать за инструментомъ нашему писателю-музыканту теперь уже не приходилось. Въ письмѣ къ Катенину изъ Тавриза, въ февралѣ 1820 г., Грибоѣдовъ, сообщая, что скучаетъ, утратилъ веселость, не пишетъ и стиховъ, которые „можетъ и творились бы, да читать некому", прибавляетъ: „О любезномъ моемъ фортепьяно, гдѣ оно, я совершенно неизвѣстенъ. Книги, посланныя мною изъ Петербурга тѣмъ же путемъ, теряются". Только поселившись въ Тифлисѣ послѣ ряда скитаній (въ мартѣ 1822 года), Грибоѣдовъ снова получаетъ возможность заниматься музыкой, благодаря фортепьяно, почти единственному въ городѣ, пріобрѣтенному у командира Эриванскаго полка Н. Н. Муравьева [1]). Въ это же время онъ посѣщалъ домъ П. Н. Ахвердовой [2]), гдѣ также часто игралъ, большею частью собственныя свои сочиненія [3]).

Только весною 1823 года Грибоѣдову удалось снова очутиться въ культурной обстановкѣ, получивъ отпускъ въ Москву и Петербургъ, сначала на четыре мѣсяца, растянувшіеся впослѣдствіи на цѣлыхъ два года. Долго остававшіяся безъ пищи музыкальныя влеченія его теперь разгораются съ новой силой. Къ этому времени относится начало знакомства, а скоро и дружбы Грибоѣдова съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, тогда еще почти юношей (р. въ 1803 г.), А. Н. Верстовскимъ, А. А. Алябьевымъ, гр. М. Ю. Віельгорскимъ, А. В. Всеволожскимъ и, быть можетъ, и другими московскими музыкантами. Е. Соковнина, воспоминанія которой цитировались уже выше, пишетъ: „почти ежедневными посѣтителями дяди (С. Н. Бѣгичева въ 1823 г.) были, между другими, князь В. Ѳ. Одоевскій, очень еще тогда молодой, почти юноша, и товарищъ его по изданію сборника „ Мнемозина" Кюхельбекеръ, который давалъ мнѣ уроки русскаго и нѣмецкаго языковъ. Часто оживлялъ общество весельчакъ А. Н. Верстовскій, который тогда написалъ знаменитый свой романсъ „Черная Шаль" и пѣвалъ его съ особеннымъ выраженіемъ, своимъ небольшимъ баритономъ, аккомпанируемый Грибоѣдовымъ" [4]).

Къ этому времени относится и особое пробужденіе у Грибоѣдова интереса къ теоріи музыки, оставившее слѣдъ даже въ его перепискѣ (См. его письмо лѣтомъ 1823 г. къ кн. В. Ѳ. Одоевскому съ просьбой о присылкѣ ему книгъ Гессъ де Кальве и Успенскаго, цитированное выше, стр. 313). Весьма вѣроятно, что однимъ изъ стимуловъ этого интереса была дружба съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, страстнымъ любителемъ музыки, и не лишеннымъ

---

[1]) „Русская Старина" 1874, т. XI, стр. 289, статья А. Берже.
[2]) См. тамъ же.
[3]) См. Н. Шаломытовъ, „Грибоѣдовъ и музыка", „Истор. Вѣстн." 1810 г., іюнь, стр. 869 (со словъ дочери П. Н. Ахвердовой).
[4]) „Историческій Вѣстникъ", 1889 г., мартъ, 672.

композиторскаго дарованія, какъ свидѣтельствуетъ его тонкая и благоуханная по свѣжести мелодическихъ пріемовъ „Колыбельная“ для фортепьяно, относящаяся, впрочемъ, къ гораздо болѣе позднему времени (1849—1850 гг.) и переизданная впослѣдствіи съ незначительными исправленіями М. А. Балакиревымъ. Одоевскій всегда интересовался теоріей музыки, и его влеченія сошлись съ интересомъ Грибоѣдова къ этой въ тѣ времена у насъ никѣмъ еще не затронутой области знанія. По его словамъ: Грибоѣдовъ „съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ занимались и теоріей музыки, *какъ наукѣ*, что̀ въ то время было большою рѣдкостію; надъ ними общіе пріятели тогда подсмѣивались; даже въ этомъ кружкѣ было присловье: „Ужъ какъ Грибоѣдовъ съ Одоевскимъ заговорятъ о музыкѣ, то пиши пропало; ничего не поймешь“ [1]).

Завязавшіяся въ 1823 г. дружескія отношенія съ Верстовскимъ имѣли своимъ результатомъ сотрудничество послѣдняго съ Грибоѣдовымъ, какъ авторомъ водевиля „Кто братъ, кто сестра“ (1823 г.), къ которому Верстовскій написалъ музыку. Изъ письма Грибоѣдова къ Верстовскому (того же 1823 г.), появляющагося впервые въ печати въ настоящемъ изданіи, видно, что Грибоѣдовъ дѣлалъ Верстовскому и кое-какія указанія музыкальнаго характера, прося его, напримѣръ, приладить къ одному изъ куплетовъ мелодію одной польской пѣсни. Въ другомъ своемъ, пока еще неизданномъ письмѣ къ Верстовскому по поводу того же водевиля, очевидно 1823 же года [2]), Грибоѣдовъ пишетъ: „Въ красотѣ твоей музыки нисколько не сомнѣваюсь и заранѣе поздравляю себя съ ней“. Заключенная разъ дружба съ Верстовскимъ продолжалась и впослѣдствіи уже заочно. Въ августѣ 1824 г. Грибоѣдовъ въ письмѣ къ Бѣгичеву проситъ написать о себѣ Верстовскому и пожать его руку. 10 іюня 1825 г. онъ снова пишетъ кн. В. Ѳ. Одоевскому изъ Кіева: „Верстовскаго обними за меня; здѣсь я узналъ, что отецъ его перебрался на житье въ Москву; что же, отъ того лучше или хуже для музыки? Я почти увѣренъ, что истинный художникъ долженъ быть человѣкъ безродный. Прекрасно быть опорою отцу и матери въ важныхъ случаяхъ жизни, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе“.

Очень близко сошелся Грибоѣдовъ въ это свое пребываніе въ Москвѣ въ 1823—24 гг. и съ Алябьевымъ, былъ съ нимъ на ты и постоянно видался, продолжая, быть можетъ, въ этихъ своихъ отношеніяхъ лишь прежнее знакомство, начало которому могло быть положено еще въ 1815—1818 гг., когда Грибоѣдовъ жилъ въ Петербургѣ. О ихъ совмѣстныхъ проказахъ въ московскихъ театрахъ, какъ разъ въ 1824 г., сохранилось извѣстіе, записанное М. Лонгиновымъ [3]). Плодомъ этихъ отношеній явилась музыка Алябьева на романсъ Грибоѣдова „Ахъ точно ль-никогда ей въ персяхъ безметежныхъ“, напеча-

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1864 г., стлб. 809—810.

[2]) Сообщеніемъ мнѣ этихъ двухъ писемъ, имѣющихъ появиться впервые въ III томѣ настоящаго изданія, я обязанъ редактору его Н. К. Пиксанову, которому и приношу свою искреннюю благодарность за его любезное содѣйствіе, выразившееся и въ доставленіи разныхъ другихъ данныхъ, значительно облегчившихъ мнѣ составленіе даннаго очерка.

[3]) См. „Русскій Архивъ“, 1863 г., т. I (2 изд.), стлб. 981.

танная впервые въ 1837 г. въ альбомѣ „Любителямъ пѣнія“ (Москва, изд. А. Миллера, съ посвященіемъ Алябьеву „въ знакъ дружбы и почтенія“ [1]). И позже Грибоѣдовъ вспоминаетъ объ Алябьевѣ въ письмѣ къ С. Н. Бегичеву отъ 9 сент. 1825 г.: „Не слыхалъ ли чего нибудь о Шатиловѣ и Алябьевѣ? Чѣмъ кончилось ихъ дѣло?“ Очевидно къ пребыванію Грибоѣдова въ Москвѣ въ 1823—24 гг. и относится показаніе кн. В. Ѳ. Одоевскаго, что въ его домѣ подъ Новинскимъ часто устраивались музыкальные кружки [2]).

Кромѣ перечисленныхъ московскихъ музыкантовъ, въ домѣ Грибоѣдовыхъ бывалъ и гр. М. Ю. Віельгорскій, открывшій въ одно изъ своихъ посѣщеній въ нотахъ на фортепьяно сестры писателя нѣсколько листовъ рукописи „Горе отъ ума“ [3]). Въ ту же зиму 1823 – 1824 г.г. Грибоѣдовъ часто видался въ Москвѣ съ А. В. Всеволожскимъ, композиторомъ-дилетантомъ, авторомъ нѣсколькихъ салонныхъ романсовъ [4]), котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ В. Н. Всеволожскимъ, тоже авторомъ многочисленныхъ романсовъ того же типа.

Въ концѣ мая 1824 г. Грибоѣдовъ оставляетъ Москву и переселяется въ Петербургъ, гдѣ вращался преимущественно въ литературныхъ кругахъ, проводя время въ бесѣдахъ съ разными литераторами, научныхъ занятіяхъ, хлопотахъ по поводу „Горя отъ ума“, изъ котораго онъ печаталъ тогда отрывки и т. д.; музыка оставалась въ сторонѣ, на заднемъ планѣ, хотя до насъ все-таки дошли свѣдѣнія о хромоногомъ фортепьяно, стоявшемъ въ квартирѣ Грибоѣдова и въ этотъ періодъ его жизни [5]). Къ этому періоду относится знакомство Грибоѣдова съ П. А. Каратыгинымъ, у котораго онъ часто бывалъ. Каратыгинъ любилъ слушать „его великолѣпную игру на фортепьяно... Сядетъ онъ, бывало, къ нимъ и начнетъ фантазировать... Сколько было тутъ вкусу, силы, дивной мелодіи!. Онъ былъ отличный піанистъ и большой знатокъ музыки: Моцартъ, Бетховенъ, Гайднъ и Веберъ были его любимые композиторы“ [6]). Съ женой Каратыгина, А. М. Каратыгиной, Грибоѣдовъ познакомился еще раньше, когда она была еще дѣвушкой и исполняла женскую роль въ его комедіи „Молодые Супруги“ (1819 г.), при чемъ по его указанію исполнила на фортепьяно рондо Фильда, своего учителя [7]).

Скоро Петербургъ снова покинутъ для Кавказа, куда нашъ писатель отправился черезъ Крымъ (лѣтомъ 1825 г.). Въ замѣткахъ, веденныхъ Грибо-

---

[1]) См. неизданную еще статью Г. Н. Тимоѳеева объ Алябьевѣ, имѣющую появиться въ изданіи П. Юргенсона въ Москвѣ, съ которою я получилъ возможность ознакомиться, благодаря любезности автора. Кромѣ Алябьева, на этотъ текстъ писалъ музыку и Веретовскій (см. „Московскій Телеграфъ“ 1831 г. № XI, іюнь, стр. 312, а также „Литер. Вѣстникъ“, 1902 г., № 7, стр. 198).

[2]) „Русскій Архивъ“ 1864, стлб. 809.

[3]) Д. А. Смирновъ, „Неизданное предисловіе“ къ „Горе отъ ума“. „Русская Старина“ 1909, февраль, стр. 335.

[4]) Н. В. Шаломытовъ, „Грибоѣдовъ и музыка“: „Историч. Вѣстникъ“ 1910, іюнь, 872.

[5]) П. А. Каратыгинъ, „А. С. Грибоѣдовъ“: „Русск. Старина“, 1872, т. V. 429.

[6]) См. тамъ же, стр. 426.

[7]) Воспоминанія А. М. Каратыгиной, „Русскій Вѣстникъ“, 1881 г. т. 152, стр. 587.

ѣдовымъ во время этого путешествія, опять начинаемъ встрѣчать упоминанія о музыкѣ. Прибывъ 21 іюня въ Симферополь, Грибоѣдовъ замѣчаетъ въ своихъ „Путевыхъ запискахъ“: „Цыганская нынѣшняя музыка въ Крыму смѣсь татарскаго съ польскимъ и малороссійскимъ“ [1]). 27 іюня на прогулкѣ въ окрестностяхъ Чатыръ-дага снова отмѣчены музыкальныя впечатлѣнія: „Прихожу къ пастухамъ, волынки, рожки и барабаны“ [2]). Подъ 1-мъ іюля читаемъ въ описаніи вида съ горъ въ окрестностяхъ Балаклавы: „влѣво въ морѣ флотъ изъ 9-ти кораблей; подъ ногами два мыса, какъ клавиши“ [3]). 5 іюля въ изображеніи прибытія ночью въ Бахчисарай снова отмѣчается: „музыка, кофейная, журчаніе фонтановъ, мечети, тополи“ [4]). Но и въ Крыму, въ путешествіи, не удалось Грибоѣдову уйти отъ пошлыхъ свѣтскихъ отношеній и знакомствъ, какъ онъ ни прятался отъ мѣстнаго общества. Въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву отъ 9 сент. 1825 г. онъ пишетъ: „Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжаю сюда (въ Симферополь), никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжалось не далѣе сутокъ, потому ли что фортепьянная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили; ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣе Петербурга“ [5]). Въ числѣ этихъ крымскихъ знакомствъ и встрѣчъ, въ которыхъ музыка Грибоѣдова играла для него скорѣе отрицательную роль, былъ и прежній его знакомецъ Н. В. Сушковъ, тоже питомецъ московскаго университетскаго пансіона, припоминавшій впослѣдствіи [6]): „Нѣсколько времени послѣ дуэли и незадолго до мученической кончины своей въ Персіи, Грибоѣдовъ часто услаждалъ меня на чужой сторонѣ, посреди Татаръ, въ Крыму, своею пѣвучею, раздумною игрою на клавикордахъ; но прежней бѣглости въ ней уже не было. Якубовичъ поклялся отомстить Грибоѣдову за Шереметева — и рапилъ его“. Очевидно, Сушковъ приписывалъ замѣченное имъ у Грибоѣдова ухудшеніе техники исполненія поврежденію лѣвой руки писателя, полученному на дуэли съ Якубовичемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это поврежденіе должно было сказываться, но съ другой стороны кочевая жизнь Грибоѣдова, отсутствіе возможности систематически играть на фортепьяно въ теченіе ряда мѣсяцевъ и даже лѣтъ, также неминуемо должны были наложить свою печать на его игру.

Скоро (въ ноябрѣ 1825 г.) Грибоѣдовъ изъ Крыма очутился снова на Кавказѣ въ казачьей станицѣ, въ главной квартирѣ А. П. Ермолова среди сборовъ въ походъ на Чечню, во время которыхъ (въ январѣ 1826 г.) его и застигъ приказъ объ арестѣ и отправленіи въ Петербургъ съ фельдъеге-

---

[1]) См. III т.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же.
[6]) Н. В. Сушковъ, Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ и воспитанники Московскаго университета, гимназіи его, благороднаго пансіона и дружескаго общества. Изд. испр. и попол. Москва, 1858, стр. 12—13.

ремъ. Оторванный снова и надолго отъ музыки, Грибоѣдовъ и въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, по дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ былъ ждать себѣ крѣпости, суда и расправы, пользуется, однако, случаемъ отвести душу за фортепьяно во время остановки въ Твери, гдѣ у его „тѣлохранителя оказалась сестра, къ которой они и въѣхали. Грибоѣдовъ, войдя въ комнату, увидалъ фортепьяно и,—глубокій музыкантъ въ душѣ,—не вытерпѣлъ и сѣлъ къ нему... Девять битыхъ часовъ его не могли оторвать отъ инструмента“ [1]). Какія думы и чувства повѣрялъ любимому другу—фортепьяно въ теченіе этихъ девяти часовъ нашъ писатель-музыкантъ, мы не знаемъ, да и присутствовавшіе при этомъ по долгу службы слушатели, конечно, не были въ состояніи оцѣнить и понять содержаніе его импровизаціи. Одно только очевидно изъ этого разсказа, дошедшаго до насъ (со словъ самого Грибоѣдова), что музыка была для него не простою игрой въ звуки, забавой въ часы досуга, средствомъ скоротать свободное время, а живой и глубокой потребностью души, средствомъ въ звукахъ выразить то, что жило въ ея самыхъ сокровенныхъ тайникахъ, чего, можетъ быть, нельзя было довѣрить слову не по неясности и расплывчатости настроенія, а, напротивъ, по рѣзкости и **остротѣ** вполнѣ опредѣленнаго чувства...

По пріѣздѣ Грибоѣдова въ Петербургъ, онъ былъ посаженъ подъ арестъ въ Главномъ штабѣ, но и тутъ, благодаря поблажкамъ его тюремнаго смотрителя, ему удавалось отводить душу за любимымъ инструментомъ [2]). По словамъ друга Грибоѣдова, сенатора А. А. Жандра, арестованный писатель каждую ночь приходилъ къ нему, „ужиналъ или пилъ чай и игралъ на фортепіано. Послѣднее-то и было его отрадой: вы (т. е. Д. А. Смирновъ), конечно, знаете, что онъ былъ замѣчательный музыкантъ,—музыкантъ не только ученый, но и страстный. Онъ возвращался отъ меня въ свою конуру или поздно ночью или на разсвѣтѣ“ [3]). По словамъ декабриста Д. И. Завалишина, сидѣвшаго вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ въ Главномъ штабѣ, ихъ тюремный смотритель, самъ любитель музыки, водилъ ихъ обоихъ въ кондитерскую Лоредо (на углу Невскаго и Адмиралтейской площади, рядомъ съ Главнымъ штабомъ). Здѣсь въ отдѣльной комнатѣ стояло фортепьяно, за которымъ узникъ отводилъ душу, освободившись на время изъ своего заключенія [4]).

По освобожденіи изъ заключенія, Грибоѣдовъ, по свидѣтельству Булгарина, поселился у него на дачѣ, „въ уединенномъ домикѣ на Выборгской сторонѣ, видался только съ близкими людьми, проводилъ время въ чтеніи, въ дружеской бесѣдѣ, въ прогулкахъ, и занимался музыкою. Все изящное имѣло

---

[1]) Д. А. Смирновъ, „Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ“ („Бесѣды въ Обществѣ Люб. Росс. Слов.“, вып. II. Москва, 1868, отдѣл. II, стр. 24.

[2]) Д. А. Смирновъ, „Къ біографіи Грибоѣдова“; „Ист. Вѣстникъ“ 1909, мартъ, 1041: „Я сказалъ уже, что Грибоѣдовъ былъ глубокій музыкантъ и, сидя въ главномъ штабѣ, онъ такъ очаровалъ своего надсмотрщика, что тотъ выпускалъ его всякую ночь подышать свѣжимъ воздухомъ, и Грибоѣдовъ всякую ночь ходилъ въ домъ Жандра ужинать и играть на фортепіано“.

[3]) Д. А. Смирновъ, „Къ біографіи Грибоѣдова“, „Историч. Вѣстникъ“ 1909, мартъ, 1051.

[4]) Д. И. Завалишинъ, Воспоминанія: „Древняя и Новая Россія“, 1879, кн. 4, 316.

доступъ къ душѣ А. С. Грибоѣдова: онъ страстно любилъ музыку, будучи самъ искусенъ въ игрѣ на фортепьяно. «Фантазіи его и импровизаціи отзывались глубокимъ чувствомъ меланхоліи» [1]). Къ этому же времени относится статья Грибоѣдова „Загородная поѣздка", напечатанная въ „Сѣверной Пчелѣ" 1826 г., № 76 [2]). Въ ней отчасти выразилось отношеніе Грибоѣдова къ національности въ музыкѣ. На прогулкѣ въ окрестностяхъ Петербурга (Парголово) поэтъ со своими спутниками встрѣчается съ деревенскими дѣвушками и парнями, слышитъ „звучные плясовые напѣвы, голоса женскіе и мужскіе". „Родныя пѣсни!", спрашиваетъ онъ: „Куда занесены вы съ священныхъ береговъ Днѣпра и Волги?" „Голосистымъ пѣвцамъ" онъ противопоставляетъ „самихъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полу-Европейцевъ", къ которому принадлежитъ и самъ: „имъ казалось дико все, что слышали и видѣли; ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими!... Народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами, и навѣки!" Грибоѣдову не суждено было дожить до появленія „Жизни за Царя" и другихъ національныхъ музыкальныхъ произведеній М. И. Глинки, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ не примкнулъ бы къ тѣмъ, кто окрестилъ музыку Глинки „musique des cochers".

Но не долго суждено было Грибоѣдову жить той уединенной и свободной жизнью, къ которой его всегда такъ тянуло, и въ концѣ іюля 1826 г. мы видимъ его уже въ Москвѣ, а черезъ мѣсяцъ снова на Кавказѣ, куда онъ поѣхалъ служить у Паскевича, уступая настояніямъ матери. Снова начинается бродячая, кочевая жизнь, между прочимъ въ походѣ противъ Эриванн, и въ перепискѣ Грибоѣдова опять появляются жалобы на невозможность отвести душу за музыкой, на отсутствіе инструмента и т. п. Такъ, 28 іюня 1827 г. онъ пишетъ изъ Нахичевани П. И. Ахвердовой: „des chaleurs suffoquantes, à 47° de Réaumur, mauvaise chère, ce qui m'embarasse le moins, pas de lecture, pas de piano. Тошно до смерти" [3]). 14 іюля 1827 г. ей же Грибоѣдовъ жалуется изъ Карабага: „que j'étais content de voir Simonitch; mais le cruel ne m'a pas offert le cher piano" [4]). Если и приводилось ему за это время испытывать музыкальныя впечатлѣнія, то они не имѣли художественнаго характера. Такъ, въ путевыхъ запискахъ изъ Эриванскаго похода подъ 21 мая 1827 г. читаемъ: „Пріятіе турецкаго посланца съ музыкою. Толстъ, глупъ, важенъ" [5]).

По заключеніи мира съ персами, Грибоѣдовъ, посланный въ Петербургъ съ порученіемъ отвезти туда Туркманчайскій трактатъ, получилъ снова возможность вращаться въ литературной и музыкальной средѣ и повидимому стремился наверстать упущенное въ тотъ короткій срокъ личной свободы,

---

[1]) Воспоминанія Ѳ. Булгарина объ А. С. Грибоѣдовѣ: „Сынъ Отечества", 1830, I, стр. 15.

[2]) См. т. III.

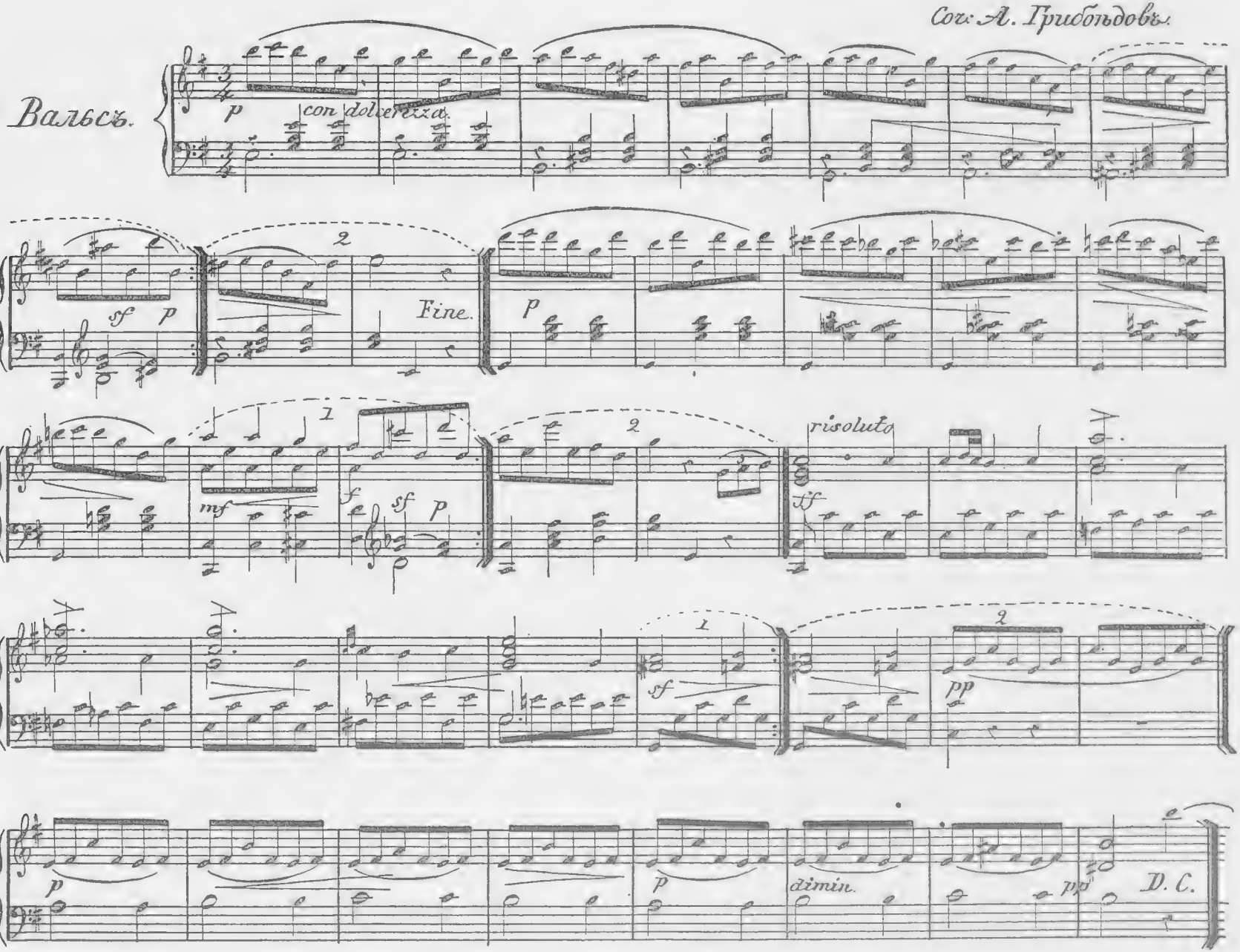
[3]) „Удушающая жара въ 47° по Реомюру; плохая пища, отъ чего я страдаю меньше всего, ни чтенія, ни фортепьяно. Тошно до смерти".

[4]) „Какъ я былъ радъ увидать Симонича; но жестокій не предложилъ мнѣ милаго фортепьяно".

[5]) См. III т.

ВАЛЬСЪ А. С. ГРИБОѢДОВА E-moll,

Вторая редакція. (Факсимиле изъ «Лирическаго альбома на 1832 г.» Ласковскаго и Норова, прибавленіе, стр. 28).



который ему былъ на этотъ разъ предоставленъ. Музыка въ это время опять начинаетъ занимать выдающееся мѣсто въ его личной жизни. Ксен. Полевой, встрѣчавшійся съ Грибоѣдовымъ довольно часто за это время, оставилъ намъ рядъ свидѣтельствъ въ этомъ отношеніи. Придя на обѣдъ къ Гречу, Полевой „увидѣлъ Грибоѣдова за фортепьяно; онъ аккомпанировалъ извѣстному Този (у котораго тогда еще былъ голосъ) [1]) и какому-то другому итальянцу. Дуэтъ кончился, и Грибоѣдовъ былъ окруженъ многими изъ своихъ знакомыхъ, которые вошли во время его игры и не хотѣли прерывать музыки привѣтствіями къ нему“ [2]). Получивъ назначеніе на постъ посланника при персидскомъ дворѣ, Грибоѣдовъ переѣхалъ на новую квартиру въ домъ Коссиковскаго (уголъ Невскаго и Б. Морской), гдѣ жилъ въ самомъ верхнемъ этажѣ, занимая немного комнатъ и вызывая удивленіе Кс. Полевого „походной простотой“ своей жизни. Но и здѣсь „самымъ дорогимъ украшеніемъ его комнатокъ былъ богатый рояль; онъ составлялъ для него необходимую принадлежность“ [3]). Для характеристики музыкальныхъ вкусовъ и взглядовъ Грибоѣдова любопытенъ его разговоръ о Моцартѣ и Буальдьё, происходившій въ театрѣ на представленіи „Волшебной Флейты“ Моцарта и сообщаемый Полевымъ [4]): „Надобно прибавить, что бѣднаго Моцарта терзали ужасно. Въ 1828 году на Петербургской сценѣ не было ни одного пѣвца и ни одной пѣвицы. Самойловъ жилъ еще старою своею славою, но и онъ почти не могъ пѣть. Первою пѣвицею была Иванова. Особенно смѣшилъ насъ своимъ неискуствомъ Папагенъ, котораго игралъ, если не ошибаюсь, Рамазановъ. Грибоѣдовъ сидѣлъ въ ложѣ, съ однимъ знакомымъ ему семействомъ, но въ каждый антрактъ приходилъ въ кресла, побранить пѣвцовъ. „Я ничего не понимаю: такъ поютъ они!“ говорилъ онъ не разъ. „И зачѣмъ браться за Моцарта?“—Съ нихъ было бы и Буальдье!—прибавилъ кто-то. „А что вы думаете: Буальдье достоинъ этихъ пѣвцовъ?“, сказалъ Грибоѣдовъ. „Онъ не геніальный, но милый и умный композиторъ; не отличается большими мыслями, но каждую свою мысль обработываетъ съ необыкновеннымъ искуствомъ. У насъ испортили его *Калифа Багдадскаго*, а это настоящій брильянтикъ (именно такъ выразился Грибоѣдовъ) [5]). Музыка Моцарта требуетъ особенной публики и отличныхъ пѣвцовъ, даже потому, что механическая часть ея не богата средствами. Но выполните хорошо музыку Буальдье—всѣ поймутъ ее. А теперь, посмотрите, какъ восхищаются многіе, хоть ничего не понимаютъ! Это больше портитъ, нежели образуетъ вкусъ публики“ [6]).

Мы не можемъ, конечно, особенно полагаться на точность передачи приведенныхъ мнѣній Грибоѣдова; весьма вѣроятно что Кс. Полевой, совершенно чуждый музыкѣ, внесъ въ эту передачу кое какія не совсѣмъ удачныя выраже-

---

[1]) Баритонъ оперы въ Петербургѣ.

[2]) Кс. Полевой, „О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова“. (Горе отъ Ума. Второе изданіе. 1839), стр. XLIII.

[3]) Тамъ же, стр. XLVIII.

[4]) Тамъ же, стр. LIII—LV.

[5]) Одна изъ лучшихъ оперъ Буальдьё, имѣвшая особый успѣхъ на родинѣ композитора (первое представленіе, Парижъ, 1800), поставлена была впервые на русской сценѣ въ 1806 г. (Спб.).

[6]) Цит. выше статья Кс. Полевого, стр. LIII—LV.

нія, казавшіяся ему вполнѣ соотвѣтствующими мыслямъ Грибоѣдова, но придающія всему нѣсколько поверхностный, дилетантскій оттѣнокъ. Какъ бы то ни было, разговоръ этотъ рисуетъ Грибоѣдова прежде всего строгимъ и требовательнымъ (и вполнѣ справедливымъ) судьей тогдашнихъ нашихъ пѣвцовъ, дѣйствительно стоявшихъ на очень низкомъ уровнѣ техники и вкуса. Защита Буальдьё отъ какого то не названнаго собесѣдника, слишкомъ пренебрежительно отозвавшагося о французскомъ композиторѣ, обнаруживаетъ въ Грибоѣдовѣ самостоятельность и серьезность сужденія. Характеристика Буальдьё, какъ „милаго и умнаго", но отнюдь „не геніальнаго" композитора должна быть признана правильной, хотя, вмѣсто эпитета „умный", къ Буальдьё лучше бы шло опредѣленіе „наивно-граціозный, непосредственный". Правильно указаніе и на некрупные размѣры творчества Буальдьё („не отличается большими мыслями"), но никакъ нельзя согласиться съ утвержденіемъ, что названный композиторъ „каждую свою мысль обработываетъ съ необыкновеннымъ искусствомъ". На дѣлѣ композиторская техника Буальдьё не отличалась никакими особыми достоинствами и умѣньемъ. Очень скромная и простая, иногда даже монотонная гармонія, модуляція лишь въ самые близкіе строи, почти сплошной гомофоническій стиль, безъ сколько нибудь замѣтныхъ попытокъ контрапунктической обработки, непритязательная и несложная оркестровка, не поднимающаяся выше извѣстной рутинной золотой середины, совсѣмъ не говорятъ о какомъ либо „необыкновенномъ, искусствѣ" Буальдьё. Въ дѣйствительности наиболѣе сильную сторону таланта Буальдьё составлялъ счастливый природный даръ свѣжаго мелодическаго изобрѣтенія, который, разумѣется, никакимъ „необыкновеннымъ искусствомъ" замѣнить быть не можетъ. Далѣе Грибоѣдовымъ правильно отмѣчено, что серьезная музыка Моцарта требуетъ „особенной", т. е. воспитанной музыкально, публики и отличныхъ пѣвцовъ, но совсѣмъ не потому, что „механическая ея часть (выраженіе довольно нескладное) не богата средствами", какъ выразился будто бы Грибоѣдовъ (на дѣлѣ именно въ „Волшебной Флейтѣ", да и въ другихъ операхъ Моцарта есть рядъ блестящихъ партій, расцвѣченныхъ всѣми средствами тогдашней вокальной техники), а потому, что ея серьезный стиль можетъ быть понятъ и воспроизведенъ лишь образованными и музыкальными исполнителями, владѣющими стилемъ исполненія. Приведенный Полевымъ разговоръ является у насъ все же единственнымъ и потому очень цѣннымъ образчикомъ, по которому можно судить о музыкальномъ вкусѣ и взглядахъ Грибоѣдова на любимое его искусство, если не считать приведеннаго выше (стр. 316) неизданнаго его письма къ Верстовскому, гдѣ говорится о „несомнѣнной красотѣ" музыки Верстовскаго, которую тотъ долженъ былъ написать къ водевилю „Кто братъ, кто сестра". Едва ли, однако, можно придавать точное значеніе этимъ словамъ по поводу еще ненаписанной музыки въ письмѣ къ пріятелю, любезно вызвавшемуся снабдить музыкой пьесу писавшаго.

Къ концу весны или началу лѣта 1828 г. относится знакомство Грибоѣдова съ М. И. Глинкой, отмѣтившимъ это въ своихъ запискахъ. По словамъ Глинки, вообще очень умѣреннаго въ похвалахъ другимъ собратамъ по искусству, Грибоѣдовъ „былъ очень хорошій музыкантъ" и сообщилъ ему тему грузинской пѣсни, на которую вскорѣ Пушкинъ написалъ свое стихо-

твореніе: „Не пой, красавица, при мнѣ“ [1]), и которую самъ Глинка художественно использовалъ въ своей музыкѣ на только что названный Пушкинскій текстъ [2]).

Это свиданіе съ Глинкой было вѣроятно послѣднимъ выдающимся событіемъ въ музыкальной жизни Грибоѣдова. Въ началѣ іюня онъ уже уѣхалъ изъ Петербурга, сначала на Кавказъ, а потомъ въ Персію, гдѣ его ждалъ трагическій конецъ. Но прежде судьба дала ему испытать радость раздѣленной любви и личнаго счастья. Остановившись по дорогѣ въ Тифлисѣ, Грибоѣдовъ бывалъ часто въ домѣ старой своей знакомой, упоминавшейся уже выше у насъ П. Н. Ахвердовой, у которой воспитывалась юная княжна Нина Чавчавадзе, ставшая вскорѣ Н. А. Грибоѣдовой. Здѣсь нашъ писатель-музыкантъ часто игрывалъ для многочисленнаго дѣтскаго населенія дома П. Н. Ахвердовой. „Игралъ онъ всегда танцы своего сочиненія“, разсказывала г. Шаломытову Д. Ѳ. Харламова, урожд. Ахвердова, „мелодію которыхъ еще ясно помню, не очень красивые и несложные. Потомъ, когда дѣти натанцуются, переходилъ къ другимъ импровизаціямъ и проводилъ за инструментомъ иногда весь вечеръ“ [3]). Здѣсь же за фортепьяно родилась и взаимная склонность Грибоѣдова и Н. А. Чавчавадзе, за уроками музыки которой слѣдилъ Александръ Сергѣевичъ. По словамъ К. А. Бороздина, Грибоѣдовъ „былъ зачастую репетиторомъ уроковъ музыки“ Н. А. Чавчавадзе [4]). Даже въ ту минуту, когда поэтъ-музыкантъ позвалъ Н. А., желая объясниться ей въ любви, она думала, что ее хотятъ усадить за фортепьяно [5]). И послѣ женитьбы музыка продолжала служить связующимъ звеномъ между Грибоѣдовымъ и его юной женой, почти еще дѣвочкой. По словамъ К. А. Бороздина Грибоѣдовъ „въ особенности любилъ заниматься со своей женой музыкой, былъ учителемъ строгимъ и старался воспитать ея вкусъ классической школой“ [6]). Занятія эти продолжались, однако, недолго, и судьба готовила имъ неожиданный, трагическій конецъ: 30 января 1829 г. Грибоѣдовъ, отославшій жену изъ Тавриза къ роднымъ, а самъ уѣхавшій одинъ въ Тегеранъ, былъ убитъ толпой мятежныхъ персіанъ, унеся съ собой въ могилу рядъ вѣроятныхъ прекрасныхъ возможностей, быть можетъ, рядъ еще не созданныхъ произведеній, не только литературныхъ, но и музыкальныхъ. .

Какъ мы видѣли уже выше, не подлежитъ сомнѣнію, что Грибоѣдовъ былъ одаренъ музыкальнымъ талантомъ. Всѣ свидѣтельства современниковъ, въ томъ числѣ такихъ компетентныхъ и нелицепріятныхъ, какъ Глинка, подтверждаютъ это, хотя судить о размѣрахъ этого таланта мы можемъ только на основаніи двухъ небольшихъ вальсовъ, составляющихъ все, что дошло до насъ изъ музыкальныхъ произведеній Грибоѣдова. Обстоятельства, при которыхъ эти вальсы появились въ свѣтъ (уже 3 года спустя послѣ смерти

---

[1]) М. И. Глинка, „Записки“, изд. „Русской Старины“, Спб. 1871, стр. 40. Стихотвореніе Пушкина относится также къ 1828 г.

[2]) Романсъ Глинки былъ написанъ также лѣтомъ 1828 года.

[3]) Шаломытовъ „Грибоѣдовъ и музыка“, „Истор. Вѣстникъ“, 1910, іюнь, 878—79.

[4]) „С.-Петерб. Вѣдомости“, 1879 г., № 31.

[5]) Письмо Грибоѣдова къ Булгарину отъ 24 іюля 1828 г.

[6]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1879 г., № 34.

ихъ автора), позволяютъ предположить съ нѣкоторой вѣроятностью, что ихъ окончательная редакція могла принадлежать не автору, а издателямъ того музыкальнаго альбома, гдѣ они напечатаны, скорѣе всего талантливому и музыкальному И. Ѳ. Ласковскому. Этимъ, можетъ быть, объясняется и разница въ дошедшихъ до насъ двухъ редакціяхъ одного изъ этихъ вальсовъ (въ тонѣ e-moll), о которой мы уже говорили выше. По формѣ своей эти вальсы очень незатѣйливы, представляя собой простѣйшіе виды двучастной пѣсенной формы. Фортепьянная звучность ихъ также весьма примитивна, безъ какихъ либо попытокъ широкаго письма съ пышно звучащими многоголосными аккордами, затѣйливыми и звучными пассажами и т. п. Въ этомъ отношеніи они стоятъ безусловно ниже современной имъ фортепьянной музыки такихъ, напримѣръ, тогдашнихъ нашихъ композиторовъ, какъ И. Ѳ. Ласковскій, которому принадлежатъ гораздо болѣе богатыя и звучныя по фортепьянному стилю пьесы, напечатанныя въ томъ же альбомѣ (интересные для того времени ноктюрнъ и скерцо, два вальса, одинъ изъ которыхъ имѣетъ уже совсѣмъ Шопеновскій характеръ и очень граціозенъ, мазурка и контрдансъ). Оба Грибоѣдовскихъ вальса изобличаютъ несомнѣнное музыкальное дарованіе, но еще не созрѣвшее и не получившее надлежащей обработки и отдѣлки въ серьезной школѣ. Мы отдаемъ предпочтеніе первому изъ нихъ (As-dur), въ которомъ очень милая и граціозная, немного сентиментальная, мелодія, отчасти въ Шопеновскомъ вкусѣ, льющаяся свободно и непринужденно, такъ хорошо соединяется съ простымъ, но не безъ тонкости гармонизованнымъ фигурованнымъ сопровожденіемъ лѣвой руки. Портитъ этотъ вальсъ (также, какъ и второй) неудачная средняя часть, совсѣмъ незначительная по музыкѣ, плохо вяжущейся по стилю съ главнымъ музыкальнымъ содержаніемъ пьесы, слишкомъ короткая и неловко пригнанная къ репризѣ первой части. Вальсъ открывается маленькой интродукціей изъ нѣсколькихъ недурно смодулированныхъ аккордовъ съ хроматизмами въ верхнемъ голосѣ, звучащими также, какъ предчувствіе Шопеновскихъ хроматизмовъ [1]).

Второй вальсъ, написанный еще до 1823 года (см. выше, стр. 311), въ тонѣ c-moll представляется болѣе ординарнымъ по музыкѣ, чѣмъ первый, хотя главная его тема и обнаруживаетъ значительное сходство со второй темой извѣстнаго Cis-moll'наго вальса Шопена (op. 64) [2]). О какомъ бы то

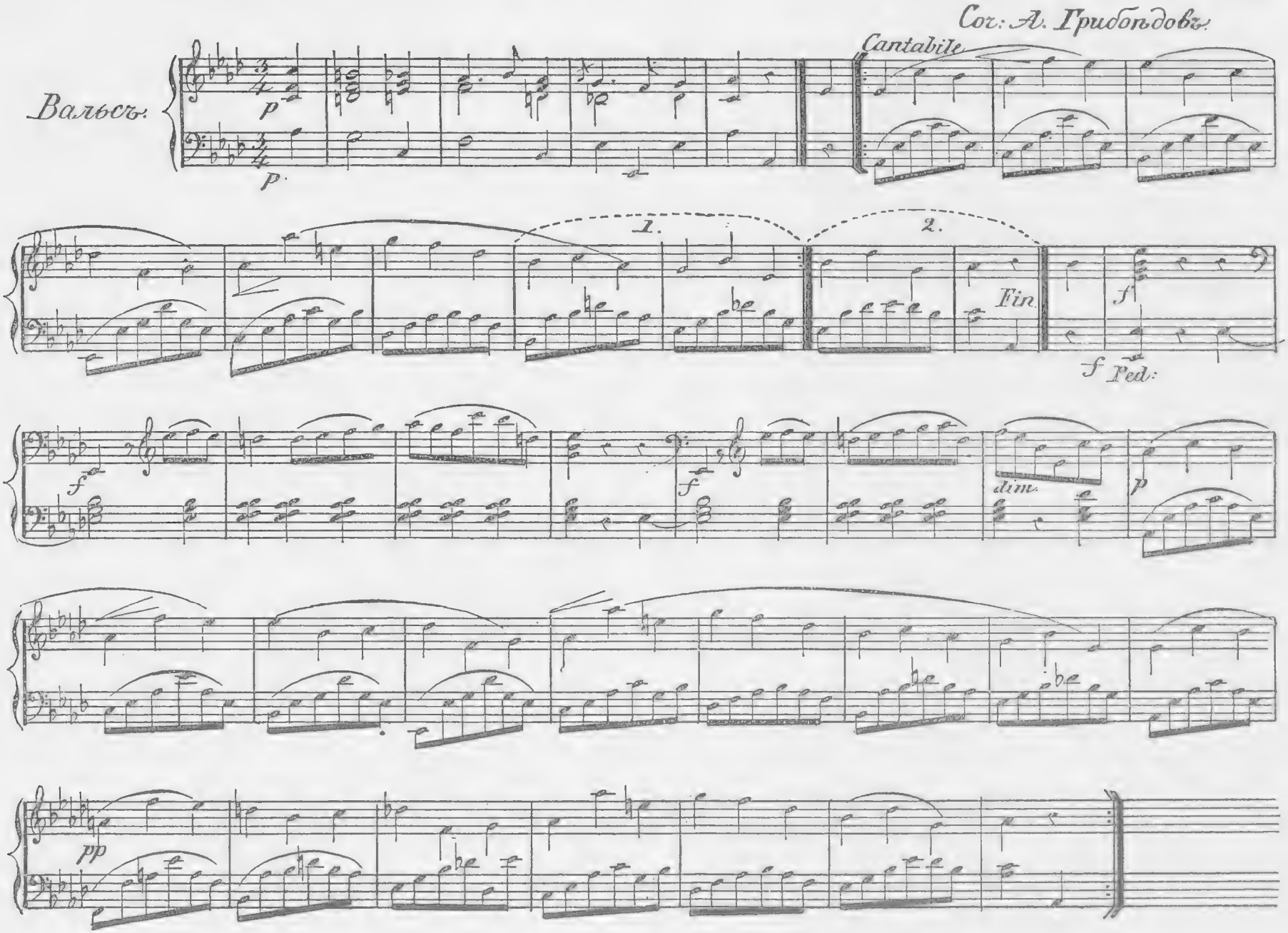
---

[1]) Шопена Грибоѣдовъ, конечно, не зналъ. Знаменитый польскій композиторъ въ концѣ 20 годовъ XIX в. только начиналъ создавать себѣ извѣстность у себя на родинѣ и въ Германіи. Достаточно напомнить, что извѣстныя варіаціи Шопена на La ci darem la mano изъ „Донъ Жуана“ Моцарта (op. 2) вышли въ свѣтъ лишь въ 1831 г., и только въ этомъ же году явилась извѣстная рецензія на нихъ Шумана, приглашавшая читателей „снять шляпу“ передъ новымъ музыкальнымъ геніемъ. Въ Россіи Шопенъ не концертировалъ, и потому его произведеній даже въ началѣ 30-хъ годовъ у насъ никто не зналъ.

[2]) По поводу этого вальса въ отдѣлѣ „Музыкальныя новости“ въ журналѣ „Молва“ (1832 г., № 6, вторникъ, 19 Января, стр. 25—26), въ рецензіи на „Лирическій альбомъ“ Ласковскаго и Норова говорилось: „Танцовальное отдѣленіе очень слабо. Въ немъ заслуживаетъ вниманія только вальсъ mi mineur Грибоѣдова, давно извѣстный, но до сихъ поръ не теряющій своей свѣжести, по отличной своей мелодіи. Авторъ самъ игрывалъ эту бездѣлку съ отличнымъ искусствомъ“.

ВАЛЬСЪ А. С. ГРИБОѢДОВА As-dur.

(Факсимиле изъ «Лирическаго альбома на 1832 г.» Ласковскаго и Норова, прибавленіе, стр. 26).



ни было вліяніи одного композитора другъ на друга не можетъ быть и рѣчи. Вальсъ Шопена написанъ много позже, чѣмъ вальсъ Грибоѣдова вышелъ изъ печати (въ 40-хъ годахъ, незадолго до смерти композитора), и такимъ образомъ можно было бы говорить лишь о вліяніи Грибоѣдова на Шопена, что̀, конечно, совершенно невѣроятно, такъ какъ послѣдній не зналъ, да, вѣроятно, и не хотѣлъ ничего знать о русской музыкѣ. Сложныя гипотезы, которыя строитъ г. Шаломытовъ [1]), чтобы доказать возможность заимствованія Шопеномъ у Грибоѣдова, представляются въ высшей степени неправдоподобными. Ни Мицкевичъ, ни Шопенъ въ эпоху, столь близкую къ 1831 г., не могли настолько интересоваться русской музыкой, чтобы выписывать „Лирическій альбомъ“ Ласковскаго и Норова или хотя бы просто знакомиться съ нимъ. Да Шопенъ и не нуждался въ какомъ либо постороннемъ вліяніи для оплодотворенія своей геніальной творческой фантазіи.... Здѣсь просто случайное совпаденіе, причемъ, однако, нужно замѣтить, что соотвѣтствующіе такты Шопеновскаго вальса представляютъ гораздо болѣе изящный мелодическій рисунокъ, чѣмъ у Грибоѣдова, и искуснѣе гармонизованы. И этотъ второй вальсъ автора „Горя отъ ума“ много проигрываетъ вслѣдствіе неудачной средней части съ ея довольно плоской музыкой, также неподходящей по стилю къ музыкѣ первой части. Музыка обоихъ вальсовъ имѣетъ совершенно опредѣленный обще-европейскій характеръ. Какихъ либо попытокъ придать ей національный колоритъ, несмотря на славянофильскія симпатіи Грибоѣдова, мы здѣсь не находимъ. Объяснить это только условіями самой формы европейскаго танца нельзя. Сумѣлъ же придать мѣстами національный колоритъ своему фортепьянному вальсу, сочиненному въ 1824 году [2]), отецъ „дѣдушки русскаго романса“ Н. А. Титова—А. Н. Титовъ, оперный композиторъ временъ Екатерины II.

Указанными двумя вальсами исчерпывается все музыкальное наслѣдіе, дошедшее до насъ отъ Грибоѣдова. Другія его произведенія, повидимому, никѣмъ (даже самимъ авторомъ) не записанныя, сохранялись въ памяти его вдовы. По словамъ К. А. Бороздина, Нина Александровна Грибоѣдова знала много пьесъ собственной композиціи покойнаго мужа, „весьма замѣчательныхъ оригинальностью мелодіи и мастерскою обработкою—она охотно ихъ играла любящимъ музыку. Изъ нихъ въ особенности была хороша одна соната, исполненная задушевной прелести“. Бороздинъ прибавляетъ: „и она (Н. А. Грибоѣдова) знала, что эта вещь была моя любимая, и, садясь за фортепіано, никогда не отказывала мнѣ въ удовольствіи ее прослушать. Нельзя не пожалѣть, что пьесы эти остались незаписанными никѣмъ. Н. А. унесла ихъ съ собою“ [3]). И. А. Шляпкинъ въ своемъ изданіи сочиненій Грибоѣдова (т. II, дополненія и опечатки) упоминаетъ еще о какой то мазуркѣ Грибоѣдова, но не указываетъ источника, откуда онъ взялъ это извѣстіе основанное вѣроятно на какомъ нибудь недоразумѣніи (какой нибудь изъ

---

[1]) „Историч. Вѣстникъ“ 1910 г., іюнь, 880—881.

[2]) Манускриптъ этого вальса, съ котораго пишущій располагаетъ копіей и фотографическимъ снимкомъ, долженъ теперь находиться въ Имп. Публ. библіотекѣ.

[3]) „Спб. Вѣдомости“ 1879, № 34.

упомянутыхъ вальсовъ могъ быть легко смѣшанъ немузыкантомъ съ мазуркой); наконецъ, въ одномъ изъ писемъ гр. Е. П. Растопчиной къ кн. В. Ѳ. Одоевскому говорится о вальсѣ Грибоѣдова, который кн. Одоевскій обѣщалъ переписать ей въ альбомъ [1]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ очевидно имѣется въ виду одинъ изъ извѣстныхъ уже двухъ вальсовъ Грибоѣдова, которые и въ „Лирическій альбомъ“ могли попасть именно благодаря кн. В. Ѳ. Одоевскому, помѣстившему въ немъ также и одинъ свой романсъ („Le clocheteur des trépassés, ancienne ballade mise en musique par le P. W. O“., стр. 17—22).

Повидимому на недоразумѣніи основанъ вопросъ Н. Бочарова („Соврем. Извѣстія“, 1879 г. № 29), спрашивающаго, не сохранился ли у кого нибудь *Грибоѣдовскій вальсъ*, сочиненный въ честь Грибоѣдова княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ. Очевидно здѣсь дѣло идетъ объ одномъ изъ вальсовъ Грибоѣдова, которые, какъ это только что было нами сказано, могли находиться у кн. Одоевскаго и черезъ него попасть въ „Лирическій альбомъ“. Слухъ объ этихъ вальсахъ, доійдя до г. Бочарова черезъ нѣсколько рукъ, могъ превратиться въ слухъ о „Грибоѣдовскомъ вальсѣ, *сочиненномъ* кн. Одоевскимъ“.

Приведенными данными исчерпывается пока все, что мы знаемъ о Грибоѣдовѣ, какъ музыкантѣ и композиторѣ, и едва ли можно ожидать расширенія этихъ свѣдѣній въ будущемъ. Какъ видно, несмотря на несомнѣнное музыкальное дарованіе и постоянное влеченіе къ музыкѣ, способности Грибоѣдова въ этомъ отношеніи не получили полнаго развитія, отчасти въ силу указанныхъ уже выше причинъ [2]), отчасти, можетъ быть, и въ силу недовѣрчиваго отношенія къ своему музыкальному таланту со стороны самого А. С. Нѣкоторое право такъ думать даетъ разговоръ, записанный П. А. Каратыгинымъ [3]), по словамъ котораго Грибоѣдовъ, на восклицаніе Каратыгина: „Ахъ, Александръ Сергѣевичъ, сколько Богъ далъ вамъ талантовъ: вы поэтъ, музыкантъ, были лихой кавалеристъ и, наконецъ, отличный лингвистъ“,— отвѣчалъ: „Повѣрь мнѣ, Петруша, у кого много талантовъ, у того нѣтъ ни одного настоящаго“...

Но если музыкальное дарованіе Грибоѣдова и не получило возможнаго развитія, все же его любовь къ музыкѣ и знакомство съ ней отразились во многихъ мѣстахъ его литературныхъ произведеній, нерѣдко подмѣчающихъ черты быта, имѣющія музыкально-историческое значеніе. Такъ, въ „Молодыхъ супругахъ“ (явл. 2-е) находимъ такую картину утилитарнаго примѣненія музыкальнаго искусства къ ловлѣ жениховъ:

Потомъ красавица захочетъ слухъ прельщать,
За фортопьяны; тутъ не смѣютъ и дышать,
Дивятся, ахаютъ рукѣ столь бѣглой, гибкой,
Межъ тѣмъ учитель ей подлаживаетъ скрыпкой;
Потомъ влюбленнаго какъ въ сѣти завлекли,
Въ загонѣ живопись, а инструментъ въ пыли.

Въ „Студентѣ“ (дѣйствіе 3-е, явленіе 9-е) герой пьесы Беневольскій замѣчаетъ одному изъ дѣйствующихъ лицъ, запѣвшему „Vive Henri quatre!“

[1]) „Русскій Архивъ“, 1864, стлб. 846.
[2]) См. выше, стр. 3 и слѣд.
[3]) „А. С. Грибоѣдовъ“, „Русская Старина“, 1872 г., т. V, 426.

„О, умолчите, что за охота пѣть французскую пѣсню? У насъ столько своихъ плѣнительныхъ мелодій, мелодій пѣвцовъ своей печали". Въ сценахъ изъ второго дѣйствія комедіи „Своя семья или замужняя невѣста" (1817 г.) изображается жизнь знатной свѣтской дамы, въ которой между прочимъ отведено скромное мѣсто и музыкѣ:

Представьте-же себѣ: я въ домъ попала знатный,
У Ладовой на все расходъ невѣроятный!
И шляпкамъ, и шалямъ, и платьямъ щету нѣтъ;
И собирается у ней весь модный свѣтъ:
Вчера концертный день, а нынче танцовальный,
А завтра что нибудь другое... (явл. IV).

Въ „Пробѣ интермедіи" (1818 г.) находимъ актера *Алегрина,* заявляющаго: „Музыки у насъ вволю, выбирай любую", и актрису *Бемольскую,* полагающую: „Словъ чѣмъ меньше, тѣмъ лучше"

Главное произведеніе Грибоѣдова „Горе отъ ума" начинается съ дуэта фортепьяно съ флейтой Софьи и Молчалина (историческая черточка: флейта въ тѣ времена была однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ среди аматёровъ инструментовъ). Рядомъ съ этой „одушевленной" музыкой является и очень модная въ тѣ времена механическая (часы съ музыкой, явл. 2), причемъ пьесу, исполняемую часами, Фамусовъ называетъ „симфоніей"—все характерныя детали, живописующія музыкальные вкусы того времени и общій уровень свѣдѣній о музыкѣ. Въ IV явленіи I-го дѣйствія въ картинѣ тогдашняго воспитанія отводится соотвѣтствующее мѣсто и музыкѣ:

Беремъ же побродягъ, и въ домъ, и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему—
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ.

Во второмъ дѣйствіи (явл. V) дается извѣстная музыкальная характеристика московскихъ дѣвицъ:

Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки.

Въ знаменитомъ мѣстѣ монолога Чацкаго (то же явленіе), гдѣ рисуется отношеніе свѣтскаго общества къ молодому человѣку, въ душѣ котораго

...самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—

можетъ быть, сказалось личное переживаніе самого автора, всю свою недолгую жизнь питавшаго жаръ къ такому „высокому, творческому и прекрасному" искусству, какъ музыка... Свѣжее и мѣткое сравненіе Скалозуба съ фаготомъ (дѣйствіе III, явл. I), вложенное въ уста Чацкаго, могло придти въ голову опять таки музыканту. Опустившійся Платонъ Михайловичъ Горичевъ, оправдывающійся отъ обвиненія въ лѣности, ссылается, что у него все же есть занятья: на флейтѣ онъ твердитъ дуэтъ А-мольный, причемъ Чацкій выводитъ его на свѣжую воду, указывая, что этотъ дуэтъ онъ твердилъ еще назадъ тому пять лѣтъ (явл. VI: снова рядъ характерныхъ черточекъ

изображающихъ значеніе и роль такихъ музыкальныхъ упражненій тогдашнихъ дилеттантовъ). Въ галлереѣ типовъ того времени, развертываемой Репетиловымъ въ бесѣдѣ съ Чацкимъ (дѣйств. IV, явл. IV), проходитъ и итальяноманъ Воркуловъ-Евдокимъ, дивно поющій свое любимое:

А нонъ лиціяръ ми но-но-но!,

родоначальникъ многочисленныхъ итальяномановъ болѣе поздняго времени. Здѣсь же изображается столь типичное для того времени дилеттантское коллективное водевильное „творчество", которому не чуждъ былъ отчасти и самъ Грибоѣдовъ: одинъ, „умишкомъ понатужась", родитъ каламбуръ,

Другіе у него мысль эту же подцѣпятъ,
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ...

Въ водевилѣ „Кто братъ, кто сестра" (1823 г.) находимъ также свидѣтельство хорошаго знакомства Грибоѣдова съ музыкой. Такъ, въ явленіи VI полька Лудвися говоритъ Рославлеву: „Съ какимъ выраженіемъ вы арпеджіо [1]) дѣлаете на гитарѣ".

Но всѣ эти отраженія музыкальныхъ вкусовъ и знаній Грибоѣдова въ его литературныхъ произведеніяхъ въ сравненіи съ тѣми часто обширными экскурсіями въ область эстетики и психологіи музыки, которыя мы находимъ у аналогичныхъ ему писателей-музыкантовъ—Гофмана и кн. Одоевскаго, должны быть признаны вовсе не глубокими, имѣющими болѣе внѣшній характеръ и касающимися музыки лишь какъ одной изъ чертъ быта. Въ нихъ сказалась работа наблюдательнаго ума сатирика, но не глубокія художественныя переживанія музыканта, страстно любящаго свое искусство.

Разлагающій и цѣпкій анализъ дѣйствительности, необходимый сатирику, требующій работы холоднаго ума, но заглушающій непосредственное чувство и парализующій безсознательный синтезъ художника, точно мѣшалъ свободному развитію музыкально-художественнаго дарованія, которымъ Грибоѣдовъ, какъ мы видѣли, не былъ отъ природы обдѣленъ. Очень можетъ быть, что Грибоѣдовъ даже сознавалъ это. Отсюда, можетъ быть, проистекало и его равнодушное отношеніе къ своему музыкальному таланту и своимъ музыкальнымъ произведеніямъ. Въ этомъ сознаніи, а также тѣхъ общественныхъ и семейныхъ путахъ, которыя всю жизнь мѣшали Грибоѣдову свободно отдаться влеченіямъ своей духовной природы, и надо, можетъ быть, видѣть источникъ внутренняго разлада и глубокой тоски, на которые по временамъ жаловался нашъ великій писатель.

С. Буличъ.

Спб., апрѣль—май 1911.

---

[1]) Вѣроятно, одинъ изъ самыхъ раннихъ случаевъ употребленія этого музыкальнаго термина въ русской литературѣ. До Грибоѣдова это выраженіе встрѣчается въ русскомъ переводѣ „Школы для фортепіано сочиненіе Игнатія Плееля новой изданной въ С.-Петербургѣ у Пеца въ Музыкальномъ магазинѣ въ большой Морской подъ № 125" (начала XIX в., изд. безъ года, стр. 34).

АКА[illegible]ИГА
15—
1/3 1070 8/V.65 г.

Л
АК № 1

37.18.7.6-7